

Н.А.Мининков

Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.)

Ростов-на-Дону

1996

Ответственный редактор: кандидат исторических наук В.Н.Королев (Ростов-на-Дону)

Рецензенты:

доктор исторических наук А.И.Козлов (Ростов-на-Дону)

доктор исторических наук В.М.Панеях (Санкт-Петербург)

доктор исторических наук С.И.Рябов (Волгоград)

Автор благодарен декану исторического факультета Ростовского государственного университета Игорю Мироновичу Узнародову за помощь в издании этой книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение.

- Глава 1. Территория, рубежи и природные условия Донской земли XVI-XVII вв.
1. Географическое понятие "Донская земля" в средние века. Рубежи земли донских казаков в XVI-XVII вв.
 2. Особенности природных условий Донской земли в XVI-XVII вв.
- Глава 2. Население Донской земли в XVI-XVII вв.
1. Заселение Донской земли казаками в XVI в.
 2. Заселение Дона в XVII в. (1600-1671 гг.).
 3. Городки донских казаков. Население городков.
 4. Этнический состав и социальное происхождение донского казачества. Семейная жизнь на Дону.
- Глава 3. Источники существования и хозяйственная деятельность донского казачества.
1. Военная добыча.
 2. Царское жалованье.
 3. Начало хозяйственной деятельности.
- Глава 4. Политическая система и внутренне управление на Дону в XVI-XVII вв.
1. Войсковая организация донского казачества.
 2. Демократия на Дону.
 3. Войсковое право и судебная власть.
- Глава 5. Московское правительство и донское казачество в XVI-XVII вв.
1. Москва и Дон: общий характер взаимоотношений.
 2. Политика московского правительства на Дону.
- Глава 6. Донское казачество в войнах и в народных движениях.
1. Боевое искусство донских казаков.
 2. Донское казачество в войнах XVI в.
 3. Донское казачество и русская Смута начала XVII в.
 4. Донские казаки в войнах в XVII в. (1614-1671 гг.)
 5. Донское казачество в Разинском восстании (1667-1671 гг.)
- Глава 7. Народ и его культура.
1. Черты характера, взгляд на мир и особенности мышления донских казаков.
 2. Культура донского казачества.
- Заключение.
- Приложения.
1. Городки донских казаков.
 2. Воровские походы донских казаков на Волгу и меры войска

Донского по борьбе с ними.

3. Донские казаки и русское правительство.

4. Боевые действия донских казаков.

Словарь.

Список сокращений.

Введение

Начиная с киевского периода своей истории средневековая Русь развивалась как одна из крупнейших стран Европы. На ее обширной территории, занимавшей значительную часть Восточно-Европейской равнины, имели место весьма заметные различия между входившими в ее состав регионами – княжествами и землями, каждое из которых обладало своей географической, этнической, хозяйственной и культурно-исторической спецификой. В XVI-XVII вв., со времени позднего средневековья, Российское государство существенно расширило свои пределы и, превратившись в европейско-азиатскую державу, стало объединять разные этносы со своими существенными особенностями культуры. На просторах Восточной Европы и Северной Азии складывалось единое цивилизационное пространство, причем Россия напоминала уже не просто страну, но целый континент, цивилизация которого отличалась от цивилизаций Запада и Востока*. (См. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С.58, 59, 60, 88; Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры (этические основы русской культуры). – Пути Евразии. М., 1992. С.337-338.) Вместе с тем степень единства и внутренней целостности России, как и всякого средневекового государства, была весьма относительной. В условиях существования единого политического центра, при начинавших формироваться с XVII в. внутренних связях между отдельными ее частями и при наличии в массовом сознании идеи государственного и русского этнического единства страна представляла собой конгломерат регионов, как связанных со старыми русскими княжествами и землями, так и не связанных с ними. Последние располагались по окраинам страны и являлись вновь присоединенными территориями.

Роль регионов в жизни Российского государства XVI-XVII вв. была весьма велика. Их население спасло существование единой и неделимой России в лихолетье начала XVII в., когда Москва была под польской оккупацией. Выходцы из окраинных земель активно участвовали в присоединении, заселении и освоении других, еще более отдаленных окраин. На окраинах начинались крупнейшие народные движения XVII в. Жители южной окраины сдерживали в XVI-XVII вв. турецко-крымский натиск на русские земли.

Одним из основных регионов России стала в XVI-XVII вв. Донская земля, население которой составляли казаки. Этот значительный по территории, но слабо заселенный край играл в жизни страны роль несравненно более значительную, чем доля его населения в общей численности населения России. Для государства он был во многом уникален. Дон был единственным местом в стране, где цивилизация существовала еще в античное время. На Дону, как нигде, близко соприкасались цивилизации России и Ближнего Востока, где русский и тюркский элемент нашли в казачестве свое соединение. Дон являлся колонизируемой из России территорией, и ряды казачества пополнялись выходцами из русских городов и уездов. Сами донские казаки существенно отличались по своему состоянию от всех других слоев населения России и оказывали значительное воздействие на внутреннее и международное положение страны. Перефразируя В.Г.Белинского, можно сказать, что история казачества – "побочная река, впадающая в большую реку русской истории"*. (В.Г.Белинский использовал это выражение применительно к истории Украины. – Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т.7. М., 1955. С.60.) Следовательно, сама история Российского государства XVI-XVII вв. была бы неполной без

всестороннего учета того большого вклада, который внесло в нее донское казачество.

Эпоха позднего средневековья принесла России целый ряд новшеств и перемен. Одним из новых явлений в жизни страны стало казачество. Представляя собой типичное порождение средневековья, тесно связанное с развитием феодального общества в России, оно создало на Дону своеобразный вариант присущих той эпохе общественных отношений. Для них было характерно сочетание феодальной основы – военной службы Российскому государству, а, точнее, самому его государю, обусловленное полностью признаваемым Россией правом казачества на Донскую землю, с отсутствием в крае феодального гнета, с вольностью и выборностью всех казачьих властей, что делало Дон привлекательным для всех угнетенных в России. Изучение истории донского казачества в эпоху позднего средневековья позволит более наглядно и конкретно представить себе сложность и неоднозначность положения в стране, пестроту и многообразие русской жизни на рубеже средних веков и нового времени. Оно дает представление об одной из форм демократического устройства на Руси и может быть свидетельством глубины демократической традиции русского народа, противостоявшей деспотизму, несвободе и крепостничеству и распространявшейся как раз в период утверждения московского деспотического самодержавия. Борьба донских казаков за сохранение и упрочение демократических порядков, против попыток русского правительства утвердить свою власть на Дону составляет одну из ярких страниц истории России того времени. Столь же яркую страницу ее составляет героическая борьба донских казаков против Османской империи и Крыма, имевшая не только общерусское, но и большое международное значение.

Таким образом, история донского казачества в XVI-XVII вв. представляет собой особую самостоятельную тему. Ее исследование позволяет глубже разобраться в сущности происходивших в то время в России процессов, уяснить характер эпохи и, главное, понять такое специфическое явление русской жизни, как казачество, типичные черты которого закладывались и утверждались именно в то время, когда на Дону и на других реках оно организовывалось в особое военное сословие и одновременно сложилось как своеобразная этническая группа в составе русского народа*. (Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М., 1968. С.81-82.)

По истории Дона и донского казачества за XVI-XVII вв. до сих пор нет обобщающего исследования, охватывавшего все стороны его жизни. Внимание исследователей привлекали отдельные важные стороны прошлого донских казаков того времени – такие, как военная история, демократический характер казачьего общественного строя, отношения между Москвой и Доном, участие донских казаков в народных движениях в России, отчасти – процесс заселения казаками Донской земли и хозяйство на Дону.

Свою задачу автор видит в том, чтобы дать обобщенную характеристику донского казачества и Донской земли в плане исторического страноведения. Это означает соединение историко-географического, исторического, историко-этнографического и историко-культурного исследования. Такой подход позволяет дать комплексное представление о жизни казачества на Дону в то время.

Хронологические рамки исследования охватывают примерно полтора века – с первой половины XVI в. по 1671 г.

Определяются они тем, что с XVI в. быстро складывались предпосылки формирования казачества на Дону, и появились первые упоминания в письменных источниках о донских казаках. С этого времени донское казачество становится заметным явлением в жизни России. Что касается 1671 г., то это был год поражения Разинского восстания, в результате чего в жизни донского казачества стали происходить серьезные перемены и по существу начался новый период в его

истории*, (Сватиков С.Г. Россия и Дон. Белград, 1924. С.2.) характеризовавшийся усилением расслоения среди казаков, ослаблением демократических начал во внутреннем устройстве войска Донского и усилением позиций московского правительства на Дону. Кроме того, история Дона и донского казачества за конец XVII в., как и за XVIII в., исследована лучше, чем за более ранний ее период.

Литература по истории Дона и донского казачества XVI-XVII вв. весьма обширна и разнообразна.

Значительный интерес к прошлому донских казаков и к событиям, в которых они участвовали, проявляли современники. Особое внимание они уделяли истории происхождения казачества. В XVII в. господствовало воззрение на донских казаков как на людей новых на Дону, ушедших из русских городов и уездов. По поводу объяснения мотивов этого ухода заметны существенные различия между источниками, отражавшими точку зрения царских властей и господствовавших верхов, и источниками, появившимися в самой казачьей среде. Причины бегства на Дон и поселения в этом крае так охарактеризованы в "Поэтической" повести об Азовском осадном сидении 1641 г. ее автором, войсковым дьяком и есаулом донской зимовой станицы Федором Порошиным: "Отбегаем мы ис того государства Московского из работы вечныя, ис холопства невольного, от бояр и от дворян государевых...". (Воинские повести Древней Руси. М.-Л., 1949. С.68.) Следовательно, сами казаки связывали историю своего появления на Донской земле с бегством из Московской Руси как с выражением протеста против холопства и крепостничества.

На вопрос о времени своего появления на Дону казаки в XVII в. не давали прямого ответа. Они были уверены, что донское казачество существовало уже в начальный период царствования Ивана Грозного, а донские казаки участвовали во взятии Казани*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. N39. Л.473.) Фольклорная традиция донских казаков связывала поселение казачества на Дону с "казанской службой" Ивану Грозному, за которую царь будто бы "пожаловал" донцам "славный тихий Дон с потоками и белой Маньчью"*. (Исторические песни XIII-XVI веков. М.-Л., 1960. С.505.) Имеются, впрочем, и фольклорные данные о более раннем, чем XVI в., времени существования казачества на Дону. Наиболее известное из них - предание о преподнесении казаками великому князю Дмитрию Ивановичу перед Куликовской битвой Донской иконы Божьей матери, записанное в 1692 г., другие предания - об уходе на Дон русских после Куликовской битвы и о происхождении казаков от новгородских ушкуйников*. (Королев В.Н. К вопросу о славяно-русском населении на Дону в XIII-XVI веках. - Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С.124.) Все эти предания и легенды не были, однако, сколько-нибудь широко распространены и, скорее всего, имели доволно позднее происхождение, не ранее конца XVII в., когда у казаков возникла потребность в осмыслении своего далекого прошлого и проявилось стремление связать это прошлое с известным событием и с известным в предшествующие века народом или сообществом.

Донские казаки положили начало народному воззрению на вопрос о своем происхождении. Оно включало в себя, во-первых, представление о вольном характере заселения Дона, и, во-вторых, о важности этого заселения для борьбы с остатками Золотой Орды и с исходившей с востока и с юга опасностью для Российского государства. Бегству на Дон давалась безусловно положительная оценка, поскольку только такой путь вел в то время к свободе, столь ценимой казаками.

Совершенно иную оценку бегству на Дон и появлению казачества давало царское правительство, церковные и светские феодалы. Еще в дипломатических документах второй половины XVI в., отражавших отношения России с Турцией, Крымом и ногаями, бегство отождествля-

лось с "воровством" и связывалось с преступлениями беглецов, совершавшимися ими в городах и уездах страны. В грамоте Ивана IV ногайскому князю Юсуфу 1549 г. говорилось, что грабившие ногайских купцов казаки атамана Сары Азмана - "наши холопы, в нашей земле многое лихо учинили", а затем - "убежали в Поле"*. (РГАДА. Ф.127. Кн.3. Л.171.) И в дальнейшем в ходе своих переговоров с турками и татарами московские власти характеризовали донских казаков как "воров", "нашего государства беглых людей", "татей и разбойников" и заявляли не раз, что предпримут меры к их розыску, наказанию и возвращению на прежние места жительства, к помещикам и вотчинникам, от которых они бежали на Дон.

Все эти заявления, разумеется, далеко не полностью отражали отношение царских властей к донским казакам. В целом Москва в XVI-XVII вв. поддерживала казачество, которое вело самоотверженную борьбу с турецко-крымской агрессией. Вместе с тем считать такие заявления правительства только лишь дипломатической отговоркой также не приходится. В словах о казаках-"ворах" проявилась точка зрения крепостников и государства на казачество, формирование рядов которого шло в борьбе с крепостничеством и выражалось в такое ее форме, как бегство. Не случайно правительственное отношение к бегству на Дон разделялось и представителями феодальных верхов, причем суждения их о донских казаках отличались еще большей нетерпимостью, чем правительственные. Так, в "Летописи о многих мятежах", составленной в конце 50-х годов XVII в.* (Черепнин Л.В. "Смута" в историографии XVII века. - Исторические записки. Т.14. М., 1945. С.112.) и освещавшей события Смутного времени, не только осуждалось бегство на Дон, но и сами казаки квалифицировались как "воры" и "собаки"*. (Летопись о многих мятежах. СПб., 1771. С.80.) А "Повесть о некоей брани, надлежащей на благочестивую Россию", вышедшая из церковной среды, характеризовала "казачков донских" как "проклятых богоотступников и врагов креста Христова"*. (Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд.3. РИБ. Т.13. Вып.1. Л., 1925. Стб.252.)

Так в XVI-XVII вв. сформировалась официальная, правительственная и сходная с ней дворянско-церковная концепция происхождения донского казачества, для которых характерно признание бегства на Дон антигосударственным делом, и четко выражено отношение к казакам как к "ворам" и противникам сложившихся в России порядков. В наиболее концентрированном виде выразил такое отношение подъячий Посольского приказа Г.Котошихин, указывавший, что донские казаки - "породою москвичи и иных городов и новокрещенные татаровя и запорожские казаки, и поляки, и ляхи, и многие их них московских бояр и торговые люди, и крестьяне, которые приговорены были к казни в разбойных, татыхных и иных делах, и, подкрадчи и пограбя бояр своих, уходят на Дон"*. (Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С.135.) Несомненно, что слова Г.Котошихина о пестроте этнического состава складывавшегося казачества должны были еще более усилить его характеристику как "воровского" элемента. В глазах господствующих верхов России XVII в. то и другое было тесно связано и определяло его настороженное и враждебное отношение к донским казакам.

Казаки положили начало изучению своей военной истории. В своих отписках в Москву они подробно рассказывали о боевых действиях казачьих отрядов на суше и на море. Казачьи повести, посвященные взятию Азова в 1637 г., Азовскому сидению 1641 г. и некоторым другим событиям тех лет подробно освещали борьбу казачества за Азов, выделяли патриотические мотивы этой борьбы, подчеркивая свою готовность "помереть за веру и за царя православного"*. (Воинские повести Древней Руси. С.49.) Борьба казаков за Азов в повестях оценивалась как подвиг, достойной наградой за который была бы "слава вечная"*. (Там же. С.77.)

Некоторые изменения во взглядах на донское казачество стали заметны с конца XVII в., особенно – в XVIII в., когда происходило становление и укрепление дворянской империи, начинавшей играть роль великой державы Европы, и когда правительству удалось постепенно превратить казачество в замкнутое полупривилегированное сословие и, в известной степени, в орудие своей внутренней политики. Формировавшаяся в это время российская дворянская историография частично преодолела крайне упрощенные взгляды XVI-XVII вв. на историю донских казаков. Конечно же, после восстаний под предводительством С.Разина и К.Булавина общая, в целом негативная оценка казачества сохранялась. Но вместе с тем было обращено внимание на боевую доблесть донцов и на их роль в борьбе с внешними врагами. Несколько расширился круг вопросов истории Дона XVI-XVII вв., вызывавших интерес. Это не только происхождение казачества и отдельные, яркие и существенные эпизоды боевого прошлого донцов, но и освещение их военной истории в целом и история их участия в Разинском восстании. Появилось, кроме того, первое обобщающее сочинение по истории донских казаков, написанное в 1778 г. строителем Ростовской крепости военным инженером генерал-майором А.И.Ригельманом, долгое время служившим на Дону и сблизившимся с казачьей верхушкой.

Новое, более лояльное отношение к казачеству впервые было высказано еще в петровское время. Под впечатлением активного участия донских казаков в Азовских походах 1695-1696 гг. высокую оценку давал им вице-адмирал русского флота К.Крюйс*. (Крюйс К. Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове. – Отечественные записки. №54. СПб., 1824.) По словам Г.З.Байера, казаки "почитались всегда за храбрый и сильный народ"*. (Байер Г.З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. СПб., 1782. С.27.) Давность традиций службы донцов России подчеркивал А.И.Ригельман. По его мнению, эта служба началась с 1559 г., когда казаки помешали туркам прорыть канал от Иловли до Камышинки и соединить Дон с Волгой*. (А.И.Ригельман ошибся на 10 лет. Речь шла у него о русско-турецкой войне 1569 г., когда войска султана Селима II попытались прорыть такой канал. – Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов-на-Дону, 1992. С.27.)

Такая новая по сравнению с XVII в. оценка донского казачества предполагала новое решение вопроса об их происхождении. Становилось невозможным связывать начало истории "храброго и сильного народа" с "ворами" и "разбойниками", о которых говорилось в документах XVI-XVII вв. Поэтому Г.З.Байер заявлял о существовании казаков еще в X в. и со ссылкой на Константина Порфирородного указывал, что они "...в 948 году...жили в нынешней Кабарде близ Кавказских гор, где они от великого князя Мстислава...в Российское подданство приведены были". И хотя, отмечал он, "и то подлинно, что они всегда принимали россиян, поляков и других, которые у них искали прибежища", "сие ни мало тому не препятствует, чтоб казаков можно было почитать за древний...народ"*. (Байер Г.З. Указ. соч. С.79.)

Так впервые в российской историографии была высказана идея древнего, причем не русского, а кавказского происхождения донских казаков. Она стала пользоваться широким распространением и получила свое развитие у В.Н.Татищева. Он указывал, что часть донских казаков произошла от запорожцев, пришедших с князем Михаилом Вишневецким для борьбы с наступающими на Астрахань турками. После победы они обосновались на Дону, "построили город Черкасской" и стали там жить*. (Татищев В.Н. Лексикон Российский исторический, географический и политический. – Избр. произведения. Л., 1979. С.267.) Сами же запорожцы – потомки "черкас от Бештау", поселившихся в 1282 г. под Курском, а затем перешедших на Днепр и пост-

роивших город Черкасы*. (Там же. С.284.) Несомненно, что при распространности в XVIII в. символической этимологии, придававшей решающее значение схожести и мнимой схожести звучания географических и этнографических наименований*, (Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Л., 1982. С.144) В.Н.Татищев обратил внимание на сходство названий Черкасск и Черкасы, черкасы (запорожцы-украинцы) и черкесы (горские). Это и дало ему основание связать происхождение части донских казаков с черкасами и, следовательно, с Кавказом. Другая часть казаков, как считал В.Н.Татищев, произошла от мещерских казаков, которые были переведены на Дон при Иване Грозном*. (Татищев В.Н. Указ. соч. С.267.) Точку зрения В.Н.Татищева разделял И.Н.Болтин, который особо подчеркивал, что на Дон уходили люди в связи с "мятежами" на Руси*. (Болтин И.Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России Г.Леклерка. Т.1. СПб., 1788. С.342-343.)

Независимо от российских дворянских историков, о нерусском происхождении донского казачества заявляли в XVIII в., по сообщению А.И.Ригельмана, многие казаки. Они, писал генерал, "считают себя природою не от московских людей", а "только обрусевшими", и заявляют: "Я, де, не Москаль, но Русский, и то по закону и вере Православной, а не по природе"*. (Ригельман А.И. Указ. соч. С.17.) Таким образом, за 100 с лишним лет, прошедших со времени создания Ф.Порошиным повести об Азовском сидении, во взглядах самого казачества на историю своего происхождения произошли большие изменения. Если Ф.Порошин с гордостью говорил, что "вольное казачество великое Донское Войско" - "Московския области"*, (Воинские повести Древней Руси. С.48.) то правнуки защитников Азова 1641 г. пытались решительно отмежеваться от родственной связи с Москвой и московскими людьми. Столь решительная перемена объяснялась значительными изменениями, происшедшими за это время в положении казачества. Превращение его в замкнутое полупривилегированное сословие империи, а старшин - в чиновников-дворян происходило на фоне дальнейшего ухудшения положения крестьянских масс в России в период наивысшего развития крепостничества во второй половине XVIII в. Отсюда - стремление части казаков отмежеваться от угнетенного русского и украинского крестьянства.

Впрочем, не все казаки настаивали на своем нерусском происхождении. По сообщению А.И.Ригельмана, "некоторые верховых станиц казаки", настроенные, как правило, более демократически, чем низовые, и менее, чем они, склонные отделять себя от Руси, утверждали, что казачество происходило от некоего зверобоя, который "с этим промыслом...пробрался на реку Дон". Вокруг него собрались люди "для таковых же промыслов". Этот зверобой "сделался их атаманом", и они "жили свободно, не будучи подвластны или дань платя кому"*. (Ригельман А.И. Указ. соч. С.17.) Эта распространенная на Верхнем Дону легенда полностью отрицает связь первых казаков с "воровством" и "разбоями" и подчеркивает их свободную жизнь, а также говорит о постоянном притоке на Дон русского населения. Создатели этой легенды - рядовые казаки, жившие собственным тяжелым трудом.

Одной из основных тем по истории донского казачества XVI-XVII вв. стало его боевое прошлое. Наиболее значительный интерес историков XVIII в. вызывала борьба войска Донского за Азов в 1637-1641 гг. обстоятельное описание этой борьбы дал Г.З.Байер, использовавший сочинение К.Крүйса, а также "Новое и обстоятельное известие об Оттоманской Порте", составленное по турецким источникам*. (Байер Г.З. Указ. соч. С.83-94.) Он рассказал о трех наиболее крупных событиях тех лет: о взятии Войском Азова в 1637 г., о поражении казаков на Черном море в 1638 г. от флотоводца Пияле-паши и особенно подробно - об Азовском осадном сидении 1641 г. Г.З.Байеру удалось передать некоторые существенные факты и состав-

вить яркое описание происходившего. Однако вне поля его зрения остались русские источники, и прежде всего – казачьи повести. Поэтому в его работе встречается немало неточностей. Наиболее существенная из них – указание на то, что турки после первого неудачного семидневного приступа не пытались идти на новый приступ целых 10 недель*, (Там же. С.90.) а также дата ухода турок из-под Азова – 1 октября 1641 г.* (Там же. С.93.) Кроме того, он преуменьшил силы турок и крымцев под Азовом.

Со второй половины XVIII в. началось изучение в отечественной историографии участия донских казаков в Разинском восстании. Все авторы – Ф.И.Соймонов, П.И.Рычков, М.М.Щербатов – выражали свое резко негативное отношение к казакам-разинцам. Именно казаки, по мнению М.М.Щербатова, находившиеся в окружении С.Разина, "разбойники, развратные люди", "прельстили" народ*. (Щербатов М.М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774. С.192-193, 202, 224.) Так своеобразно была признана роль донских казаков как организующей силы восстания. Наиболее полное и развернутое описание событий, связанных с восстанием, дал А.И.Ригельман. Причины восстания, по его мнению, определялись самим характером донских казаков, которые "привыкли...к набегам, разбоям и грабительству", а сам С.Разин, "имея развратное сердце,...не мог в низком состоянии простого Козака пробыть на Дону"*. (Ригельман А.И. Указ. соч. С.93.) Кроме того, он поднимал, как отмечал А.И.Ригельман, многих казаков в поход 1670 г. "под видом, будто бы защищая права и вольности Донских Козаков". Справедливо указывая, что не все на Дону поддержали С.Разина, генерал в то же время преувеличивал степень остроты борьбы между казаками-сторонниками и противниками С.Разина, когда утверждал, будто в 1670 г. повстанческий атаман "состоятельных и верных казаков" "многих побил, и в воду пометал, и дома их разграбил"*. (Там же. С.98.) Ошибался он и в определении даты казни С.Разина, считая, что она состоялась 14 апреля 1671 г.* (Там же. С.108.)

С XIX в. происходило дальнейшее усиление интереса к истории донского казачества. Оно было связано с участием войска Донского в Отечественной войне 1812 г. и в других войнах России, где казаки проявляли доблесть и высокое боевое мастерство. Появилось несколько обобщающих работ по истории донского казачества*. (Броневский В. История Донского Войска. Ч.1. СПб., 1834; Попов А. История о Донском Войске. Кн.1-2. Харьков, 1814-1816; Пудавов В.М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890.) Наиболее удачной из них был труд В.Д.Сухорукова, созданный в 20-х годах*. (Коршиков Н., Королев В. Историк Дона В.Д.Сухоруков и его "Историческое описание земли Войска Донского" – Дон, 1988, №4. С.143-149. Труд В.Д.Сухорукова издавался в 1867 и в 1903 гг. Последнее издание было осуществлено Н.С.Коршиковым и В.Н.Королевым в 1988-1990 гг. в журнале "Дон" по рукописи 1834 г.; на него сделаны ссылки в настоящей книге.) По словам А.С.Пушкина, это – труд, "важный не только для России, но и для всего ученого света"*, (Пушкин А.С. О сотнике Сухорукове. Собр. соч. Т.7. М., 1976. С.315.) а автор его был "прикосновенным к заговору" декабристов.

В центре внимания историков по-прежнему были вопросы происхождения донского казачества, его боевой истории, участия его в народных движениях, а также – впервые в историографии истории Дона – устройство внутренней жизни на Дону, описание казачьих обычаев и быта. Особенностью историографии истории Дона, проявлявшейся с XIX в., стало появление работ, созданных самими донскими казаками и отражавших воззрения на историю Дона казаков, в первую очередь – верхов войска Донского.

В воззрениях на донское казачество и историю его происхождения в первой половине и в середине XIX в. проявлялись существен-

ные расхождения между российскими и донскими казачьими историками. Такие расхождения отличали историографию донского казачества того времени от историографии XVIII в., когда различия во взглядах на казачество между российскими дворянскими историками и верхушкой войска Донского были не столь уж велики. Выявились они после того, как Н.М.Карамзин заявил о казаках: "Происхождение их не весьма благородно". Предками их были, указывал он, с одной стороны – азовские казаки, "которые в XV в. ужасали всех путешественников в окрестностях Дона", с другой – российские беглецы, которые "искали дикой вольности и добыч в опустевших улусах Орды Батыевой"*.(Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн.2. Т.8. М., 1989. С.86-87.) В том же духе высказывался о происхождении донских казаков писатель В.Броневский. Он, правда, не выводил их из Азова, но, подобно Н.М.Карамзину, считал их разбойниками, которых изгнал из России, а частично перевел на Дон Иван IV*.(Броневский В. История Донского Войска. СПб., 1834. С.51.) Еще большую нетерпимость в отношении казачества проявлял историк славянофильского направления М.О.Коялович. Он характеризовал Дон как место, где собирались "испорченные силы русского народа, питомцы неестественно-натянутой русской жизни времен Иоанновых первых, третьих и четвертых, негодные люди, испорченные злыми началами управления"*. (Коялович М.О. Дионисий, архимандрит Троице-Сергиева монастыря. – Цит. по кн.: Сенюткин М. Донцы. М., 1866. Ч.2. С.97.)

Столь значительное изменение отношения к донскому казачеству, происшедшее в историографии с XIX в., вызывалось общим усилением охранительных тенденций в официальной идеологии в связи с углублением кризиса крепостного строя. В этих условиях еще более возросла непримиримость дворянских историков к таким активным участникам народных движений XVII-XVIII вв., как донские казаки.

Указание Н.М.Карамзина на "не весьма благородное" происхождение казачества серьезно задевало донцов, а особенно – новое донское дворянство, стремившееся как можно теснее слиться с дворянством российским. Поэтому в зарождавшейся донской историографии XIX в. все попытки хоть в чем-то принизить казачество, недооценить значение его в истории России получали, как правило, решительный отпор. Казачество во все времена его истории представлялось в виде когорты невиданных в прошлом героев, имевших самое древнее и высокое происхождение. Так, автор первой истории войска Донского, созданной донским автором, директор новочеркасской гимназии А.Попов заявил о происхождении донского казачества от легендарных амазонок*.(Попов А. Указ. соч. Кн.1. С.1-2, 12-14.) Полковник войска Донского В.М.Пудавов также писал о древности казачества и нерусских его корнях и утверждал, что вольная донская община была основана азовскими казаками в 1502-1503 гг. Азовских же казаков он считал потомками древних славян, несших сторожевую службу у хазар еще в VIII-X вв., а затем сохранявших в течение 600 лет свою веру, народность и боевой строй. По жалобам Ивана III они будто бы были изгнаны из Азова и ушли в плавни от Сала до Цымлы, где занимались скотоводством и грабили азовцев. В середине XVI в. их ряды пополнились выходцами с Украины и Руси*.(Пудавов В.М. Указ. соч. С.61-78.) Последователем А.Попова и В.М.Пудавова был донской генерал-майор И.С.Ульянов. Он, правда, не отрицал того, что отдаленными предками донских казаков были русские, рязанцы. Однако, по мнению И.С.Ульянова, на Дон они пришли вовсе не с Руси, а с Кавказа, куда часть рязанского населения ушла после батыева погрома. Там рязанцы смешались с черкесами. Явившись на Дон после распада Золотой Орды, они сперва назывались азовскими казаками, а затем – донскими*.(Ульянов И.С. Старина донских казаков. – Донская газета. 1873. NN 34, 35, 36.) В начале XX в. о глубокой древности донского казачества говорил Е.П.Савельев, связывавший

их происхождение с этрусками и троянцами*. (Савельев Е.П. Типы донских казаков и особенности их говора. Новочеркасск, 1908. С.1-2; его же. Средняя история казачества. Новочеркасск, 1916. С.282-299.) Некоторое отличие от указанных работ донских авторов имеет книга офицера с Верхнего Дона М.Сенюткина. В ней подчеркивалось, что донское казачество - русское в своей основе. Однако происхождение казачества казалось ему делом "провидения, пути которого непостижимы"*. (Сенюткин М. Указ. соч. Ч.2. С.122, 158.)

Во всех перечисленных работах заметны весьма относительное знакомство авторов с источниками по ранней истории донского казачества и в то же время ярко выраженная тенденциозность. Но уже в первой половине и в середине XIX в. появились сочинения, авторы которых пытались более внимательно разобраться в вопросе о происхождении донского казачества. В первом глубоком и обстоятельном исследовании по истории Дона, принадлежавшем В.Д.Сухорукову, подчеркивалось, что казачество появилось "в начале XVI в. или, по крайней мере, не ранее последних годов XV столетия". В отличие от многих других донских историков, он не находил ничего предосудительного в том, что среди первых казаков были разбойники, которые "увлекались своевољством и алчностью к добыче". Подчеркивал он и пестроту этнического состава казачества, в ряды которого, при преобладании русского элемента, принимались "иноземцы, как то: запорожские черкасы, азовцы и даже самые татары". Сам уход русских людей на Дон донской историк-декабрист отобразил с оттенком глубокого сочувствия. Беглецы, по его словам, "укрывались здесь, избегая притеснений, кои претерпевали от владельцев своих"*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. - Дон. 1988, N4. С.153.) Вместе с тем показать появление казачества на Дону как исторический процесс В.Д.Сухоруков не смог. Неверно от мечал он и то, что первое упоминание о донских казаках в 1549 г.* (РГАДА. Ф.127. Кн.3. Л.86.) не относится "собственно" к донским казакам, а к казакам, "кои служили в городах по верховьям Дона"*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1988, N4. С.152.)

О русском происхождении донского казачества писал Д.И.Иловайский. Он считал, что донские казаки - выходцы прежде всего из рязанской земли. Продвижение рязанцев на юг происходило, по его мнению, уже в XIII в., когда большое пространство "от Воронежа до берегов Хопра и Вороны" представляло собой "обширное поле для русской колонизации". О наличии на этих территориях русского населения свидетельствовали, как указывал Д.И.Иловайский, две грамоты: одна - митрополита Феогноста на Червленый Яр, составленная на промежутке от 1334 до 1353 гг., а другая - митрополита Алексея 1360 г., в которых упомянуто о "городах" "по Великую Ворону" и о "караулах" "возле Хопор по Дону"*. (Акты исторические (АИ). Т.1. СПб., 1841. С.1, 3.) Он, правда, отмечал, что в 1395 г. Тимур от Ельца "двинулся на север, разоряя селения по берегам Дона"*, (Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858. С.183.) но и это нашествие не остановило движения рязанцев к югу. На рубеже XV-XVI вв. донское казачество, по его мнению, уже существовало, причем казаками были не рязанцы, которые, по словам грамоты Ивана III великой княгине рязанской Аграфене 1502 г., ходят "самодурью на Дон в молодчество"*; (Сб. Русского Исторического общества (РИО). Т.41. СПб., 1884. С.413.) "о каком же молодечестве говорит Иоанн, как не об донских казаках"*, (Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. С.301.) - утверждал Д.И.Иловайский, делавший такой вывод на основании одной только фразы из этой грамоты 1502 г. Впоследствии, в новом издании своей "Истории Рязанского княжества", Д.И.Иловайский не повторил этого вывода*, (Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. Соч. С.150.) понимая, очевидно, что он должен быть основан на более прочной документальной

базе.

Построения Д.И.Иловайского, официозного российского историка, в полной мере разделял донской офицер Г.Костин, сильной стороной работы которого явилась критика всей предшествовавшей литературы*. (Костин Г. О происхождении донских казаков. - Донская газета. 1847. NN 23-28.)

Таким образом, споры по вопросу о происхождении донского казачества между российскими и донскими историками были весьма острыми, причем эта острота оказала определенное воздействие на работы исследователей не только первой половины XIX в., но и более позднего времени, что проявилось в исследовании Е.П.Савельева*. (Мининков Н.А. Альтернативный взгляд советского историка. - Савельев Е.П. Средняя история казачества (репринтное изд. 1990 г.). С.300-309.) Ученые ввели в научный оборот немало источников по ранней истории донского казачества. Они поставили ряд важных вопросов, касающихся его происхождения, таких, как вопрос о времени появления казаков на Дону, этническом составе первых казачьих общин и предпосылках заселения Донской земли, однако разрешить их не смогли. Сказывалось отсутствие объективного подхода к разрешению проблемы, когда авторы руководствовались главным образом своими пристрастиями и политическими интересами. Становилось ясно, что решение проблемы происхождения донского казачества возможно только на основе углубленного поиска новых источников и их внимательного, беспристрастного анализа.

При рассмотрении военной истории донского казачества историки первой половины и середины XIX в. главное внимание уделили наиболее яркому ее эпизоду - борьбе за Азов в 1637-1641 гг. На их работах сказывалось влияние труда Г.З.Байера, причем у А.Попова - вплоть до текстуального совпадения*. (Попов А. Указ. соч. Ч.2. С.80-91.) Более самостоятельным было описание азовских событий у Н.И.Полевого и В.Броневского, использовавших не известные Г.З.Байеру азовские повести казаков. Сумев расширить круг источников, В.Броневский не избежал, однако, существенных неточностей. Так, он явно преувеличивал активность казаков на Черном море в 1638 г., а по поводу крупного поражения донского флота летом того же года говорил, что оно произошло лишь "перед Керченским проливом...на открытом море", без упоминания о сражении в Адахунском лимане*. (Броневский В. Указ. соч. Ч.1. С.127; Полевой Н. Завоевание Азова в 1637 г. - Московский телеграф. 1827. Ч.13. NN 4-5.) Несравненно более полно описано боевое прошлое донского казачества в труде В.Д.Сухорукова. Донской историк впервые в историографии провел тщательное изучение целого комплекса архивных источников, сосредоточенных в делах Посольского приказа - донских, турецких, ногайских и крымских дел, что обеспечило несравненно более высокий уровень его исследования по сравнению с другими работами по истории Дона того времени и высокую степень достоверности приводившихся им данных.

Весьма резко расходились между собой воззрения российских и донских историков по вопросу об участии донских казаков в народных движениях. Для всех было характерно негативное отношение к "бунтам", к самозванцам Смутного времени и в С.Разину. Однако если для Н.М.Карамзина и В.Броневского характерно указание на разбои казаков, которые "грабили" и "злодействовали" в годы Смуты, служили самозванцам и полностью поддерживали С.Разина*, (Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн.3. Т.12. С.26, 195; Броневский В. Указ. соч. Ч.1. С.86, 89-93, 160.) то донские историки подчеркивали, что основная масса казачества была непричастна к тому, что творилось в России в Смуту и при С.Разине, причем, как отмечал В.М.Пудавов, "не было никакого казацкого выхода с Дона" на Русь, а в Смуте участвовали не донцы, а донецкие казаки-черкасы*. (Попов А. Указ. соч. Ч.2. С.118; Пудавов В.М. Указ. соч. С.316-317.) Лишь у

В.Д.Сухорукова заметна попытка отхода от сугубо оценочных характеристик участия казаков в этих движениях и выражено стремление понять причины, толкнувшие казаков на выступление*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1988, №9. С.103; 1989, №11. С.131.)

При характеристике внутренней жизни казачества XVI-XVII вв. донские историки подчеркивали ее демократический характер. В.Д.Сухоруков дал подробное описание демократического устройства войска Донского*, (Там же. - Дон. 1988, №9. С.101-103.) а В.М.Пудавцов обратил внимание на наличие определенного сходства между рыцарством европейского средневековья и донским казачеством*. (Пудавцов В.М. Указ. соч. С.179-181.)

В пореформенный период история донского казачества XVI-XVII вв. по-прежнему вызвала значительный интерес. Стала расширяться источниковая база исследований. Внимание историков было приковано не только к ставшим традиционными вопросам происхождения донского казачества, участия его в войнах и в народных движениях, демократического устройства войска Донского, но и к вопросам, которым ранее не уделялось значительного внимания - истории заселения Дона, характеристике источников существования казачества, его промысловой деятельности, начала хозяйственного освоения края, некоторым вопросам культуры донских казаков того времени.

Между российскими и донскими историками по-прежнему проявлялись различия в отношении к донскому казачеству. Для историков государственной школы, усвоивших идею исторического прогресса, оно определялось в свете этой идеи. Одним из крупнейших русских историков С.М.Соловьев, говоря о донских казаках, не мог не отметить заслуг их перед Россией в борьбе "в чистом поле со степными кочевниками". Однако отношение его к казачеству определялось вовсе не этим, а противопоставлением "богатыря-казака", который "гуляет по широкому полю" - "земскому человеку, занимающемуся мирным промыслом"*. (Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.7. М., 1962. С.140.) И если государственное начало выражало прогрессивную направленность в развитии России, то казачество противостояло ему, поскольку "казак, разумеется, не мог согласовать своих интересов с интересами государства, беспрестанно действовал вопреки последним"*. (Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.4. М., 1989. С.379.) Следовательно, казачество являлось силой, стоявшей на пути общественного прогресса и тормозившей развитие страны. Очевидно, что при таком отношении к казачеству правильно решить вопрос о его происхождении он не мог. Верно подчеркивая, что этому способствовали природные условия Русской равнины и сложная международная обстановка XVI в., С.М.Соловьев, однако, не обращал внимания на весь комплекс внутренних противоречий русской жизни того времени и, по существу, свел весь процесс к выделению из общества "толпы людей, искавших приволья в степи"*, (Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.3. М., 1960. С.634.) бродяг и разбойников. Взгляд его на происхождение донского казачества, таким образом, во многом совпал со взглядом Н.М.Карамзина, Д.И.Иловайского и других российских дворянских историков.

Консервативной силой считал казачество Н.И.Костомаров. Он видел в нем выражение старинного вечаевого вольного начала, тормозившего прогресс России*. (Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. - Исторические монографии и исследования. Кн.1. СПб., 1903. С.409.) Вместе с тем Н.И.Костомарову удалось четко показать расслоение среди донских казаков в XVII в., выявив разнородные его элементы, причем не только домовитую и голутвенную его часть, но и значительную часть не принадлежавших к голытьбе казаков, однако "более бедных и простых", чем домовитые. Эти казаки "готовы были ради поживы брататься с... "голытьбой", или "воровскими казаками"*, (Костомаров Н.И. Стенька Разин. - Русская история в жизнео-

писании ее главнейших деятелей. Кн.2. М., 1991. С.325-326.) что и проявлялось в период Разинского восстания. Показанная Н.И.Костомаровым картина расслоения донского казачества дает о нем более верное представление, чем выделение лишь двух групп - домовитых и голытьбы или верных Москве и воровских казаков, как это было у С.М.Соловьева и у авторов более раннего времени.

Взгляд Н.И.Костомарова на расслоение казачества не был, однако, принят донскими историками, которые склонны были несколько преувеличивать внутреннее единство среди донского казачества. Так, П.Н.Краснов упоминал о домовитых и о голутвенных казаках и об участии последних в Разинском восстании. Однако по мере того, как С.Разин продвигался в 1670 г. по Волге, как в его стане начинались "безумное пьянство и резня", казаки, по мнению П.Н.Краснова, отходили от него, и под Симбирском с ним "уже были не верные его казаки, а всякая пьяная сволочь из деревень". И когда после поражения он бежал на Дон, то будто бы "казаки не приняли его". (Картины бывшего Тихого Дона. Т.1. М., 1992. С.43-44, 107, 108.) Следовательно, П.Н.Краснов преуменьшал остроту противоречий среди казачества, поскольку в конце 1670 и в 1671 гг. на стороне С.Разина все еще выступало немало казаков. То же самое относится и к исследованию Е.П.Савельева, по словам которого: "Успехи Разина на Волге склонили на его сторону все Донское казачество. Сам атаман Корнила Яковлев должен был подчиниться общему настроению". (Савельев Е.П. История казачества. (Историческое исследование). Ч.3. Новочеркасск, 1918. С.362.) В самом же деле противоречия среди казачества были настолько велики, что единодушной поддержки на Дону С.Разин не получил даже в момент своих наибольших успехов.

История заселения Дона в XVII в. и условия жизни казачества того времени стали предметом пристального внимания В.Г.Дружинина. Изучая предпосылки движения донских раскольников конца XVII в. - одного из крупнейших народных выступлений в России послеразинского времени - В.Г.Дружинин дал в приложении к своему труду общий обзор списков казачьих поселений и впервые в литературе составил погодный перечень посылавшегося войску Донскому в XVII в. царского жалованья*. (Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С.229-232.) Огромную работу проделал В.Г.Дружинин по изданию источников по истории Дона XVII в., положив начало в 1898 г. сплошной публикации фонда "Донские дела" Посольского приказа. Вместе с тем В.Г.Дружинин допускал неточность при определении времени появления одного из списков казачьих городков, относя его к середине XVII в., тогда как он отражал реалии конца XVI в.* (Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. С.5, 25.) Кроме того, В.Г.Дружинин не усматривал "политической и социальной подкладки" в отношениях между войском Донским и московским правительством, а причину "неудовольствия" правительства он видел в том, что казаки были "неспокойным" элементом, "грабили соседей и торговых людей"*. (Там же. С.61.) Следовательно, он не мог охарактеризовать взаимоотношения между Москвой и Доном во всей их сложности и полноте.

Значение экономического и социального фактора ранней истории донского казачества подчеркивалось в отечественной историографии конца XIX - начала XX вв., начиная с В.О.Ключевского, выделявшего экономические отношения в качестве одного из существенных факторов общественного развития. Так, сами причины появления донского казачества он связывал с историей хозяйства России XIV-XVI вв. Идея была новой и плодотворной. Однако раскрыта она была далеко не в полной мере. Среди всего разнообразия экономических отношений того периода, которые привели к появлению казачества на Дону, В.О.Ключевский уделял внимание лишь найму "людей без определенных занятий и постоянного местожительства", которых на Руси называли

казаками. По мере постепенного ослабления Орды такие люди стали из пограничных степных городов ходить "с оружием в руках... в степь для рыбного и звериного промысла". Но и здесь они на первых порах "не теряли характера батраков", так как они, "надо думать, получили средства для своих опасных промыслов от местных торговцев, которым и сбывали свою добычу". В дальнейшем эти люди, казаки, "стали оседать военно-промысловыми артелями в открытой степи, в области верхнего Дона". Так сложилось донское казачество, которое "следует считать первообразом степного казачества"*.(Ключевский В.О. Указ. соч. Ч.3. - Соч. Т.3. М., 1957. С.104-105.)

Говоря о происхождении донского казачества, В.О.Ключевский не касался аграрных отношений в России. Не удивительно поэтому, что у него выпала характеристика социальных противоречий, без рассмотрения которых невозможно понять всех мотивов ухода на Дон населения их русских городов и уездов в XVI-XVII вв.

Весьма близкие к В.О.Ключевскому воззрения по вопросу о происхождении казачества имел историк народнического направления П.А.Соколовский. Он отрицал всякую возможность какого-либо выживания на Дону славянского населения до XVI в. и, тем более, саму идею нерусского происхождения казачества. По его мнению, казачество утвердилось на Дону к 1549 г.*(Соколовский П.А. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб., 1878. С.199.) и первоначально занималось мирным промысловым трудом. И лишь постепенно, в связи с постоянными столкновениями с азовцами, крымцами и ногаями, у них развились "воинские наклонности"*.(Там же. С.206.) Для П.А.Соколовского было неприемлемо утверждение С.М.Соловьева о стремлении к грабежу и праздному образу жизни как о главном побудительном мотиве ухода русских людей на Дон. П.А.Соколовский справедливо подчеркивал, в отличие от В.О.Ключевского, социальные мотивы этого ухода, указывая на копившуюся у беглеца "ненависть к тем, кто был причиной его невольного выселения с родины в безлюдную пустыню"*.(Там же. С.205.) Вместе с тем показать развитие всех социальных противоречий русского феодального общества XVI в., которые вели к бегству на Дон части населения, П.А.Соколовский не сумел.

На важность социального фактора в процессе образования донского казачества в XVI в. указывал С.Ф.Платонов. Справедливо считая, что вольная колонизация Поля, в том числе и Донской земли, вызывалась протестом народа против закрепощения, он связывал само закрепощение исключительно с интересами обороны государства, которому необходимо было обеспечить таким путем существование служилых людей. Рост помещичьего землевладения при Иване IV вел к усилению бегства на Дон, к укреплению казачества, которое стало использоваться русским правительством для государственной обороны*.(Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII веков. М., 1937. С.86-91, 137-138.) С.Ф.Платонов, однако, не мог связать причины этого бегства с развитием самой феодальной системы хозяйства и социальных отношений. С.Ф.Платонов указывал на активное участие донских казаков в событиях Смуты начала XVII в., но в конечном счете "воры казаки" оказались "слабее того порядка, на который восстали". После избрания на престол Михаила Романова донское казачество "предпочло мирные отношения с Москвой новым рискованным предприятиям против Москвы", и между правительством и войском Донским установились отношения "не то прямого подданства, не то политического протектората"*.(Там же. С.429-430.)

Наиболее весомый вклад в изучение ранней истории донского казачества в литературе дооктябрьского времени внес ростовский историк-краевед П.П.Сахаров. Основная идея этого историка, стоявшего на позициях либерального народничества - превращение в вои-

нов-казаков мирных русских промысловиков и поселение их на Дону в 40-е годы XVI в. – была близка к выводам В.О.Ключевского и П.А.Соколовского. Значение социального фактора, ускорившего заселение казаками Дона, поднималось П.П.Сахаровым так же, как и С.Ф.Платоновым. Прослеживаются у П.П.Сахарова и традиционные для русской историографии того времени высказывания в великодержавном духе, например, о существовании якобы "расовой ненависти" казаков к татарам в XVI в.* (Сахаров П.П. К вопросу о происхождении донского казачества и о первых подвигах донцов в защиту родины и веры на службе у первого русского царя Ивана Васильевича Грозного. – ДОВ. 1910. №164.) что противоречит многочисленным фактам приема донскими казаками в свою среду и татар, и представителей других народностей и этнических групп* (Пивоваров А. Мелочи для истории донцов. – Донская газета. 1874. №8.) В то же время, в отличие от всех предшествовавших исследователей, П.П.Сахаров опирался на гораздо более широкую источниковую базу. Благодаря этому он дал аргументированную критику идеи выживания древнеславянского населения на Дону до XVI в. и нерусского происхождения донских казаков* (Сахаров П.П. Происхождения донского казачества. – Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Т.2. Ростов-на-Дону, 1914. С.13-23.) Он сделал вывод о том, что казачество на Дону – "явление не из старых"*, (Сахаров П.П. К вопросу о происхождении... – ДОВ. 1910. №164.) не более раннего периода, чем XVI в. Заслуживает внимания его вывод о двух путях русского продвижения к Донской земле, о двух "ветвях" складывавшегося донского казачества – рязанско-мещерской (донской) и северской (донецкой)* (Сахаров П.П. К вопросу о происхождении... – ДОВ, 1911. №156.) Предположение о наличии двух ветвей высказывалось и ранее* (Кательников Е.Н. Исторические сведения войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленные из сказаний старожилов и примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск, 1886. Примечания Х.И.Попова. С.43-45.) Однако лишь П.П.Сахаров сумел проследить, как постепенно, шаг за шагом, рязанцы, мещерцы и севрюки пришли в Донскую землю, а затем обосновались там примерно к середине XVI в.* (Сахаров П.П. Происхождение донского казачества. С.39.) Убедительно опроверг он и предположение В.Д.Сухорукова о том, что упоминание о донских казаках под 1549 г. не относится "собственно" к донским казакам. Никаких иных донских казаков, отмечал П.П.Сахаров, тогда не было. "В бассейне Дона не было еще ни одного русского города" в середине XVI в., а донские казаки, служившие в южных русских городах с конца XVI в., "назывались... так не потому, что жили в этих городах, а, наоборот, от того, что на городскую службу вышли с Дона"* (Сахаров П.П. Происхождение вольного донского казачества и первые службы донцов в России. – СОВДСК. Новочеркасск, 1914. Вып.12. С.59, 60.)

Интересные в целом работы П.П.Сахарова не лишены определенных неточностей. Едва ли следовало так уж категорически отрицать возможность постепенного превращения рязанского "молодчества" на Дону, о котором говорилось в грамоте Ивана III Аграфене Рязанской, в донских казаков. Не доказано П.П.Сахаровым и его утверждение об отсутствии каких-либо разбойных действий со стороны выходивших в степь рязанских промысловиков – "заполян"* (Сахаров П.П. К вопросу о происхождении... – ДОВ. 1911. №142.) И тем более, слишком уж искусственно противопоставлены у П.П.Сахарова "мирные промышленники" из числа первых выходцев в Поле и казаки – "воители", причем имевшее будто бы место превращение первых во вторых произошло исключительно под влиянием татар, для которых "пограничный русский промышленник" и был "важнейшей статьей добычи"* (Сахаров П.П. К вопросу о происхождении... – ДОВ. 1911. №142, 150, 164.) Иначе говоря, П.П.Сахаров явно идеализировал раннее казачество. Ему, конечно, были хорошо известны и такие

факты из жизни донского казачества XVI в., которые не укладывались в заданное им представление о них как о промысловиках и одновременно как о защитниках Русского государства от татар и турок, например, походы донских казачьих отрядов на Волгу и нападения их на купеческие суда. Но он легко преодолел эту трудность, заявив, что "воровская часть донцов - подонки казачества - его люмпенпролетариат"* (Сахаров П.П. К вопросу о происхождении... - ДОВ. 1911. N142.) указав, таким образом, на якобы существовавшую пропасть между "воровской" и "верной" русскому правительству частями казачества. Оставляя в стороне явную терминологическую модернизацию, отметим, что никакой резкой грани между этими частями казачества в XVI в. не было, и превращение одной части в другую совершалось весьма быстро, как, например, это случилось в казаками Ермака. И, наконец, явно преувеличивал П.П.Сахаров и степень заселенности казаками Донской земли в середине XVI в., допуская существование уже к 1549 г. множества "станец, зимовищ и городков, разбросанных по донецким, оскольским и донским дебрям"* (Сахаров П.П. Происхождение вольного донского казачества... С.76.)

Также большое внимание стало уделяться азовским повестям донских казаков - выдающемуся явлению русской художественной литературы XVII в. Из этих повестей до середины XIX в. была опубликована лишь повесть о взятии войском Донским Азова в 1637 г. - М.М.Щербатовым в 1771 г. совместно с изданной им "Летописью о многих мятежах", под названием "О граде Азове, како взят". Эта повесть и другие повести казаков об азовских событиях 1637-1641 гг. использовались исследователями в качестве иллюстративного материала. Специальное изучение повестей развернулось во второй половине XIX в., после того, как П.Н.Рыбников опубликовал тексты двух повестей - об Азовском осадном сидении 1641 г. и повести о взятии Азова и об осадном сидении* (Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. Ч.IV. СПб., 1867. Приложение. С.IX, 169-184.) а затем Ф.И.Буслаев изучил списки повести об Азовском осадном сидении и опубликовал в 1870 г. сводный текст повести* (Буслаев Ф. Русская хрестоматия. М., 1870. С.271-289.) В начале XX века вышли в свет исследования об этих повестях А.С.Орлова* (Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906; его же. Сказочные повести об Азове. "История" 7131 года. Варшава, 1906.) Им были удачно предложены наименования этих повестей - "Историческая" - для повести о взятии Азова - название отражало ее глубокую фактологичность и точность; "Поэтическая" - для повести об Азовском сидении - соответствовавшее ее высоким художественным достоинствам; "Сказочная" - для повести о взятии Азова и об осадном сидении - показывавшее значительную долю авторского вымысла при описании событий. А.С.Орлов провел текстологическое исследование текстов повестей и дал им классификацию.

Таким образом, в историографии истории Дона XVI-XVII вв. до советского периода были достигнуты весьма существенные результаты. Исследователи ввели в научный оборот и опубликовали многие источники. Значительное внимание уделялось изучению ряда важных вопросов, прежде всего - происхождение донского казачества, его участие в войнах и в народных движениях. Вместе с тем отсутствовало комплексное исследование, охватывавшее в целом жизнь казачества той эпохи. Сохранялось и немало спорных вопросов.

В послеоктябрьский период изучение истории донского казачества XVI-XVII вв. велось в отечественной историографии советскими историками и историками-белоземцами.

Последние относились к донской казачьей эмиграции и в изучении истории донского казачества развивали традиции донских историков XIX - начала XX вв. Это означало, что в основе взглядов

донских историков-эмигрантов на казачество XVI-XVII вв. лежало представление о глубоком его своеобразии и обособленности от России. При этом И.Ф.Быкадоров и авторы вышедшего в свет в США "Казачьего словаря-справочника" разделяли взгляды тех донских историков, и прежде всего Е.П.Савельева, которые говорили о донских казаках как об особом этносе, не относящемся к русскому народу*. (Быкадоров И.Ф. Донское войско в борьбе за выход в море (1546-1646 гг.). Париж, 1937; Казачий словарь-справочник. Т.1. Кливленд, 1966; Т.2. Сан Ансельмо, 1968; Т.3. Сан Ансельмо, 1970.) При этом И.Ф.Быкадоров подчеркивал: "Основы Донского Войска, сама природа донских казаков...отличны и противоположны таковым великорусского народа, татарских и тюркских народностей"*, (Быкадоров И.Ф. Донское войско... С.18-19.) а по мнению издателей "Казачьего словаря-справочника" А.И.Скрылова и Г.В.Губарева, казаки - "народность, образовавшаяся в начале нашей эры, как результат генетических связей между туранскими племенами скифского народа Кос-Сака (или Ка-Сака) и Приазовских Славян Меото-Кайсаров с некоторой примесью Асов-Аланов или Танаитов (Донцов)"*. (Казачий словарь-справочник. Т.2. С.24.) В отличие от этих авторов С.Г.Сватиков не усматривал этнической обособленности донского казачества от русского народа и считал Дон вольной русской колонией, являвшейся "простой (не федеративной) непосредственной демократической республикой", причем, по его мнению, до 1614 г. эта республика была полностью независимой, а с 1671 г. - вассальным по отношению к России государством. С 1671 г., после принятия донскими казаками присяги на верность русскому царю, войско Донское вошло в состав России на правах автономии при сохранении признаков государственности и республиканского строя. Окончательно, как полагал С.Г.Сватиков, государственность Дона была уничтожена Петром I после Булавинского восстания*. (Сватиков С.Г. Указ. соч. С.2; см. также: Буданов И.П. Дон и Москва. Кн.1-5. Париж, 1954-1957; Губарев Г.В. Книга о казаках. Вып.1-4. Париж, 1957-1959.)

Теоретической основой советской историографии являлось материалистическое понимание исторического процесса, определявшегося закономерной сменой общественно-экономических формаций. Донское казачество XVI-XVII вв. рассматривалось в этой связи советскими историками как типичное явление феодального общества. Они выделяли мысль В.И.Ленина о том, что основа социального положения казачества представляла собой форму "средневекового пользования землей за службу"*. (Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции. - Полн.собр.соч. Т.16. С.315.) Советскими историками также принимались во внимание высказывания о казачестве К.Маркса, и прежде всего его оценка политического устройства казаков на Украине в качестве "христианской казацкой республики"*, (Архив К.Маркса и Ф.Энгельса. Т.8. М., 1946. С.154.) что соответствовало устройству донского казачества. В 1926 г. был опубликован написанный К.Марксом конспект книги Н.И.Костомарова "Бунт Стеньки Разина" под названием "Стенька Разин". Этот конспект рассматривался советскими историками как отражение взглядов на казачество К.Маркса. Однако текстуально конспект слишком близок к труду Н.И.Костомарова, и в нем отражены воззрения прежде всего самого Н.И.Костомарова. Кроме того, в написанном К.Марксом конспекте более упрощенно, чем в другом труде Н.И.Костомарова, "Стенька Разин", представлено расслоение донского казачества накануне Разинского восстания. Так, если Н.И.Костомаров выделял три слоя среди донского казачества - домовитых, "более бедных и простых" и голытьбу, то К.Маркс говорил лишь о домовитых и голытьбе*. (Маркс К. Стенька Разин. - Молодая гвардия. 1926, №1. С.119.)

В 20-х - начале 30-х годов советские историки делали попытки рассмотрения истории донского казачества с позиций марксизма.

Внимание их было сосредоточено прежде всего на вопросах его происхождения, на характеристике его социальной природы и участия его в народных движениях. Значительное влияние на их работы оказывали труды М.Н.Покровского, по мнению которого казачество, появившееся на Дону в середине XVI в., - это русское крестьянство, бежавшее от усиления помещичьей эксплуатации*.(Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. - Избранные произведения. Т.3. М., 1967. С.57-59.) Рассматривая донских казаков как "элемент русского крестьянства и мелкого городского населения", он подчеркивал активное его участие в борьбе с правительством и считал Лжедмитрия II казацко-крестьянским царем, а в Разинском восстании усматривал казацко-крестьянскую революцию*.(Покровский М.Н. Очерки истории русской культуры. Ч.2. Птгр., 1923. С.136; его же. Русская история в самом сжатом очерке. С.68, 79.) Заметным распространением пользовалась в тот период теория торгового капитализма. В свете этой теории освещалась ранняя история донского казачества. Так, согласно Н.Л.Янчевскому, уже в то время казаки являлись орудием реакционной политики царских властей. Возникнув будто бы из "разложившихся феодальных дружин", казаки быстро стали "наемным войском" "торгового капитала Московского государства в 16-17 веках...по генезису, социальной сущности и историческому значению". Н.Л.Янчевский отрицал всякую связь казачества с борьбой русского народа против остатков Золотой Орды и утверждал, будто бы движение русских людей на Дон - только лишь "завоевание, захват территории"*.(Янчевский Н.Л. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI-XVII веках. Ростов-на-Дону, 1930. С.3-4.) С точки зрения Б.Н.Тихомирова, участие донских казаков в народных движениях XVII в. было связано с борьбой двух форм торгового капитала в России - капитала Московского государства и казачьего капитала*.(Тихомиров Б.Н. Разинщина. М., 1930. С.131.) А Г.Е.Меерсон усматривал в этих движениях борьбу торгового капитала колонии против монопольного положения торгового капитала метрополии, носителем которого выступали русские помещики. Поэтому, по его мнению, движения с участием казачества в XVII-XVIII вв. являлись революционными*.(Меерсон Г.Е. Ранняя буржуазная революция в России. - Вестник коммунистической академии. 1925, N13. С.105.) Более, однако, был распространен взгляд на казачество как на явление консервативное и даже реакционное. Так, М.Я.Феноменов считал казаков военными организаторами крестьянских восстаний, но проявляли они себя в "дуване" добычи. Он считал возможным превращение их в случае победы в помещиков, "и тогда началась бы старая песня сначала"*.(Феноменов М.Я. Разинщина и Пугачевщина. М., 1923. С.11, 30, 135-145.) Н.А.Рожков усматривал намерение казаков С.Разина "наладить те хозяйственные, социальные и городские порядки и отношения, какие существовали на заре русской истории*.(Рожков Н.А. Русская история. Т.7. Птгр., 1923. С.7.) Бунт казаков, постоянно стремившихся к разбоям, видел в Разинском восстании С.И.Тхоржевский*.(Тхоржевский С.И. Стенька Разин. Исторический очерк. Птгр., 1923.) Кроме того, С.И.Тхоржевскому принадлежит обобщающее исследование по истории войска Донского первой половины XVII в., в котором основное внимание уделено вопросам заселения Дона, истории общественных отношений и взаимоотношений Войска с русским правительством*.(Тхоржевский С.И. Донское войско в первой половине XVII в. - Русское прошлое. N3. Птгр., 1923.)

Советские историки более позднего времени оценивали подход исследователей 20-х - начала 30-х годов как упрощенно-социологический. После издания партийных постановлений по исторической науке 1934-1936 гг. в советской литературе по истории донского казачества происходил пересмотр прежних воззрений. Казачество уже не рассматривалось как явление, связанное с торговым капиталом.

Подчеркивалась его феодальная природа. Появились исследования, охватывавшие в целом ранний период истории донских казаков*. (Корчин Н.М. Донское казачество. Ростов-на-Дону, 1949; Лунин Б.В. Очерки истории Подонья-Приазовья. Кн.2. Ростов-на-Дону, 1951; Чаев Н.С. Донское казачество. - Очерки истории СССР. XVII век. М., 1955. С.264-271; История Дона с древнейших времен до падения крепостного права. Ростов-на-Дону, 1973.)

С конца 30-х годов в советской историографии стала распространяться идея древности казачьего населения на Дону и наличия связи между казаками и жителями донской Белой Вежи X-XII вв. В 1938 г. В.В.Мавродин высказал предположение о существовании тесных отношений между беловежцами и их "яфетическими собратями" с Кавказа, что, по его мнению, должно было укрепить позиции русских в крае. После 1117 г., отмечал он, часть беловежцев осталась жить в половецкой степи и именно из них сформировались отряды бродников*. (Мавродин В.В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в 10-15 вв. - Ученые записки ЛГПИ им.А.И.Герцена. 1938. N11. С.255, 257.) В другой своей работе он подчеркивал прочность славянского заселения Дона еще в киевские времена. Указывая, что половцы прервали связь Руси со степью*, (Мавродин В.В. Древняя Русь. Л., 1945. С.196-223.) он не отрицал возможности выживания небольшой части русских на Дону и при половцах, и при татаро-монголах.

Стал распространяться взгляд на бродников как на предшественников казачества. Б.Д.Греков и А.Ю.Якубовский высказывали даже предположение о том, что происхождение бродников определялось, в общем, теми же причинами, что и уход русских крестьян на Дон в XVI-XVII вв. и представляло собой бегство от усиливавшейся власти феодалов. Само участие бродников в битве на Калке на стороне Сугудая они объясняли "желанием" их "нанести удар соседним черниговским князьям и боярам, ...энергично подчинявшим своей сеньориальной власти непосредственных производителей-земледельцев"*. (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее нападение. М., 1941. С.141.) Документально свое предположение авторы не подтвердили. Предшественниками казачества называл бродников Н.М.Волынкин. Сходство между бродниками XII-XIII вв. и казаками он усматривал "в этническом родстве бродников и русских" и в наличии в составе бродников "различных этнических элементов" - среди них были "и алано-ясы и в какой-то степени турки". Доказательством существования прямой связи между бродниками и казаками он считал наличие "кавказских элементов в быту" донцов - в снаряжении коня, в обычае носить серьгу и в преданиях казаков, которые "уводят нас на Северный Кавказ, в земли черкесов"*. (Волынкин Н.М. Предшественники казачества - бродники. - Вестник ЛГУ. 1949, N8. С.58-61.)

В начале 50-х годов В.В.Мавродин попытался привести материал, подтверждающий предположение о выживании русского населения на Дону в период господства Орды. Он ссылаясь при этом на В.Рубрика в том, что "даже спустя несколько лет после нашествия Батыя татары не везде в южнорусских степях чувствовали себя хозяевами, по ночам они не передвигались, опасаясь нападений русских отрядов, действовавших смело и решительно". Он указывал на наличие в XV - начале XVI вв. "на Дону и за Доном, по Хопру и Тихой Сосне, по Воронежу и Цне" "старой русской вольницы" и "новых пришельцев", занимавшихся промыслами. Это и были казаки, действовавшие в 1444 г. во время набега царевича Мустафы, вольница, "своей кровью поливавшая земли русских "украин", отбивая их у татар и отжимая у этих хищных наездников все дальше и дальше на юг и восток"*. (Мавродин В.В. Образование единого русского государства. Л., 1951. С.268-271.) По мнению В.В.Мавродина, появление донского и днепровского казачества - результат как "дальнейшего роста и усиления

древнего русского населения...перенесшего все бури бесчисленных "татарщин", так и "роста социальных (и национально-украинских) противоречий, выбрасывавших...обездоленный, ограбленный, поруганный трудовой люд сел и городов"*.(Мавродин В.В. Русское мореходство на южных морях с древнейших времен до XVI в. включительно. Симферополь, 1955.)

Большинство советских историков, однако, полагало, что появление донского казачества не относилось к периоду более раннему, чем первая половина XVI в. Связывали они это с притоком на Дон русского населения, бежавшего от феодального гнета и ужесточения крепостнического режима. Воля, свобода от всякого гнета являлись главным побудительным мотивом ухода на Дон*.(Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону. - Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С.167.) Вместе с тем советские историки имели в виду и то, что колониционное движение при феодализме, в том числе и заселение Дона - сложный процесс, определявшийся целым комплексом внутренних причин, присущих средневековому обществу, и среди них - "заложенный в производственных основах феодального строя тенденцией к земельной экспансии, стремлением...к захвату новых территорий"*.(Там же. С.164.) М.Н.Тихомиров особо подчеркнул экономическую причину, вызывавшую стремление русского земледельческого населения к югу. Она определилась к тому времени "в силу быстрого роста населения России после прекращения феодальных войн". Возрастание численности населения "толкнуло на расширение запашки, но рутинное средневековое земледелие не могло заметно расширяться в условиях плохой земли и обилия лесов и болот"*.(Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С.419.) Конечно, донские казаки в XVI-XVII вв. еще не положили начало земледельческому освоению края, однако своей борьбой против агрессии турецких и крымских феодалов они уже в то время способствовали расширению жизненно важной для всей страны проблемы распространения земледелия на плодородные земли юга. Впрочем, в XVI-XVII вв. на самом Дону при отсутствии земледелия развернулась промыслово-хозяйственная деятельность, а возможность занятия охотой, рыбной ловлей и другими промыслами являлась одним из побудительных мотивов движения в донские степи*.(Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1983. С.64.)

Рассматривая происхождение донского казачества в связи с международной обстановкой того времени, советские исследователи дали характеристику Дикому Полю как территории, называемой иногда мусульманскими властителями "краем войны", откуда русским окраинам грозила постоянная опасность. Ими была показана передовая роль донского казачества в борьбе с этой опасностью, начиная с середины XVI в.*(Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI-XVII вв. Т.1. М., 1946. С.14, 17; Бурдей Г.Д. Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40-50-х годах XVI в. - Ученые записки Саратовского гос. университета. Харьков, 1956.) Эти выводы не подлежали сомнению. Правда, Г.Д.Бурдей несколько преувеличил значение действий донских казаков против турецкой армии во время ее похода на Астрахань в 1569 г., приравняв их по существу к действиям русских войск*.(Бурдей Г.Д. Русско-турецкая война 1569 года. Саратов, 1962. С.43.) Однако он не обратил внимания на то, что турки беспрепятственно прошли по Дону от Азова до Переволоки и не подвергались на этом пути нападениям со стороны казаков. Это может свидетельствовать о незначительной степени заселения Донской земли казаками в конце 60-х годов XVI в. Подчеркивалась пестрота этнического состава раннего казачества и прежде всего наличие в казачьих отрядах большой татарской прослойки. Р.Г.Скрынников указывал на то, что "русские переселенцы очень часто присоединялись к татарским станицам, население кото-

рых по социальному облику мало чем отличалось от них самих: то были выходцы из татарских кочевий, беглые "черные" люди, рабы и прочие*. (Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С.64.)

Говоря о положении войска Донского в XVII в., Н.С. Чаев отмечал, что "периодом расцвета донского казачества" было время царствования Михаила Федоровича*. (Чаев Н.С. Указ. соч. С.264, 265.) Советские исследователи разделяли это мнение. Одним из выражений такого столь благоприятного для казаков положения они считали регулярную материальную поддержку со стороны русского правительства в виде царского жалованья, история выплаты которого в XVII в. с приложением погодной росписи рассмотрена В.П. Загоровским*. (Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке. - Труды Воронежского университета. Т.53. Вып.1. Воронеж, 1960. С.131-147.) Другим выражением они считали политику России на Дону, которую А.А. Новосельский относил к сфере внутренней политики государства*. (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948. С.130.) Советские историки в целом соглашались с этим и рассматривали эту политику в связи с процессом постепенного укрепления монархии в России в XVII в.* (Мининков Н.А. Политика московского правительства на Дону в XVI-XVII вв. Автореф. канд. дис. Л., 1978.) При этом Н.С. Чаев подчеркивал, что при царе Алексее Михайловиче правительство "начало упорную борьбу с независимостью вольного Дона"*. (Чаев Н.С. Указ. соч. С.268, 270.) В целом это совершенно справедливо, однако Н.С. Чаев несколько недооценивал того обстоятельства, что и при царе Михаиле правительство настойчиво проводило свою политическую линию на Дону и умело добиваться от казаков выполнения некоторых своих требований. По мнению А.П. Пронштейна, Дон до XVII в. - "вассальная по отношению к Московскому государству" республика, а правительство признавало "войсковое право" - основу вольности Дона. Вызвано это было сопротивлением казаков мероприятиям правительства, направленным на усиление его власти над Войском, а также отдаленностью Дона и слабостью правительственных вооруженных сил. Со второй половины XVII в. стали складываться предпосылки для успешного наступления правительства на самостоятельность войска Донского - такие, как окружение Донской земли с Запада (после присоединения Украины), севера и востока, а также "экономическая несамостоятельность и необходимость обращаться за помощью к Москве"*. (Пронштейн А.П. Земля Донская в XVII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С.213-218.)

При изучении военной истории донского казачества главное внимание уделялось борьбе войска Донского за Азов в 1637-1641 гг. и боевому его сотрудничеству с Запорожской Сечью*. (Смирнов Н.А. Указ. соч. Т.2. М., 1946. С.8, 66-75; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.256-257, 286-290; Попов М.Я. Азовское сидение. М., 1961; Лунин Б.В. Азовская эпопея 1637-1641 годов. Ростов-на-Дону, 1988; его же. Боевое содружество донских и запорожских казаков в борьбе против турецко-татарской агрессии в первой половине XVII века. - Из истории Дона (XVII-XX вв.). Сб. статей. Ростов-на-Дону, 1956. С.3-26.)

Обстоятельный очерк А.А. Новосельского был посвящен развитию донской торговли в XVII в. На большом фактическом материале автор показал значение этой торговли для казаков и для населения южной русской окраины и сделал вывод о постепенном втягивании Дона в систему начинавшего формироваться с XVII в. всероссийского рынка*. (Новосельский А.А. Из истории донской торговли. - ИЗ. Т.26. 1948.)

Одной из центральных тем по истории донского казачества по-прежнему являлось его участие в крупнейших народных движениях XVII в. Начиная с 30-х годов эти движения рассматривались в советской историографии в качестве крестьянских войн. Большой фак-

тический материал, свидетельствовавший об активном участии донских казаков в восстании И.Болотникова привел И.И.Смирнов*. (Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606-1607. М., 1961.) В исследовании П.Г.Любомирова прослежена значительная роль донцов в избрании на престол Михаила Романова*. (Любомиров П.Г. Очерки нижегородского ополчения. М., 1939.) Движению казаков во главе с атаманом И.Заруцким были посвящены исследования В.Н.Бернадского и И.С.Шепелева. И если В.Н.Бернадский подчеркивал разбойный характер движения, то И.С.Шепелев полагал, что оно носило социальный характер и являлось составной частью крестьянской войны на заключительном ее этапе, несмотря на авантюризм самого И.Заруцкого*. (Бернадский В.Н. Конец Заруцкого. - Ученые записки ЛГПИ им. А.И.Герцена. 1939, N19; Шепелев И.С. Место и характер движения И.М.Заруцкого в период Крестьянской войны и польско-шведской интервенции (1605-1614 гг.). - Из истории классовой борьбы в дореволюционной и Советской России. Волгоград, 1967. С.49-105.) Кроме того, в ряде работ И.С.Шепелева прослежено участие казаков в народном движении начала XVII в., подчеркивался социальный характер борьбы казачьих низов и стремление казачьей верхушки, используя эту борьбу, добиться расширения своих привилегий*. (Шепелев И.С. Классовая борьба в Русском государстве и ее особенности в период польско-шведской интервенции. - Из истории классовой борьбы... С.3-48; его же. Национально-освободительная борьба в Русском государстве в 1611 г. (Первое земское ополчение). - Из истории национально-освободительной борьбы в дореволюционной России. Волгоград, 1968. С.3-137; его же. Донское и волжско-терское казачество в классовой и национально-освободительной борьбе в Русском государстве периода Крестьянской войны и польско-шведской интервенции. - Из истории социально-политического развития и классовой борьбы в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1972. С.3-70.)

Большая работа проделана советскими историками по публикации источников по истории народных восстаний под предводительством И.Болотникова и С.Разина, проводившаяся в 60-70-х годах.

Оценивая роль донских казаков в Разинском восстании, советские историки подчеркивали, что они являлись организаторами и застрельщиками народной борьбы и передовыми борцами восставшего народа. Они указывали, что казаки дали восставшему народу не только атаманов-предводителей, не только ядро повстанческого войска, но и новую форму народной власти по образцу казачьей военной общины с кругом, решавшим важнейшие дела*. (Об изучении крестьянских войн в России XVII-XVIII вв. (К теории проблемы). - Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С.15; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков и донское казачество. Ростов-на-Дону, 1983. С.367.) При этом все то, что "считалось обычной нормой казачьей жизни", народ наполнил "мятежным антикрепостническим содержанием"*, (Сахаров А.Н. Степан Разин - предводитель крестьянской войны. - Крестьянские войны в России: проблемы... С.158.) а "антифеодальные настроения большинства казаков" предопределили саму направленность их борьбы против воевод, бояр и помещиков*. (Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII-XVIII вв. - Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы... С.246.) Отсюда, очевидно, и сформировалась точка зрения, разделявшаяся многими советскими историками, что крестьянской войной являлись не только события 1670-1671 гг., но и все Разинское движение с 1667 г.*. (Лебедев В.И. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1955. С.43-67; Новосельский А.А., Чаев Н.С. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. - Очерки истории СССР. XVII в. С.283-294; Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России

XVII-XVIII веков. Л., 1966. С.104-118; Буганов В.И., Чистякова Е.В. О некоторых вопросах истории второй крестьянской войны в России. - Вопр. истории. 1968, N7. С.38-41.) а по мнению Е.В.Чистяковой - и поход В.Уса 1666 г.* (Чистякова Е.В. Крестьянское движение в Подмоскowie и поход В.Уса (1666 г.) - Вопр. истории. 1953, N8. С.128-133.)

Со второй половины 80-х годов появилось заметное возрастание общественного интереса к истории донского казачества. Отчасти это связано было с начавшимся в годы перестройки в СССР процессом возрождения казачества, отчасти - с неудовлетворенностью трактовкой вопросов его истории, принятой в советской историографии и в отсутствии обобщающего исследования по истории Дона и донского казачества в литературе советского времени за период до XVIII в. Попытки создания таких исследований предприняли Н.А.Мининков и С.И.Рябов. Однако они охватывали не все стороны жизни донского казачества XVI-XVII вв.* (Мининков Н.А. Донское казачество на заре своей истории. Ростов-на-Дону, 1992; Рябов С.И. Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992.)

Начиная с середины 80-х годов в отечественной историографии ранней истории донского казачества заметно оживился интерес к вопросу о его происхождении. Это было связано как с начавшимся на Дону возрождением казачества, так и с выходом в свет трудов Л.Н.Гумилева, считавшего, что оно существовало на Дону уже с XIII в.* (Гумилев Л.Н. Хунны в Азии и Европе. - Вопр. истории. 1989, N7. С.28.) Прямым его предком он считал "этнос бродников", "потомков православных хазар", усвоивших "русский язык, ставший общепринятым, и православие, принятое еще в IX в."* (Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С.213-214, 500, 543.) Этот этнос сохранился на Дону под властью Орды, а в XVI в. потомки бродников принимали в свою среди единоверных пришельцев из Руси, так как нуждались в пополнении своих рядов. Они давали им "на первое время приют, выучку и безопасность от ногайских мурз и русских бояр"*. (Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. Л., 1966. С.178-179; по мнению А.А.Новосельцева, вывод Л.Н.Гумилева о донских казаках как о потомках хазар - результат легковесных построений. - Новосельцев А.А. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С.59.) Выводы Л.Н.Гумилева развивал А.А.Шенников, считавший непосредственными предками хоперской группы донских казаков жителей Червленого Яра, упомянутого в источниках XIV в.* (Шенников А.А. Червленый Яр: Исследования по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. Л., 1987. С.4, 20, 51-57, 122-123.) По мнению рецензента М.В.Цыбина, А.А.Шенников не смог доказать происхождение казаков-хоперцев от червленоярцев XIV в.* (История СССР. 1990, N2. С.193.)

Соображения Л.Н.Гумилева и А.А.Шенникова заслуживают внимания в том отношении, что наталкивают на углубленное изучение таких важных вопросов, как социальный состав уходившего из Руси на Дон населения и этнический состав первых казачьих общин. Были ли уходившие на Дон русские люди главным образом "пахарями-земледельцами"? Если да, то выживание их в крае в XVI в. и в самом деле проблематично, на что обращал внимание Л.Н.Гумилев. А если среди уходивших на Дон людей значительную часть составляли более привычные к боевой жизни слои населения из числа служилых людей, которые могли превратить беглецов-крестьян в воинов-казаков? О том, что в состав донского казачества входили в XVI в. представители разных слоев населения, а не только беглые крестьяне, говорили за последнее время А.Л.Станиславский и Р.Г.Скрынников*. (Станиславский А.Л. Русское казачество в первой четверти XVII в. Автореф. канд. дис. М., 1984. С.18; Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С.141.) В таком случае возникает вопрос, какие же процессы, про-

исходившие на Руси, гнали это население за рубежи страны, что это были за люди и как относились к поселению их в Поле, в т.ч. и на Дону, московские власти. Возникает вопрос и о том, как складывались отношения на Дону между пришельцами из Руси и располагавшимся ранее на этой земле местным татарским населением, и какова была его роль в формировании донского казачества.

За последнее время была высказана точка зрения о массовом продвижении на Дон русского населения еще в XVI в., когда "не отдельные личности, как раньше, но целые семьи и селения со всеми своими "животами", со своим скарбом - крепостные крестьяне и холпы, бобыли и "гулящие люди", посадские и приборные низы - "беглые сходцы" из самых разных городов и сел России - устремлялись на Юг и Юго-Восток...". В результате "к 20-30-м годам XVI в. значительное число беглых русских людей поселилось в Междуречье Северского Донца и Дона, многие казачьи городки стояли по левобережным притокам Дона - Хопру, Медведице, Иловле"*.(История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С.328.) Каких-либо доказательств этому не приводится. Поэтому такую точку зрения едва ли можно считать обоснованной. Она свидетельствует о нечетком представлении о внутреннем и международном положении России в XVI в., об отличии между XVI и XVII веками, особенно второй половиной XVII в., когда движение из России на Дон действительно стало массовым*.(Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С.38-39.)

Вновь в центре внимания историков стало боевое прошлое казачества XVI-XVII вв. Морские походы донских казаков составили предмет исследования В.Н.Королева. Рассмотрев слабо изученный вопрос о технике казачьего мореплавания, он сделал убедительный вывод о весьма высоком его уровне*.(Королев В.Н. Технология донского казачьего мореплавания на Азовском и Черном морях в XVII в. (мореходные инструменты и карты). - Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988. С.107-133.) В ряде статей В.Н.Королев провел исследование военно-морских операций донского флота в период нахождения войска Донского в Азове в 1637-1641 гг. и показал большое значение действий казаков на море для удержания Азова*.(Королев В.Н. Морские кампании донских казаков 1637-1641 гг. - Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высшей школы (СКНЦ ВШ). Общественные науки. 1986, N1. С.43-50; его же. Азовское сидение: действия турецкого и донского казачьего флотов. - Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С.137-159; его же. Азовская эпопея: последние операции донского казачьего флота. - Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990. С.62-72; его же. Адахунское сражение. - Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 1993, N1-2. С.24-33.) Были исследованы некоторые важные стороны боевого сотрудничества войска Донского и Запорожской Сечи и подчеркнута большое значение помощи, оказанной донскими казаками полякам и запорожцам против турок в Хотинской войне 1621 г.*(Мыщук Ю.А. Новые данные о черноморских походах запорожского казачества против Османской империи и Крымского ханства в конце XVI - первой половине XVII вв. (на материалах архивохранилищ ПНР). - Международные отношения в бассейне Черного моря... С.126-137; его же. Новые данные о черноморских походах донского и запорожского казачества против Османской империи и Крымского ханства (середина - третья четверть XVII в.). - Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря... С.134-141; Османская империя в первой четверти XVII века. Сб. документов. Сост. Х.М.Ибрагимбейли и Н.С.Рашба. М., 1984.) Этими работами созданы предпосылки для написания обобщающего исследования по истории азовской эпопеи войска Донского*(Гусев К.М. Советская историография "Азовского осадного сидения": краткий об-

зор проблемы. – 350-летие Азовского осажденного сидения (тезисы докладов конференции). Азов, 1991. С.15-18.) и военного искусства донских казаков.

По-новому осмысливалась роль донских казаков в крупнейших народных движениях в России XVII в. При оценке этих событий исследователи стремились отойти от узкоклассовой их трактовки. Так, Р.Г.Скрынников и А.Л.Станиславский рассматривали бурные события начала XVII в. не в качестве крестьянской войны, а в качестве гражданской войны и русской Смуты, возрождая тем самым в историографии само понятие Смуты, данное ее современниками и подчеркивая ее широкое общественное значение, не ограниченное классовыми и сословными рамками*. (Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. "Смута". М., 1988. С.71-72, 161-162; его же. Смута в России в начале XVII в. И.Болотников. Л., 1988. С.82, 132-134, 250-253; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1990. С.21-25, 33.) В таком же духе пытался переосмыслить Разинское восстание В.М.Соловьев, усматривавший в нем не просто крестьянскую войну, но и широкое общественное движение протеста*. (Соловьев В.М. Актуальные вопросы изучения истории народных движений (Полемические заметки о крестьянских войнах в России). – История СССР. 1991, №3. С.134, 140.) По-новому оцениваются и мотивы участия донских казаков в этих движениях. Так, если в советской историографии традиционно подчеркивалось, что для казаков был характерен "мятежный дух...борьбы против крепостничества и самодержавия", (Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России... С.5-6.) то теперь, напротив, утверждалось, что казаки в ходе этих движений "пеклись не о крестьянских, а о своих сословных интересах"*. (Павленко Н.И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах. – Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С.63, 66.) Было высказано мнение о том, что крестьянская война под предводительством С.Разина происходила лишь в 1670-1671 гг., а поход С.Разина на Волгу и Каспийское море представлял собой обыкновенное казацкое предприятие, развертывался на окраине страны и за ее пределами и не вылился в крестьянскую войну*. (Павленко Н.И. Указ. соч. С.65; Соловьев В.М. Актуальные вопросы... С.139.) К специфически казацким чаяниям начала XVII в. А.Л.Станиславский относил наличие на престоле "добротного" царя, который бы жаловал казаков за службу и защищал от "злых" бояр, уничтожение противников такого государя в верхах общества, невыдачу бывшим владельцам людей, ушедших к казакам, сохранение и расширение привилегий и вольностей*. (Станиславский А.Л. Гражданская война... С.242-243.) При С.Разине, по мнению Н.И.Павленко, казаки боролись с теми, по их разумению, боярами, которые "препятствовали походам "за зипунами"*. (Павленко Н.И. Указ. соч. С.65.) Правомерность выделения казацкой специфики в выступлениях казаков в начале XVII в. и в 1667-1671 гг. не подлежит сомнению. Вместе с тем следовало бы, очевидно, принимать во внимание и то, что связывало донских казаков с угнетенным народом России и давало народу повод видеть в казаках своих защитников.

История донского казачества XVI-XVII вв. привлекала внимание зарубежных исследователей. В трудах по истории Османской империи, авторами которых являлись востоковеды Й.фон Хаммер, Й.Цинкайзен, Н.Йорга, отмечалась значительная военная активность донцов в борьбе с Турцией и Крымом, прежде всего на море и в войнах с Азовом. Авторы использовали турецкие источники и материалы дипломатической переписки послов европейских стран в Турции. Однако им не были известны русские источники, и они не могли поэтому в полной мере раскрыть боевое прошлое войска Донского*. (Hammer-Purgstall von J. Geschichte des Osmanischen Reiches. B.5. Pest, 1829; Zinkeisen J.W. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. 4 Theil. Gotha, 1856; Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches.

В.4. Gotha, 1911.) И в целом иностранные исследователи опирались на весьма ограниченную источниковую базу, и им были слабо известны такие первостепенные по своему значению источники, как материалы дипломатических сношений России из фондов Посольского приказа. Тем не менее, в их работах содержатся отдельные интересные наблюдения. Так, они пришли к выводу о том, что казачество в России и на Украине возникло в XVI в., причем, по мнению историка из ФРГ Г.Штекля, это был процесс, охватывавший столетие с середины XVI по середину XVII вв.* (Stokl G. Die Entstehung des Kosakentums. Munchen, 1953. S.37; Habsburg and Zaporozhian Cossacs. The diary of Erich Lassota von Steblau. 1594. 1974. P.28; The Encyclopaedia Americana. 8 Vol. New-York-Chicago, 1944. P.39.) Г.Штекль и английский исследователь Л.Р.Винар правомерно указали на значительную роль в формировании казачества татарского элемента, причем, как считал Г.Штекль, на первых порах казачество было татарским, и лишь с середины XVI в. началась его "славянизация" вследствие продвижения русских на Дон*. (Stokl G. Ibid. S.144-145; Habsburg and Zaporozhian Cossacks... P.28.) В зарубежной литературе ставился вопрос о путях и предпосылках этого продвижения. Историк из США К.М.Кортепетер полагал, что к концу XVI в. "колонии" донских казаков от Воронежа "продвинулись вниз по течению (Дона - Н.М.) к Азову"*. (Kortepeter K.M. Ottoman Imperialism during the Reformation: Europe and the Caucasus. New-York-London, 1972. P.16.) Таким образом, он верно указал на одно из направлений русского заселения Дона. Само возникновение казачества на Дону связывалось зарубежными авторами с развитием Русского государства в XV-XVI вв. Для него, подчеркивал Г.Штекль, была необходима сильная армия. Это предопределило распространение поместного землевладения, рост барщинной эксплуатации и, как следствие, уход угнетенного населения в казаки, благодаря чему оказалась возможной охрана важного торгового пути по Дону в Крым*. (Stokl G. Ibid. S.164-165.) Таким образом, Г.Штекль объяснял причины появления казачества на Дону частично - с позиций русских историков государственной школы, исходивших из идеи определяющей роли государства в судьбах русского народа, частично - с позиций советских историков 20-х годов, сторонников теории "торгового капитализма", считавших донских казаков стражей на торговых путях. И вообще в отдельных работах преувеличивалась степень зависимости донских казаков от государства и степень влияния государства на казаков*. (См.: Vachtold R. Рец. на кн.: Буданов И.П. Дон и Москва. Кн.1-4. Париж, 1954-1957. - Jahrbucher fur Geachichte Osteuropas. Munchen, 1958. Vd.4. N3.) При этом Э.Доннерт (ГДР) полагал, что уже в 70-х годах XVI в. они состояли на его службе в такой же степени, как и "городовые" казаки XVII в., а русское правительство обладало твердой властью на Дону*. (Donnert E. Rubland an der Schwelle in der Neuzeit. Der Moskauer Staat im 16. Jahrhundert. Berlin, 1972. S.190.) Более точно об отношениях между правительством и ранним казачеством говорил Г.Вернадский (США), подчеркивавший не только свободу первых казачьих общин на Дону в XVI в., но и полную самостоятельность донских казаков в начале XVII в.* (A source book for Russian History from Early Times to 1917. Vol.1. New-Haven-London, 1972. P.274.)

Работы иностранных исследователей свидетельствуют о наличии за рубежом интереса к истории донского казачества XVI-XVII вв. В то же время очевидна несамостоятельность их выводов, в значительной мере повторяющих положения, высказанные в русской дореволюционной и советской литературе. Это не случайно, поскольку зарубежные исследователи пользовались, как правило, тем же материалом, который имелся в этой литературе.

Источниковой базой исследования послужили прежде всего разнообразные письменные источники, документальные и нарративные.

Наряду с ними привлекались и источники картографические, а также фольклорные.

Важнейшими из документальных источников являются материалы текущего делопроизводства Посольского приказа. Этот приказ ведал сношениями с войском Донским, начиная с царствования Михаила Романова. Но и до вступления его на престол через этот приказ, осуществлявший дипломатические сношения с Турцией, Крымом и ногаями, проходило немало документов, относящихся к донским казакам. Сосредоточены они в нескольких фондах РГАДА: за XVII в. с 1613 г. - в Донских делах (ф.111), за XVI-XVII вв. - в Турецких (ф.89), Крымских (ф.123) и Ногайских (ф.127) делах.

Документы из фонда Донские дела были опубликованы Археографической комиссией под редакцией В.Г.Дружинина в пятитомном сборнике документов "Донские дела"*, (Донские дела. Кн.1 - Русская историческая библиотека (РИБ). Т.18. СПб., 1898; Донские дела. Кн.2. - РИБ. Т.24. СПб., 1906; Донские дела. Кн.3. - РИБ. Т.26. СПб., 1909; Донские дела. Кн.4. - РИБ. Т.29. СПб., 1913; Донские дела. Кн.5. - РИБ. Т.34. Птгр., 1917.) охвативших период до 1662 г. включительно. Часть документов из этого фонда, относящихся к Разинскому восстанию, была опубликована в четырехтомном сборнике документов "Крестьянская война под предводительством Степана Разина"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. М., 1954; Т.2. Ч.1. М., 1957; Т.2. Ч.2. М., 1959; Т.3. М., 1962; Т.4. М., 1976.)

Документы из других указанных фондов Посольского приказа опубликованы частично. В двух томах сборников Русского Исторического общества были напечатаны материалы дипломатических сношений Российского государства с Османской империей, Крымским ханством и ногаями за период конца XV - начала XVI вв., которые отразили предысторию казачества*. (Сб. Русского Исторического общества (РИО). Т.41. СПб., 1884; Сб.РИО. Т.95. СПб., 1895.) Отдельные документы или обширные выписки из них публиковались некоторыми исследователями. Наиболее ценные из них - в подстрочных примечаниях к труду В.Д.Сухорукова "Историческое описание Земли войска Донского". Часть царских грамот на Дон была опубликована в сборниках, составленных И.И.Прянишниковым и А.А.Лишиным*. (Материалы для истории войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, 1864; Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные генерал-майором А.А.Лишиным. Т.1. Новочеркасск, 1891.) Однако составители выбирали лишь те грамоты, в которых правительство благодарило казаков за службу и предоставляло им различные льготы, но, как правило, не публиковали те грамоты, где власти выражали недовольство войском Донским.

Донские дела включают подлинные отписки донских казаков, черновые отпуски царских грамот на Дон, делопроизводство, связанное с приездом казаков в Москву, посылкой на Дон царского жалованья и по другим поводам, отписки воевод южных городов о событиях на Дону.

Значительное количество материалов, касающихся донских казаков, сосредоточены в фонде Турецкие дела. Это не случайно, поскольку дипломатические сношения двух держав шли через Дон и Азов, и русские послы, проезжавшие в Турцию, останавливались у казаков и выполняли в Войске правительственные поручения. В этом фонде содержится наиболее полное собрание документов по истории донского казачества за период до 1638 г., однако за периоды с 1523 по 1569, с 1595 по 1612 и с 1651 по 1661 гг. документы отсутствуют, поскольку дипломатические отношения за те годы между Россией и Турцией не поддерживались. За XVI в. Турецкие дела дошли в виде посольских книг (3 книги), а за 1593 г. и за XVII в. - не только в виде книг, содержащих материалы русских и турецких посольств за ряд лет, но и по годам. Среди материалов фонда встречаются царс-

кие грамоты на Дон, сведения о посылке жалованья казакам, а также отписки послов в Москву, где рассказывалось о встрече их в Войске и о положении на Дону. Эти отписки представляют собой интерес, так как основаны на впечатлениях людей, посторонних на Дону, и являлись результатом наблюдения со стороны. Поэтому в них отмечалось то, на что сами казаки просто по привычке не обращали бы внимания, и сообщалось о том, что в Войске предпочли бы скрыть.

Среди материалов Ногайских дел наиболее существенный интерес представляют отписки астраханских и терских воевод за XVII в., где содержатся сообщения о донских казаках. Все они основаны на рассказах астраханских и терских служилых людей и также представляют собой взгляд со стороны. В Крымских делах, где имеются отписки русских послов, даются разнообразные сведения о походах казаков на суше и на море. За XVI в. Ногайские и Крымские дела собраны в виде книг, а за XVII в. - также и по годам.

Следует учитывать то обстоятельство, что недоговоренность, лаконичность, фрагментарность в изложении эпизодов является характерной чертой делопроизводственных материалов. Изложение отдельных эпизодов дается в них нередко вне связи с предшествовавшими и последующими событиями, не всегда имеет место четкая временная и географическая привязка, нередко отсутствуют имена участников описывавшихся событий - казачьих предводителей.

Некоторые сведения о донских казаках содержатся в турецких документальных источниках. Один из них - грамота султана Сулеймана I Кануни ногайскому князю Исмаилу - содержится в переводе на русский язык в Ногайских делах. Она относится к 1551 г. Перевод сделан со списка, добытого русским послом в Ногайской орде П. Тургеневым и доставленного им в Москву. Грамота дает представление о том, что к середине XVI в. донские казаки стали весьма опасным противником Азова, и это вызывало беспокойство Порты*. (РГАДА. Ф.127. Кн.4. Л.39-40 об.)

Эти опасения нашли отражение и в трех грамотах Сулеймана I Кануни из крымского ханского архива Топ-Капы, опубликованных французскими исследователями.

Первая представляет собой копию послания султана крымскому хану Сахиб Гирею. Она не датирована. Ее можно отнести к 1532-1551 гг., когда в Крыму царствовал этот хан. В ней султан настаивал, чтобы хан оказал Азову скорейшую помощь от "неверных русов" - донских казаков*. (Le Khanat de Cremee dans les Archives du Musee de Palais de Topkari presente par Alexandre Bennigsen, Petrev Nalili Baratav, Dilek Desaiive, Chantal Lemercier - Quelquejay. Paris, 1978. P.131-133.)

Две грамоты относятся к 12 июля 1552 г. В них султан велел новому крымскому хану Девлет Гирею организовать охрану судов в Азовском море от казаков. По мнению первого отечественного исследователя этих грамот В.Н. Королева, из них следует, что донские казаки выходили на море еще до 1552 г., так как "первый выход, разумеется, не мог нанести слишком большой ущерб и вызвать необходимость специальной охраны с начала марта до конца ноября, а также весьма значительный комплекс мер противодействия казакам и повышенное внимание имперского правительства"*. (Королев В.Н. Морские походы донских казаков в середине XVI в. - Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1987, N1. С.81.) С этим можно согласиться. Едва ли, однако, грамоты 1552 г. дают основание утверждать, что выходы казаков в море имели место задолго до этого времени, тем более, что в грамоте Сахиб Гирею нападения "русов" - казаков на Азов названы "эти новости". Значит, сами казаки появились под Азовом не ранее 30-х годов XVI в., когда султан послал эту грамоту в Крым. И если казаки появились под Азовом примерно в те же годы, то и выходы их в море начались приблизительно в то же время.

Следующая значительная группа письменных источников - narra-

тивные. Среди них наибольшую по объему информацию содержат повести донских казаков об азовских событиях 1637-1641 гг. В советское время публикацию трех из этих повестей "Исторической", "Поэтической" и "Сказочной" - предпринял А.Н.Робинсон в 1949 г. в книге "Воинские повести Древней Руси" из серии "Литературные памятники". "Особая" повесть об Азове, в которой описываются события 1637-1638 гг., в т.ч. Адахунское сражение, была издана в 1907 г.

Отдельные довольно отрывочные сведения о казаках на Дону и в Поле дают летописи XVI в. Иногда они позволяют весьма существенно пополнить сведения, которые имеются среди документов дипломатических отношений России с ногаями и Крымом. Так, например, долгое время исследователи считали, что первые сведения о поселениях донских казаков относятся к 1549 г. В "Продолжении Хронографа редакции 1512 года", опубликованном С.О.Шмидтом, упоминалась под 1548 г. "острога" донских казаков вблизи Волго-Донской Переволоки*. (Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. - Исторический архив. Т.7. М., 1951. С.294.) Более подробно, чем в документах дипломатических сношений, в летописях - Александро-Невской, Лебедевской, Никоновской, Казанском летописце - освещается участие казацкой вольницы в войнах Русского государства с Казанью, Астраханью и Крымом в 50-х годах XVI в.

Некоторые сведения о донских казаках содержатся в сочинениях русских и иностранных авторов. Первым из русских писателей упоминал о донцах князь А.М.Курбский. В своем сочинении "История о великом князе Московском" он упоминал о "градах" "русских сынов" по "Танаису" - Дону и "Коале" - Медведице*. (РИБ. Т.31. СПб., 1914. С.173-174.) Сам А.М.Курбский на Дону не был, и об этих "градах" знать он мог от донских казаков, с которыми встречался в казанском походе. Сочинение было написано им в Польше, когда он уже прожил там некоторое время и усвоил полонизмы и латинизмы, которые попадают в его произведения. Отсюда - не принятые в русской речи латинизированные названия рек. Помимо этого, о донских казаках упоминалось в сочинениях А.Палицына, Г.Котошихина, ряда иностранных авторов - И.Массы, К.Буссова, поляков - участников похода в Россию в начале XVII в., А.Олеария и других.

Историю заселения казаками Донской земли помогают раскрыть географические и картографические источники, к которым относятся списки казачьих городков по реке Дон и карты с нанесенными на них казачьими городками. Два из этих списков - 1672 и 1674 гг. - содержатся в составе Донских дел. Список 1672 г. был составлен в Посольском приказе со слов казаков станицы атамана Фрола Минаева*. (РГАДА. Ф.111. 1672. N11. Л.27-29; опубликован этот список: Мининков Н.А., Рябов С.И. О заселении Донской земли в XVI-XVII веках. - Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1984, N3. С.26.) Список 1674 г. направило в Москву само Войско с указанием того, что в каждом из городков пограбили и погромили калмыки тайши Аюки. Кроме городков по Дону, в нем были указаны городки по Хопру*. (РГАДА. Ф.111. 1674. N15. Л.4-9.) Один из списков содержится в дорожнике, составленном в середине XVII в. и опубликованном А.А.Зиминным в 1959 г. В нем, помимо названий, даны сведения о расстояниях между городками в верстах, расположении их на Крымской или Ногайской стороне Дона и численности живших в них казаков*. (Зимин А.А. Русские географические справочники XVII в. - Зап. отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина. Вып. 21. М., 1959. С.227-229.) По мнению В.Н.Королева, список был составлен в конце XVI в., предположительно в 1593 г., поскольку к середине XVII в. городков на Дону было больше, чем названо в списке, и они были более крупными и населенными, чем это указано в источнике*. (Королев В.Н. Роспись донских городков конца XVI в. - 350-летие Азовского осажденного сидения. С.26-27.) Еще один список содержится в сборнике "Книга о посольских делах,

или о державстве великих государей московских" между бумагами 1649 г.* (ГИМ. Синодальное собрание. N766. Л.148-149.) Поэтому В.Г.Дружинин считал, что список был составлен "около 1649 г."* (Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. С.5, 225.) Однако, как отметил П.П.Сахаров, в списке отмечены далеко не все городки, существовавшие не только к 1649 г., но и к началу 20-х годов XVII в. В списке упомянуто о существовании четырех городков по Хопру и трех по Медведице, но названия их не приводились. Ничего не было сказано о существовании городков по Северскому Донцу. Имелись в списке и очевидные ошибки. Так, городок Кумшак составитель переделал в "Кушман", а два Каргальских городка пометил стоявшими выше по Дону, чем городки Терновые и "Кушман", тогда как в самом деле Каргальские городки стояли по Дону ниже Терновых и Кумшака. Учитывая все это, П.П.Сахаров предположил, что список относится к концу XVI в., а составил его не казак, а человек на Дону случайный*, (Сахаров П.П. Заселение Донского края в связи с условиями местного быта по печатным и рукописным материалам. Рукопись. Фонд Ростовского областного краеведческого музея. С.351-355.) поскольку казакам такие списки не были нужны, так как в конце XVI в. между верховыми и низовыми казаками еще не было прочного единства, а сообщать подобные сведения в Москву казаки не стремились. Напротив, для правительства подобный список представлял интерес. Возможно, что он был составлен в 1594 г. послом Д.Истленьевым, направлявшимся в Турцию. Как раз в то время, когда в 1593 г. в Москве была получена грамота султана Мурада III, в которой говорилось о новых "острогах" у казаков "на устье Дона...", да в Черкасех..., да на Маначе, да под посадом Бузулуком...".* (Кабардино-русские отношения в XVI-XVII вв. Т.1. XVI-XVII вв. М., 1957. С.68.) у правительства могло возникнуть стремление проверить эти сведения и узнать, какие еще поселения, кроме названных в турецкой грамоте, имеются у донских казаков.

Городки донских казаков были показаны на картах, составленных голландцами, в 1614 г. - Г.Герритсом* (Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Серия 1. Вып.2. Киев, 1910. N45.) и в 1633 г. - И.Массой*. (Там же. N44; Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Серия 1. Вып.1. Киев, 1889. NN29, 30.) Многие элементы географии Дона на отображены совершенно одинаково. Указано 36 одинаково подписанных городков. Есть ряд общих ошибок. Написание названий отдельных городков отличается от их русского произношения: Migalin (Мигулин), Peatish (Пять Изб), Kurmanion (Курман Яр), Senkorker (Семикаракоры) и т.д. Сходство между двумя картами объясняется тем, что оба картографа пользовались одним источником. На него указал Г.Герритс в левом верхнем углу своей карты. Этот источник - русская карта, составленная при участии царевича Федора Борисовича Годунова, не дошедшая до нас. Во всяком случае, наличие на такой карте казачьих городков не удивительно, поскольку Годуновы, имея напряженные отношения с казаками, должны были внимательно следить за положением на Дону. На картах обозначены примерно те же городки, что и в списке конца XVI в., переписанном в середине XVII в., т.е. они отражали расселение казаков на Дону при царе Федоре Ивановиче и при Борисе Годунове. Расшифровку названий городков, написанных латинским шрифтом, предпринимал по карте И.Массы С.Г.Кобяков*. (Кобяков С.Г. Заселение Дона в XVI-XVII вв. - Ученые записки ЛГПИ им. А.И.Герцена. Т.10. Геогр. фак-т. Вып.3. Л., 1955. С.63.) Большинство названий расшифрованы правильно, но названия четырех городков не расшифрованы. Это - Кумшак, записанный С.Г.Кобяковым под N10 среди правобережных донских городков, а среди левобережных - под N4 - Терновые, N5 - Курмояр, N7 - Есаулов и городок между Терновыми и Кумшаком - без названия.

История донского казачества XVI-XVII вв. нашла отражение не

только в письменных, но и в устных источниках. У донских казаков сложился богатый и разнообразный фольклор, в котором значительное место занимала историческая тема. Наиболее распространенной формой устного народного творчества на Дону являлась песня. Кроме того, Донская земля была одним из центров, где сохранялась былина как явление русской культуры*. (Дмитриева С.И. Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX – начала XX в. М., 1975. С.38, 41, 85, 91, 93.) Сбор и публикация донских казачьих песен начались со второй половины XVIII в. исследователем фольклора М.Д.Чулковым и были продолжены Н.И.Новиковым, В.Д.Сухо-руковым и другими. Со второй половины XIX в. началось составление песенных сборников, включавших многие десятки песен. Большой труд по сбору песен в станицах и хуторах области Войска Донского пре-делали А.М.Савельев, П.Г.Никулин, А.И.Пивоваров и другие любители донской старины. С начала XX в. эту работу вел выдающийся фоль-клорист и музыкант А.М.Листопадов*. (Позднеев А.В. Собрание и публикация донских песен. – Народная устная поэзия Дона (Матери-алы научной конференции по народному творчеству донского казачест-ва. 18–23 декабря 1961 г.). Ростов-на-Дону, 1961. С.157–160.) В исторических песнях донских казаков отражены многие важнейшие со-бытия истории Дона XVI–XVII вв., и проявилось отношение казачест-ва к ним. Поэтому устное творчество казаков является одним из первостепенных источников, отражающих особенности их характера, мышления и восприятия окружающего мира, характеризующих их лич-ность.

Такова источниковая база исследования. Для этих источников, как правило, характерны отрывочность, лаконичность, а иногда и противоречивость. Поэтому для получения возможно более полной картины жизни донского казачества XVI–XVII вв. необходимо сопос-тавление информации из разных источников, а иногда для воссозда-ния исторического фона, характерного для той эпохи, требуется привлечение источников, прямо не сообщавших о казаках или не на-зывавших их, но дающих общее представление о том времени и о том регионе, где проживали и действовали донцы. Такой подход позволя-ет решить главную задачу исследования – раскрыть историю донского казачества в эпоху позднего средневековья.

Глава 1.

Территории, рубежи и природные условия Донской земли в XVI–XVII вв.

1. Географическое понятие "Донская земля" в средние века. Рубежи земли донских казаков в XVI–XVII вв.

Реку Дон (Танаис) и окружающие ее земли цивилизованный мир хорошо знал еще во времена античной древности. Она считалась од-ной из крупнейших рек Европы*. (Кавказ и Дон в произведениях ан-тичных авторов. Ростов-на-Дону, 1990. С.105.) По этой реке прохо-дил общепризнанный рубеж между Европой и Азией*. (Там же. С.139, 209.) Во времена Геродота она также служила восточной границей Скифии*, (Там же. С.35.) а правобережье Дона было ее частью. Левый берег относился уже к Сарматии*. (Там же. С.29.) Роль реки в ка-честве границы мешала представить земли по правому и левому бере-гу реки как единую географическую, этнографическую и историческую область.

Не способствовало этому и начавшееся с III–IV вв. от Р. Х. Великое переселение народов, когда через Дон с востока на запад прокатывались переселенческие волны. После гуннского нашествия IV в., когда этнический состав населения евразийской Великой степи стал тюркским, земли по реке Дон стали частью обширного тюркского

мира. В качестве таковых их рассматривали на Западе и на Ближнем Востоке. Так, для европейских авторов со времени господства Золотой Орды бассейн Дона был частью Татарии, или Великой Татарии. Это наименование превратилось в понятие, имевшее довольно четко очерченные рубежи и наносившееся на карты. Так, венецианец И. Барбаро, проживавший в Тане (Азове) 16 лет с 1436 по 1452 гг. и побывавший в Крыму и на Кавказе, отмечал: "Равнина Татарии представляется в таких границах: с востока она имеет реку Ледиль (Итиль - Волга), с запада и с северо-запада - Польшу; с юга, там, где земли обращены к Великому (Черному) морю - Аланию, Куманию, Газарию; последние страны все граничат с Забакским (Азовским) морем (Кумания - к северу, Алания - к востоку, Газария - к юго-западу от моря, в Таврике)". (Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С.137, 162-163.) Несколько менее определенно, но также довольно четко показывал границы степной страны на юго-востоке Европы арабский путешественник и географ ибн Баттута, посетивший в 1333-1334 гг. Золотую Орду и назвавший обширную степь от Днепра до Волги и далее на восток Дешт-и-Кипчак, т.е. Половецкая степь, что соответствовало как названию Кумания, известному в странах Европы, так и русскому названию - Половецкое поле. Ибн Баттута указывал, что Дешт простирается на 6 месяцев пути, вероятно, медленного, так как ездят там, как он писал, на телегах*. (Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. СПб., 1884. С.279.)

Иногда в сочинениях европейских авторов эта территория называется, как и в древности, Скифией и Сарматией*. (Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936; Флетчер Дж. О государстве Русском. - Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С.96.) Использование этих устаревших названий не соответствовало реальности средневековья и отражало лишь знакомство авторов с сочинениями античного времени. На картах XVI в. название Tartaria охватывало степной юго-восток Европы от Днепра до Завольжья. Как особый географический объект Донская земля из них не выделяется, но указаны названия земель, окружавших бассейн Дона. Такими землями на сравнительно подробной карте Московии английского путешественника А.Дженкинсона указаны: с севера, вокруг непомерно большого Иван-озера - Мордва, с запада - Крым, т.е. Крымское ханство, с юга - земля пятигорских черкесов*. (Кордт В.В. Материалы... Серия I. Вып. I. Киев, 1889. Табл. 17.) И хотя А.Дженкинсон дважды, проезжая вниз по Волге, бывал вблизи Донской земли*, (Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII-XVII вв. М., 1973. С.276.) карта свидетельствует, что ее составитель имел о Доне довольно смутное представление. В самом деле, бассейн Дона не граничил непосредственно ни с мордовским, ни с черкесскими землями, а правый приток Дона Сосна лежала далеко от крымских владений. На других картах XVI в., изданных иностранцами, Донская земля, показанная частью Татарии, обозначена менее четко*. (Кордт В.В. Материалы... Серия I. Вып. I. Табл. 3, 4, 6 и др.)

Впервые представление о землях по Дону и его притокам как об особой географической области сложилось на Руси в киевские времена. Этому способствовало заселение русскими Дона после разгрома Хазарии князем Святославом в 964-965 гг. С этих пор хазарская крепость Саркел стала русским городом Белая Вежа, а на Нижнем Дону появилось русское население. Выразилось такое представление в летописных записях начала XII в., посвященных борьбе Владимира Мономаха с половцами. Рассказывая о походе его в Половецкую степь в 1111 г., Ипатьевская летопись отмечала, что 21 марта русские дружины "поидоша к Донови". В тот же день был взят город Шарукань, на другой день - сожжен город Сугров. После этого, 23 марта, Владимир Мономах "поидоша с Дона". Правда, до 27 марта ему

пришлось там задержаться и выдержать два сражения с половцами. Оба сражения окончились победой, и 27 марта полки двинулись к Киеву*. (Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т.2. Птгр., 1923. Стб.261-265.) Таким образом, летопись совершенно определенно говорила о пребывании вооруженных сил русских князей именно на Дону. Это дало основание Н.М.Карамзину утверждать, будто бы Владимир Мономах выходил к самой реке Дон, а затем - к Салу, где он якобы одержал победу над половцами 26 марта*. (Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн.1. Т.2. М., 1988. С.83-84.) Однако в Ипатьевской летописи упоминается не Сал, левый приток Дона, а речка Сальница, незначительный правый приток Северского Донца. Кроме того, сами половецкие города Шарукань и Сугров находились не на реке Дон, а на Северском Донце. До самой же реки Дон Владимир Мономах не дошел*. (Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948. С.116-117.) Следовательно, упоминая о Доне, летописец имел в виду вовсе не реку, а землю, область реки Дон, в которую входили и земли по Донцу. Можно тем самым считать, что уже в XII в. на Руси сложилось и существовало понятие о Донской земле, в которую включалась значительная часть Донецкого бассейна.

Тем не менее, вплоть до XVI в., когда донское казачество громко заявило о себе, географическое понятие "Донская земля" не было широко распространено в источниках. Гораздо чаще эта земля рассматривалась как часть Поля, которое иногда называлось Половецким Полем, а чаще - Диким Полем. Причины распространения на Руси такого наименования, как Дикое Поле, были связаны, во-первых, с его пустынностью. Спутники митрополита Пимена, описывая свое путешествие вниз по Дону по пути из Москвы в Константинополь в 1395 г., отмечали, что выше Переволоки по берегам реки не было "ни града, ни села...нигде бо видети человека, точию пустыня велиа...". (ПСРЛ. Т.II. М., 1965. С.96.) Во-вторых, она объяснялась устойчивым представлением русских людей об опасности, исходившей из южной степи. Для этого были серьезные основания. Там начиналось немало разномастных походов на русские земли, в ту сторону уходили степные грабители с захваченными в полон людьми.

Такие названия, как Татария, распространенное в странах Европы, как Дешт, известное на арабском Востоке, как русское название Дикое Поле обозначали одну и ту же территорию - часть евразийской Великой степи от Днепра до Заволжья. Донская земля рассматривалась как часть этой обширной степной страны, но не всегда. Так, С.Герберштейн, приезжавший в Москву в 1515 и в 1526 гг. во главе посольства от императора Максимилиана I и хорошо знавший Россию, не относил земли по Дону к Татарии, что видно на его карте, составленной в 1546 г. Татарию он поместил в Предкавказье и на Нижней Волге*. (*Кордт В.В. Материалы... Серия I. Вып.1. Табл. 11-16.) Очевидно, С.Герберштейн считал Татарией лишь Астраханское ханство и кочевья малых ногаев в Предкавказье.

В русских летописях и других источниках русского происхождения под Диким Полем понимались лесостепные и степные пространства, северным рубежом которых, или одновременно "берегом" Московской Руси совершенно определенно называлась Ока. Еще в 1571 г. городами "от Поля" считались ближайšie к Оке с юга населенные пункты - Пронск, Михайлов и Тула*. (Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. С.131.) В 1577 г. городами "с Поля" указаны те же Пронск и Михайлов, а также лежавшие еще дальше к югу Дедилов, Мценск, Болхов, Карачев и Брянск. Под 1574 г. эти населенные пункты назывались городами "от польской украины"*. (Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. С.252.)

Не столь ясно представляются южные пределы Дикого Поля. В середине XVI в. в числе наиболее далеко выдвинутых к югу городков на Поле назывались Рыльск и Путивль на реке Сейм*. (Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. С.165.) В конце XVI в. города и

крепости появлялись в Поле еще южнее и восточнее. В 1586 г. был основан Воронеж, а в 1596 г. воеводы и головы И.Солнцев, И.Мясной и М.Нечаев "поставили на Поле" города Курск, Белгород и Оскол*. (Там же. С.501.) Сведения о построении Валуйки относятся к 1593 г.* (Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С.446.) В 1600 г. на Северском Донце была заложена крепость Царев-Борисов*. (Багалеи Д.И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI-XVII столетии. Харьков, 1886. С.10-12.) Несколько менее значительным было продвижение вглубь Поля в сторону Хопра. В 1553 г. был построен город Шацк*, (Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С.446.) а в конце XVI в. под этим городом появилось дворцовое село Конобеево*. (Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. С.517.)

К югу и к юго-востоку от этих городов, далеко вглубь Поля, в сторону Донской земли и Приазовья выдвигались дозорные "заставы" и "станции", задачей которых была сторожевая служба*. (Каргалов В.В. На степной границе. М., 1974. С.162.) В XVI в. сторожевые отряды стали появляться на Донской земле. По данным С.Герберштейна, "караулы" находились на Нижнем Дону "всего за два дня пути до Азова", у устья Донца - "в четырех днях пути до Азова" и "возле места Великий Перевоз" (возможно, у Переволоки)*. (Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С.67, 106.) В середине XVI в. сторожевая служба охватила район Северского Донца, через который проходили пути многих татарских нападений на русские земли. С 70-х годов сторожевая и станичная служба по Дону и по его притокам стала носить все более регулярный характер. Судя по Росписи сторожа 1571 г. князя М.И.Воротынского, по Донцу существовало 7 сторож, из которых 6-я - "Бахмутовская усть Черного Жеребца", а 7-я - самая нижняя по этой реке - Айдарская*. (Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. Источники. С.7.) По Дону сторожа появилась у Богатого Затона (ныне - город Лиски)*. (Загоровский В.П. История Воронежского края от А до Я. Воронеж, 1982. С.31.) В 1571 г. большая сторожа появилась "в Вежах выше Медведицы и Хопра". Там несли службу "детей боярских; татар и мордвы...120 человек"*. (Беляев И.Д. Указ. соч. Источники. С.16.) Разъезды этой сторожи ездили от верховьев Айдара на западе до Усть Большкля на востоке. А по приговору 1578 г. разъезды стали направляться значительно ниже по Дону, "к Клеткам и до Переволоки...и ниже"*. (Там же. С.15, 31.)

Таким образом, в 70-х - начале 80-х годов XVI в. русская сторожевая и станичная служба проникла далеко вниз по Дону. Однако появление этих довольно многочисленных сторожевых и дозорных разъездов еще не означало ни заселения, ни прочного освоения Донской земли. Это делало постоянное население края - донские казаки. Но и в то время, как в XVI-XVII вв. казаки заселяли и осваивали этот край, в глазах русских людей - жителей городов и внутренних уездов страны - он оставался отдаленным и полным опасностей местом, настолько отдаленным, что находился как бы за Полем, за той лесостепной и степной окраиной страны, которая начиналась к югу от Оки. Отсюда - распространенная в русских источниках характеристика притоков Дона как запольных рек или речек. Это дало основание С.Ф.Платонову высказаться в том духе, что "вольные казаки" шли в XVI в. на Поле и на Дон*. (Платонов С.Ф. Указ. соч. С.77.) Следовательно, по его мнению, Дон - это уже не Поле. Не поместил Донскую землю на своей карте Дикого Поля М.Н.Тихомиров*. (Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С.417.)

И в самом деле, на взгляд русских людей XVI-XVII вв. Донская земля стала обособляться от соседних с севера земель, включавшихся в состав южных русских уездов и являвшихся частью Дикого Поля. Объяснялось это тем, что в то время Донская земля стала землей

донских казаков, где сложился совершенно особый уклад внутренней жизни, отличавшейся от уклада, имевшего место во внутренних уездах России. Применительно к землям, населенным донскими казаками, старое понятие – Поле, или Дикое Поле – употреблялось все реже и вытеснялось новым – Дон, или Донская земля. Иногда, однако, и старое понятие, Дикое Поле, употреблялось применительно к Донской земле. Так, в разрядной записи за 1614 г. сообщалось о бегстве разбитого у Воронежа атамана И.Заруцкого к Астрахани "полем"*. (Разрядная книга 1598–1638 гг. М., 1974. С.249.) Путь от Воронежа к Астрахани пересекал Донскую землю в северной ее части. Делая такую запись, в Разрядном приказе в начале XVII в. считали, что Дон – это тоже Поле. Иногда и сами донские казаки отождествляли Донскую землю с Полем. В 1644 г., например, один из атаманов, Осип Лосев, писал в своей челобитной, что он после гибели своего отца "забрел" из Ельца "на поля, на Дон"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.585.) Полем названа значительная часть Донской земли, кроме Приазовья, и на отдельных картах XVII в. Так, на карте Г.Сансона, изданной в 1674 г., большая территория между Доном и левобережьем Северского Донца обозначена как часть Поля*. (Кордт В.В. Материалы... Серия 2. Вып. I. Киев, 1906. Табл.16.) Таким образом, несмотря на широкое распространение в источниках такого определения притоков Дона, как "запольные реки", Донскую землю все-таки продолжали считать частью Дикого Поля. Связано это было с тем, что Дон не отделялся от более северных мест, называвшихся Полем, никакими естественными преградами, имел немало сходства в природных условиях и точно также, как примыкавшие к нему земли с севера, являлся территорией, через которую проходили пути татарских и ногайских нападений на Русь. И также, как и на соседних русских землях, на Дону приходилось вести непрерывную борьбу за выживание. Разница состояла лишь в том, что на Дону соседство с неприятелем было еще более близким, а борьба – еще более ожесточенной.

Появление в XVI в. донского казачества, рост его численности и начало освоения казаками Донской земли делали все более важным определение ее рубежей.

В XVI в. рубежи Донской земли были крайне неопределенными. Это было связано с малочисленностью и разобщенностью казачества, отсутствием у казаков единого центра, особенностями казачьего уклада того времени, предполагавшего перемену места обитания в поисках источников существования и в борьбе с бродившими по Дикому Полю отрядами татар и ногаев. Еще в конце XVI в. значительная часть казаков, как отмечал С.Ф.Платонов, была разбросана "на громадном пространстве от Путивля до Нижней Волги"*. (Платонов С.Ф. Указ. соч. С.88.) В то же время в конце XVI в. у донских казаков уже появилось более трех десятков поселений – городков по Дону, Хопру, Медведице и Северскому Донцу. В результате географическое понятие "Донская земля" определилось несколько более конкретно. Оно стало включать в себя "нижние и верхние юрты" донских казаков. Именно туда стали с конца XVI в. адресовываться царские грамоты на Дон*. (РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.121; Материалы по истории войска Донского. Грамоты. С.5, 8; Собр. Гос. грамот и договоров (СТГ и Д). Т.2. М., 1819. С.86.)

Более четкому ограничению территории Дона от ближайших к ней внутренних уездов России способствовало постепенное продвижение русских поселений к югу и, с другой стороны, появление новых верховых казачьих поселений. На рубеже XVI–XVII вв. русские города в Поле и верховые городки донских казаков разделяло в отдельных местах не столь уж значительное расстояние. Так, в районе Северского Донца довольно близко от одного из старейших городков на этой реке, Митякина*, (Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.–Л., 1954. С.83.) возникли новые русские го-

рода и крепости – Оскол и Царев-Борисов. Очень близко от Дона, у Волго-Донской Переволоки, стоял и основанный в 1589 г. Царицын. В то же время по реке Дон, а также к северу от Хопра и Медведицы расстояние от донских казачьих поселений до ближайших городков все еще оставалось велико. Поэтому ни о каких конкретных границах Донской земли речи идти еще не могло.

Только лишь юго-западный, ближайший к Азову рубеж, обозначился в XVI в. более четко. Он совпадал с границей турецких владений под Азовом, на которой с 1570 г., когда в Турцию был направлен царский посол И.Новосильцев, стала происходить смена караулов при посольствах*. (Путешествия русских послов XVI-XVII вв. С.63.) С начала 90-х годов, когда донские казаки основали новые городки в низовьях Дона "под Азовом...да в Черкасах...да на Маныче"*, (Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. XVI-XVII вв. М., 1957. С.40.) рубеж этот был прочно закреплен.

Проходил он у места, где от главного русла Дона отделялась протока Каланча. Именно от этого места, как доносил в Москву в 1592 г. ехавший в Турцию посол Г.Нащокин, т.е. "от Каланчи", "которые...донские атаманы и казаки провожали нас, и те воротились как пришла встреча из Азова"*. (РГАДА. ф.89. Кн.3. Л.103.) И... значительно позже, во второй половине XVII в., граница по-прежнему проходила у "каланченского верхнева устья на перевозе, где послов принимали и отдавали"*. (Донские дела. Кн.5. Стб.761.)

Со стороны казаков и турок делались попытки перенести эту границу в свою пользу. Войско Донское стремилось при этом взять Азов и пробиться к морскому побережью, а турки – избавиться от опасного соседства с казаками и выбить их с низовьев Дона как можно дальше вверх по реке. После взятия Азова войском Донским в 1637 г. вплоть до оставления ими города в 1642 г. в состав земли донских казаков вошло устье Дона и прилегающий к нему участок побережья Азовского моря. Это было завоевание войска Донского. После оставления казаками Азова была восстановлена граница, существовавшая до азовского взятия в 1637 г. Но в 1643 г. турки предприняли решительную и серьезную попытку перенести границу значительно выше по Дону, к Раздорам вблизи впадения Северского Донца. В июне турки вместе с крымскими татарами, ногаями и горскими черкесами попытались взять послов силой под Раздорами и тем самым поставить новую границу, но казакам удалось отстоять Раздоры и передать 5 июля послов "на старых местах"*, (Донские дела. Кн.2. Стб.462-463.) сохранив прежнюю границу.

Несколько потеснить казаков туркам удалось в 1660 г., когда они построили "выше каланченского верхнева устья...где преже сего...послов принимали и отдавали", две башни, а затем и "город каменной", чтобы воспрепятствовать казакам проходить "для промыслов на море"*. (Донские дела. Кн.5. Стб.761, 786.) Тем самым им удалось отодвинуть границу немного выше по Дону. В следующем, 1661 г., казаки попытались взять этот новый "город", но неудачно*. (Там же. Стб.858, 862.) Благодаря тому, что турки закрепились несколько выше протоки Каланча, им удалось закрыть для казаков выход в море через нее и через главное русло Дона. Однако этот их успех был очень незначительным, а захваченная территория – крайне невелика. И хотя в 1661 г. казаки выразили правительству свое опасение, что турки попытаются поставить крепость еще выше по Дону, у Темерника*, (Там же. Стб.878.) этого не произошло. Вплоть до Азовских походов Петра I граница по Дону у Азова стабилизировалась. Защищая эту границу, войско Донское выступало в XVII в. на стороне не только своих, но и общероссийских интересов, не позволяя расширяться турецкой агрессии и сохраняя за русским народом район его традиционного полуторавекового расселения.

Все остальные рубежи Донской земли обозначились вплоть до конца XVII в. гораздо менее четко. И только лишь по течению наи-

более крупных рек – Северского Донца, Дона в его верхнем течении, Хопра, а также в районе Переволоки граница прослеживается более точно. Это не случайно, поскольку заселение казаками края шло, прежде всего, по берегам крупнейших рек, а район Переволоки, имевший для казаков особое значение как ближайший путь к Волге, строго контролировался властями из Царицына.

Так, весьма протяженный западный рубеж, тянувшийся от донского устья до воронежских земель, с некоторой точностью прослеживается только по Северскому Донцу, да и то лишь с середины XVII в. Для более же раннего времени очень трудно определить, где проходило разграничение земель между казачьими юртами и правительственной крепостью Царев-Борисов, поставленной у впадения в Донец его левого притока Оскол. Попытка правительства Бориса Годунова поселить донских казаков вблизи новой крепости Царев-Борисов у Оскола по-видимому не удалась, хотя в целом и содействовала закреплению казаков по Донцу. Видно это из того, что по Донцу вниз от впадения Оскола постепенно продвигалось население, приходившее из российских городов и уездов. Так, в 1641 г. у впадения в Донец речки Тор существовал соляной промысел, охрану которого несли служилые люди из Валуйки*. (Донские дела. Кн.2. Стб.241-242.) Еще ниже по Донцу, у впадения левого притока речки Жеребец, было место, куда часто ходили ловить рыбу валуйчане*. (Там же. Стб.433.) Юрты же донских казаков в середине XVII в. располагались ниже по Донцу. В качестве наиболее верхнего из них известен Краснянский, расположенный у впадения в Донец речки Красной (выше Айдара) и упомянутый под 1655 г.*. (Донские дела. Кн.5. Стб.11.) Следовательно, рубеж донских казачьих юртов по Донцу располагался ниже впадения в Донец правого его притока речки Тор и выше впадения левого притока речки Красной. Он, однако, не был строго определен. Казаки стремились занять земли выше по Донцу, что им отчасти удалось. Под 1682 г. был упомянут Сухарев городок*, (РГАДА. Ф. 111. 1682. N2. Л. 53.) находящийся выше Краснянского юрта. Навстречу казакам вниз по Донцу стали продвигаться черкасы украинского слободского Изюмского полка, образованного в 1688 г.* (Гербель Н. Изюмский слободской казачий полк. 1651-1765. Спб., 1852. С.24-25, 27.) и начавшего добычу соли в районе Торских соляных озер. Обе стороны – и войско Донское, и Изюмский полк – стремились занять земли, расположенные по правому притоку Донца речке Бахмут (впадает в Донец ниже Тора), где имелись соляные месторождения. Между ними был острый спор за эти земли*, (Пронштейн А.П., Мининков Н.А. К.А.Булавин. М., 1988. С.22-23, 35-40.) окончательно решенный не в пользу донских казаков после подавления Булавинского восстания, когда войско по распоряжению Петра I потеряло земли "до Луган"*. (Булавинское восстание (1707-1708). Сб. документов. М., 1935. С.281.)

Что касается западного рубежа Донской земли южнее Донца, то в источниках нет точных сведений о его происхождении. Трудно даже сказать, входили ли земли по реке Миус в состав войска Донского. Во всяком случае, еще в середине XVII в. делалось различие между землей донских казаков и "рекой Миус". Так, в 1650 г. сообщалось, что татары "стоят по Миусу", а затем собираются "итти на Дон"*, (Донские дела. Кн.4. Стб.496.) т.е., не на реку Дон, а на казачьи городки, в землю войска Донского. Следовательно, в данном случае Миус рассматривался как бы вне Донской земли.

Стремление казаков закрепиться на Миусе стало проявляться со второй половины XVII в. После того, как турки в 1660 г. построили башни вблизи Каланчи и сильно укрепили устье Дона, Миусский лиман мог послужить базой для организации морских походов против Турции и Крыма и для возвращения из этих походов в донские городки. В 1673 г. атаман Михаил Самаренин, возвращавшийся из морского похода и остановившийся на Миусе, поставил у впадения реки в море

"крепостицу", оставив там 150 казаков и 2 пушки. Войску он предложил укрепить эту крепость. На Миус было послано 300 казаков во главе с атаманом Родионом Осиповым и 300 стрельцов из состава находившегося с 1660 г. на Дону небольшого контингента правительственных войск. Вскоре попытка закрепления на Миусе заинтересовала правительство, пожелавшее поставить там крепость. Для этого в 1674 г. на Миус прибыли князь Хованский и инженер Лим, под командованием которых состояло 3180 человек. Таким образом, становилось ясно, что новую крепость на Миусе правительство хотело сделать своей и не отдавать ее Войску. Поэтому казаки быстро потеряли интерес к ней. Так, уже в конце 1674 г. атаман Корнило Яковлев, находясь в Москве, уверял правительство в том, что для постройки крепости было избрано неудобное место. А атаман Р. Колуженин заявил в Посольском приказе, что крепость на Миусе и вовсе не нужна. В конце концов противодействие казаков сыграло свою роль и крепость на Миусе так и не была построена*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... Дон. 1990, N2. С.148.) Противодействие Войска попыткам правительства поставить крепость на Миусе было не случайным. Отсутствие правительственных крепостей вблизи Миуса и каких-либо четко определенных рубежей в этом районе позволяло донским казакам беспрепятственно осуществлять связи с запорожцами. По словам казака Архипа Аристова, казаки "з Дону за пороги проходят крепкими местами и по взморью, а Калмиюс и Миюс переходят такими ж местами, и в тех де местех устеречь их не мочно"*. (РГАДА. Ф.111. 1685. N3. Л.22.) Отделены были казаки от морского побережья и от Миусского лимана после строительства Троицкой крепости на Таганьем Рогу в 1698 г. Окончательно территория по Миусу и по левобережью Кальмиуса была закреплена за войском Донским в 1775 г.* (Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С.28.)

В XVII в. стали устанавливаться рубежи войска Донского и "Воронежской вотчины" вблизи Дона. Самым верхним городком у донских казаков по Дону был с конца XVI в. Мигулин. Правда, на картах Г. Герритса и И. Массы помечены в качестве поселений по Дону, лежащих выше Мигулина, Песковатка у впадения в Дон слева речки с одноименным названием, и Гнилой, возможно, по речке Гнилуше, небольшого левого притока Дона, впадавшего вблизи впадения справа речки Богучарки. Однако в каких-либо иных источниках городки Песковатка и Гнилой не упомянуты. В 1672 г., по словам атамана Фрола Минаева, "первый" из казачьих городков "от Коротояка" был Мигулин*. (РГАДА. Ф.111. 1672. N11. Л.27.) Граница же "Воронежской вотчины" в 1640 г. была "на Богучаре", затем по ногайской стороне по усть речки Меловой", "да в другом месте на речке-ж Мамоне"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.6-7.) Но эту границу воронежские воеводы не считали твердо установленной. В 1646 г. воевода А. Бутурлин предлагал "на Богучаре ... или на Казанском перелазе" "город поставить", чтобы перекрыть "татарские пролазы" через Дон "в мордовские и черемисские места" и прекратить грабежи торговых судов, шедших к Дону, воровскими черкасами*. (Донские дела. Кн.5. Стб.761.) При этом А. Бутурлина не смущало то обстоятельство, что место у Казанского перелаза находилось ниже впадения в Дон Меловой и Богучара, т.е. за пределами "Воронежской вотчины". Но город так и не был построен.

В 1676 г. казаки основали выше Мигулина новый городок - Донецкий, несколько выше Казанского перевоза*, (Булавинское восстание. С.120, 123.) у впадения в Дон справа речки Сухой Донец. Этот городок находился ниже Меловой и Богучара, т.е. за пределами "Воронежской вотчины", и те земли рассматривались Войском в качестве своих. Рубеж у Богучара и Меловой сохранялся до конца XVII в.

Весьма неопределенным был северный рубеж Донской земли по Хопру и вблизи этой реки. В XVI в. казачьи отряды заходили далеко

на север и оказывались нередко вблизи Шацка, приходя "с вестями" "про воинских людей" – татар и ногаев к воеводам этого города* (РГАДА. Ф.170. №1. Л.1-2.) Более четко этот рубеж обозначился в XVII в., после того, как недалеко от Хопра в 1635-1636 гг. были основаны города Тамбов и Козлов, а в 60-х гг. у казаков несколько выше впадения справа в Хопер реки Савалы появился Пристанский городок* (Загоровский В.П. История Воронежского края от А до Я. С.197.) Этот городок оставался самым верхним по Хопру поселением донских казаков, о чем свидетельствует описание лесов по притокам Дона в 1698 г.* (Попов В.С. Материалы к истории войска Донского. СОВДСК. Вып.12. Новочеркасск, 1913. С.186-202.) Он же являлся самым северным из донских казачьих городков. Продвижение крупного феодального землевладения со стороны России в сторону земель донского казачества на Хопре было заметно в конце XVII в., по мере ослабления военной опасности в крае.

Целиком входила в состав земли войска Донского река Бузулук – левый приток Хопра. Река же Медведица, как и Хопер, принадлежала Войску лишь в нижнем своем течении, хотя и на весьма значительном протяжении, примерно на 200 верст от места своего впадения в Дон. Общие сведения о городках донских казаков по Медведице дал на допросе в 1688 г. раскольничий старец Тихон. Самым верхним из них он назвал Орлов*, (РГАДА. Ф.111. 1688. №18. Л.10.) расположенный между впадением в Медведицу ее левых притоков – Березовой и Лычака. Им не был назван Заполянский городок, расположенный в четырех верстах выше Орлова, за который осенью-зимой 1688-1689 гг. велась ожесточенная борьба между донскими раскольниками и их противниками* (Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. С.194-201.) По переписи лесов в 1698 г. самым верхним городком по Медведице назван Бурлуцкий при небольшом левом ее притоке речке Бурлук*. (Попов В.С. Указ. соч. С.196.) Эта речка, очевидно, и стала рубежом земель войска Донского по Медведице. Во всяком случае, в XVIII-XIX вв. граница земли донских казаков пересекала Медведицу именно у Бурлука.

К юго-востоку от Медведицы рубеж земель войска Донского был в XVI-XVII вв. очень нечетким. Прежде всего, это объяснялось отсутствием в междуречье Волги и Дона каких-либо природных рубежей кроме реки Иловли, по которым можно было бы провести границу донских казачьих земель с поволжскими уездами и калмыцкими кочевьями. Мелкие левые притоки Дона, такие, как Карповка, Донская Царица, Мышкова, Есауловский Аксай и другие не могли выступать в качестве таких рубежей, поскольку ни один из них не шел параллельно Дону и Волге.

Отсутствие рубежа было в целом на руку воровским казакам – волжским, донским и яицким, поскольку это облегчало продвижение их между Волгой и Доном. Не содействовало созданию рубежей и основание Царицына, а в 1668 г. – и крепости у впадения в Волгу речки Камышинки для противодействия воровским казачьим походам на Волгу.

Наиболее расплывчатыми и неопределенными оставались в XVII в. юго-восточные и южные рубежи войска Донского, тянувшиеся дугой по левой, ногайской стороне Дона от Волго-Донской Переволоки до низовьев Дона под Азовом. Невозможно даже приблизительно сказать, где в то время проходили эти рубежи. Донские казаки ниже Иловли вовсе не селились на ногайской стороне Дона вдали от берега реки, в глубине степи. Места эти были слишком открытыми, без каких-либо крупных лесных массивов. На такой местности казакам трудно было бы противостоять несравненно более многочисленному противнику. И хотя донские казаки хорошо знали степные пространства по левому берегу Дона вплоть до Кубани, Кумы и предгорьев Кавказа, обширная территория по Салу и Маньчу еще ждала своего заселения и освоения и разграничения с соседними землями.

2. Особенности природных условий Донской земли в XVI-XVII в.

В средние века жизнь людей была связана с природой значительно сильнее, чем в более позднее время - в эпоху индустриальной и постиндустриальной цивилизации. Природная среда в это время являлась одним из главенствующих факторов исторического развития. Она в известной мере определяла мотивы больших и малых передвижений населения, распространения этнических групп на новые территории.

Природные условия Донской земли играли очень важную роль в привлечении в XVI-XVII в. населения из русских городов и уездов. Эти условия были благоприятны и для оказания сопротивления близкому, сильному и опасному неприятелю, и для занятий многими видами промыслового и производительного хозяйства. Не удивительно, что русский народ, проделавший в средние века под давлением со стороны народов Великой степи - отчасти - половцев, а главным образом - монгольских завоевателей - вынужденное перемещение значительной части своего населения с благоприятного лесостепного юга в северо-восточном направлении, в менее благоприятную часть лесной зоны Восточной Европы, не мог не стремиться на просторы юга. И как только стали появляться хотя бы малейшие возможности для движения на юг, в т.ч. на Дон, такое движение стало осуществляться.

Донская земля, лежавшая между 51 градусом северной широты на севере и 47 градусом - на юге, между 38 градусом восточной долготы на западе и 44 градусом - на востоке располагала весьма разнообразными и в целом - более благоприятными природными данными, чем центральные русские уезды. На севере Донской земли и отчасти по Северскому Донцу русские люди попадали в привычную для себя обстановку. Они встречали леса, через которые протекали крупные реки - Дон, Северский Донец, Хопер, Бузулук, Медведица, а также множество мелких. Чем ниже по Дону и Донцу - тем лесов становилось меньше, а по нижнему течению Дона они и вовсе исчезали. Привычной была и равнинная, местами всхолмленная поверхность. Лишь у Донца появлялись крутые скалистые берега, а течение рек становилось быстрым. Не случайно один из левых донецких притоков был известен под названием реки Быстрой. Но и эти скалы не были, конечно, настоящими горами, так как наибольшая высота Донецкого кряжа, Могила-Мечетная, составляет всего 367 м. Вместе с тем привычная для русских переселенцев равнинная поверхность делала всю территорию Дона легко проходимой для татарской, ногайской и калмыцкой конницы. Это заставляло приходивших на Дон русских людей выбирать для поселения естественные укрытия на речных островах и в лесах.

Более южное положение Донской земли по сравнению с Центром России определило ее более благоприятный климат. На Дону было теплее, чем в центральных уездах, в любое время года, причем если на Верхнем Дону и по его северным притокам разница была не столь уж значительной, то в низовьях Дона контраст тепла был уже очень ощутимым. В XVII в., а отчасти - и в XVI в., когда в целом было холоднее, чем в наше время, а примерно с 1550 по 1700 гг. проявлялся "малый ледниковый период"*, (Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI-XVI вв. Л., 1983. С.29.) сравнительно теплый климат Донской земли не мог не привлекать жителей относительно сурового центра России.

Благоприятные условия природы и климата на Дону отмечались многими авторами. Благодаря таким условиям, писал еще в начале XVI в. польский географ М.Меховский, вблизи "Танаиса есть уже дубы, есть яблоки и другие плоды ... Оттого татары и называют Дон святым, что близ него они находят готовую пищу: плоды, мед и рыбу"*. (Меховский М. Указ. соч. С.61.) Восторженные отзывы о

Донской земле бывавших там людей передавал С.Герберштейн: "Этой реке (Дону - Н.М.) расточают всевозможные похвалы за необыкновенное множество превосходной рыбы, за приятность ее берегов, представляющихся тщательно возделанным садом, - в таком изобилии растут на них травы, сладкие овощи и самые разнообразные плодовые деревья"*.(Герберштейн С. Указ. соч. С.106.)

Для Донской земли, находившейся в умеренном поясе, было характерно чередование четырех сезонов. Зима была, как правило, холоднее, чем в наше время, и длилась она дольше. Суровость донской зимы особенно поражала турок, приезжавших из Средиземноморья. Турецкий путешественник Эвлия Челеби, посещавший Дон в 1641-1642 и в 1666-1667 гг., не жалел красок при описании зимних морозов. "Здесь морозы сильнее, чем в Эрзеруме...и Аккермане", - писал он. По его определению, зима под Азовом "безжалостная, как сабля", "беспощадная". Житель благодатного Босфора был настолько удивлен зимними холодами на Дону, что допускал при их описании явное преувеличение. Так, он уверял, что яблони, вишни и сливы из-за холодов в пору цветения не дают плодов, а Азовское море сковано льдом 8 месяцев*.(Эвлия Челеби. Книга путешествий. Вып.2. М., 1979. С.32-33, 35, 205, 207.) Конечно, самим казакам донские зимы не казались такими уж жестокими. Однако и они в своих отписках в Москву отмечали случаи, когда в отдельные особо холодные зимы жизнь на Дону становилась трудной. Очень суровые зимы были в 1640-1641 и в 1641-1642 гг., накануне и после Азовского осажденного сидения. В первую из этих зим "рыбе лову не было", так как "лед был в гирле толст, промерзло до песку". И даже "на Благовещенье на день ... море было крепко, лед стоял по-прежнему и снега были великие"*.(Донские дела. Кн.2. Стб.126.) В следующую зиму было особенно много снега и "метели были великие". Это помешало казакам послать в Москву станицу с "языками" и "подлинными вестями" о передвижениях вблизи Азова крымских татар*, (Там же. Стб.120-121.) хотя доставить в ту зиму такие вести, когда Земский собор решал вопрос о принятии от казаков Азова, было очень важно и для правительства, и для войска Донского.

Переход от зимы к весне осуществлялся в конце марта - в апреле. В марте еще мог быть возврат холодов, как, например, в 1644 г., когда "на масляной неделе" был "снег большой и стыдь"*.(Там же. Стб.723.) Нередко дули сильные ветры, причем восточные - особенно упорно и долго.

Это - типичная особенность погоды в крае, причем не только весной, но и на протяжении большей части года. Яркое описание ярости и силы восточного ветра на Дону дал И.Барбаро. Он отмечал, что под пасху, около 13 апреля 1438 г., он и несколько жителей Таны занимались раскопками клада, но работу пришлось прервать, так как восточный ветер "дул с такой яростью, что поднимал землю и вырытые комья и камни и бросал их в лицо ... так, что сочилась кровь"*.(Барбаро и Кантарини о России. С.140.)

С наступлением устойчивого тепла начинался разлив Дона и других рек и речек. Первый из них был на Нижнем Дону во второй половине марта, а выше - в первой половине апреля. У местного населения он получил название холодной, или казачьей воды. Второй подъем начинался тогда, когда происходило таяние снега севернее, в верховьях Дона и по северным его притокам, протекавшим по Средне-Русской возвышенности. На Дону этот второй разлив называли теплой, или русской водой. Половодье на Дону всегда было высоким. По данным Эвлии Челеби, вешние воды иногда затопляли Азов, находившийся на некотором возвышении на левом берегу Дона, и даже крепость Сед-Ислам (Люттик), расположенную на более высоком правом берегу донской протоки Мертвый Донец, впадавший в Азовское море*.(Эвлия Челеби. Указ. соч. С.199, 208.) Полностью заливался Черкасский городок и многие другие казачьи поселения*.(Астапенко

М.П. Останется вечно монументом. Историко-краеведческие очерки. Ростов-на-Дону, 1984. С.35.) Разливы Дона и его притоков оказывали значительное влияние на жизнь и быт казаков. Во время большой воды жители городков могли чувствовать себя в гораздо большей безопасности, чем зимой или летом, так как паводки делали поселения труднодоступными для неприятеля. Жители Донской земли хорошо знали об этом. Во время осады весной 1689 г. Заполянского городка, где сидели донские раскольники, правительственными войсками и верными царским властям казаками один из раскольников, Куземка Стародубов, говорил: "И как де будет полая вода...и над ними по-иску и промыслу чинить никакими делы невозможно, потому что круг того...осадного городка от реки Медведицы такими ж низкими местами полая вода разливаецца во все стороны, версты по две и по три"*.(ДАИ. Т.12. СПб., 1872. С.254-255.) Осадный Заполянский городок на Медведице был, однако, взят 18 апреля, в самый разгар половодья. Однако объяснялось это подавляющим преимуществом осаждавших, которое они получили с начала апреля, когда в помощь им прибыли симбирские ратные люди, а также очень слабым вооружением защитников городка*.(Там же. С.246, 256.)

Весенние разливы являлись для казаков не только положительным фактором, надежно защищавших их от врагов. Разливы создавали затруднения в хозяйстве. В частности, это было одним из факторов, тормозивших возникновение в XVII в. у донских казаков земледелия. Когда в 1648 г. казаки попытались возобновить свой старый городок на Монастырском яру, уничтоженный турками в 1643 г., они посчитали, что городок у них должен быть именно там, а не в другом месте, поскольку "выше де и ниже того Монастырского яру городка поставить негде, потому что место ниско и пашни завести не мочно"*.(Донские дела. Кн.3. Стб.794.) Монастырский городок так и не был возобновлен. Однако характерно то, что разливы и труднодоступность городка, всегда считавшаяся безусловным преимуществом при выборе места для него, стали рассматриваться и как определенный недостаток, мешавший ведению хозяйства.

Летняя пора продолжалась на Дону довольно долго, на Нижнем Дону – примерно с середины мая до середины сентября, в более северных районах – несколько меньше. Преобладала, как правило, жара и сухость. В результате во второй половине лета Дон заметно мелел. Хорошо зная об этом, казаки предупреждали в 1648 г. дворянина Ж.Кондырева, который должен был привезти из Воронежа в Черкасский городок вольных людей на службу, что суда не пройдут по реке, когда она "замелеет"*.(Донские дела. Кн.2. Стб.799.) Уровень воды падал летом настолько низко, что даже дожди и ненастье в сентябре-октябре не позволяли сколько-нибудь существенно повысить его. Когда воронежец Т.Михнев должен был в 1646 г. доставить на Дон царское жалованье, он дошел на 78 стругах лишь до Воронежа. Там 23 октября он и стал, поскольку ниже Воронежа "река Дон замелела"*.(Донские дела. Кн.3. Стб.213.)

Летняя жара изредка прерывалась непогодой, которую приносил юго-западный и западный ветер, получивший на Нижнем Дону название низовки. Этот ветер нагонял в Дон из Таганрогского залива много воды. Иногда воды нагонялось так много, а ветер был так силен, что на реке разыгрывалась буря и поднималось волнение. Не случайно Ж.Кондырев предупреждал казаков в 1646 г., чтобы они быстрее разгружали суда с "запасами", стоявшие у черкасской пристани, в противном случае "от речные погоды...суды волнами разобьет"*.(Там же. Стб.54.) Еще более сильные бури, чем на Дону, случались летом на Азовском море. Так, 24 августа 1646 г. в море вышла казачья флотилия из 37 судов, которая должна была действовать против крымского побережья. Однако "морская погода", длившаяся три дня, отнесла казачьи струги далеко на запад, к Бирючьей косе возле Самого Сиваша. После бури флотилия уже не могла продолжать поход и

вынуждена была возвращаться назад. Но и на обратном пути "морская погода" застала их еще раз, уже вблизи Таганьего Рога. Затем задул верховой восточный ветер, и подошедшие к устью Дона суда не смогли подняться вверх по реке. Некоторые суда сели при этом на мели, которые образовались в результате стога воды в море, и были сожжены татарами*. (Донские дела. Кн.3. Стб.264-266.)

Осень начиналась обычно не ранее середины сентября, а на Нижнем Дону и того позже. В отдельные годы быстро наступали холода. В 1641 г., например, незадолго до 26 сентября, когда турецкие войска сняли осаду Азова, уже случались по ночам сильные заморозки*. (Эвлия Челеби. Указ. соч. С.35.) Очень рано, вскоре после Покрова, суда по сообщению воронежца Т.Плотникова, Дон стал в среднем течении в 1642 г. Стала возможна езда по льду на санях. Лед, правда, еще не был достаточно прочен. Поэтому у Т.Плотникова, стремившегося дойти до Воронежа по льду Дона, случилось несчастье. Когда он со своими товарищами находился между Иловлинским и Сиротинским городками, под санями, на которых они везли свою поклажу, обломился лед, и "саласки со всею рухлядью потонули"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.382.) Было, однако, и так, что тепло стояло гораздо более долгое время. Так, в 1646 г. казаки 10 ноября "послали ... в поход стругами на взморье для языков и подлинных турских и крымских вестей"*. (Донские дела. Кн.3. Стб.229.) Следовательно, они рассчитывали, что походное войско сумеет возвратиться на стругах в Черкасск до появления на реке ледяного покрова. Лед в ту зиму на Дону долго не появлялся, и 20 декабря Войско вновь посылаю казаков на взморье "в судех" за языками*. (Там же. Стб.577.)

Весьма благоприятные климатические условия Донской земли сочетались с разнообразной растительностью. Преобладала степная растительность. В западной части она имела богатый травостой и располагала хорошими условиями для скотоводства. Даже жаркое летнее солнце не в силах было быстро сжечь траву. Поэтому в 1639-1640 гг. находившиеся в Азове казаки сами выжигали степь вблизи этой крепости, чтобы сделать невозможным пребывание там вражеской конницы*. (Донские дела. Кн.2. Стб.20.) Не удивительно, что такие степи могли прокормить огромные стада скота. Такие стада видели на донских берегах спутники митрополита Пимена в 1395 г.* (ПСРЛ. Т.11. С.96.) Много скота имели в XVI-XVII вв. и донские казаки.

Богат и разнообразен был животный мир края. Проплывая вниз по Дону, спутники митрополита Пимена видели в пойменных лесах вдоль верхнего течения реки, примерно до Хопра и Медведицы, "зверей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры; птицы - орлы, гуси, лебеди, жарави и прочая"*. (Там же.) И Барбаро видел, как жители Таны во множестве ловили куропаток и дроф*. (Барбаро и Кантарини о России. С.143.) Особенно много было лисиц, которых казаки ловили с помощью капканов.

Широко была известна в России и в ряде других стран донская рыба. Еще в древности выловленная в Танаисе рыба вывозилась в Грецию и Рим*. (Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956. С.347, 512.) В средние века некоторые авторы распространяли о рыбных богатствах Дона самые фантастические сведения. М.Меховский утверждал, например, что "татары и другие проезжавшие могут, стоя на берегу (Дона - Н.М.), зацепить саблей и вытащить рыбу, плывущую по течению"*. (Меховский М. Указ. соч. С.62.) По сообщению Эвлии Челеби, в Азове рыбой кормили даже лошадей, а "соколы сами выхватывали рыбу из воды"*. (Эвлия Челеби. Указ. соч. С.206.) Все это очень похоже на преувеличение. Однако наваяно было это преувеличение тем, что рыбы на Дону действительно водилось много, причем самой лучшей. Вице-адмирал К.Крюйс, побывавший на Дону вскоре после

Азовских походов Петра I, отмечал, что "Дон со всеми впадающими в него реками преизобилует рыбою: осетриною, белугою, стерлядью, щуками, лещами, окунями и пр., все велико и преизрядного качества"*.(Крюйс К. Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Кавказе. Отечественные записки. N54. С.54.) Не удивительно, что рыба являлась у казаков любимым блюдом. Так, например, зимой 1640-1641 гг., когда на Дону был очень толстый лед и рыба не ловилась, "в Азове многие бедные люди ели кобылятину", и лишь с весны - "кормятца рыбою"*.(Донские дела. Кн.2. Стб.163.) Следовательно, рыбу казаки явно предпочитали конине.

Природные условия Донской земли были благоприятны для произрастания самых разнообразных плодовых деревьев. К.Крюйс сообщал, что казаки, не занимаясь специально садоводством, имели немало яблонь, груш, вишен, смородины и других плодов, которые росли "безо всякого присмотра и поправления" в лесах*.(Крюйс К. Указ. соч. С.51.) Дыни и арбузы в Азове были, по оценке Эвлии Челеби, "изумительные"*.(Эвлия Челеби. Указ. соч. С.205.) Бахчи в конце XVII в. имелись и у казаков, живших в районе Переволоки*.(ЦГАВМФ. Ф.177. N7. Л.59.) В XVII в. на Дону появилось виноградарство. Эта южная культура начала распространяться на Нижнем Дону, причем в конце XVII в. в Черкасском городке уже изготавливали вино и доставляли его в Азов*.(ЦГАВМФ. Ф.177. N7. Л.82.)

Край располагал очень хорошими условиями и для земледелия. К.Крюйс, сравнивая качество земли на Дону и в Центре России, отмечал, что на Дону "земля так жирна, что они (казаки - Н.М.) работою в полы против лежащих в других краях мест без всякого навозу более плода себе получить могут"*.(Крюйс К. Указ. соч. С.51.) Такие условия предопределили появление земледелия на Дону к концу XVII в., прежде всего в северной части Донской земли.

Богатством донской природы являлись ее леса. Располагались они по долинам рек. Особенно крупные лесные массивы имелись на севере и северо-западе Донской земли, в поймах Хопра, Медведицы, Бузулука, Кумылги, Арчеды, местами - по Верхнему Дону, а также по Донцу и верховьям Миуса. Ниже Хопра и Медведицы по Дону тоже имелись пойменные леса, но было их там не особенно много. По Медведице леса были настолько густые, что в них долгое время скрывались от царских и донских войсковых властей целые поселения бежавших из Руси раскольников и существовали там в 80-х гг. XVII в.*,(ДАИ. Т.12. С.187; Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. Приложение 5. С.273.) точно так же, как и раскольничьи поселения в глухих лесах по Вагу, Керженцу и Северной Двине.

Качество лесов по Дону высоко оценивал в конце XVII в. Петр I, считавший возможным использовать их для кораблестроения. В 1698 г. на Хопер, Медведицу, Бузулук и Северский Донец были посланы офицеры с целью выявления там массивов, годных для строительства судов. Описи лесов были составлены офицерами тщательно. Однако подходящего леса для постройки больших судов оказалось немного. Преобладал "лес дровяной, дубник, и карагочь, и талник", иногда - "осокорь и липа", "вяз". Лишь на Донце, возле Боровского, Краснянского и Сухарева городков "пошел бор сосновой, длиною дерево по 8 и по 7 сажен, в отрубе в поларшина, и в семь, и в шесть вершков". Правда, оказалось, что "того бору порублено много число". Что же касается "дубняка", то из него, как доносил посланный на Дон капитан московских стрельцов И.Верховский, "делного лесу малое число"*.(ЦГАВМФ. Ф.177. N7. Л.88-92.) Такой же по качеству лес был на Хопре, Медведице и Бузулуке*.(Попов В.С. Указ. соч. С.186-199.) Для собственного судостроения казаки в XVII в. всегда находили лес в пределах Донской земли, из которого можно было строить разнообразные суда.

Помимо леса, Донская земля располагала и другими природными богатствами. На правом берегу Северского Донца имелись богатейшие

залежи каменного угля. Конечно, в XVI-XVII вв. никаких его разработок не велось. Тем не менее, казаки знали об угольных богатствах своей земли и полезных свойствах угля. Время от времени Войско посылало "людей" на Донец "за лесом и углем на струговые поделки", как, например, в 1646 г.* (Донские дела. Кн.3. Стб.146.)

Значительно шире, чем уголь, использовались донскими казаками в XVII в. другое природное богатство края - соль. Соляные воды имелись в бассейне Северского Донца по его правому притоку - речке Бахмут. Самосадочная соль залежала на озерах по Маньчу. Правда, доставка маньчской соли в казачьи поселения была затруднена из-за опасностей нападения противника даже в XVIII в., о чем рассказывал донской писатель Е.Кательников*. (Кательников. Е. Исторические сведения войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленные из сказаний старожил и примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск, 1886. С.28-29.)

Таким образом, обширная территория Донской земли располагала весьма разнообразными и благоприятными природными условиями, позволяющими казакам выжить по соседству с сильным противником и заниматься различными промыслами. Это привлекало на Дон в XVI-XVII вв. население русских городов и уездов.

Подведем итоги.

1. Географическое понятие "Донская земля" сформировалось в раннем средневековье, после разгрома Хазарии и продвижения русского населения на Нижний Дон. Оно включало в себя обширную территорию бассейнов Дона и Северского Донца.

2. В средние века Донская земля рассматривалась как часть более обширного региона, известного в странах Европы под названием Татария, на Ближнем Востоке - под названием Дешт-и-Кипчак, а в России - как Дикое Поле.

3. Рубежи Донской земли в целом оставались весьма приблизительно. Более точный рубеж был на Нижнем Дону под Азовом. На этом рубеже между войском Донским и турками, находившимися в Азове, шла особенно острая борьба. В 1637 - начале 1642 гг. казаки, выбив турок из Азова, заняли все нижнее течение Дона и вышли к взморью. В 1642 г. турки, вернувшись в Азов, восстановили прежний рубеж по донской протоке Каланча. Турки стремились передвинуть этот рубеж вверх по Дону и в 1660 г. они сумели занять небольшую территорию несколько выше Каланчи. Этот рубеж просуществовал до Азовских походов Петра I.

4. Природные условия Донской земли были благоприятны для проживавшего на ней в XVI-XVII вв. казачества.

Глава 2.

Население Донской земли в XVI-XVII вв.

1. Заселение Донской земли казаками в XVI в.

История казачества традиционно являлась центральной темой в историографии истории Дона. Поэтому положение на Дону примерно с середины XVI в., когда сведения о донских казаках стали появляться в письменных источниках, рассматривалось в целом более подробно, чем положение в крае в более раннее время. Между тем, до середины XVI в., в древности и в средневековье, Донская земля была заселена различными народами, сменявшими друг друга.

Такая сменяемость была обусловлена самим положением Дона. Территория, располагавшаяся в зонах степи и лесостепи, представляла собой своеобразный коридор между лежавшей на севере лесной зоной и находившимся южнее Предкавказьем. Это создавало крайне нестабильную обстановку и затрудняло для кого бы то ни было утверждение на Донской земле. В то же время имелась возможность бо-

лее длительного выживания для отдельных этнических групп. Она была связана с существованием по Дону и главным его притокам – Северскому Донцу, Хопру, Медведице – труднодоступных уголков, скрытых пойменным лесом или камышом, находившимся на островах извилистых рек, часто менявших свое течение. В XVII в. донские казаки назовут такие места "крепкими", так как они позволяли отсидеться от противника.

Существовавший длительное время на Дону, как и во всем Приазовье и Причерноморье, ираноязычный мир (скифы, сарматы, аланы) был сметен гуннским нашествием во время Великого переселения народов, во второй половине IV в. Вскоре гунны ушли на запад, и через Донскую землю стали прокатываться новые переселенческие волны. Составлявшие их тюркоязычные народы задержались на Дону недолго, а их государственные образования оказывались непрочными. Лишь хазары оставили более существенный след в истории Юго-Восточной Европы, в т.ч. и Донской земли, а их государство оказалось более долговечным. К 80-м гг. XII в. хазары господствовали на обширной территории между Каспийским и Азовским морем, переходя от кочевого скотоводства к оседлости и заселяя долины Волги, Терека и Дона*. (По мнению Л.Н.Гумилева, хазары – "потомки древнего европеоидного населения Западной Евразии", исконные жители речных долин. – Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С.37, 39, 42, 43.)

К IX в. на Дону у хазар имелось немало поселений. Самым значительным из них являлся Саркел, строительство которого началось в 834 г. для защиты северо-западных рубежей Хазарии от мажар и руси-полян, недавно освободившихся от уплаты дани хазарам*. (В настоящее время В.Кожин высказал мнение о существовании хазарского ита над восточными славянами. См.: Кожин В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи. – Вопр. литературы. 1988, №12. С.130-150; убедительные опровержения выдвинули М.Робинсон и Л.Сазонова. См.: Робинсон М., Сазонова Л. Мнимая и реальная историческая действительность эпохи создания "Слова о Законе и Благодати" Илариона. Там же. С.151-171.) Кроме того, имелись поселения ниже Саркела, почти до впадения в Дон реки Маныч*. (Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. М., 1935. С.111-118)

Разгром Святославом Хазарии в 965 г. и взятие им Саркела привел к активизации славянского продвижения на Дон, начавшегося еще с IX в. Саркел стал называться по-русски – Белая Вежа. Он превратился в русский город с развитым ремеслом и торговыми связями с Русью, Причерноморьем, Кавказом и Средней Азией*. (Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С.430, 449.) В этническом отношении население Белой Вежи было пестрым. Помимо славян, в городе проживали турки-хазары, гузы и печенеги. Православное исповедание части хазар способствовало появлению на Дону смешанного русско-хазарского населения – "беловежцев".

Обострение русско-половецких отношений в конце XI – начале XII вв. создало для Белой Вежи, находившейся в глубине Половецкой степи, весьма затруднительную ситуацию. Не облегчил ее положения и победоносный поход на половцев 1111 г., организатором которого выступал Владимир Мономах. В 1117 г. "беловежцы" покинули город и ушли "в Русь"*. (Повесть временных лет. Т.1. М.-Л., 1950. С.202.) После этого на Дону уже не было более или менее значительных русских поселений. Едва ли, однако, с Дона ушло все русское население. В источниках XIII-XIV вв. содержатся отдельные, разрозненные и крайне скудные данные о русских, живших по Дону и по Хопру.

Сведения о поселении русских на Дону в XIII в. сообщил В.Рубрук. Проезжая в 1253 г. через Дон, он видел поселение русских перевозчиков, переправивших его на левый берег реки. Фламандский путешественник писал, что существовал еще один поселок русс-

ких перевозчиков. Поселки появились по указу хана Батия и были очень малы*. (Путешествие в восточные страны Плано Кардини и Рубрука. М., 1957. С.109-110)

Более крупное поселение существовало в низовьях Дона. В 1067 г. оно было захвачено половцами и названо ими Азув (Азак) по имени одного из своих ханов. В XIII в. этот город вошел в состав Золотой Орды. На его территории существовала венецианская и генуэзская колония Тана. В 1471 г. Азов захватила Османская империя и превратила его в сильную крепость. Часть жителей Азова составляло славяно-русское население*. (Королев В.Н. К вопросу о славяно-русском населении на Дону в XIII-XVI веках. Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XIII веках. Ростов-на-Дону, 1989. С.125-126.)

Очевидно, что немало славян было среди бродников, известных по письменным источникам XII-XIV вв. и имевших весьма пестрый этнический состав*. (Мавродин В.В. Славяно-русское население...; Волынкин Н.М. Указ.соч.; Попов А.И. Кыпчаки и Русь. - Уч.записки ЛГУ. Серия историческая. 1949. Вып.114; Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. С.177-178; его же. Древняя Русь и Великая степь. С.500) Едва ли, однако, бродники играли в то время сколько-нибудь значительную роль. В летописях содержатся всего 4 упоминания о них - за 1147, 1216, 1223 и 1353 гг.* (ПСРЛ. Т.2. Стб.342.; ПСРЛ. СПб., 1856. Т.7. С.39, 121, 131-132; ПСРЛ. М., 1965 Т.10 С.91-92; ПСРЛ. Птгр., 1922. Т.15. Вып.1. С.63.) Ничего определенного не известно об их местопребывании. След, оставленный ими в русской истории, был крайне незначителен. Едва ли поэтому их можно считать предшественниками донского казачества более позднего времени, принявшего активное участие во многих важнейших событиях в России. Вряд ли без большой натяжки их можно рассматривать как непосредственных предков донского казачества. Слишком уж много времени, почти два столетия, прошло между последним летописным упоминанием о бродниках в 1353 г. и первым упоминанием о донских казаках и об их поселениях на Дону в 1548-1549 гг. Ни о каких бродниках не сообщали русские источники в XV - начале XVI в., когда выходы из Руси в Поле и на Дон становились довольно частым явлением.

Более определенные сведения о русских на Донской земле в XVI в. содержат грамоты митрополита Феогноста (1334-1353 гг.) и Алексея (около 1360 г.) на Червлёный Яр*. (АИ. Т.1. СПб., 1841. С.1-4.) Судя по этим грамотам Червлёный Яр располагался "возле Хопор" (Хопра) на север - "по Великую Ворону", на юг и запад - "до Дону" и представлял собой систему "караулов"*. (По мнению А.А.Шенникова, "караулы" на Червлёном Яре состояли на службе ханов Золотой Орды. - Шенников А.А. Червлёный Яр. С.20; М.В.Цыбин сомневается в этом. - История СССР. 1990, N2. С.195.) За обладание червлёноярскими "караулами" вели между собой тяжбу Рязанская и Сарайская епархии, причем метрополиточья власть и при Феогносте, и при Алексие решала споры в пользу Рязани. И, очевидно, если между двумя пограничными епархиями шел такой спор, значит, "караулы" насчитывали немало православного населения. В источниках, однако, нет сведений о том, чтобы "караулы" как-то проявляли себя в боевом отношении. Последнее упоминание о "караулах" возле "Хопор по Дону" содержится под 1400 г. в Никоновской летописи*. (ПСРЛ. Т.11. С.184.)

Трудно сказать, как сложилась судьба Червлёного Яра в XV в. Возможно, что какая-то часть населения "караулов" проживала в глухих хоперских дебрях не только в XV в., но и в XVI в. и слилась с хоперским казачеством, вышедшим из России. Отсутствие же сведений об этом населении связано с тем, что Хопер стоял в стороне от путей, по которым шли сношения России с ногаями, Турцией и Крымом, и Хопер оставался вне поля зрения летописцев и дипломатического ведомства Российского государства.

Червленоярцев XIV в. можно признать предшественниками хоперской группы донских казаков в том отношении, что они, как и казаки XVI-XVII вв., жили в укрепленных поселениях и, возможно, представляли собой этнически смешанное население (русские, мордва и татары). Едва ли они, однако, могли бы считаться непосредственными предками донских хоперских казаков, даже если они и дожили до середины XVI в. и встретились с первыми поселенцами из Руси. Эти переселенцы и должны были постепенно поглотить и растворить в своей среде всех, кто мог проживать до них. Во всяком случае, в фольклоре хоперских казаков отсутствуют червленоярские мотивы.

В отличие от Верхнего Дона, который в 1395 г. поразил митрополита Пимена и его спутников своей пустынностью, среднее и нижнее течение реки примерно от Иловли до Азова было заселено. Значительное татарское население жило в низовьях Дона. На это указывал И.Барбаро*. (Барбаро и Кантарини о России. С.148-150.) И в более позднее время, во второй половине XV - начале XVI вв., Донская земля была заселена татарами, причем весьма неравномерно. Так, в 1515 г. посол В.Коробов сообщал в Москву, что на пути к Азову видели татар выше и ниже Донца*. (Сб.РиО. Т.95. С.141.) По мнению антрополога В.В.Бунака, притоку татар на Дон способствовал мор, охвативший в 1348 г. Поволжье*. (Бунак В.В. Антропологический тип донских казаков. - Русский антропологический журнал. Т.12. Кн.1-2. М., 1922. С.132.) В наибольшей степени были заселены берега самого Дона. Обширные степные пространства, удаленные от Дона, являлись территорией сезонных перекочевок и не были постоянно заселены. Не случайно, когда зимой 1514 г. ехал степью из Азова к Москве турецкий посол Камал Феодорит, он по пути не встретил ни людей, ни жилья и едва не погиб "от зимней истомы". Еле-еле он добрался до реки Усмань и далее смог продолжить свой путь лишь с помощью рязанских служилых людей, вышедших ему навстречу*. (Сб.РиО. Т.95. С.92.)

Не на пустое место явились выходцы на Дон из Руси в XVI в. Не было никакой вольной заимки пустовавших земель. Приходя на Дон, население из Руси, известное под названием донских казаков, должно было вступать во взаимодействие с местными татарами. Характер этого взаимодействия был весьма разнообразен и противоречив. Имели место как вооруженные столкновения, так и взаимообогащения культур. Переселенцы из Руси воспринимали образ жизни, способы ведения степной войны, отдельные черты промыслово-скотоводческого хозяйства. Кроме того, татары проникали в ряды донских казаков, а русские служили в составе татарских казачьих отрядов в Азове*. (С.М.Соловьев обращал внимание на то, что атаманом донских казаков был Сары Азман, а атаманом азовских казаков - Стенька Ложник. - Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.3. С.696.)

Между донскими казаками и служившими в Азове отрядами татар разница была настолько несущественной, что само слово "казаки", как иногда называли в русских источниках азовцев, с середины XVI в. было перенесено на выходцев из Руси. За ними оно закрепилось на века.

Начавшееся в XVI в. формирование донского казачества было связано с колонизационным движением русского населения на окраины. Причины его определялись процессами, происходившими в России по мере складывания и укрепления единого государства.

Социальные предпосылки продвижения на Дон населения из Руси многие исследователи справедливо связывали с усилением крепостничества и с бегством угнетенного населения*. (Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих поселений... С. 163-164.)

В меньшей степени уделялось внимание политическим предпосылкам. Между тем, политические перемены, происходившие в России в конце XV - начале XVI в., были очень глубоки и серьезно затрагивали интересы разных слоев общества. Объединение русских земель,

завершившееся в первой трети XVI в., сопровождалось установлением деспотической власти московских великих князей. В стране формировалось самодержавие*.(Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. М., 1973.) При отсутствии необходимых хозяйственных предпосылок ее объединения такая власть призвана была гарантировать государственное единство, подавлять сепаратистские тенденции, возмещать недостаток внутренних связей в складывавшемся государстве. Опираясь при проведении объединительной политики на помещиков, правительство в их интересах укрепляло феодальный режим, а с 1497 г. начало оформлять общегосударственную систему крепостного права. В то же время оно самым существенным образом стало менять отношения, сложившееся между властью и феодальным сословием в удельное время. Великокняжеская, а затем - царская власть смотрела на своих бывших вольных слуг как на своих подданных, а при Иване IV - как на холопов, о чем царь откровенно поведал в своем первом послании князю А.М.Курбскому*.(Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С.26.) Соответственно по-новому стала оцениваться практика отъезда служилых людей, столь обычная в удельный период. Не случайно А.М.Курбский обвинял Ивана Грозного в том, что он заставлял себе "по неволе крест целовать" и утверждал, что "не тому бывает грех, кто крест целует, но паче тому, кто принуждает"*.(Там же. С.108.)

Теряя свои вольности, русские феодалы получали в то же время такую государственную власть, которая наилучшим образом обеспечивала закрепощение крестьянства. Поэтому отношения их с этой властью складывались непросто. Они оказывали ей в целом полную поддержку, но симпатии их были, однако, на стороне не московских, но литовских порядков, где крепостничество для народа сочеталось с вольностью магнатов и шляхты. Не случайно и до, и во время Ливонской войны имело место бегство русских феодалов в Литву, а смутные сведения, пущенные опричниками, о переговорах Новгорода с Литвой, стали поводом для кровавого погрома города в 1570 г. В отдельных случаях бежали даже в Крым и Азов. В 1572 г. туда ушла группа русских детей боярских из разных городов и служилых татар, которые даже призывали хана Девлет Гирея совершить поход на Москву и уверяли его, что он может добиться успеха*.(РГАДА. Ф.123. Кн.14. Л.24.) Словом, уйти за пределы досягаемости властей желали не только низы, но и верхи общества, которых тоже привлекала опасная, но вольная жизнь на Дону.

Предпосылки появления донского казачества складывались в XIV-XVI вв. на международной арене.

Во второй половине XIII - первой половине XIV вв. сильнейшим государством Восточной Европы была Золотая Орда. С середины XIV в. началось дробление Орды и она ослабла. Поражение на Куликовом поле и удары со стороны Тимура в 1389, 1391 и 1395 гг., а также неудачная осада Москвы ханом Едигеем в 1408 г. ускорили ее распад. В начале 20-х гг. XV в. от нее откололось Сибирское ханство; в 1437-1445 гг. образовалось самостоятельное Казанское ханство; в 1443 г. Хаджи-Гирей основал независимое Крымское ханство.

Возрастающая сила Великого княжества Московского ускорила распад Орды и способствовала переходу татар на службу Москве. В 1446 г. на службу к Василию Темному перешел сын основателя Казанского ханства Улу-Мухаммеда Касим, которому был передан Городец или Мещерский городок на Оке (позже - Касимов), ставший центром вассального по отношению к Москве ханства*.(Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.1. СПб., 1863. С.26.) Мещерские татары выполняли различные служебные обязанности по отношению к московскому сюзерену. Они совершали нападения на казанцев и ногаев, ходили в походы с русскими войсками. Со времени установления дипломатических отношений России с Турцией и Крымом с конца XV в. у них появилась новая служебная обязан-

ность – сопровождать посольства в качестве охраны и ездить в Азов и Крым с дипломатическими "вестями". Такие поездки совершались по Дону. Благодаря им жители Мещеры и соседней с ней Рязанской земли – русские, татары, мордва – получали сведения о путях, которые вели на Дон, о богатствах Донской земли и о складывавшейся там обстановке. Мещерцы были среди тех, кто прокладывал дорогу из Руси на Дон, кто составлял первые отряды казаков.

К концу XV – началу XVI вв. условия для русского проникновения на Дон становились все более благоприятными. Этому способствовало завоевание Русью независимости в 1480 г., когда была свергнута власть хана Большой Орды Ахмета. Большая Орда, однако, попыталась утвердиться на Дону. В 1501 г. хан Шах-Ахмет собирался "на Усть Медведицы" "учинить крепость" и соединиться с противником Москвы великим князем Александром Казимировичем*. (Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С.150.) Но в 1502 г. Большая Орда была разгромлена крымским ханом Менгли Гиреем*. (Сб.РИО. Т.41. С.413.) С этим событием совпало по времени сообщение о выходивших "на Дон, в молодечество" рязанцах-"заполянах"*. (Там же.) Однако "молодечество" еще не было началом русского заселения Дона и не превратилось в казачество. Наиболее серьезным препятствием на пути такого превращения стало после ликвидации Большой Орды Крымское ханство и стоявшая за ним Турция.

Захват турками генуэзско-венецианской колонии Тана и постройка на ее месте крепости Азак (Азов) означало их стремление к проведению активной внешней политики на севере от Черного и Азовского морей и в бассейне Дона. Среди турецких феодалов возникла идея единого мусульманского хурта, объединявшего под эгидой Порты все остатки Золотой Орды. Для России это означало серьезную угрозу. Появилась опасность возрождения ситуации, существовавшей до распада Золотой Орды, причем на роль организатора и руководителя действий татарских феодалов против русских земель претендовала сильная и агрессивная Османская империя.

Донская земля, будучи ключом к Волге и связующим звеном Крыма и Азова с ногаями и Казанью, вызвала большой интерес султанского правительства, стремление его овладеть не только устьем Дона, но и всем краем. Поэтому начиная с XVI в., после сокрушения Большой Орды, перед Российским государством встала задача не допустить распространения турецко-крымской экспансии вверх по Дону.

Турецко-крымская экспансия являлась фактором, оказывавшим на возникновение донского казачества весьма противоречивое воздействие. С одной стороны, она затрудняла и замедляла русское проникновение на Дон. С другой, та же экспансия оказывала такое влияние на политику русских властей в отношении нарождавшихся донских казачьих общин, которая оказывалась благоприятной для казачества, заставляла правительство поддерживать казаков. Такая поддержка имела для них важное значение. Царское жалованье стало одним из важных источников существования казаков. Однако еще более существенное значение для раннего казачества имела неправительственная поддержка, которую оказывали разные слои русского общества. Главной ее формой являлось пополнение казачьих рядов, благодаря чему казачество восполняло боевые потери и постепенно усиливалось.

Начало русского продвижения на Дон пришлось на конец XV – первую треть XVI в. Пути на Дон, а также удобные места для поселения в верховьях реки и ее северным притокам русским людям были хорошо известны. Дорогой на Дон широко пользовались рязанцы. На Руси знали, что они часто ходили туда. Знал об этом и турецкий посол Алакозь. Стремясь обеспечить скорейший и безопасный проезд из Москвы на родину, он просил в 1502 г. у Ивана III разрешения "наняты казаков рязанских десять человек, которые бы Дон знали" для проводов его посольства*. (Сб.РИО. Т.41. С.413.)

Довольно далеко к югу, за ближайšie к рязанским городам "поля", выходили "в молодечество" рязанские "заполяне". Там, на Дону, куда они шли, у них были "свои ужожаи"*, (РГАДА. Ф.89. Кн.1. Л.233.) где они занимались разными промыслами. Уходя вглубь Поля, промысловики соприкасались с проходившими время от времени в верховьях Дона татарскими отрядами. Им приходилось быть в постоянной боевой готовности и отражать нападения татар, стремившихся к захвату полона. В Придонской степи разворачивались настоящая война. В ходе ее немногочисленные еще отряды заполян сами искали встречи с небольшими отрядами татар и ногаев и громили их. Не случайно Иван III, опасаясь за безопасность крымских послов, которые выезжали из Москвы, указал в 1501 г. великой княгине рязанской Аграфене выделить им охрану, чтобы "от заполян лиха никоторого не было"*. (Сб.РиО. Т.41. С.366.)

Промысловики-заполяне конца XV - начала XVI в. и уходившие "в молодечество" рязанцы были в числе русских первопроходцев на Дону, способствуя в дальнейшем более активному продвижению в этом направлении населения окраинных русских земель. В них можно видеть не только первопроходцев, но и предшественников донских казаков. Однако едва ли этих людей можно признать за донских казаков. Постоянно на Дону они не проживали и сведений об их поселениях там нет. Само выражение "донские казаки" также не встречается в источниках до 1549 г.

На первых порах, в конце XV - первой трети XVI вв., выходцы из Руси были еще в Поле не настолько многочисленны, чтобы иметь преобладание над противником - ногаями, татарами и азовцами. Судя по материалам дипломатических сношений России с Турцией, Крымом и ногаями, в это время именно последние действовали гораздо более активно, чем рязанцы и мешерцы. Они грабили послов и купцов, нападали на окраины Московского государства, не встречая достойного отпора с русской стороны. Не удивительно, что русские власти не видели существенной выгоды для себя в привлечении на свою сторону уходившей в Поле вольницы по крайней мере в первые два десятилетия XVI в. И хотя в Москве еще с конца XV в. проявляли живой интерес к землям по Верхнему Дону, к активному продвижению на юг там не стремились, пока велась борьба с Литвой, а Крымское ханство во главе с ханом Менгли Гиреем использовалось как союзник против Большой Орды. Московские власти стремились сохранять на южных рубежах как можно более спокойную обстановку, чтобы не дать повод для недовольства ни Крыму, ни поволжским ногаям, с которыми устанавливались мирные отношения. Поэтому они пытались воспрепятствовать уходу на Дон населения из южных русских земель. В 1502 г. Иван III, полностью распорядившись в Великом княжестве Рязанском, потребовал от великой княгини Аграфены, чтобы она "велела казнити" тех, кто "пойдет самодурью на Дон, в молодечество" и настаивал даже на наказании их жен и детей*. (Сб.РиО. Т.41. С.413.)

В конце XV - начале XVI вв. московское правительство даже отказалось от попыток охраны и контроля пути по Дону, имевшему важное значение для торговли и дипломатических связей с Крымом и Турцией. Еще в 1489 г. оно просило хана Менгли Гирея, чтобы он "поуправил дорогу нашим послом на Азов"*, (Сб.РиО. Т.41. С.79.) иначе говоря, взял бы на себя охрану донского пути. С тех пор 30 с лишним лет в Москве не оставляли мысли о передаче этой охраны, хотя бы частично, крымцам, а затем - туркам.

Между тем, внешнеполитическое положение России и обстановка на ее южных рубежах менялась уже с первых лет XVI в. достаточно быстро. Разгром Большой Орды и воссоединение с Россией Северской Украины, а также разрыв казанским ханом Мухаммед Эмином в 1505 г. отношений с Москвой - все это вызывало ухудшение русско-крымских отношений. С ликвидацией Большой Орды исчезла заинтересован-

ность Крыма в союзе с Россией. Кроме того, Северская Украина являлась постоянным объектом крымских нападений. Но если ранее это затрагивало Литву, то с 1503 г. такие нападения стали представлять собой акции, враждебные Москве. И, наконец, перемены в Казани создавали для Турции и Крыма благоприятные условия, чтобы укрепить свое влияние на Средней Волге. Однако добиться этого можно было лишь при прочном овладении территорией Дона, через которую лежал кратчайший путь из Крыма в Поволжье.

Решение этой задачи едва ли было под силу Крыму из-за сравнительной его отдаленности от Донской земли, а также по причине весьма напряженных отношений между крымскими и ногайскими ханами. Инициативу в деле овладения Доном взяла на себя Османская империя, опиравшаяся при этом на Азов. В 1519 г. по указанию султана Селима I вверх по Дону до реки Воронеж было направлено три каюка с янычарами*, (Сб.РИО. Т.95. С.672, 680) что свидетельствовало о серьезности намерений Турции утвердиться в Подонье.

Это вызвало серьезное беспокойство в Москве. Правительство Василия III поспешило предложить Порте план раздела территории Дона, чтобы не допустить полного ее захвата турками. В 1521 г. посол Т.Губин поехал в Константинополь с предложением проводить смену караулов при русских и турецких посольствах у впадения в Дон Хопра или Медведицы*. (Там же. С.690.) Там и должна была проходить граница двух держав.

Турецкое правительство нового султана Сулеймана I Кануни быстро согласилось. Такое согласие позволяло избежать нежелательного конфликта с русской стороной на Верхнем Дону, весьма далеко от Азова и Крыма, с сомнительными шансами на успех. На переговоры в Москву был послан посол Скиндер, которому поручалось по пути туда и обратно "смотреть на Дону", где "ставить город"*. (РГАДА. Ф.89. Кн.1. Л.302 об.)

Дальнейшее развитие событий заставило русские власти отказаться от своего предложения о разделе территории Дона. В 1521 г. хан Мохаммед Гирей совершил крупный поход на Москву. В том же году произошел очередной дворцовый переворот в Казани. Московский ставленник касимовский царевич Шах-Али (Шигалей), посаженный на казанский престол в 1518 г., был свергнут. На его место стал Сахиб Гирей, брат крымского Мохаммед Гирея. В результате возникла угроза восточной русской границе со стороны Казанского ханства. Становилось ясно, что утверждение Турции на территории от Азова до Хопра или Медведицы приведет к еще большему усилению турецко-крымского влияния в Поволжье. Поэтому русское правительство отказалось от раздела Донской земли, а посол Скиндер был отправлен из Москвы в Константинополь не Доном, а через Путивль, т.е. тем путем, которым обычно ездили не турецкие, а крымские послы, хотя Скиндер довольно настойчиво "Доном просился" ехать на Азов*. (РГАДА. Ф.89. Кн.1. Л.303 об.) Тем самым его лишили возможности вести разведку по берегам Дона.

Таким образом, правительство Василия III твердо решило воспрепятствовать турецко-крымским планам утверждения на Дону. Сделать это было, однако, вовсе не просто. Османская империя уже имела в устье Дона сильный опорный пункт - Азов. Русские же вооруженные силы располагались довольно далеко от Донской земли. Линия русской "береговой охраны" проходила через Переяславль Рязанский, Коломну, Каширу, Тулу и Одоев. Несколько южнее располагались небольшие города - Рязск, Пронск, Михайлов, Венев, Епифань с гарнизонами*. (Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С.401-403, 415.) Однако вооруженные силы, расположенные на южных рубежах России, были приспособлены к обороне и едва ли могли решить такую крупную наступательную задачу, как овладение Донской землей.

Сама обстановка, определявшаяся, с одной стороны, опасностью турецко-крымского захвата Дона, а, с другой, отсутствием собс-

твенных сил для оккупации этой территории, подводила московские власти к выводу о необходимости использования постепенно развертывавшегося движения русской вольницы для противодействия экспансии Турции и Крыма, а в дальнейшем – для прочного утверждения на просторах Дикого Поля, в т.ч. и на Дону. Москва начала использовать то существенное преимущество, которое Россия получила в XVI в. в соперничестве за Донскую землю перед Турцией – развернувшуюся народную колонизацию юга. Турция, в свою очередь, не могла опираться на такое же колонизационное народное движение. Азовских татар для этого было мало, ногайские кочевья располагались за Волгой, крымские – у Перекопа.

После 1521 г. правительство стало делать первые попытки использовать народную колонизацию. Исчезли угрозы наказания за уход на Дон. В переговорах с Турцией русская сторона стала брать под защиту людей, уходивших с Руси в Поле. Так, в 1523 г. послу И. Морозову поручалось так отвечать на запрос турецкой стороны об этих людях: "наши украинные люди ходят по украине (в) свои ужоаи, а иных наших людей украинные наши наместники посылают отведывати людей на поле, нечто которые люди нашего недруга хотят прити на наши украинные места и лихо похотят учинить, и они б безвестно не пришли"*.(РГАДА. Ф.89. Кн.1. Л.233-233 об.) Таким образом, выход "наших украинных людей" в Поле в Москве связывали не только с их хозяйственной деятельностью, но и с общегосударственными интересами.

Поддержка правительства стала весьма существенным фактором, обусловившим приток населения в Поле и на Дон. Однако вплоть до начала 30-х годов проявлялся он еще слабо и в лесостепи и степи по-прежнему господствовали татары и ногаи.

Примерно во второй трети XVI в. произошли внезапные и существенные перемены. Русские и нерусские казаки – выходцы из Руси – стали теснить татар и ногаев в Диком Поле, на Волге и на Дону.

Ногайские жалобы на казаков, относящиеся к 30-м годам, создают впечатление о казаках как о силе, появившейся в Поле внезапно. Скорее всего, внезапным было превращение их в значительную силу. Не случайно в грамоте ногайского князя Шейдяка 1535 г. в Москву отмечалось, что нападения мешчерских казаков на ногаев начались "лет уже пять или шесть назад"*, (РГАДА. Ф.127. Кн.2. Л.66 об.) еще при Василии III. Тогда, очевидно, эти нападения еще не приняли таких масштабов, как в середине 30-х годов и не вызвали жалоб со стороны ногаев. Но когда уже при Иване VI нападения казаков усилились, то ногаи вспомнили и более ранние обиды от казаков.

Количественный рост выходившего в Поле из Руси населения вел к изменению в соотношении сил, что содействовало укреплению русской обороны по Оке и к югу от нее. Вместе с тем действия казачества в Поле создавали серьезные помехи для правительства в его стремлении наладить отношения с ногаями, что имело немаловажное значение при наличии постоянной опасности со стороны Казани. С 1534 г. эта опасность возросла еще больше, так как Казань оказалась в вассальной зависимости от Турции, а во время русско-польской войны 1534-1537 гг. поддерживала Польшу*. (Османская империя... С.172.) Поэтому для московского правительства необходимо было сохранить мирные отношения с ногайскими феодалами и использовать их давнюю вражду с Крымом. В Москве заверяли ногайских послов, что мешчерским казакам было приказано "швидяковым княжим людям...лиха никакова не чинити, не бити, не грабити", и обещали, что если "казаки городецкие (мешчерские – Н.М.) каково лихо учинят, и государь наш тех лихих людей, доискався, велит казнить"*.(РГАДА. Ф.127. Кн.2. Л.49 об.) Но, как подчеркивали в Москве, казнить таких казаков можно было лишь в том случае, если кто-то из них "в Городок (т.е. в Касимов – Н.М.) придет"*.(Там

же. Л.205 об.-206 об.) Следовательно, после похода на ногаев уже далеко не все мещерские казаки возвращались в Касимовское ханство. Значительная их часть оставалась в Поле или шла на Дон.

Помимо рязанцев и мещерских казаков, татар и русских, в Поле и на Дон устремлялось население других окраин России, в первую очередь из Северной земли, а также из соседней Украины. В 1546 г. путивльский наместник Троекуров докладывал в Москву, что "...ныне казаков на Поле много, и черкасцов, и кыян, и твоих государевых: вышли, государь, на Поле из всех украин"*. (РГАДА. Ф.123. Кн.3. Л.49 об.)

К концу 40-х годов путивльские казаки-севрюки обосновались на Дону. Их отряд, во главе которого стоял атаман Михаил Черкашенин и тулянин Истома Извольский, поставил на Дону, "на Великом Перевозе", "острогу", упомянутую под 1548 г.* (Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 г. С.294.) Эта "острога" создавала крымцам помехи в сношениях с Поволжьем. В 1649 г., судя по жалобе ногайского князя Юсуфа Ивану IV, на Дону уже существовали "в трех и в четырех местех" "города" "холопов" русского царя, во главе которых стоял "некто Сары Азман"*. (РГАДА. Ф.127. Кн.3. Л.125 об.)

Таким образом, к концу 40-х годов на Донской земле уже прочно обосновались вольные люди из южных земель Руси, прежде всего - из Рязанской и Северной земель и из Мещеры. Первыми известными по источникам донскими атаманами и казаками были путивльцы М.Черкашенина, "товарищи" И.Извольского и люди Сары Азмана.

Постоянно живущее на Дону казачество - явление новое для середины XVI в. Об этом говорилось в грамоте ногайского князя Юсуфа 1549 г. Грамота сообщала, что "разбойники русь живут на Дону"*, (Там же. Л.104 об.) т.е. уже живут постоянно, а не приходят, как раньше, лишь времени.

Совершенно определенно можно сказать, что одним из центров расселения на Дону в середине XVI в. стал район Переволоки, где располагалась "острога" казаков М.Черкашенина и И.Извольского. Возможно, что еще один центр сложился у казаков на Нижнем Дону, недалеко от Азова. Именно из этого центра казаки ходили на Азов и поставили город в трудное положение, когда, по словам грамоты султана Сулеймана I ногайскому князю Исмаилу 1551 г., они с Азова "оброк емлют" и жителям "воды из Дону пить не дадут"*. (РГАДА. Ф.127. Кн.4. Л.39-40 об.) Эти казаки выходили также в Азовское море и нападали на азовских рыбаков*. (Королев В.Н. Морские походы донских казаков в середине XVI в. С.81.) Некоторая часть казаков постоянно проживала по реке Медведице. Во всяком случае, о "русских сынах" с Танаиса и с Куалы" (Медведицы - Н.М.), которые "грады тамо поставиша", сообщал князь А.Курбский, рассказывая о взятии Казани в 1552 г.* (Курбский А.М. История о великом князе московском. С.173-174.)

С конца 50-х годов XVI в. определенное значение в увеличении численности казачества на Дону стало иметь твердое намерение русских властей установить порядок на Волге для обеспечения безопасности волжского судоходства и Ногайской орды, с которой в Москве стремились поддерживать дружественные отношения. Это предполагало необходимость принятия решительных мер против казачьих разбоев на Волге, что практически выливалось в борьбу с волжским казачеством в целом. Еще в 1556 г. посол А.Тишков говорил ногайскому князю Исмаилу о намерении царских властей "на астраханской бы земле город поставити, а на Переволоке и на Самарском устье город же поставити"*. (РГАДА. Ф.127. Кн.4. Л.312 об.) Осуществились эти планы лишь через 30 лет, когда были основаны города Самара, Саратов и Царицын. Но еще задолго до этого власти приняли серьезные меры против казаков на Волге. Английский путешественник А.Дженкинсон, четырежды с 1557 по 1572 гг. посетивший Россию, отмечал, что место у Переволоки на Волге "очень опасно из-за воров

и разбойников; однако в настоящее время вследствие завоеваний русского царя, оно не так страшно"*.(Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. С.171.) Меры против казаков предпринимали не только центральные власти, но и астраханская администрация. Англичане Т.Бэннистер и Дж.Дэкет сообщали, что 28 мая 1572 г., когда они на своем судне шли из Ширвана к Астрахани и находились недалеко от города, на них напали казаки и захватили корабль. Астраханский воевода выслал против них сперва 500 человек на 40 лодках во главе со своим сыном, а затем еще 60 лодок. Многих казаков перебили*.(Там же. С.253-254.) Сами казаки убедились в стремлении властей вытеснить их с Волги. "А на Волгу нам идтить - переловленными быть и по разным тюрьмам порасажеными!"*(Исторические песни XIII-XVI веков. М.-Л., 1960. С.505.) - говорилось в одной из казачьих песен. Правительственные репрессии на Волге заставляли казаков уходить на Дон, а также на Терек и Яик.

Другим важным фактором роста казачьих рядов на Дону становилась опричнина. По мере начинавшегося в годы опричнины запустения Центра и Северо-Запада усиливался приток населения на южные окраины. Часть его уходила на одну из наиболее отдаленных окраин - на Донскую землю. Казачьи отряды появлялись на Северском Донце, расположенном недалеко от Северщины, где от опричных репрессий укрывалось немало беглых*.(Смирнов И.И. Восстание Болотникова. С.122-124; Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. С.83-88.) Один из таких отрядов встретил на Донце, у Бышкина перевоза, русского посла С.Алябьева, следовавшего в 1568 г. в Крым. Посол нанял казаков для перевоза через реку "государской рухляди"*.(РГАДА. Ф.123. Кн.12. Л.395 об.-396.) В 1569 г. крымцам удалось разгромить на Донце городок атамана Ивана Мотякина, в котором "было казаков человек с сорок"*.(Путешествия русских послов XVI-XVII вв. С.83.) Некоторые исследователи связывают с именем И.Мотякина название речки Митякинки и Митякинского городка на Донце*.(Сахаров П.П. К вопросу о происхождении донского казачества... ДОВ. 1911. N198; Сватиков С.Г. Указ. соч. С.21-22.)

Однако на первых порах действие этих факторов было весьма ограниченным. Рост казачьего населения на Дону был к концу 60-х годов не столь уж велик. В целом оно было немногочисленным и редким. Не случайно во время похода турецких войск в 1569 г. вверх по Дону от Азова до Переволоки на Астрахань они так и не видели казаков. Слава донского казачества была, однако, уже велика. По свидетельству русского посла С.Мальцева, захваченного азовцами в плен и прошедшего поход в качестве гребца, турки очень опасались казачьего нападения, а гребцы-христиане ждали его с надеждой, и все очень "ся дивили", что казаков не было*.(Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. - Исторические записки. N22. М., 1947. С.155.) Н.М.Карамзин считал, что казаки, "испуганные слухом о походе султанского войска, скрылись в дальних степях"*.(Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн.3. Т.9. М., 1989. С.75.) Едва ли это верно. Н.М.Карамзин основывался на словах пленных-гребцов, говорящих С.Мальцеву, что "казаки ваши Дон покинули". Но среди гребцов были "арнауты, и босма, и фрянские, и можарские полоняники", впервые попавшие на Дон и мало что знавшие о казаках. Дело было, скорее всего, в том, что, по мнению С.Мальцева, для успешного нападения на турок казакам нужно было иметь 2000 человек*.(Садиков П.А. Указ. соч. С.155.) Но такой силы на всем протяжении от Азова до Переволоки у них не было.

Еще одним указанием на малочисленность казачества на Дону и весьма незначительное количество казачьих поселений может служить Роспись сторожам 1571 г. Одна из сторож должна была находиться "в Вежах, выше Медведицы и Хопра". Службу на ней должны были нести

дети боярские и казаки из Шацка, Ряжска, Донкова и Алатыря, татары и мордва из Темникова и Кадома*. (АМГ. Т.1. СПб., 1890. С.6-7.) Возможно, что некоторые из них стали первыми казаками Вешенского городка, впервые упомянутого в списках городков конца XVI в. Следовательно, в начале 70-х годов казаков на Верхнем Дону было не настолько еще много, чтобы правительство отказалось от посылки туда сторож.

С 1579 г. прослеживается начало постоянного использования правительством донских казаков для выполнения отдельных поручений. Это обстоятельство содействовало росту рядов донского казачества. Так, в начале марта 1570 г. атаману М.Черкашенину было поручено проводить русского посла И.Новосильцова от Рьльска к Азову*. (Путешествия русских послов XVI-XVII вв. С.65.) Для этого атаман "прибрал" на "донскую службу" 50 человек - помещиков из Северной земли. Уходя на службу на Дон с М.Черкашениным, они не теряли ни своих поместий, ни связей с Северной землей. Но на Донце они уже бывали постоянно, и там у них, по сообщению И.Новосильцова, были "суды готовые"*, (РГАДА. Ф.89. Кн.2. Л.38.) а правительство признавало их казаками. С послом оно направляло грамоту, адресуя ее "на Донец Северной атаманом казатцким и казаком всем", требуя, чтобы они подчинялись послу "во всех наших делех"*. (Там же. Л.35.)

На Донце И.Новосильцов встретил еще один отряд "севрюков путивльцов вотчинников" во главе с Васькой Шербининым. О них посол не говорил как о донских казаках. Однако сама встреча с ними в то время, когда после очень снежной зимы в донецкой степи не было даже татар*, (РГАДА. Ф.89. Кн.2. Л.39.) свидетельствовало о том, что выходы севрюков на Донец были постоянным явлением, а из мелких служилых людей Северной земли формировались ряды донского казачества.

Грамота, отправленная с И.Новосильцовым, была адресована не только казакам-севрюкам "мишкина прибору", но и другим казакам жившим по Донцу, "всем безоменым"*, (Там же. Л.209, 210 об.) имена которых не были в Москве известны. Надо полагать, что "безоменные" атаманы и казаки - выходцы из социальных низов. Это - не "вотчинники М.Черкашенина, имена которых были известны, так как они несли службу и получали поместные дачи. "Безоменные" казаки "безвестно" "сходили" на Дон, спасаясь от крепостничества и опричнины и вливались в ряды донского казачества.

Таким образом, вторая треть XVI в. начало 70-х годов - время, когда донское казачество появилось на исторической арене и заявило о себе в полный голос, и даже Сулейман Великолепный с тревогой следил за успехами донцов. Реальная сила казаков в тот период едва ли соответствовала их громкой и заслуженной славе. Турецкий поход по Дону 1569 г. показал, что сила их была еще не особенно велика. Поселений у них было немного, причем о расположении их нельзя сказать ничего определенного. Находились они вблизи Переволоки, на Донце, на Медведице и, возможно, на Хопре. Ниже Переволоки "ближние зимовища атаманские" находились, по сообщению И.Новосильцова, "от Азова за три днища", что соответствует месту у впадения Донца в Дон, "на раздорине Донца". Сведений о поселениях казаков ниже Раздор Донецких за этот период нет, хотя, возможно, в середине XVI в. казаки жили вблизи Азова и угрожали городу. Пестрое по своему этническому составу и социальному происхождению, казачество утвердилось на Дону.

Укрепление его происходило в последнюю четверть XVI в. Этому способствовало резкое обострение обстановки в стране, кризис, развернувшийся в то время как результат опричнины и Ливонской войны и связанная с ним крепостническая политика правительства. Заметно больше казаков стало вблизи ногайских улусов, на Переволоке и на Верхнем Дону. В 1581 г. они разорили ногайский город

Сарайчик на Ахтубе*. (РГАДА. Ф.127. Кн.10. Л.140 об.)

Против казаков на Волге были приняты решительные меры. Английский путешественник Х.Бэрроу отмечал в 1579 г., что между Царицынским островом и Астраханью располагалось пять стрелецких караулов "для охраны дороги"*. (Английские путешественники... С.265.) Это еще более усиливало тягу казаков с Волги на Дон, становившийся главным центром вольного казачества в России.

О возрастании численности населения на Дону свидетельствовало обращение царской грамоты 1584 г. к "атаманом и казаком старым и новым"*. (СГГ и Д. Т.2. С.86.) К "старым" казакам правительство относилось так, кто принадлежал к старшему поколению, к сподвижникам М.Черкашенина и, возможно, к оставшимся в живых ветеранам войны с Казанью. К новым - тех, кто явился на Дон недавно, в послеопричное время. "Старые" были носителями авторитета и традиций, складывавшихся еще в середине XVI в.; "новые" составляли свежую силу, превосходившую по численности ветеранов и придававшую донскому казачеству невиданную доселе мощь.

Рост численности донского казачества сопровождался увеличением количества их поселений-городков. Зная об этом, правительство поручило казакам в 1584 г. проводить своего посла Б.Благово из Азова до Ряжска "меж себя городок от городка"*. (СГГ и Д. Т.2. С.86.) Следовательно, к тому времени уже существовала цепь казачьих городков по Дону, основная часть которых появилась не ранее 70-х годов.

Обобщающие сведения о заселении Донской земли к концу XVI в. дают четыре источника: дорожник, составленный в середине XVII в., список донских казачьих городков, переписанный примерно в 1649 г., а также две географические карты - Г.Герритса 1614 г. и И.Массы 1633 г. Судя по этим источникам, по реке Дон располагалось 30-34 городка. Кроме того, в списке, переписанном примерно в 1649 г., сообщалось о наличии четырех городков по Хопру и трех - по Медведице.

Приток на Дон новых людей содействовал усилению казачества. Показателем этого служили сами масштабы казачьих походов. Так, например, с атаманом Василием Жигулиным на Азовском море было в 1592 г. 300 казаков*. (РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.94 об.) Усилившееся донское казачество готово было включиться в гражданскую войну, предпосылки которой назревали в стране с конца XVI в.

2. Заселение Дона в XVII в. (1600-1671 гг.)

В начале XVII в. Россия была потрясена первой в своей истории гражданской войной, в которой самое активное участие приняло донское казачество.

Какими же силами располагало оно накануне этого события? Точного представления об этом не было ни в Москве, ни на Дону, где никакого учета людям в XVI-XVII в. не велось. Тем не менее, приблизительную численность своих отрядов донские атаманы не могли не знать, поскольку это необходимо было им для проведения боевых операций. Очевидно, что и в Москве приблизительно знали, сколько казаков обретается в Поле, по верховьям Дона и заповольным рекам и служат на Нижнем Дону, поскольку при Борисе Годунове казакам ежегодно присылалось царское жалование*. (Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века. Документы и материалы по истории края. Воронеж, 1976. С.56.)

Ядро донского казачества, его основные силы находились на Нижнем Дону, в Раздорах и других низовых городках. Уже с конца XVI в. там стало складываться войско Донское. По мнению Р.Г.Скрынникова, "общая численность войска Донского в начале XVII в. не превышала 2000-4000 человек"*. (Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII века. Смута. С.220.)

Представляется, что Р.Г.Скрынников несколько преуменьшил численность войска Донского. В самом деле, он считал, что численность Войска на Нижнем Дону на рубеже XVI-XVII вв. соответствовала его численности к 1614 г., когда у семи донских атаманов в Раздорах и соседних городках, служивших в Москве, было 1888 казаков*. (Там же. С.277.) Едва ли такое соответствие имело место. В начале царствования Михаила Романова много казаков находились не в Войске, а во внутренних уездах страны или же были с атаманом И.М.Заруцким на Волге и Яике. Вряд ли поэтому Войско 1614 г. можно приравнять по численности к Войску во времена Бориса Годунова. Есть основания полагать, что в начале XVII в. оно было больше.

Как считает Р.Г.Скрынников, "к весне 1605 г. в лагере Лжедмитрия I собралась примерно половина войска Донского". По его расчетам, у самозванца было до 2000 донцов, из которых около 1000 сражались под предводительством атамана Андрея Корелы еще зимой, а остальные подошли с Дона несколько позже*. (Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII века. Смута. С.219-220.) Эти расчеты вполне обоснованны. Однако сомнительно, что уже весной 1605 г. с Раздогой была половина Войска, а не меньшая его часть. И в самом деле, известно, что к тому времени на Дону оставался войсковой атаман Смага Степанович Чертенский. Явился он к Лжедмитрию I уже в июне 1605 г. в Тулу, когда тот явно брал верх над Годуновыми. С атаманом пришел казачий отряд. Отрепьев принял казаков с большой честью и раньше, чем прибывших из Москвы князей И.М.Воротынского и А.А.Телятевского*. (ПСРЛ. Т.14. Ч.1. М., 1965. С.65.) В этом выразилось не только признание им заслуг казачества в походе 1604-1605 гг., но и удовлетворение от того, что с Дона пришла немалая сила, при поддержке которой можно было успешно завершить борьбу за престол.

Таким образом к маю-июню 1605 г. вне Дона с атаманами А.Корелой и Смагой Чертенским находилась уже значительная часть Войска. Но по донскому обычаю, в случае ухода Войска в поход в городках для их охраны от неприятеля оставалась "третьчина" - третья часть казаков Войска Донского сидела в Раздорах и в других низовых городках в "третьчине", тем более, что на Дону не могли не ожидать ответного крымского нападения после погрома казаками татарских улусов около Керчи в 1601 г.* (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.47.)

Надо полагать, следовательно, что сила войска Донского на рубеже XVI-XVII вв. составляла не 2000-4000, а не менее 5000-6000 казаков, проживавших в Раздорах и в более нижних городках.

Войско Донское в то время включало в себя лишь часть донского казачества. В него не входили казаки, жившие по Дону выше Раздогой и по притокам Дона. Поэтому общая численность донского казачества была несколько выше.

По мнению шведского дипломата П.Петрея, донские казаки только в помощь Лжедмитрию способны были выставить 12 тысяч человек*. (Реляция Петра Петрея о России в начале XVII в. М., 1976. С.85.) Более осторожно к оценке численности казачества подходил французский капитан на русской службе Ж.Маржерет. Он считал, что вольных казаков с Дона, Днепра и Волги насчитывалось 8-10 тысяч человек*. (Маржерет Ж. Состояние Российской империи и Великого княжества Московии. - Россия XVI-XVII в. глазами иностранцев. Л., 1986. С.257.)

Представляется, что Ж.Маржерет более верно указывал численность донских казаков, чем П.Петрей. В отличие от шведского дипломата, французский капитан непосредственно сталкивался с казачьей вольницей и хорошо ее знал. Что касается казаков с Днепра и Волги, о которых он упоминал, то это также донские казаки. Известно, что в конце XVI в. на Дону жило немало выходцев с Украи-

ны, в т.ч. и из Запорожской Сечи. О казаках с Днепра Ж.Маржерет говорил, что эти казаки служат "императору", как он называл русского царя, тогда как жившие на Днестре запорожцы служили польскому королю. Что касается казаков с Волги, то эту реку при Иване Грозном, Федоре и Борисе Годунове часто посещали донские казаки с целью грабежа проходивших по ней судов. Действовали они при этом совместно с казаками волжскими и терскими. Но последние сильно уступали по численности донским. Кроме того, в то время, когда казаки свободно переходили с одной реки на другую, особенно с Дона на Волгу и обратно, четкого различия между казаками с разных рек не существовало, и донской казак легко мог быть назван волжским. Следует к тому же учитывать, что власти уже несколько десятилетий выживали казаков с Волги. В таких условиях центром вольного казачества и местом его проживания был прежде всего Дон, а Волга являлась местом казакования и походов "за зипунами". Все это позволяет думать, что казаки с Днепра и Волги, о которых писал Ж.Маржерет – донские казаки, и признать, что общая их численность на рубеже XVI-XVII вв. составляла 8-10 тысяч человек.

Бурные события Смутного времени не могли не повлиять на процесс заселения Дона и других казачьих рек. Как отмечал историк северокавказского казачества С.А.Козлов, на Тереке происходило "возрастание общин казаков в начале века"*. (Козлов С.А. Русское казачество на Северном Кавказе (вторая половина XVI-XVII вв.). Автореф. канд. дис. Л., 1989. С.12.) Применительно не только к Тереку, но и к Дону это замечание требует уточнения. Если считать, что события Смутного времени в России продолжались с первых лет XVII в., когда был сильнейший голод и начались крупные "разбойные" выступления на окраинах*, (Корецкий В.И. К истории восстания Хлопка (новые материалы). – Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С.209-222.) и длилась до заключения Деулинского перемирия с Польшей в 1618 г., то в течение этого периода степень активности участия казаков с Дона и Терека в событиях была не одинаковой, а движение их происходило как со своих рек в центр страны, так и в обратном направлении, в зависимости от военной и политической обстановки внутри государства.

С 1600 по 1603 гг. продвижение казаков за пределы Донской земли не отмечалось. Некоторые изменения имели место, очевидно, в расселении его по территории Дона. Связаны они были с попытками правительства Бориса Годунова привлечь донских казаков к службе на новой оборонительной линии против крымских татар вблизи основанной в 1600 г. крепости Царев-Борисов на Северском Донце. Это способствовало закреплению казачества на Донце.

В 1604-1605 гг., во время похода Лжедмитрия I на Москву, состоялся первый массовый выход донских казаков на Русь. После утверждения самозванца на престоле в июне 1605 г. казачьи отряды стали возвращаться на Дон. Этому содействовало стремление Лжедмитрия I удалить казаков из Москвы, где казачье окружение мешало ему установить столь необходимые для него связи с верхами русского общества, а также известие о намерении его воевать с Турцией и захватить Азов, для чего шла подготовка "наряду пушечново" в Ельце и было велено "рати ити" "по Дону...плавною и по суху польскими проходы"*. (Сказание времен Авраамия Палицына. М.-Л., 1955. С.114.) Такую войну, которая обещала богатую добычу, казаки могли только поддерживать. Возвращение на Дон позволяло им вести собственную подготовку к войне со своим постоянным противником.

В 1606 г. имел место новый массовый выход донских казачьих отрядов на Русь. Связан он был с новым подъемом гражданской войны в стране, начавшимся вскоре после свержения Лжедмитрия I. В Путивле под предводительством И.Болотникова произошло восстание. По данным Бельской летописи, первоначально, летом-осенью 1606 г., войско восставших состояло из "северских людей" и донских каза-

ков*. (Корецкий В.И. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И.Болотникова. - *Вопр.истории*. 1971, №5. С.147-148.) Другая часть донских казаков ушла с Дона осенью 1606 г. вместе с терскими казаками нового самозванца - "царевича Петра". Эти казаки в течение нескольких месяцев пробыли на Дону, проехав многие городки от Иловли до одного из самых нижних - Монастырского, а в декабре 1606 г. пошли к Путивлю*. (Восстание И.Болотникова. Документы и материалы. М., 1959. С.226.) Донские казаки были настолько заметны в отряде "царевича Петра", что в польской "Истории ложного Дмитрия" говорилось о прибытии в Путивль "Петра Федоровича" именно с донскими казаками*. (РИБ. Т.1. СПб., 1872. Стб.122.)

В источниках нет ни прямых, ни косвенных данных о численности донских казаков, ушедших с И.Болотниковым и с "царевичем Петром". Установить ее можно весьма приблизительно. Основой для ее расчета могут служить приведенные капитаном Ж.Маржеретом данные о числе казаков, собравшихся с "царевичем Петром" весной 1606 г. на Волге между Казанью и Астраханью - около 4000 человек*. (Маржерет Ж. Указ. соч. С.272.) Учитывая осведомленность Ж.Маржерета в военных вопросах, эту цифру можно считать достаточно точной. Следовательно, есть все основания утверждать, что с "царевичем Петром" вышла весьма значительная часть терских казаков, к которым на Волге "пристали такие же воровские атаманы и казаки"*. (Карамзинский хронограф. - Попов А. Изборник славянских и русских сочинений, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 330.) На всем пути сперва вверх по Волге до Свияжска, а затем вниз до Камышинки и на Дону казакам не приходилось вступать в бои. Значит, они не несли потерь и численности отряда оставалась прежней. На Дону к "царевичу Петру" присоединились и донские казаки и уже к началу 1607 г. "от Путивля", как сообщалось в письме Ю.Стадницкого, на помощь И.Болотникову шло 700 казаков*. (Сб.РИО. Т.137. СПб., 1912. С.380.) Из сопоставления данных Ж.Маржерета и Ю.Стадницкого видно, что на Дону к "царевичу Петру" примкнуло примерно 3000 казаков. Такая цифра вполне реальна. Она примерно соответствует трети от той численности донского казачества, которую оно имело к началу XVII в. Поход "царевича Петра" являлся чисто казачьим предприятием. Поддержка его со стороны донского казачества могла выражаться в том, что в нем приняла участие примерно третья часть жившего на Дону казачьего населения. Едва ли, однако, донские казаки могли послать в Путивль больше того количества, чем они отправили с "царевичем Петром". Во-первых, это потому, что на Дону должна была в городках оставаться "третьина". Во-вторых, потому, что часть донских казаков уже находилась вне Дона вместе с И.Болотниковым.

Сколько же донских казаков воевало на стороне И.Болотникова до прихода на помощь ему "царевича Петра"? По мнению И.И.Смирнова, "нет возможности определить...общее количество казаков в войске Болотникова"*. (Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606-1607. С.267.) Несомненно, что И.И.Смирнов имел в виду при этом и донских казаков. В целом это действительно так. Однако есть возможность весьма приблизительно представить себе это количество. Очевидно, что во второй половине 1606 г. до ухода в Путивль "царевича Петра" за пределами Донской земли находились примерно 3-4 тысячи казаков. Часть из них участвовала в восстании 1606 г. в Астрахани*. (Шепелев И.С. Донское и волжско-терское казачество... С.39.) По-видимому, большая часть, приблизительно 4 тысячи человек, была с И.Болотниковым.

После ухода в конце 1606 г. в Путивль "царевича Петра" на Дону едва ли оставалось более 3-4 тысяч казаков.

Поражение восстания И.Болотникова не привело к возвращению казачьих отрядов на Дон, к увеличению численности казачества в донских городках. Донцы активно включились в новое движение,

вспыхнувшее в стране с конца 1607 г. и поддержали Лжедмитрия II. По данным Бельской летописи, те "донские и волские казаки", "которые в Туле с вором Петрушкою сидели, к нему же вору (к Лжедмитрию II – Н.М.) приложились"*.(Корецкий В.И. Новое о крестьянском закреплении... С.148.) Осенью 1607 г. к главным силам Лжедмитрия II в Брянске присоединились 3000 донских казаков во главе с самозванным царевичем Федором Федоровичем*.(ПСРЛ. Т.14. Ч.1. С.77.) Зимой 1608 г., по сообщению поляков Мархоцкого и Пасецкого, атаман И.М.Заруцкий привел в Орел 3 тысячи запорожцев и 5 тысяч донских казаков*.(Marchoski. *Historya wojny moskiewskie*. Poznan, 1841. С.19; Памятники древней письменности и искусства. Т.68. СПб., 1887. С.2.) Затем к самозванцу пришел из Калуги отряд донских казаков во главе с атаманом Ю.Беззубцевым*.(РИБ. Т.1. Стб.136, 151, 154.)

Когда, таким образом, летом 1608 г. войско второго самозванца стало укрепленным лагерем в селе Тушино под Москвой, Мархоцкий насчитывал в этом лагере 15 тысяч донских казаков*.(Marchoski. *Cit. op.* С.40.) Данную цифру исследователи не подвергали сомнению*.(Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.4. С.486.; Сватиков С.Г. Указ. соч. С.55.) Между тем, она явно не соответствует численности донского казачества на рубеже XVI-XVII вв., составлявшей 8-10 тысяч человек. Поэтому она требует пояснения. Не доверять Мархоцкому едва ли можно. Он знал, какими силами располагал Лжедмитрий II и сколько было на его стороне донских казаков. Несоответствие приведенных им данных общей численности казаков на Дону объяснялось тем, что пришедшие с Дона отряды уже в русских городах и уездах пополнялись местными жителями*.(По мнению А.Л.Станиславского: "Подавляющее большинство казаков Заруцкого...составляли недавние холопы и крестьяне". – Движение И.М.Заруцкого и социально-политическая борьба в России в 1612-1613 гг. – Исторические записки. N109. М., 1983. С.312.) Атаманы и казаки, в полном соответствии со своими традициями, охотно принимали их, поддерживая тем самым на должном уровне собственную боеспособность.

Сражаясь на стороне Лжедмитрия II, донские казачьи отряды сохраняли связь с Доном. Случаи, когда казаки покидали лагерь самозванца и уходили на Дон, были, по-видимому, не так уж редки. Об одном из таких случаев сообщал А.Палицын. Ночью с 4 на 5 ноября 1609 г. из-под Троице-Сергиева монастыря донской атаман Стефан Елифанец увел на Дон 500 своих казаков. Эти казаки были из "станции Смаги Чертенского". Они, как писал А.Палицын, "приидоша на Дон к своему атаману вси здоровы"*.(Сказание Авраамия Палицына. С.149.) Следовательно, атаман Смага Чертенский находился в то время на Дону во главе значительной части казаков.

Несмотря на передвижение казачьих отрядов, на уходы их на Дон, силы их в войске самозванца были велики, а боевые качества ценились высоко. Так, не случайно Лжедмитрий II в начале 1609 г. дважды требовал от гетмана Л.Сапеги прислать на помощь донских казаков: 14 февраля – для защиты Суздаля и 11 марта – для защиты Углича и Ярославля*.(АИ. Т.2. СПб., 1841. С.178,198.) В свою очередь, в лагере Василия Шуйского донских казаков также считали значительной силой. Побывавший у них лазутчик советовал царскому воеводе М.Б.Шейну "перееднать" на свою сторону донских казаков, после чего, по его словам, было бы "поляков...нечего и бить"*.(Там же. С.202-203.)

Несколько усилилось движение казачьих отрядов на Дон с начала 1610 г., когда произошел распад Тушинского лагеря и Лжедмитрий II бежал в Калугу. Многим казакам, как отмечал К.Буссов, "вообще до смерти надоела эта диковинная война" и они "ушли снова в Дикое Поле"*.(Буссов К. *Московская хроника. 1584-1613*. М., 1961. С.183.) Но до окончательного возвращения казачества в донские юрты было еще далеко. Часть казаков во главе с атаманом И.Заруцким

ушла в это время под Смоленск к королю Сигизмунду III. Другие же казаки, по-прежнему участвуя в гражданской войне, начали включаться в освободительное движение.

Особенно тяжелым для донских казаков оказалось начало 1610 г., когда они понесли большие потери. Этому способствовал распад Тушинского лагеря и уход атамана И.Заруцкого в польский лагерь. Многие казаки решительно воспротивились этому. Поэтому в январе-феврале в столкновениях с поляками князя Рожинского и Млоцкого у казаков погибло более 2000 человек*. (РИБ. Т.1. Стб.549-550.)

Потери, которые несли казаки, очевидно, немедленно восполнялись за счет русского населения, вливавшегося в казачьи отряды. Это предопределило остроту вопроса о судьбе тех людей, которые шли к казакам. Такой вопрос был поднят в первом ополчении в 1611 г. В приговоре ополчения, принятом 30 июня 1611 г., пункт 23 предусматривал возвращение беглых помещикам*, (Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1896. С.275-276.) что прямо затрагивало интересы той массы людей, которая пополняла ряды донских казаков. Не удивительно, что подобный приговор резко обострил отношения между дворянской и казачьей частью ополчения и ускориł его распад.

Начало ухода донского казачества из центра страны было связано с появлением под Москвой ополчения К.Минина и Д.М.Пожарского летом 1612 г. Часть казаков не могла смириться с идеей реставрации старых порядков, с которой шло ополчение. Отталкивали некоторых казаков от ополчения и отдельные заявления в грамотах, рассылавшихся его руководителями. Так, в грамоте Д.М.Пожарского от 8 июня 1612 г. казаки характеризовались как "старые...заводчики всему злу"*. (Древняя российская вивлиофика. Т.1. Ч.2. СПб., 1891. С.212.)

28 июля 1612 г. из казацких таборов, расположенных в Подмоскowie, ушло 2500 казаков атамана И.Заруцкого*. (Станиславский А.Л. Движение И.М.Заруцкого... С.311.) Они пытались удержаться в южных уездах страны и вести борьбу с русским правительством, но после поражения под Воронежем весной 1613 г. они вынуждены были уйти еще дальше на юг и в июле 1613 г. прибыли в Астрахань.

Однако значительная часть казачества оставалась в центре страны и принимала участие совместно с Народным ополчением в борьбе с поляками в Москве в августе-октябре 1612 г. После того, как на Земском соборе 1613 г. представители донских казаков поддержали кандидатуру Михаила Романова, правительство нового русского царя признало за казаками права служилого сословия и наладило ежегодную присылку царского жалованья. Тем самым власти выразили заинтересованность в возвращении казаков на Дон и в службе их на Дону.

Усилия правительства стали постепенно давать результаты. Правда, на первых порах, весной 1614 г., по сообщению хоперского казака Гришки Черного, верховые казаки, жившие выше городка Пятиизб "по Дону и по речкам запольным", все еще уходили с Дона на Волгу к И.Заруцкому. Однако сколько-нибудь значительной помощи от донских казаков И.Заруцкий не получил, а казаки, жившие ниже Пятиизб, и вовсе не поддержали его, так как они, согласно утверждению Г.Черного, "все прямили к государю к Москве"*. (РГАДА. Ф.127. 1613. №5. Л.165-166.) Никакого заметного ухода казаков с Дона в 1613-1614 гг. не наблюдалось.

Силы донского казачества, сосредоточенные на самом Дону, были в то время, однако, еще невелики. Главное Войско составляли "станицы" семи атаманов из Раздор и из более нижних городков. Их насчитывалось в 1614 г. 1888 человек. Выше этого "большого казачья войска" казаков проезжало немного. Часть казаков из городков выше Пятиизб "на весну съезжаютца" в низовое Войско и "государю служат заодно", но далеко не все из живших там казаков.

К 1617 г. казачье население Дона возросло. Свидетельство этому – организация крупных походов на Азовское и Черное море. Так, весной 1617 г. на море вышло 700 казаков* (РГАДА. Ф.89. 1616. Т1. Л.91, 130.) и взяли города Синоп и Трапезунд*. (Там же. Л.170.) Усиление опасности со стороны казаков заставило турецкие власти в 1618 г. построить на речке Каланче под Азовом башню для контроля за выходом из Дона в море и засыпать Мертвый Донец, через который казахи суда также могли выходить в море*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... – Дон. 1988, №9. С.108.) О росте казачьих рядов знало московское правительство. Оно считало возможным требовать в 1618 г. от войска Донского "5000-4000 или больше человек" для войны с Польшей*. (РГАДА. Ф.89. 1617. №1. Л.191.) Следовательно, в Москве полагали, что на Дону уже проживало казаков не менее, чем на рубеже XVI-XVII вв., т.е. 8-10 тысяч человек, а, возможно, и больше.

К началу 20-х годов численность донского казачества еще более возросла. В 1621 г., по сообщению посла С.Апухтина, с атаманом Василием Шалыгиным на море выходило 1300 донских казаков и 400 запорожцев*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... – Дон. 1988, №10. С.128.) Очень широкие масштабы приняли в то время действия не только против Турции и Крыма, но и "воровские" походы на Волгу. С.Апухтин докладывал, что накануне его приезда выходило туда 400 казаков, а при нем – еще 200*. (РГАДА. Ф.89. 1621. №3. Л.8.)

По сведениям того же С.Апухтина, накануне его приезда на Дон в Войско приезжал запорожский атаман Соколка с грамотой от польского короля, содержавшей призыв идти на войну с турками. Донские казаки отказались и обосновали свой отказ тем, что "их тепере на Дону немного, толко с семь тысяч судовых и конных...а болшее де их войско пошло на море"*. (Там же. Л.10.) Следовательно, большая часть донцов не находилась в своих городках, а была в морском походе. Оставшиеся на Дону 7 тысяч составляли третчину, охранявшую городки. Таким образом, общая численность войска Донского в 1621 г. была близка к 20 тысячам человек. Надо полагать, что столько казаков жило по всей реке снизу доверху и по запольным рекам, поскольку к тому времени единое войско Донское объединяло все казачество*. (Мининков Н.А. О роли московского правительства в формировании войска Донского (10-20-е гг. XVII в.). – Известия СКНЦ ВШ. Серия общественных наук. 1987, №2. С.79.)

На вероятность такой численности донского казачества к началу 20-х годов указывают польские источники о Хотинской войне 1621 г. Некоторые из участников военных действий утверждали, что осенью 1621 г. на помощь польско-украинскому войску под Хотин пришло 20 тысяч донских казаков. Такую цифру независимо друг от друга называли очевидцы событий хронисты П.Збинецкий и Остророг, участник сражений Я.Чаплинский, комиссар польского правительства Я.Собеский, Д.Титловский, который вел дневник за 1620-1621 гг. и др.* (Османская империя в первой четверти XVII века. С.43-44.)

Указанное количество могло существенно пополнить силы поляков (34907 человек) и запорожцев (42 тыс. человек)*, (Алекберли М.А. Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI – первой половине XVII веков. Саратов, 1961. С.183-185.) которые к исходу сентября понесли потери. Поэтому Я.Чаплинский характеризовал дошедшие до поляков сведения о приходе донцов как "радостное известие". Едва ли была бы радость в польско-украинском лагере, если бы казаков пришло мало.

Есть основания, однако, полагать, что в числе этих 20 тысяч казаков были не только донцы, но и казаки с других казачьих рек, например, волжские казаки, о которых говорил Д.Титловский. В самом деле, одни только донские казаки едва ли способны были выставить такие силы. Во время похода под Хотин на Дону в городках

должно было остаться в третчине примерно те же 7 тысяч казаков, как это и было весной 1621 г., накануне приезда С.Апухтина. Таким образом, среди прибывших под Хотин 20 тысяч казаков, о которых писали польские авторы, большинство составляли донцы, но, помимо них, были казаки с Волги, Яика и, возможно, с Терека*. (Османская империя в первой четверти XVII века. С.44.) Есть, впрочем, сведения, что донцов под Хотином было не более 700 человек*, (Донские дела. Кн.1. Стб.340.) что также весьма вероятно. Но в данном случае важно то, что донцы, по мнению ряда польских авторов, были способны выставлять силы, сопоставимые с силами Запорожской Сечи.

Итак, за короткий 8-летний срок после избрания на престол Михаила Романова с 1613 по 1621 гг. произошло значительное, трех-четырёхкратное увеличение численности донского казачества. Связано это было и с благоприятной по отношению к Дону политикой нового русского правительства, и с постепенным затуханием гражданской войны, в результате чего действия против Турции и Крыма становились для казачьих масс более привлекательным промыслом, чем грабежи во внутренних уездах России. Поэтому происходил отток казачьих отрядов из этих уездов на Дон. В 1622 г. таких казаков встретил на Переволоке, в городках Паншин и Голубые, посол И.Кондырев. Их атаман Богданишко Чернушкин сказал послу, что "они жили на Волге, и с Волги де их збили астороханские люди неведомо для чево, и их де, волских казаков, сто шестдесят человек, с Волги пришли на Дон...и пришли в казачьи городки". Войско Донское принимало таких людей. Посол доносил, что "тех волских казаков воров...взял с собою на низ атаман Епиха Радилов". Правительство требовало от Войска, чтобы оно не принимало "воров волских казаков"*, (РГАДА. Ф.89. 1622. №1. Л.34-35.) но безуспешно. В 1628 г. воронежец Е.Самарин, провожавший послов до Азова, сообщал, что у Усть-Хопра "в острожке живут волския вору, которые де ходят воровать на Волгу"*.(РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. №31. Л.302.) Из этого лаконичного сообщения не ясно, идет ли в нем речь о каком-то "острожке" волжских казаков близ Усть-Хопра или о самом Усть-Хоперском городке. Но определенно можно сказать, что "волския вору" – казаки, связанные как с Волгой, так и с Доном, проживавшие на Дону, но промышлявшие грабежом на Волге.

К 1625 г. относятся сведения об общей численности населения на Дону. По данным атамана донской зимовой станицы Алексея Старого, которые он сообщил в Посольском приказе, "всех де их на Дону и с верхними городки есть с 5000 человек"*.(Донские дела. Кн.1. Стб.235.) Эти сведения резко противоречат тем, что в 1621 г. сообщил посол С.Апухтин.

Есть серьезные основания для недоверия атаману. В самом деле, А.Старой приехал в Москву в то время, когда правительство было очень недовольно войском Донским за его самовольные походы на Крым и Турцию*. (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.132.) Не удивительно было стремление атамана ослабить недовольство властей, показать, что казачьи походы не могли нанести серьезного ущерба московским интересам, и сами силы донского казачества вовсе не так уж велики. Следовательно, приведенные А.Старым сведения можно рассматривать как сознательную фальсификацию. Что же касается сведений, полученных С.Апухтиным в 1621 г., то они несравненно более достоверны. Их донские казаки сообщали своим союзникам-запорожцам, перед которыми им не было необходимости скрывать свои силы и которым они готовы были помочь против турок под Хотином.

Данные А.Старого серьезно расходятся и с теми сведениями о помощи донских казаков польско-запорожскому войску под Хотином, которые приводили польские авторы, тогда как данные С.Апухтина в целом соответствуют им.

В городках, прежде всего в нижних, постоянно жили запорожцы.

Часть из них приезжала туда на какое-то время и зимовала там, а некоторые, по словам запорожского полковника Алексея Шафрана, "живут лет по 5-ти, по 6-ти", а сам "он, Олеша, на Дону 18 лет". Всего в 1626 г., сообщал А.Шафран, запорожцев на Дону "есть с 1000 человек", а донских казаков в Сечи - "мало не в полы того"*. (Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Т.1. М., 1954. С.70.) Донские казаки и правительство различали тех запорожцев, которые жили на Дону давно, от тех, которые жили временно и недолго. не доверяя последним, правительство указывало в 1623 г. послу М.Белосельскому, чтобы тот отдал донским казакам царскую грамоту лишь тогда, когда "с ними черкас запорожских, которые к ним приехали из Запорог, не было ни одного человека"*. (РГАДА. Ф.89. 1623. N1. Л.40.) В то же время присутствие черкас, давно живших на Дону, правительство допускало, поскольку такие черкасы по существу уже слились с донскими казаками. По характеристике самих донцов, "те черкасы живут у них давно, без съезду лет с 5, и государю служат с ними заодно"*. (Там же. 1622. N1. Л.78.) В начале 20-х годов многие запорожцы желали, "оставя свое кочевье днепровское, итти на Дон и жить с донскими казаками вместе"*. (Там же. 1623. N1. Л.40-41.) В результате запорожцы составили с 20-х годов на Дону довольно заметную прослойку населения.

Росту населения соответствовало появление новых городков. Так, если в списке городков конца XVI в. между городками Пять Изб и Курман были названы два городка - Чир и Ясаулов, то в 1623 г. Курман уже отстоял от Пятиизб "за пять городков"*. (Там же. N2. Л.124-125.) Новыми городками стали упомянутые в источниках более позднего времени городки Зимовейко, Кобылкин и еще один Чирский городок"*. (Мининков Н.А., Рябов С.И. Указ. соч. С.25.) Под тем же 1623 г. упомянут не известный ранее Перекопский городок между городками Клецким и Кременным"*. (РГАДА. Ф.89. 1623. N2. Л.354-355.) В 1632 г. существовал городок Голубые у Волго-Донской Переволоки"*. (Там же. 1622. N1. Л.34.)

Увеличение населения было заметно не только в городках по Дону, но и на Северском Донце. Об этом свидетельствовали материалы следствия 1628 г. по делу о самовольном уходе на Дон населения из южных уездов России, проводившегося в ряде городов. Допрос белгородца Михаила Сторикова показал, что в 1626 г., когда он ездил "в бударе з запасом своим на перевоз на усть Деркула реки", на этом перевозе "и по иным юртом" "кормятца...зимуют и летуют" и "белгородцы", и "иных розных городов многие люди". Эти люди не считались донскими казаками и не входили в войско Донское. Но они жили в пределах Донской земли круглый год, превратились в постоянное население края и вели сходный с казачьим образ жизни, занимаясь хозяйственными и военными промыслами"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N31. Л.316.) Слиться с донским казачеством для таких людей не представляло труда. Процесс слияния происходил постепенно в течение 20-30-х годов. Они входили в состав войска Донского при сохранении известной обособленности и самого понятия "донецкие казаки", которое употреблялось в Валуйках и Белгороде - наиболее близких к Дону русских городах. Так, в 1632 г. валуйский воевода И.Колтовский сообщал о "ворах", которые "по Донцу и по Осколу в юртах донецких казаков побивали до смерти"*. (АМГ. Т.1. С.343.) Следовательно, воеводе было известно, что поселения казаков по Донцу и по Осколу существовали и назывались юртами. А такое название нередко употреблялось и применительно к поселениям казаков по Дону. В 1624 г., например, белгородцы П.Беляев и А.Шопин сообщали, что "в верхних...городках на Дону и на Донце и по юртом моровое поветрие нигде не было"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N12. Л.87.) В 1637 г. белгородский воевода П.Пожарский сообщал о стремлении белгородцев идти "з донскими и з

донецкими казаки...к Озову" на помощь войску Донскому. Значит, в Белгороде донецких казаков приравнивали к донским, но все-таки выделяли их особо по причине близости Белгорода к Донцу и наличия родственных связей жителей города и округи с казаками на Дону*. (Там же.)

Заметный рост численности населения на Дону, происходивший в конце второго десятилетия XVII в. и в начале 20-х годов, сменился определенной ее стабилизацией. Приток людей из русских городов и уездов уравнивался боевыми потерями. Кроме того, правительство Михаила Романова, добившись некоторого упрочения своего положения к середине 20-х годов, стало устанавливать более строгие порядки на южной окраине государства, пытаясь прекратить самовольные поездки населения на Дон, поставив их в определенные рамки. В 1627 г. в ряде южных городов даже велось следствие по делу о таких поездках*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы приказного стола. N31.) От воевод южных городов, через которые следовали в Москву донские зимовые и легкие станицы, власти требовали строго следить за тем, чтобы с этими станицами на Дон не проезжали лишние люди. Воеводы в своих отписках в Москву не раз подчеркивали, что выполняют это требование. Следовательно, если во второй половине 20-х годов правительство не препятствовало увеличению казачества на Дону за счет выхода населения из Руси и было прямо заинтересовано в возвращении в Донскую землю казачьих отрядов, то с 20-х годов оно стало относиться к этим выходам по-другому.

Подобная политика противоречила интересам войска Донского, так как ослабляла его перед лицом противника. Однако, проводя ее, власти стремились в первую очередь к укреплению расшатанной за годы Смуты крепостнической системы, чему препятствовал уход населения на Дон из внутренних уездов страны. Кроме того, в Москве опасались, что чрезмерное усиление казачества приведет к осложнению отношений России с Турцией и Крымом. Однако меры властей не могли остановить население, стремившееся к вольной казачьей жизни, также как и лояльное в целом отношение правительства к войску Донскому не могло заставить атаманов и казаков отказаться от попыток склонять жителей русских городов и уездов к уходу на Дон вопреки воле центральной и местной администрации, а зачастую и оказывать им помощь в бегстве. Такая помощь заключалась в том, что казачьи станицы, возвращаясь из Москвы на Дон, брали с собой беглых. А чтобы в городах, через которые проезжали станицы, не арестовывали беглецов, станичные атаманы не брали их с собой во время своего обязательного проезда через города. После того, как станица выезжала из города, беглые присоединялись к ней. Иногда казакам приходилось даже какое-то время ожидать их. Так, в 1629 г., по сообщению белгородца Д.Везенина, ехавшего из Воронежа на Дон со станицей атамана Федора Игумнов "в гребцах", казаки, выехав из города, остановились в 100 верстах от него, ожидая "беглых боярских людей человек з дватцать"*. (РГАДА. Ф.89. 1628. N2. Л.249.)

Некоторое увеличение притока населения из Руси на Дон произошло на заключительном этапе Смоленской войны, когда правительство стало терять контроль за положением в стране. К донским казакам, как сообщали воеводы И.Хилков и М.Чоглоков 19 февраля 1634 г., бежало много разных людей из Брянского уезда, где располагались казачьи отряды*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N76. Л.173.) Примерно в это время, по донесению воеводы И.Наумова, к донским казачьим станицам атаманов Анисима Чертопруды, Агея Иванова и Федосея Мамонтьева "пристали" "со ста человек калуских стрелцов"*. (Там же. Л.20.) Немало людей уходило к донским казакам под Москвой, где в начале 1634 г. временно находились казачьи отряды, вышедшие с театра военных действий. В феврале к донским и яицким казакам, стоявшим в Голутвиной слободе, ушли люди дворяни-

на Л.Оверкиева. Когда за ними погнались дети боярские и стрельцы, казаки не дали им арестовать беглых и вышли на них "с саблями и с ослопьем"*. (Там же. Л.14-15.) Подговаривали боярских людей к уходу на Дон атаман Иван Теслев и есаул Леонтий Шахов*. (Там же. Л.168.)

Подговоры к бегству имели место и после Смоленской войны. В 1635 г., один из таких беглых, которого подговаривали к уходу на Дон казаки станицы Анисима Никифорова, был арестован в Воронеже*. (РГАДА. Ф.127. 1635. №5. Л.229-230.) В 1637 г. также в Воронеже был арестован нижегородец Гришак Мартьянов, ехавший на Дон со станицей атамана Ивана Каторжного по подговору казака Михаила Усача*. (РГАДА. Ф.89. 1637. №1. Л.204.)

Трудно сказать что-либо определенное о том, насколько был значителен уход людей из Руси на Дон с отрядами донских казаков. Но, во всяком случае, эти люди стали одним из факторов, предопределивших успешное взятие войском Донским Азова в 1637 г. Благодаря им, во-первых, произошло известное усиление боевой мощи казачества. Во-вторых, в связи с увеличением численности казачьего населения более остро, чем ранее, встал вопрос об источниках его существования, что предопределило стремление Войска создать себе более благоприятные условия для действий на море, а это, в свою очередь, во многом зависело от утверждения казаков в Азове.

За 1637-1641 гг., когда войско Донское находилось в Азове, в источниках сохранилось больше указаний на численность казачества, чем за предшествовавший, доазовский период. Это не случайно. В Москве постоянно интересовались, какими силами располагало Войско, и запрашивали об этом донских атаманов в Посольском приказе. Кроме того, правительство давало поручение воронежским воеводам посылать на Дон людей для разных "вестей", в том числе и о количестве казаков.

Все эти сведения весьма приблизительны, а потому и округлены до сотни или тысячи человек, поскольку в XVII в. никто с точностью не знал, сколько казаков жили на Дону. Это обстоятельство особо подчеркивал в 1638 г. в Посольском приказе войсковой атаман Тимофей Яковлев, утверждавший, что "письма у них людем не живет"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.831.) Тем не менее, использование этих данных позволит представить, какими примерно силами располагало донское казачество в это особо трудное для него время и как менялась численность казаков. Кроме того, для оценки этой численности и ее изменений имеют значение указания источников на отношение казаков к посылке в Азов царских ратных людей, которое на протяжении 1637-1641 гг. также было неодинаковым и менялось в соответствии с нарастанием потерь войска Донского и усилением трудностей обороны города.

Впервые после взятия войском Донским Азова в Москве получили сведения о численности казачества 11 февраля 1638 г., когда в Посольском приказе расспрашивали воронежца Трофима Михнева, побывавшего на Дону, в том числе в Азове, в начале 1638 г. По его словам, в Азове "по смете" атаманов и казаков 5000 человек, причем в это число входят и запорожские черкасы*. (Донские дела. Кн.1. Стб.661.) Никогда ранее ни в одном, даже в самом главном казачьем поселении, не проживало такое количество людей. Столь большой наплыв вызван был особыми, исключительными обстоятельствами в жизни войска Донского. Победители-казаки стремились сохранить Азов и, учитывая опасность, которая могла грозить городу не только в летнее, но и в зимнее время, держали там большие силы. Поэтому в городе было много казаков из верхних городков. Кроме того, немало было выходцев из южных городов, прежде всего из Белгорода и Воронежа, которые шли на помощь к своим родственникам*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. №144. Л.379-381, 475-476.) При этом и в 1637 и в 1638 гг. само правительство веле-

ло белгородскому воеводе П.Пожарскому и воронежскому М.Вельяминову, чтобы они не только не препятствовали уходу жителей своих городов на помощь донским казакам в Азов, но, напротив, всячески содействовали таким выходам, правда, без ссылок на то, что это поощряется московскими властями*. (Там же. Л.486-486.) Точно также правительство, судя по грамоте севскому воеводе М.Булгакову, направленной в январе 1638 г., велело воеводам отпустить на Дон и в Азов служивших в этих городах черкас, в том числе даже с женами и с детьми, но делать это тоже как бы от себя, не ссылаясь на дозволение из Москвы и не выдавая проезжих грамот*. (Там же. №2. Л.129-130.)

Помимо притока людей из южных городов, росту населения в Азове способствовал выход плененных из ближайших турецких городов - Темрюка, Тамани и Керчи. Выход таких людей, причем во множестве, застал в Азове Т.Михнев*. (Донские дела. Кн.1. Стб.661.)

Несмотря на тяжелую зиму 1637-1638 гг., когда по оценке очевидца, Т.Михнева, у казаков в Азове было "хлебных запасов на мале", а рыба составляла важнейший продукт питания, Войско сохраняло высокий боевой дух и решимость защищать город. Поэтому весной 1638 г., когда ожидалось вражеское нашествие, оно не позволило никому покидать Азов.

Обобщенные сведения о численности казаков не только в Азове, но и на всем Дону, дал в Посольском приказе 4 апреля 1638 г. атаман Михаил Татаринов. Он заявил, что "донских атаманов и казаков ныне будет з 10000 человек опричь запорожских черкас, а запорожских черкас у них в Азове и на Дону з 10000 человек"*. (Там же. Стб.701.) Судя по этим данным, весной 1638 г. количество донцов и запорожцев на Дону было примерно одинаковым. И в самом деле, запорожских казаков на Дону в то время действительно было много. Они активно участвовали во взятии Азова и после победы оставались в городе. Запорожцы, по словам М.Татаринова, "беспрестанно шли в Азов" "многие люди", причем сама станица этого атамана, следуя в Москву, встретила на Донце 50 запорожцев, направлявшихся к Азову*. (Там же. Стб.701, 705-706.) Однако сведения, данные М.Татариновым, согласно которым запорожцев на Дону было не меньше, чем донских казаков, вызывают сомнение. Тем более, что в этом усомнились и в Посольском приказе. Помня о неровных отношениях между донскими казаками и черкасами, там задали атаману вопрос об опасности для Войска, которую могло представлять такое множество запорожцев. Атаман с уверенностью ответил, что в случае чего они с ними "управятца"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.706-707.) Не ясно, на чем была основана уверенность М.Татаринова, если черкасы располагали силами не меньшими, чем донские казаки. Скорее всего, он несколько преувеличил силы запорожцев, и преобладание донских казаков имело место и в Азове, и по городкам.

В течение лета 1638 г. произошло некоторое сокращение численности донского казачества и известное ослабление войска Донского. Связано это было с тяжелыми последствиями поражения казаков при Адахунском лимане вблизи Анапы, когда из 1500-2000 казаков, вышедших в море на 30-40 стругах на разведку боем, уцелели и вернулись немногие. Еще до Адахунского сражения, на Петров пост (с 21 мая по 29 июня) покинули Азов многие черкасы. По сообщению запорожца Демки Федорова, в Азове "осталось донских казаков толко тысячи с полторы, да черкас со двесть человек"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. №99. Л.144.) Сведения Д.Федорова об уходе черкас подтвердил в Посольском приказе 9 августа донской атаман Осип Лосев, причем, по его словам, из Азова ушли все запорожцы "на выручку своим же запорожским черкасом, потому что у черкас с Литвою битва"*, (Донские дела. Кн.1. Стб.831.) восстание под предводительством Я.Остриянина, К.Скидана и Д.Гуни.

Пытаясь восполнить потери и обеспечить успешную оборону Азова на случай прихода больших неприятельских сил, Войско посылало в верховые городки письма с призывом к местным казакам идти на защиту города*. (Там же. Стб.809-811, 839.)

Недостаток сил у донских казаков перед лицом сильнейшего противника стала ощущаться с 1640 г. Стремясь не допустить дальнейшего ослабления войска Донского и утраты его боеспособности в предстоящем столкновении за Азов, власти пытались расширить пропуск людей на Дон. Так, в 1640 г., в отличие от прежних лет, от воронежского воеводы М.Вельяминова уже не требовалось проводить строгий досмотр проезжавших через город на Дон зимовых и легких станиц и изымать уходящих с казаками людей*. (Донские дела. Кн.1. Стб.993-994.) Позже, в 1646 г., атаман Иван Каторжный ссылаясь в Воронеже на "изустный приказ" не выдавать беглых боярских людей, который правительство будто бы отдало до этого*. (Донские дела. Кн.2. Стб.884.) На этом основании П.П.Смирнов предположил, что такой приказ действительно существовал, причем издан он был правительством в 1636 г., когда И.Каторжный был в Москве, т.е. еще до взятия войском Донским Азова. Как считал П.П.Смирнов, правительство, издавая его, брало "обязательство не требовать обратно с Дона беглых крестьян и холопов"*. (Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т.1. М.-Л., 1947. С.410.)

С этим предположением можно согласиться в том отношении, что между правительством и Войском, скорее всего, действительно был какой-то договор, заключение которого отвечало московским интересам. Возражение вызывает однако взгляд П.П.Смирнова на содержание этого договора. В 40-х годах XVII в. требовать обратно бежавших на Дон людей и проживавших там было для правительства невозможно, причем и само оно никогда не выдвигало до того перед Войском подобных требований. Договор мог касаться только лишь более свободного, чем ранее, пропуска людей из Руси на Дон, без задержки их воеводами южных городов. Едва ли точно определен П.П.Смирновым и срок заключения договора. В 1636-1638 гг. ее еще не могло быть, поскольку воронежским воеводам все еще вменялось в обязанность арестовывать всех "лишних" людей, которые шли на Дон с казачьими станицами*. (Донские дела. Кн.1. Стб.546, 590, 745, 791.) Заключен он был не ранее второй половины 1639 г., когда Турция окончила войну с Ираном и вопрос о походе на засевших в Азове донских казаков был поставлен в повестку дня*. (Смирнов Н.А. Указ. соч. Кн.2. С.60.) Во всяком случае, в 1640 г. правительство уже не требовало от воевод задерживать людей, а в конце 1639 г. правительство заявило Войску о своем разрешении идти к Азову "вольным охочим людям безо всякие зацепки"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.979, 981.)

Уменьшение своих сил ощущали и сами казаки. Так, если в 1638 г. все войско Донское безусловно высказывалось за оборону Азова своими силами, а от царских властей желало лишь иметь помощь жалованьем, то к 1640 г. положение изменилось. Войсковой дьяк Федор Порошин предупреждал Москву, что "города держати" казакам "не в мочь, потому что мы не горододержцы"*, (Донские дела. Кн.2. Стб.58.) и, по сообщению атамана Демьяна Гаврилова, стоял за приглашение русских военных сил*. (Там же. Стб.63.) Ф.Порошин имел сторонников среди казаков. Однако в целом Войско по-прежнему рассчитывало, что сумеет удержать Азов своими силами. Уверая в этом правительство, Д.Гаврилов утверждал в сентябре 1640 г., что "людей де в Озове всякого человека тысяч с пять"*.(Там же. Стб.64.) Поэтому надо полагать, что это - несколько преувеличенные сведения. Они должны были создать представление в Москве, что положение войска Донского в Азове достаточно прочное.

Приведенная Д.Гавриловым цифра не согласуется с теми данны-

ми, которые привели весной 1641 г. в Москве сперва - ливенцы Ф.Кожухов и валуйчанин вож С.Деревягин, а затем - валуйчане станичный атаман Т.Бобьрев и ездок Ф.Лазарев. Первые указали, что "в Азове атаманов и казаков всех с 1000 человек или больше да татар и болдырей с 500 человек"*; (Там же. Стб.125; татары и болдыри, о которых говорили О.Кожухов и С.Деревягин, служили в Войске.) вторые - то, что "в Азове атаманов и казаков и татар и черкас з 2000 человек"*. (Там же. Стб.163.) И те и другие были в Азове и имели возможность оценивать силы войска Донского. Их оценка была объективной, так как они не были заинтересованы в том, чтобы преуменьшить или преувеличить их. Приведенные ими цифры, надо полагать, достаточно достоверны. Конечно, от зимы к весне 1641 г. число казаков Войске сократилось. Имели место боевые потери, как, например, во время пятидневного сражения с крымскими татарами в январе 1641 г.* (Там же. Стб.120-121.) Кроме того, имела значение и скудость продовольственных запасов в городе*, (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N152. Л.5.) что заставило некоторых казаков еще до зимы отъехать из Азова по разным городкам. Но едва ли численность казаков в городе могла сократиться за зиму втрое. Скорее всего, в сентябре 1640 г. в Азове находилось немногим более 2000 казаков.

Всего на Дону, по словам О.Кожухова и С.Деревягина, проживало 7000-8000 казаков*. (Донские дела. Кн.2. Стб.125.) Есть основания считать, что эти данные несколько преуменьшены. Они не могли быть такими же точными, как их же сведения о численности населения в Азове. О.Кожухов и С.Деревягин видели далеко не все казачьи городки, только поселения по Дону, да и то лишь проездом. Поэтому их собственные наблюдения едва ли могли дать заслуживающий доверия результат, в отличие от наблюдений в Азове. Конечно, кое-какие сведения они могли иметь от казаков. Однако и сами казаки не знали точно, сколько всего людей живет на Дону, а тем более в такое сложное время, когда Войско, с одной стороны, несло особенно большие потери, а, с другой, быстро получало пополнение из Руси.

Главное же основание для недоверия к сведениям О.Кожухова и С.Деревягина об общей численности казачества на Дону заключается в том, что они не соответствуют данным о количестве защитников Азова во время осадного сидения 1641 г.

К началу героической обороны Азова (24 июня - 26 сентября 1641 г.) Войско добилось увеличения численности казаков в городе. Благодаря приходу казаков из верховых городков, а также черкас "из Литвы и з Запорог" оказалось "всех людей в Азове тысяч с 5 или 6"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.219.) Более точно определялась эта численность в "Поэтической" повести об Азовском осадном сидении - 5307 человек*. (Воинские повести Древней Руси. С.80.) Защитников Азова могло быть еще больше, если бы в город явились казаки из крупных низовых городков - Черкасского и Маныча, но те заявили, что "мы де за камень не хотим умереть, мы де умрем за свои щепки"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.177.)

По официальным данным, Азов защищало 5367 казаков и 800 женщин*. (Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.5. М., 1990. С.206.; Смирнов Н.А. Указ.соч. Т.2. С.68.; Попов М.Я. Указ. соч. С.64.) Очевидно, что в это число вошли и люди, приезжавшие из Руси, как, к примеру, братья козловцы казак Агапка и посадский человек Першик Пашигоревы* (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N144. Л.69, 209.) или 30 полковых казаков из Воронежа*. (Донские дела. Кн.2. Стб.377-378.)

В ходе 93-дневной борьбы за Азов казаки понесли большие потери. В "Поэтической" повести подчеркивалось, что "которые остались мы, холопы государевы, [от] осады той, и те все переранены. Нет у нас человека целова ни единого, кой бы не пролил крови своей, в Азове сидячи, во имя Божие и за веру христианскую"*. (Воинс-

кие повести Древней Руси. С.80-81.) Боеспособность Войска была резко ослаблена.

На Дону понимали, что своими силами удержать Азов невозможно, а возвращение в город турок грозило им опасностью потери всего нижнего течения реки. Поэтому станица атамана Наума Васильева, прибывшая в Москву после ухода турок из-под Азова, 28 октября 1641 г., привезла войсковую отписку с настоятельной просьбой о присылке в Азов царских ратных людей*. (Донские дела. Кн.2. Стб.261.) Не случайно есаулом в этой станице был направлен твердый сторонник приглашения русских войск Федор Порошин.

Отказ властей от прямой военной поддержки поставил казаков в исключительно трудное положение. Решительное наступление Турции на Нижнем Дону, предпринятое после возвращения Азова, привело к новым потерям у казаков и к дальнейшему ослаблению Войска. В 1643 г. турки разгромили низовые городки Монастырский, Черкасский и Маныч*. (Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.5. С.225.) В 1644 г. были сожжены городки Голубые и Кагальник. В 1645 г. казаки сообщали, что азовцы и татары "городки...верховые емлют и жгут" *. (Донские дела. Кн.2. Стб.616.) У войска Донского хватило сил, чтобы не допустить в 1643 г. переноса турками границы под Раздоры*, (Донские дела. Кн.2. Стб.461-466.) а в 1644 г. обосноваться в Черкасске*. (Там же. Стб.548-549, 616.) Однако положение казачества было очень тяжелым. Не случайно, как доносил в Посольском приказе 6 июня 1644 г. атаман Томило Корякин, "у атамана Ивана Каторжново и от ево советников" шел разговор о невозможности житья на Дону и о необходимости ухода на Яик*. (Там же. Стб.702.) И вообще в своих отписках в Москву за 1642-1645 гг. Войско постоянно напоминало о своей слабости и даже иногда просило прислать на Дон русские войска*. (Там же. Стб.526, 530.)

В результате в 1646 г. правительство решилось на такую необычную меру, как посылка на Дон ратных людей и организацию в южных городах сбора вольных охочих людей для постоянной службы с вхождением в ряды донского казачества. Впервые в своей истории войско Донское пополнялось непосредственно самим правительством.

На первых порах, когда правительство только еще собиралось приступить к набору на донскую службу, оно, по-видимому, не было уверено в успехе этого дела. Поэтому в наказе путному ключнику В.Утримову, который должен был осуществлять набор в Шацке и Тамбове, предписывалось по поводу набранных людей, если "будет о них чье челобитье", т.е. если обнаружатся их владельцы, "никому ис тех приборных людей без государева указу не отдавать"*. (Донские дела. Кн.3. Стб.497-498.) Таким образом, правительство придавало этому мероприятию, направленному на помощь войску Донскому, столь большое значение, что готово было принести в жертву интересы отдельных крепостников, причем даже несмотря на то, что оно твердо держалось курса на усиление крепостничества. Опасения правительства оказались напрасны. Известия о наборе на Дон весной 1646 г. прокатилось по южным городам и взбудоражило население. И когда выяснилось, что набор будет обеспечен, власти стали устанавливать более строгий порядок приема на донскую службу. Дворянину Ж.Кондыреву, направленному "в польские города и на Воронеж", предписывалось брать на донскую службу только вольных людей. Всего необходимо было набрать примерно 3000 человек.

Правительственный запрет не остановил попыток зависимого населения порвать со своим состоянием и уйти на Дон. Бежали крестьяне и бобыли лебедянских вотчин князя А.Н.Трубецкого, кабальные люди И.Чемоданова, крепостные воронежского воеводы А.Бутурлина, а так же мелкие служилые люди из Воронежа и других южных городов, стрельцы и казаки, покидавшие службу. Этих людей, как сообщалось в отписке А.Бутурлина 5 мая 1646 г., принимали стоявшие в то время в Воронеже донские казаки станицы атамана Павла Федорова (Чес-

ночихина), возвращавшиеся из Москвы на Дон*. (Донские дела. Кн.2. Стб.749-750, 802-802, 815-816.) Правительство еще 25 апреля запретило принимать на донскую службу крепостных и холопов*. (Там же. Стб.793-794.) Но казаки не выдавали их воронежским властям*. (Там же. Стб.716, 724.)

Более благожелательно относилось правительство к уходу на Дон черкас, перебивавшихся с Украины в Россию от преследований польских властей. В грамоте от 4 мая оно велело Ж.Кондыреву принять 70 черкас, которые шли из Белгорода и желали поступить на донскую службу, и выдать им царское жалованье*. (Там же. Стб.526, 530.) Было указано пропустить на Дон тысячный отряд Андрея Покушелова, состоявший из черкас и стрельцов из Москвы и Курска и явившийся в Воронежский уезд 26 апреля*. (Донские дела. Кн.2. Стб.818, 825-826.) По тысяче с лишним человек набрали на донскую службу атаман Петр Красников в Козлове и путный ключник Василий Угрюмов в Тамбове и Шацке*. (Там же. Стб.841, 861, 871-878.)

Всего на 11 мая 1646 г. Ж.Кондыревым было прибрано на донскую службу "тря тысячи человек с лишком"*, (Там же. Стб.836; сведения о количестве людей, прибывших из разных городов и уездов - см.: Дружинин В.Г. Попытки московского правительства увеличить численность казаков на Дону в середине XVII века. СПб., 1911. С.5-6.) что в целом соответствовало планам правительства. Общее же число охочих людей на Дону оказалось очень велико и достигло 10000 человек*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Московского стола. N5. Л.247-248; Донские дела. Кн.2. Стб.921.)

Таким образом, правительство пошло на существенное увеличение численности войска Донского, намереваясь привлечь казачество к участию в войне с Крымом. Оно немало сделало для того, чтобы закрепить новых людей на Дону. Были найдены средства для выдачи им довольно значительного жалованья. Людям, которые не имели своей пищали, выдавалась пищаль и по 3 рубля, а которые приходили с пищалью, получали по 5 рублей*. (Донские дела. Кн.2. Стб.826.) Кроме того, Ж.Кондыреву предписывалось обеспечить прием этих людей донскими атаманами. Они передавались атаманам по спискам, а Ж.Кондырев должен был смотреть, чтобы никто из новых людей не ушел назад*. (Там же. Стб.764.) Но, несмотря на все принимаемые меры, на Дону закрепилось не так уж много "вольных охочих людей" из тех, что пришли в 1646 г. Так, если Ж.Кондырев прибыл с этими людьми на Дон 27 мая*, (Донские дела. Кн.2. Стб.918.) то уже в июле, судя по сообщению войсковой отписки от 27 июля, прибывшие люди уходили с Дона сотнями несмотря на все попытки казаков удерживать их*. (Донские дела. Кн.3. Стб.146-148.) В августе бегство продолжалось. Сперва бежало 300 белгородцев во главе с сотником Кирюшкой Болашевым, затем - 1000 шацких и тамбовских вольных людей во главе с сотником Федькой Бесчастным, а также вольные люди "украинных городов, подняв знамена", ушли степью*. (Там же. Стб.180-182.)

В результате, когда 18 ноября 1646 г. был составлен "список новоприборным донским казаком, сотником, и десятником, и рядовым, которые остались в войске Донском государю служить", оказалось, что их было всего-навсего 2165 человек*. (Там же. Стб.327, 364.)

Таким образом, значительное большинство прибывших на Дон в 1646 г. вольных людей к осени этого года ушли на Русь. Уходили несмотря ни на что, ни на попытки войска Донского удерживать их, ни на преследования администрации в южных городах*. (СГГ и Д. Т.3. М., 1822. N126.)

По мнению П.П.Смирнова, главной причиной бегства "были политика донских атаманов". Они, как подчеркивал П.П.Смирнов, оскорбляли вольных людей, не делились с ними "запасами", в некоторых из них даже казнили*. (Смирнов П.П. Указ. соч. Т.2. М.-Л., 1948. С.146-147.) В самом деле, и оскорбления, и скупость со стороны

казаков - все это имело место*. (Донские дела. Кн.3. Стб.276; поводом для казни, о которой рассказывали в Посольском приказе атаманы Захарий Дементьев и Максим Пещуров в Москве 10 ноября 1646 г., были случаи покражи со стороны этих людей. Казаки не терпели "татьябы" в своей среде.) Едва ли, однако, во всем этом можно видеть какую-то целенаправленную политику. В интересах казачества было вовсе не изгнание, а, напротив, закрепление на Дону этих людей. Для этого казаки даже выделяли новопришлым часть своего весьма скудного царского жалованья, о чем сообщалось в войсковой отписке от 27 июля, причем им было дано "трем стом...по четверте ж человеку да и зелья и свинец"*. (Донские дела. Кн.3. Стб.770-771.) Содержали казаки и тех новоприборных людей, которые не ушли с Дона и остались зимовать там. Эти люди в своей отписке от 27 января 1647 г. сами признали, что они "старых казаков оголодили"*. (Там же. Стб.580.) Бегство значительного большинства новопришлых с Дона связано было, таким образом, вовсе не с недоброжелательностью к ним казачества, а со стремлением правительства добиться увеличения численности донских казаков наиболее дешевым путем, с минимальными материальными и финансовыми издержками. Подобная линия целиком и полностью соответствовала взятому главой правительства боярином Б.И.Морозовым курсу на всемерное сокращение государственных расходов. Помимо это, главной причины, неудача попытки закрепления на Дону этих людей была связана с особенностями набравшегося в южных городах контингента. На Дону эти люди поняли, что попали не в ту обстановку, в которую желали бы попасть. Вместо участия в походах, приносящих богатую добычу, они вынуждены были оборонять Черкасский городок от врага. Не случайно некоторые из тех, кто уходил с Дона, занялись разбоем. Так, в отписке от 27 июля Войско сообщало, что 300 белгородцев сотника К.Болашева "учали в Донце воровать. Которых мы людей посылали за лесом и за угольем на струговые поделки, ...и тот Болаш с теми беглыми людьми, з белгородцы, тех наших людей переграбили, а иных многих порубили"*. (Там же. Стб.146-147.)

Таким образом, проблема пополнения войска Донского не была решена в 1646 г. и решение ее переносилось на более позднее время. Положение донских казаков оставалось тяжелым. Это подчеркивалось в их отписке от 15 ноября 1647 г. Азовцы, крымцы, ногайские люди и горские черкасы, указывалось в ней, "...хотят...нас, холопей твоих, с реки всех перевести и реку до Воронежа очистить". Казаки даже не исключали возможности ухода с Дона и просили царя "указ учинить, где нам, холопом твоим, жить"*. (Донские дела. Кн.3. Стб.770-771.) Те же мотивы повторялись и в других войсковых отписках - от 5, 6, 7 февраля и 18 марта 1648 г.* (Там же. Стб.788, 816-819, 830, 841.)

Об ослаблении Войска свидетельствовало и то обстоятельство, что царское жалованье "дуванили" зимой всего на 1000 человек, правда, "опричь тех казаков, которые живут в верховых городках"*. (Донские дела. Кн.4. Стб.2-3.)

В такой обстановке в Москве созрела идея создания на Дону своего постоянного опорного пункта. Она была поддержана находившейся в Москве зимовой донской станицей во главе с атаманом Василием Андреевым и есаулом Василием Никитиным. Ими было названо три места, где можно было поставить крепость: напротив Раздор на левой стороне Дона, ниже Раздор на острове Кутлубанском и вблизи городка Багай*. (Донские дела. Кн.3. Стб.796.)

Учитывая тяжелое положение Войска, правительство направило на Дон отряд, состоявший из 1000 солдат под командованием дворянина Андрея Лазарева, о чем сообщило казакам в грамоте от 15 мая. При этом оно уже не передавало отряд в состав войска Донского и сохранило его в качестве самостоятельной боевой единицы. Находиться он должен был в самом Черкасске или вблизи него, а атама-

нам предписывалось быть "в совете" с А.Лазаревым и офицерами*. (Донские дела. Кн.3. Стб.857.) Сбор этого отряда прошел несравненно более организованно, чем набор вольных охочих людей по городкам в 1646 г. Весь личный состав был вооружен пищалями, шпагами, пиками и бандальерами. На Дон отряд вез 150 пудов пороха и 200 пудов свинца*. (Там же. Стб.916.) Сбор, однако, проходил долго. Лишь 22 октября отряд А.Лазарева прибыл в Черкасск*. (Там же. Стб.1016.)

Вскоре в отряде, который расположился вблизи Черкаска, началась цинга, от которой уже к июню 1649 г. "многие померли". По сообщению побывавших на Дону шестнадцати лебедянцев и ельчан, на 14 июня солдат в полку А.Лазарева было "только с триста человек, и те...все больны"* (Там же. Стб.1021-1022.)

Эти сведения существенно расходятся с той цифрой, которую дал в Москве сам А.Лазарев. Он указал, что "по июнь" с ними было на Дону 938 человек. Из них в ночь на 5 июня "по подговору казацкому" перешло к казакам 473 человека. Остальные 486 солдат перешли в городок к казакам после отъезда А.Лазарева*. (Донские дела. Кн.5. Стб.238-239.) Расхождение на первый взгляд велико. Но на самом деле разница между двумя сообщениями лишь в цифрах. Оба отражали неблагоприятное положение отряда на Дону. Сам А.Лазарев говорил о смерти осенью, зимой и весной солдат без уточнения количества умерших. Но, очевидно, что эпидемия изрядно косила людей, так как умерли даже 5 иноземных офицеров - поручики и капитаны, а на месте умерших солдат А.Лазаревым были "иманы новые",* (Донские дела. Кн.4. Стб.239.) причем он не указал, откуда.

Переход солдат к казакам соответствовал намерениям правительства усилить войско Донское. Само правительство до отъезда А.Лазарева с Дона в августе 1649 г. дважды указывало на то, что солдаты после его отъезда должны остаться на Дону*. (Донские дела. Кн.3. Стб.1018; Донские дела. Кн.4. Стб.94.) Остались, правда, далеко не все. В отписке от 1 октября 1649 г. Войско сообщало о том, что многие из солдат ушли в русские города, не дождавшись царского жалованья. Осталось лишь 290 человек*. (Донские дела. Кн.3. Стб.274.)

Благодаря помощи солдат летом 1649 г. было отбито нападение азовцев на Черкасский городок*. (Там же. Стб.274.)

Обе попытки искусственно увеличить численность казачества на Дону, предпринятые в 1646 и 1648 гг., не увенчались успехом. Однако они способствовали укреплению позиций донского казачества в этот сложный для него период и выживанию его в крае.

С середины XVII в. возникли предпосылки для увеличения численности казачьего населения на Дону. Связано это было с полным закрепощением крестьянства по Соборному уложению 1649 г. и с организацией сыскного аппарата крепостнического государства, который вел розыск беглых в пределах засечной черты*. (Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С.39; Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.-Л., 1962. С.169-170. В результате стал усиливаться приток населения в донские казачьи городки. Этому способствовало и то обстоятельство, что расстояние между чертой и верховыми городками было невелико.

Поначалу, в 50-х годах, приток населения из Руси не особенно ощущался. Силы казачества возрастали медленно, и даже к середине 50-х годов положение на Дону иногда напоминало даже первые годы после оставления казаками Азова, когда турки делали все возможное, чтобы "сбить" казаков "с реки". В отписке от 24 февраля 1656 г. Войско жаловалось в Москву на свое трудное положение зимой, когда казаки из-за постоянных нападений противника не могли даже "за рыбою и за дрова из города выйти", причем на первой неделе Великого поста азовцы и крымцы "казаков наших рыбалок у косяков на куренях многих поимали"* (Донские дела. Кн.5. Стб.130.) Чтобы

отогнать противника от войсковой столицы и от других городков, казаки не имели достаточно сил.

Положение по-видимому стало меняться к концу 50-х годов. К 1659 г. относятся сведения о появлении воровских донских казаков и об их активных действиях на Волге, что было свидетельством увеличения общей численности казачества на Дону. Этих казаков видел 30 апреля 1659 г. у Дубровного острова вблизи Царицына сын боярский Г.Быков, ехавший вниз по Волге. Незадолго до того 50 человек воровских казаков разбили ниже Саратова струг*, (Там же. Стб.462-464.) а некоторые из работных людей с этого струга "пошли сами к ним охоту в казаки"*. (Там же. Стб.535.) В Саратове стало известно, что у этих воровских казаков на Дону имелся свой воровской городок под названием Рига*. (Там же. Стб.538.)

В 60-х годах, по сведениям такого осведомленного лица, как беглый подьячий Посольского приказа Г.Котошихин, на Дону проживало 20 тысяч казаков*. (Котошихин Г. Указ. соч. С.74, 135) Сведения эти относятся по-видимому к началу 60-х годов, поскольку Г.Котошихин бежал из России в 1664 г. Таким образом, к этому времени донское казачество полностью восстановило свои силы, подорванные в 1637-1641 гг. и численность его стала примерно такой же, как и в 20-х годах, после Смутного времени.

Достигнув двадцатитысячной отметки, численность казачьего населения на Дону продолжала возрастать и уже к середине 60-х годов она превысила указанную Г.Котошихиным цифру. Особенно много новых казаков, "наброта", появилось в верховых городках, откуда они ушли в 1666 г. в поход с атаманом Василием Усом. Казаки В.Уса стремились наняться на царскую службу и получать царское жалованье, однако не были приняты, так как война с Польшей подошла к концу, и казаки вынуждены были вернуться на Дон. Исследователи по-разному оценивают количество людей, увезенных ими с собой на Дон с территории между Воронежем и Тулой, где они проходили. По мнению Е.В.Чистяковой, за казаками последовала не одна тысяча крестьян и холопов*. (Чистякова Е.В. Крестьянское движение в Подмоскowie... С.133.) И.В. Степанов, напротив, полагал, что людей, ушедших с казаками В.Уса на Дон, было не так уж много, и количество их исчислялось не тысячами, а сотнями. Более значительному уходу препятствовало быстрое продвижение конных казаков, за которыми трудно было поспевать пешим крестьянам и холопам, а также голод на Дону*. (Степанов И.В. Крестьянская война в России в 1670-1671 гг. Восстание Степана Разина. Т.1. Л., 1966. С.271.) Однако даже в этом случае донское казачество получало существенное пополнение.

Новопришлые казаки составили значительную часть разинцев в Каспийском походе 1667-1669 гг. и в походе 1670 г. по Волге. В Каспийском походе со С.Разиным насчитывалось в разное время от 1000 до 1600 казаков*. (Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв. и донское казачество. С.119) Еще больше казаков вышло со С.Разиным в 1670 г. Так, в конце апреля в Паншинском городке, по словам побывавшего там казака Букановского городка Костьки Косого, у С.Разина было "тысячи с 4" казаков, причем "сверху де Доном безпрестани к нему идут казаки и иные беглые люди"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина Т.1. С.162.) О том, что к С.Разину из верховых городков по Дону и по Хопру шли "многие казаки, которья голыя люди и зерщики", сообщали козловцы торговые люди Ф.Карпов и И.Горский, побывавшие в городке Роспопине и видевшие это сами*. (Там же. С.180.) В результате, по словам московских стрельцов, участвовавших в бою с разинцами под Царицыным, к этому городу подошло уже с 5000 казаков-повстанцев. По-видимому, с Дона на пополнение разинцам продолжали выходить казаки, однако их было не так уж много. По словам побывавших на Дону воронежцев и ельчан, "...данские де каза-

ки, которые остались на Дону, к ево стенькину воровству не пристаут"* (Там же. С.211-219.) Все-таки надо полагать, что С.Разиным была значительная часть казаков верховых городков. Те же козловцы Ф.Карпов и И.Горский сообщали, что в Роспопине городке "остались казаки немногие люди"* (Там же. С.217.) В низовых городках основная часть казаков осталась и не пошла с разинцами. Учитывая, что низовые городки были более населены, можно сказать, что большая часть казачества осталась в 1670 г. во время похода С.Разина на Волгу, в своих городках.

Приход казаков из верховых, главным образом, городков способствовал усилению разинского войска. По данным очевидца попа Н.Иванова (Колесника), под Астраханью со С.Разиным было 7000 человек* (Крестьянская война под предводительством Степана Разина Т.1. С.180.) Эта цифра примерно соответствует тем сведениям, которые давали донские казаки. В соответствии с ними, у С.Разина после взятия Царицына было от 5 до 10 тысяч человек* (Там же. С.237.)

После взятия С.Разиным Астрахани в городе осталась часть донских казаков во главе с атаманом В.Усом. Вверх по Волге со С.Разиным пошло из Астрахани, по данным очевидцев, московских стрельцов, "прямых донских воровских казаков...всего тысяч 5"* (Крестьянская война под предводительством Степана Разина Т.2. Ч.1. С.53.) Надо полагать, что в Царицыне казачье ядро войска С.Разина несколько сократилось за счет того, что 2000 казаков во главе с атаманом Якушкой Гавриловым было отпущено на Дон в Черкасский городок, а существенного пополнения с Дона повстанцы не получили* (Там же. С.43, 56.) В дальнейшем, по мере продвижения восставших вверх по Волге и в ходе боев у Симбирска и других сражений, среди этих казаков были большие потери. В целом, однако, донское казачество сохранило силы, и того массового истребления казачества, которое произошло через несколько десятилетий после С.Разина, при Петре I, во время подавлению Булавинского восстания, в 1670-1671 гг. не было. Не случайно, по словам полковника Г.Косагова, приведившего в 1671 г. войско Донское к присяге, "во всех донских городках казаки...зело радуются" "милости великого государя, что им вины отдать велено", так как "за...свои вины и за досадительство и за воровства великого государя милости не чаяли и ожидали они на себя за свои вины великой опалы и разоренья"* (Крестьянская война под предводительством Степана Разина Т.3. С.171.)

3. Городки донских казаков. Население городков.

Поселения донских казаков в источниках XVI-XVII вв. назывались городками. Очень редко употреблялись другие названия. Сходное название - "города" - употреблено в грамоте ногайского князя Юсуфа Ивану Грозному 1549 г.* (РГАДА. Ф.127. Кн.3. Л.125 об.) В сообщении из продолжения Хронографа редакции 1512 г. под 1548 г. говорится об "остроге" у Переволоки на Дону, где сидели пугивльские казаки-севрюки во главе с М.Черкашиным и И.Извольским* (Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С.294.) Все эти названия свидетельствуют о том, что поселения донских казаков были укреплены. Городки донских казаков обязательно располагались по Дону или по крупным его притокам - Хопру, Медведице, Северскому Донцу, а также по крупному притоку Хопра - Бузулуку. Они лежали по берегам реки и на острове, как, например, Монастырский или Черкасский городки. Такое расположение помогало казакам еще более укрепить свои городки.

Описаний казачьих городков за XVI в. не сохранилось, а за XVII в. их дошло очень мало. Наиболее ранние принадлежат турецкому путешественнику Эвлии Челеби, которые в январе 1667 г. проехал

от Переволоки до Азова. Эвлия описывал городки как весьма мощные крепости с многочисленным казачьим населением. Так, в городке, названном им Шива, который, по обоснованному мнению В.Н.Королева, являлся донским казачьим Иловлинским городком*, (Королев В.Н. Донские казачьи городки у Эвлии Челеби. - Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1992. С.105.) он видел "сильную крепость из дерева"; в городке Парас (по В.Н.Королеву - Паншин) - "весьма прочную деревянную крепость"; в городке Токай (по В.Н.Королеву - Голубые) - "деревянную крепость", "прочную вследствие своей шестиугольной формы"; в городке Исчит (по В.Н.Королеву - Верхний Чир) - "неприступную деревянную крепость"; в городке Павлуша (по В.Н.Королеву - Кумшак) - "сильную крепость из дерева"; в городке Жапуха (по В.Н.Королеву - Багай или Маныч) - "большую деревянную крепость"; в городке Сараиш (по В.Н.Королеву - Черкасский) - "прочную крепость из бревен"*. (Эвлия Челеби. Указ. соч. С.179-192) Сведения Эвлии о наличии в городках деревянных укреплений подтверждаются в источниках, относящихся к концу XVII в. Так, в Походном журнале Петра I 1695 г. указывалось, что Паншин городок - "на острове, деревянным тыном огорожен", городок Голубые - "на нагорной стороне, на берегу, на ровном месте, окружен тыном", а Кагальницкий городок - "стоит на острове, на ровном месте, огорожен тыном, на левой стороне"*. (Походный журнал 1695 г. Изд. 2-е. СПб., 1910. С.14-15, 17) Также хорошие укрепления имели городки судя по описанию вице-адмирала К.Крюйса, составленному в 1699 г.; из этих городков, писал К.Крюйс, "большая часть...имеет деревянные валы, а некоторые и каменные замки, и самые старинные круглые башни...Большую же часть построены они на островах и двойными полисадами обнесены...". Лучшее других был укреплен Черкасский городок - "бастионами и башнями старинною формою с 80 пушками"*. (Крюйс К. Указ. соч. С.49-50.)

В отдельных случаях для обозначения донского казачьего поселения употреблялось слово "юрт". Наиболее часто оно использовалось в формуляре начального протокола царских грамот на Дон, где указывался адрес, куда направлялась грамота - "на Дон, в нижние и в верхние юрты, атаманам и казакам". В данном случае под словом "юрты" подразумевались низовые и верховые казачьи городки. Нередко под этим словом имелись в виду не только городки, но и прилегающие к ним земли. Употреблялось оно и тогда, когда в казачьем поселении проживало мало казаков. В 1614 г. хоперский казак Гришка Черный сообщал, что в "юрте" на Хопре, где он жил, было "с ним в его юрте человек з десять"*. (РГАДА. Ф.89. 1616. N1. Л.91, 130.) Невелики были и поселения по Северскому Донцу в 40-х и 50-х годах XVII в., и в источниках говорилось об Айдарском, Трехизбянском и Краснянском юртах*. (Донские дела. Кн.3. Стб.676; Донские дела. Кн.5. Стб.11.) Названия юртов соответствовали названиям городков. Лишь под 1593 г. был упомянут Каныгин Юрт у Нижних Раздор*, (РГАДА. Ф.89. 1593. N1. Л.123; ныне там - хутор Каныгин Усть-Донецкого района.) но городка с таким названием не было.

Первые сведения о казачьих городках на Дону относятся к середине XVI в., когда под 1548 г. упоминалась "острога" М.Черкашина и И.Извольского, а под 1549 г. - "города" Сары Азмана "в трех и в четырех местах". И если по поводу "остроги" известно, что она стояла "на Великом Перевозе"*, (Шмидт С.О. Продолжение Хронографа 1512 г. С.294.) т.е. на Волго-Донской Переволоке, то по поводу расположения "городов" Сары Азмана никаких указаний источники не содержат. Как утверждал И.Ф.Быкадоров, они располагались вблизи Азова. При этом он ссылаясь на некие "старинные иностранные карты и другие исторические данные", согласно которым до похода турок на Астрахань 1569 г. будто бы существовали городки Атаманский, Красный Яр и Раздоры Нижние*. (Быкадоров И.Ф. История казачества. Кн.1. Прага, 1930. С.131.) По мнению П.П.Сахаро-

ва, "города" Сары Азмана "находились не южнее северной части современной нам Донской области", а не в низовьях Дона. Об этом свидетельствовало то обстоятельство, что донцы "подстерегали" ногаев не у Хопра, Медведицы или Вороны, на пути в Заволжье, а, будто бы, вблизи русской Украины, "рискуя встретиться с русским конвоем, провожавшим обычно ногайцев до границы и немного в Поле"*.(Сахаров П.П. Происхождение вольного донского казачества.... С.66.)

Представляется, что П.П.Сахаров несколько ближе к истине. И.Ф.Быкадоров исходил из недоказанного утверждения о большей древности низового казачества по сравнению с верховым. Но попытка И.Ф.Быкадорова отождествить "города" 1549 г. с указанными им низовыми городками едва ли состоятельна. Наиболее ранние из дошедших до нас карты с казачьими городками, составленные Г.Герритсом и И.Массой и показывающие городки Атаманский и Красный Яр, отражают картину расселения казаков вовсе не середины XVI в., а периода царствования Бориса Годунова. В каких-либо источниках середины XVI в. эти городки вовсе не упоминались. Следовательно, считать "города" Сары Азмана теми самыми низовыми городками, о которых говорил И.Ф.Быкадоров, не приходится. Напротив, жалобы ногаев дают основание утверждать, что эти "города" вообще не находились в низовьях Дона, поскольку южная часть Донской земли удалена от ногайских кочевий и от путей, по которым ногаи ездили на Русь.

Вблизи ногайских путей располагались места по северным притокам Дона. На этом основании П.П.Сахаров и поместил сарыазмановы поселения в северной части Донской земли, возможно, на Хопре, верховья которого недалеко от Рязанской земли и от Мещеры.

Есть основания, однако, считать, что "города" Сары Азмана находились несколько южнее, на самом Дону вблизи Переволоки. Эти места лежали ближе всего к Волге, куда уже в то время устремлялись вольница. Мнение П.П.Сахарова основано на предположении о нападениях людей Сары Азмана на ногаев только лишь вблизи русских украин. На самом же деле из жалоб ногаев не известно, где совершались подобные нападения. И даже если признать предположение П.П.Сахарова верным, это несколько не исключает возможности нахождения "городов" Сары Азмана не только на севере Донской земли, на Хопре или Медведице, а в районе Переволоки, откуда казаки Сары Азмана вполне могли приходить для борьбы с ногаями к русским украинам.

К концу XVI в., когда на Донской земле имелось свыше трех десятков казачьих городков, среди этих городков выделялись Донецкие Раздоры, расположенные при впадении в Дон Северского Донца. В то время это был один из главных казачьих городков, чему имеются не которые косвенные свидетельства. Так, в 1584 г. посол Б.Благово доносил в Москву, что он велел посольские "суды взогнати вверх до Роздоров" от Азова, "и велел те суды приказати атаманом донским"*.(РГАДА. Ф.89. Кн.2. Л.305.) Едва ли атаманы из Раздор были в конце XVI в. во главе всего донского казачества. Но несомненно, что Раздоры являлись одним из важнейших казачьих центров на Дону. В 1585 г. этот городок был особо выделен среди прочих казачьих поселений. Послу Б.Биркину, следовавшему в Азов, было указано оставить "в Раздорех Донецких" или "в котором месте пригож" сына боярского, чтобы тот "подождал от царя Саадат Кирея вести"*.(Там же. Л.320.) Следовательно, в Москве считали, что на Дону Раздоры занимали особое положение и именно там сын боярский мог бы наилучшим образом выполнить ответственное поручение.

Некоторые из поселений были весьма многолюдны. В них проживало по несколько сот человек. Так, 11 июня 1593 г. на стан к послу Г.Нащокину явилось "человек шестьсот" атаманов и казаков из ближайших низовых городков*.(РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.97.) Казаки заявили послу, что у них "сее зимы болше ста человек по городком

азовские люди с черкасы поймали"*.(Там же. Л.29 об.) Большое количество казаков, взятых в плен "по городкам", также свидетельствовало о значительной населенности ряда казачьих поселений, прежде всего таких, как городки Черкасский и Маныч. По данным дорожника, казаков там проживало "много", тогда как в наиболее, по данным дорожника, крупных - в Медведице, Кременном, Чиру, Терновом, Другом Каргальском и в Нижних Раздорах - по 100*.(Зимин А.А. Русские географические справочники XVII в. С.227-229.) Немало, возможно, казаков жило в Монастырском Яру и в Стыдном Имени, но каких-либо указаний на это в дорожнике нет. Невелики были некоторые верховые городки. Они не могли отбиться от крупных сил противника. Когда в 1593 г. прошел слух о возможном нападении отряда азовцев, казаки из этих городков ушли к низовым казакам*.(РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.88-88 об.)

Центром войска Донского был в конце XVI в., по обоснованному мнению В.Н.Королева, городок, названный в дорожнике Стыдное Имя*.(Королев В.Н. Роспись донских городков конца XVI века. С.26.) Очевидно, что составители дорожника не решились написать принятое на Дону наименование. В других источниках такое название содержится. Так, в отписке в Москву астраханских воевод 1639 г. говорилось, как ногайский татарин Байдайко Юмашев "с матерью своею перешел в казачей городок Эпок, и с тех мест жил все в том казачье городке"*. (РГАДА. Ф.127. 1639. №1. Л.23.) В отписке от 1644 г. сообщалось, как азовские татары и турки "поймали в городке Эбке казачьих жен и детей"*. (РГАДА. Ф.127. 1644. №1. Л.173.) В выписке по войсковым челобитным от 6 февраля 1648 г. указывалось, что Монастырский городок находится "меж их городков черкасского и меж городка Бодка"*. (Донские дела. Кн.3. Стб.793.) Таким образом, этот городок располагался ниже Монастырского, по данным дорожника - в 5 верстах от него*.(Зимин А.А. Русские географические справочники XVII в. С.229.) Однако более точного указания на его расположение в источниках нет, и его можно установить лишь по косвенным данным. Так, в отписке из Валуйки воеводы П.Леонтьева от 31 мая 1642 г. говорилось, что "донские казаки, которые жили в Озове, из Азова вышли вон з женами и з детьми, и образы и наряд вывезли, и учили жить на Махине острову, ниже Монастырскова яру"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.429.) Следовательно, "на Махине острову" жили те жены и дети казаков, которых "поймали в городке Эбке" турки и татары в 1643 г., когда они повели наступление на Войско, пытаясь сбить его с низовьев Дона, или же, иначе говоря, этот городок находился на Махине острове. К 1646 г. когда Войско восстановило свои позиции на Нижнем Дону, этот городок еще не был возобновлен, и в войсковой отписке от 25 апреля говорилось о "наших старых юртах по Махину"*. (Там же. Стб.1053.) Существовал этот городок уже в 1648 г., поскольку есаул Василий Микитин говорил о городке Бодке, а не о юрте, о месте, где он стоял. Под 1648 г. городок упоминался в последний раз.

Источники содержат сведения о незначительных городках на Верхнем Дону и на севере Донской земли в конце XVI - начале XVII вв. По сведениям дорожника, в конце XVI в. в городках Мигулине, Решетове, Вещем (Вешках) и Хопре проживало от 5 до 10 казаков "без баб"*. (Зимин А.А. Русские географические справочники XVII в. С.227.) Очень незначительны были и поселения на Хопре, существовавшие в конце Смуты, и житель одного и таких поселений казак Гришка Черный говорил поэтому в 1614 г. даже не о городке, а о юрте.

Специфическое положение занимали в XVII в. так называемые воровские городки. Они находились как бы на нелегальном положении. Из этих городков известен один очень крупный, находившийся недалеко от Чира, где, по сведениям одного астраханского татарина, в 1627 г. проживало с 600 человек*.(РГАДА. Ф.127. 1628. №1.

Л.73.) В 1628 г. существовало небольшое зимовье у Паншина городка, где находилось 19 воровских казаков*. (Там же. 1629. N1. Л.58.) К 1659 г. относятся сведения о появлении воровского городка под названием Рига также вблизи Волго-Донской Переволоки, между городками Иловля и Паншин*. (Донские дела. Кн.5. Стб.538.) Этот городок был довольно велик. Во всяком случае, сидевшие в нем казаки "до зимы торговых людей с Руси Доном ни одной будары...не пропустили". Эти казаки имели в своем городке на вооружении пушки. Для разгрома городка потребовалась крупная военная экспедиция, посланная Войском в январе 1660 г.* (Там же. Стб.657-659.)

Вполне возможно, что воровские городки были не только в районе Переволоки, но и в других местах в верхней части Дона и по заповольным рекам, особенно в глубоких дебрях по Хопру и Медведице. В романе М.А.Шолохова "Тихий Дон" излагается бытовавшее среди казаков Верхнего Дона повествование о воровском Чигонацком городке близ устья Хопра, казаки которого разграбили шедшее по Дону купеческое судно. Разгромлен был Чигонацкий городок, согласно этому повествованию, при Петре I*. (Шолохов М.А. Тихий Дон. Кн.1-2. Ростов-на-Дону, 1969. С.87; ныне хутор Чигонацкий - несколько выше станицы Вешенской.) Не случайно народная память связала гонения против казачества с именем этого царя, поскольку именно при нем впервые в истории в ходе подавления Булавинского восстания имело место массовое истребление казачества. Между тем, при Петре I существование на Дону особых воровских городков едва ли было уже возможно. По Дону уже проезжало в то время слишком много людей, донские атаманы уже довольно прочно после подавления раскольников в 1689 г. контролировали положение в крае, а в 1700 г. стольники отец и сын Давыдовы вели по донским казачьим городкам следствие о самовольном походе казаков на калмыков*. (РГАДА. Ф.111. 1700. N1. Л.6-63.) Более вероятно, в повествовании отражено допетровское и даже доразинское время, а разгром воровского городка осуществило не правительство, а войсковые власти или даже местное казачество, как это произошло, например, в 1682 г., при подавлении движения казаков под предводительством Ильи Иванова, которых разбили казаки верховых городков во главе с вешенским атаманом Иваном Щепоткинским*. (Черепнин Л.В. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства. - Исторические записки. N4. М., 1938. С.41-74; Глаголев В.П. Движение на Дону и юге России 1682 года. - Ученые записки Московского гос. заочного пед. ин-та. М., 1958. С.115-196; Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. С.58-63.)

С большими трудностями связано решение вопроса о численности населения по отдельным казачьим городкам в XVI в. Сведений об этом в источниках мало и относятся они главным образом к важнейшему городку войска Донского после 1644 г. - к Черкасскому. Кроме того, сами городки были неравнозначны. Об этом хорошо знали и казаки и их противники. Так, в материалах посольства И.Кондырева 1623 г. сообщалось о предложении азовцев войску Донскому заключить мир "по Карман, что (от) Пятиизб за пять городков". Упоминание о Пятиизбах было здесь не случайно, поскольку "наперед того мир бывал по Пятиизб". Нежелание азовцев включать в запрещенную для ведения военных действий зону городки выше Курамана сами казаки объясняли тем, что, в отличие от нижних, "верхние городки...безлюдны, и азовцам бы, обошед по Дону нижние юрты казачьи, верхние городки воевать". (РГАДА. Ф.89. 1623. N2. Л.125-126.) Небольшие городки сохранялись и к 1638 г., в начальный период пребывания казаков в Азове, когда войско Донское было сильным и многочисленным. В грамоте, направленной по городкам с призывом к казакам идти на защиту Азова, Войско советовало, чтобы после ухода части казаков "казачьи городки, которые небольшие, ...собрался городка два и три в один городок и жили б с великим бережень-

ем"* (РГАДА. Ф.89. 1623. N2. Л.125-126.) Вскоре, очевидно, в Войске посчитали, что даже в случае съезда двух-трех городков сил было бы все равно недостаточно, и советовали уже съезжаться "городков пять или шесть в одно места семьями" (Там же. Л.335-336.)

Таким образом, низовые городки, как и в конце XVI в., были более населенными, чем верховые. В них могло проживать по несколько сот казаков. Так оно и было, судя по косвенным данным, в городке Маньч. В отписке из Валуйки от 8 мая 1624 г. сообщалось, что на Николу зимнего, 6 декабря 1623 г., к этому городку приступил азовский Асан-бей с 620 татарами и ногаями. Маньчские казаки вступили с ними в бой, "и многих татар...побили, и из Маньча де городка вышед...гоняли за татары до Оксая"*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание.... - Дон. 1988, N11. С.154. Чтобы вести столь успешный бой, казаки должны были по своей численности приближаться к отряду Асан-бея. Можно, следовательно, считать, что в Маньче проживало не менее 500-600 казаков, а то и побольше, поскольку гнать Асан-бея до Оксая не могли все казаки городка. По казачьему обычаю, в городке должны были оставаться люди на случай вражеского нападения. На верность предположения о проживании в Маньчском городке не менее полутысячи казаков косвенно указывают данные отписки воронежского воеводы А.Измайлова от 12 марта 1633 г. Там сообщалось о зимовке в Черкасском и Маньчском городках четырехсот запорожцев полковника Павла Енкова*. (Воссоединение Украины с Россией. Т.1. С.133-134.) И даже если большая часть этих запорожцев зимовала в Черкасском, то упоминание о Маньче свидетельствует, что и там была немалая их часть. А принять на зимовку хотя бы сотню человек мог только довольно крупный городок с достаточным для этого количеством куреней.

Не менее крупным, чем Маньч, был Черкасский городок. Много казаков проживало и в других городках, лежавших ниже впадения в Дон Северского Донца - в Раздорах, Бесергене и Багаевском. Казаки этих городков составляли передовой отряд войска Донского в борьбе с Азовом.

Надо полагать, что еще более крупным был городок Монастырский, где с 1622 по 1637 гг. располагалась войсковая столица. Сведений о численности жителей в нем источники не содержат. Однако ее можно приблизительно сопоставить с количеством казаков, проживавших в Азове после взятия города в 1637 г. Возможность такого сопоставления связана с тем, что в новую войсковую столицу, которой стал Азов, переехали прежде всего казаки из Монастырского городка. Вероятно, что в Азове было не много казаков из других ближайших, кроме Монастырского, низовых городков - Черкасского и Маньча. Не случайно накануне осады Азова в 1641 г. Войско настаивало на том, чтобы казаки этих городков прибыли на защиту Азова, но те заявили: "мы де за камень не хотим умереть, мы де умрем за свои щепки"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.177.) К тому времени в Азове, по свидетельству очевидцев, вайлучан Т.Бобьева и Ф.Лазарева, было "...мало...с тысячу человек"*. (Там же. Стб.159.) Правда, через несколько дней, приехав из Вайлуки в Москву, они уже называли иную цифру - "з 2000 человек", но сказали при этом, что там были не только "атаманы и казаки", но и "татары и черкасы"*. (Там же. Стб.163.) По-видимому, в течение июня, незадолго до осады, в Азов для участия в обороне города прибыло много казаков и черкас, и численность защитников Азова достигла 5-6 тысяч человек*. (Там же. Стб.219.) Среди вновь прибывших донцов были прежде всего жители ближайших крупных низовых городков, в том числе Черкасского и Маньча, поскольку добиться значительного увеличения численности защитников Азова можно было лишь при условии привлечения казаков из многочисленных городков. Таким образом, за короткий срок число защитников Азова увеличилось примерно в 5 раз за счет вновь прибывших казаков, черкас-запорожцев и служивших на

Дону татар, тоже являвшихся казаками. Эти вновь прибывшие люди присоединились к той тысяче с лишним человек, которая была до июня. И это первоначальное ядро оборонявших Азов казаков составляли прежде всего жители прежней столицы Войска – Монастырского городка, где, следовательно, до взятия Азова проживало не менее 1000 казаков, а, возможно, 2000.

Весьма крупными и оживленными были не только низовые городки, но и городки, расположенные вблизи Переволоки, прежде всего такие, как Есаулов, Чир, Голубые, Паншин и Иловля. Но если в низовых городках большое количество казаков было сосредоточено для борьбы с Азовом, то в городках у Переволоки казаки собирались для походов на Волгу. Организаторами таких походов выступали там как местные жители, донские казаки, так и яицкие казаки. Так, из отписки воронежского воеводы С.Козловского от 21 января 1637 г. известно, что в Паншин для воровства на Волге шли донские казаки и запорожцы по подговору яицких казаков Алексея Степанова и Алексея Наумова. Для этих же целей казаки шли тогда же и в городок Пять Изб*. (Донские дела. Кн.1. Стб.553.) Преимущественно в те же городки у Переволоки переселялись на жительство и казаки с Волги. В 1622 г. посол И.Кондырев видел в городках Паншин и Голубые волжских казаков атамана Богдана Чернушкина "человек с пятьдесят". На Дон они перебрались после того, как были изгнаны с Волги астраханскими служилыми людьми*. (РГАДА. Ф.89. 1622. №1. Л.34-35.)

Низовые городки и городки у Переволоки располагались вблизи места проявления донскими казаками наибольшей активности – у Азова и у Волги. Городки, находившиеся в несколько более спокойных местах – по Дону от Мигулина и примерно до Иловли и примерно от Есаулова до Раздор – были не столь велики. Для них могли представлять опасность даже весьма небольшие силы противника. Так, в 1632 г. отряд воровских запорожских черкас разгромил городки Хопер и Медведицу, причем жителей "вырубили"*. (АМГ. Т1. С.359.) 11 июня 1646 г. триста черкас во главе с атаманом Петрушкой и есаулом Жадой "взяли и совсем разорили" верховый городок Решотов*. (Донские дела. Кн.2. Стб.1109.)

Невелики были и городки по запольным рекам. На Хопре по сравнению с концом XVI в. число их возросло. Если в списке, отнесенном П.П.Сахаровым предположительно к 1594 г., говорилось о существовании на этой реке четырех городков, то через 50 лет их уже было не менее семи. Во всяком случае, в июле 1644 г., по донесению дворянина Ф.Алябьева, запорожские черкасы на Хопре "их казачьих семь городков поимали и побили"*. (РГАДА. Ф.89. 1644. №1. Л.7.)

По существу, в первой половине XVII в. заселялись берега Северского Донца. В XVI в., еще до турецко-крымского похода 1569 г. на Астрахань, на Донце существовал Митякинский городок, известный как городок атамана Мотякина, который был разорен татарами. В начале XVII в., когда в 1600 г. была заложена крепость Царев-Борисов, правительство Бориса Годунова приглашало донских казаков поселиться по Донцу и Осколу вблизи крепости. Это способствовало заселению близлежащих мест. Однако казаков по Донцу было немного. Не случайно в источниках за первую половину XVII в. упоминались не лежавшие по Донцу городки, а юрты, где не было постоянного населения и куда казаки, а также жители русской южной окраины и черкасы лишь приходили для промыслов. Под 1636 г. был упомянут в челобитной атамана Полуекта Савельева Гундоровский юрт*. (Донские дела. Кн.1. Стб.483-484.) В расспросных речах атамана Кирея Степанова от 27 мая 1647 г. говорилось о том, что по пути к Москве казаки его станицы переехали татарскую сакму "в казачьем юрту у Трех Изб"*. (Донские дела. Кн.3. Стб.676.) В то время этот юрт был заселен, поскольку атаман уверенно говорил именно о казачьем юрте. Немногочисленное казачество на Донце и на Осколе подверглось

в 1632 г. нападению со стороны неких "воров", о которых доносил в Москву валуйский воевода И.Козловский. Эти "воры" "по Донцу и по Осколу в юртах донецких казаков побивали до смерти". Характерно, что среди этих "воров" было двое донецких же казаков, Ивашка и Ромашка, которые затем пошли на Дон, но там узнали про их "воровство" и повесили их*. (АМГ. Т.1. С.343.)

Еще в 20-е годы XVII в. жители Белгорода и других южных городов и уездов, расположенных вблизи верховий Донца, нередко выезжали на промыслы по этому притоку Дона. Как показывал на следствии по делу о самовольных поездках на Дон в 1626 г. белгородец Михаил Сидоров, "иные де белгородцы, а иных розных городов многие люди по Донцу до болшова Дону кормятца все, да зимуют и летуют, а ездил де он, Михалко, ежелет...". Он сообщил, что жил на "перевозе" "на усть Деркула реки" "лето, а к осени в Белгород съехал, а товарищи де ево четьрѣ человека на перевозе на усть Деркула реки и по иным юртом и по сям ста живут". Судя по рассказу М.Сидорова, было две цели таких поездок на Донец и жительства в донецких "юртах". Одна из них – промыслы. О своих "товарыщах" М.Сидоров сообщал, что они там "кормятца". Другой целью были "службы полевые и по рекам и по перевозам и по сакъмам для крымских татар, чтобы безвесна не пришли"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N31 Л.316.) Таким образом, побережье Донца в 20-е года XVII в. в целом находилось еще в начальной стадии заселения его выходцами из Руси, примерно также, как берега самого Дона за полсотни лет до этого. Из южных городов, прежде всего из Белгорода, разные люди приезжали на Донец и довольно долго жили там, причем не только в течение лета, но и всю зиму, однако затем возвращались на Русь. Местных же казаков было тогда еще немного. Поэтому они так сильно пострадали от "воров" в 1632 г. и поэтому приходилось посылать на Донец для "службы полевые" людей из южных городов.

В конце концов часть этих людей оседала на Донце и становилась казаками. Так, в 1632 г. житель села Голубинского в Оскольском уезде Корнюшка Репинской упомянут как "донецкий казак"*. (АМГ. Т.1. С.343.) На Руси у них сохранялись родственники. Не случайно многие белгородцы, как сообщал в своей отписке в Москву в 1637 г. воевода П.Пожарский, хотели идти "з донскими и з донецкими казаки...к Озову" на помощь"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N141. Л.380.) Очевидно, что ко времени азовского взятия Донец уже был заселен казаками.

С 50-х годов постепенно стала выделяться своими размерами войсковая столица – Черкасский городок. Летом 1654 г., по сообщению атамана Павла Федорова, в Черкасском оставалось 7000 человек, а 2030 на 34 стругах ушли в поход на Крым*. (Донские дела. Кн.5. Стб.53.) Совершенно определенно, что атаман говорил лишь о казаках-бойцах. Об общем количестве проживавших там людей он не сообщал, а их должно было быть немало. Это – члены семей казаков и ясырь. В 1660 г., по словам атамана Логина Семенова, в Черкасском проживало 3000 казаков и стояло 7000 государевых людей*. (Там же. Стб.767.) По-видимому, более многолюдными, чем раньше, хотя и не такими, как войсковая столица, становились другие городки, однако сведений об этом в источниках нет.

Всего к началу 70-х годов, судя по списку, составленному в 1672 г. в Посольском приказе зимовой станицей атамана Фрола Минаева, по Дону располагалось 49 казачьих городков, два из которых, Дурной и Скородум, находились, как сказано в списке, ниже Черкасского городка*. (РГАДА. Ф.111. 1672. N11. Л.27-29.) Позже два этих городка не раз упоминались как станицы в составе войсковой столицы – Черкасского городка. Возможно, что в этом списке не названо одно небольшое низовое поселение, указанное в росписи 1674 г. о разорении донских казачьих городков калмыками хана Аюки. Это был Аксай, где калмыки "зарезали двух человек казаков, и

копканы, и зверь всякой лисицы ис поречны поимали". При этом, правда, Аксай не назван, в отличие от других поселений, упомянутых в росписи 1674 г., городком. Кроме того, если почти во всех городках калмыки отгоняли у казаков скот, то в Аксае, судя по росписи, этого не было*.(РГАДА. Ф.111. 1674. N15. Л.4.) Скорее всего, Аксай являлся совсем незначительным поселением, которое казаки даже не считали городком. Ранее, возможно, это и был тот самый Нижний городок, располагавшийся ниже Махина острова еще в 1642 г.*(Донские дела. Кн.2. Стб.446.)

Совсем новыми городками ко времени составления списка Ф.Ми-наева были, по-видимому, два Григорьевских городка - Старый и Новый. На Дону еще не привыкли к их существованию Отсюда возникла путаница в списке, когда Григорьевский городок был упомянут в качестве единственного, зато были названы два Сиротинских "Старой" и "Новой", тогда как известно, что городок Сиротин существовал с XVI в. и всегда в единственном числе. При этом само название Нового Григорьевского городка было еще неустойчиво, и в некоторых более поздних источниках он назван Пердуновым*. (Древнейшие грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова. Сост. Н.Второв и К.Александров-Дольник. Кн.1. Воронеж, 1851. С.48: Походный журнал 1698-1699 гг. Изд. 2-е. СПб., 1910. С.3) Новое название получил по-видимому Стрелчей городок, известный с конца XVI в. - Качали*,(РГАДА. Ф.111. 1672. N11. Л.27.) или Качалинский городок*.(РГАДА. Ф.111. 1674. N15. Л.7.) Вместо ранее существовавшего одного Чирского городка у впадения Чира в Дон стало два - Верхний и Нижний. К новым городкам относились также городки Кобылкин, Зимовейко, Нагайкин (Нагавкин), Романовский, Цимла, Камышник, Троилин, Ведерников, Кочетов, Мелехов и Бугай.

Значительное количество городков существовало к началу 70-х годов по Хопру. В росписи 1674 г. названо 26 хоперских городков, начиная с Букановского городка и кончая самым верхним по Хопру Пристанским городком*.(Там же. Л.5, 8.) С тех пор новых городков по Хопру уже не появлялось. Так, карта станиц донских казаков, поданная генерал-майором Гинтером в 1718 г. и очень полно отразившая казачьи поселения на Донской земле, не содержала каких-либо поселений, которых бы не было в росписи 1674 г. Напротив, на карте 1718 г. даже отсутствуют некоторые поселения, которые есть в росписи 1674 г. - Казаринский, Тишанский, Одининский, Косаркинский. Нет на карте и трех самых верхних городков по Хопру, упомянутых в росписи - Григорьевского, Беляевского и Пристанского*,(РГАДА. Ф.192. Оп.1. Карта земли донских казаков. N1.) ликвидированных после Булавинского восстания по указу Петра I. Некоторые из хоперских городков стали впоследствии называться по-другому. Так, Евдовлевский городок стал станицей Слащевской, Серебряковский городок - станицей Аржановской, Безлуковский городок - станицей Усть-Бузулуцкой, Левонтьевский городок - станицей Левикинской, Бубнов городок - станицей Михайловской. Эти новые названия отражены на карте 1718 г.

К более позднему времени, к 1688 г., относится первый дошедший до нас перечень казачьих городков по Медведице. Он содержится в показаниях раскольничьего старца Тихона, которые он давал в Саратове. В нем упомянуты 9 самых нижних поселений по этой реке: Глазунов, Скуриха, Кепной, Арчедак, Кобылей, Карповской, Етеры, Раздоры, Орлов*.(РГАДА. Ф.111. 1688. N18. Л.10.) Это были не новые поселения. Так, населенный хрт на реке Арчаде существовал еще в 1638 г.*(Донские дела. Кн.1. Стб.816.) В 1670 г. калмыки совершили нападение на 10 городков по Хопру и Медведице*.(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.239.) Существовали, по-видимому, и 6 городков по Медведице, лежавших выше Орлова, о которых не сообщал Тихон, но которые упомянуты в росписи

лесов по притокам Дона, составленной в 1698 г. - Заполянский, Малодель, Березовский, Черногай, Неврюевский, Бурлуцкий*. (Попов В.С. Указ. соч. С.186-199) Не все из этих городков сохранились ко времени составления карты 1718 г. Исчезли городки Кобылей и Карповской, причем в Кобыльем городке всех людей перебили раскольники*. (РГАДА. Ф.111. 1688. N18. Л.11.) Три самых верхних городка - Черногай, Неврюевский и Бурлуцкий - были уничтожены после Булавинского восстания.

Более сложно представить картину заселения Северского Донца, поскольку для поселений по этой реке отсутствует какой-либо обобщающий материал вплоть до конца XVII в., когда такой материал появился. Это была роспись донских казаков, раненых в 1696 г. под Азовом*, (Там же. 1696. N4. Л.5-19.) и карта, созданная в 1699 г. Ю.фон Менгденом и Я.В.Брюсом*, (Кордт В.В. Материалы...Серия 1. Вып.2. N41.) где были указаны некоторые казачьи городки. До этого в источниках содержались лишь отрывочные упоминания о городке х по Донцу. Под 1642 г. упоминался городок Айдар у впадения в Донец его левого притока - реки Айдар*. (Описание Харьковской епархии. Харьков, 1858. Отд.5. С.367.) Выше Айдарского стоял в 1647 г. Теплинский городок*. (Донские дела. Кн.3. Стб.567.) В 1656 г. существовало казачье поселение в Красноярском юрту. По-видимому, оно было в округе не одно и вблизи него имелись и другие, более мелкие поселения. Не случайно, когда в Войске было получено известие о движении калмыков к Донцу, Войско послало с этой вестью казака Демку Кругового именно в Красноярский юрт и велело, "чтоб донские казаки з Донца и из запольных рек, как калмыки придут на Дон, ..шли на Дон". В отписке, посланной из Войска на Донец, упоминались находившиеся там "казаки юртовые" и "гулебщики". Если учитывать, что "гулебщики" - это казаки, пришедшие на Донец охотничьего промысла, то "казаки юртовые", названные так в отличие от "гулебщиков" - местные жители из городков и юртов по Донцу и его притокам - запольным рекам. К 1672 г. относится основание Боровского городка. Об этом сказано в челобитной 1675 г. атамана Василия Сергеева о жалованье за службы и за раны. Этот атаман "по приказу всего войска Донского городок в Боровском юрту на многих татарских шляхах построил в прошлом...во 180-м году"* (РГАДА. Ф.111. 1675. N14. Л.1.) (т.е. в 1672 г. - Н.М.).

Трудно сказать что-либо определенное о других городках по Донцу, упоминавшихся в документах более позднего времени. Судя по донесению полковника Г.Косагова, к 1681 г. относится построение Сухарьевского городка*. (Акты Лапшина. Т.1. С.109.) В том же году был основан городок Гундоров, о чем свидетельствовала войсковая заемная грамота на Гундоровский юрт*. (Историческое описание Земли войска Донского. Новочеркасск, 1903. С.382.) Под 1683 г. были упомянуты Каменский и Луганский городки*, (РГАДА. Ф.111. 1683. N36. Л.38.) возникшие незадолго до этого.

Следовательно, лишь об Айдарском, Краснянском и Боровском городках можно говорить, что они появились до последней четверти XVII в. Другие городки возникли, пожалуй, в более позднее время. Причем, судя по "скасам" атаманов и казаков донских городков, записанных в 1707 г., возраст вышеупомянутых городков по Донцу был еще меньше, чем указано в источниках XVII в. Так, о Староайдарском, Теплинском и Боровском городках было сказано, что они существуют уже 30 лет, т.е. с 1677 г., а о Краснянском городке - 20 лет*, (Булавинское восстание. С.124.) т.е. с 1687 г. Расхождение данных "скаска" 1707 г. со сведениями из источников XVII в. для Айдарского, Теплинского и Краснянского городков могло быть связано как с дефектом памяти, так и с тем, что эти городки прекращали свое существование, а затем вновь возобновлялись, причем казаки, жившие в 1707 г., имели в виду возраст возобновленного городка. Что касается Боровского городка, то сведения "скаска"

1707 г. о нем и вовсе не точны, поскольку челобитная атамана В.Сергеев а 1675 г., где описаны события трехлетней давности, содержит более точные сведения, чем "скаска", основанная на памяти о событиях, происходивших несколько десятков лет назад. Все остальные донецкие городки, согласно "скаске", кроме Луганского, существовавшего также 30 лет, были еще моложе.

Таким образом, до последней четверти XVII в. берега Северского Донца были еще слабо заселены казаками. Находились там главным образом "пустые" юрты, куда казаки-"гулебщики" из других городков ходили на промысел. Более широко заселение Донца развернулось лишь с последней четверти XVII в., когда по этой реке сформировалась цепь городков. Такое запоздалое заселение было связано с тем, что Донец находился в некотором отдалении как от Азова, так и от Волги, т.е. от тех мест, которые особенно привлекали казаков в связи с возможностью получения там боевой добычи. Кроме того, сказывалась близость Донца к Запорожской Сечи, откуда нередко выходили буйные ватаги, нападавшие на донских казаков, грабившие и убивавшие их. Начавшаяся в 1648 г. освободительная война на Украине, а затем - присоединение Запорожской Сечи к России отвлекали запорожцев от выходов на Дон и способствовали созданию на Донце более спокойной обстановки. Сыграла роль, кроме того, близость соляных промыслов на речке Бахмут и на Торских озерах, поскольку в связи с ростом населения на Дону и с развитием хозяйства, особенно рыболовства, соль приобретала для казаков более важное значение.

Общее число городков у донских казаков к началу 70-х годов XVII в. может быть установлено весьма приблизительно. По-видимому, существовало 50 городков по Дону (в т.ч. 2 - в составе войсковой столицы - Черкасского городка), 26 - по Хопру, 15 - по Медведице и 3 - по Донцу. Не известно число городков по Бузулуку, поскольку сведений о них в источниках еще не было. Возможно, что по Донцу было несколько большее число городков, а немногочисленные поселения донских казаков могли появляться и по мелким запольным речкам.

Всего у донских казаков насчитывалось к тому времени около сотни разных по величине городков.

4. Этнический состав и социальное происхождение донского казачества. Семейная жизнь на Дону.

В этих городках жили в XVI-XVII вв. казаки самого различного этнического и социального происхождения.

Первые известные по источникам донские казаки - это люди атаманов М.Черкашина, И.Извольского и Сары Азмана, сведения о которых относятся к середине XVI в. Судя по тому, что о них сообщается в источниках, это - выходцы из южных русских городов, мелкие служилые люди. Сам М.Черкашин - путивльский казак. И.Извольский - "тулянин", мелкий помещик, фамилия которого производна от села Изволья в Тульском уезде*. (Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974. С.127.) Ничего, кроме имени и прозвища, не известно о Сары Азмানে. Он мог быть мещерским или азовским татаринном или даже турком из Азова (Азман - осман). Во всяком случае, наличие такого атамана - свидетельство пестроты этнического состава раннего казачества на Дону.

В послеопричный период более заметной стала роль в формировании рядов донского казачества выходцев из низов русского общества. К концу XVI в. на Дону уже было много таких людей. Не случайно в Карамзинском хронографе говорилось, что в рядах казаков - "холопы боярские и всякие воры ерьжные и зерщики". Бегство на Дон таких людей серьезно затрагивало интересы помещиков, для которых проблема рабочих рук приобретала в XVI в. большую остро-

ту. Иногда помещики пытались вернуть своих беглых людей, становившихся казаками, если те приходили в южные горда и уезды. Так, помещики В.Судаков и Ш.Муромцов прибыли в Воронеж за своими беглыми людьми Гришей Суворовым и Панкой Яковлевым, ушедшими от них на Дон, а затем набранными в 1594 г. на городскую службу в воронежский гарнизон*. (Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII вв. М., 1967. С.403.) Среди атаманов по-прежнему было немало представителей служилого сословия России. Под 1571 г. был упомянут донской атаман сын боярский Архип Рогожин, которого послал с донесением с Дона в Москву посол А.Кузьминский*. (РГАДА. Ф.89. Кн.2. Л.209, 210 об.) В 80-е годы атаманом низовых казаков, воевавших с Азовом, был Иван Кишкин, имевший поместье под городом Михайловым вблизи Рязани*. (ЧМОИДР. 1898 Кн.3. Ч.1. С.238.) Под 1593 г. в качестве атамана низовых донских казаков был упомянут дворянин Семен Воейков*. (РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.92.) Судя по Рязанской писцовой приправочной книге, донскими атаманами в конце XVI в. были многие мелкие рязанские помещики*. (Анпилогов Г.Н. Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI века. М., 1982. С.206, 209, 211, 223-224, 228.)

В последние два десятилетия XVI в. стал заметен приток на Дон украинцев-черкас. Это вызывалось ухудшением положения украинского народа после Люблинской унии 1569 г., а также репрессиями против запорожцев при короле Стефане Батории*. (Голубицкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957. С.90-93.) Уже в царской грамоте 1586 г. султану Мураду III говорилось, что "живут по Дону и по Донцу многие черкасы литовского короля"*. (РГАДА. Ф.89. Кн.2. Л.495.) С черкасами, вероятно, связано основание Черкасского городка в XVI-XVII вв. Т.1. С.68.) Сближению черкас с донскими казаками способствовали совместные их действия против Азова и Крыма в конце XVI в.* (РГАДА. Ф.89. Кн.2. Л.332, 495 об., 496.) Вместе с тем отмечались случаи прихода на Дон небольших отрядов черкас, которые "донских и донецких казаков хотят громить". С такими отрядами донские казаки вели борьбу*. (ЧМОИДР. 1898. Кн.3. Ч.1. С.252, 259; РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.98.)

После Смутного времени, когда движение русского населения на Дон стало весьма оживленным, произошли некоторые перемены в социальном составе выходцев на Дон по сравнению с XVI в.

В числе атаманов, как и ранее встречались выходцы из дворянства. Один из них, атаман Иван Васильев, упоминавшийся под 1628 г., являлся князем Иваном Васильевичем Друцким*. (СОВДСК. Новочеркасск, 1915. Вып.13. С.170-171.) Дворянином по происхождению был известный атаман периода Смуты Смага Чертенский. Донским атаманом был дворянин Семен Кутузов, провожавший в 1619 г. послов П.Мансурова и С.Самсонова*. (РГАДА. Ф.89. 1623. N1. Л.10.) В XVII в., однако, дворянство среди донских казаков было гораздо менее заметно, чем в XVI в.

Значительную часть донских казаков составляли в XVII в. выходцы из мелких служилых людей разных городов и уездов России, преимущественно – южных. Так, о казаке Смирке Мятлеве известно, что до того, как уйти на Дон, он в 1636 г. ушел с Вологды в Верхний Ломов и там "в жилетцкие в служилые люди записался", и в том же году он, "взяв с собой казенную пищаль да фунт зелья, да фунт свинцу, шол с Ломова на Дон". Причина ухода – обида на "голову" Б.Соковкина, который "корму не давал ему ничего, и учел чинить ему насильство и сажал ево в тюрьму не за вину"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.585.) Иван Поленов, бывший сперва яицким, а затем – донским казаком, рассказывал в 1640 г., что до своего ухода на Яик он "служил...на Тереке в конных стрельцах"*. (Там же. Стб.980.) Знатный казак Самойло Лаврентьев, являвшийся одним из предводителей донского раскола и бывший войсковым атаманом в 1686-1687

гг., был сыном калужского стрельца*. (РГАДА. Ф.111. 1688. N5. Л.315.) На Дон он ушел еще по-видимому в доразинское время, поскольку к 1675 г. он уже был таким заслуженным казаком, что Войско послало его в Москву во главе легкой станицы*. (Там же. Ф.111. 1688. N5. Л.315.) Следовательно, этот атаман происходил из мелких служилых людей. Сподвижник С.Лавренътева, другой видный предводитель донского раскола, Кирей Матвеевич Чурносков, был сыном воронежского пятидесятника Матвея Петрова Чурносова, прибывшего на донскую службу в 1646 г. во время набора вольных охочих людей*. (Донские дела. Кн.3. Стб.649.)

Значительную роль в пополнении рядов донского казачества играли в XVII в. выходцы из социальных низов русского общества. Люди, близкие к низшим слоям населения России, оказывались даже среди верхушки войска Донского. Так, братом атамана Исая Мартемьянова, избравшегося войсковым атаманом, был Алексей Широков, крепостной боярина И.Н.Романова. В 1625 г. он просил отпустить его на Дон для свидания с заболевшим братом-атаманом и получил разрешение на эту поездку*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N14. Л.101-102.) Стремление зависимых людей к уходу на Дон было связано с постепенным усилением крепостничества в стране, с тягой народа к освобождению от крепостного гнета.

Выходцы из крестьянской и посадской среды были особенно заметны среди рядовой части казачества. Совершенно очевидно, что уход на Дон был далеко не простым делом, так как вел к коренной перемене образа жизни и требовал скорейшего овладения навыками казака - воина и промысловика. Поэтому распространены были случаи, когда на Дон уходили те люди, которые уже имели среди донских казаков родственников или земляков, а также те, кто общался с казаками, приезжавшими по разным причинам в русские города и уезды, или же те, кто ездил на Дон для торговли. Так, в 1631 г. шацкий воевода Р.Бобрыкин сообщал, что многие жители дворцовых сел Шацкого уезда "съехали при прежних воеводах и ныне живут на Дону и на Яике, а братья их, и племянники, и дети ныне живут в дворцовых селах и хотели к ним итти на Дон и на Яик"*. (АМГ. Т.1. С.336.) Имеется немало случаев, когда сами донские атаманы и казаки подговаривали жителей городов и уездов уходить на Дон. Во время Смоленской войны атаман Иван Теслев "подговорил" в 1633-1634 гг., по словам воеводы И.Наумова, к уходу в отряды донских казаков "от бояр наших и от окольных и от дворян и ото всяких людей холопей многих"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N76 Л.30.) Немало людей, принадлежавших разным категориям помещиков Тульского, Соловского и Веневского уездов, подговорил к уходу на Дон в 1646 г. донской атаман Павел Федоров (Чесночихин), а другой атаман, Иван Каторжный, отказывался выдавать этих беглых, несмотря на требование воронежского воеводы*. (Донские дела. Кн.2. Стб.1086-1090, 1107.) Благодаря донским казакам беглые нередко в относительной безопасности могли миновать участок пути между Воронежем и верховыми городками, где весьма вероятной была встреча с крымцами, азовцами и ногаями. В 1629 г. белгородец Д.Везенин, отпущенный из Воронежа на Дон, видел на Дону, в 100 верстах ниже Воронежа, атамана Федора Игумнова с казаками, которые дожидались "беглых боярских людей" примерно с 20 человек. Атаман должен был посадить беглых на свои суда и привезти их на Дон*. (РГАДА. Ф.89. 1628. N2. Л.249.) Ожидание беглых на довольно значительном отдалении от Воронежа было не случайно. В городе проводился досмотр проезжавших на Дон людей, причем казаки, возвращавшиеся из Москвы или из других городов, пропускались в соответствии со списком, который содержался в проезжей памяти. Эта память выписывалась в Москве. Правительство неоднократно указывало воронежским воеводам на необходимость строго придерживаться этих документов и не пропускать лишних людей. Поэтому станицы,

которые везли с собой беглых, не брали их с собой в Воронеж, куда они обязательно должны были заезжать при возвращении на Дон, а ожидали их уже за городом. Беглые шли в обход города, рискуя при этом встретить татар или воронежских служилых людей, но зато избегали воеводского досмотра. Об этом в 1628 г. сообщал в Москву воевода И.Тургенев, который вел следствие в Воронеже и Ельце по делу о самовольном уходе на Дон и "на Волгу воровать", "проходят Доном мимо Борщева монастыря, слышачи твой государев сыск про тех воров на Воронежи". Он предлагал, чтобы была восстановлена "крепкая застава для всяких воровских людей", которая будто бы была у стен этого монастыря еще при царе Федоре Ивановиче*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N73. Л.76.)

Приходившие на Дон люди быстро становились казаками, но при этом поддерживали связь с родственниками и нередко, прожив на Дону несколько лет, возвращались в родные места. Следствие 1628 г., проводившееся в южных городах, выявило немало подобных случаев. Из Ельца И.Тургенев сообщал, что "у которых, государь, у елчан у детей боярских и у казаков служилых и у крестьян, которые воруют на Поле, дети, братья и племянники, а жены у них и дети здесь на Руси. и с Поля выезжают к женам и к детям своим, живут, приехав, житьем"*. (Там же. Л.187.) На Дону эти люди обычно ходили с казаками в походы. Житель Курска Гришка Кудашев жил на Дону 3 года и ходил с казаками на море и под Азов*. (Там же. Л.12.) Иногда воеводам удавалось выяснить, что некоторые из таких людей на Волге "громлил государевы суды", как, например, воронежец Иван Пешуров, ушедший на Дон в 1620 г. и пробывший там 3 года*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. N11 Л.11-12.)

Не удивительно, что среди ушедших на Дон людей было немало таких, для кого воровство и грабёж являлись профессией. Один из таких людей, некий Данка, "товарищ" войскового атамана Волокиты Фролова, в 1628 г. ограбил атамана, украв у него денег и разной рухляди на сумму 30 рублей и сбежал в свой город Печерники, где жила его мать*. (РГАДА. Ф.89. 1627. N2. Л.120.) Житель села Архангельского Елецкого уезда донской казак Демка Разоритель, о котором было известно, что он "з Дону на Волгу воровать хаживал" и "многих людей перевел", в 1628 г. вернулся в родные места и грабил на дорогах со своим братом Гришкой*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N31. Л.193.) Приток подобных людей на Дон еще более увеличивал и без того сильную склонность казачества к грабёжам и разбоям.

Существенное увеличение боевых сил донского казачества происходило также за счет людей, прибывавших на Дон не для постоянного жительство и вступления в казачьи ряды, но на короткое время, прежде всего с торговыми целями. Они отправлялись с казаками в походы, чтобы затем принимать участие в дележе добычи. В отписке от 5 августа 1622 г. сообщалось, что жители Белгорода, Курска и "иных украинских городов", которые "прибыли к ним в Войско с товары", "пошли к Азову и на морское устье"*. (РГАДА. Ф.89. 1622. N1. Л.95.) Правительство, стремясь сохранять мирные отношения с Турцией и Крымом, всячески добивалось, чтобы жители южных городов и уездов, приходившие на Дон для торговли, не участвовали в походах вместе с казаками и не увеличивали бы их силы. В грамоте от 18 февраля 1623 г. правительство предписывало воеводам в Воронеже, Осколе, Валуйке, Белгороде, Ельце, Ливнах, Курске, Ряжске, Шацке, на Лебедяни, чтобы они требовали от отъезжавших на Дон торговых людей немедленного возвращения, причем за походы на море с донскими казаками грозило смертной казнью. Эта угроза, очевидно, мало помогала. Участие в походах донских казаков на Крым и Турцию людей из южных городов и уездов, приезжавших на Дон для торговли, стало настолько распространенным явлением, что в 1627 г. власти начали следствие в ряде южных городов, выясняя, кто са-

мовольно уходил на Дон и был с казаками в походах. Очевидно, что следствию не удалось выяснить масштабы этого явления, так как на допросах допрашиваемые стремились всячески подчеркнуть кратковременность своего пребывания на Дону и, главное, неучастие в походах на Крым и Турцию с донскими казаками. 19 января 1629 г. был издан царский указ, предусматривавший наказание кнутом за самовольные уходы на Дон и особенно - за участие в военных действиях*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N31. Л.80-81.) Однако он не достиг своих целей. Негласная отмена запрета на такие уходы происходила с 1638 г., в разгар борьбы войска Донского за Азов. В грамоте от 1 октября 1638 г. воронежскому воеводе М.Вельяминову и белгородскому воеводе П.Пожарскому было указано не только пропускать тех, кто "к Озову для помочи пойдут", но и давать им "на подъем...денег, да и зелья, и свинец"*. (Там же. Столбцы Белгородского стола. N141. Л.475, 484.) Это содействовало росту сил защитников Азова во время осадного сидения в 1641 г., среди которых были не только казаки, но и люди, прибывшие из Руси, как, например, козловцы братья Агапка и Першак Пашигоревы. Агапка был ранен и лечился 5 недель. За это время он задолжал. Першак заболел в Азове и тоже задолжал. Братья Пашигоревы просили разрешить им уже после осадного сидения "съездить на Дон расплатиться с долгом" и "забрать свой барахлишко"*, (Там же. Столбцы Приказного стола. N144. Л.69, 209-209 об.) с которым они приезжали на Дон и, по-видимому, не распродали там.

Из материалов следствия по делу о самовольных уходах на Дон известно, что немало людей шло в казацкие городки "кормиться" своим ремеслом. В походы они обычно не ходили и на Дону надолго не задерживались. Так, сапожник Ларка Петров в 1626 г. жил на Дону 6 недель, другой сапожник, белгородец Томилка Бородин в 1627 г. - "недель з десять", Данилка портной мастер в 1627 г. и гуляющий человек Петрушка Докукин тот же срок*, (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N31. Л.152, 153, 155, 157.) и т.д.

Среди уходивших на Дон из Руси были не только миряне, но и духовенство. Обычно целью ухода на Дон представителей духовенства была торговля. По сообщению шацкого воеводы Р.Боборькина, из шацких дворцовых сел в 1631 г. для торговли вином, зельем и свинцом уходили на Дон не только крестьяне, но и попы*. (АМГ. Т.1. С.336.) Ездили на Дон для торговли попы не только из шацких дворцовых сел, но и из других мест. В 1626 г. вдовый поп Тимофей выехал на Дон из Белгорода "с вином и з запасы"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. N31. Л.147.) Некоторые из попов, как, например, Семен из Никольской церкви в Валуйке, уходили на Дон "с бедности"*. (Там же. Столбцы Приказного стола. N17. Л.30.) По этой же причине, по-видимому, ездил на Дон поповский сын Ивашка Михайлов из села Бояркина Белевского уезда, сын дьякона Костка и поп Петр. На Дону "по разным острошкам" они делали восковые свечи, "жили у попов и хаживали по часовням"*. (Там же. N31. Л.48-49.) Появление на Дону духовенства из русских городов и уездов имело, очевидно, немалое значение для казаков, так как собственно донского духовенства было немного.

Среди населения, уходившего из Руси на Дон, преобладали жители ближних к Донской земле южных городов и уездов. Приходили люди и из более отдаленных мест. Житель города Скопина под Рязанью вдовый дьячок Анкидин прибыл в 1627 г. в Черкасский городок в связи с известием о нахождении в плену его племянника Архипки. В Черкасском он целый "год служил в часовне" вместе со своим земляком из Рязского уезда, вдовым попом Куприяном*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N31. Л.139-140.) В 1631 г. в Алатырский уезд явились местные уроженцы, донские казаки во главе с атаманом Васькой Гладким для воровства. Из них 8 человек ушли в Шацкий уезд, где у них были жены и дети*. (АМГ. Т.1. С.335.) Казак Ивашка

Савельев в 1633 г. "сказался москвитин"*.(РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N76. Л.15.) В конце Смоленской войны к донским казакам бежало немало жителей западных уездов, где происходили военные действия. "И многие, государь, брянченя, дети боярские и московские и брянские стрелцы, и дворянские и детей боярских люди, и посадские, и пушкарские дети побежали из Брянска в воровство в казаки", - сообщали 19 февраля 1634 г. брянские воеводы И.Хилков и М. Чоглоков*.(Там же. Л.173.) Часть этих людей после окончания войны ушла с казаками на Дон. Казак Евтифейко Гулидов рассказывал о себе 22 декабря 1637 г., что он был гулящим человеком, затем, в 1634 г., поверстался в солдатскую службу в Можайск, откуда самовольно ушел в украинные города, где был арестован, отправлен в Москву и посажен в тюрьму. После недолгой отсидки он ушел на Дон и служил "в донских казаках 4-й год"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.632-633.) Были среди донских казаков и те, кто жил в еще более северных частях России. Упомянувшийся выше казак Смирко Мятлев жил в Вологде*.(Там же. Стб.585.) Казак Тимофей Сукин приехал в 1638 г. в Москву и просил отпустить его повидаться с родственниками, жившими в Белозерской половине Бежецкой пятины Новгородской земли. По-видимому, он уже давно служил на Дону, так как из его челобитной известно, что он еще в 1612 г. взят в литовский плен, затем был продан туркам и оказался в Крыму, откуда ушел на Дон к казакам*.(Донские дела. Кн.1. Стб.659.) О приходе на Дон людей из отдаленных мест свидетельствовали и некоторые прозвища казаков. Так, под 1633 г. упомянуты казаки Митька Кашеринин и Ивашка Михайлов Серпуховитин*.(Там же. Стб.381.) Видными старшинами в третьей четверти XVII в. были Родион Колуженин и Михайло Самаренин. С "Сказочной" повести об азовском взятии и осадном сидении указано, что герой борьбы за Азов в 1641 г. атаман Наум Васильев был родом из Нижнего Новгорода*.(Воинские повести Древней Руси. С.85.)

Некоторую роль в пополнении рядов донского казачества играли пленники, выходившие из Азова, Крыма и других мест. В 1617 г. донской воевода А.Чебаров сообщал: "...а из Азова де Донном...рузские ясыри бегают на Дон, в казачье войско"*.(РГАДА. Ф.89. 1616. N1. Л.67.) Упомянувшийся выше казак Т.Сукин пришел на Дон из крымского плена*.(Донские дела. Кн.1. Стб.632-633.) Примерно две тысячи "пленных православных крестьян...освободили" донские казаки в 1637 г. в Азове. Часть из них была отправлена на Русь с послом С.Чириковым. Другая часть осталась на Дону и селилась на жительство в домах у казаков*.(Лунин Б.В. Очерки истории Подонья-Приазовья. Кн.2. С.45.) После взятия войском Донским Азова в город прибыли русские пленники из Темрюка. Об этом сообщил в 1638 г. в Москве атаман Денис Парфеньев. Судя по его словам, приход русских пленных их Темрюка и Тамани в Азов был обычным явлением*.(Донские дела. Кн.1. Стб.644, 780.) Некоторые из таких людей уходили затем на Русь, а некоторые оставались с казаками.

Пополнение рядов донского казачества происходило в первой половине XVII в. за счет прихода казаков с других казачьих рек, прежде всего - с Волги и с Яика. Контакты между казаками, жившими по разным рекам, имели место еще в XVI в. Тогда казаки целыми отрядами свободно переходили с реки на реку, причем очень трудно было провести четкую границу между донскими, волжскими и яицкими казаками. Свободный переход сохранился и в XVII в. Судя по сообщению посла И.Кондырева, в 1622 г. войсковой атаман Е.Радилов и все войско Донское разрешило поселиться в нижних городках воровским волжским казакам во главе с атаманом Богдашкой Чернушкины. Этих казаков было 160 человек. До прихода на Дон "бывали...они на (Каспийском - Н.М.) море и громили кизылбашского бусы", а затем вернулись к себе на Волгу, откуда их "збили астороханские люди неведомо для чево", и после этого они ушли на Дон*.(РГАДА. Ф.89.

1622. N1. Л.34-35.) В 1630 г. в условиях резкого обострения отношений между войском Донским и московским правительством, когда в Москве была арестована станица атамана Наума Васильева, а на Дону убит царский посол И.Карамышев, в Войске, по словам казака Семена Саблина, "поволили, чтоб с Волги, и с Терека, и с Еика, и из Запорог всякие люди шли к ним на Дон"*.(Там же. 1630. N5. Л.105.) Сделано это было из опасения того, что царское правительство пришлет на Дон ратных людей*.(Там же. Л.113-114.) В 1632 г., как сообщалось в отписке в Москву царицынского воеводы Л.Волконского со слов стрелецкого пятидесятника В.Угримова, в семи верховых городках, от Кумшака до Голубых, собралось 600 человек воровских казаков с Яика и Дона, которые в 1631 г. воровали на Волге и Каспийском море. Перезимовав в этих донских городках, они собирались весной идти на Волгу и Каспий*.(Донские дела. Кн.1. Стб.343.) По-видимому, и в последующие годы воровские казаки с Яика зимовали в донских городках вблизи Переволоки. Во всяком случае, зимой 1636-1637 гг. в городке Голубые жил Иван Яковлев Поленов, который, по его словам, был есаулом у яицких казаков, взявших в 1636 г. иранский город Фарабад на южном берегу Каспийского моря*.(Там же. Л.553-554.) Никакого различий между донскими, волжскими и яицкими казаками не делало само правительство и тогда, когда нанимало их целыми сотнями на службу в гарнизоны южных городов. Так, в Козлове существовала целая Казачья слобода, где несли службу донские и яицкие казаки. Упомянута она под 1636 г.*(РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N103. Л.104.) Совместно действовали яицкие и донские казаки и во время Смоленской войны и в Балашовском движении*.(Поршнева Б.Ф. Развитие "Балашовского" движения в феврале-марте 1634г. - Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С.230.) Несколькименее широко, но также устойчивые и постоянные связи имели донские казаки с терско-гребенским казачеством. Терско-гребенские казаки охотно принимали в свои ряды воровских казаков, в т.ч. "собратьев с Дона"*.(Козлов С.А. Пополнение вольных казачьих обществ на Северном Кавказе XVI-XVII вв. - Советская этнография. 1990, N5. С.50.)

Таким образом, после Смутного времени приток русского населения был довольно значителен. Сами казаки глубоко осознавали свое русское происхождение, заявляя в "Исторической" повести о взятии Азова в 1637 г., что "великое Донское войско...Московския области"*.(Воинские повести Древней Руси. С.48.) Зная, что у многих казаков имелись родственники в русских городах и что на Дону ценили и поддерживали родственные отношения, правительство время от времени напоминало Войску о родственных связях с русскими людьми, когда в этом возникала необходимость. Так, призывая в 1618 г. казаков на борьбу с вторгшимися в пределы России поляками, правительство писало на Дон, что если южные города будут разорены, то "и церкви Божии, и монастыри, где гробы родителей ваших и где вы сами для душ своих вкладчики, все разорятца"*.(РГАДА. Ф.89. 1617. N1. Л.230.)

Преобладание русского элемента не исключало пестроты этнического состава казачества на Дону. После казаков русского происхождения наиболее многочисленной группой донцов были казаки - выходцы с Украины, прежде всего из родственной Дону Запорожской Сечи. На Дону всегда жило немало запорожцев-черкас, а некоторые из них проживали по много лет. Как сообщал в Москву в 1626 г. донской атаман Федор Ханенов, "...на Дону черкас бывает много, человек по 500, а иногда и больше, а живут не в одном месте"*.(Воссоединение Украины с Россией. Т.1. С.213.) В том же 1626 г. в Посольском приказе запорожский полковник Алексей Шафран заявил, что он жил на Дону 18 лет, а некоторые его "товарыщи" - по 5-6 лет, причем как черкасы, так и донские казаки, по его словам, "живут,

переходя" то в Запорожье, то на Дон*. (Там же. С.70.) Живя столь продолжительное время на Дону, эти запорожцы по существу входили в состав донского казачества, как и те выходцы из русских городов и уездов, которые, пожив в донских городках, приняв участие в походах и став казаками, не теряли связи со своей старой родиной и время от времени навещали своих родных и близких. Более многочисленной группой черкас на Дону была та, которая находилась там непродолжительное время, хотя бы одну зимовку, как, например, 400 запорожцев атамана Павла Енкова, живших зимой 1632-1633 гг. в Черкасском и Маньчском городках*. (Воссоединение Украины с Россией. Т.1. С.133-134.)

Примерно с 1637 г. усилился приток черкас на Дон. Немало их приняло участие во взятии Азова войском Донским в 1637 г.* (Там же. С.177; Воинские повести Древней Руси. С.49.) В 1638 г. запорожцы сообщали в Путивль о переселении примерно двух тысяч жителей "из литовский украинских городов" в великий пост на первой неделе".* (Воссоединение Украины с Россией. Т.1. С.194-195.) Очевидно, приток черкас на Дон стал еще более велик. Это дало основание атаману Михаилу Татаринову заявить в Посольском приказе 4 апреля 1638 г., что в Азове в то время проживало 10 тысяч черкас*. (Там же. С.203; Донские дела. Кн.1. Стб.701.) И в других казачьих городках весной 1638 г. было, по словам побывавшего на Дону валуйчанина С.Бобырева, "запорожских черкас добре много".* (Воссоединение Украины с Россией. Т.1. С.218.) Много запорожских черкас было и среди защитников Азова в 1641 г.

Более широкому притоку черкас на Дон в 40-е и в начале 50-х годов препятствовали такие обстоятельства, как усиление разбойных нападений воровских черкас на донских казаков, начавшаяся в 1648 г. освободительная война украинского народа против Польши под предводительством Б.Хмельницкого и временное ухудшение отношений между Доном и Запорожской Сечью в период освободительной войны. По мере того, как постепенно разворачивалось торговое движение по Дону, грабежи речных судов и нападения на казачьи городки со стороны приходивших с Украины разбойничьих отрядов становилось довольно распространенным явлением. Так, по донесению дворянина Ф.Алябьева, близ Кременного городка на Дону был целый лагерь "черкас", откуда они ходили на Хопер, где "их казачьих семь городков поимали и побили".* (РГАДА. Ф.89. 1644. №1. Л.7.) Известно было на Дону о разгроме воровскими черкасами в 1646 г. верхового городка Решотова*. (Донские дела. Кн.2. Стб.1109.) Такие действия черкас не могли не подрывать традиционного доверия в отношениях между донскими и украинскими казаками. Правда, в ходе освободительной войны на Украине некоторая часть донских казаков сражалась на стороне украинского народа*. (История СССР. Т.3. Киев, 1983. С.26.) Однако донская войсковая верхушка, учитывая, что Б.Хмельницкий установил союзные отношения с крымским ханом Ислам Гиреем III, сдержанно относилась к помощи запорожцам в их борьбе с поляками и не поощряла уход "охочих людей" с Дона на Украину*. (Донские дела. Кн.2. Стб.17.) В то же время и запорожцы, занятые борьбой с Польшей, не стремились к уходу на Дон.

Некоторому усилению притока в донские казачьи городки украинских казаков способствовали решения Переяславской рады 8 января 1654 г. После того, как войско Донское и Запорожская Сечь оказались в пределах одного государства, вооруженное столкновение между ними, которым угрожал донцам в марте 1650 г. Б.Хмельницкий*, (Там же. Стб.521.) становилось невозможным. Напряженность в отношениях между ними была снята, и на Дону стали появляться запорожцы. Летом 1655 г. с Дона начался большой совместный морской поход донских и запорожских казаков во главе с донским атаманом Павлом Федоровым Чесночихиным и запорожским атаманом Вергуном*. (Донские дела. Кн.5. Стб.27.) В 1656 г. запорожцы совместно

с донскими казаками под командованием атаманов Наума Васильева и П.Чесночихина не участвовали в нападении на Азов*. (Там же. Стб.261.) Косвенным свидетельством жительства запорожцев на Дону, прежде всего в низовых городках, являлась словесная жалоба на них донского атамана Михаила Лукьянова в Посольском приказе 1 декабря 1657 г. По его словам, "черкасы - люди непостоянные и худые", так как "многие изменяют и передаютца из Запорожья в Очаков, а з Дону в Озов, и в Азове де черкас умножено". Следовательно, атаман говорил о немалом количестве черкас, убежавших с Дона в Азов, и назвал атамана Берниченка, который был "черкашенин" и жил в Новом Осколе, а затем, уйдя в Азов, водил под Валуйку, Новый Оскол и Тор черкас и азовских татар*. (Там же. Стб.945.) Еще одним косвенным свидетельством многочисленности черкас на Дону может служить челобитная казака Андрея Семенова Шумейки от 12 сентября 1622 г., когда он заявлял: "а служу я, холоп твой, тебе, великому государю, на Дону у черкас атаманом, и задерживаю я, холоп твой, при тебе молодцов-черкас"* . Следовательно, у черкас даже была в составе войска Донского своя войсковая организация и свой атаман. А в 1668 г. один из запорожцев, Боба, был избран атаманом отряда донских казаков из 400 человек, который направился на Куму и Терек навстречу находившемуся в Каспийском море С.Разину*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.120.)

Приток запорожцев на Дон отмечался также осенью 1669 г., когда С.Разин стоял в Кагальницком городке, причем, как сообщал царицынский воевода А.Унковский, шли она к С.Разину "беспрестанно, а он де Стенка их ссужает и уговаривает всячески"* . (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.155.) Многие из них приняли участие в походе С.Разина на Волгу в 1670 г.* (Там же. С.91, 207.) Выходцем с Украины был один из видных разинских атаманов Алексей Григорьев (Леско Черкашенин Кривой или Хромой), который жил сперва в городе Опошне и служил в Полтавском полку. Там у него была семья. Затем он ушел в Запорожье, а оттуда на Дон. До присоединения к С.Разину он возглавлял поход казаков на Азовское море*. (Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С.206.)

Заметен был в войске Донском тюркский элемент. Наличие его в составе донского казачества прослеживалось еще в XVI в. Можно утверждать, что доля его постоянно снижалась за счет более сильного притока выходцев из внутренних уездов России и Украины, имевшего место в XVII в. Тем не менее, казаки тюркского происхождения занимали заметное место на Дону. Источники формирования тюркской прослойки на Дону были прослежены С.В.Черницыным. Одним из них были пленные, в первую очередь - женщины. Положение пленных женщин оценивалось в литературе неоднозначно. Так, сами казаки считали их своими женами. В "Поэтической" повести об Азовском сидении они будто бы отвечали туркам: "А жен себе красных, любых, выбираючи, от вас же вводили"* . (Воинские повести Древней Руси. С.68.) Женами казаков считает их и С.В.Черницын*. (Черницын С.В. Некоторые аспекты этнических процессов в войске Донском XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев). - Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990. С.73.) Между тем, по мнению историка русского права М.Ф.Владимирского-Буданова, они были не женами, а рабынями казаков*. (Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Птгр.-Киев, 1915. С.86) Но, как бы то ни было, дети от браков этих женщин и казаков становились так же казаками. Обычно дети от таких смешанных браков назывались на Дону болдырями или тумами. Прозвище Болдырь превратилось в имя собственное и было распространено на Дону. Есть предположение, что тумой был С.Разин*. (Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Указ. соч. С.10.) Тумой был назван сын разинского атамана А.Черкашенина, убитый в бою с правительственными войсками в ноябре 1670г. на

Донце*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.2. Ч.2. С.86.) Далее, как указывал С.В.Черницын, казаком мог стать пленный мужчина или добровольный "переещик" из Азова или из ногаев*. (Черницын С.В. Указ. соч. С.73.) Одного из таких "переещиков", Капштайку Талбердыева, захватили в 1638 г. служилые черкасы из Усерда, приняв его за противника, и отослали его в Москву. В Москве, где в то время находилась станица донского атамана Дениса Поплевова, выяснилось, что К.Талбердыев "переехал из ногаев на Дон" 2 года назад и служил на Дону. Сестра его была замужем за донским казаком Денисом Можарой, а за К.Талбердыева, заявил атаман, казаки "в ызмене и во всяком воровстве ручаютца"*, (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. №8 Л.286, 288.) полностью ему, таким образом, доверяя. С.В.Черницын привел еще немало примеров подобных переездов, которых было много в период пребывания Войска в Азове. Вместе с тем они, "в отличие от калмыков, крупными организованными группами переселялись редко". Наконец, пополнялась тюркская прослойка за счет переселенцев из России, которых нередко подстрекали к уходу на Дон казаки*. (Черницын С.В. Указ. соч. С.73-75.)

О тюркском происхождении казака могло свидетельствовать прозвище Татарин (Татаринов). Так, например, героем взятия Азова в 1637 г. был атаман Михаил Татарин (или Татаринов). Татары, ногаи и болдыри часто входили в состав донских зимовых и легких станиц и, следовательно, входили в круг знатных казаков.

Возможно, что среди тех, кого источники называли татарами, были не только турки, но и нетюркские выходцы с Северного Кавказа, прежде всего адыги с левого берега Кубани. Едва ли случайно видный донской старшина Корнило Яковлев имел прозвище Черкес*. (Донские дела. Кн.5. Стб.32, 255.) Оно могло указывать на его родственные связи с адыгами.

Селились тюркоязычные выходцы на Дону в городках среди казаков русского происхождения. Компактное их поселение известно в XVII в. в Черкасском городке. Когда в конце XVII в. разросшаяся войсковая столица стала подразделяться на 11 станиц, одной из них была Татарская, населенная казаками-татарами, исповедывавшими ислам. Возникла она приблизительно в 70-е годы XVII в., однако несомненно, что жили татары там и раньше, причем возможно, что и до первого упоминания Черкасского городка под 1593 г.* (Черницын С.В. Указ. соч. С.77-79.)

Тюркское население проживало на Дону не только в составе казачества. Оно составляло основную массу рабов-ясырей, которые попали в плен к казакам и были обращены в рабство. Некоторые из них жили на Дону подолгу, например, те из женщин, которых казаки брали себе в жены. Но в целом эти люди долго на Дону не задерживались. Так, в 1631 г. воевода князь И.Борятинский купил у казаков, прибывших из морского похода на Дон, ясырь из взятого ими татарского плена. Кроме того, "в те поры в нижних городках покупали у казаков государевы послы Ондрей Совин и дьяк Михайло Олфимов, и толмачи, и подьячие, и кречетники татарской полон старой"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. №54. Л.236, 239.) Продавали казаки и тех женщин, с которыми жили как с женами и от которых имели детей. Ногайская "женка" Байрам Салтан, которую купил И.Борятинский, рассказала в Посольском приказе, что она седьмой год жила на Дону в Нижнем городке и "прижила" с казаком Иваном дочь, которой было 5 лет и которую звали Билек Салтан, а в крещении - Акулиной. Она также была продана*. (Там же. Л.259-260.) Иногда казаки сами вывозили ясырь на продажу в русские города. Крестьянин Ф.Михайлов из калужских вотчин боярина И.Н.Романова купил с братом в Воронеже в 1626 г. у донских казаков "малово татарченка нагайсково полону"*. (Там же. Л.275.) По словам казака Ивашки Еремина, нередко были случаи, когда "прежь сего их станишники ясырь к

Москве приваживали и продавали". Сам он продал "малого" "татарченка ногайского лет в десять" "кизылбашскому гонцу" в 1647 г.* (Донские дела. Кн.3. Стб.291.) При столь значительном развитии работорговли на Дону ясырь довольно быстро уходила за пределы Донской земли. Однако казачьи походы приносили новых пленных, и рабы из числа тюрок и вообще мусульман постоянно были у казаков.

Примерно с середины XVII в. на Дону стали появляться калмыки. В первой половине XVII в. под натиском халхасских князей и казахских ханов они откочевали из Джунгарии к границе России в Южной Сибири*, (Беликов Т.И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX в. Элиста, 1960. С.13-17; Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966. С.43, 55.) а затем заняли степи по Нижней Волге. Первая активная вылазка калмыков на правый берег Волги имела место в 1643 г. во главе с тайшами Лаузаном, Даяном-Эрке и Хо-Орлюком*, (Кичиков М.Л. Указ. соч. С.83.) однако, по-видимому, менее значительные выходы на Волгу калмыки делали еще в конце 30-х годов. Вскоре начали устанавливаться их контакты с донскими казаками, которые носили как мирный, так и немирный характер. С середины XVII в. калмыки стали совершать нападения на городки донских казаков. 2 марта 1651 г. воронежский торговый человек К.Масалитинов сообщал, что "по крымской и по нагайской стороне (Дона - Н.М.) меж казачьих городков кочуют колмыки", которые "приступали" к городку Чир. По словам К.Масалитинова, "колмыки многия люди" "кочуют" вверх по Дону до самых воронежских "откупных вотчин"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. N323. Л.11, 178.) Следовательно, калмыки уже расселились на значительной части территории земли донских казаков. Кочевки еще не означали постоянного их закрепления, однако, на этих территориях. По-видимому, на Донской земле располагались их зимние кочевья. Так, К.Масалитинов видел на Дону калмыков зимой, так как он выехал из Черкаска в Воронеж 28 декабря 1650 г.* (Там же. Л.178.) Достаточно ясное указание на то, что на Донской земле калмыки кочуют зимой, содержалось в отписке из Валуйки воеводы В.Фефилатьева от 26 января 1656 г. Там говорилось, что валуйченин атаман С.Подшивалов был в Айдарском юрту и узнал, что из Войска посылались казаки "в верхние донецкие юрты". Они должны были предупредить местных казаков, "что калмыки тотчас будут, как река Волга станет". Следовательно, по замерзшей Волге они перебирались на ее правый берег и переходили на Донскую землю, доходя до Донца. Войско предупреждало, чтобы "казаки юртовые и гулебщики от калмык оберегались"*, (Донские дела. Кн.5. Стб.11-12.) Такое предупреждение было не лишним. Были случаи, что калмыки убивали казаков, как, например, той же зимой 1656 г., когда по сообщениям других валуйчан тысячи с полторы калмыков пересекли Дон между городками Семикаракорским и Бабьим у урочища Собачья Коловерть, взяли в Семикаракорском двух казаков и одного убили*. (Там же. Стб.14.)

Столкновения между казаками и калмыками на Дону не исключали установления между ними союзнических отношений и совместных действий против общего противника. В 1661 г. войско Донское заключило с калмыками договор против Крыма, а в 1663 г. калмыки и донские казаки одержали победу над крымскими татарами у Молочных Вод*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон, 1989, N7. С.147-148, 152-153; N8. С.146, 153.) Стремясь закрепить свои отношения с калмыцкой верхушкой, правительство в 1664 г. разрешило тайше Мончаку кочевать по Дону, видя в нем надежного союзника в борьбе с Крымом*. (Кичиков М.Л. Указ. соч. С.131.) Проникновение калмыков на Донскую землю усилилось, однако они, по-видимому, по-прежнему не кочевали на ее территории в течение всего года. Так, в отписке воронежского воеводы Б.Бухвостова в Разрядный при-

каз от июля 1670 г. сообщалось со слов самих казаков о том, что калмыки "прикочевали" к донским казачьим городкам вблизи Переволоки*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.224.)

С этого времени нападения калмыков на казачьи городки стали гораздо более серьезными, чем ранее. Судя по словам побывавшего на Дону лысковского попа Ивана, летом 1670 г. калмыки напали на 10 городков от Чира до Медведицы и Хопра, где "людей побили и в полон поймали, а у иных многих городков животину отгнали". Угон скота принял такие масштабы, что казакам стало "кормитца нечим"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.239.) Низовые городки "воевали тайши Бок и Дувар, отгоняя "конские и животинные стада" в отместку за нападения на их улусы казаков С.Разина*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.2. Ч.1. С.114.) Еще более крупное нападение калмыков было совершено в 1673 г., когда пострадали очень многие казачьи городки от людей хана Аюки*. (РГАДА. Ф.111. 1674. №15. Л.4-9.) Тогда же, с начала 70-х годов, калмыки хана Аюки, тайшей Бока и Дуvara, стали кочевать на землях по рекам Маныч, Егорлык и Калаус вблизи нижнего течения Дона*, (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.144.) причем калмыки тайши Бока были первыми калмыками в составе донского казачества*. (Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII-XIX вв.). Элиста, 1992. С.36.)

Таким образом, с середины XVII в. калмыки стали составлять часть населения Донской земли. Контакты их с казаками становились все более прочными. Несмотря на нередкие вооруженные столкновения, происходило постепенное сближение между калмыками и донскими казаками. Завязывались предпосылки вступления части калмыков в войско Донское, что в довольно широком масштабе стало происходить с 1685 г., когда в сословие донских казаков было зачислено 200 калмыцких семей*. (Борисенко И.В. Очерки исторической географии Калмыкии. Дореволюционный период. Элиста, 1991. С.117.) Гораздо менее заметны среди донских казаков были выходцы из стран Европы. Двое из них стали, однако, широко известны. Так, лифляндский уроженец финского происхождения Андрей Корела* (Сватиков С.Г. Указ. соч. С.23.) был знаменитым атаманом смутного времени и сыграл очень важную роль в успехе Лжедмитрия I в 1605 г. После 1605 г. имя его исчезло из источников. Причиной, возможно, послужило то, что он просто спился. Еще один известный казак - выходец из Европы - Иван "родом немецкия земли", который во время осады войском Донским Азова в 1637 г. подвел два подкопа под стены города. Второй подкоп был удачен, стену удалось взорвать и казаки ворвались в Азов*. (Воинские повести Древней Руси. С.53-55.) По мнению И.Ф.Быкадорова, изучавшего историю борьбы войска Донского за Азов, этот казак Иван прибыл на Дон в 1627 г., а до этого находился в составе венгерского посольства, которое шло в Москву через Донскую землю вместе с турецким посольством. И.Ф.Быкадоров считал, что на его венгерское происхождение указывала принятая им на Дону фамилия Арадов - от города Арад в Трансильвании, где жило много венгров и где, возможно, была его родина*. (Быкадоров И.Ф. Донское Войско в борьбе за выход в море. С.92.) Выходцем из западноукраинского города Тарнополя был известный донской атаман Смутного времени Иван Мартинович Заруцкий*. (Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.4. С.469.)

Как показал С.Г.Сватиков, в рядах донского казачества были, кроме того, греки и грузины*. (Сватиков С.Г. Указ. соч. С.23.) И в самом деле, донских казаков сближала с этими народами общность вероисповедания. О греках в составе войска Донского совершенно определенно можно говорить применительно к концу XVII в. Так, один из участков бурных событий на Дону 1686-1689 гг., когда шла

борьба между казаками-сторонниками раскола и их противниками, твердо ориентировавшимися на Москву, был казак Ян Гречин, выступавший против старообрядцев*. (ДАИ. Т.12. СПб., 1872. С.202.) Однако, по-видимому, греков среди донских казаков было немного. Не известно на Дону за XVII в. также ни одного грузинского имени. Проникновению греков и грузин на Дон препятствовало дальнейшее расстояние, а также известный элемент отчужденности по отношению к ним у казаков. Связан он был с тем, что на Дону была известна служба многих православных греков турецкому султану, например, посла Фомы Кантакузина, убитого казаками в 1637 г. Что касается грузин, то приему их на Дону не могли не препятствовать не просто складывавшиеся отношения между казаками, заплывавшими иногда по Черному морю в Грузию, и грузинскими властями*. (Королев В. "По край было моря синего...". Страница из морской истории казачества. - Богатый колодезь. Историко-краеведческий альманах. Вып. I. Ростов-на-Дону, 1991. С.145-146.) На Дону был известен, например, случай, происшедший с казаками в Западной Грузии в 1662 г., когда буря выбросила на грузинское побережье Черного моря 17 казаков во главе с атаманом Владимиром Мещеряковым, которые ходили в поход на Крым. Казаки стали на берегу укрепленным городком. Когда к ним прибыл от мингрельского князя ("дадянского царя") митрополит и звал их явиться к князю с обещанием, что тот их отпустит "к великому государю", они оставили свой городок и вышли к князю. Тот вероломно поступил с казаками. 25 казаков были посланы им "в дарех к турецкому салтану", а остальных он "роздал бояром своим". Эти казаки бежали в Имеретию, а затем, после приезда патриарха антиохийского Макария, имеритинский царевич Баграт отпустил их*. (РГАДА. Ф.111. 1666. N5. Л.2-3.) Грузинские выходцы становятся заметны в войске Донском позже, в XVIII в.

Таким образом, донское казачество отличалось пестротой этнического состава при значительном преобладании русского элемента. Это бросалось в глаза современникам, и такое осведомленное лицо, как беглый подьячий посольского приказа Г.Котошихин в своей пространной записке, составленной в 1666-1667 гг. по указанию шведского правительства, отмечал, что донские казаки - "породою москвичи и иных городов и новокрещенные татаровя и запорожские казаки, и поляки, и ляхи"*. (Котошихин Г. Указ. соч. С.135.)

Важным показателем прочности заселения казаками Донской земли стало в XVII в. возникновение у них семейной жизни. В первой половине XVII в. это было новым явлением в жизни казачества. За более раннее время, за XVI в. и за годы Смуты, в источниках нет сведений о семейной жизни донских казаков. Донское казачество, как и сечевое "товариство" запорожцев, представляло собой боевое братство, члены которого или вовсе не имели семей, или были связаны семейными узами за пределами Дона или Запорожья*. (См: Мицик Ю.А., Плохий С.М., Стороженко І.С. Як козаки воювали. Історичні розповіді про запорізьке козацтво. Дніпропетровськ, 1991. С.70-71.) Положение на Дону стало в этом отношении меняться после Смуты. Предпосылкой возникновения семейной жизни на Дону стало то, что казаки ощутили существенную поддержку правительства Михаила Романова: признававшего войско Донское и организовавшего регулярную присылку на Дон царского жалования. К концу 20-х годов семьи у донских казаков были довольно обычны. Не случайно в 1628 г. правительство писало казакам: "...вы...на Дону...живете з женами и з детьми"*. (РГАДА. Ф.89. 1628. N2. Л.98.) Распространена была женитьба казаков на пленницах, положение которых напоминало положение рабынь. Сыном от такого брака был, по-видимому, один из участников движения донских раскольников 1686-1689 гг. Ивашка Рабынин*. (Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. С.134.) Были, однако, жены не только из числа пленниц, но и из родственниц самих казаков, русских по происхождению. О таких женах гово-

рилось в "Сказочной" повести об азовском взятии и осадном сидении. Они сравнивались с женой-турчанкой героя повести есаула Ивана Зыбина, которая горько рыдала по убитому мужу; и, видя ее горе, говорилось в повести, "казаки подивились, яко русская тако бы не плакала, как турчанка плачет". И вообще "Сказочная" повесть свидетельствует о том, что казаки участвовали в обороне Азова 1641 г., когда во время турецкого штурма "атаман повеле казачьим женам в больших котлах воду сварить с калом лошадиным и коровьим"* (Воинские повести Древней Руси. С.100, 107.) которую затем лили на голову осаждающих. Исследователь азовских повестей донских казаков А.Н.Робинсон обратил, правда, внимание на то, что упоминание о "казачьих женах" содержится в "Сказочной" повести, написанной через несколько десятков лет после осадного сидения, тогда как в "Поэтической" повести, созданной по горячим следам событий, жены казаков не упоминались. Такое отличие он объяснял новыми явлениями в донском быту, развитием и укреплением начал семейной жизни на Дону во второй половине XVII в.* (Там же. С.236.) Это безусловно имело место. Однако едва ли было бы справедливо считать, что упоминание о женах в "Сказочной" повести не отражало реалий того времени, когда казаки защищали Азов, а соответствовало лишь реалиям более позднего времени. Следует учитывать, что "Сказочная" повесть создавалась в то время, когда события героической азовской эпопеи были еще в памяти людей, а на Дону проживали еще ее участники. Кроме того, о семьях у казаков упоминалось в войсковой грамоте 1638 г., посланной из Азова по городкам. Предупреждая об опасности нападения противника, войсковые власти писали в городки: "съезжайтесь городков пять и шесть в одно место с семьями"* (Донские дела. Кн. I. Стб.810.)

Свидетельством значительного распространения семейной жизни у донских казаков к середине XVII в. было то, что во второй половине этого столетия в таких семьях родились многие казаки, в т.ч. знатные. Так, видный старшина Родион Осипов был сыном войскового атамана Осипа Колуженина. Сыновьями казаков были известные предводители донских раскольников в 1686-1688 гг. Кирей Чурносков и Павел Чекунов. Сыновьями казака Тимофея Рази были братья Разины - Иван, Степан и Фрол. Благодаря распространенности семейной жизни на Дону уже в первой половине XVII в. стал появляться слой коренного, потомственного казачества.

Подведем итоги.

1. В древности и в средневековье Донская земля была населена различными народами, имевшими поселения на ее территории. Начиная со времени Великого переселения народов ее заселяли по преимуществу тюркские народы. Эти народы закладывали традиции жизни в крае, многие из которых были восприняты донскими казаками. В XVI в. азовские татары приняли участие в формировании донского казачества.

2. Возникновение казачества на Дону в XVI в. явилось результатом прежде всего внутреннего развития России, в ходе которого имело место складывание деспотического самодержавного режима и крепостничества. Уход различного по социальной и этнической принадлежности населения из Руси на Дон представлял собой выражение общественного протеста, поиск вольной жизни вне досягаемости государственной власти.

3. Предшественники донского казачества (русско-татарско-мордовское население Рязанской земли и Мещеры, русско-украинское население Северщины) с конца XV - начала XVI в. прокладывали пути на Донскую землю, используя ее главные реки - Дон и Северский Донец. При этом они использовали более благоприятные, чем ранее, условия проникновения на Дон, связанные с ослаблением, а затем -

с ликвидацией Золотой Орды.

4. Первые сведения о донских казаках как о постоянном населении на Дону относятся ко второй трети XV в. Точных сведений о месте расположения их поселений нет, но можно предполагать, что располагались они вблизи Азова, у Волго-Донской Переволоки и по притокам Дона – Медведице и Северскому Донцу. Казачество было немногочисленным и постоянно перемещалось по Дикому Полю, переходя с Дона на Волгу и на другие казачьи реки. Однако Дон постепенно становился центром казачества.

5. В послеопричный период происходил рост рядов донского казачества, вызванный усилением бегства на Дон из внутренних уездов страны. Среди казачества гораздо более значительной, чем ранее, становится прослойка русских людей и выходцев из социальных низов России, хотя среди атаманов по-прежнему было немало дворян. К 80-м годам сложилась цепь казачьих городков по Дону, состоявшая в 90-х годах из более чем 30 поселений. Всего к концу XVI – началу XVII в. насчитывалось около 8-10 тысяч казаков,

6. В Смутное время, начиная с 1604 г., происходил отток казаков с Дона, которые активно включались в социально-политическую и освободительную борьбу в России. С 1610 г., после распада Тушинского лагеря, началось возвращение казачьих отрядов на Дон, которое усилилось в 1612 г. и особенно – после 1613-1615 гг., когда новое правительство Михаила Романова признало донское казачество в качестве служилого сословия. Благодаря этому происходило усиление донского казачества за счет пополнения его рядов новыми людьми из России.

7. К началу 20-х годов численность казачества на Дону достигла примерно 20 тысяч человек и оставалась на этом уровне примерно до середины 30-х годов, когда она несколько возросла. Вместе с ростом населения возникали новые городки. За время борьбы за Азов в 1637-1641 гг. войско Донское понесло большие потери и значительно ослабло. Возникла угроза захвата турками Нижнего Дона. В такой обстановке правительство сделало в 1646 г. попытку увеличить численность донского казачества за счет "вольных охочих людей", набранных в южных уездах. Однако эта попытка не удалась. Из примерно 10 тысяч человек, набранных на донскую службу, в Войске осталось не более 2165 человек. Неудача объяснялась недостаточным снабжением вольных охочих людей со стороны правительства и неготовностью многих из них к перенесению тягот казачьей жизни. В дальнейшем правительство и не пыталось пополнить ряды казаков, однако с 1648 г. держало на Нижнем Дону ратных людей для помощи казакам против турок.

8. Значительный рост казачьего населения происходил на Дону в третьей четверти XVII в., когда после Соборного уложения усилился приток беглых. В начале 60-х годов на Дону насчитывалось примерно 20 тысяч казаков, причем увеличение их численности продолжалось. Всего к концу третьей четверти XVII в. на Донской земле насчитывалось около 100 городков. Сложилась цепь городков по Дону (приблизительно 51), Хопру (26), Медведице (15). Заселение Северского Донца, по существу, только начиналось.

9. В XVII в. ряды донского казачества пополнялись главным образом за счет выходцев из России. Преобладали выходцы из низов русского общества и из мелких служилых людей. В этническом отношении преобладали казаки русского происхождения. Постоянно жили запорожцы, особенно в нижних городках. Кроме русских и украинцев, среди казаков было немало татар и ногаев. С середины XVII в. началось проникновение на Дон калмыков.

10. Заметное развитие получила у донских казаков семейная жизнь. Женами казаков были как русские женщины-казачки, так и мусульманки, в т.ч. пленницы, положение которых напоминало положение рабынь. В связи с развитием на Дону семейной жизни стали по-

являться потомственные казаки.

Глава 3.

Источники существования и хозяйственная деятельность донского казачества

1. Военная добыча.

"Край войны" - так была названа Донская земля в турецком документе 1552 г.* (Королев В.Н. Морские походы донских казаков в середине XVI в. С.81.) Это название как нельзя лучше отражало положение в крае, где в XVI-XVII вв. донские казаки проживали бок о бок со своими азовскими соседями, где им не раз приходилось сталкиваться с крымскими татарами, ногаями и другими противниками, где жизнь была связана с постоянной военной опасностью. Не удивительно, что условия для хозяйственной деятельности на Дону были весьма затруднены. Поэтому для донского казачества захват военной добычи имел особо важное значение, хотя в XVI-XVII вв. в сознании русского общества уже созрело убеждение в том, что "...есть от века...дело варварское и ремесло - кормиться войною"*. (Казанская история. М.-Л., 1954. С.176.)

Говоря о заселении Донской земли выходцами из Руси во второй трети XVI в., П.П.Сахаров утверждал, что в то время имело место превращение мирных промысловиков в воинов-казаков, происходившее под влиянием постоянных столкновений их с противником*. (Сахаров П.П. К вопросу о происхождении донского казачества... - ДОВ. 1911. N142.) Едва ли можно согласиться с этим утверждением. Переселенцы из русских городов и уездов, становившиеся казаками, являлись одновременно и промысловиками, и воинами, причем война также рассматривалась на Дону в качестве одного из промыслов, а добыча - одного из средств существования и обогащения.

Превращение войны в один из важнейших для казаков промыслов было связано также с многовековой традицией, закрепившейся на Дону у многих проживавших там ранее народов древности и средневековья. Казаки восприняли эту традицию, ставшую неотъемлемой составной частью их образа жизни. В представлении русского народа, в казачьих песнях сложился образ донского казака - удалого разбойника, выходившего со своими товарищами на Волгу "разбивать" и грабить "славные корабли" "татарский, армянский, бусурманский", а затем "дуванившего" с ними добычу*. (Исторические песни XIII-XVI веков. С.502.)

Добыча была целью любого военного предприятия, проводимого казаками. При этом, однако, различались походы, целью которых была не только военная добыча, но и какие-то другие цели, зачастую более важные для казаков, чем походы чисто грабительские, которые сами казаки называли "походы за зипунами". К более важным целям относились для казаков действия против внешнего врага на суше и на море, а также участие в народных движениях во время Смуты в начале XVII в. и в 1670 г., когда они шли по Волге со С.Разиным. Походы "за зипунами" направлялись прежде всего на Волгу, где казаки нападали на следовавшие по ней суда, а иногда выходили и на Каспийское море. Такие походы характеризовались правительством и администрацией на местах как воровские, а их участники назывались воровскими казаками. Нередко "зипуны" являлись главной целью походов не только на Волгу и Каспий, но и против традиционных противников. Так, в 1630 г. белгородцы Васька Иванов и Федька Семенов, участвовавшие в походе донских казаков на крымское побережье и взятые в плен, говорили русским послан Л.Кологривову и А.Дурову, что казаки вышли с запорожскими черкасами на море "для добычи"*. (РГАДА. Ф.123. 1630. N1. Л.261.) В 1621 г. дворянин С.Апух-

тин, привозивший на Дон царское жалованье, сообщал, что 1300 казаков ходили "з Дону на море на добычу"*. (РГАДА. Ф.89. 1621. №3. Л.6.) Захват добычи, прежде всего – конский отгон являлся целью многих сухопутных походов донских казаков против их соседей – ногайских татар. Такие походы организовывало не только войско Донское в целом, но и большей степени казаки отдельных городков, как, например, в 1637 г., еще до азовского взятия, когда "донских татар человек с сорок" предприняли поход на ногайские улусы "для конского отгону"*. (РГАДА. Ф.127. 1637. №1. Л.57.)

Уже в первых известиях письменных источников о донских казаках, относящихся ко второй трети XVI в., содержатся сведения о захвате ими военной добычи во время их военных предприятий. Так, ногайский князь Юсуф в 1549 г. не только сообщал в Москву о "городах" атамана Сары Азмана на Дону в трех-четырёх местах, но и о том, что "разбойники Русь", т.е. казаки, "емлют" ногайских "гостей"*. (РГАДА. Ф.127. Кн.3. Л.104-105.) Для казаков Нижнего Дона важным источником существования стала добыча, которую они брали у азовцев. Первые сведения о действиях донских казаков против Азова имеются в турецкой грамоте хану Сахиб Гирею (1532-1551 гг.), где говорилось о захвате ими в плен жителей города*. (Le Khanat de Krimee... Р.131.) Добычей казаков можно считать и тот "оброк", который казаки, по сведениям грамоты султана Сулеймана I Кануни ногайскому князю Исмаилу 1551 г., будто бы "емлют" с Азова*. (РГАДА. Ф.127. Кн.4. Л.39 об.) В другой турецкой грамоте, от 1552 г., говорилось о захвате казаками на море азовских рыбаков и пойманной ими рыбы*. (Королев В.Н. Морские походы донских казаков в XVI в. С.81.) Значительную добычу удалось взять казакам во время похода на Астрахань. В 1554 г. атаман Федька Павлов "угонил" у бежавшего хана Ямгурчя "ушкул з девками царевыми, да и набаты царевы и пищали в нем были многие"*. (ПСРЛ. Т.13. С.229.) В 1556 г. атаман Ляпун Филимонов "поимал" "многие улусы, княгини и девки, жонки и робята", причем благодаря решительности казаков "астороханцы выбежали из города"*, (Там же. С.274.), а сам город был присоединен к Российскому государству.

Примерно с середины XVI в. Волга становится местом постоянного военного промысла казаков. В этом отношении казачество выступало в качестве продолжателя средневековой традиции, заложенной новгородской вольницей – ушкуйниками, также выходившими на большую торговую реку. "Ушкуйники, – отмечал В.Н.Бернадский, – шли за добычей, за полоняниками, грабили и сбывали награбленное"*. (Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.-Л., 1961. С.47.) Главным объектом грабежа для ушкуйников были города, принадлежавшие Орде. Однако они не останавливались и перед грабежом русских. То же самое проделывали казаки. При этом грабежи татар и ногаев являлись как бы продолжением борьбы за свое утверждение в Диком Поле. Грабежи русских и других купцов проводились исключительно для добычи, а нападению подвергались целые караваны купеческих судов. Первое известие о таком нападении относится к началу 50-х годов XVI в., когда вблизи впадения в Волгу Иргиза казаки ограбили купцов – астраханских татар, и, несмотря на заступничество русского купеческого агента Севастьяна, "побили" их и ограбили "животы" на сумму 2000 рублей*. (РГАДА. Ф.127. Кн.4. Л.99 об.– 100.) Скоро казаки сделали грозой волжского судоходства и волжской торговли. Борьба с казачьими грабежами явилась важной причиной основания в конце XVI в. Самары, Саратова и Царицына. Однако основание этих городов не обезопасило волжский торговый путь. Особенно сильны были разбои в Смутное время, когда воеводы оказывались по существу бессильны против казачьей вольницы. Так, только в 1604 г. казаки нанесли на Волге ущерб на 300 тысяч рублей*. (Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С.87-88.) И в последние

годы Смуты, а также после нее Волга оставалась местом, куда казаки совершали свои походы и где чувствовали себя в относительной безопасности. Не случайно в 1614 г., после разгрома И.Заруцкого, туда ушли с Яика поддержавшие его казаки*. (АИ. Т.3. СПб., 1841. С.38-39.)

Нахождение больших групп воровских казаков на Волге не означало утраты их связи с Доном и другими казачьими реками. Так, дворянин С.Апухтин сообщал в 1621 г. о словах, сказанных казаком Истомкой, что если 400 воровских казаков "издобудутца" на Волге, "и им быть опять на Дону, а будет на Волге не издобудутца, и им приходить на Яик, а будет на Яик не пройдут, и им воротитца на Дон"*. (РГАДА. Ф.89. 1621. N3. Л.8.)

Казаков, выходивших на Волгу, на Дону нередко называли "волжскими". Так называл их в 1622 г. войсковой атаман Епифан Радилов послам И.Кондыреву и Т.Бормосову*. (Там же. 1622. N1. Л.35.) Так их называли, по-видимому, для того, чтобы отделить от них войско Донское, подчеркнуть, что у донских казаков, которые "государю служат", нет никаких связей и ничего общего с волжскими ворами. И в самом деле, с отдельными отрядами воровских казаков, выходивших на Волгу, донские казаки не были связаны. Так, в 1628 г. на Дону зазимовало 19 воровских казаков, предводителем которых был атаман Ромашка Хохра, и зимовье которых находилось возле Паншина городка. Побывавшие там ногайские татары докладывали в Астрахани, что "донские казаки с волжскими казаками не съезжаютца...". (РГАДА. Ф.127. 1629. N1. Л.58.) Годом ранее, в 1627 г., по сообщению другого татарина, побывавшего на Дону, вблизи города Чир казаки, "которые воровали на Волге", "зделали себе особый городок". Было их "по смете с шестьсот человек", причем "з донскими де казаками...они не съезжаютца и ни в чем донских казаков не слушают"*. (Там же. 1628. N1. Л.73.)

Время от времени донские войсковые власти принимали против выходивших на Волгу казаков репрессивные меры. В 1627 г. казаки на круге во главе с войсковым атаманом Е.Радиловым "учинили заказ крепкой" ходить "з Дону на Волгу для воровства", причем если кто-то из казаков, ходивших на Волгу, "объявитца на Дону, и тому быть кажену смертью"*. (Там же. 1627. N1. Л.237-238.) Долгое время об этом запрете в источниках не упоминалось, но он существовал, поскольку через 15 лет, в 1642 г., о нем упоминал дворянин М.Засецкий*. (Донские дела. Кн.2. Стб.366.) Несомненно, что этот запрет имел в виду в 1647 г. П.Красников, когда требовал от казаков казнить смертью воровского волжского атамана Паршка Олферьева, который "воровал на Волге и громил кизылбашского шаха бусы"*. (Донские дела. Кн.3. Стб.426.) И в 1659 г. правительство, используя этот запрет, требовало от войска Донского послать казаков на воровской городок Ригу, "переимать" воровских казаков и казнить их атамана Ваську Прокофьева и есаула Стеньку Федорова*. (Донские дела. Кн.5. Стб.544.)

Тем не менее, это запрет и репрессии далеко не исчерпывали характера отношений между казаками войска Донского и воровской частью донского казачества, ходившей в походы на Волгу и Каспийское море. В самом деле, между ними имелись достаточно прочные связи, а воровские "волжские" казаки были на Дону своими людьми. Особенно много таких казаков было в городках вблизи Волго-Донской Переволоки. Так, еще в дорожнике середины XVII в., в котором сведения о донских казаках относятся к концу XVI в., указывалось, что ходят "на Волгу и на Яик воровать казаки Клецкого, Кременного, Сиротинского, Стрелчеге и Кумшакова городков"*. (Зимин А.А. Русские географические справочники XVII в. С.228.) Очевидно, что к этому перечню следовало бы добавить и такие близкие к Переволоке городки, существовавшие в то время и упомянутые в том же дорожнике, как Паншин, Голубые, Пять Изб, Чир и, возможно, Ясаулов

и оба Курман Яра. Воровское прошлое атамана Богдашки Чернушкина и пятидесяти его казаков, которые "на море...громили кизылбашского (шаха) бусы", не помешало войсковому атаману Е.Радилову в 1622 г., несмотря на протесты ехавших в Турцию послов И.Кондырева и Т.Бормосова, взять с собой на Дон. Обосновывая свое решение, атаман заявил послам, что если бы он "тех волских казаков не принял, и они де...познают чужую землю"* (РГАДА. Ф.89. 1622. №1. Л.34-35.) т.е. совершат поход на владения персидского шаха. Конечно, принятие этих казаков в ряды войска Донского не давало никаких гарантий от того, что они не примутся вновь за свой старый промысел, но, по крайней мере, такой шаг атамана позволял хотя бы на время отвлечь их от Волги и укрепить силы казачества в низовых городках. Кроме того, войсковой атаман не мог не учитывать и того, что крутые меры в отношении Б.Чернушкина и его казаков не могли бы не вызвать недовольства казаков войска Донского, тесно связанных с волжскими воровскими казаками. Многие казаки, особенно из верховых городков, "их ссужали зельем и свинцом"* (РГАДА. Ф.127. 1627. №1. Л.237.) И осенью 1669 г., накануне похода С.Разина на Волгу, "многие...донские казаки, ссужая воровских казаков, голутвенных людей, ружьем и платьем,...отпускали для добычи исполу". То же самое было, по-видимому, и накануне Каспийского похода С.Разина, поскольку побывавший на Дону в Пятиизбянском городке тамбовец сын боярский М.Чекунов наблюдал, как осенью 1669 г. "донские казаки с теми посыльщиками своими добычу их делили"* (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.154.) При этом не только казаки, но и приезжавшие на Дон торговые люди из русских городов и уездов, которых всегда было немало в казачьих городках, также имели нередко тесные отношения с волжскими ворами и ссужали их тем, что необходимо для подобных предприятий. Бывший войсковой дьяк Аврам Иванов сообщал в 1668 г. в Малороссийском приказе, что воронежцы посадские люди И.Горденев и Т.Хрипунов "ссудили вора Стеньку, как пошел на Волгу"* (Там же. С.102-103.)

На круге в 1627 г. "били ослопьем и грабили" тех казаков, которые были связаны с выходившими на Волгу ворами. Досталось и торговавшим с ними людям из русских городов и уездов, которые оказались в это время в Монастырском* (РГАДА. Ф.127. 1627. №1. Л.237.) В отдельных случаях войско Донское расправлялось и с самими волжскими ворами-казаками. В 1660 г., после разгрома Войском городка Риги, были казнены воровской атаман Васька Прокофьев, есаул Петрунька и десять казаков* (Донские дела. Кн.5. Стб.658.) Однако в целом на Дону к таким казакам относились вполне терпимо и обычно, несмотря ни на что, брали их на поруки и принимали на жительство в свои городки. В 1660 г., например, царицынский воевода Д.Давыдов сообщал, что после разгрома Риги и казни атамана и есаула остальных "всех воровских казаков, дав их на поруки, роспустили по городкам жить и велели им в Войско быть к себе на лето". Тем самым они были приняты в ряды войска Донского, но это не помешало им не послушаться войскового распоряжения и вновь пойти на Волгу* (Донские дела. Кн.5. Стб.695.) На деле получалось так, что войско Донское преследовало таких казаков неохотно, не по своей воле, и прежде всего потому, что этого требовала Москва. На Дону не желали усугублять и без того непростые свои отношения с правительством. Нежелание Войска преследовать воровских казаков было не случайно, если учитывать выгоду таких грабительских походов не только для их непосредственных участников, но и для значительной части донских казаков, которые сами не выходили на Волгу.

Не удивительно, что сборы таких казаков для походов на Волгу обычно не составляли секрета для Войска. Было известно, что к весне оживлялись расположенные у Переволоки городки. Там собирались не только те казаки, которые уже бывали на Волге и возвраща-

лись на Дон для зимовки, но и те, кто на Волге не были и приходили для сбора из верховых и низовых городков, чтобы вместе с постоянными участниками волжских походов отправиться за добычей. Именно так характеризует положение в городках от Кумшака до Голубых весной 1632 г. отписка царицынского воеводы Л.Волконского, направленная в Посольский приказ 27 марта*. (Донские дела. Кн.1. Стб.343.) Собирались там не только донцы. Как рассказывал в Воронеже в 1637 г. яицкий есаул Иван Поленов, яицкие казаки послали на Дон его самого и 53 человека своих казаков, чтобы "называть втайне ис казачьих донских городков запорожских черкас и донских казаков для твоих государевых терских и астораханских бус и немецких кораблей...на Хвалынское море"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.553.) Весной, когда на Волге пойдет лед и начнется судоходство, все они должны были быть там.

Особенно опасным местом на Волге считался район вблизи Переволоки. Об этом хорошо знали с XVI в. Английский путешественник А.Дженкинсон, побывавший на Волге в 1558 г., даже само название Переволоки связывал с грабительскими походами, так как "в прошлые времена татары здесь обычно перетаскивали по земле свои лодки из Волги к Астрахани или, наоборот, спускавшиеся по Танаису к Азову, Каффе, или иному какому-нибудь городу на Эвксинском...море (суда)...".* (Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С.170-171.) В XVI-XVII вв. изменения состояли только в том, что на место татар стали казаки, а если и были татары, то в составе казачьих отрядов, а продвижение таких отрядов с целью грабежа шло лишь в одном направлении - с Дона на Волгу, и в обратном направлении эти отряды возвращались с добычей.

Однако не только места вблизи Переволоки, но и вся Нижняя и Средняя Волга, которая превращалась в XVII в. в крупную торговую артерию России, жила в большой тревоге от казаков. Это состояние хорошо передано в сочинении немецкого ученого А.Олеария, который в 1634 г. на немецком судне плывал вниз по Волге в Каспий и в Персию. Он отмечал, что еще в Нижнем Новгороде, располагавшемся довольно далеко от Дона и Яика, воевода предупреждал путешественников об опасности со стороны казаков. Именно из-за них, по мнению ученого, тамошние места были слабо заселены, там "ради казаков и разбойников...очень мало деревень и немного живет людей". В течение всего плавания по Волге путешественники были в тревоге, которую поддерживали стрельцы из охраны. Они сказали немцам, что около 3000 казаков, распределившись по разным местам вдоль Волги и на Каспийском море, специально подстерегали судно, и немцы даже устраивали ночную тревогу для проверки готовности к отпору разбойникам. Очень настороженно они относились к встречающимся им немногочисленным рыбакам, которых они принимали за казаков. Наконец, ниже Саратова они впервые увидели казаков, о которых им несколько ранее сообщали с проходившего мимо струга, что те казаки напали на струг, взяв несколько сот рублей, и захватили вышедшие вперед лодки с якорями. Увидев лодку с десятью казаками, посол Брюгеман выслал за ними мушкетеров, но захватить казаков не удалось. Они вытащили лодку на берег и скрылись в лесу. Ниже Царицына путешественники увидели на правом берегу виселицу, на которой по приказу воевод вешали казаков за разбой. И сами города Царицын и Черный Яр предназначались, по мнению А.Олеария, для борьбы с казачьим воровством*. (Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С.359, 374, 376, 381, 384, 385, 386, 387, 391, 392.)

Выход казаков с Дона на Волгу осуществлялся обычно через реки Иловлю и Камышинку, очень близко расположенные друг к другу. Поэтому волок их стругов с одной реки на другую не представлял большого труда. Не случайно А.Олеарий отмечал, что "это место...считается крайне опасным в отношении разбойников" и привел

известие о том, как "много лет тому назад русский полк бился здесь с казаками", как обе стороны потеряли 1000 человек*. (Там же. С.387-388.) В других источниках нет подтверждения тому, что столь крупное сражение между правительственными войсками и казаками было там в действительности. Однако несомненно, что власти знали о выходе казаков на Волгу через Камышинку* (Именно таким путем выходил с Дона на Волгу в 1621 г. воровской атаман Тренька Ус. - РГАДА. Ф.77. 1621. №6. Л.8.) и пытались держать это место под своим наблюдением. При этом более важная роль в борьбе с выходами казаков на Волгу отводилась воеводам Царицына. Город играл определенную сдерживающую роль для казаков. На это указывал в 1632 г. воевода Л.Волконский, отмечая, что "Царицын...им, воровским казакам, стал пуше Азова, и нигде де им от царицынских служилых людей з Дону на Волгу, а с Волги на Дон проходов нет".* (Донские дела. Кн.1. Стб.344.) Конечно, царицынский воевода преувеличивал свои успехи в борьбе с казаками, которые обычно успешно проходили мимо города вниз по Волге, но все-таки определенные помехи Царицын им создавал.

Ниже Царицына воровские казаки попадали в благоприятную для себя обстановку. Волга, Ахтуба и многочисленные притоки и заводи с поросшими высоким камышом островами позволяли внезапно появляться перед жертвой и довольно легко скрываться от преследований со стороны воевод. В источниках содержится немало указаний на то, что стрелецкие начальники, которых астраханские воеводы посылали против казаков, просто не находили их, несмотря на тщательный розыск, и возвращались в Астрахань ни с чем. Но казаки умели скрываться от стрельцов не только благодаря прекрасному знанию реки. В значительной степени объяснялось это и тем, что у них имелись удобные для такого рода предприятий суда. Обычно они были невелики, гораздо меньше боевых стругов, на которых казаки выходили в Азовское и Черное море. Если эти морские струги были рассчитаны на 50-80 человек*, (Донские дела. Кн.5. Стб.27.) а иногда и на 90*, (Донские дела. Кн.4. Стб.698.) то на Волге были у казаков такие суда, которые назывались легкими*. (Донские дела. Кн.4. Стб.43.) В самом деле, судя по рассказу сына боярского Б.Волжинского и его товарищей а Астрахани 27 мая 1621 г., на Ахтубинский перевоз приходили "воровские казаки человек с полтретьяста" "в двунатцати стругех да в дву лотках"*. (РГАДА. Ф.77. 1621. №6. Л.6.) В лодке, надо полагать, сидело по 5 человек. Об этом свидетельствуют данные из отписки астраханского воеводы князя Ю.Буйносова-Ростовского от 14 марта 1629 г., где сообщалось о приезде воровских казаков, которых было "в четырех лодках дватцать человек"*. (РГАДА. Ф.127. 1629. №1. Л.54.) Следовательно, в двух лодках на Ахтубинском перевозе было 10 человек, а в 12 стругах - 240 человек. Значит, в струге сидело 20 человек. Примерно такие же струги видели у воровских казаков в протоке Бузана в 1621 г. Они заметили воровских казаков "в дватцати стругах и в пяти лодках" и "сочли" "только...в дву стругах...пятьдесят человек"*, (РГАДА. Ф.77. 1621. №6. Л.5.) т.е. по 25 человек в струге.

Для выходов в Каспийское море использовались более крупные суда, примерно такие же струги, на которых казаки ходили на Азовское и Черное море. Зимой 1637 г. яицкий есаул Иван Поленов сообщал в Воронеже, что на Каспии зазимовало 9 стругов с яицкими казаками, а в стругу - 60-70 человек, и 12 лодок по 20 человек. Эти казаки собирались весной нападать на русские бусы и немецкие корабли*. (Донские дела. Кн.1. Стб.552-553.) Следовательно, для выходов на море "лодка" у воровских казаков была по размеру столь же крупной, как и "струг" на Волге. Летом 1638 г. терский бусный кормщик Ф.Потапов и его товарищи подверглись нападению воровских казаков между Астраханью и Терским городком на море, причем было "воровских казаков в трех морских стругах человек с полторас-

та"*.(РГАДА. Ф.127. 1638. N1. Л.51.) Несколько меньшие по размеру струги были у казаков, ограбивших весной 1667 г. на море между Терским городком и Астраханью бусы, на которых везли товары русские торговые люди, персидские тезики и индийцы. В них, по словам торгового человека О.Луковникова, было "в двух стругах человек с 70 казаков"*.(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.77.) У С.Разина в 1667 г., когда он шел вниз по Волге мимо Царицына, было, по донесению царицынского воеводы А.Унковского, 35 стругов, в которых было "по смете" "тысячи с полторы и больше" казаков*.(Там же. С.80; по "смете" астраханца М.Киреева, у Красного Яра проходило казаков "в стругу по 30-ти и больше". - Там же. С.84.) Следовательно, для крупного похода на море использовались морские струги, в которых находилось по 40-50 казаков. На своих судах казаки С.Разина некоторое время господствовали у персидского побережья Каспийского моря, а летом 1669 г. одержали победу над превосходящими силами шахского флота из 50 судов с 3700 человек во главе с астаринским Мамед ханом у острова Свиного*.(Степанов И.В. Крестьянская война 1670-1671 гг. Восстание Степана Разина. Т.1. М., 1966. С.352, 353-354.)

Для борьбы с воровскими казаками на Волге и на море воеводам не хватало "государевых ясауловых стругов", которые отличались необходимой быстротой и маневренностью и которые стремилась заполучить астраханская администрация*.(РГАДА. Ф.77. 1621. N6. Л.13.) Характерно, что в 1632 г. в приморских городах Персии для борьбы с воровскими казаками изготовлялось 100 каторг. Терский стрелец С.Кичеров, побывавший в персидских городах, сообщал об изготовлении одной каторги в Низовой и шести в Баку, причем та персидская каторга, которую он видел, была "зделана...делом на ясаулский струг"*.(РГАДА. Ф.127. 1632. N1. Л.113, 116-117.) однако даже изготовление таких судов не могло серьезно воспрепятствовать нападениям воровских казаков на персидские суда, наносившим убытки торговым людям, на что шахское правительство обращало внимание в своей грамоте в Москву от 26 октября 1640 г.*(РГАДА. Ф.77. 1640. N1. Л.178-179.) Не были предотвращены и крупномасштабные казачьи приходы под Гилян и Баку*.(Донские дела. Кн.3. Стб.569-570.)

Промысел воровских казаков на Волге и на Каспийском море обычно продолжался с весны до осени. По завершении сезона казаки возвращались на Дон и проживали там или скрытно в глухом месте вблизи Переволоки, как атаман Р.Хохра со своими людьми в 1629 г., соорудив себе особый городок*,(РГАДА. Ф.127. 1629. N1. Л.57.) или открыто возвращались в свои городки, причем даже призывали казаков идти на Волгу на следующий год. Так было, судя по донесению царицынского воеводы Л.Волконского, зимой 1631-1632 гг. на Дону у Переволоки "от горотка от Куншака до городка Голубых"*.(Донские дела. Кн.1. Стб.343.) Возвратились на Дон в 1669 г., после похода на Каспийское море, казаки С.Разина. Однако не всегда после походов на Волгу и на Каспий казаки возвращались на Дон. Одним из известных мест вблизи Астрахани, где зимовали казаки, был Кулалинский остров на Каспийском море. В 1637 г. это зимовье было разгромлено стрельцами. По сообщению стрелецкого сотника Л.Медведева, на острове имелись "четыре избы в земле да сарай, зделан был на сохах". Остров был длинный и узкий (семьдесят верст в длину и верста или полверсты в ширину), порос камышом и местами лесом "в оглоблю" толщиной. На острове находилось "соленое озеро невелико". Для пресной воды были вырыты "копани" с вкопанными в них бочками. Вблизи острова имелось "место рыбное". Словом, для зимовья место было вполне подходящее. Стрельцы, однако, не застали на зимовье самих казаков, но увидели следы их недавнего здесь пребывания. В сарае они нашли немало награбленного имущества, необходимого для зимнего житья: "бусной парус пшена тезицкого", взятого у персидских купцов-тезикиков, 4 зинбиля изюма или кишмиша,

2 кипы хлопчатой бумаги (ткани) примерно на 8 пудов, 4 зинбия чилибухи, а также две ручные пищали и мешок всякого железа и взятых у тезиков лошадиных подков. Имелись "мехи кузнецкие", поскольку казакам приходилось выполнять кузнечные работы. На другом острове, находившемся "повыше Калалинского острова", стрельцы "нашли...казацких рухляди в трех таях", разной награбленной материи: "бязи, и пестреду, и иная рухлядишко, чают по смете рублей больши ста". Стрельцы сожгли избы и сарай*. (РГАДА. Ф.127. 1638. N1. Л.55-56.) Однако в дальнейшем казаки продолжали использовать Кулалинский остров для стоянки и зимовки. Недостатком этой зимовки была ее уязвимость, поскольку к ней по морю легко могли проходить стрельцы, а также не совсем здоровый климат на острове*. (Степанов И.В. Указ. соч. Т.1. С.350.)

Еще одним местом зимовки был Яик, где, как и на Дону, донские и яицкие казаки зимовали совместно. Преимущество зимовки на Яике состояло в том, что при выходе на Каспийское море казакам не требовалось проходить мимо городов и вступать в стычки с их гарнизонами, как это иногда бывало при следовании казаков с Дона вниз по Волге. Учитывая это обстоятельство, астраханские воеводы время от времени посылали стрельцов к Яику, чтобы не пропустить казаков на море. В марте 1630 г. астраханские воеводы послали на Яик крупные силы - 500 стрельцов морем во главе со стрелецким головой Д.Кольцовым и 50 стрельцов и 150 юртовских и едисанских татар степью под командованием астраханца П.Тарбеева. На Яике они находились с апреля по июнь, когда в реке была высокая вода и когда казаки обычно проходили на море, и вернулись в Астрахань 20 июня. За это время, в течение 13 недель, "воры казакина море и на Волгу не выхаживали ни один человек"*. (РГАДА. Ф.127. 1638. N1. Л.55-56.) Закрывать для казаков доступ с Яика на море должен был Яицкий городок, основанный вблизи устья реки в 1640 г. Однако полностью перекрыть выход на Каспий с Яика правительству не удалось.

В зимнее время те казаки, которые ходили на море летом, нередко совершали сухопутные набеги за добычей. Зимой 1636-1637 гг. казаки с Яика ходили на калмыков и после успешного похода отошли в свое зимовье на яицком устье. За ними пошел знатный калмыцкий феодал Дайчин тайша со своими братьями и осадил казаков в их зимовье. Казаки успешно оборонялись, нанесли противнику значительные потери и заставили его отойти*. (Там же. 1637. N1. Л.72.)

Не всегда воровские походы завершались для их участников безнаказанно. Еще во второй трети XVI в. русское правительство не раз заверяло ногайских князей и мурз о своей готовности вести решительную борьбу с казаками на Волге. В 1554 г. ногайскому мурзе Касаю писали из Москвы о поимке разбойничавших на Волге казаков, которые грабили ногайских купцов. Русские власти готовы были распорядиться об их казни, и лишь ногайские послы, опасавшиеся казачьей мести, "смерть их отпросили"*. (РГАДА. Ф.127. Кн.4. Л.234.) Хуже кончилось дело в 1581 г. для атамана Мити Бритоуса, участвовавшего в том же году вместе с будущим предвижником Ермака атаманом Иваном Кольцо в нападении на русского посла к ногаям В.Пелепицына. Отряд его был разгромлен, а самого его казнили в присутствии ногайских послов*. (РГАДА. Ф.127. Кн.10. Л.258-258 об.) Для борьбы с воровскими казаками правительство пыталось привлечь даже служивших ему донских казаков. В 1592 г. оно поручило послу в ногайскую орду П.Федорову установить связь с донским атаманом Семеном Куракиным и требовать от него, "чтоб...промышлял над теми воры"*. (Там же. Л.259 об.-260.) Большая опасность грозила для выходивших на Каспийское море воровских казаков и со стороны персов. Участник экспедиции английских капитанов Т.Бэнистера и Дж.Дэкета Л.Плэмтри сообщал, как в 1572 г. персы, "которые очень расположены к англичанам", за разгром английских судов подвергли

попавших к ним в плен казаков "жесточайшим мучениям"* . (Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С.254.) В 1668 г., по сообщению подьячего Н.Колесникова, персы жестоко расправились с посланниками С.Разина, одного из которых по приказу шаха затравили собаками* . (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1989, N10. С.142.) Однако никакие опасности не могли удержать казаков от предприятий, удачное завершение которых давало немалую добычу и, следовательно, значительную выгоду.

В походах на Волгу и Каспийское море казакам доставались целые суда со всем имуществом и с товарами, которые купцы везли на продажу. Суда и товаров на сумму 30-40 тысяч фунтов деньгами взяли казаки у англичан в 1572 г., причем, по сообщению Л.Плэмтри, выяснилось, что даже своих убитых казаки хоронили, завернув в 40 или 50 ярдов атласа и тафты, а некоторых - в турецкие ковры, "истерзанные и испорченные этими варварами"* . (Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С.254.) В 1620 г. казаки ограбили судно московского торгового человека И.Юрьева, следовавшее из Астрахани вверх по Волге и отставшее от каравана в 250 верстах от Царицына. 300 казаков, участвовавших в нападении, взяли "мехов со сто...жир да масло"* . (Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т.3. - Труды Восточного отделения императорского русского археологического общества. Т.22. СПб., 1838. С.390.) В 1622 г. послы И.Кондырев и Т.Вормосов, видевшие в городках Паншин и Голубые воровских казаков атамана В.Чернушкина, обратили внимание на их богатые одежды. Казаки, писали послы, "ходят...в городках в рубашках тафтяных, и в кафтанах и в бархатных, и в камчатых"* . (РГАДА. Ф.89. 1622. N1. Л.34.) Наряжались они так, конечно, не случайно. Для казака в то время богатая, пышная одежда, как и богатство вообще - показатель его высокого общественного статуса. Было сразу видно, что обладатель всего этого - настоящий казак, сильный, смелый и удачливый человек. В то время это оказывало значительное воздействие на сознание как казаков, так и всего народа, повышало авторитет человека, владевшего этим богатством, причем то, что оно было добыто путем грабежа, убийств и т.д., нисколько в глазах народа не умаляло достоинств казака-добытчика. Вором он был лишь в глазах властей и верхов русского общества. Для народа такой казак был героем, а в русском фольклоре - носителем былинной богатырской традиции. Уже неоднократно отмечалось, что огромное впечатление на астраханцев, встречавших в 1669 г. С.Разина и его казаков, произвели богатые восточные одеяния разинцев, их щедрость, когда они задешево продавали астраханцам ткани и драгоценности, раздавали народу деньги* . (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1989, N10. С.142.) Это укрепляло репутацию разинцев как народных заступников и во многом содействовало тому, что в 1670 г. казаки-повстанцы получали массовую поддержку в Поволжье.

Обычно казаки нападали на суда, принадлежавшие русским торговым людям, персидским тезикам и купцам других национальностей. Работники на этих судах - ярыжные люди - нередко присоединялись к казакам. Действовали иногда казаки в традициях средневекового народного разбойничества, когда они не обижали простых людей и делились с ними награбленным у богачей добром. Знали об этом, по-видимому, даже во владениях персидского шаха в городах на Каспийском побережье, когда к С.Разину там "пристали для воровства иноземцы, многие скудные люди"* . (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.143-144.) Впрочем, такую разборчивость казаки проявляли не всегда. Прежде всего, на Волге они расправлялись обычно с татарами и ногаями. В 1551 г. казаки во главе с атаманом князем Василием Мещерским и Пичугой Хромым Путивльцем, захватив "Ямгурчеево царевое судно", "на судне всех людей побили"* , (РГАДА. Ф.127. Кн.4. Л.99 об.-100.) среди которых

основную часть составляли, по-видимому, астраханские татары. Такое отношение к ним определялось, несомненно, остротой борьбы между казаками и татарами, развернувшейся в то время в Поволжье. К XVII в. относят сообщения об ограблении казаками русских рабочих людей. В 1621 г., по словам торгового человека А.Горохова, казаки атамана Треньки Уса пограбили на принадлежавшей ему рыбной ловле его ярьжных, "и рыбные запасы, и всякие снасти поимали"*.(РГАДА. Ф.77. 1621. №6. Л.3-4.) В 1627 г. солильщик рыбы П.Титов с архиепископского учуга на Чурке (ниже Астрахани в 30 верстах)* (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.85.) рассказывал в Астрахани, как воровские казаки атамана Лучка Ясаковского "их грабили, хлебные запасы и котлы поимали"*.(РГАДА. Ф.127. 1629. №1. Л.313.) Слова "их грабили" следует понимать так, что речь шла не о рыбе или о другом имуществе с учуга, принадлежавшем архиепископу, а именно о грабеже самого рассказчика и других работников с учуга. В 1631 г. астраханские воеводы сообщили в Москву, что донские казаки и запорожские черкасы, которых пришло на Волгу более тысячи человек, "на учюгах учюжных промышленников и плавильщиков и дровяников грабят, а татара, которые работают на учюгах, побивают"*.(Там же. 1631. №1. Л.98.) Таким образом, грабительские, "зипунные" мотивы нередко в таких походах брали верх над иными соображениями, и тогда воровские казаки становились грозой не только купцов, приказных людей и стрельцов, но и социально близких к себе учюжных и ярьжных людей с волжских судов и промыслов.

Такие противоречия в поведении воровских казаков на Волге становятся понятны, если учитывать не только материальное положение участников подобных предприятий как выходцев из казачьей голытьбы, стремившихся к обогащению, и к подкреплению своего казачьего статуса, и к приобретению столь необходимой для казака боевой славы, но и особенности казачьей психологии. Так, если казаки совершенно не терпели краж в своей среде, то за пределами своих общин они их вполне допускали, в т.ч. и по отношению к своему народу, к русским людям, которых они же защищали от внешнего врага. И если даже в Воронеже, где казаки постоянно бывали и где имели родных и близких, даже наиболее почитаемые и заслуженные среди казачества, которые посылались в легких станицах, допускали грабежи и насилие, как, например, в 1645 г. казаки атаманов Федота Федорова и Устина Алексеева, на что жаловался воевода А.Бутурлин*, (Донские дела. Кн.3. Стб.464-465.) то в подобных действиях со стороны воровских казаков на Волге нет ничего удивительного.

Не удивительно и то, что жертвами воровских казаков становились иногда и сами донские казаки. В 1635 г. нападению подвергся торговый человек Фома Космынин из Шацка у устья Хопра, когда он возвращался из Войска на Русь. Он был убит вместе с гребцами и с сопровождавшими его казаками, ехавшими в русские города для свидания с родными*.(РГАДА. Ф.127. 1635. №5. Л.235-236.) Войско так и не узнало, кто убил и ограбил купца, гребцов и казаков.

Зато на Дону хорошо знали, какая опасность торговым людям, отдельным казакам, а иногда и целым городкам грозила от тех запорожцев, которых называли воровскими черкасами. Это были те украинские казаки, которые вместе с донскими казаками ходили на Волгу и на Каспийское море. Но эти же казаки не останавливались перед грабежом и убийством своих собратьев на Дону и нанесением им всяческого вреда. Так, в 1633 г. ими был разгромлен городок Есаулов, причем "запорожские черкасы...атамана и казаков порубили и разорили и в полон поимали". Городок был разгромлен, когда там оставалось "у запаса и у животины" всего 6 казаков, а остальные ушли в поход против казыевцев на речку Челбас*.(РГАДА. Ф.89. 1633. №5. Л.211-212, 217-218.) Разгром воровскими черкасами Есаулова город-

ка очень показателен в том отношении, что этот городок вблизи Переволоки хорошо знали воровские черкасы, ходившие на Волгу с донскими казаками. Но Есаулов был не первым городком, разгромленным черкасами. Годом ранее, в 1632 г., они взяли городки Хопер и Медведицу и "вырубили" жителей*. (АМГ. Т.1. С.359.) Целый лагерь воровских черкас возник в 1644 г. вблизи Кременного городка, казаки которого также часто ходили на Волгу. В это трудное для войска Донского время эти черкасы пошли не на Волгу, а вверх по Дону и Хопру, где "их казачьих семь городков поимали и побили"*. (РГАДА. Ф.89. 1641. №1. Л.7.) В 1646 г. триста воровских черкас во главе с атаманом Петрушкой и есаулом Жадой "взяли и совсем розарили" городок Решотов*. (Донские дела. Кн.2. Стб.1109.) Таким образом, воровские черкасы иногда наносили чувствительные удары донским казакам, невзирая на совместное с ними участие в походах на Волгу, а жертвами казачьего воровства оказывались в отдельных случаях и сами казаки.

Походы на Волгу являлись одним из важнейших промыслов донских казаков, источником их существования. Однако роль их не всегда была одинаковой для казаков. Еще В.Д.Сухоруков обратил внимание на прекращение подобных разбоев с 1587 г., после разгрома на Волге персидского посланника, до периода междоцарствия, т.е. до 1610-1613 гг., а затем они вторично прекращались с 1640 по 1659 гг., когда источники сохранили лишь единичное упоминание об опустошении казаками персидских селений и грабежах проезжавших в Астрахань судов в 1650 г.* (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1989, №10. С.139.) Утверждение о прекращении казачьих походов на Волгу с 1587 г. до периода междоцарствия не совсем точно. В опубликованном А.А.Зиминым дорожнике, который содержит сведения, относящиеся к началу 90-х годов XVI в., прямо указывалось о выходе на Волгу и Яик казаков из городков вблизи Переволоки, чтобы там "воровать"*. (Зимин А.А. Русские географические справочники XVII в. С.228.) Весьма масштабными были действия казаков на Волге и при Борисе Годунове. В 1604 г. они достигли такого размаха, что нападению подвергся даже царский родственник стольник С.Годунов, который вел в Астрахани переговоры с ногаями. Казаки разгромили его охрану*. (РГАДА. Ф.127. 1604. №3.) В 1604 г., по данным Ж.Маржерета, на Волге от Казани до Астрахани находилось до 4000 казаков, которые взяли крепость "в надежде грабить купцов или, по крайней мере, брать с них хорошие окупы"*. (Маржерет Ж. Указ. соч. С.272.)

Трудно даже представить себе, чтобы в начале XVII в., в обстановке проходившей в стране гражданской войны и резкого ослабления государственной власти, могли бы прекратиться выходы казаков на Волгу. Такие выходы, которые первоначально являлись чисто воровскими, грабительскими предприятиями, способствовали вовлечению казачества в происходившую в стране социально-политическую борьбу*. (Платонов С.Ф. Указ. соч. С.250-251; Шепелев И.С. Донское и волжско-терское казачество... С.24.)

Что касается 40-х и 50-х годов XVII в., то и за это время, в 1646 г., имел место крупный выход воровских казаков на Волгу и на Каспийское море, на который В.Д.Сухоруков не обратил внимание. Во главе этих казаков стоял атаман Паршук Олферьев. По сведениям, содержащимся в грамоте шемахинского Хусров хана астраханским воеводам, казаки громили купеческие бусы у гилианского побережья и вблизи Баку*. (Донские дела. Кн.3. Стб.569-570.) Из расспросных речей дворянина П.Красникова в Москве известно, что атаман П.Олферьев после похода на Каспийское море был на Дону*. (Там же. Стб.426.) По-видимому, полного прекращения походов донских воровских казаков на Волгу и Каспий не было в эти годы. Однако редкость и отрывочность сведений о них позволяет сделать вывод, что интенсивность их была меньшей, чем в 20-е и 30-е годы, что вполне

объяснялось ослаблением казачества после азовской эпопеи, уменьшением его численности и тем, что на самом Дону казакам в те годы приходилось вести тяжелую борьбу за существование против турок, стремившихся очистить от них по крайней мере нижнее течение Дона. Постепенный рост численности казачества в 50-е годы содействовал усилению их активности на Волге, наблюдавшейся с 50-х годов, и стал важной предпосылкой крупномасштабного разинского похода 1667-1669 гг.

К захвату добычи стремились казаки не только в походах на Волгу и Каспий, которые считались воровскими, но и тех боевых предприятиях, которые велись с ведома и одобрения войска Донского против традиционных противников казачества.

Особенно большую добычу давала казакам война с Азовом. Состояние войны лишь весьма на короткое время прерывалось миром, заключавшимся обычно тогда, когда русские и турецкие послы во время своего проезда из России в Турцию или из Турции в Россию следовали из Азова на Дон или в обратном направлении. Русское правительство, заинтересованное в скорейшем пропуске послов, настаивало на заключении мира, поэтому инициаторами мирных переговоров нередко выступали казаки. Но если войско Донское шло на перемирие под давлением Москвы, то турецкие власти в Азове и сами готовы были иметь мирную передышку, ощущая сильное военное давление казаков, а иногда - реальную угрозу взятия ими города, что частично осуществилось в 1576 г. и в 1626 г. и было успешно проведено в 1637 г., а затем, в 1656 г. делалась попытка повторить этот успех*. (Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих поселений... С.169; Щелкунов С.З. Донские атаманы первой половины XVII века. С.121, 143.) Поэтому азовцы готовы были даже платить своеобразную дань казакам, откупаясь от них. Уплата такой дани имела место еще в середине XVI в. Наличие этой дани и имелось в виду и в грамоте султана Сулеймана I хану Девлет Гирею I, направленной после того, как казаки едва не захватили Азов в 1576 г., где говорилось, что "казаки деи Азовом жили"*. (РГАДА. Ф.123. Кн.14. Л.265 об.) Уплата азовцами дани казакам превратилась к началу XVII в. в традицию, о которой в 1615 г. в Азове говорил визирь Магмет паша русским послам П.Мансурову и С.Самсонову: "преж сего...азовские люди донским казаком для перемирья даывали по 1000 золотых, да сети, и котлы, и соль". Несомненно, что такая дань не всегда могла удовлетворить казаков, и они предпочитали вести военные действия и захватывать добычу, причем, по словам Магмет паша, проявляли вероломство и, взяв дань, "немного спустя, с азовцами розмирились"*. (РГАДА. Ф.89. 1615. N14. Л.189.)

Война с Азовом не только давала казакам добычу, но и облегчала выход в море, где их нападению подвергались уже на ближних подступах к Азову рыбаки и шедшие в город турецкие суда. Поэтому все суда шли по Азовскому морю с охраной. Сведения об установлении такой охраны относятся еще к середине XVI в., когда в 1552 г. Сулейман I велел хану Девлет Гирею I организовать с марта по ноябрь охрану судов на Азовском море*. (Королев В.П. Морские походы донских казаков в середине XVI в. С.81.) Меры по охране, однако, далеко не всегда оказывались эффективными, а казаки нападали на турецкие суда, невзирая на охрану. В 1622 г., когда из-за вероломства азовцев, побивших и взявших в плен многих казаков, которые во время установленного с Азовом мира пришли для размена русских полоняников на Окупной Яр, казаки пошли "на морское устье", где дожидались "турецких караванов, чтоб их в Азов не пропустить"*. (РГАДА. Ф.89. 1622. N1. Л.87.) Таким образом, казаки готовились к нападению на караван, хотя обычно караваны судов имели сильную охрану. Это нападение было успешным, и казаки "взяли корабль да две комяги"*. (Там же. Л.96-97.) Случаи разгрома казаками морской турецкой охраны были довольно типичны. Не случайно

о таком разгроме говорится в "Сказочной" повести об азовском взятии и осадном сидении, когда казаки будто бы захватили шедшие из Азова в Крым бусы, перебив семьсот человек охраны*. (Воинские повести Древней Руси. С.86.)

Как правило, казаки не удовлетворялись грабежом турецких судов на Азовском море и шли дальше, в Черное море, где атаковали суда и прибрежные города и селения Тавриды и Анатолии и захватывали там боевую добычу. В случае удачного завершения казаками похода в их руках оказывалось много всякого добра и пленных. Воронежский казак Г.Титов наблюдал в 1622 г. возвращение на Дон из морского похода запорожских черкас, которые выходили вместе с донскими казаками. Они, по его словам, "добычи всякой, золота, и серебра, и платья привезли с собою много". Донские казаки, вышедшие в этот поход с черкасами, при нем не возвращались*, (РГАДА. Ф.89. 1622. N1. Л.30.) но, надо полагать, что в общем походе взятая ими добыча была не меньшей.

Важное значение для казаков имело взятие судов и пушек противника. В 1629 г. в упорном восьмидневном бою с янычарами у греческого монастыря близ города Созополя донские казаки и черкасы захватили две турецкие боевые каторги*. (РГАДА. Ф.127. 1630. N1. Л.93.) В 1653 г. 350 казаков во главе с атаманом Семеном Свегуном "взяли на Азовском море кораблю, да две кояги, да два ушкула"*.(Донские дела. Кн.4. Стб.663.) Эти суда казаки не могли использовать в боевых целях. Каторга была слишком велика и громоздка, управление ею требовало много сил, а, главное, такое судно было непривычно для казаков и не обладало такой маневренностью, как струг. Скорее всего, захваченную у Созополя каторгу казаки бросили. Транспортные же турецкие суда они использовали для перевозки на Дон захваченной добычи. По прямому назначению использовали казаки трофейные орудия. Так, летом 1653 г. во время похода на Черное море казаки во главе с атаманами Федором Волошениным и Иваном Богатым овладели на посаде города Триполя (возле Трапезунда) двумя большими корабельными пушками и полковой пушкой. Эти орудия помогли им отбиться от значительных сил противника, пришедших под Триполь. Без пушек, по словам атамана Тимофея Никитина, казакам была бы от турок "большая теснота и истерия". Отбившись от турок, казаки ушли с большой добычей, прихватив с собою полковую пушку, а две корабельные пушки оказались слишком "велики", и они "взять их с собою не могли"*. (Там же. Стб.698-699.) Покидая в 1642 г. Азов, войско Донское вывезло на Махин остров азовские пушки*, (Донские дела. Кн.1. Стб.428.) которые в настоящее время находятся в Старочеркасском музее-заповеднике.

Возможно, что в отдельных, весьма редких случаях казаки вывозили на судах захваченный ими скот. На такие случаи в источниках содержится немало указаний. Так, весной 1630 г. казаки грабили в Крыму греческие деревни Аксерень и Арпаты и "имали" там "войною" не только "животы", но и "животину"*. (РГАДА. Ф.127. 1630. N1. Л.263.) По-видимому, перевезли на Дон 80 коней и казаки - участники похода на Трапезунд 1631 г., которых они взяли у запорожца-татарина Нурая в обмен на турецкий полон*. (РГАДА. Ф.127. 1631. N1. Л.192.) Возможно, что подобных случаев было и больше, но они не могли быть частыми, поскольку перевозка скота по морю неудобна, а отгонять скот казакам было более привычно в своих сухопутных нападениях.

В таких нападениях скот составлял наиболее значительную часть военной добычи. Источники содержат множество указаний на отгон казаками скота у азовцев, крымцев, казыевцев и других своих противников. Добычу казаков составляли прежде всего лошади, а также крупный рогатый скот. Весьма значительной была добыча казаков в 1633 г., когда они, по сообщению толмача М.Дедякова, разгромили кочевавших под Азовом казыевцев и взяли, помимо пленных,

150 лошадей и 2000 коров*. (РГАДА. Ф.89. 1633. N5. Л.229.) Отгон скота представлял собой важный побудительный мотив к участию в боевых действиях на суше для казаков. В 1636 г. в ходе междоусобных столкновений между ногайскими мурзами урмаметевыми и тинмаметевыми войско Донское обязалось помогать урмаметевым мурзам при условии, что все имущество, прежде всего скот, достанется донским казакам*. (РГАДА. Ф.127. 1636. N1. Л.177.) Скот, взятый казаками в виде боевой добычи, частично шел на продажу на Русь. Продавцами были казаки, а покупателями выступали люди, приезжавшие на Дон из южных городов и уездов. В этой связи в 1627 г. на разменном месте у речки Уразовой, где происходила смена охраны при посольствах, следовавших из Руси в Крым и в обратном направлении, между русскими послами И.Карповым и И.Михайловым и представителем крымского правительства князем М.Сулешевым возникло серьезное недоразумение. Крымцы увидели донских казаков, которые шли к Валуйке, и заявили, что ведут отгромленных крымских лошадей. Выяснилось, однако, что шли не только казаки, но и "люди русские с разных городов", которые были на Дону рыболовы и камышники, и часть их лошадей действительно оказалась крымскими, которых и пришлось отдать*. (РГАДА. Ф.123. 1627. N3. Л.244-279.) Лошади, взятые в боях казаками, не только шли на продажу. Частично они восполняли тот урон, который несли сами казаки, когда угоняли их лошадей. Так, 11 ноября 1633 г. азовцы и казыевцы напали на городок Маныч и отогнали скот. Казаки вышли на них в поход и "вернули свою животину"*. (РГАДА. Ф.89. 1633. N5. Л.233.) В 1634 г. азовцы увели с Монастырского острова 2000 лошадей*. (РГАДА. Ф.127. 1635. N2. Л.50.) Но иногда, как, например, в 1674 г., противник, в данном случае калмыки, наносил слишком большой урон казачьему скотоводству, причем не в отдельно взятом городке, а почти во всех городках по Дону и Хопру*. (РГАДА. Ф.111. 1674. N15. Л.5-9.)

Большую ценность для казаков представляли пленные. К захвату их казаки стремились в каждом своем походе, как морском, так и сухопутном. При этом появление на Дону пленных ясырей-христиан было исключено. Казаки, например, грабили подданных Османской империи - греков и даже, при всей своей почтительности к православной церкви, разгромили в 1628 г. монастырь Иоанна Предтечи, расположенный в 200 верстах от Царьграда*. (РГАДА. Ф.89. 1630. N1. Л.100.) В 1637 г. они не остановились перед убийством грека - турецкого посла Ф.Кантакузина, пытавшегося помешать войску Донскому взять Азов. Однако ни одного пленного грека или какого-либо другого христианского подданного Турции на Дону не было. Пленными были лишь мусульмане, а со второй половины XVII в. еще и калмыки.

Особую ценность имели пленники - родственники высокопоставленных турок и татар, представители знати. В "Сказочной" повести об азовском взятии и осадном сидении рассказывалось, как казаки во главе с атаманом Наумом Васильевым будто бы захватили на Азовском море дочь азовского паши, которую паша отправил в Крым, где она должна была выйти замуж за "царя Старчия", и ее служанок. За дочь паши и ее служанок казаки получили богатый выкуп - "серебра и злата и скачного жемчугу и всякого живота на сто тысяч"*. (Воинские повести Древней Руси. С.85-87.) Эпизод не историчен во многом - и в том, что в Крыму никогда не было хана с подобным именем, и в том, что не известны случаи установления брачных отношений между ханами и дочерьми азовских пашей, и, кроме того, не известно, чтобы дочь азовского паши когда-либо попадала в руки казаков, тем более именно во главе с атаманом Н.Васильевым. Вместе с тем историчность рассказа в том, что в руки казаков иногда попадала подобная добыча, правда, не при тех обстоятельствах, которые описаны в повести. Так, в 1631 г. запорожские черкасы и донские казаки захватили под Трапезундом большой полон. При дележе его донцам досталась дочь трапезундского кадыя (судьи)

и еще 80 человек*. (РГАДА. Ф.123. 1631. №1. Л.192.) На побережье Каспийского моря казаки взяли в 1627 г. при разгроме туркменских улусов дочь князя Манодека и, кроме того, "многой ясырь"*. (РГАДА. Ф.127. 1628. №1. Л.314-315.) В том же 1627 г. Войско взяло в плен внука казыевского князя Касая Би Араслан мурзу и 13 татар*. (Там же. 1629. №1. Л.54-55.) Через год, в 1628 г., воровские казаки атамана Р.Хохра схватили на Ахтубе сына ногайского князя Шейдяк мурзы Сартлан мурзу и ним двух татар и отвели их на Дон в свое зимовье*. (РГАДА. Ф.127. 1629. №1. Л.16.) Широко известен факт пленения С.Разиным дочери одного из властителей в Персии, которую он принес в жертву по данным Я.Стрейса - Волге, а согласно Л.Фабрициусу - Яику*. (Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С.201; Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С.47.) Это стало сюжетом народной песни.

Судьба пленных складывалась по-разному. Некоторые женщины, как уже говорилось, становились женами казаков. Другие оказывались на положении рабов-ясырей и использовались казаками в качестве прислуги и работников. В 1653 г. были упомянуты "детина татарин" и "жонка татарка", принадлежавшие атаману Федорову (Чесночихину)*. (Донские дела. Кн.4. Стб.601.) Со временем таких ясырей становилось у казаков все больше, что было связано с разрастанием хозяйства у войсковой верхушки и у зажиточных казаков. Еще больше ясырей казаки продавали, причем в ожидании продажи такие ясыри жили у казаков по несколько лет. В 1631 г. казак городка Верхних Каргал Ивашка Прончанин продал своему знакомому пронскому казачьему пятидесятнику Якушке "старово полону и малово лет в 12, взятому в третей год"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. №54. Л.240-241.) Некоторые пленные, главным образом знатные, подлежали выкупу или же обмену на взятых в плен казаков или русский полон и вообще христиан. Если речь шла о выкупе, то казаки твердо стояли на своей цене. В 1592 г. посол Г.Нащокин был свидетелем тому, как казаки упорно торговались с азовцами по поводу выкупа знатных турок и горских князей. Чтобы воздействовать на азовцев и заставить их дать нужную сумму выкупа, казаки казнили одного из князей. Тогда азовцы прислали за турецкого чеуша выкуп 3000 золотых. Казаки не согласились, били в присутствии турецких посланцев чеуша плетьюми и потребовали за него 6000 золотых, но согласились в конце концов на 5000 за чеуша, 2000 за князя Кабана и 4000 за остальных горских князей. Вопрос был решен, чеуш и горские князья были отпущены в Азов, и русский посол Г.Нащокин выехал из Азова в Кафу*. (РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.112 об.-117 об.) Большой выкуп получило войско Донское в 1626 г. за выкуп Би Арсалан мурзы - по одним данным - 1000 лошадей и 1000 золотых, по другим - 400 лошадей, 300 быков и на 320 человек по 5 портищ бязи кумачей на чело века*. (РГАДА. Ф.127. 1628. №1. Л.19-20.) Как видно, войско Донское требовало за знатных людей очень крупный выкуп. Но и воровские казаки также требовали весьма значительный выкуп, хотя ставка его была далеко не так высока, как у Войска. Так, за Сартлан мурзу сперва предлагали дать казакам 100 лошадей. Но вскоре стало известно, что атаман Р.Хохра и его казаки потребовали за мурзу 500 лошадей, а за взятых с ним татар - по 20. Тогда Шейдяк мурза послал к казакам своих людей и предложил им за сына 200 рублей, но те потребовали 300 рублей и 100 лошадей*. (Там же. 1629. №1. Л.54, 56, 57.)

Иногда казаки меняли находившихся у них пленников на попавших в плен своих казаков. Обмен пленными между казаками и азовцами проводился обычно на Окупном Яру вблизи Азова. Правда, в 1622 г. азовцы грубейшим образом обманули казаков, вероломно напав на них на Окупном Яру и побив многих из них, а других взяв в плен*. (РГАДА. Ф.89. 1622. №1. Л.16-17.) В том же году казаки еще раз были обмануты турками, на этот раз на море, возле Царьграда,

когда заявили, что готовы взятый казаками полон "окупать дорогою ценою", а затем, когда казаки пришли и привели пленников для выкупа, напали на них и "отгромили" полон, побив многих из них*. (РГАДА. Ф.89. 1622. N1. Л.116-117.) Но в целом подобные случаи не были типичны, и обмены пленными происходили без каких-либо эксцессов. По существу обмен пленными происходил в Азове в 1637 г., вскоре после взятия города войском Донским, когда туда приезжали черкесы из Темрюка. За темрюцкого черкашенина они отдали казака и донского татарина. Кроме того, за казака они получили "в прибавку пансырь и саблю", а за донского татарина - "трех человек ясырей да пансырь же"*. (РГАДА. Ф.127. 1637. N1. Л.125-126.)

Иногда плен заканчивался трагически, так как казаки по разным причинам просто убивали пленных. Обычно это вызывалось ожесточением в борьбе. Так, в 1634 г. Войско ходило на ногаев и азовцев, возвращавшихся из похода на Русь, разбило их и взяло в плен 22 человека. Их казаки "всех порубили"*. (Там же. 1635. N2. Л.44.) В 1635 г. Войско захватило в плен на Черкасском острове 31 человек азовцев и крымцев, ходивших за языками и для отгона лошадей, и всех их "порубили без остатка", поскольку, по обычаю, всех врагов, захваченных на острове, казаки уничтожали*. (Там же. Л.48.) Перебили казаки азовцев, захваченных в городе в 1637 г. после его взятия, "за их неправды"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.568-569.) Не брали пленных казаки и в морском походе на Крым в 1655 г., причем там удивлялись, "как де наперед сего донские казаки хаживали на море, и они де только полон имали; а ныне везде людей побивают и села и деревни жгут"*. (Донские дела. Кн.5. Стб.29.) В некоторых случаях убивали потому, что ясыря было слишком много, содержать его казаки не могли, а покупателей на Руси не было, и они в скором времени не предвиделись. Так произошло в декабре 1634 г., когда Войско ходило в поход на улусы Больших и Малых ногаев на речку Чубур. Разгромив более 2000 ногайских дворов, казаки "порубили" "черных мужиков" ногаев, а жен и детей 153 человека, "приведчи к себе в юрты, ...порубили ж"*. (РГАДА. Ф.127. 1635. N2. Л.45.) Кроме того, они убили еще 700 пленных. И в самом деле, до весны, когда началось бы судоходство и появились бы торговые люди из Руси, ждать было долго, а с хлебным запасом и с продовольствием вообще положение на Дону в зимнюю пору было непростое*. (Щелкунов С.З. Донские атаманы первой половины XVII века. С.151.)

Завершались походы "дуваном", или дележом добычи. В нем участвовали все те, кто ходил в поход, как казаки, так и прибывшие на Дон из русских городов и уездов люди. Это был долгожданный момент для участников похода, как бы подводивший итоги предприятия, вознаграждавший всех его участников за все их тяжкие труды, за все лишения и опасности, которым они подвергались. Не случайно "дуван" опозитизирован в народных песнях. В одной из них говорилось, как всем казакам "досталось из казны...по пятьсот рублей", и лишь "одному из них казны-то не досталось, досталось ему да красна девица"*. (Исторические песни XIII-XVI веков. С.502.) Песня отразила то, что по итогам похода для казака могло быть денежное богатство или ясырь, причем пленницы могли стать женами казаков.

Доля, которую получал каждый участник похода, зависела от того, насколько поход был успешен, или от общего количества взятой в нем добычи. Бывало и так, что участники похода оставались без добычи и делить было нечего. Но в случае успеха добыча могла быть довольно велика и разнообразна. Разгром турецких торговых судов, шедших в 1622 г. в Азов, дал казакам много разнообразных тканей, в которых на Дону испытывали постоянную нужду. При дележе на каждого казака досталось "по сту по двадцать бязей, да по два киндяка, да по два сафьяна, а луков досталось в целу на десять человек по два лука"*. (РГАДА. Ф.89. 1622. N1. Л.114.) Таким образом, в данном случае казаки получали высококачественную кожу -

сафьян, из которой на Дону могли делать сапоги.

"Дуванилась" не только добыча, но и выкуп за нее. В 1626 г. при выкупе Би Арсалан мурзы казаки получали лошадей, быков и ткани из расчета дележа всего этого на 320 человек*. (РГАДА. Ф.127. 1628. N1. Л.19-20.)

Разделу подлежала, помимо материальных ценностей и скота, также и ясырь. Такой ясырь, полученный донскими казаками при "дуване" добычи после похода на Синоп в 1632 г. под предводительством атамана Павлина, видел чернец Святогорского монастыря Александр. По его словам, те казаки отобрали у монастыря будары и везли в них на Дон из Запорожья "полон девок и робят татарченков"*. (Воссоединение Украины с Россией. Т.1. С.131.) Многочисленная ясырь, жившая у казаков, которую они продавали, была получена ими в результате "дувана" добычи после походов.

Поскольку в походы ходили не все, а часть казаков оставалась в своих городках, то получали долю добычи при "дуване" также не все, а лишь участники похода. О существовании такого порядка рассказывал в 1650 г. воронежец Т.Михнев, который говорил, что добычу между собой "делили те, которые ходили в поход, а которые оставались в городках, на тех не делили"*. (РГАДА. Ф.89. 1650. N1. Л.158.)

Военная добыча являлась в XVI-XVII вв. для донских казаков наиболее важным источником существования, а походы, в которых она добывалась, составляли смысл жизни казака. Правительство было недалеко от истины, когда в грамоте на Дон от 20 сентября 1622 г., делая выговор войску Донскому за войну его с азовцами, в результате которой русские послы И.Кондырев и Т.Бормосов не могли проехать в Азов и далее в Турцию, отмечало: вы "выходите на моря для того, чтобы вам зипуны переменить"*. (РГАДА. Ф.89. 1622. N1. Л.206.) Конечно, целью многих казачьих походов, в том числе и на море, были далеко не только "зипуны", и в Москве не могли не понимать этого, но то, что "зипунные" мотивы играли очень важную роль при организации походов, было несомненно.

Огромное значение войны и военной добычи в жизни казачества придавало донскому сообществу XVI-XVII вв. особую специфику и резко отличало жизнь на Дону в то время от жизни в других русских землях. Донской казак - это воин-добытчик по профессии и по образу жизни. Однако казачество жило не только за счет добычи. имелись и другие источники существования, роль которых для казаков также была велика.

2. Царское жалованье.

В XVI-XVII вв. донское казачество было тесно связано с Москвой, с русским правительством. Его боевые акции, хотя и далеко не всегда соответствовали внешнеполитическим интересам России и тот или иной конкретный период времени, были направлены против тех стран и феодальных образований, которые противостояли России на ее южных рубежах - Крыма, Турции, Казыева улуса и других ногайских объединений.

Боевые действия казаков русские власти признали службой еще с середины XVI в., когда стали им давать конкретные поручения. С таким поручением и было связано первое упоминание в русских письменных источниках о донских казаках в 1549 г., когда посол И.Федцов должен был передать ногайскому князю Ших-Мамаю о повелении Ивана IV "казакком своим путивльским и донским крымские улусы воевати и недружбу царю делати"*. (РГАДА. Ф.127. Кн.3. Л.86.) Это являлось служебным поручением, за выполнение которого казаки должны были получить вознаграждение в виде жалованья от царя.

Ко времени похода на Казань в 1552 г., в котором принимали участие донские казаки, они уже привыкли получать царское жало-

ванье за службу до такой степени, что даже свое жительство на Донской земле стали связывать с пожалованьем им от Ивана Грозного "славного тихого Дона". Это народное представление нашло отражение в донском фольклоре*. (Исторические песни XIII-XVI веков. С.505.)

Наиболее ранние сведения из документальных источников о царском жалованье донским казакам относятся к началу 70-х годов XVI в. В 1570 г. правительство посылало в Турцию своего посла И.Новосильцева и поручало проводить его от Рыльска до Азова известному в то время донскому атаману Мише Черкашенину. За эту службу казакам давалось "государево жалованье: деньги, и сукна, и селитра, и свинец"*, (Акты Лишина. Т.1. С.1.) т.е. все то, что позже стало составлять обязательный и традиционный элемент посылавшегося на Дон царского жалованья. Через год, в грамоте "на Дон донским атаманом и казаком", правительство велело им, чтобы они "о наших делах промышляли заодин" с посланными "для своего дела под Азов" казачьими атаманами М.Маминым и М.Яковлевым и обещало их за это пожаловать*. (Материалы для истории войска Донского. Грамоты. С.1.) К этому времени уже сложился определенный принцип во взаимоотношениях между правительством и донскими казаками, в соответствии с которым правительство платило казакам жалованье за определенную конкретную службу. Такой службой являлось сопровождение посольств, участие в боевых действиях, доставление сведений о положении в Поле и т.д. Следовательно, жалованье выплачивалось казакам нерегулярно, как бы от случая к случаю*. (Станиславский А.Л. Гражданская война... С.12.)

По мере того, как происходило увеличение численности казачества на Дону, как возрастала его международная роль в Приазовье, усилилась заинтересованность русского правительства в казаках и в их службе. Реальным средством усиления своего влияния на казаков, которым располагало правительство, являлась уплата царского жалованья. В литературе уже отмечалось, что регулярный характер уплата царского жалованья - "донских отпусков" - приняла в XVII в., после Смуты, когда начиная с царствования Михаила Романова отношения между войском Донским и Москвой значительно упростились по сравнению с предшествовавшим временем*. (Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке. С.136.) В целом, конечно, так и было, и В.П.Загоровский показал, насколько регулярной была выплата жалованья на Дон с 1613 г. В то же время следует иметь в виду, что уже с конца XVI в. и даже в годы Смуты русское правительство делало серьезные попытки придать регулярность уплате жалованья, т.е. сделать ее ежегодной.

Источники не позволяют сказать о том, была ли в конце XVI в., при царе Федоре, ежегодная отправка на Дон царского жалованья или нет, поскольку сведения о сношениях между правительством и донскими казаками сохранились лишь за отдельные годы, когда из России в Турцию направлялись посольства, материалы которых содержатся в книгах 2 и 3 Турецких дел Посольского приказа. За 80-е годы XVI в. сведения о жалованье имеются в двух царских грамотах - от 31 августа 1584 г., посланной с послом Б.Благово, и от 30 сентября 1585 г., отправленной с воеводой Г.Вендеровским. В первой из этих грамот говорилось о присылке жалованья казакам, ходившим в поход на реку Кальмиус - селитры и свинца, и содержалось обещание послать "на весне рано" "свое жалованье"*. (Материалы по истории войска Донского. Грамоты. С.3; СГГ и Д. Т.2. С.86.) Во второй также содержалось обещание прислать весной жалованье тем казакам, "которые нам служат" - "сукна, и селитру, и свинец, и запас". Ниже в этой грамоте говорится о конкретном поручении казакам - послать вместе с Г.Вендеровским 200-300 человек или больше против казыевского князя Якшисата и об обещание за это жаловать "великим своим жалованьем"*. (РГАДА. Ф.89. Кн.2. Л.344 об.,

345 об.) Таким образом, судя по этим грамотам, правительство в своих отношениях с казаками придерживалось, с одной стороны, традиционного принципа, имевшего место еще в конце 40-х годов - жалование за конкретную службу тем казакам, которые выполняли служебные поручения. С другой стороны, в обеих грамотах отразилось намерение правительства сделать уплату жалования более регулярным делом и, следовательно, поставить тем самым и саму казачью службу на более регулярную основу.

Переход к ежегодной уплате донским казакам царского жалования наметился, очевидно, с 90-х годов. Оно присылалось на Дон в 1592 г. с послом Г.Нащокиным, в 1593 г. с послом Г.Волконским и в 1594 г. с послом Д.Истленьевым. В состав жалования стал входить весь тот ассортимент, который позже, в XVII в., почти ежегодно поступал на Дон. Так, с Г.Нащокиным посылались сукна ("постав сукна настрафилю, 6 половинок еренку, 24 половинки рославских"), продукты ("200 чет сухарей, 30 чет круп") и жалование военного ассортимента ("25 пуд селитры и серы и свинцу по указу")*. (РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.81 об.) То же самое было послано и в 1593 г., но, в отличие от 1592 г., казаки получили еще и зелье*. (Материалы по истории войска Донского. Грамоты. С.9.) В 1594 г. жалование посылалось низовым казакам. Количество его заметно возросло ("восемь поставов настрафилю, по двадцать четыре половинки еренковы, а в поставех и в половинках сто пятьдесят портищ сукон добрых, да пятьдесят пуд селитры, да пятьдесят пуд свинцу, да шесть пуд с четвертью серы, да запасу сто пятьдесят чет сухарей, да сорок круп, сорок чет толокна")*. (Акты Лишина. С.4.) Это отражало процесс укрепления отношений правительства с низовым Войском. С менее организованным верховым казачеством правительство также стремилось установить отношения и в специальной грамоте верховым казакам от 31 июля 1594 г. обещало их пожаловать за проводы посла Д.Истленьева и турецкого чеуша "сверху и до нижних юртов"*. (Там же. С.5-6.)

В источниках не сохранились сведения о том, посылались ли на Дон царское жалование в последние годы царствования Федора Ивановича. Есть основания полагать, что оно посылалось, поскольку из разрядных записей, касавшихся Воронежского уезда, известно, что после Федора, при царе Борисе Годунове посылали "государева десятинново хлеба...всякие запасы и вино на Дон, к атаманам и к казакам, ежелет"*. (Воронежский край с древнейших времен... С.15.) Характерно, что Борис Годунов имел очень непростые отношения с донскими казаками, но несмотря на это, жалование им выплачивалось при нем регулярно. Следовательно, к тому времени уже сложились достаточно прочные традиции выплаты казакам царского жалования, которые не нарушались даже в условиях начавшейся Смуты. Известно, что и в 1606 г., несмотря на восстание И.Болотникова, на Дон также было послано жалование*. (Донские дела. Кн.1. Стб.23.) Выплачивалось оно и в 1608 г.* (Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке. С.140.)

С 1609 по 1612 гг. жалование на Дон не посылалось, что было связано с бурными событиями Смутного времени. Не случайно когда в 1614 г. выписывался доклад о посылке жалования войску Донскому, в качестве примера брался 1606 г., а о присылке в более поздний период не упоминалось.

В 1613 г. царское жалование стало присылаться почти ежегодно. Поскольку материальное положение казачества было весьма неустойчивым, присылка жалования оказывалась для него важным подспорьем. В таких условиях жалование оказывалось для правительства инструментом его политики в отношении войска Донского. К примеру, как показал В.П.Загоровский, оно не посылалось в 1618, 1620, 1625-1627, 1629-1631, 1636 и 1670 гг., а в 1617 оно было задержано в Воронеже*. (Там же. С.142, 143, 145.) Как правило, на это у

властей имелись веские причины. В 1617-1618 гг., помимо неподготовленности судов в Воронеже для перевозки жалованья*, (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1988, №9. С.108.) сказывалась неясность обстановки на Дону, когда правительство было насторожено "смутой" среди казаков, в результате которой "выбили" из круга старого заслуженного атамана Смагу Чертенского*, (РГАДА. Ф.89. 1617. №1. Л.89.) слышшего сторонником Москвы, и когда властям стало известно о наличии на Дону значительного количества запорожцев, поскольку запорожцы участвовали в походе королевича Владислава на Москву в 1617-1618 гг. В 20-х - начале 30-х годов жалованье не присылалось из-за недовольства правительства неположением войска Донского, когда казаки, несмотря на решительные запреты Москвы, вели военные действия против Турции и Крыма. Наконец, в 1670 г. правительство не послало жалованья как вследствие самой обстановки в крае, где до поздней осени господствовали разинцы, так и по причине глубокого недовольства в Москве войском Донским, долгое время потворствовавшим С.Разину и допускавшим по существу то, что он достиг столь значительных успехов*. (Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке. С.139.)

Вместе с тем, когда правительство было заинтересовано в этом, оно усиленно поддерживало войско Донское с помощью жалованья, присылая его в более крупных, чем обычно, размерах. Так было в 1614 г., когда жалованье было послано на Дон дважды. Это согласуется с общей направленностью политики правительства Михаила Романова на Дону в первые годы его царствования, когда оно стремилось и выразить признательность за поддержку кандидатуры Михаила на земском соборе 1613 г. и еще более привлечь на свою сторону донское казачество. Значительное жалованье было отправлено в 1638 и 1639 гг., причем в 1638 г. - дважды. Это означало негласную помощь войску Донскому в его борьбе за Азов. Усиленная материальная поддержка войска Донского со стороны властей имела место и в очень тяжелые для казаков 40-е годы, после Азовского сидения, когда они вели борьбу за свое выживание на Дону. В то время в 1642 г. и 1643 г. оно посылалось дважды, а в 1647 г. - трижды*. (Там же. С.141, 143-144.)

Оценивая в целом размеры царского жалованья донским казакам, такой осведомленный современник, как беглый подьячий Посольского приказа Г.Котошихин, писал, что оно посылается "негораздо по многу и не всегда"*. (Котошихин Г. Указ. соч. С.135.)

По словам этого же автора, хлебное жалованье посылалось донским казакам из Казани и Астрахани*. (Там же.) В самом деле, известно, что только лишь в 1647 г. хлебное жалованье посылалось из Царицына*. (Донские дела. Кн.3. Стб.288-289. 4453 четверти - см.: Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке. С.143.) Из Астрахани хлеба вообще посылались не могло, поскольку вблизи этого города хлебопашества не было, и сами астраханцы снабжались за счет привозного хлеба. Снабжение донцов хлебным запасом шло не из Поволжья, а из южных российских уездов, где население было обязано пахать государеву десятинную пашню в счет казенных повинностей. Уезды должны были поставить для донского отпуски определенное количество хлеба. Так, по росписи 1613 г. для отправки с послами С.Протасьевым и М.Даниловым из Коломны должны были поставить 40 четей сухарей и 7 четей с осьминою круп; то же самое - из Донкова; из Переяславля Рязанского и из Воронежа - по 600 четей сухарей, по 7 четей с осьминою круп, столько же толочна*. (РГАДА. Ф.89. 1613. №1. Л.41-42.)

Вино в донской отпуски также поставлялось из южных городов. В 1613 г. из Воронежа и Переяславля Рязанского должны были дать для отправки на Дон по 20 ведер*. (Там же.) Столько же послы взяли из

Коломны*. (Там же. Л.63.) Однако на Дон было доставлено 55 ведер*. (Там же Л.166.) Ответственными за поставку вина были целовальники из кабаков, питейных и кружечных дворов.

Почти ежегодно войско Донское получало сукна и деньги. Деньги на Дон отвозились и тогда, когда не посылалось другое жалованье. Так, в 1640 и в 1641 гг., когда была серьезная опасность нападения на идущие по Дону суда с хлебным запасом со стороны татар, посылались только деньги – 6000 рублей в 1640 г. и 8000 рублей в 1641 г.

В 1663 г. войско Донское не приняло 10000 рублей медными деньгами, которые вышли из обращения*. (Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке. С.143, 145.)

По сложившемуся на Дону обычаю, Войско торжественно встречало послов, привозивших жалованье, и принимало его от них. Как рассказывал дворянин И.Апухтин, привозивший жалованье в 1614 г., в связи с присылкой жалованья атаманы "велели тотчас готовить столы и класти доски на кряжах и скатерти настилати, и царское жалованье пили и ели, и его, Ивана, потчивали"*. (РГАДА. Ф.89. 1614. N1. Л.69.) Вместе с тем, торжественно встречая послов и выражая радость по поводу присылки жалованья, казаки строго следили, чтобы не было его недостачи и выдавалось все "сполна", как это значилось по документам. В 1592 г., когда жалованье привозил посол Г.Нащокин, между ним и низовым Войском даже произошло столкновение по поводу жалованья. Казаки потребовали от него показать им царский наказ с "ведомостью" о жалованье и "с великим шумом" упрекали посла в том, что он недовез им жалованье. Посол "отказал" им в их требовании показать наказ и объяснил недостачу выдачей селитры верховым казакам, сопровождавшим посла вниз по Дону от самого Воронежа и вступивших по пути в бой с воровскими черкасами "за государеву казну". Казаки были не удовлетворены таким объяснением, "шумели много" и в конце концов без всякой официальной церемонии "сильно...взяли" жалованье. Сопровождавшего посла донского атамана Вышату Васильева обвинили по-видимому в том, что он допустил передачу жалованья верховым казакам, и, "бив его ослопы, ...посадили в воду" перед посольским шатром*. (РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.97-98.) Таким образом, в конце XVI в. казаки еще не испытывали почтения ни к церемониалу встречи посла с жалованьем, ни к самому царскому послу.

Более осторожно вели себя казаки в отношении посланного на Дон с царским жалованьем в 1614 г. дворянина И.Апухтина, когда также стал вопрос о недостаче в деньгах. Торжественно встретив посла и "с великой радостью" приняв жалованье, казаки взяли с него в счет недостачи 4 рубля 21 копейку, "в чем его подъячия обвесили"*. (Там же. 1614. N1. Л.61.) На этом дело было исчерпано. Резкое отличие в поведении казаков в связи с недостачей жалованья в 1614 г. по сравнению с 1592 г. определялось стремлением войска Донского к дальнейшему сближению с Москвой в первые годы царствования Михаила Романова, нежеланием допустить каких-либо действий, которые могли бы обострить отношения с правительством.

Доставленное на Дон царское жалованье подлежало разделу между казаками. Раздел осуществляло само Войско. В 1592 г., когда еще не сложилось прочных традиций в отношениях между царской властью и казаками по поводу царского жалованья, правительство сделало попытку самостоятельно осуществить его раздел и в наказе послу Г.Нащокину поручило "розверстать" сукно между казаками, выдав "лутчим добрые, а рядовым середние, а иным рославские" сукна. Но такая политика резко противоречила обычаям и традициям казачества, чего не учли в Москве. Заявив, что "у них больших нет никого, все ровны", казаки сами разделили жалованье "на все Войско, почему достанетца"*. (РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.96 об.) Таким образом, при разделе жалованья на Дону исходили из принципа равенства всех

казаков.

Другим принципом, которого столь же строго придерживались в Войске, был принцип жалования за службу. Жалование получали только те казаки, которые "государю служат". Именно так заявили в Москве казаки Василий Макеев и Корнило Яковлев 9 мая 1648 г., объясняя, почему Войско "дуванило" жалование лишь на 1000 человек, так как правительство знало, что на Дону жило казаков гораздо больше, среди них – и вновь прибывшие, особенно с Ж.Кондыревым в 1646 г. Казаки объяснили в Посольском приказе, что "которые де вновь придут, и на тех людей не дуванят...а новопришлым они дают запасы в почесть, чем сытым быть"*.(Донские дела. Кн.4. Стб.2-3.) Следовательно, новопришлые тоже получали часть запаса из царского жалования, но это не считалось жалованием, а давалось им как бы авансом, в расчете на то, что они закрепятся на Дону и будут служить в Войске. Не случайно в 1592 г. низовое Войско так болезненно восприняло то, что часть предназначенной для него в составе царского жалования селитры было выдано верховым казакам. После решительного заявления Войска, чтобы "верховых атаманов и казаков, которые выше Раздоров, с нами не мешивали"*, (РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.96.) правительство уже в 1594 г. обещало верховым казакам отдельное жалование*(Акты Лишина. Т.1. С.6.) В отписке, отправленной в Москву 5 ноября 1613 г., донские атаманы извещали о необходимости присылки жалования на 1888 человек, которые "государю служат заодно"*. (РГАДА. Ф.89. 1613. №1. Л.166; Донские дела. Кн.1. Стб.26.) Из верховых атаманов и казаков жалование получали те, кто приезжал на службу в низовое Главное войско.

При дележе жалования каждому казаку доставалось не особенно много. Сами казаки, говоря об этом в своей отписке от 5 ноября 1613 г., отмечали, что на одного казака было выдано "твоей милости запасы по зерну, да по пультке свинцу, да по веревку сукна"*. (РГАДА. Ф.89. 1613. №1. Л.166.) Поэтому не удивительно, что на Дону стремились допустить к получению жалования не всех казаков, а ограниченное количество. Впрочем, в словах отписки 1613 г. содержалось известное преувеличение. В отдельные годы казаки получали не так уж мало. Так, если жалование, присланное в 1648 г., "дуванили" всего на 1000 человек, то, если брать только деньги, за первую присылку было прислано 3400, а за вторую – 3000 рублей*(Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке. С.143.) Если, таким образом, каждый казак получил примерно по 6 рублей за год, то это немало. Но делились не только деньги, но и хлебный запас, сукна, порох и свинец. Несомненно, что жалование имело определенное значение как средство материальной поддержки отдельного казака, в том числе и зажиточного. Монархизм казаков опирался, в частности, на представление о добром государе, готовом всегда жаловать казаков. В Москве знали, что одной из веских причин возникновения в 1606 г. движения казаков во главе с "царевичем Петром" являлась невыплата жалования, когда на Тереке среди казаков говорили: "Государь де нас хотел пожаловати, да лихи де бояре, переводят де жалование бояря, да не дадут жалования"*. (Восстание И.Болотникова. Документы и материалы. С.225.) Следовательно, если вопрос о жалование мог быть одной из причин, подтолкнувших казаков к выступлению, то можно сказать, что оно для них имело значение, причем и в смысле материальной поддержки, и в моральном отношении, поскольку оно поднимало общественный статус казака, показывало всему русскому обществу, что казачья служба признается государством, и казак является защитником родной страны.

Царское жалование делило между собой не все казачество. Его получала прежде всего старшинско-атаманская верхушка, а также те казаки, которые были связаны с ней и ходили на службу в Главное войско. Но и среди этой части казачества тоже выделялась своего

рода элита, "люди отчаянной храбрости"*, (Сухоруков В.Д. Рыцарская жизнь казаков. - Донские казаки в походе и дома. Ростов-на-Дону, 1991. С.26.) по определению В.Д.Сухорукова, которых Войско послало по своим делам в Москву в составе зимовых и легких станиц, во главе которых стояли атаманы и видные старшины. В Москве эти казаки получали жалованье, причем более значительное, чем то, что им досталось при "дуване" царского жалованья на Дону.

Прибывшие в Москву станицы обеспечивались жалованьем на приезде и при отъезде, а также получали поденный корм. Выдавались, кроме того, деньги на дорогу в оба конца. Размеры жалованья зависели от того, является ли станица зимовой или легкой, от ранга или степени известности возглавлявшего ее атамана, от того, как правительство оценивало в тот или иной период заслуги казачества. Зимовые станицы, в которые входило свыше десятка казаков, возглавлявшиеся нередко войсковыми атаманами, находившиеся в Москве в течение всей зимы и сопровождавшие обычно на Дон из Воронежа царское жалованье, обеспечивались лучше, чем легкие станицы, которые могли быть посланы в любое время для какого-нибудь срочного сообщения или другого какого-нибудь срочного дела. Нередко бывало так, что прибывшие в Москву станичные атаманы били челом об увеличении жалованья. причинами челобитья были или более высокое жалованье предыдущей станицы, что давало повод казакам чувствовать себя обиженными по сравнению со "своей братией", или непредвиденные издержки в пути, если, например, по дороге в Москву станица подверглась нападению татар и у казаков были убиты кони.

Как правило, челобитные такого рода правительство удовлетворяло. В этом был для него большой смысл, поскольку тем самым в сознании казачества закреплялось представление о добром и справедливом государе, всегда готовом жаловать казаков за службу.

Более высокое жалованье получали казаки зимовой станицы в том случае, если ее возглавлял войсковой атаман. Это обстоятельство и учитывал осенью 1641 г. войсковой дьяк и писатель, создатель "Поэтической" повести об Азовском осадном сидении Федор Иванович Порошин. Когда после ухода турок из-под Азова осенью 1641 г. в Москву была направлена зимовая станица во главе с атаманом Наумом Васильевым с сообщением о победе казаков и с предложением правительству принять у войска Донского Азов, он отправился в этой станице в качестве есаула. Будучи в Москве, Ф.Порошин представил в Посольском приказе Н.Васильева не только атаманом зимовой станицы, но и войсковым атаманом, хотя, как известно, войсковым атаманом Н.Васильев был до осады Азова турками, а в начале осады войсковым атаманом вместо него был избран Осип Колуженин*. (Щелкунов С.З. Донские атаманы в первой половине XVII века. С.142, 143.) Но всего этого, по-видимому, в Москве не знали, поскольку станица Н.Васильева была очень хорошо принята и вознаграждена. Так, атаман получил "ковш серебрян в две гривенки, камку куфтерь десять аршин, тафту добрую, сукно лундыш доброй, сорок соболей в сорок рублей"; есаул - "камку кармазин десять аршин, сукно лундыш доброй, сорок соболей в двадцать в пять рублей"; 24 человека казаков - "по сукну по аглинскому доброму человеку да по тафте доброй"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.257.) Жалованье было очень богатое. Впервые в истории сношений войска Донского с московским правительством атаманы и есаулы зимовой станицы получали соболей. Конечно, эта награда отразила высокую оценку правительством подвига войска Донского, сумевшего отстоять Азов, но в то же время оно учло и высокий ранг Н.Васильева и Ф.Порошина как войскового атамана и войскового есаула.

После подачи челобитной от 28 марта 1642 г. другим донским станичным атаманом, Абакумом Сафоновым, правительству окончательно стало ясно, что Ф.Порошин ввел его в заблуждение. А.Сафонов просил в своей челобитной жалованье не меньше, чем Н.Васильев,

считая себя ничуть не менее достойным его, и даже ставя себя выше Н.Васильева, так как "он, Наум...в азовскую осаду был...в рядовых, а я...Обакумко и в азовскую осаду был станичной атаманишко...а то, государь, плутал без войскового ведома Федор Порошин, собою написал его, Наума, войсковым атаманом, а себя войсковым ясаулом...А тот Федор был у Войска в подъячих, а в войсковых ясаулах не бывал"*.(Там же. Стб.313.) Однако о том, что Ф.Порошин "плутал", правительству было в общем известно еще раньше, и 17 февраля оно распорядилось "поденного корму донскому ясаулу Фedyке Порошину вперед давати не велеть"*.(Там же. Стб.398.) Проступок Ф.Порошина был очень серьезен. За это, как полагал С.З.Щелкунов, "наказать Порошина было предоставлено самому Войску"*.(Щелкунов С.З. Донские атаманы первой половины XVII века. С.142.) Едва ли это верно, поскольку сослать в Сибирь оно не могло, делалось это лишь по царскому указу. Иногда в качестве причины ссылки Ф.Порошина указывается его позиция по вопросу об Азове, его настойчивое стремление добиться того, чтобы правительство приняло город у казаков, тогда как в Москве решили требовать от Войска Донского отдать город туркам*.(Робинсон А.Н. Повести об азовском взятии и осадном сидении. – Воинские повести Древней Руси. С.227.) Возможно, что отчасти это так и было. Но следует при этом иметь в виду, что атаман Н.Васильев и казаки его станицы, также являвшиеся сторонниками принятия Азова Россией, были при отъезде из Москвы щедро вознаграждены. Несомненно, что, ссылая Ф.Порошина, правительство наказывало его главным образом за его обман, с помощью которого он добивался для себя и для своей станицы более высокого жалованья.

Обман, который позволил себе Ф.Порошин, представлял собой случай из ряда вон выходящий. Ни до, ни после этого казаки из донских зимовых и легких станиц ничего подобного себе не позволяли.

В особых случаях соболями, как особенно богатым и почетным жалованьем, жаловались атаманы легких станиц. В 1671 г. по случаю выдачи в Москву братьев Разиных правительство расщедрилось и выдало соболей не только казакам станицы войскового атамана Корнилы Яковлева, которые их привезли, но и казакам станиц атаманов Михаила Самаренина, Василия Савелова и хоперским казакам атамана Абрросима Аристова. Особенно много соболей было дано К.Яковлеву, получившему на приезде 40 соболей в 30 рублей, и на отъезде пару соболей в 10 рублей. Кроме того, ему дали ковш "в полдвe гривенки", на изготовление которого был взят "21 ефимок" и "на позолоту 2 золотых червонных". Так высоко были оценены заслуги главного донского противника С.Разина. Конечно, заставив Войско выдать С.Разина и отметив соболями заслуги казаков в борьбе с восставшими, правительство не собиралось делать такие богатые выдачи жалованья донским станичникам нормой и специально отмечало, что "иным тот корм впредь не в образец"*.(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.106-107.)

Г.Котошихин отмечал, что приезжавшим "для всяких дел" казакам в станицах "даютца сукна, и соболи, и отласы, и камки, и тафты, за их службу, по розсмотрению"*.(Котошихин Г. Указ. соч. С.74.) Что касается тканей, то их выдавали всем станицам. Соболи же давались до 1671 г. крайне редко. При этом выдача их в связи с привозом в Москву С. и Ф. Разиных положила начало традиции, развивавшейся в последней четверти XVII в., когда награждение соболями проводилось для казаков тех станиц, которые по требованию правительства доставляли с Дона в Москву разного рода мятежников и бунтовщиков.

Немалое значение имело для станичников денежное жалованье. Оно выдавалось казакам дважды – на приезде и при отъезде, причем на приезде давалась несколько более крупная сумма. На приезде бы-

ло принято давать атаманам по 9 рублей, есаулам - по 8, а казакам - по 7. Если во главе станицы стоял атаман или знатный заслуженный старшина, то он получал 10 рублей. Такую сумму получил, например, в 1627 г. атаман Волокита Фролов. В то время он еще не стал войсковым атаманом, но был в числе самых видных старшин и, кроме того, станица его доставила в Москву "в языцах" казыевского татарина. Такую же сумму получил на приезде В.Фролов в 1628 г., когда он уже был войсковым атаманом*. (Донские дела. Кн.1. Стб.288-291.) В 1641 г., после Азовского осадного сидения, щедрое денежное вознаграждение получила станица атамана Н.Васильева: сам атаман - 30 рублей, есаул Ф.Порошин - 20, казаки - по 15*. (Донские дела. Кн.2. Стб.257.) При отпуске из Москвы на Дон станичный атаман обычно получал 7 рублей, а казаки - по 5. Несколько выше этой нормы получили в 1628 г. казаки станицы атамана Алексея Старого - атаман - 9 рублей, казаки - по 7. Такая повышенная дача была по-видимому связана с тем, что в 1625 г. А.Старой и пять казаков его станицы были сосланы на Белоозеро, что должно было продемонстрировать войску Донскому глубокое недовольство правительства походами казаков на Турцию и Крым. Выплачивая ему и казакам его станицы повышенное жалованье при отпуске, правительство стремилось к примирению с Войском и желало как-то сгладить впечатление от такой суровой и невиданной ранее в отношениях между Москвой и Доном меры, как арест и ссылка целой станицы. Иногда такая же плата - атаману по 9, а казакам по 7 рублей - давалась при отпуске, когда во главе станицы стоял войсковой атаман. Так в 1622 г. была вознаграждена станица Епифана Радилова. Через 6 лет, в 1628 г., правительство выдало при отпуске из Москвы Е.Радилову целых 10 рублей*. (Донские дела. Кн.1. Стб.288-291.) Власти учитывали, что он много лет был войсковым атаманом и, давая ему такое жалованье, стремились сгладить неблагоприятное впечатление от ареста А.Старого, от других своих мер, предпринимавшихся в отношении Войска с целью заставить его прекратить военные действия против Турции и Крыма.

По 100 золотых червонных было выдано в 1671 г. после привоза С. и Ф.Разиных атаманам К.Яковлеву и М.Самаренину*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.107.)

Выплаты эти были весьма значительны, что заметно при сопоставлении их с некоторыми величинами зарплат и цен XVII в. Так, высококвалифицированные "каменных дел подмастерья", выполнявшие на строительстве обязанности и производителя работ, и архитектора, и каменщика, получали в год денежного жалованья от 6 до 25 рублей. Подвязчики - подсобные рабочие каменщиков - получали от 3 до 9 рублей в год. На соляных промыслах купца Панкратьева на Сухоне, Вычегде и Каме наемный мастер получал 55 рублей в год, рабочие (подварки, водоливы, дрововозы, солоносы) - от 15,5 до 25 рублей. На Соликамских промыслах зарплата была меньшей, большинство рабочих людей получало от 3 до 10 рублей в год*. (Очерки истории СССР. XVII в. С.84-85, 112.) Цена за коров обычных пород составляла около 2 рублей на рынке во внутренних уездах, за холмогорских коров - от 3 рублей 50 копеек до 15 рублей. Пара сапог стоила 1 рубль*. (РГАДА. Ф.111. 1665. №1. Л.2.) Сопоставляя, таким образом, выплаты станичникам на приезде и при отпуске из казны с некоторыми показателями зарплат и цен XVII в. в России, можно признать их довольно значительными, особенно если учитывать, что казаки получали, кроме того, сукна.

Во время своего пребывания в Москве станичники получали по-денный корм и питье из казны. На корм обычно давалось денег: атаману - 4 алтына 2 деньги, есаулу - 2 алтына 2 деньги, рядовым - по 2 алтына. На питье была обычной дневная норма: для атамана - вина 4-5 чарок, для есаула - 3-4 чарки, для казака - 2-3 чарки; соответственно меда и пива в кружках - атаману - по 3, есаулу -

по 2, рядовым казакам – по 1 кружке на день.

Нормы жалованья зимовых и легких станиц были весьма устойчивы и очень незначительно менялись в течение целого столетия.

Еще одним видом царского жалованья донским казакам являлась дача за выход из турецкого и крымского полона. В Русском государстве выкуп пленных практиковался очень давно и являлся обычным делом еще с киевских времен. Порядок выкупа пленных регулировался русским законодательством начиная с договоров Руси с греками 911 г. (ст.9) и 944 г. (ст.7.)*. (Памятники русского права. Вып.1. М., 1952. С.8, 33.) С середины XVI в. был учрежден специальный Полоняничный приказ, ведавший выкупом русских пленных, который существовал до 1679 г. Выкуп осуществлялся за счет специального налога – полоняничных денег, собиравшихся с разных категорий земель, причем ввиду его важности государство редко освобождало от него кого бы то ни было*. (Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. С.226-227; Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.-Л., 1950. С.350; Милюков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. С.23; Веселовский С.Б. Сошное письмо. Т.1. М., 1915. С.140-141.) По Соборному уложению 1649 г. выкуп упорядочивался за счет установления выкупной суммы в зависимости от социального положения пленного.

Что касается донских казаков, то они выкупу за счет государства не подлежали. Это не случайно. Характер взаимоотношений России с Турцией и Крымом исключал какие-либо проявления заинтересованности со стороны русского правительства в судьбе пленных казаков. Напротив, еще со второй трети XVI в. сложилась традиция, в соответствии с которой русские послы в ходе переговоров сперва с ногайской, а затем с турецкой и крымской стороной отказывались брать на себя ответственность за действия казаков, подчеркивая отсутствие какой-либо связи между этими действиями и политикой русского правительства, и уверяли ногаев, крымцев и турок, что "великий государь" за казаков "не стоит". Поэтому в одной из выписок по поводу выплаты донским казакам денег за "полонное терпение" и "за выход из полону", относившейся к 1650 г., специально разъяснялось, что "...в государеве...указе и в Соборном уложенье написано, которые украинских городов казаки взяты будут в полон, и тех казаков указано давать на окуп по двадцати по пяти рублей за человека. А о донских казаках в Соборном уложенье (ника)к не написано, ис поло(няничных)х денег"*. (РГАДА. Ф.89. 1650. N1. Л.179.)

Таким образом, по вопросу о выкупе из полона государство делало различия между казаками, состоявшими на службе в гарнизонах южных городов, за которых давали на выкупе по 25 рублей, и донскими казаками, за которых государство не давало ничего. Это и было зафиксировано в Соборном уложении, в 5 статье 8 главы которого говорилось о даче 25 рублей из казны за выкуп казаков, служивших в российских городах*. (Соборное уложение 1649 года. Тексты и комментарии. Л., 1987. С.28.) Последние же слова приведенной выше отписки, относившиеся к донским казакам – "ис поло(няничных)х денег" – касались не платы за их выкуп, а выплаты им именно "за полонное терпенье" и за "выход ис полону".

Обычные размеры такой выплаты донским казакам составляли "4 рубли да сукно доброе". Иногда правительство считало возможным обойтись лишь выдачей четырех рублей без сукна. Так, в 1646 г. донские казаки Ивашко Макаров, Ивашко Прокофьев и Филька Подставкин получили "за их полонское терпенье и за выход по 4 рубли человеку"* (РГАДА. Ф.89. 1650. N1. Л.179.) без упоминания о сукне. Объяснить, чем была вызвана такая выплата, не представляется возможным, поскольку в источниках никаких объяснений на этот счет нет. Такая дача является исключением, поскольку, помимо денег, вышедшие из полона казаки обязательно получали "сукно доброе".

Были случаи повышенной выплаты жалования за выход из плена. В 1650 г. вышел войсковой дьяк Михаил Петров, взятый азовцами в 1646 г. после боя на реке Кагальник. В Азове вскоре узнали, что он – не простой казак, а войсковой дьяк. Его начали "бить и пытать по подошвам и всяких...московских вестей и войсковой думы...спрашивать", но он "вестей за собою некоторых не сказывал". Его увезли в Кафу, где также расспрашивали "вести", но он ничего не сказал, после чего его посадили скованного на каторгу, затем опять били и мучали, требуя за него окупы 2000 золотых червонных, а также взятых казаками трех крымцев, четырех кафинцев, "да трех пансырей царевичевых". Полтора года он мучился в Крыму, затем попал в Анатолию в город Сивас, откуда в 1649 г. бежал и через Персию вышел на Терек. Учитывая его стойкость в плену и высокое положение в Войске, правительство дало ему 10 рублей и "сукно аглинское доброе"*.(Донские дела. Кн.4. Стб.502-504, 510.)

Выплачивая донским казакам жалование во время нахождения их в Москве, в том числе жалование за выход из плена, правительство строго придерживалось иерархического принципа, по которому больше всех получали атаманы, особенно если приезжали войсковые атаманы и заслуженные старшины, затем – есаулы, и менее всего – рядовые казаки. Принцип равенства всех казаков, на котором на Дону настаивали в 1592 г. при приеме царского жалования у посла Г.Нашокина – "что у них больших нет никого, все ровны"* (РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.96 об.) – властями не соблюдался. И сами станичники, у которых понятие о правовом равенстве всех казаков сочеталось с почитанием старших по службе, с уважением к боевым командирам, принимали такое неравенство как должное и не пытались взять его под сомнение. В Москве же всячески стремились сохранять и поддерживать иерархию среди донских казаков, укреплять положение атаманов и старшин, через которых правительство могло влиять на все казачество в целом, проводить свою политику на Дону.

Для некоторых атаманов и старшин правительство в XVI-XVII вв. использовало такую форму жалования, как поместные дачи. Ее существование определялось тем, что еще в XVI в., когда донское казачество начинало формироваться, в его среде было немало помещиков-атаманов. Они служили на Дону и жили там, но имели поместья во внутренних уездах страны, особенно в южных. Поместные дачи атаманам и казакам, которые "служат старо", узаконило первое ополчение в своем приговоре от 30 июня 1611 г.* (Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн.3. Приложения к т.12. Стб.142.) Тем самым они приравнивались к дворянам и детям боярским*.(Шепелев И.С. Национально-освободительная борьба в Русском государстве в 1611 г. С.118.) В §17 приговора специально не оговаривалось по поводу атаманов и казаков с Дона, но поскольку в ополчении служили не только казаки из гарнизонов разных городов, но и донцы, надо полагать, что поместья могли выдаваться и им.

После Смуты казачество в большей степени, чем до нее, закрепилось на Донской земле, поэтому в источниках содержится немного указаний на то, что атаманы и казаки покидали Дон и оказывались затем в качестве русских помещиков. Обобщенные сведения о поместных дачах с 1622 по 1646 гг. дает выписка из документов Разрядного приказа, сделанная в 1646 г. в связи с челобитной атаманов Осипа Лосева и Томилы Карякина о пожаловании их поместным жалованием. Из этой выписки видно, что в 1622 г. 15 атаманов получили поместные оклады размерами от 450 до 700 четвертей. При этом специально разъяснялось, что оклады были получены за их заслуги перед государством. Эти атаманы были под Москвой в казацких таборах в 1611-1612 гг. с князем Д.Т.Трубецким и в 1613-1616 гг. участвовали в борьбе с поляками*.(Донские дела. Кн.2. Стб.697-701, 704-706.)

В этой же выписке сообщается о получении в 1643 г. поместных

окладов двумя атаманами. Бывший войсковой атаман Тимофей Яковлев Лебяжья Шея получил 750 четвертей, а станичный атаман Нефед Медведев – 500. Атаман Т.Лебяжья Шея получил столь значительный оклад не только как бывший войсковой атаман и участник обороны Азова в 1641 г., но и как лицо, особо лояльное правительству. Свою лояльность он проявил в 1632 г., когда, находясь в Москве во главе легкой станицы вместе с атаманом Богданом Конинским, в ответ на настоятельные требования правительства согласился целовать крест на верность государю, что вызвало большое недовольство в Войске*. (Материалы для истории войска Донского. Сообщил Х.И.Попов. – СОВДСК. Вып.13. С.160, 164; Быкадоров И.Ф. История казачества. Кн.1. Прага, 1930. С.134–135.)

Учитывая заслуги атаманов О.Лосева и Т.Карякина как активных участников борьбы за Азов в 1637–1641 гг., их высокое положение на Дону, а также исходя из существовавшей практики жалования отдельных донских атаманов поместными окладами, правительство пожаловало им по 500 четвертей земли*. (Донские дела. Кн.2. Стб.507.)

Царское жалованье, которое получало донское казачество, было весьма разнообразным. Оно включало в себя деньги и продовольствие (хлебный запас), сукна и жалованье военного характера, в отдельных случаях и прежде всего для атаманов и старшин – соболей за особые заслуги и поместные дачи. С конца XVI в. выплата жалованья стала приобретать регулярный характер, причем окончательно такой порядок сложился при Михаиле Романове. Возможности правительства были, однако, не столь уж велики, чтобы удовлетворить все казачество. Часть донских казаков его вовсе не получала, а в те периоды, когда численность его заметно возрастала, без жалованья оставалась весьма заметная часть казаков. Такая ситуация сложилась к 1666 г., когда на Дону, особенно в верховых городках, появилось много новых казаков из числа беглых, которые считались на Дону голытьбой и царского жалованья не получали. Зная о том, что Россия вела в это время войну с Польшей, эти казаки во главе с атаманом Василием Усом явились в центральные уезды страны, под Тулу, чтобы наняться на царскую службу и обеспечить себя жалованьем*. (Чистякова Е.В. Крестьянское движение в Подмосковье и поход Василия Уса (1666 г.). С.129.) Однако война уже завершалась, казачий отряд правительству не был уже нужен, и казаков на службу не взяли. Это явилось одним из обстоятельств, ускоривших начало выступления казаков под предводительством С.Разина.

Недостаток жалованья заставлял казаков искать иные пути собственного обеспечения. Один из них был связан с организацией походов как боевых, морских и сухопутных, против азовцев, крымских татар, ногаев, турок, так и походов на Волгу и Каспийское море, считавшихся воровскими. Другой состоял в обзаведении хозяйством и в использовании природных богатств Донской земли.

3. Начало хозяйственной деятельности.

Активное заселение Донской земли выходцами из Руси, которые становились казаками, было связано с тем, что этот край в XVI–XVII вв. привлекал смелых, предприимчивых людей, по словам Н.М.Карамзина, "искавших дикой вольности и добычи в опустошенных улусах Орды Батыевой"*. (Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн.2. Т.8. С.87.) Однако не только возможностями вольной жизни и получения добычи привлекала Донская земля выходцев из Руси, но и благоприятными природными условиями для промыслово-хозяйственной деятельности, тем более, что на Руси было известно, как старожилое тюркское население использует эти возможности. Еще в 1395 г. спутники митрополита Пимена видели огромные стада по обеим сторонам Дона, принадлежавшие татарам. Еще чаще видели эти стада у татар мещерцы, сопровождавшие к Азову русские посольства со времени установ-

ления дипломатических связей между Россией и Турцией с конца XV в. Не только скотоводство, рыболовство и охота, но и земледелие имело место в низовьях Дона. О посевах пшеницы вблизи Азова писал И.Барбаро*.(Барбаро и Контарини о России. С.148-150.) И даже в XVII в., когда существовало войско Донское и серьезно угрожало Азову, азовцы занимались земледелием. Описание земледелия у азовцев дал в 1637 г., после взятия города казаками, русский посол С.Чириков. "А выше Азова вверх по реке по Дону степь пашут хлеб верст в пяти и во шестидесяти и больши, и хлеб под Азовом гораздо родитца. А хлеб сеют яровой, ячмень и пшеницу, проса. А против города за рекою за Доном сады", - писал посол и, кроме того, говорил о рыбных богатствах Азовского моря и реки Дон*, (РГАДА. Ф.89. 1637. №1. Л.359.) свидетельствуя тем самым о занятиях азовцев традиционной отраслью на Нижнем Дону - рыболовством.

Благоприятные природные условия края, трудовые навыки и традиции переселенцев из Руси, становившихся казаками, многовековые хозяйственные традиции тюркского населения со времен раннего средневековья являлись факторами, содействовавшими становлению хозяйства у донских казаков. В то же время постоянная военная опасность, существовавшая на Дону в XVI-XVII вв., серьезно сдерживала хозяйственное развитие. Не удивительно поэтому, что на Дону все те факторы, которые благоприятствовали развитию хозяйства, не могли проявиться в полной мере.

В результате степень хозяйственного развития Донской земли в тот период не соответствовала своему времени. По своему развитию хозяйство на Дону отставало от уровня, достигнутого экономикой России и Украины. Это было заметно прежде всего по отсутствию у казаков земледелия, а также по степени развития ремесла, которое было довольно примитивным, и по тому, что казачье хозяйство очень многим не могло обеспечить жителей Дона, и они нуждались в подвозе из русских городов и уездов в весьма значительной степени.

Некоторые отрасли хозяйства получили у казаков значительное развитие. Прежде всего, это - отрасли присваивающего хозяйства - охота и рыболовство. Помимо естественных условий и традиций жившего ранее населения этому способствовал сам образ жизни казаков как воинов, не расстававшихся с оружием, и сам характер расселения казаков по берегам Дона и других рек, где в пойменных местах водилась дичь, а в реках - рыба.

Значение донского рыболовства выходило за местные рамки. Это не удивительно, поскольку донская рыба благодаря своим качествам была широко известна еще в античном мире*.(Житников В.Г. Рыбный промысел в хозяйственной системе Елизаветинского городища на Дону. - Донские древности. Вып.1. Азов, 1992. С.72.) В средние века донская рыба шла в Византию и Италию*.(Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С.56; Копылов В.П., Смоляк А.Р. Торговые связи Византии с населением Нижнего Дона в конце VII - первой половине VIII в. - Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря... С.56.) Для русских торговых людей донская рыба также представляла первостепенный интерес. В 1668 г. казаки в Посольском приказе сообщали, что торговые люди вывозили с Дона рыбу в свежем, соленом и вяленом виде*.(Новосельский А.А. Из истории донской торговли... С.212.) Вывозилась с Дона, кроме того, черная икра. В 1664-1665 гг. в Белеве посадский человек из Болхова С.Петров продал белуг и икры на 20 рублей. В вывозе воронежских скупщиков рыба занимала важнейшее место*.(Важинский В.М. Развитие рыночных связей в южных русских уездах во второй половине XVII в. Канд. диссертация. М., 1963. С.181-182.)

Столь ценившаяся на Руси донская рыба для самих казаков представляла собой самый обычный продукт, который был на столе у них даже тогда, когда ничего другого не было. именно так было у некоторых казаков в Азове зимой 1640-1641 гг., перед приходом к

городу турецких войск. Со слов валуйчан станичного атамана Т.Бобырева и ездока Ф.Лазарева, побывавших в то время в Азове, "зимой... многие бедные люди ели кобылятину, а иные де кормятца рыбою"*.(Донские дела. Кн.2. Стб.193.) Рыба, таким образом, оставалась у казаков даже тогда, когда других продуктов у них не было*, (Так нередко бывало зимой - воронежец Т.Михнев сообщал 11 февраля 1638 г.: "А у них де (казаков - Н.М.) хлебных запасов на мале, кормятся больше рыбою". - Донские дела. Кн.1. Стб.662.) и была у тех казаков, которых на Дону считали бедными. Поэтому положение казаков становилось особенно трудным, если рыбный промысел по каким-либо причинам прекращался. Такими причинами иногда были суровые зимы, когда лед становился слишком толст*, (Зима 1640-1641 гг. - Донские дела. Кн.2. Стб.126.) или нападения противника. Так, 6 января 1641 г. приходили на донские городки крымские татары, "и наших...казаков...на усть Дону и на взморье на рыбной ловле побрали"*, (Там же. Стб.120.) - писали казаки в своей отписке от 24 марта того же года. Особенно трудное положение для донского рыболовства сложилось в первые годы после ухода войска Донского из Азова, когда турецкие власти повели решительное наступление на Дону, чтобы согнать оттуда казаков. Так, зимой 1645-1646 гг., как сообщало войско Донское в Москву, из-за постоянных приходов крымских татар, ногаев и горских черкесов из Черкасского городка не было "выходу...вон за рыбою". Поэтому казаки "голоду...натерпелись" и у них "люди...голодною смертью помирали"*.(Донские дела. Кн.2. Стб.1052-1053.) То же самое было зимой 1647-1648 гг., когда, по словам атамана Степана Молодого, казаки из-за непрерывной осады не могли даже "рыбы изловить"*.(Донские дела. Кн.3. Стб.797.) Следовательно, зимой, когда это было возможно, казаки вели подледный лов и имели свежую рыбу.

Часть весеннего улова вялилась и засаливалась впрок. В этой связи острой проблемой для донского казачества всегда была соль. Обычно соль доставлялась на Дон с нижеволжских соляных озер через Царицын. Меньшее значение имела доставка соли с Северского Донца, где располагались Бахмутские и Торские месторождения*. (Вейнберг Л.Б. Воронежский край: исторический очерк. Воронеж, 1885. С.101-103.) В Царицын приезжали казаки и закупали соль для своих нужд. Такой порядок создавал самые благоприятные возможности для воеводских злоупотреблений. Особенно отличался злоупотреблениями А.Львов, сидевший на воеводстве в городе в начале 50-х годов. Он "для своей бездельной корысти" не давал казакам покупать в городе соль и одновременно запрещал жителям города продавать соль казакам. "И такова, государь, воеводы глупова, плута и лихова в твоей государеве отчине на Царицыне николи през сего не бывало", - с возмущением писали о нем казаки в своей отписке в Москву от 23 августа 1653 г.*(Донские дела. Кн.4. Стб.662.) Учитывая важность для казаков закупки соли в Царицыне, правительство велело воеводе допустить свободную ее продажу*. (Донские дела. Кн.4. Стб.672.)

Свободно, без каких бы то ни было воеводских ограничений и запретов, происходила добыча соли на Северском Донце. О том, что добыча там проводилась, известно из материалов следствия 1627 г. о людях, ходивших из южных городов на Дон, когда гуляющий человек белгородец Я.Иванов "хотел ехать для соли на Тор"*, (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N24. Л.20.) и из письма запорожского атамана Семена Забузского в Валуйку воеводе П.Леонтьеву от 7 июня 1642 г.*(Донские дела. Кн.2. Стб.438.) Трудность для казаков состояла в вывозе соли, так как была серьезная опасность нападения со стороны крымских татар и воровских запорожских черкас. Тем не менее, бахмутская соль очень привлекала донских казаков, стремившихся завести там постоянное собственное солеварение и решительно отстаивавших права на эти места уже позже, в начале XVIII в., при

бахмутском атамане К.Булавине*. (Буганов В.И. Булавин. М., 1988. С.18-44; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. К.А.Булавин. М., 1988. С.22-23.) Частично обеспечивали солью донских казаков люди, приезжавшие из Руси, как, например, привозивший в 1626 г. соль на Дон белгородец Ф.Долгарев*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N24. Л.15.)

Мало что известно о рыболовных снастях, которые использовались донскими казаками. Собственное их производство было ограничено и не удовлетворяло потребностей казачьего рыболовства. Частично потребности в снастях удовлетворялись за счет того, что давали им азовцы в виде отступного за то, чтобы казаки не совершали на них походы*. (РГАДА. Ф.89. 1615. N14. Л.189.) Для всего войска Донского этого было мало и теми снастями пользовались лишь казаки из ближайших к Азову городков. Частично снасти подвозились приезжавшими на Дон торговыми людьми. Так, в своей отписке от 2 октября 1640 г. боярин и воевода Ф.Шереметев сообщал о тревоге казаков из-за того, что на Дон не подвозятся рыболовные снасти*. (Донские дела. Кн.2. Стб.63.) Самостоятельно изготавливались казаками рыболовные крючки и грузила, поскольку на Дону имелись свои кузнецы, и было распространено кузнечное дело*. (Витков З.А. Кагальницкий казачий городок. - Из истории Дона. Ростов-на-Дону, 1956. С.32.) Частично изготавливались сети и другие снасти из нитей, поскольку в отписке от 21 ноября 1639 г. Войско просило прислать нити для рыбных снастей*. (Донские дела. Кн.1. Стб.983-986.)

Немалое место в жизни казака занимала охота. И если рыболовством казаки могли заниматься лишь в домашней жизни, то охотиться они могли и в походе, и при выполнении каких-либо войсковых поручений, обеспечивая себя продовольствием. Так, в феврале 1642 г. казаки станицы атамана Абакума Сафонова, следуя в Москву, на пути от Азова до Валуйки "убили изубря"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.311.) Вообще возможности охоты на Донской земле были благоприятны, поскольку в то время там водились крупные звери*. (Богачев. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1918. С.205-206.)

Казаков, промышлявших охотой в свободное от выполнения служебных обязанностей время, на Дону называли гулебщиками и камышниками*. (Сухоруков В.Д. Рыцарская жизнь казаков. С.27.)

Выход казаков-гулебщиков на охоту начинался с лета, обычно после Петрова дня, когда в Главном войске завершался всеобщий сбор казаков. Часть из них уходила в морские и сухопутные походы, часть возвращалась в свои городки, где некоторые из этих казаков сбивались в отряды, иногда насчитывавшие, согласно данным В.Д.Сухорукова, по сто и более человек, и уходили за дичью на запольные реки и даже за пределы Донской земли, на реку Куму*. (Сухоруков В.Д. Рыцарская жизнь казаков. С.27.) Выход на охотничий промысел происходил регулярно. Задержка была в редких случаях. Так, 9 марта 1638 г. едисанский татарин Т.Исенгельдеев сообщал в Астрахани, что зимой в донские городки из Войска пришел приказ, запрещавший казакам отлучаться куда бы то ни было "до тех мест, покаместа крымский царь или царевичи с ногайскими татарами пойдут куда в поход"*. (РГАДА. Ф.127. 1638. N1. Л.63.) В Войске опасались крупного похода крымцев и ногаев на Азов или городки и стремились, чтобы казаки были в сборе и смогли бы отразить нападение.

Обычно гулебщики находились на промысле всю зиму и на весну возвращались в свои городки. Вместе с гулебщиками-казаками возвращались люди из русских городов и уездов, ходившие с казаками на охоту. Известно, что в 1658 г. "на звериных промыслах за Донцом, на ногайской стороне" был змиевский черкашенин Я.Почетовский*. (Слюсарський А.Г. Слобідська Україна. Харків, 1954. С.311.) И вообще в пределах Донской земли часто находились целые охотничьи ватаги, состоявшие из жителей южных городов и уездов. О та-

ких людях сообщал в 1627 г. из Валуйки окольник Л.Карпов, которые на Дон "ходили за зверем, а иные для рыбных ловель"*.(РГАДА. Ф.123. 1627. №3. Л.274-275.) Очевидно. они охотились тоже вместе с донскими казаками, поскольку их видели вместе с ними на пути с Дона к Валуйке и вместе они бились с крымскими татарами.

Не совсем ясно, чем отличались от гулебщиков казаки-охотники камышники. Вероятнее всего, отличие состояло в том, что если первые охотились в степи и в приречных лесах, то вторые не удалялись от рек и часто сидели в камышах. И если гулебщики добывали главным образом зверя, то добычу камышников составляли не только звери, но и в значительной мере птицы.

Как и гулебщики, камышники также значительную часть года были на охоте. В отличие от гулебщиков, они не обязательно выходили на охоту большими группами. Так, весной 1650 г. вож из Валуйки Н.Зарубин видел "на речке Деркуле камышников донских казаков двух человек, ездят по той речке в лотке для добычи"*.(Донские дела. Кн.4. Стб.497.)

На охоте казаки использовали не только оружие, но и капканы на лисиц и волков, которых добывали ради меха. В 1659 г. казаки Кондрашка Ходеряхин и Нефедка Золотарев ходили на реку Иловлю "за зверем с капканами"*.(Донские дела. Кн.5. Стб.539.) В значительной мере охота с капканами была распространена в третьей четверти XVII в., причем капканы использовали не только ушедшие далеко гулебщики и камышники, но и те казаки, которые оставались в своих городках. Они ставили капканы недалеко от городков, забирая попадавшую в них дичь. Вокруг каждого городка были установлены такие капканы. Такая охота давала немалую добычу. Во всяком случае, можно сказать, что калмыки хана Аюки, совершавшие в 1673-1674 гг. нападения на донские городки, взяли возле этих городков много капканов - 20 капканов в Нижних Каргалах, 5 - в Романовском, 7 - в Цымлянском, 6 - в Курмоярском, 3 - в Зимовейском, 100 - в Паншинском*.(РГАДА. Ф.111. 1674. №15. Л.4, 6.) В росписи о разорении городков калмыками 1673-1674 гг. даны сведения о капканах далеко не по всем городкам вероятно лишь потому, что такие сведения представляли в войсковую канцелярию только перечисленные в росписи поселения.

Казачья охота представляла собой серьезное мероприятие, которому в городках придавали значение не намного меньшее, чем военному походу. Прежде всего, при организации охоты должна была обеспечиваться безопасность от противника. Добиться этого не всегда удавалось. Иногда охотники, как и рыболовы, попадали в плен к азовцам или к иным врагам. В 1673-1674 гг. трагически завершилась охота для казаков Серебряновского городка на Хопре. Набег калмыков был внезапным, и 20 человек оказалось зарезано, а двое попали в плен. Добыча - 100 лисиц, а также снаряжение и оружие - 10 капканов, 22 сапога, 20 топоров, 22 лопаты, 2 путных котла - досталась калмыкам*.(РГАДА. Ф.111. 1674. №15. Л.9.) В городках осознавали, что охота требует внимания казачьих властей. Поэтому иногда с охотниками ходили даже атаманы. В случае какой-либо опасности Войско оповещало о ней своих охотников, даже если они находились неблизко. В декабре 1655 г. - январе 1656 г., после того, как в Черкасском городке были получены сведения о движении калмыков к Донцу, туда были срочно посланы войсковые посыльщики предупредить, "чтобы казаки куртовые и гулебщики от калмык оберегались и сами б с ними зазору никакова не чинили"*.(Донские дела. Кн.5. Стб.12.)

Если на охоту выходили крупные партии казаков, то тогда она совмещалась с разведкой или каким-либо боевым предприятием. В 1569 г. польский посол А.Тарановский, бывший очевидцем турецкого похода на Астрахань и нападения казаков под Азовом на отступавших турок, сообщал, что видел у впадения в Азовское море реки Миус

место, куда казаки ходят "стрелять зверя и разбивать татар"*.(Kronica Marcina Bielski ego. Warszawa. 1764. S.572.) Настоящим военным предприятием войска Донского была зимовка казаков в 1644 г. на Монастырском острове "для звериные стрельбы и рыбные ловли"*, (Донские дела. Кн.2. Стб.523.) откуда еще совсем недавно, в 1643 г., вернувшиеся в Азов турки выбили донских казаков.

Охота обеспечивала казаков мясом и мехом, из которого делали шубы и шапки. Кроме того, казаки продавали шкуры, и донские меха иногда продавались на московских рынках*.(Сакович С.И. Торговля мелочными товарами в Москве в конце XVII в. - И.З. Т.20. М., 1946. С.137.)

Из отраслей производящего хозяйства традиционной отраслью для донских казаков являлось скотоводство. Значительное внимание, которое казаки уделяли скотоводству, было связано с тем, что от его состояния зависела боевая мощь и благосостояние казачества. Судя по свидетельству разных источников, у казаков, как и у ранее живших на Донской земле народов, наибольшего развития достигло коневодство и разведение крупного рогатого скота.

По мнению видного исследователя истории донского казачества З.И.Щелкунова, скотоводство, прежде всего коневодство, получило свое значение, как отрасль хозяйства, лишь со второй половины XVII в.*(Щелкунов З.И. Об устройстве казачьих поселений и об юртовых при них довольствиях. - СОВДСК. Вып.7. Новочеркасск, 1907. С.54-55.) Едва ли это утверждение справедливо, поскольку и до второй половины XVII в. скотоводство на Дону имело широкое распространение. О том, что в конце XVI в. казаки имели множество лошадей и ценили их, свидетельствовал в 1593 г. посол Г.Волконский. Он сообщал, как в низовом Войске казаки "хотели в воду посадить" казака Гришку за то, что он приходил с Донца вместе с черкесами для конского отгона*.(РГАДА. Ф.89. 1593. N1. Л.167.)

Потрясения Смутного времени, уход многих казаков на Русь для участия в гражданской войне по-видимому не отразились на состоянии донского скотоводства, и оставшиеся в своих городках казаки держали много скота. Свидетельством этому является войсковая отписка от 26 июня 1614 г., в которой сообщалось об угоне у казаков в течение прошедших летних дней с тысячу лошадей и со сто коров*.(Там же. 1614. N1. Л.62.) В этой отписке речь шла об отгоне скота у казаков только из Главного войска, об отдаленных городках, лежавших выше по Дону и по запольным рекам, здесь не говорилось.

В дальнейшем, после Смутного времени, источники, как правило, свидетельствовали о значительном количестве скота у казаков. Гораздо реже попадаются сведения о нехватке скота. Так, В.Д.Сухоруков приводил ответ казаков на угрозу крымского хана явиться на Дон для разгрома их городков: "стад же и табунов у нас мало: напрасно ты забьешься в такую даль"*.(Сухоруков В.Д. Рыцарская жизнь донских казаков. С.18.) Отвечая хану, казаки преувеличивали свою бедность скотом, поскольку в своих отписках казаки нередко склонны были выставлять себя бедными и несчастными. Но вот - независимые от казачьих интересов свидетельства. В 1647 г. дворянин Ж.Кондырев, посланный на Дон с вольными охочими людьми и имевший поручение совместно с казаками действовать против Крыма, сообщал, что он "покупал на Дону лошадей дорогою ценою"*.(Донские дела. Кн.3. Стб.663.) Это примечательно, поскольку вообще-то на Дону лошади стоили дешевле, чем в русских городах и уездах, и если они показались дорогими человеку, прибывшему из России, то положение с лошадьми на Дону было и в самом деле непростое. Как бы подтверждая свидетельство Ж.Кондырева, воронежец сын боярский Т.Михнев рассказывал о том же в 1647 г. в Посольском приказе: "А лошадей де в Войске нет, только де с 50 лошадей"*.(Донские дела. Кн.3. Стб.421.) Возможно, что Т.Михнев допускал неточность и наз-

вал слишком уж незначительную цифру. Но, во всяком случае, если учитывать независимость друг от друга двух свидетельств, то, надо полагать, что лошадей в Войске было и в самом деле в 1647 г. немного.

Обеспеченность скотом, прежде всего лошадьми, зависела в первую очередь от удачного похода, в результате которого удавалось отгонять скот у противника, причем казаки практиковали не только прямой отгон, но и охотно брали выкуп лошадьми за пленных. Количество лошадей, которые шли на выкуп, зависело от знатности пленного. Так, если в 1628 г. воровские донские казаки атамана Ромашки Хохры хотели брать за взятого в плен простого татарина 20 лошадей, то за сына ногайского Шейдяк мурзы Сартлан мурзу - 500 лошадей*. (РГАДА. Ф.127. 1614. N1. Л.62.) Однако при нападениях противника казаки теряли свой скот. Очень существенны были потери 1647 и 1660 гг., причем в 1660 г., по словам станичного атамана Логина Семенова, "стада у них конские и животинные крымские люди все отогнали"*. (Донские дела. Кн.5. Стб.766.) В 1641 г. некоторый ущерб конскому поголовью Черкасского городка нанесли два донских татарина-перебежчика. Они убежали в Азов к пришедшим туда для участия в борьбе за город с казаками крымским татарам и увели с собой 45 лошадей*. (Донские дела. Кн.2. Стб.230.) Впрочем, стада и табуны были у казаков так велики, что с одного набега угнать всех животных было невозможно. Так, 20 апреля 1635 г., по сообщению войсковой отписки, крымцы и азовцы отогнали с Казачьего острова "лошадей с 500", а 24 апреля пришли ратные люди кафинского паши вместе с азовцами, чтобы не только "выбрать языков", но и "табуны лошадинные согнать с острова"*. (РГАДА. Ф.127. 1636. N2.)

В ходе ожесточенной борьбы, которую вели на Дону казаки с азовцами, крымскими татарами и другими противниками, допускалось все - убийство и увод в плен людей с последующей продажей их в рабство, грабеж имущества, угон скота. Но, по неписанному степному закону, существовал единственный запрет - на уничтожение заготовленного на зиму сена для скота. Об этом законе говорил в Посольском приказе есаул Василий Микитин. По его словам, такой обычай держался "потому, только де учнут" "крымцы де, и нагайцы, и азовцы" "сена жечь, и они де, приход под Азов, около Азова все разорят"*. (Донские дела. Кн.3. Стб.795.)

Следовательно, казаки-скотоводы занимались заготовлением сена на зиму. Поэтому они считали важным, чтобы около их городков располагались места, где имелись хорошие сенные покосы. Поэтому когда в 1647 г. стал вопрос о постройке города на Нижнем Дону, где располагался бы гарнизон с ратными людьми, тот же есаул В.Микитин советовал ставить город на Аксайском острове, так как там "консково...корму много"*. (Там же. Стб.793-794.) Учитывая, что у донских казаков было много скота, а зимний период в целом тянулся дольше, чем иные, сена требовалось немало, и заготовка сена занимала довольно долгое время. Иногда казакам приходилось даже нанимать во время сенокоса прибывших из Руси людей. Так, в 1627 г. гуляющий человек белгородец Петрушка Докукин жил на Дону с 10 недель и "наимывался у казаков сена косить". Он заработал 3 рубля и купил, приплатив рубль, гнедого коня четырех лет и ногайскую гнедую кобылу*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N24. Л.153-154.) Из орудий труда на сенокосе упоминались только косы, по-видимому, литовки, распространявшиеся в России с XVII в.* (Очерки русской культуры XVII в. Ч.1. С.39.) На сенокос казаки ездили, конечно, вооруженными. Поэтому в 1673 г., во время нападения на казачьи городки, калмыки захватили врасплох казаков Кагальницкого городка, находившихся на сенокосе, и "отбили" у них "на покосе ружье все, косы и седлы"*. (РГАДА. Ф.111. 1674. N15. Л.4.) Поскольку казаки заготавливали сено, скот в течение зимы сохранился у них в стойлах в пределах городков. Все остальное вре-

мя, с весны до осени, скот находился на подножном корму за пределами городков, по-видимому, в непосредственной близости от них, чтобы казаки могли отразить нападение противника и не допустить угона скота. Судя по росписи 1674 г. о разорении казачьих городков калмыками, к концу третьей четверти XVII в. у казаков были уже большие стада, насчитывавшие сотни голов. Наличие столь больших стад создавало большие неудобства содержания их в городках. Во второй половине XVII в. вблизи городков уже были скотные дворы-базы, существование которых вблизи Беляевского городка на Хопре засвидетельствовано под 1677 г.* (Там же. 1677. №12.) Создавались предпосылки возникновения на Дону хуторов, что и стало происходить несколько позже, с самого конца XVII - начала XVIII в.* (Пронштейн А.П. Земля Донская в XVII веке. С.58-59.)

Лошади и крупный рогатый скот составляли основную часть принадлежавшего казакам поголовья. Меньшее значение имел мелкий скот, прежде всего - овцы, но их было у казаков немало. Есть даже сведения о взятии казаками верблюдов. В 1634 г. казаки ходили на улусы Малых ногаев и захватили 6000 овец, более 5000 лошадей и 1000 верблюдов*. (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.238.) В 1647 г. казаки напали на кочевавших около Азова татар и взяли у них 30 лошадей, 500 коров и 300 овец. В том же году казаки отбили у ногаев на реке Ее 6000 голов крупного рогатого скота и 2000 овец*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1989, №5. С.136.)

При столь значительном развитии скотоводства на Дону и роли этой отрасли в жизни казаков мясо наряду с рыбой составляло основу их питания. Когда зимой 1640-1641 гг. в Азове было трудно с хлебными запасами, а рыба долгое время не ловилась из-за толстого льда, "многие бедные люди ели кобылятину"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.163.) Накануне прихода турецкого войска под Азов казаки готовились к обороне города, загнали туда лошадей и всю "животину", чтобы "их в осаде есть"*. (Там же. Стб.218.) На целый год заготовили рыбы и мяса в Азове казаки и в 1638 г., о чем сообщал в Москве станичный атаман Денис Парфеньев*, (Донские дела. Кн.1. Стб.779-782.) и в этом была одна из причин того, что Войско чувствовало себя уверено в городе.

При отсутствии земледелия вплоть до конца XVII в. рыболовство, охота и скотоводство составляли основу хозяйственной жизни донского казачества. На это указывала и словесная формула, нередко употреблявшаяся в войсковых отписках в Москву в XVII в. - "служим мы ни с поместий, ни с вотчин, с воды да с травы". В этих словах - утверждение того, что право на Донскую землю, которое правительство признавало за войском Донским за его службу, и проживание на этой земле позволяло казачеству заниматься рыболовством, охотой и скотоводством.

Некоторым дополнением казачьему хозяйству служило ремесло. Важнейшими особенностями донского ремесла в XVI-XVII вв. были его весьма низкий уровень по сравнению с ремеслом России и Украины, и то, что занимались им не столько местные жители - казаки, сколько пришлые из русских городов и уездов, временно проживавшие на Дону.

Прежде всего, эти люди изготавливали одежду и обувь. Обычно они жили на Дону определенное время, занимаясь своим ремеслом, и зарабатывали деньги у казаков. Следствие 1627 г. по поводу самовольного выхода на Лон людей из южных городов и уездов показало, что туда ходило немало людей "кормитца своим мастерством", главным образом сапожники и портные. Особенно много таких мастеров было из Курска и Белгорода. При этом одни из них, как, например, куряне В.Татаринов, Л.Петров, Т.Бородкин и Данилка Портной мастер отпускались "кормитца сапожным и портным мастерством" из Курска в Белгород, а уже оттуда они "ходили" на Дон "без отпуску собою кормитца ж своим ремеслом"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного

стола. N24. Л.8.) Так же без отпуска ходил на Дон в 1626 г. сапожник белгородец С.Чеботарь*. (Там же. Л.11.) Дон привлекал таких людей возможностью не только заработать деньги, но и с выгодой их потратить. Упомянувшийся уже Данилка Портной мастер жил на Дону "недель з десять", заработал за это время 5 рублей и купил там ногайского коня возрастом 10 лет за 3 рубля и ногайскую кобылу 8 лет за 2 рубля*. (Там же. Л.152.) То же самое было у сапожника Т.Бородкина, который привез на Дон две яловые кожи и подошвы и взял с собой 3 рубля. Заработав за 10 недель 3 рубля, он на 6 рублей с полтиной купил 2 кобылы возрастом 5 и 6 лет*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N24. Л.156-157.) Таким образом, портных и сапожников, приезжавших на Дон из русских городов, привлекала возможность не только заработать деньги, но и купить на Дону лошадей, чтобы затем продать их на Руси по более дорогой цене. Такие мастера бывали в каждом казачьем городке. Не случайно при раскопках Кагальницкого городка были найдены мужские наперстки*. (Витков З.А. Указ. соч. С.35.)

Можно лишь приблизительно сказать о том, что изготавливали на Дону для казаков портные и сапожники, поскольку казаки носили одежду и обувь не только ту, что изготавливалась в казачьих городках, но и ту, что привозилась из Руси, или ту, которую они брали у противника в качестве добычи. Несомненно, что пришлые мастера должны были учитывать вкусы заказчиков. О том, каковы были эти вкусы, говорил в 1705 г. в Посольском приказе атаман донской зимовой станицы Савва Кочет: "...платья де они носят по древнему своему обычаю, как кому из них которое понравитца: иные де любят платье и обувь по-черкески, и по-калмыцки, а иные обыкли ходить в русских стародревнего обычая в платье, и что де кому лутче похочетца, тот тако и творит. И в том де между ними распри и никакого посмеханья друг над другом нет". В словах атамана - указание на древность такого обычая. Следовательно, в подобных одеждах ходили на Дону задолго до начала XVIII в. Характерно, что далее С.Кочет говорил: "А немецкого де платья никто из них, казаков, у них на Дону не носит, и мастеров, то есть портных, которые б немецкое платье могли делать, в городках их казацких не живут"*. (РГАДА. Ф.111. 1705. N13а. Л.13-14.) Тем самым он от имени Войска как бы выражал признательность Петру I за то, что проводимые им перемены в русском быту не распространялись на Дон. Вместе с тем в словах об отсутствии портных, способных шить немецкое платье, подразумевалось то, что были портные вообще, но шили они одежду, которую носили казаки - старую русскую одежду и, возможно, ту, которую носили соседи казаков - татары, ногаи, горцы, калмыки и которую охотно носили казаки.

Одежда и обувь, которая изготавливалась на Дону, делалась из разнообразного материала. Кожу на обувь и подошвы сапожники иногда, как, например, Т.Бородкин, привозили с собой. Мех на шубы и шапки казаки добывали на охоте. В источниках нет сведений о том, как использовались соболя, которые давались некоторым зимовым и легким станицам за особые заслуги. Скорее всего, из них изготавливались шубы и шапки, которые надевались в особо торжественных случаях. Частично использовался материал, захватывавшийся казаками в виде военной добычи, прежде всего на море при ограблении турецких торговых судов или персидских купцов-тезиков на Каспийском море - бязь, киндяк, кумач, кожа, сафьян, как, например, это было в 1622 г. при нападении на суда под Азовом*. (РГАДА. Ф.89. 1622. N1. Л.114.) Большое значение имели сукна, которые правительство выплачивало в виде царского жалованья. Во всяком случае, на Дону болезненно воспринимали перебои в снабжении сукнами, как, например, с 1647 по 1653 гг., когда лишь в 1651 г. были посланы сукна, да и то всего 50 поставов*, (Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке. С.143-144.) и в челобитной

от 12 декабря 1653 г. напоминали правительству, что "тем мы, беспомошные холопы твои, твоим государевым жалованьем и сыти и одеваемся"*.(Донские дела. Кн.4. Стб.696-697.)

В литературе не раз обращалось внимание на то, что из "казаков, воинов и охотников-рыболовов...мы не встречаем ремесленников"*.(Сватиков С.Г. Указ. соч. С.28.) В целом это безусловно верное утверждение, поскольку в источниках за XVI-XVII вв. нет сведений о казаках, живших только за счет ремесла, кроме, может быть, казака стругового мастера Кирилла Петрова, посланного Войском для изготовления боевых судов в 1660 г. в Козлов*.(Донские дела. Кн.5. Стб.516.) Однако это не значит, что казаки вообще не знали ремесел, и все изделия изготавливались на Дону пришлыми людьми. Некоторые изделия производились самими казаками.

Так, при раскопках Кагальницкого казачьего городка было найдено множество разных деревообрабатывающих инструментов: плотничьих топоров, буравов, резцов по дереву, инструментов для изготовления деревянных ложек*.(Витков З.А. Указ. соч. С.35.) Множественность таких находок - свидетельство распространенности их не только среди узкого круга специалистов-мастеров или сосредоточения их в руках жившего в городке одного мастера, но среди большинства жителей-казаков.

Отраслью, в которой проявилось особое мастерство казаков, было судостроение, а точнее, строительство боевых судов - стругов. Это не случайно, поскольку в XVI-XVII вв. казаки были мореходами и прекрасно представляли себе, какие качества необходимо иметь боевому судну для ведения военных действий на море и для дальних морских переходов вплоть до побережья Анатолии.

Большие трудности были связаны с нехваткой строевого леса. Пойменный лес на Дону был мало пригоден. Хороший лес имелся в верховьях Северского Донца. Туда Войско посылало казаков "за лесом и за угольем на струговые поделки к подъему на...государеву службу", как это было, например, в 1646 г.*(Донские дела. Кн.3. Стб.146-147.) В 1655 г. казаки сообщали, что с верховьев Донца, со Святых Гор, лес к ним привозят и продают "дарагою ценою"*.(Донские дела. Кн.3. Стб.796.) Другой материал, необходимый для стругов, Войско нередко получало в виде царского жалованья. Так, в 1647 г. оно получило "на парусы 10 тысяч аршин холстов, да для судовые поделки 500 пуд смолы, 200 пуд конопати"*.(Донские дела. Кн.4. Стб.59.)

Один из производственных секретов казаков-судостроителей состоял в том, что они делали струги "в летнюю пору", тогда как на Руси они иногда делались "наскоро, в мерзлом и сыром лесу, в зимнюю пору". Поэтому сделанные казаками струги обладали прочностью, легкостью, хорошими ходовыми качествами. Работа по изготовлению одного струга происходила "недели по две и больше", что позволяло сделать его более тщательно. Казаков не удовлетворяло то, что в 1660 г. русские плотники в Козлове делали струг "наскоро...в два дни"*.(Донские дела. Кн.5. Стб.832-833.)

По своим размерам струги были неодинаковыми. Крупные струги вмещали "по 60 и по 70 человек и больше". Такие струги видели в 1647 г. воронежец Т.Михнев и дворянин П.Красников*.(Донские дела. Кн.3. Стб.420, 423.) Но в 1655 г. станичный атаман Кузьма Дмитриев назвал в Посольском приказе струги вместимостью 60-70 человек "средними", 50- "меньшими", а в "больших" было по 80 казаков*.(Донские дела. Кн.5. Стб.27.) Меньшими по размеру были струги у воровских казаков на Волге. Они вмещали "человек по двадцати и больше". Такие струги видел 8 августа 1627 г. на архиепископском учуге на Чурке под Астраханью учужный солильщик П.Титов*.(РГАДА. Ф.127. 1628. N1. Л.308.) Примерно такие же струги были у воровских казаков на Волге и в 1621 г., как об этом сообщалось в отписке астраханского воеводы князя С.Прозоровского от

30 июля*. (РГАДА. Ф.77. 1621. №6. Л.1-6.) Подобные струги были пригодны для действий на Волге, Ахтубе и на многочисленных волжских протоках. Если стругами владело Войско в целом или какие-то группы казаков, в том числе воровские казаки на Волге, то у отдельных казаков были собственные суда - более мелкие - каюки и более крупные - будары. Такие суда использовались для поездок в хозяйственных целях. Когда, например, после ухода турок из-под Азова в 1642 г. на море случилась буря, на берег выбросило 8 турецких кораблей с сухарями и мукой в "днище" от Азова. Казаки, уже два года не получавшие хлебного жалования, нуждались в этих запасах, но все большие суда у них были "розбиты в осаду". Тогда, по словам казака Петра Федорова, за запасом поехали те казаки, у кого "после осады остались будары", и привезли этот запас*. (Донские дела. Кн.2. Стб.377-378.) Каюки, более мелкие суда под парусом, казаки использовали в 1637 г. для вывоза своих убитых из-под Азова во время борьбы за город. Тогда же, стремясь подчеркнуть тщетность усилий Войска по взятию Азова, сопровождавший турецкого посла Ф.Кантакузина переводчик - охреян Осанка заявил: "Тепере де перед нами казаков ис под Азова возят каюками, а станут де возить и бударами"*. (Воинские повести Древней Руси. С.52.)

Изготовление боевых судов представляло собой общевойсковое мероприятие, причем каждая сотня казаков должна была сделать струг. Именно так Войско стремилось в 1646 г. организовать работу новоприбранных вольных охочих людей, чтобы те делали себе струги "для подъема на...государеву службу". Суда были сделаны, но вольные люди использовали "многие" из этих судов не для выхода на службу на море, а для ухода на Донец с целью воровства*. (Донские дела. Кн.3. Стб.147.) Руководил работами опытный судостроитель вроде К.Петрова.

Струги строились из липового или ветлового дерева. Из него выдалбливалась сердцевина. Затем оно распиливалось вдоль, в результате чего получались основания для двух судов. Затем к основанию прикреплялись доски, которые конопатились и смолились, а для крепости от кормы до носа обвязывались веревками из лыка. По бортам для большей устойчивости и для защиты от пуль привязывались тростниковые пуки. Нос и корма имели одинаковую форму. На носу было руль-весло*. (См.: Калинина Е. Грозный Дон (Булавинский бунт). М., 1931. С.14.) Кроме того, суда имели мачту и поперечную реину для паруса. Железный якорь весил обычно 5 пудов и подвешивался на канате толщиной в 3 вершка*. (См.: Загоровский В.П. Флот на Дону до Петра. - Подъем. 1957, №2. С.142.)

Донские мастера-судостроители были известны по всей стране. Не случайно в 1660 г. К.Петров и пять казаков-мастеров были направлены войском Донским в Козлов, где они сделали "на образец" для местных судостроителей 3 струга*. (Донские дела. Кн.5. Стб.832-833.)

Еще одной специальностью, хорошо известной донским казакам, было кузнечное дело. Это не случайно, так как им постоянно приходилось ковать коней для дальних походов, выполнять некоторые детали для стругов, например, для крепления весел и т.д. Кузница была найдена при раскопках Кагальницкого казачьего городка. Следы кузницы - большое зольное овальное пятно, овальная глиняная площадка и много металлических предметов (топор, рыболовные крючки, серп)*. (Витков З.А. Указ. соч. С.31-35.) Кузница имела и в зимовище воровских казаков на Кулалинском острове на каспийском море. Видевший это зимовище стрелецкий сотник Л.Медведев сообщал, что там стрельцы нашли "мешок железа обломков всяких, и подков лошадиных теицких, да мехи кузнечные". (РГАДА. Ф.127. 1638. №1. Л.56.) И если даже в небольшом отдаленном зимовье у воровских казаков была кузница, это служит указанием на распространенность кузнечного дела среди казачества. Некоторые казаки были известны

как кузнецы, например, Микифор Сидоров, ездивший в 1642 г. в Москву со станицей атамана Абакума Сафонова*. (Донские дела. Кн.2. Стб.259.)

Менее развито было по-видимому у казаков литейное дело, поскольку столь нужные им пушечные ядра они получали в качестве царского жалованья, а сами их не делали. Не отливались ими, тем более, и пушки, которые они также получали из казны, как, например, в 1659 г., когда правительство послало для Черкасского городка 6 пушек, а к ним 600 ядер*. (Донские дела. Кн.5. Стб.417-418.) Впрочем, в 1646 г. в составе царского жалованья на Дон было прислано 500 пудов железа*. (Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке. С.143.) Столь большое его количество было необходимо для изготовления ядер, чтобы вести войну с Крымом, как собиралось это делать русское правительство. Следовательно, посылая казакам железо, в Москве рассчитывали, что они сумеют сделать ядра для своей артиллерии. Не могли на Дону отливать колокола. Когда в начале 1641 г. Войску потребовался вестовой колокол для извещения о противнике, оно собиралось просить государя "к ним в Азов прислать колокольного мастера, чтоб им вылить вестовой колокол пудов во сто". Кроме того, они хотели, чтобы этот мастер вылил еще один стопудовый колокол для азовской церкви Иоанна Предтечи. Войско сообщало при этом о наличии в Азове большого количества меди*. (Донские дела. Кн.2. Стб.128.) Войсковую медь повезла в 1644 г. в Москву станица атамана Федота Федорова для изготовления колоколов, а лом золота и серебра - для окладов восьми икон в часовню в Черкасском городке, а также 6 рублей за работу*. (Щелкунов С.З. Донские атаманы первой половины XVII века. С.154-155.)

Лучше было развито слесарное дело. В Кагальницком городке была обнаружена слесарная струбцина для зажима обрабатываемой детали*. (Витков З.А. Указ. соч. С.35.) В описи рухляди, изъятой в 1630 г. при аресте в Москве атамана Наума Васильева и казаков его станицы, упоминались "казацьи замки". Они были невелики, так как замыкали "коробьи". У самого атамана были взяты "серьги золотые з жемчуги, низано по-казацки"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.330-332.) В Кагальницком городке были найдены вещи, которые могли принадлежать ювелиру - маленькие тигельки и формочки для литья украшений*. (Витков З.А. Указ. соч. С.35.) Таким образом, среди казаков, возможно, были мастера ювелирного дела.

Наконец, судя по тому, что на Дон в составе царского жалованья до 1649 г. включительно посылали селитру.* (Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке. С.141-144.) и то, что имеется прямое указание французского инженера Г.Боплана, служившего в 1630-1648 гг. в польской армии и хорошо знавшего Запорожскую Сечь, о том, что запорожцы делали из селитры "превосходный порох"*, (Боплан Г.Описание Украины. - Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып.2. Киев, 1896. С.301.) можно предположить, что то же самое делали и донские казаки.

Своеобразием отличалось строительное искусство донских казаков. Они не знали каменного строительства и даже на словах как бы сторонились камня. Когда Войско в 1641 г. призывало казаков из городков на защиту Азова, казаки Черкасского и Маньчского городков отвечали: "мы де за камень не хотим умереть, мы де умрем за свои щепки"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.177.) В 1638 г. некоторые казаки, выступая за то, чтобы не "держат" Азов и покинуть его, говорили: "и нам де камня те не надобе, стены де нас не накопят"*. (РГАДА. Ф.123. 1638. N1. Л.27.) Не удивительно, что укреплять и ремонтировать каменную азовскую крепость, когда они пребывали в ней с 1637 по 1641 гг., самим казакам было нелегко, на что они часто указывали в своих отписках. Так, в 1637 г. Войско потратило значительные средства на наем греческих мастеров-городо-

дельцев*. (Донские дела. Кн.1. Стб.640.) В 1639 г. Войско просило правительство также прислать денег для найма мастеров, напоминая, что "горододельцев, государь, каменщиков у нас в Азове нет, а казны, государь, у нас своей войсковой нет же, чем город поделывать"*. (Там же. Стб.981.) Наемные строители привлекались в 1650 г. для строительства деревянной Воскресенской церкви в Черкасском городке, причем за плотничью работу им было заплачено 230 рублей*. (РГАДА. Ф.111. 1671. N14. Л.37-40.) В 1655 г. Войско вновь просило правительство прислать деньги для найма плотников, чтобы отремонтировать размытые в весенний разлив городские стены, так как плотники были "дарагия"*. (Донские дела. Кн.5. Стб.25.) Инструмент для строительства и земляных работ также поставлялся из Руси. В 1648 г. Войску было послано 20 топоров, 30 заступов и 10 кирок, а в 1649 г. - 18 топоров, 18 заступов и 10 кирок*. (Донские дела. Кн.3. Стб.925; Донские дела. Кн.4. Стб.238.)

Все это не значит, конечно, что каменные и другие строительные работы велись без участия казаков. Разрушения крепости в Азове в 1637 г. были так велики, что наемные греческие мастера своими силами не смогли бы ее отремонтировать, и в ремонтных работах казаки принимали активное участие. Побывавший в Азове астраханский татарин А.Байтжешев сообщал, что именно казаки "азовскую городовую стену, которое место...в приступ розбили из снаряду...заделали донским камнем з глиною"*. (РГАДА. Ф.127. 1637. N1. Л.124.) Это подтверждали в Посольском приказе атаманы Михаил Татаринов 4 апреля и Денис Парфеньев 21 мая 1638 г.* (Донские дела. Кн.1. Стб.702, 780.) Были на Дону и плотники. В челобитной о помощи в постройке церкви в Черкасском городке, направленной в апреле 1650 г., казаки писали, что "плотников и работников, кому лес ронить и церковь срубить, на Дону добычь мочно"*. (Донские дела. Кн.4. Стб.465.)

Наличие у казаков строительных навыков не удивительно. Им часто приходилось заниматься строительными работами в своих городках, приводя их в порядок после нападения противника. Городки были, по выражению самих казаков, "некорыстны", они были "оплетены плетнями, а обвешены тернами"*. (Акты Лишина. Т.1. С.110.) Плетение лозы составляло традиционный промысел на Дону, а плетень с колючим терновником, которого было много, представлял собой довольно серьезное препятствие. В городках находились жилища казаков - курени (избы) и землянки. Слово "курень" существовало на Дону в течение веков и сохранилось вплоть до наших дней. Внешний вид такого жилища существенно менялся в течение веков. В конце XVII - начале XVIII вв. куренем могли называть даже каменный дом, в котором жил до мая 1708 г. войсковой атаман Лукьян Максимов, а после занятия Черкасского городка булавинцами и до 7 июля того же года - Кондратий Булавин. Но до конца XVII в. нигде на Дону, в том числе в Черкасском городке, каменных домов не было. Курень XVII в. представлял собой плетеную избушку, обмазанную глиной*. (Щелкунов З.И. Об устройстве казачьих поселений... С.58.) Отопление в таких жилищах осуществлялось по-черному, печных труб не имелось, как это и было принято в русских жилищах XVII в.* (Очерки русской культуры XVI века. Ч.1. С.189.)

Не являясь, таким образом, мастерами каменного строительства, казаки могли хорошо строить простые жилища из имевшегося под рукой материала и укреплять городки с использованием особенностей местности и с учетом природных условий края.

Живя за счет боевой добычи и царского жалованья, занимаясь промыслами и скотоводством, зная некоторые ремесла и нанимая пришлых из южных городов и уездов мастеров, казаки не могли обеспечить себя всем необходимым. Нужда их в разных товарах, которых не было на Дону, создавала важнейшую предпосылку развития в XVI-XVII вв. донской торговли. В то же время своеобразные условия

Донской земли предопределяли появление там таких товаров, в которых нуждались на Руси, что также создавало стимул для этой торговли.

Наибольшее значение имела для казаков торговля с южными русскими городами и уездами, которая получила в XVII в. весьма значительное развитие и которая втягивала отдаленную окраину России, Донскую землю, в систему формировавшегося тогда всероссийского рынка*. (Новосельский А.А. Из истории донской торговли в XVII в. С.198.) Такая торговля начинала осуществляться еще с XVI в. По-видимому, в налаживании торговых контактов с ближайшими к Дону южными городами и уездами наиболее активную роль играли первоначально сами казаки, ездившие для свидания с родственниками. К 70-м годам XVI в., когда происходило увеличение численности казачества на Дону, такие поездки осуществлялись уже настолько часто, что правительство Ивана Грозного в 1575 г. даже начало требовать от воевод южных городов не пропускать прибывших в эти города казаков в Москву*. (РГАДА. Ф.170. N51. Л.1.) Более трудные времена для донской торговли наступили в царствование Бориса Годунова, когда казакам было запрещено ездить в Москву и в другие русские города для свиданий с родственниками и для торговли*. (ПСРЛ. Т.14. Ч.1. С.61; Донские дела. Кн.1. Стб.248, 249.) Было, кроме того, запрещено возить на Дон и продавать казакам оружие и боеприпасы: "зелье, и серу, и селитру, и свинец, и вино и другие всякие запасы заповедные товары". За тайную продажу донским атаманам "заповедных" товаров велено было даже в феврале 1604 г. "бить кнутом" знатного рязанского дворянина З.Ляпунова "з товарищи"*. (Разрядные книги 1556-1605 гг. Т.2. М., 1974. С.349-350.) И после Бориса Годунова, вплоть до начала царствования Михаила Романова, запреты остались в силе. Не случайно в 1626 г. торговые люди указывали, что они стали ходить на Дон после "московского разоренья", а до того на подобные выходы в украинских городах была наложена "крепкая заповедь"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N31. Л.65-66; столбцы Владимирского стола. N52. Л.264.)

Учитывая заслуги донских казаков в борьбе с поляками и в избрании на престол Михаила Романова, стремясь укрепить свои отношения с ними и идя навстречу пожеланиям казаков, новое русское правительство в грамоте "за красной печатью" представило им право беспошлинной торговли в русских городах, причем воеводам этих городов было запрещено в чем-либо ущемлять казаков*. (Материалы по истории войска Донского. Грамоты. С.23-24.)

Эта грамота содействовала развращению донской торговли в XVII в. На деле, однако, состояние ее во многом зависело от местной администрации. Иногда воеводы, пользуясь отдаленностью своих городов от Москвы и зависимостью от них местных жителей, пытались использовать эту торговлю "для своей бездельной корысти", стесняя свободу торговли для приезжавших в их города казаков и для жителей их городов, желавших ехать для торговли на Дон. В своих отписках и челобитных Войско не раз жаловалось на произвол администрации южных городов, на поборы на таможенной заставе в Коротояке*. (Напр.: Донские дела. Кн.1. Стб.233, 234, 772; Донские дела. Кн.2. Стб.64; Донские дела. Кн.4. Стб.13, 661-662.) Правительство обычно шло навстречу Войску и указывало воеводам не чинить препятствий для торговых связей между казаками и населением южных городов*. (Напр.: Донские дела. Кн.4. Стб.630-631, 674-675.) Тем не менее, возможность совершения злоупотреблений в отношении донской торговли сохранялась. Она заключалась в самих порядках, существовавших в южных городах, когда для торговой поездки на Дон требовалось воеводское разрешение - "отпуск", уплата таможенных пошлин на Коротояке или в Острогоске и осмотр судов на "заставах" для задержания беглых и конфискации "заповедных товаров"*. (Новосельский А.А. Из истории донской торговли в XVII в.

С.199.) Кроме того, сказывался неровный характер политики правительства на Дону, когда в Москве то разрешали эту торговлю в полном объеме, то ограничивали ее, как в 1626-1627 гг., когда в южных городах шло следствие по поводу самовольных уходов жителей этих городов и уездов для торговли на Дону, то полностью запрещали ее, как это было в 1630-1631 гг., после убийства казаками воеводы И.Карамышева*, (Очерки истории СССР. XVII в. С.264.) и в 1670 г., когда развернулось восстание С.Разина*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.163.) В 1640 г., когда Войско сидело в Азове и ожидало нашествия турок и когда правительство осознало выгоду для себя от пребывания казаков в этом городе, оно стало усиленно поддерживать и более высоким, чем обычно, жалованьем, и тем, что в тот год направило грамоту, где специально подтвердило разрешение свободного, "безо всякие зацепки", пропуска торговых людей из южных городов*. (Акты Лишина. Т.1. С.29.) Разрешило правительство торговлю с Доном и с мая 1671 г., после того, как ему стало известно о пленении старшинами С.Разина и об отправке его вместе с братом в Москву*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.64, 92.) Таким образом, правительство в полной мере использовало потребность донских казаков в торговле с южными городами и уездами России в своих интересах и, то разрешая ведение этой торговли, то ограничивая или даже закрывая ее, оказывало влияние на войско Донское. Предоставление права на ведение торговли так же, как и царское жалованье, являлось инструментом правительственной политики на Дону, что не могло не сдерживать развития донской торговли.

Сдерживало развитие торговли между Русью и Доном также наличие военной опасности. Проплывая по Дону и Северскому Донцу, выезжавшие для торговли люди рисковали подвергнуться нападению азовцев, крымцев, ногаев, горских черкас и воровских запорожских черкас, а в некоторых случаях - воровских донских казаков. Поэтому такие люди выезжали вооруженными, причем нередко в сопровождении казаков. Так, в конце сентября 1627 г. 47 человек из разных южных городов шли с Дона к Валуйке в сопровождении девяти донских казаков во главе с атаманом Андреем Степановым и у реки Уразовой встретились с крымскими татарами под началом князя М.Сулешева, явившимися на место посольского размена. На Дону эти люди продали привезенный ими хлебный запас и купили лошадей. Среди лошадей татары признали своих, которых отогнали у них донские казаки. Владельцы лошадей готовы были биться с татарами, но находившиеся на посольском размене русские послы Л.Карпов и И.Михайлов, не желая, очевидно, иметь столкновение с крымцами, велели отдать крымских лошадей. В результате татарам досталась почти половина лошадей из тех, которые вели с Дона эти люди*. (РГАДА. Ф.123. 1627. №3. Л.274-279, 284-285.) Больше повезло тем тридцати семи торговым людям, которые в 1659 г. пошли с Дона на Русь вместе с легкой станицей атамана Кирилла Петрова. На Донце южнее Святых Гор они увидели большую татарскую рать и засели в лесу, где отбивались три дня. В конце концов татары "человек с полтора ста" ушли и им "ничего не учинили"*. (Донские дела. Кн.5. Стб.509-510.) Возможно, что если бы не казаки, дело бы кончилось худо. Иногда активные действия противника резко сокращали, а то и вовсе прекращали поездки из Руси на Дон для торговли. Так было во время пребывания Войска в Азове с 1639 по 1641 гг. В 1639 г. на Дону ощущалась дороговизна из-за небольшого привоза важнейших товаров - пшеничной и гречневой муки, пшена и вина*. (Донские дела. Кн.1. Стб.961.) В войсковой отписке от 10 сентября 1640 г. говорилось, что "с Руси торговые люди з запасы к нам не бывали"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.49.) В 1641 г., до прихода турок под Азов, какие-то люди из Руси прошли в город для продажи хлебного запаса и иного товара, как, например, козловцы братья Агапка и Першик Пашигорева, причем

П.Пашигорев вез с собою "борошнишко". Эти люди вместе с казаками защищали город*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N144. Л.69, 209.) Но таких людей было немного, хлебный запас в Азове во время начала осады был невелик и казаки осознавали, что должен был наступить момент, когда в осажденном городе "не станет запасов"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.218.)

Тяжелые времена для донской торговли наступили после оставления Войском Азова в 1642 г. С одной стороны, активные действия турок на Нижнем Дону, их стремление "сбить" оттуда казаков делали поездки в нижние городки очень рискованным предприятием. Не меньшую опасность представляли отряды воровских запорожских черкас. Иногда они, как, например, в 1628 г., когда их отряды "стоят по обе стороны Дону"*, (РГАДА. Ф.89. 1628. N2. Л.118.) серьезно затрудняли сношения казаков с Русью. Выходы их на Дон с целью грабежа, в том числе и грабежа торговых судов, заметно участились в 40-х годах. Вызывалось это ужесточением польской власти над Запорожской Сечью и всей Украиной после поражения восстаний 30-х годов, сокращением казацкого реестра на Украине до 6000 человек, угрозой закрепощения "выписчиков" из реестра, что толкнуло эту часть украинского казачества к грабежам и разбою, в том числе и на Дону. Река Дон с движением по ней торговых судов представляла для воровских черкас в некотором отношении такой же интерес, как Волга для донских воровских казаков. Действия на Дону воровских черкас вызывали озабоченность как донских войсковых властей, так и воронежской администрации. В челобитной от 8 февраля 1645 г. о присылке жалованья Войско сообщало, что "с украинских...городов торговые люди ни с какими товары, ни з хлебными запасы, бояся от воровских литовских людей проезде к нам...на Дон не ходят"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.619-620.) В 1646 г. воронежский воевода А.Бутурлин даже предлагал поставить город с ратными людьми "на Боучаре...или на Казанском перелазе", поскольку без этого "и впредь торговым людям ходу на Дон от черкас не будет"*. (Донские дела. Кн.3. Стб.210.) Впрочем, с началом освободительной войны под предводительством Б.Хмельницкого в 1648 г. выходы воровских черкас на Дон прекратились, поскольку эти люди были вовлечены в развертывавшиеся на Украине события, и предложение воронежского воеводы потеряло свою актуальность.

Впрочем, на Дону опасности могли подстергать торговцев с неожиданной стороны. Так случилось в 1621 г. с торговыми греками, ехавшими в судах от Воронежа вниз по Дону. В Воронеже им были даны проводники, которые их "побили и животы их поимали". Затем тех проводников "догонили" какие-то донские казаки, "и рухлядь у них поимали, а их отпустили". Но вскоре "тех казаков на Дону сыскали", двоих из них казнили, "а иных кнутом били, и животы их взяли на Войско"*. (РГАДА. Ф.89. 1621. N3.) Известен стал в Войске случай отрабления в 1635 г. шацкого торгового человека Фомы Космынина возле Хоперского городка и его убийства*. (РГАДА. Ф.127. 1635. N5. Л.235-236.) Иногда многочисленные и сплоченные группы казаков, вышедших из повиновения у Войска, перерезали донской торговый путь, располагая свой стан в верховых городках или вблизи них. В 1659 г. группа воровских казаков "больше ста человек", поставив между Иловлинским и Паншинским городками городок Ригу, "все лето...и до зимы торговых людей с Руси Доном ни одной будары не пропустили". Войско разгромило городок в январе 1660 г. и повесило 10 воровских старшин*. (Донские дела. Кн.5. Стб.538, 657-659.) В 1659 г., возвратившись из Каспийского похода, С.Разин обосновался в Кагальницком городке, что позволяло ему взять в свои руки торговый путь по Дону и Северскому Донцу*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.131.) Закрывая донскую торговлю по указу от 28 мая 1670 г., правительство не только стремилось наказать Войско за попустительство С.Разину, но

и не дать разинцам товары, в которых всегда нуждались казаки, и которые они могли иметь от торговли.

При таких больших опасностях, встававших на пути донской торговли, она могла существовать только при условии, когда в ней очень нуждались, и когда она могла давать значительную выгоду торгующим. О значении торговли для себя казаки писали в своей отписке от 2 августа 1655 г., что если "торговые люди и всякие промышленники...всяких запасов не привезут к нам...на Дон, и нам...живучи...на реке на Дону, купить будет негде и кормитца нечим"*. (Донские дела. Кн.5. Стб.24.) Для людей, приходивших торговать на Дон с Руси, выгода заключалась как в возможности вывоза с Дона специфических товаров, которые казаки получали в виде военной добычи (восточные ткани, ясырь), так и в гораздо более низких, чем на Руси, ценах на некоторые товары на Дону.

Особую специфику донской торговле придавала работорговля. Донские казаки, отличавшиеся свободолюбием и справедливо считавшиеся борцами за свободу русского народа, не считали, в соответствии с многовековыми традициями края, работорговлю предосудительным делом и, видя выгоду от нее, активно занимались ей. "Дон в XVII в. был главным рынком, откуда на Русь поступал полон"*, (Новосельский А.А. Из истории донской торговли в XVII в. С.214.) - отмечал А.А.Новосельский. Работорговцами выступали все казаки - и атаманы, и рядовые, и те, кто ходил в воровские походы на Волку, а покупателями - торговые и служилые люди из Руси и даже воеводы и послы. Воевода князь И.Барятинский, посланный на Дон осенью 1631 г. для встречи возвращавшихся из Турции послов А.Совина и М.Алфимова, рассказывал, как оба посла, а также сопровождавшие их толмачи, подьячие и кречетники покупали у казаков в нижних городках "татарский полон старой"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N54. Л.239.) Для казаков работорговля была одним из важнейших источников денежных поступлений. Так, тот же воевода И.Барятинский по пути на Русь купил в городке Кургалах "малово лет в 12", уплатив 12 рублей, 3 ведра вина и 4 четверти запаса*. (Там же. Л.240-241.) Брат посла М.Алфимова К.Алфимов купил где-то за Маньчским городком "малова...лет в 17 да девку...лет в 12" за 40 рублей*. (Там же. Л.244.) Переводчик А.Алишев купил в городке Кумшаке "девку...лет в 14" за 30 рублей, а толмач Т.Барыбин в городке Маньч - "девку...лет в 16" за 18 рублей. Подьячий Б.Литвинов где-то за Маньчем купил у казака Алешки Лома "малово...лет в 10" за 40 рублей. Кречетник Ф.Рыкунов купил в нижних городках "малово" и "девку турку" за 50 рублей*. (Там же. Л.245-247.) В 1650 г. воронежец Т.Михнев сообщал в Посольском приказе, что "торговые люди из Астарахани и из Царицына и из иных многих городов...ясырь у казаков покупали рублев по 20, и по 30, и по 40 человека"*. (РГАДА. Ф.89. 1650. N1. Л.158.) Атаманы и казаки, однако, не довольствовались работорговлей в своих городках, но ездили с ясырем на Русь и продавали его там. На Руси круг покупателей оказывался шире, и в их числе оказывались даже крепостные крестьяне. Так, в Воронеже в 1625-1626 гг. крестьяне калужских вотчин боярина И.Н.Романова Федька и Филька Михайловы купили у донских казаков "малово татарченка нагайсково полону"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N54. Л.276.) По-видимому, договорился о продаже двух своих ясырей, "малово" и "жонки", атаман Павел Федоров (Чесночихин) в 1653 г. Этих ясырей, а также 4 фунта серебра, "взял" у него ливенский пушкарь Т.Клушин, но не отдал полагавшихся за это денег - 100 рублей. Поэтому атаман бил на него челом*. (Донские дела. Кн.4. Стб.602.)

Донская торговля давала так много рабов-ясырей на Русь, что некоторые южные города были переполнены ими. Высказывалось даже опасение, что при возможном нападении крымцев на Воронеж это может представлять угрозу для гарнизона. Поэтому правительство пы-

талось ограничивать число рабов-ясырей в южных городах*. (Новосельский А.А. Из истории донской торговли в XVII в. С.207.) Однако к работоторговле донских казаков в Москве относились вполне терпимо и признавали ее, допуская ее внутри страны. Запрещалась только лишь продажа рабов иностранцам с вывозом за границу. Так, когда казак Ивашка Еремин продал в 1647 г. своего "малово" кизылбашскому гонцу, в Посольском приказе напомнили, что "по государеву указу посольским людям и никаким иноземцом никакова ясырю продавать не велено"*. (Донские дела. Кн.3. Стб.291.) Никаких других ограничений работоторговли донских казаков правительство не вводило.

Очень распространена была на Дону торговля лошадьми. Их покупали многие из тех, кто приезжал на Дон для торговли и по другим делам, поскольку на Дону лошади были примерно вдвое дешевле, чем в русских городах и уездах*. (Новосельский А.А. Из истории донской торговли в XVII в. С.214.) Так, обыкновенная рабочая лошадь стоила на Руси 2-3 рубля. Гораздо выше ценились боевые кони. За башкирского коня давали 6-10 рублей, за татарского - 20, за турецкого коня-аргамака - 100 рублей*. (Очерки русской культуры XVII века. Ч.1. М., 1979. С.54.) Иначе было на Дону. В 1638 г. крестьяне князя А.Воротынского М.Палкин и У.Орехов рассказывали в Воронеже, что в донском городке Курманов Яр они "испродали" свои "запасы небольшие" и "искупили лошадей"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. N98. Л.324.) Более конкретные сведения содержали материалы расследований о самовольных выходах на Дон 1627 г. Житель Курска Ф.Домарев возил в 1627 г. на Дон запаса "четверть с полуосминою" и на него "выменил лошади". Другие куряне, М.Иванов и С.Балашов, купили на Дону по лошади, причем первый отдал 3 чети муки, а второй - 2. Белгородец С.Парнов за те же 3 чети муки купил 2 лошади*. (Там же. Столбцы Приказного стола. N31. Л.15, 16.) Еще дешевле досталась лошадь ряшенину Г.Микифорову, который купил ее, продав 3 четверика запаса. Еще один ряшенин, полковой казак З.Булгаков, продал 2 чети запаса и купил 5 лошадей. Сын боярский ряшенин К.Гостев продал 3 чети запаса и купил 3 лошади*. (Там же. Л.41-42.) Такое соотношение между продаваемым хлебным запасом и покупаемыми лошадьми свидетельствовало о дешевизне лошадей на Дону и дороговизне хлеба. Что касается денежного выражения, то представление о нем дает свидетельство о покупке в 1673 г. четырех лошадей для инженера полковника Шневенца, которые стоили 10 рублей, 9 рублей, 8 рублей 25 копеек и 8 рублей*. (РГАДА. Ф.111. 1673. N12. Л.9.) Конечно, для полковника приобретались лучшие строевые лошади. В 1641 г. кони на Дону стоили 6-11 рублей*. (Донские дела. Кн.2. Стб.168, 169.) Важным свидетельством выгоды покупки лошадей на Дону была активная торговля лошадьми, которую вели лошадиные барышники-валуйчане*. (Важинский В.М. Развитие рыночных связей в южных русских уездах во второй половине XVII века. Канд. диссертация. С.174.)

Вывозилась с Дона, кроме того, продукция казачьих промыслов - рыболовного и охотничьего. В 1668 г. казаки говорили в Посольском приказе, что торговые люди везут от них на Русь "рыбу свежую, соленую и вяленую, кожи лосиные, зубровые, козлиные, бобры, выдры"*. (Новосельский А.А. Из истории донской торговли в XVII в. С.207.) Рыба с Дона со второй половины XVII в., после вхождения в состав России Левобережной Украины, стала доставляться и на украинские ярмарки*. (Слюсарський А.Г. Указ. соч. С.190.) Нередко торговые люди приезжали на Дон и для закупки всякой награбленной рухляди. Появлялись они весной, перед выходом казаков на море, причем некоторые из них шли в поход с казаками. Так было в 1622 г., когда 20 июля с Черного моря в Монастырский городок вернулся атаман Исай Мартемьянов с казаками. Его уже ждали "из городов из Белгорода, из Курска и из иных украинских городов всякие приезжие люди... с товарами", желавшие продать их и купить добычу. Однако

торги не состоялись, так как уже на другой день, 21 июля, И.Мартемьянов с казаками вновь вышел в поход "на морское устье" под Азов, куда подходил турецкий караван торговых судов. Казаки "взяли корабль да две комяги" и 26 июля вернулись в Монастырский, привезя с собой "три пушечки да погромной рухляди: сафьянов, дорогов, киндяков, бязей, луков немало"*. (РГАДА. Ф.89. 1622. N1. Л.89-97.) Там они стали сбывать это добро приезжим торговым людям.

Не меньший интерес представляла для торговых людей из Руси скупка рухляди у воровских казаков, ходивших на Волгу. Выходило, таким образом, что бич волжской торговли, казачьи грабежи, создавали определенный стимул для донской торговли, как и, в свою очередь, скупка награбленной рухляди создавала для казаков заинтересованность в воровском промысле. К середине 20-х годов выходы на Волгу и торговля с волжскими ворами приняли столь существенные размеры, что это вызвало серьезное беспокойство войсковых властей. На войсковом круге в 1627 г. не только под страхом смертной казни запретили походы на Волгу, но и "били и грабили" тех торговых людей, которые имели дела с воровскими казаками, покупая у них ясырь и награбленную рухлядь*. (РГАДА. Ф.127. 1627. N1. Л.237.) Эти меры, однако, не дали результата, и связи торговых людей с воровскими казаками продолжались. В 1634 г. послы Прончищев и Бормосов, ездившие в Крым, отмечали, что донские и яицкие казаки после походов на Каспийское море приходили на Дон и продавали "всякие кизылбашские товары дешевою ценою"*. (РГАДА. Ф.123. 1634. N16.) Продавали свою награбленную рухлядь в 1659 г. казаки воровского городка Риги. Для скупки ее к ним ездил казак Сиротинского городка Пашка Григорьев*. (Донские дела. Кн.5. Стб.540.) Сведений о поездках в этот городок людей, приезжавших из Руси, в источниках нет. Вероятно, ввиду кратковременности существования этого городка и по причине его незаконности эти люди не ездили туда, но приобретали рухлядь, награбленную казаками этого городка, через вторые руки в других городках, через таких казаков, как П.Григорьев.

Делая покупки у казаков, жители русских городов и уездов сами продавали на Дону товары, в которых нуждалось казачество. Прежде всего, это был "запас" - мука ржаная, пшеничная, гречневая, овсяная и ячневая, и крупы - пшено и гречневая*. (Новосельский А.А. Из истории донской торговли в XVII в. С.209.) Зная, каким спросом пользуется этот запас, его старались везти все, кто выезжал на Дон, хотя бы понемногу, по 2-3 четверти. Большая часть торгующих стремилась в Войско, хотя продать запас можно было в любом из городков. В снабжении хлебом торговля имела для казаков более важное значение, чем царское жалованье. Так, например, в 1640-1641 гг. хлебное жалованье Войску вообще не посылалось. Но благодаря подходу в Азов в апреле 1641 г. ста пятидесяти будар с хлебом, а затем - еще десяти будар с мукой* (Донские дела. Кн.2. Стб.143, 163.) Войско во время Азовского сидения имело хлеб. Напротив, в 1660 г., по словам станичного атамана Логина Семенова, в Войске с хлебом было "скудно", хотя хлебное жалованье было прислано. Причина скудости, по словам атамана, в том, что "с украины запасы к ним стругами не бывали"*, (Донские дела. Кн.5. Стб.767.) т.е. хлебный запас не привозился для продажи. В таких случаях, как не раз отмечали казаки, на Дону наступала дороговизна.

Помимо хлебного запаса, очень важным товаром для казаков было оружие и боеприпасы. Этот товар правительство часто объявляло заповедным, когда оно опасалось казаков или стремилось ограничить их боевую активность на море. Так было при Борисе Годунове, а затем в 20-х годах, когда в Москве всячески стремились поддерживать мир с Крымом и с Турцией. Заповедь, однако, постоянно нарушалась. О завозе торговыми людьми из Воронежа, Ельца, Ливен, Лебедяни и

Донкова на Дон пороха (зелья) и свинца сообщал в 1623 г. воронежский воевода*. (АМГ. Т.1. С.184.) Особенно нетерпима была для правительства продажа оружия и боеприпасов воровским казакам, выходившим на Волгу. Торговые люди, которых за связи с такими казаками "били и грабили" на войсковом круге в 1627 г., продавали им "зелье и свинец"*. (РГАДА. Ф.127. №1. Л.237.) Запрет на продажу донским казакам такого товара был, очевидно, снят в период пребывания войска Донского в Азове, когда правительство было особо заинтересовано в поддержке казаков. Не было запретов и после оставления войском Донским Азова, когда в Москве также стремились не допустить ослабления казачества и усиления позиций Турции на Нижнем Дону. При этом в грамоте от 5 декабря 1646 г. правительство даже велело торговым людям ехать на Дон не только "со всякими товары и с хлебными запасами и с вином", но "и с зельем и с свинцом"*. (Донские дела. Кн.3. Стб.228-229.) Зная об одобрении правительством продажи на Дон оружия и боеприпасов, Войско в отписке от 10 ноября 1655 г. жаловалось в Москву, что из-за отсутствия с весны до осени в Черкасском городке торговых людей в связи со слухами об эпидемии "ныне...мы запасом, и порохом, и свинцом скудны"*. (Донские дела. Кн.4. Стб.51.) Следовательно, в это время наличие на Дону вооружения и боеприпасов и, следовательно, боеготовность и боеспособность войска Донского в значительной мере зависели от торговли.

Торговые связи между Русью и Доном осуществлялись по речному пути бударами и степью по суше. Река Дон являлась важнейшей торговой дорогой. Весьма значимым был путь по Северскому Донцу, кратчайшим образом связывавший казачьи городки с Белгородом. По этому пути часто ездили для торговли с казаками белгородцы, куряне и жители близких к этим городам русских городов и уездов*. (Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С.4; РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. №31.) Для обеспечения казаков хоперских городков некоторое значение имел торговый путь по Хопру. Ездили по этому пути прежде всего жители Тамбова и Тамбовского уезда. Торговое движение по этой реке было несравненно менее интенсивным, чем по Дону, а выезжавшие для торговли по Хопру тамбовские жители торговали не только в небольших хоперских городках, но и в городках по Дону. Так, в 1670 г. крестьянин тамбовского Троицкого монастыря И. Попов поехал на Дон и был ограблен воровскими казаками около городка Распопина*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.107.) В указе от 8 июня 1671 г., отменявшем запрет торговли по реке Дон 1670 г., указывалось, что торговля разрешалась не только по Дону, но и по рекам, которые "к Дону податны"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.92.) Поскольку торговля по Северскому Донцу была разрешена несколько раньше, 12 мая, то под этими реками имелся в виду прежде всего Хопер. Важнейшим сухопутным путем, по которому ездили торговать на Дон, был путь от Валуйки до нижних казачьих городков. Он пересекал реки Уразова и Айдар. Переправы через Донец имелись у впадения в него реки Деркул и несколько ниже, у Митякина Колодезя, затем шли переправы через реки Каменка, Лихая, Кундючья и Тузлов. Это - небольшие реки и урочища, которые иногда упоминали атаманы донских зимовых и легких станиц, когда докладывали в Посольском приказе о том, как они шли к Москве и что происходило с ними по пути. Этим путем шли к Валуйке вместе с донскими казаками в 1627 г. 47 человек из южных городов, купившие на Дону лошадей*. (РГАДА. Ф.123. 1627. №3.) Еще один торговый путь проходил по левому берегу Дона. О том, как он проходил, рассказывал в 1641 г. в Москве атаман Денис Григорьев: "из Азова по Нагайской стороне на казачьи городки на Чир, да на Кременные, а с Кременных по Астараханской дороге к Царицыну, на Хопер, а с Хопра

на Танбов да на Козлов...".*(Донские дела. Кн.2. Стб.178.)

Помимо торговли с русскими городами и уездами, донские казаки вели торговлю со своими азовскими соседями, а также с крымцами, с Польшей и Литвой, с персидскими купцами и с середины XVII в. - с калмыками*. (См.: Донские дела. Кн.4. Стб.455.)

Торговые отношения между низовым Войском и азовцами имели место еще с XVI в. Упоминание о них содержится в наказе послу Г.Нащокину 1592 г., в соответствии с которым посол должен был требовать от казаков, чтобы они "приезжали бы к Азову миром и торговали по-прежнему". Торговать съезжались на Монастырский остров, отчего в одной из своих отписок, относившихся к 1592 г., казаки называли это место Гостин остров, а также на Окупном Яру*. (Янчевский Н.Л. Указ. соч. С.162-163.) Велась торговля и в самом Азове. Предметами торговли в источниках названы "товары и харчи", "скот и всякий харч и дрова"*. (Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. С.18.) Торговля с Азовом имела место и во время перемирий казаков и азовцев.

Во время пребывания войска Донского в Азове его внешнеторговые связи расширились. Уже осенью 1637 г., по сообщению атамана Михаила Татаринова, в Азов приезжали турки из Тамани и Керчи на двух кораблях "с товары: с киндяки, с сафьяны, с сапогами, с шарапом, и с аракою, с ягоды, с луком, с чесноком и с солью и с ыными со всякими овощи". У казаков они покупали "азовской полон, турчан и татар" и собирались приезжать к ним для торговли "впредь"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.707.) Другие турецкие торговцы, из Кафы, приехали весной 1638 г., привезя с собой "шарап и всякий овощ, и сафьяны, и сапоги, и киндяки", и покупая у казаков опять же "ясырь татарской". О них сообщал в Москве атаман Денис Парфеньев. Он же рассказывал о приезде из Терского городка вместе с русскими торговыми людьми кизылбашского тезика. Эти торговцы привозили, как и турки, "киндяки, и сафьяны, и всякую мелкую продажную рухлядь", продавая ее за деньги или беря за нее не только, как турки, "татарский ясырь", но и "мед...и всякую рухлядь"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.781-782.) Поездки турок в Азов для торговли продолжались, по-видимому, в течение всего времени пребывания войска Донского в городе, кроме 1641 г., поскольку известно, что в 1640 г. приезжал в Азов "комягою ис Керчи с торгом турченин Тактамьш"*, (Донские дела. Кн.2. Стб.6.) а "рыбные снасти привозили в Азов из турецких городов"*. (Там же. Стб.64.)

После ухода войска Донского из Азова было заметно расширение торговых связей с украинцами - подданными Речи Посполитой. В 1646 г., когда происходил набор на донскую службу вольных охочих людей, на Дон "из Литвы" стали приходиться торговые люди "с хлебными и со всякими запасы, и с вином, и с зельем, и с свинцом"*. (Там же. Стб.786.) Они рассчитывали, что в условиях скопления в Черкасском городке множества людей все это можно будет распродать. Правительство поощряло эту торговлю, рассчитывая с ее помощью закрепить на Дону новых людей. "Польским и литовским торговым людем" было разрешено продавать на Дону всякие товары, кроме вина*. (Там же.)

Образ жизни казачества, связанный с получением военной добычи, вольным занятием промыслами и торговлей predetermined состоятельность значительной его части. Опись "рухляди", изъятой в 1630 г. у казаков станицы атамана Наума Васильева*, (Донские дела. Кн.1. Стб.323-324.) свидетельствовала о том, что казаки владели значительным имуществом. Не случайно, если казак умирал или погибал в бою, а на Дону у него не было наследников, за его "рухлядь" приезжали родственники из русских городов и уездов*. (РГА-ДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N31. Л.146.) И вообще, по мнению правительства, выраженному в грамоте на Дон от 2 сентября 1628 г., донские казаки жили "в богатстве", особенно по сравнению

с запорожцами*.(РГАДА. Ф.89. 1628. N2. Л.98.) Бедными по сравнению с собой считали запорожцев и сами казаки Дона, и поэтому, стоя под Азовом в 1637 г., давали "запорожским казаком - скудным людям" "денежные казны и пороховые"*. (Воинские повести Древней Руси. С.52.) Кроме того, отдельные казаки имели немалые денежные состояния. Так, казак Онуфрий Шатров, взятый в плен во время похода на Черное море в 1641 г. с атаманами Тимофеем Лебяжьей Шеей и Михаилом Черкашениным, дал за себя окупу 200 ефимков*. (Донские дела. Кн.2. Стб.374.) В целом примерно до 50-х годов основную массу казачества составляли весьма зажиточные люди. Доля голытьбы стала возрастать с 50-х годов, когда происходил наплыв беглых из русских уездов и когда по городкам, особенно по верховым, уже появились "многие казаки, которые голые люди и зерщики"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.180.) Эти казаки шли с атаманом Василием Усом под Тулу в 1666 г., были со С.Разиным на Волге и на Каспийском море в 1667-1669 гг. и составили ядро разинского войска в 1670 г.

Подведем итоги.

1. В своеобразных условиях Донской земли XVI-XVII вв., связанных с постоянной военной опасностью, источниками существования казачества являлись промыслы, царское жалованье, скотоводство, торговля. Были распространены некоторые отрасли ремесла.

2. Особую роль в материальном обеспечении казачества играл военный промысел, связанный с захватом военной добычи. Добыча являлась важной целью любого казачьего похода, причем для походов на Волгу и Каспийское море - главной целью.

3. Походы на Волгу и Каспийское море считались воровскими, поскольку не были санкционированы Войском, а их участники преследовались правительством. Целью казаков в таких походах был грабёж торговых судов, принадлежавших русским купцам и персидским тезикам, а также рыбных промыслов. Осуществлялись они прежде всего силами казаков из городков у Волго-Донской Переволоки. Войско время от времени начинало преследовать участников таких походов, делая это в угоду правительству. Однако к полному их искоренению оно не стремилось, поскольку с воровскими казаками были тесно связаны многие казаки войска Донского, ссужавшие их всем необходимым для походов, а затем получавшие долю награбленной добычи. Значительная добыча захватывалась также в морских и сухопутных походах, проводившихся войском Донским против турок, крымцев и ногаев.

4. Наиболее ценную часть добычи составляли пленные (ясырь). Большую ценность представлял также скот и разное имущество (рухлядь). После походов добыча делилась (дуванилась) между участниками или же, если это были пленные, шла на выкуп. Добыча составляла основу благосостояния каждого отдельного казака.

5. Царское жалованье донским казакам впервые стало выплачиваться в 1570 г., а, возможно, и с более раннего времени. На первых порах жалованье получали отдельные казачьи отряды за конкретную службу. С конца XVI в. наметился переход к регулярной уплате жалованья, что осуществлялось при Михаиле Романове, когда оно стало присылаться почти ежегодно. В состав жалованья входили деньги, боеприпасы, хлебный запас, сукна, вино. Зная о зависимости Войска от поставок жалованья, правительство сделало эти поставки инструментом своей политики на Дону. Жалованье получали не все казаки, а те, кто ходил на службу в Главное войско.

6. Для наиболее храбрых и заслуженных казаков дополнительным источником существования было жалованье, которое получали зимовые и легкие станицы в Москве. В XVI-XVII вв., кроме того, имело место жалованье отдельных атаманов поместными дачами.

7. Повсеместно на Дону был распространен охотничий и рыболовный промысел. В каждом городке у казаков было много скота, прежде всего – лошадей и крупного рогатого скота. Земледелием казаки не занимались.

8. Ремеслами в казачьих городках занимались прежде всего люди, приезжавшие из русских городов и уездов. Казаки занимались лишь отдельными видами ремесла. Мастерство казаков особенно проявлялось в изготовлении судов, а казаки-судостроители были известны в России как мастера. В целом за счет ремесла казаки не жили.

9. Важное значение для казачества имела торговля, прежде всего с русскими городами и уездами. В XVII в. эта торговля достигла значительного развития, способствуя втягиванию Дона в систему начинавшего формироваться всероссийского рынка. Кроме того, поддерживались торговые связи казаков с Азовом, турками, ногаями и калмыками.

10. В большинстве своем казаки были весьма богаты. С середины XVII в., прежде всего в верховых городках, происходило скопление казачьей гольтыбы, что усиливало социальную напряженность на Дону.

Глава 4.

Политическая система и внутреннее управление на Дону в XVI–XVII вв.

1. Войсковая организация донского казачества.

Дон был известен в XVI–XVII вв. как центр сосредоточения вольного казачества в России. Донские казаки считали себя войском Донским. Это наименование прочно утвердилось в понятии всех слоев населения страны и иностранцев. Оно вошло в документы дипломатической переписки России с Турцией, Крымом, ногаями, калмыками, с Польшей, с самими донскими казаками.

Получило оно распространение с конца XVI в. Посол Г.Нащокин сообщал в 1592 г., что 27 мая, когда он следовал вниз по Дону, ему повстречались казаки, "атаман Данилко Колмак с товарищи", которые "едут с низу из Войска"*. (РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.89.) "В Войске" же, писал посол, "сошли" все казаки из городков выше Переволоки зимой 1591–1592 гг., опасаясь воровских черкас и азовцев*. (Там же. Л.88–88 об.) Первой царской грамотой, упоминавшей о войске Донском, была грамота от 31 июля 1594 г. В ней сообщалось о присылке "к нашему царскому величеству" казака Пронки "ото всего Войска"*. (Акты Лишина. Т.1. С.4.) Однако формула начального протокола царских грамот на Дон с упоминанием "всего войска Донского" "нижних и верхних юртов" в XVI в. еще не встречалась. Она появилась в первых грамотах, отправленных от имени царя Михаила Федоровича, и с тех пор прочно закрепилась, превратившись в традиционное обращение к сообществу донских казаков. Сами казаки, в свою очередь, в своих отписках в Москву со времени Михаила Федоровича также называли себя войском Донским.

Войско Донское представляло собой военно-политическое объединение донского казачества с конца XVI в. Следовательно, в наиболее ранний период истории донских казаков войска Донского не существовало. Связано это было с такими причинами, как малочисленность казачества, разбросанность его на большой территории Дикого Поля, разобщенность по разным отрядам со своими атаманами, бродячий в значительной мере образ жизни, а также разные сферы притяжения боевых усилий казаков, когда одни, жившие по низовьям Дона, были сосредоточены на борьбе с Азовом, а другие, проживавшие на Верхнем Дону и по запольным рекам, воевали с крымскими та-

тарами или ногаями и ходили на Волгу*. (Платонов С.Ф. Указ. соч. С.88.)

Предпосылки возникновения Войска были связаны с увеличением численности казачьего населения, особенно на Нижнем Дону, с появлением там новых городков, с обострением борьбы казаков Нижнего Дона против Азова, что потребовало объединения сил отдельных отрядов, установления более тесной связи между казаками разных поселений.

Образовавшееся в конце XVI в. войско Донское охватывало поначалу лишь казаков, живших на Нижнем Дону. Верховые казаки, городки которых располагались по Дону выше Раздор, а также по запольным рекам, жили достаточно обособленно от низовых. Во всяком случае, сами донцы-низовцы не забывали напоминать Москве разницу между собою и верховыми казаками. Так, они выразили недовольство тем, что в грамоте на Дон, направленной в 1592 г. с послом Г. Нащокиным, те казаки, "которые ныне на Дону вверху". были названы прежде тех, "которые на Дону близко Азова"*. (Материалы по истории войска Донского. Грамоты. С.5.) В Войске говорили послу, что "верховые де казаки государевы службы и не знают"*. (РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.93.) Еще более недовольны были в Войске присылкой общего жалованья – селитры и свинца – для верховых и низовых казаков. В Войске заметили Г.Нащокину, что "преже сего присылывана к нам селитра по Верхние Раздоры, а верховых атаманов и казаков, которые выше Роздоров, с нами не мешивали"*. (РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.96.)

Следовательно, казачьи городки по Верхнему Дону представляли собой нечто обособленное от войска Донского, которое действительно было низовым Войском.

Вместе с тем в конце XVI в. стали появляться отдельные признаки будущей инкорпорации верхового казачества в войско Донское. Выражалось это в том, что, по словам Г.Нащокина, некоторые верховые атаманы и казаки ходили на службу "от Верхних Раздоров до низу", выполняя такую привычную для казаков службу, как проводы посла*. (Там же.) Это содействовало упрочению их связей с низовым Войском, причем, по-видимому, эти казаки участвовали в каких-то боевых предприятиях.

Процесс объединения всего донского казачества в единое Войско к началу XVII в. не был завершен. Начавшаяся Смута в целом содействовала его торможению. Это не случайно, поскольку примерно до 1612-1613 гг. имел место заметный отток казачества с Дона в Центр страны с Лжедмитрием I, "царевичем Петром", Лжедмитрием II и т.д. Для многих атаманов и казаков преобладающими стали интересы, лежавшие вне Дона и связанные с социально-политической борьбой во внутренней России, а традиционные интересы, связанные с борьбой с Азовом, с выходами на море и т.д., отходили на второй план. В таких условиях неизбежно нарушались те связи, которые начинали налаживаться у верховых казаков с низовым войсковым центром еще в конце XVI в.

В то же время в отрядах самозванца, в повстанческом войске И.Болотникова, в Тушинском лагере и в казацких таборах под Москвой 1611-1612 гг. между казаками завязывались новые связи, сыгравшие определенную роль в интеграции всего донского казачества в единую войсковую организацию.

Возобновился этот процесс на завершающем этапе Смуты, а итог его в виде единого Войска, охватывавшего все донское казачество, имел место на рубеже второго десятилетия и 20-х годов XVII в.

Причиной возобновления послужило возвращение казачьих отрядов на Дон, начавшееся еще в 1611-1612 гг. и ускорившееся при Михаиле Романове. В результате возросла численность казачьего населения, когда верховые и низовые городки пополнились казаками – как старыми, так и новыми, ушедшими в конце Смуты на Дон. Другой причиной явилось то, что борьба с азовцами, по-видимому, до неко-

торой степени потерявшая свое значение для казаков, переключившихся на участие во внутренней Смуте в России, вновь стала обостряться, чему очень способствовала зверская расправа азовцев с атаманом Матвеем Лисишниковым 9 июня 1616 г., происходившая почти что на глазах послов П.Мансурова и С.Самсонова*. (РГАДА. Ф.89. 1615. №4. Л.39.) Атаманам и казакам становилось ясно, что для достижения боевых успехов в низовьях Дона требуется скорейшее объединение сил под главенством наиболее сильных и сплоченных низовых атаманов в рамках войска Донского.

Заинтересованность в объединении в Войско проявляла не только основная масса верховых и низовых атаманов и казаков, для которых такое объединение позволяло усилиться перед лицом многочисленных врагов. Проявляло ее и новое русское правительство царя Михаила Федоровича. Прямая выгода для Москвы от этого заключалась не только в том, что возрастало сопротивление казаков Турции и Крыму. Создавалась, кроме того, возможность подчинения общему войсковому центру разрозненных казачьих отрядов, отдельные из которых регулярно выходили на Волгу и совершали там грабежи и убийства. Тем самым уже не только государство, но и низовые атаманы, для которых сохранение хороших отношений с правительством приобретало все большее значение, должны были бы теперь удерживать казаков от воровства на Волге и направлять их действия в полезном для властей направлении, например, на борьбу с татарскими нападениями на русские уезды, на "проведывание вестей", а иногда – против Крыма и Турции.

При этом правительство Михаила Романова уже имело перед собой опыт недавнего прошлого, когда при царе Федоре Ивановиче, а затем при Борисе Годунове делались попытки не только ускорить объединение казачества, но и в какой-то степени самому возглавить такое объединение. Первый раз это было в 1592 г., когда в "головы" к Войску был прислан из Москвы сын боярский Петр Хрушов. Эта попытка окончилась полной неудачей. Атаманы заявили послу Г.Нащокину, что "преждеи сего мы служивали своими головами. И ныне деи ради государю служить своими головами, а не с Петром"*. (РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.97.) Не удалось и правительству Бориса Годунова решить в 1600 г. более ограниченную задачу организации служилого казачества на Северском Донце под контролем воевод города Царева-Борисова*. (Багалеи Д.И. Материалы... С.10-12.)

Учитывая неудачу этих попыток, правительство Михаила Романова уже не пыталось оказывать на процесс объединения казачества какого-либо прямого воздействия или, тем более, брать на себя ведущую роль в деле объединения казаков на Дону. Действовало оно более осмотрительно, предоставляя инициативу самим казакам-низовцам и, со своей стороны, лишь поддерживало их действия по созданию на Дону единого Войска. Поддержка эта была, однако, достаточно твердой.

Выражалась она в том, что правительство в своих грамотах на Дон по существу поощряло объединительный процесс. Так, в грамоте от 18 марта 1614 г. оно так обратилось к казакам: "И вы б, атаманы и казаки и все наше Войско нижних и верхних юртов и запольных речек..."*. (Донские дела. Кн.1. Стб.66.) Аналогичную форму употребило правительство в грамоте от 30 апреля 1614 г.: "В нижние и в верхние юрты атаманом и казаком и всему великому Войску Смаге Степанову да Епихе Родилову"*. (РГАДА. Ф.127. 1613. №5. Л.175.) Называя уже в 1614 г. все казачество войском Донским, правительство как бы подталкивало атаманов Нижнего Дона к дальнейшим шагам по пути формирования Войска на Дону.

В то же время правительству было хорошо известно о незавершенности в 1614 г. процесса складывания войска Донского. В Москве имелись сведения, что "...ниже де Пятиизб по Дону и до Азова атаманы и казаки все прелят государю к Москве; ...атаманы де и каза-

ки низовые донские с верховыми казаками от Пятиизб по Дону вверх и по рекам запольным не в миру", а казаки, которые живут по Хопру и Медведице, дожидаются весны, "а хотят де итить на Волгу ж"*. (Там же. 1614. N5. Л.166.) Правительству было известно об отдельных группах казаков, которые "...на Хопре...воруют, прелят Маринке и сыну ея"* (РГАДА. Ф.89. 1613. N1. Л.161.) и не подчиняются низовым атаманам.

Последующие события показали, что объединительные тенденции постепенно пробивали себе дорогу. Формирование Войска соответствовало в тот период интересам всех казаков. Атаманам оно позволяло осуществлять руководство на всей обширной территории Донской земли. Для рядовой массы казачества принадлежность к войску Донскому означала закрепление их статуса свободных людей, отличавшему их от населения внутренней России.

В дальнейшем формирование Войска на Дону ускорилось благодаря таким мерам, как присылка в 1614 г. знамени*, (Донские дела. Кн.1. Стб.69.) установление с 1613 г. регулярного жалованья казакам за службу и особенно - грамота от сентября 1615 г. служилым донским казакам. Эти меры содействовали росту заинтересованности верховых казаков во вхождение в состав войска Донского, которое пользовалось предоставленными властями привилегиями. К 1617 г. в составе Войска было уже, очевидно, немало верхнедонских казаков. Учитывая это, правительство в грамоте на Дон 1617 г., обращаясь к казакам, называло их "великим Войском, низовым и верховым"*. (Материалы по истории войска Донского. Грамоты. С.23-24, 29.)

В 1617 г. на Дону произошли события, вызвавшие большое опасение правительства и названные ими "смутой" по аналогии с большой Смутой в России начала XVII в. В Москве беспокоились, что "лутчего" атамана И.Смагу Чертенского, который был сторонником сближения с правительством, казаки при споре "выбили из круга". Власти стремились выяснить: "атаманы и казаки приставали ли многие...или немногие?...атаман Смага Чертенский в той воровской смуте казаков встречал ли, чтобы оне такие смуты не в(счинали)? И казаки за то его, Смагу, ис круга в(ы)били ль и его лаели ль?"*. (РГАДА. Ф.89. 1617. N1. Л.89.)

Еще более неприятны для правительства были в условиях продолжавшейся войны с Польшей связи донских казаков с запорожскими черкасами. Отдельные отряды запорожцев поддерживали самозванцев и воевали в составе польского войска против России*. (Столетие военного министерства. Т.11. Ч.1. СПб., 1902. С.21-22.) В Москве поэтому считали запорожцев силой, способной вновь вызвать смуту. При этом русские власти сомневались не только в рядовых казаках, но и в "начальных атаманах" и в "лучших" казаках, на которых они опирались при проведении своей политики на Дону после 1613 г. Посольский приказ интересовался, "нет ли от черкас на Дону в нижних и в верхних юртех какие воровские прелести и смуты? И воровскими прелестными грамоты запорожские черкасы з донскими атаманы и казаки не ссылаютца ли? И будет ссылаютца, и явно ль с начальными атаманы и с лучшими казаки...или тайно с рядовыми людьми и з беглыми холопи, от которых бы в Донском войске учинилась смута, и во многих ли людех та воровская смута объявилась или не во многих, и начальным атаманам и лучшим казакам про то ведомо ль? и будет им ведомо, и есть ли за то худым людям наказанье?"* (Донские дела. Кн.1. Стб.250.)

Эти вопросы не только показывали опасение русских властей по поводу возможной смуты на Дону и его сомнения в надежности атаманов и казаков. Правительство не было уверено в прочности власти атаманов в войске Донском и в их способности учинить "худым людям наказанье" в случае их выступления.

Из-за неясности положения на Дону правительство в 1617 г. задержало в Воронеже посланное уже казакам жалованье, а в следую-

щем, 1618 г., и вовсе не отправляло его*. (Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII в. С.142.)

В то же время для поддержания своего влияния на Дону правительство в грамоте 1618 г. подтвердило право, данное казакам по грамоте 1615 г., "выходить в наши украинные города со всякими товарами" без уплаты пошлин*. (РГАДА. Ф.89. 1617. №1. Л.291.) Тем самым власти выразили заинтересованность в прекращении смуты на Дону, в сохранении отношений с казаками и в их службе. Подтверждая права казаков войска Донского, грамота 1618 г. содействовала присоединению к Войску еще не присоединившихся казаков.

К 1619 г. междоусобица на Дону была прекращена. Во главе Войска встали атаманы Епиха Радилов и Исая Мартемьянов. Остался, очевидно, среди войсковой верхушки и "выбитый из круга" в 1617 г. Смага Чертенский, который вновь был упомянут в царской грамоте 1623 г. как войсковой атаман*. (Донские дела. Кн.1. Стб.217.)

После прекращения междоусобицы власть войска Донского распространилась на всю территорию Донской земли, включая запольные реки. Эта власть проявилась в 1619-1620 гг., когда вслед за разорением азовцами городка Маньча "з Дону де казаки послали по всем рекам и по малым речкам х казаком же, и велели им сходитца на Дону; а з Дону все идут под Азов и под Озовым промышлять"*. (РГАДА. Ф.89. 1621. №3. Л.5.)

К началу 20-х годов власть Войска на Дону признавалась не только московским правительством, но и Запорожской Сечью и Польшей. Когда в 1621 г. полякам и запорожцам потребовалась помощь донцов против турок в связи с Хотинской войной между Польшей и Турцией, посланник от Запорожской Сечи атаман Соколка с королевскими "листами", содержащими призыв к донским казакам идти на войну с турками, прибыл в Войско и обращался не к каким-то отдельным группам донских казаков, а ко всему Войску. Ответ запорожский посланник также получил от атаманов и казаков войска Донского. Относился он ко всему донскому казачеству, а не только к казакам из городков на Нижнем Дону, которые составляли Войско еще с конца XVI в. Об этом можно с определенностью говорить, поскольку в ответе содержалось упоминание об очень значительном числе казаков - о семи тысячах, которых было, однако, по словам донских атаманов, "немного", чтобы можно было идти на помощь полякам и запорожцам, так как "большое де их войско пошло на море"*. (РГАДА. Ф.89. 1621. №3. Л.9-11.) Следовательно, давая ответ атаману Соколке, атаманы и казаки войска Донского имели в виду все казачество, как низовое, так и верховое, примерная численность которого была им известна.

Власть Войска в 20-х годах признавали все казаки, так как она была достаточно сильной и действенной. Это сказалось в 1627 г., когда на войсковом круге в значительной мере под воздействием московского правительства и по инициативе войскового атамана Е.Радилова было принято решение о запрете под страхом смертной казни воровских походов казаков на Волгу*. (РГАДА. Ф.127. 1627. №1. Л.237-238)

Усиливавшееся Войско не признавало другой власти на Дону и решительно пресекало попытки отдельных атаманов и казаков выйти из подчинения.

Так, в 1628 г. в Войске стало известно о том, что казаки, ходившие воровать на Волгу, "нынешнего лета на Дону у Чиру зделали себе особой городок". Войско не могло не обеспокоить то обстоятельство, что этих казаков было много, 600 человек, и что они "з донскими де казаками с нижними городки они не съезжаютца и ни в чем донских казаков не слушают"*. (Там же. 1628. №1. Л.73.) Сведения об этом городке в более позднее время нет. Следовательно, Войску удалось его уничтожить.

Новая попытка обособиться на Дону от войска Донского отно-

сится к осени 1637 г., когда на Филиппов пост запорожский атаман Матьяш, по словам донского войскового атамана Михаила Татарина, "учал было бунтовать" против войска Донского в Азове, и просил "города в Азове особного и наряду", где "хотел было он владеть и жить особо". За это донские атаманы и казаки Матьяша "убили по-леньем до смерти и вкинули в Дон"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.706-707.)

Еще одна попытка обособиться от Войска имела место в 1659-1660 гг., когда воровские казаки поставили между Иловлинским и Паншинским городками свой городок и назвали его Рига. Неповиновение Войску явилось одной из важных причин разгрома его низовыми казаками в январе 1660 г.* (Донские дела. Кн.5. Стб.638, 657-658.)

Через 10 лет, в 1670 г., открыто заявил о своем разрыве с войском Донским С.Разин, когда на круге 12 апреля после убийства посланника Г.Евдокимова сказал войсковому атаману Корниле Яковлеву: "ты де владеи своим войском, а я де владею своим войском"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.165.) Как и атаман Матьяш в 1637 г., С.Разин выступил против Войска в самой войсковой столице. Однако если Матьяш в Азове тут же был убит, то С.Разин оказался сильнее войска Донского. Особое войско С.Разина существовало на Дону вплоть до 14 апреля 1671 г., когда успешный поход старшин на Кагальницкий городок и взятие в плен повстанческого атамана привело к поражению восстания на Дону.

После поражения разинцев уже не отмечалось попыток со стороны той или иной группы казаков отделиться от Войска и создать свой самостоятельный городок или особую организацию. Так, донские раскольники во время своего выступления в 1686-1687 гг. не рвали с Войском, а использовали войсковую организацию, когда войсковым атаманом стал один из их предводителей - Самойло Лаврентьев*. (Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. С.129.) Затем, когда в 1688-1689 гг. начался разгром донского раскола, некоторые казаки порывали с Войском, поскольку вынуждены были уходить от преследований за пределы Донской земли, на Северный Кавказ - во владения крымского хана на Кубань, на Куму, в Кабарду и на земли шамхала тарковского в Дагестан*. (Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. С.196, 202-203, 209-212.) Войсковая организация была использована и булавинцами после занятия ими Черкасского городка в конце апреля - начале мая 1708 г., когда К.Булавин на круге 9 мая был избран войсковым атаманом*. (Булавинское восстание. С.238-239.)

Наряду с Войском в широком смысле слова как объединением всего донского казачества на Дону существовало понятие Войска еще в двух смыслах - как главного городка донских казаков, где пребывал войсковой атаман и где проходили войсковые круги и как группы низовых городков.

Понятие Войска в качестве войскового центра отразилось в грамоте 1638 г., направленной из Азова по казачьим городкам. Она была послана "от донских казаков, атаманов и молотцов, от Тимофея Яковлева и ото всево великого войска Донского во все верхние городки"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.809.) Следовательно, в этом обращении как бы противопоставлены друг другу "все великое войско Донское", находившееся в Азове, и "все верхние городки". Все городки, кроме войсковой столицы, составляли Войско, таким образом, лишь в широком смысле слова. Еще более прямо на это указывалось в отписке астраханских воевод князя Ю.Буйносова-Ростовского и других от 5 сентября 1627 г., где сообщалось, как войсковой атаман Е.Радилов велел тем казакам, "что ныне воруят на Волге", стать в войске "на Яру на урочище Монастырском"*. (РГАДА. Ф.127. 1627. N1. Л.236-237.) В данном случае Войско - это главный из донских казачьих городков Монастырский городок.

Понятие Войска как группы низовых городков брало свое начало еще в конце XVI в., когда войско Донское охватывало лишь эти городки. Употреблялось оно в XVII в. редко. Так, в 1682 г., судя по показаниям в Посольском приказе станичного атамана Федора Севастьянова, на Дону было 70 городков, кроме тех, что лежали по Северскому Донцу, и тех, что составляли Войско. Общее количество городков на Донской земле в 1682 г. составляло 102 поселения, поскольку в станице атамана Фрола Минаева было 102 казака, так как правительство требовало прислать "изо всех казачьих городков по человеку". В том же 1682 г. крымцы угрожали донским казакам напасть "на их казачьи на 32 городка" за нападение донцов на татар под Перекопом. Следовательно, 32 низовых городка и составляли Войско в узком смысле, а об остальных 70 городках из 102 донских казачьих городков, не входивших в Войско в узком смысле слова, и говорил в Москве станичный атаман Ф.Севастьянов*. (Мининков Н.А., Рябов С.И. Указ. соч. С.27.)

Таким образом, войско Донское не признавало на Дону никакой власти, кроме своей собственной, и решительно боролось с теми казаками, которые желали обособиться. Однако методы утверждения Войском своей власти не исключали демократичности во внутреннем его устройстве в XVI-XVII вв.

2. Демократия на Дону в XVI-XVII вв.

Воззрение на казачество как на явление консервативное распространено в литературе более сотни лет. Разделяет его и современный исследователь Н.И.Никитин. По его словам, казачество - это "отголосок минувшего, своеобразный рудимент дофеодальных времен". Основание для такого утверждения давало, по его словам, само демократическое устройство его внутренней жизни. Н.И.Никитину оно напоминало военную демократию на завершающей стадии развития варварского общества, атаманы - военных вождей, а казачьи отряды - их боевые дружины*. (Никитин Н.И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI - середины XVII века. - История СССР. 1986, N4. С.175.)

И в самом деле, внешнее сходство между устройством внутренней жизни казачества в XVI-XVII вв. и обществ на стадии военной демократии весьма велико. Черты сходства были в демократическом устройстве и в выборности, в наличии народного собрания как внешнего органа власти (у казаков - рада или круг), в определяющей роли войны в общественной жизни, в усилении власти военных вождей (атаманов) во время военных предприятий. Однако наличие демократических начал - явление, характерное не только для обществ, находившихся на стадии военной демократии, но и для современного раннему казачеству средневекового общества. Как бы отрывая казачество от этого общества и рассматривая его наравне с существовавшим в другую, гораздо более раннюю эпоху обществом военной демократии, Н.И.Никитин исходил из распространенного взгляда на средневековье как на время господства грубой силы, беззакония и произвола. Все это имело место в разных странах, в том числе и на родине европейской феодальной демократии - в Англии. Однако этим не исчерпывался характер средневекового общества. "Насилия в средневековом обществе было предостаточно, но не на нем это общество строилось", - отмечал известный современный медиовист А.Я.Гуревич*. (Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С.166.) Это было "общество, знающее широкий диапазон градаций свободы и зависимости"*. (Там же. С.176.)

Европейская средневековая цивилизация в ходе своего развития выработала форму общегития, которая умела успешно противостоять стремлению феодальных сеньоров, разного рода деспотов и тиранов, установить и укрепить свою власть над ней, подчинить ее себе. Та-

кой формой являлись города. Средневековый город был тесно связан со свободами и вольностями, составлявшими смысл существования горожан. Считалось, что сам городской воздух делает человека свободным. В борьбе, нередко вооруженной, горожане добивались записи хартий, гарантирующих им политические права*. (Негуляева Т.М. Условия возникновения средневекового городского права. - Средневековый город. Межвузовский научный сборник. Вып.9. Саратов, 1989. С.4.) Умели добиваться свобод и сплоченные сословные корпорации. Юридической основой британской свободы стала Великая хартия вольностей 1215 г.*, (См.: Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С.139.) принятая королем Иоанном Безземельным под давлением баронов, рыцарей и городов. При этом король обязывался не нарушать хартию, а бароны в случае такого нарушения получали право вести против него войну*. (Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937. С.131-132.) Великая хартия вольностей содействовала возникновению английского парламента в 1265 г., закрепившего права и свободы сословий, дополнившего феодальную монархию сословным представительством. В Нидерландах значение английской хартии 1215 г. имела "Великая привилегия" 1477 г., покончившая с деспотическим режимом Карла Смелого и дававшая право подданным оказывать вооруженное сопротивление правительству. Юридическое закрепление прав дворянского сословия перед лицом королевской власти имело место не только на Западе, но и в Центре Европы, в Венгрии, где в 1222 г. король Андрей II издал Золотую Буллу, подтвержденную в 1351 г. королем Людовиком I*. (История человечества. Всемирная история. Т.5. СПб., 1896. С.376, 378.)

Демократические формы внутреннего устройства знала не только западная, но и русская средневековая цивилизация. Особенно заметно это было в киевский период ее истории. По словам одного из крупнейших современных отечественных историков, Н.Я.Эйдельмана, "в XI-XII вв. Русь меньше отличалась от Европы, чем позже"*. (Эйдельман Н. "Революция сверху" в России. Заметки историка. - Наука и жизнь. 1988, N10. С.99.) Форма организации народоправства в Киевской Руси - вече - играло значительную политическую роль*. (Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. Исторические очерки. М., 1867. С.20.) Это была сила, "способная заставить князей и знать считаться с собой"*. (Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С.149.)

Существенные перемены произошли на Руси после Батыева нашествия. Страна попала под власть жестокого восточного завоевателя. После того, как в ходе нашествия было истреблено множество людей, подверглись разрушению города и села, народ был ограблен и унижен неслыханной на Руси переписью и введением числа, резко изменилось положение боярско-княжеской верхушки. В киевские времена начинали складываться отношения сюзеренитета-вассалитета среди князей*. (Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С.231-232, 245-250, 327-329.) Шло формирование феодальной лестницы, причем глава ее, великий князь киевский, считался "братом старейшим" среди братьев-князей. С установлением власти Орды главой феодальной лестницы на Руси становился нижеволжский хан. Но для русских князей был он уже вовсе не "братом старейшим", а владыкой, вольным в их жизни и смерти, а князья уже по-азиатски рассматривались в качестве его рабов. В итоге Русь, как и любое европейское государство, являясь страной свободных людей, сделала под варварским игом первый существенный шаг к превращению в страну рабов, к усвоению азиатского принципа всеобщей несвободы. Иго не только, по образному выражению К.Маркса, "иссушало душу народа"*, (Цит. по ст.: Андрианова-Перетц В.П. Слово о Куликовской битве Софония Рязанца (Задонщина). - Воинские

повести Древней Руси. С.143.) но и способствовало уменьшению его роли в политической жизни страны, падению значения вечевых собраний. "Татары не отменяли веча", - отмечал В.И.Сергеевич, однако под властью Орды "исчезали поводы, призывающие граждан к участию в общественных делах". Кроме того, в условиях разрухи народу "было не до рассуждений об общественных делах" и "вечевые собрания начинают выходить из употребления"*.(Сергеевич В.И. Указ. соч. С.21.)

Едва ли, однако, вечевые демократические традиции где-либо были изжиты окончательно. Народ не мог так легко оставить в прошлом свои вольности, свои вечевые учреждения. Новгород, наиболее развитый город страны, целиком сохранил вечевого строй. Сказалось то, что город не подвергся разорению со стороны Батя, а, главное, то, что вечевая демократия была здесь сильнее, чем где бы то ни было на Руси.

В XIV - первой половине XV в., по мере хозяйственного возрождения русских земель и постепенного ослабления и упадка Орды, в разных местах Руси имело место оживление активности народа, возрождения демократических традиций прошлого. На активную народную поддержку городов Смоленской земли, Витебщины и Подолии опирался в первой половине XV в. литовский князь Свидригайло Ольгердович в борьбе против короля Ягайло и польских феодалов. Поддерживая Свидригайло, население городов и волостей вело по существу борьбу за свою самостоятельность и за право иметь собственного князя*.(Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В. "Феодальные войны" или демократические альтернативы? - Вестник СПбУ. Серия 2. История, языковедение, литературоведение. Вып.3. 1992. С.4.) Вечевые порядки и установление договорных отношений с князьями существовали в северорусских городах, прежде всего - в Галиче, Вятке, население которых активно поддерживало во второй четверти XV в. противников великого князя московского Василия II - его дядю Юрия Дмитриевича, а затем сыновей Юрия Дмитриевича, Василия Косого и Дмитрия Шемяку. Поддерживая этих князей, посады и черносошные северные общины боролись за свои вольности, видя опасность для себя в усилении власти великих князей московских*.(Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М., 1991. С.200.)

Говоря о причинах выступления галичан и жителей других северных и северо-восточных земель против Василия II, А.А.Зимин отмечал: "Северу была присуща ценность, которой не знала Москва, - любовь к свободе". Объяснение этому он видел, во-первых, в "варварстве северян", в чем одновременно "был один из источников их силы", во-вторых, в том, что "Север и Поволжье были не чисто русскими землями, а многонародными, имперскими"*.(Там же.)

Возникает вопрос о том, что понимал А.А.Зимин под "варварством" северян. Речь здесь не могла идти об экономической и культурной отсталости русского Севера, выделявшегося в то время своим ремеслом и торговлей, богатством своих посадов, грамотностью городского населения, памятниками архитектуры. Под этим "варварством" А.А.Зимин мог понимать отдельные стороны северорусского менталитета, определявшегося и значительными пережитками язычества в сознании, и особым характером людей, формировавшимся в условиях близости к суровой природе, которая оказывала большое воздействие на хозяйственный быт, и, следовательно, на поведение и мышление человека. В характере русского северянина, обычно - жителя немногочисленных городов и поселений, во многом зависимого от милостей природы, особенно долго сохранялись черты, характерные для варварского общества - стойкость в перенесении тягот, умение постоять за себя, патриархальная суровость нравов, и склонность к демократическим формам правления, к вечевому устройству, общинному мирскому самоуправлению. Также заслуживает внимание и наблюдение А.А.Зиминой о связи средневековой демократии и свободолюбия с

этнической пестротой. В самом деле, новгородская вечевая демократия сформировалась в раннее средневековье в этнически неоднородной среде. Новгород был городом, где уживались славяне и угро-финны, где иноземцы "варяг иди колбьяк" не только стали привычны для коренных горожан, но и постепенно растворялись в городской среде*.(Харрман И. Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле. - Древняя Русь и славяне. М., 1978. С.191; Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). - История СССР. 1971, N2. С.41.) Этническая пестрота была характерна и для других северных русских демократий - Пскова и Вятки, расположенных на территориях совместного расселения славян и угро-финских народов. То же самое наблюдалось на всем вольном посадском и общинном Севере русских земель.

Связь этнической пестроты населения с демократическим устройством по-видимому в том, что этнически пестрая общность формировала такие необходимые для демократического устройства стороны общественного сознания, как терпимость, умение уважать интересы соседа, принадлежавшего к иному этносу и иной культуре и уживаться с ним в рамках единой социальной общности.

Победа Василия II над своими двоюродными братьями в ходе войны второй четверти XV в. открывала путь к дальнейшему усилению московской великокняжеской власти, облегчала переход к крепостнической централизации*(Панеях В.М. Панорама истории России XV-XVI веков А.А.Зими́на. К выходу в свет книги "Витязь на распутье". - Отечественная история. 1992, N5. С.78.) и к формированию самодержавно-деспотической системы, что стало заметно при Иване III. "Гибель свободы Галича", на который опирался Дмитрий Шемяка, означала серьезное поражение народа, поскольку в результате по всей стране общий "градус несвободы повысился"*. (Зимин А.А. Витязь на распутье. С.210-211.) Предопределен был и конец новгородской свободы, и крушение независимости пятисотлетнего города "воли дикой"*, (Тихомиров М.Н. Великий Новгород в истории мировой культуры. - Новгород. К 1100-летию города. Сб.статей. М., 1964. С.26.) главного центра вольности и свободомыслия на Руси. Вечевой колокол в 1478 г. был вывезен в Москву. Впрочем, еще до этого имел место упадок вечевого строя, связанный с усилением экономического и политического могущества боярства. Характерно, однако, то, что в борьбе за сохранение независимости накануне Шелонской битвы 1471 г. боярское руководство республики во главе с Марфой Посадницей попыталось опереться на стремление горожан к свободе и на их вечевые традиции*(Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. М., 1960. С.857-858; Бернадский В.Н. Указ. соч. С.276-277.)

В противоборстве с удельной стариной, с народными вольностями поднимался русский деспотизм, унаследовавший от Золотой Орды восточный принцип отношений монарха с подданными как со своими рабами. Впервые такой принцип был выражен еще в первой половине XV в. великим князем тверским Борисом Александровичем в договорной грамоте 1427 г. с великим князем литовским Витовтом: "Яз, князь велики...волен, кого жалую, кого казню"*. (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XV вв. М.-Л., 1950. С.62.) Средоточием русского деспотизма Тверь, однако, не стала, поскольку вслед за Новгородом, в 1485 г., она потеряла свою независимость. Казни же подданных как неизбежный спутник деспотизма развернула московская великокняжеская власть еще в конце княжения Василия II Темного, сразу после завершения войны с Шемякой. Тяжелое впечатление на москвичей произвела казнь детей боярских и дворян за заговор против великого князя, состоявшаяся в Великий пост 1462 г.*(Зимин А.А. Витязь на распутье. С.184-185.) От отца кровавую эстафету принял сын. После Шелонской битвы 1471 г. по указу Ивана III было казнено пятеро знатных новгородцев, а посад-

ник Василий Казимир и 50 "лучших" новгородских пленных были рас-сажены по тюрьмам Москвы и Коломны. Обвинялись они в "измене", в стремлении передать Новгород под власть польского короля Казимира IV. Тем самым в политической жизни страны и в юридической практике появился прецедент казни бояр за измену, а на месте вассальных вольностей удельного времени вставало новое понятие - подданство, причем великий князь московский - уже не "брат старейший", а "государь всея Руси". Новый принцип подданства с его суровой ответственностью за измену был отнюдь не равнозначен старому принципу вассальной верности, поскольку утверждался он не добровольно, но принудительно, силой государственной власти.

Это ускорило возникновение деспотического самодержавства, которое окончательно оформилось на Руси при Иване Грозном. Кровавую реальность обрели слова царя из первого его послания князю А.М.Курбскому 1564 г.: "А жаловати есмь своих холопей вольны, а и казнити вольны же есми были"*.(Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С.26.) Тем самым царь выразил столь близкий ему принцип всеобщего рабства, или равенства верхов и низов общества в ничтожестве перед монархом.

Опричные репрессии потрясли Россию. Люди с ужасом вспоминали новгородский погром 1570 г. или массовые казни на Поганой луже в Москве летом того же года*.(Исторические песни XIII-XVI веков. С.287-456.) Страна застыла в оцепенении, и лишь через 15 с лишним лет после смерти деспота, с началом XVII в., оно было сброшено. Началось Смутное время. Сперва главенствующей идеей в Смуту было обновление устоев внутренней жизни. Нежелание общества сохранять свое холопское состояние отразилось в появлении крестоцеловальной грамоты царя Василия Шуйского 1607 г., введившей некоторые ограничения царской власти, и в договорах бояр с польским королем Сигизмундом III о возведении на русский престол его сына Владислава, где повторялись главные положения крестоцеловальной записи Василия Шуйского*.(Кобрин В.Б. Смутное время - упущенные возможности. - История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX - начала XX в. М., 1991. С.176-177.) Однако по мере того, как борьба с вторжением польских и шведских феодалов стала выдвигаться на передний план, идея обновления как главенствующая общественная идея стала вытесняться идеей национального освобождения и восстановления порядка в стране, а это мыслилось не иначе, как через утверждение на русском престоле связанного со старой династией "благородного корени" и вообще через возрождение устоев, сложившихся в России в XVI в. Огромная "страна рабов" на Востоке Европы, появившаяся в XVI в., благополучно пережила Смуту и продолжала свое существование в XVII в. Поэтому немецкий ученый Адам Олеарий написал о том, что ему бросилось в глаза при взгляде на русских людей: "Рабами и крепостными являются все они"*.(Описание путешествия в Московию... С.195.)

А.Олеарий умел наблюдать, анализировать и делать выводы. Однако он не знал всей России. Он не был на Дону, казаков видел на Волге лишь издали и знал о них только понаслышке. Между тем, если бы он лучше знал казачество, он едва ли написал бы, что среди русского народа не было свободных людей.

В самом деле, как отметил В.О.Ключевский, в конце XV в., когда казачество еще "только завязывалось", оно вместе с вольными городскими общинами являлось политической формой, противостоявшей Московскому княжеству*.(Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.2. - Соч. Т.2. М., 1957. С.45.) При Иване III с падением Новгорода и Вятки и при Василии III с падением Пскова произошла окончательная ликвидация городских вольностей. Однако это не означало гибели русской свободы. Она лишь переместилась с Севера на недоступный в то время для властей степной Юг, на казачьи реки, прежде всего на Дон, и примерно через полвека после уничтожения респуб-

ликанского Новгорода стала возрождаться в казачьих юртах.

На казачьих реках имелись те же основы демократического устройства, что и в несколько более раннее время на русском Севере. Прежде всего, это та же любовь к свободе, которая проявлялась у северян. Свободу казаки ценили превыше всего. Чтобы быть недостижимыми для крепостнического и деспотического государства, они готовы были селиться в непосредственной близости от противника, испытывать от этого большую опасность, но знать, что свободе их ничего не угрожает. В XVI-XVII вв. родилась известная казачья поговорка: "Руби меня, турецкая (татарская) сабля, но не тронь меня, боярская плеть!".

Во-вторых, в том же смысле, в каком А.А.Зимин говорил о "варварстве северян" как одной из основ демократического устройства северных посадов и общин, можно говорить и о "варварстве" казачества XVI-XVII вв. Суровые условия северной природы и суровые условия военного быта на казачьих реках содействовали формированию сходных черт характера людей и одинакового стремления к демократическим порядкам внутренней жизни.

И, наконец, на казачьих реках, в том числе и на Дону, подобно тому, как это было на русском Севере, имела место этническая пестрота. На Севере бок о бок проживало русское и угро-финское население. Среди казаков наряду со славянским большинством были в XVI-XVII вв. представители других народов, прежде всего - тюркских, а с конца XVII в. - калмыки.

Следовательно, в XVI-XVII вв. на Дону имелись все те же предпосылки возникновения демократических порядков, которые имелись несколько ранее на русском Севере.

Существовали и некоторые другие предпосылки, связанные с особенностями формирования казачества и со спецификой его положения в ту эпоху.

Это - демократическое устройство тех вольных татарских отрядов и станиц, которые в середине XVI в. "ходили" по Донской земле и с которыми, "смешавшись", "ходили" казаки - выходцы с русских "украин". Отряды и станицы казаков-татар состояли из низших слоев населения Азова и татарских кочевий*, (Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С.64.) убежавших от своих господ и отличавшихся свободолюбивым духом.

Это также постоянная военная опасность, угрожавшая как отдельным отрядам, станицам и казачьим поселениям-городкам, так и всему казачьему Войску в целом. Демократические порядки, выборность атаманов содействовали сплочению казачества перед лицом его противников и усилению его боевой мощи, поскольку атаманами становились при таких порядках наиболее достойные - лучшие боевые предводители, пользовавшиеся наибольшим авторитетом и доверием казаков.

Демократическое устройство внутренней жизни казачества в XVI-XVII вв. представляло собой историческое завоевание наиболее смелых, решительных, предприимчивых и активных выходцев из народа и не имело аналогий в России того времени. Оно означало: всеобщее вооружение народа; наличие народного собрания - Войскового круга на Дону как высшего органа власти в Войске и кругов в городках, во время походов и т.д. как высших органов власти для этих поселений и для участников походов; выборность всех властей и их сменяемость по воле народа; безусловное право всех казаков бывать на кругах, высказывать на них свое мнение и подавать свой голос.

Источников, характеризующих демократическое устройство на Дону в XVI-XVII вв. сравнительно немного. Более широкий их круг относится к последней четверти XVII в., когда обострилась борьба за сохранение на Дону демократии и старинных казачьих вольностей, особенно во время крупного выступления донских старообрядцев в 1686-1689 гг. Сведения о демократии на Дону, прежде всего о войс-

ковых кругах, относящиеся к последней четверти XVII в., могут быть использованы и для характеристики соответствующих явлений до 1672 г., поскольку ни сущность демократических порядков у донских казаков, ни форма проведения кругов принципиально не изменились.

Обращает на себя внимание большое сходство между Войсковым кругом у донских казаков и новгородским Вече*. (Сватиков С.Г. Россия и Дон. С.33, 35.) Прежде всего, и у веча, и у круга причинами созыва являлись важнейшие события в жизни Новгорода и в жизни войска Донского, причем никакой периодичности ни у веча, ни у круга не было. Вече принимало законы, решало вопросы внутреннего устройства и внутренней жизни, ведало внешней политикой, вершило суд по важнейшим преступлениям и выносило приговоры, в том числе смертные, приглашало или изгоняло князей, выбирало посадников и других должностных лиц республики, решало их споры с князем и т.д.* (Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.2. С.61, 68.)

Поводов для созыва Войскового круга в главном городке войска Донского было немало. В кругу Войско принимало царских послов. Церемония встречи неоднократно описывалась в посольских донесениях. Такая церемония стала складываться со времен царя Федора Ивановича, когда связи между Москвой и Доном начинали приобретать довольно регулярный характер, а русские послы, следовавшие в Турцию, отвозили низовому Войску царское жалованье. Окончательно она сложилась в царствование Михаила Романова. Как сообщал дворянин И.Опухтин, после его прибытия 15 июня 1614 г. "в Смагин юрт Чертенского", т.е. в Монастырский городок, казаки встретили его и с ним вместе "пошли в круг". На круг выносилось войсковое знамя. Зачитывалась царская грамота. Там же решался вопрос о судьбе двух казаков, высказывавшихся в пьяном виде о том, что донским казаком "Ивашка...Заруцкого не избить, быть под его рукою"*. (РГАДА. Ф.89. 1614. №1. Л.64-66.) На круге Войско принимало царское жалованье. Непосредственным продолжением круга было угощение посланника*. (Там же. Л.69.)

Постепенно сложился церемониал встречи царского посла на Дону, в котором появление его на Войсковом круге занимало центральное место. Правительство Михаила Романова в своих наказах послам велело им придерживаться церемониала и идти в круг, но, как, например, в наказе послам И.Кондыреву и Т.Бормосову 1622 г. не исключало того, что атаманы и казаки сами явятся к послам*. (Там же. 1622. №4. Л.44.) В таком случае зачитывать царскую грамоту и говорить перед казаками "речь" послы должны были у себя. Перед лицом правительства казаки упорно отстаивали значимость своего Войскового круга и стремились, чтобы встречи посланников происходили на кругах. Войсковой круг считался для казаков таким же символом суверенитета, как и для новгородцев - вечевой колокол.

Особо проявлялась значимость Войскового круга как высшего органа власти на Дону в том, что на кругах происходили выборы войсковых атаманов. Это подчеркивало демократический характер войска Донского в XVI-XVII вв. и ставило атаманскую власть в зависимость от воли народа, заставляло атаманов и старшин считаться с ней. В отдельных случаях на Войсковых кругах казаки резко выступали против войсковых атаманов и даже смещали их. Так, в 1617 г. казаки "выбили" из круга войскового атамана Ивана Смагу Чертенского и "лаели" его. Поскольку этот атаман проявил себя как сторонник сближения с Москвой, правительство было встревожено этим сообщением и пыталось выяснить связанные с ним подробности*. (РГАДА. Ф.89. 1617. №1. Л.89.) В 1630 г. казаки сместили атамана Волокиту Фролова. Связано это было с поисками путей улучшения отношений с Москвой, которые резко ухудшились при этом атамане, когда незадолго до его смещения в Монастырском городке был убит царский посланник воевода И.Карамышев*. (Щелкунов С.З. Донские атаманы первой половины XVII века. С.126-127.) Дважды снимали

казаки с атаманства Наума Васильева. Первый раз это произошло в 1641 г., через три недели после начала Азовского осажденного сидения, когда по решению Войскового круга он сдал атаманство Осипу Колуженину*, (Там же. С.142.) более авторитетному и опытному военному предводителю. Вторично он был снят вскоре после неудачного похода на Азов в 1656 г., когда под его предводительством под стенами крепости казаки потерпели поражение - азовцы "на высылке...казаков побили тысячи с полторы, и взяли в полон атамана Павла Федорова и иных донских казаков"*. (Донские дела. Кн.5. Стб.127.)

Помимо войсковых атаманов, на круге избирали других должностных лиц Войска - войсковых есаулов и дьяков. Выбирали также казаков для исполнения почетной службы - поездки в Москву в составе зимовых и легких станиц. Очень редко в роли станичных атаманов и есаулов фигурировали казаки, избранные не на Войсковом круге. Так, в 1633 г. станичный атаман Н.Васильев назвал есаулом станицы Дениса Парфеньева, посланного в Москву в его станице рядовым казаком*. (Щелкунов С.З. Донские атаманы первой половины XVII века. С.157.) По-видимому, предусматривалась и возможность нового избрания станичного атамана, если старый атаман, избранный Войсковым кругом, по каким-либо причинам выбывал. С подобным случаем казакам пришлось столкнуться лишь в последней четверти XVII в., когда в марте 1688 г. был арестован в Москве как активный старообрядец атаман зимовой станицы Кирей Чурносос, и на его место был избран есаул этой станицы Яков Черный*. (Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. С.174.)

Войсковые круги принимали все важнейшие решения и являлись тем самым главными органами руководства военной и политической жизнью войска Донского. По постановлению круга проводились все общевойсковые боевые предприятия на суше и на море. Решение о взятии Азова в 1637 г. было принято, судя по "Исторической" повести об этом событии, на двух Войсковых кругах. Первый круг состоялся 9 апреля. На нем казаки "положили завет между себя" взять Азов, "потому что ис града Азова чинитца много пакости Росийскому государству Московския державы и нашим юртам". Там было также указано послать в верховые городки по Дону и по запольным рекам грамоты с призывом к местным казакам идти в Нижний (Монастырский) городок для похода на Азов*. (Воинские повести Древней Руси. С.49.) Через несколько дней состоялся другой круг, где присутствовали казаки, прибывшие в Войско, по-видимому, лишь из ближайших городков, поскольку казаки из отдаленных мест просто не успели бы приехать, а также тысяча запорожцев*. (РГАДА. Ф.89. 1635. №2. Л.188.) На круге после молебна о победе выбрали походным атаманом Михаила Татарина и выступили к Азову, который осадили 21 апреля*. (Воинские повести Древней Руси. С.49-50.)

Такой важной военно-политической акции войска Донского, как поход на рязанский Кагальник 14 апреля 1671 г., предшествовал Войсковой круг, состоявшийся на кануне Великого поста, перед 6 марта. На круге было принято решение "над ворм Стенькою промысл чинить"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.122.)

За высший орган власти на Дону признавали Войсковой круг соседи казаков - азовцы и соседние народы и орды, с которыми казачество имело мирные, а главным образом - немирные отношения. Когда решился вопрос о заключении перемирия с азовцами, то на круге принимали азовских "мировщиков" и назначали своих "мировщиков" для поездки в Азов. Так было в 1622 г., когда затянувшаяся ожесточенная война между казаками и азовцами задерживала на Дону русских послов И.Кондырева и Т.Бормосова, которые не могли вследствие этой войны продолжать свой путь в Турцию. Чтобы завершить войну, казаки принимали азовского "мировщика" Мустафу и нап-

равили в Азов, в свою очередь, от себя "мировщиков" атаманов Василия Черного и Ивана Кору*. (РГАДА. ф.89. 1622. N1. Л.118-119.) В 1636 г. во время междоусобного столкновения ногаев Урмаметевых и Тинмамметевых улусов первые призвали себе на помощь донских казаков и заключили с ними на круге договор о передаче казакам всей добычи, которая должна быть взята у противника, как об условии этой помощи*. (РГАДА. ф.127. 1636. N1. Л.117.) Весной 1638 г. на круге в Азове зачитывалась грамота крымского хана Бехадыр Гирея, доставленная послом Казимурат Улан агой, где хан требовал от Войска отдать Азов "добром", грозя в противном случае явиться "со всеми людьми" и "промышлять" над казаками. Прочитав грамоту, доставленную в город от посла двумя толмачами, казаки явились к послу, стоявшему на Мертвом Донце, и заявили о своем решительном отказе покинуть Азов*. (РГАДА. ф.123. 1638. N1. Л.7-8; Донские дела. Кн.2. Стб.768-769.) Сам посол, таким образом, не был на круге в Азове, где казаки приняли решение защищать город и отказать хану, о чем и сообщили послу.

Итак, Войсковой круг был главным органом власти на Дону. Через него проходили сношения с Москвой, а также с Азовом и соседними народами и ордами. Он осуществлял текущее управление Войском и был высшей судебной инстанцией. На нем происходили выборы войсковых атаманов и других должностных лиц Войска.

Еще одним важным свидетельством демократического характера Войскового круга и еще одной существенной чертой сходства его с новгородским вече было то, что круг мог носить весьма бурный характер. На вече столкновение противоборствующих сторон иногда было настолько сильным, что "на большом волховском мосту" происходило "побоище"*. (Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.2. С.69-70.) На Дону на отдельных войсковых кругах также происходили столкновения. Так было в 1617 г., когда "ис круга выбили" и "лаели" атамана И.Смагу Чертенского. По-видимому, довольно острыми были столкновения между казаками в Азове, одно из которых привело к гибели запорожского атамана Матяша в Филиппов пост (ноябрь-декабрь) 1637 г. Это столкновение закончилось быстро, поскольку у запорожцев не было сил "бунтовать" и претендовать на особое положение в Азове. Более длительными были столкновения в Азове между самими донскими казаками. Они сознавали, что Турция должна будет вскоре начать борьбу за возвращение Азова, и что сил для противоборства с сильнейшей военной державой Европы у них недостаточно. Поэтому одна часть защитников Азова весной 1638 г. настаивала на том, чтобы просить помощи у Москвы, другая же считала, что следует обходиться своими силами, понимая, что помощь правительства в форме участия в обороне города неизбежно приведет к ограничению самостоятельности Войска. Весной 1638 г. взяли верх те, кто считал, что помощь царских властей должна ограничиваться лишь выплатой жалованья. Представитель их атаман М.Татарин говорил в Посольском приказе 4 апреля 1638 г., что "в помочь де себе о воеводе и о ратнех людех...от Войска государю бити челом не наказано"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.709.) Некоторые в Азове были недовольны этим. Русским послам в Крыму М.Астафьеву и И.Кузовлеву рассказывали, что со слов двух донских казаков, которые "перекинулись" к крымцам, стоявшим под Азовом, после отказа Москвы оказать Войску помощь "у казаков де меж себя была брань за то, что иные де Азов хотят держать, а иные не хотят"*. (РГАДА. ф.123. 1638. N1. Л.27.) Такие разногласия сохранялись в Азове между казаками по-видимому и в 1639 г., когда в Москву послали атамана Тимофея Яковлева Лебяжью Шею бити челом "о людех в Азов", но получили отказ*. (Там же. 1639. N1. Л.99.) Указание на "брань" среди казаков, которая была по этому вопросу в 1638 г., свидетельствовала об острых разбирательствах на кругах в Азове.

Столкновения на кругах в Черкасском городке в 1670-1671 гг.

открывали наиболее бурный период в истории войсковых кругов на Дону, пришедший на последнюю четверть XVII в. и начало XVIII в. До того, как это видно на примере описанных выше случаев, столкновения между казаками на кругах также имели место, но случались они не столь уж часто. Связано это было вовсе не с особенностями самого круга как органа власти у казаков. Эта форма народовластия не была способна предотвратить общество от конфликтов или как-то ослабить их остроту. Причиной более спокойного проведения кругов в доразинское время было состояние самого донского казачества. Имевшие в то время место на Дону противоречия между казаками в значительной мере сглаживались относительным достатком, в котором жила основная масса казаков, а также смягчающим влиянием семейной жизни. Сказывалось, кроме того, и то, что пребывание в рядах казачества обеспечивало человеку свободное состояние, а само казачество в целом пользовалось не только широкими правами в Российском государстве, но, что для казаков было не менее важно, признательностью и уважением народа России, видевшего в них своих защитников. Удовлетворенность казаков своим положением и прочность этого положения придавали донскому сообществу устойчивость и предопределяли стремление казачества к сохранению существовавших на Дону порядков. Поэтому, не считая некоторых особых случаев, Войсковые круги в доразинское время проходили спокойно.

Предпосылкой обострения ситуации на Дону, изменившей в конечном счете характер проведения Войсковых кругов, стал приток из Руси большого количества беглых во второй половине XVII в. Голытьба становилась все более заметным элементом в рядах казачества. Донское сообщество стало менее устойчивым. Усилились противоречия между старожилой и домовитой его частью и новопришедшей голытьбой. Особенно это проявилось при С.Разине. Не случайно на том же круге, где был убит Г.Евдокимов, С.Разин заявил войсковому атаману Корниле Яковлеву: "ты де владеи своим войском, а я де владею своим войском"*.(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.165.) Следовательно, именно на Войсковом круге был оформлен раскол среди донских казаков на сторонников С.Разина и его противников.

Первый известный случай, когда для принятия решения пришлось собирать не один, а несколько Войсковых кругов, был связан с присягой войска Донского, на которой правительство сумело настоять после подавления Разинского восстания. По сообщению полковника Г.Косагова, присланного на Дон для приведения Войска к присяге, круги пришлось собирать 3 дня подряд, с 25 по 27 августа 1671 г. Упорно сопротивлялись принятию присяги "казаки молотчие люди", заявлявшие, "что они великому государю служить ради верно и без крестного целованья". В конце концов на третьем круге желательное для правительства решение было принято и было указано "казнить смертью" тех казаков, которые не захотят присягнуть, "а животы их грабить"*.(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.169-170.) Для правительства очень важно было добиться от казаков принятия присяги, и характерно, что оно использовало авторитет Войскового круга среди казачества.

Оказать на этих кругах более решительное сопротивление "молотчие люди" не смогли. Сказалось и стремление старшин сделать все так, как желало правительство, и присутствие на кругах полковника Г.Косагова, и общая обстановка в стране и на Дону после поражения разинцев, неблагоприятная для какого бы то ни было сопротивления правительству. В последующие годы, когда на Дон еще более усилился приток беглых, когда, по словам атамана Фрола Минаева, сказанных им в 1685 г., на Дону стало "много голудбы и наброду", и было их Войску "унять...невозможно"*, (ДАИ. Т.12. С.176.) столкновения на кругах стали еще острее, чем в 1670-1671

гг. Масса казачества противостояла устремлениям старшин усилить свою власть и сделать круг органом, полностью послушным себе. Решительное сопротивление казаков на кругах в 1675 г. не позволило старшинам выдать по требованию правительства воровского атамана Сеньку Буянку*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.351.) Непослушание "мелких казаков", так ярко проявившееся на кругах, заставило К.Яковлева в 1677 г. "здать" "атаманство свое"*. (РГАДА. Ф.111. 1677. №12. Л.30.)

Исключительной остротой отличалась борьба на кругах в 1687-1688 гг., когда выступили донские раскольники. Один из них состоялся весной 1687 г., и на нем большинству казаков - сторонников раскола во главе с атаманом Самойлой Лаврентьевым и видным старшиной Киреем Чурносковым противостояла численно меньшая, но сплоченная группа казаков-сторонников соглашения с правительством и противников раскола. Вполне в традициях новгородского вече борьба на круге перешла на улицы Черкасского городка, и наиболее активным противникам раскола казакам Фоме Голодному и Михаилу Шадре пришлось два дня отсиживаться "в клетки запершись" "с ружьем"*. (ДАИ. Т.12. С.176.) Бурные события происходили на Войсковых кругах в 1708 г. при Кондратии Булавине, причем круг, состоявшийся в мае, впервые в истории Войсковых кругов на Дону вынес смертный приговор бывшему войсковому атаману Лукьяну Максимову, старшине Ефрему Петрову и другим видным донским старшинам*. (Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. 1707-1709. М., 1962. С.145.)

После Булавинского восстания, по мере усиления власти правительства над Войском, значение круга стало падать, и, соответственно терялся интерес к нему со стороны казаков. Поэтому круги в XVIII в. происходили уже гораздо более спокойно, чем в XVII в. Сам круг полностью потерял значение органа народовластия, каким он был в XVI-XVII вв., и политическая его роль резко ограничилась*. (Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С.228.)

Свидетельством демократического характера Войскового круга было то, что он являлся органом власти всего казачества. Реально, конечно же, на кругах присутствовали лишь жители войсковых столиц (до 1622 г. - Раздоры, 1622-1637 - Монастырский городок, 1637-1642 - Азов, 1642-1644 - Раздоры, с 1644 - Черкасский городок)*, (Очерки истории СССР. XVII в. С.266.) и те казаки, которые приезжали на службу в Главное войско из других городков. Специально из городков на Войсковые круги не созывали, и все донское казачество на круги не съезжалось. Но присутствовать на Войсковых кругах имели право все казаки. Демократизм Войсковых кругов был настолько широк, что допускалось присутствие на них не только казаков, но и людей, временно пребывавших на Дону, тех, кто приезжал на Дон по разным делам из русских городов и уездов. Так, в 1627 г. астраханский воевода П.Головин посылал на Дон стрельцов М.Иванова и А.Семенова, а также служилого татарина Е.Акимбетова. Вернувшись в Астрахань, они подробно рассказали о круге в Монастырском городке, на котором были запрещены воровские походы на Волгу. Прямое указание их на то, что круг состоялся во время пребывания их в Монастырском, а также детальное описание ими этого круга позволяет сделать вывод о том, что они на нем присутствовали. Еще одним обстоятельством, указывавшим, что на Войсковых кругах присутствовали не только казаки, но временно пребывавшие на Дону люди, является и то, что если воеводские посыльщики узнавали о том или ином событии на Дону по слухам или с чьих-либо слов, они обычно указывали на человека, от которого они слышали об описывавшемся им событии. Посыльщики воеводы П.Головина, рассказывая о круге, ни на кого не ссылались*. (РГАДА. Ф.127. №1. Л.234-237.) Следовательно, все то, что там происходило, они видели сами. Не допускать в свой круг посторонних, приезжих, не было в обычае у казаков. Напротив, стремление не допустить посторонних на круг

являлось нарушением сложившихся на Дону порядков. Не случайно, как сообщал в Посольском приказе полуголова московских стрельцов В.Волжинский 18 ноября 1675 г., "ныне де учили быть у донских казаков иные круги, тайные, по ночам, чего преже сего не бывало, а иные круги чинят в роскате. А преже сего всегда бывали у них круги в день на майдане. А которые де круги бывают ныне и днем, и ратных людей к кругу не припускают"*.(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.349.) Причина проведения ночных кругов - в том, что все казаки не хотели иметь свидетелей нестабильного положения на Дону после Разинского восстания, которое особенно ярко проявлялось на кругах: старшины - потому, что не желали вызвать сомнение правительства в своей способности обеспечить порядок на Дону и, тем самым, стремление его усилить вмешательство в дела казачества; многочисленные еще в то время разинцы - чтобы посторонние не видели, насколько они "великого государя грамотам бывают ослушны" и "во время присылок великого государя грамот в кругах раскол чинят в государевых делах противно"*.(Там же. С.348.) По этим же причинам на дневные круги не пускали московских ратных людей, что делалось вопреки издавна сложившейся на Дону традиции и представляло собой нововведение.

Какой-либо периодичности в собрании Войсковых кругов не было. Обязательно они собирались на "семик" - 17 мая. К этому времени приезжали послы и привозилось царское жалование, принимавшееся и дуванившееся Войском. На круге решались вопросы о войне и мире, о направлении походов*.(Королев В.Н. Старые Вешки. С.29.) Но эта обязательность диктовалась лишь приездом посла, необходимостью его встречи и приема жалования. Во всех остальных случаях круги также созывались по конкретным поводам.

Созыв и проведение Войскового круга представляли собой торжественный момент в жизни казачества. Собирался он на главной площади войсковых столиц: в Монастырском городке - у часовни, в Черкасском городке - на майдане*(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.349.) у собора. На круг выносились знамя*.(РГАДА. Ф.89. 1614. N11. Л.66.) Строго запрещалось появляться в пьяном виде, о чем казаки специально предупреждались "накануне всякого круга"*.(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.351.) По указанию войскового атамана есаулы собирали казаков и других нужных людей, как, например, в 1637 г., когда Войско решило вызвать на круг турецкого посла Ф.Кантакузина и его людей*.(РГАДА. Ф.89. 1635. N2. Л.193.) Казаки, прибывшие в Войско, заинтересованно обсуждали на круге дела, которые напрямую затрагивали их. На Дону не отмечено случаев, подобных тому, что наблюдал посол германского императора Э.Ляссота в конце XVI в. в Запорожской Сечи. Там, по его словам, "асаулы...на коло (раду - Н.М.)...иных даже загоняли киями"*,(Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып.1. Киев, 1890. С.173.) т.е. некоторые казаки не проявляли интереса к раде и не желали идти на нее. То, что видал Э.Ляссота, было, по-видимому, не столь уж типично для Сечи. Рада в Запорожье и круг на Дону были органами, однотипными по своей сути. Но в Запорожье уже в конце XVI в. политическая роль старшин была гораздо более значительной, чем на Дону, что являлось следствием более глубокого социального расслоения у запорожцев по сравнению с донцами в конце XVI - первой половине XVII в. Не случайно поэтому, как отмечал В.А.Голобуцкий, запорожская серома не всегда участвовала в раде*.(Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. С.177.) Нечто подобное на Войсковых кругах у донских казаков стало заметно только во второй половине XVII в., и особенно - после Разинского восстания, когда социальное расслоение казачества стало значительным и в войске Донском. С одной стороны, рядовое казачество вело решительную борьбу с усилением власти старшин, за сохранение демократических порядков

и политического значения круга как органа народовластия, что выразилось в обострении противоборства на кругах, имевшем место в то время. Другой стороной того же явления, заключавшегося в постепенном отстранении старшинами рядовых казаков от управления делами Войска, стало безразличие некоторых казаков к тому, что решит круг. В последней четверти XVII в. уже появлялись казаки, которые не всегда ходили в круг. Так, казак Федот Мороз Чирской, доверенное лицо атамана Ф.Минаева, смотревший за большим атаманским хозяйством, даже "в Войсковой круг хаживал изредка, потому что Фрол Минаев посылал его для сена и иных своих дел почастью"*.(ДАИ. Т.12. С.161.) Занятый все время по хозяйству, он даже не мог осуществить свое право на участие в работе круга, но это право он ценил уже меньше, чем доверие атамана и хорошее его мнение о себе. Решения круга едва ли особо интересовали его, поскольку он знал, что его положение зависит не столько от этих решений, сколько от отношения к нему Ф.Минаева. На примере Ф.Мороза Чирского видно, как отдельные рядовые казаки в конце XVII в. отрывались от круга. В конечном счете это содействовало укреплению позиций старшин, поскольку таким образом для них облегчалась возможность влиять на круги, проводить выгодные для себя решения. Вместе с тем таким путем складывались предпосылки падения политического значения Войскового круга на Дону.

Войсковой круг был высшим органом власти в пределах всего войска Донского. Существовали и другие круги, имевшие более ограниченное значение. По отдельным городкам круги выбирали местных атаманов и решали другие местные вопросы. В источниках о кругах в городках, в отличие от Войсковых кругов, не упоминается. Однако, судя по рассказу Е.Н.Кательникова о жизни Верхне-Курмоярской станицы XVIII - начала XIX вв., станичные сборы имели весьма древнее происхождение. Происходили они на майдане или в станичной избе*.(Кательников Е.Н. Были донской станицы. - Донские казаки в походе и дома. С.37-40.)

Собирались круги и во время боевых походов. Конечно, в условиях, когда шли военные действия, атаманы как боевые предводители пользовались более широкими, чем в мирное время, полномочиями. Однако для решения наиболее важных вопросов требовалось одобрение круга и демократические порядки казаки сохраняли даже во время войны. Повод для созыва круга мог быть и не столь уж значительным. Так, в 1630 г. казаки во время нападения на крымское побережье собрали круг в связи с прибытием к ним толмача из русского посольства Г.Есипова. Этого толмача крымцы взяли "сильно" по приказу князя А.Сулешева, повели "на гору к морскому берегу", а затем "з горы скинули к морю", где стояли казаки. Князь А.Сулешев полагал, что Г.Есипов должен был уговорить казаков отдать "без откупа" крымский полон. И хотя толмач сказал казакам, что его послали к ним "неволею", на круге его "били и за бороду драли", "хотели разстрелять, и, бив за смерть и ограбля ево, покинули у моря н берегу", а сами "погребли на море"*.(РГАДА. Ф.123. 1630. N1. Л.134.)

Часто собирались круги в войске С.Разина. Именно на них разинцы приняли важнейшие решения. Состоявшийся после 12 апреля 1670 г. повстанческий круг в Черкасском городке высказался за поход "на Волгу", отвергнув предложение о походе "на Русь" и "под Озов"*.(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.162.) Затем в Паншинском городке состоялся еще один круг, где было поддержано предложение С.Разина идти на Волгу, чтобы защитить государя от изменников-бояр и "черным людям дать свободу"*.(Там же. С.235.) На этих разинских кругах решения принимались единодушно, как в Паншине, или значительным большинством голосов, как в Черкасском, где "любо" предложению похода на Русь "молвили" лишь "небольшие люди"*.(Там же. С.162.) Таким образом,

разинцы использовали традиционную казачью форму демократического волеизъявления – круг. Однако по сути дела они использовали лишь форму донской войсковой демократии, но едва ли прониклись ее содержанием. В самом деле, демократизм двух разинских кругов был связан с тем, что на них собирались лишь единомышленники, стремившиеся к борьбе с ненавистным им государственным порядком и заодно – к грабежам на Волге. Казаков-противников С.Разина на этих кругах не было. На войсковых же кругах в Черкасском, где повстанческому атаману приходилось иметь дело не только со своими сторонниками, но и с противниками, он утверждал свою власть на Дону отнюдь не демократическими методами и не в соответствии с традициями проведения кругов, сложившимися ранее. Так, на войсковом круге 12 апреля 1670 г. убийство Г.Евдокимова произошло без решения круга, причем сам С.Разин угрожал ножом войсковому атаману К.Яковлеву. Сама логика социально-политической борьбы на Дону, достигшей в 1670 г. невиданной ранее остроты, толкала С.Разина на пренебрежение нормами войсковой демократии, на грубое нарушение традиций проведения кругов, что и позволило ему фактически захватить власть на Дону*.(Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков и донское казачество. С.135.) При этом в столь острой ситуации Войсковой круг оказался не способен сохранить демократический порядок. Наглядно проявилось это и в разгар борьбы между казаками-старообрядцами и их противниками в конце XVII в. Так, на круге 7 апреля 1688 г., решавшем вопрос о выдаче по требованию правительства в Москву бывшего войскового атамана С.Лаврентьева, был убит казак – участник круга, протестовавший против выдачи, причем сигнал к расправе подал войсковой атаман Ф.Минаев*.(ДАИ. Т.12. С.195.) Убит был этот казак вопреки войсковому праву, поскольку круг не приговаривал его к смертной казни, и, следовательно вопреки принципам войсковой демократии.

Учитывая то, что в конце XVII в. уже наблюдались потеря интереса некоторой части рядового казачества к Войсковым кругам и усиление на них старшинского влияния, а также случаи нарушения демократических норм казачьей жизни в ходе их проведения (как, например, С.Разиным 12 апреля 1670 г., или Ф.Минаевым 7 апреля 1688 г.) можно сделать вывод о начавшемся кризисе демократического строя на Дону. Вызвано это было переменами, происходившими на Дону во второй половине XVII в. – наплывом беглых из Руси, ростом рядов гольтьбы и усилением социальной нестабильности. Сохранить себя в таких условиях войсковая демократия, сложившаяся в более стабильной социально-политической обстановке на Дону XVI – первой половины XVII вв., в конечном счете не могла.

Из числа наиболее уважаемых казаков избирались должностные лица войска Донского. Во главе казачества стояли атаманы.

Само слово "атаман", по мнению большинства лингвистов, является древнерусским заимствованием из тюркских языков. Впервые оно отмечено в форме "ватаманъ" в грамоте новгородского князя Андрея Александровича 1294 г.*(Этимологический словарь русского языка. Т.1. Вып.1. М., 1963. С.193; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С.64.) Есть также предположение о происхождении этого слова от "Hauptmann" наподобие слова "гетман"*. (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М., 1989. С.27-28.)

Войско Донское возглавлял войсковой атаман, избиравшийся на Войсковом круге. Донские историки А.А.Карасев и Х.И.Попов опубликовали в 1887 г. список атаманов Войска Донского, который они начинали с 1549 г., когда был упомянут Сары Азман, "первый из известных вождь донских казаков"*. (Карасев А.А., Попов Х.И. Атаманы войска Донского с 1549 по 1887 год. – Донские казаки в походе и дома. С.49-50.) Представляется, однако, что в список донских войсковых атаманов невозможно было внести Сары Азмана и атаманов Павлова и Ляпуна (Филимонова), принимавших участие в борьбе за

Астрахань в 1556 г. В то время еще не сложилось единое войско Донское, объединявшее все донское казачество, и эти атаманы возглавляли лишь отдельные казачьи отряды или, как Сары Азман, городки. Лишь о Михаиле Черкашенине впервые можно говорить как о донском войсковом атамане, возглавлявшем низовое Войско примерно с 1570 г., когда на Дон была послана первая из дошедших до нас царских грамот донским казакам. Все упомянутые в списке атаманы 80-90-х годов XVI в. являлись атаманами низового Войска. Первыми из атаманов всего донского казачества были Иван Смага Чертенский и Епифан Радилов во втором десятилетии XVII в., когда войско Донское стало объединять верх и низ реки и казаков, живших по запольным рекам.

В литературе сложилось представление о сравнительной ограниченности власти войскового атамана в условиях демократического сообщества донских казаков. Так, по мнению В.Д.Сухорукова, войсковой атаман "лично не имел особенной власти. Он был только блюститель порядка и исполнитель приговоров народных"*.(Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1988, №9. С.102.) В.Г.Дружинин так говорил о войсковом атамане: "Особой административной власти он не имел, а был руководителем круга, предлагая ему на обсуждение то или иное решение дела"*.(Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. С.22.) Также исполнителем постановлений Войскового круга считал войскового атамана С.И.Тхоржевский*.(Тхоржевский С.И. Донское войско... С.18.) В целом это безусловно верное мнение. Круг в XVII в. всегда был выше атамана и в любой момент мог сместить его. Однако оно нуждается в определенном уточнении. Как правило, донской войсковой атаман был вовсе не слабой фигурой и в пределах имевшихся у него в соответствии с казачьими традициями полномочий умел действовать весьма решительно.

Таким решительным атаманом проявил себя Смага Чертенский, умевший в сложной обстановке последних лет Смутного времени удерживать казаков от действий, враждебных московской власти, наподобие тех, которые они совершали при Борисе Годунове и Василии Шуйском.

Не раз проявлял решительность Е.Радилов. В 1618 г. он вынужден был удерживать Войско от нападения на турок, проводивших работы по перекрытию Мертвого Донца от казаков, использовавших эту донскую протоку для выходов в Азовское море. За это время турки засыпали вход в Мертвый Донец, а у гирла Каланча построили сторожевую башню. Как раз в это время в Азове находились прибывшие из Царьграда послы П.Мансуров и С.Самсонов, и атаман опасался, что в случае нападения казаков на турок во время этих работ русским послам в Азове будут чиниться разные притеснения*.(Щелкунов С.З. Донские атаманы первой половины XVII века. С.119.) Вторично этот атаман проявил решительность в 1627 г., когда он добился наказания на Войсковом круге не только казаков, ходивших для грабежей на Волгу, но и тех казаков, которые были связаны с этими волжскими ворами и снабжали их зельем и свинцом. Кроме того, он провел решение, запрещавшее под страхом смертной казни ходить для воровства на Волгу*(РГАДА. Ф.127. 1627. №1. Л.236-238.) и тем самым затронул материальный интерес многих казаков, для которых грабежи на Волге являлись важным источником существования и обогащения. Однако он шел на это ради соблюдения высших интересов Войска, связанных с установлением нормальных отношений с Москвой.

Не только доблестным воином, но и умелым, опытным политиком показал себя Иван Каторжный. Выбран он был войсковым атаманом в тяжелое для Войска время, в 1630 г., когда после убийства казаками царского воеводы И.Карамышева отношения между Доном и Москвой оказались по существу разорваны. Сменив после этого на посту войскового атамана Волокиту Фролова, при котором было допущено

это убийство, И.Каторжный постепенно повел дело к сближению с московскими властями, к преодолению возникшего в отношениях с ними кризиса. К 1632 г. ему удалось решить такую сложную задачу, как прекращение военных действий, которые вели казаки на море и против Азова, а также послать по требованию правительства на войну с Польшей под Смоленск 400-500 казаков*. (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.205.) Конфликт был преодолен, и отношения между войском Донским и Москвой, которые были натянутыми в течение всех 20-х годов, были урегулированы к выгоде для обеих сторон. В то же время И.Каторжный при всей своей лояльности московским властям не стал добиваться от Войска принятия присяги, на чем настаивало правительство. Присяга так и не была принята. Так, благодаря уверенности и твердости своего атамана войско Донское восстановило отношения с Москвой, сохранив при этом в полном объеме свою самостоятельность.

В трудном положении оказался в конце 1637 - начале 1638 г. герой азовского взятия атаман Михаил Татарин. Ему пришлось столкнуться с неуверенностью части казаков в способности войска Донского отстоять Азов своими силами и со стремлением их пригласить в город царского воеводу с ратными людьми* (РГАДА. Ф.127. 1638. N1. Л.7.) или даже вовсе уйти из него* (РГАДА. Ф.123. 1638. N1. Л.27.) и вернуться к тому положению, которое существовало до азовского взятия 1637 г. М.Татарин был твердым сторонником того, чтобы Войско удерживало Азов своими силами. По-видимому, ему удалось убедить большинство казаков в преждевременности обращения к русским властям за прямой военной помощью, и он был направлен в марте 1638 г. во главе легкой станицы. Во время расспроса в Посольском приказе 4 апреля он заявил о способности Войска самому отстоять город и о том, что "в помощь де себе о воеводе и о ратных людех с ним, атаманом и с казаки от Войска государю бить им челом не наказано"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.702-709.) Заявляя так, атаман стремился к сохранению самостоятельности Войска и не хотел дать повода правительству к вмешательству в те дела, которые казаки считали своими.

То, что во главе войска Донского оказывались далеко не случайные люди, а храбрые боевые предводители и умелые политики, содействовало несомненному росту авторитета атаманского поста среди казаков. Поэтому как правило выходило так, что войсковыми атаманами избирались те, кто имел атаманский опыт. Так, Смага Чертенский упоминался как войсковой атаман с перерывами до 1623 г.*, (Донские дела. Кн.1. Стб.217; А.А.Карасев и Х.И.Попов не упоминали об атаманстве И.Смаги Чертенского в 1623 г.) Е.Радилов - с 1613 по 1630 гг., И.Каторжный - с 1633 по 1648 гг., Н.Васильев - с 1639 по 1656 гг., О.Петров (Колуженин) - с Азовского сидения 1641 г. по 1663 г., П.Федоров (Чесночихин) - с 1645 по 1650 гг., К.Яковлев - с 1661 по 1680 гг. Отдельные войсковые атаманы пребывали на этой должности непродолжительное время. Так, Исай Мартыянов, который стоял во главе казаков, мстивших в 1622 г. за вероломное убийство азовцам на Окупном Яру тридцати атаманов и казаков, безвременно погиб 4 мая 1625 г. в столкновении с запорожцами у Трапезунда после неудачной осады этого турецкого города*. (РГАДА. Ф.123. 1625. N11. Л.11.) Если бы не эта гибель, то он, возможно, был бы знаменит не менее Е.Радилова.

С 1628 г., после отъезда в Москву Е.Радилова, войсковым атаманом стал Волокита Фролов*, (РГАДА. Ф.89. 1628. N2. Л.111.) не упомянутый А.А.Карасевым и Х.И.Поповым среди войсковых атаманов. Пробыл он на этой должности всего два года с небольшим, и в 1630 г. на его место вновь стал Е.Радилов, а В.Фролова уже никогда не избирали на высший войсковой пост, и сведений о нем в источниках за более позднее время нет. Сказалось здесь, очевидно, то, что при В.Фролове произошло резкое ухудшение отношений между войском

Донским и московским правительством, которые были доведены до полного разрыва в связи с убийством царского воеводы И.Карамышева в Монастырском городке 18 сентября 1630 г.* (Там же. 1630. N5. Л.103.) В дальнейшем, когда на Дону стремились всячески сохранять столь необходимые для Войска отношения с московскими властями, не могло, по-видимому, быть и речи о новом избрании В.Фролова, с именем которого связаны были такие неприятные для Москвы события.

На один год и в течение одного года, в 1638 г., был избран войсковым атаманом Тимофей Яковлев Лебяжья Шея вместо уехавшего в Москву во главе легкой станицы М.Татарина*. (Донские дела. Кн.1. Стб.781.) В дальнейшем этот заслуженный воин и участник обороны Азова в 1641 г. более не избирался войсковым атаманом. Казаки, очевидно, учитывали его преклонный возраст и, кроме того, помнили, как в 1632 г. он, находясь в Москве во главе легкой станицы принял по требованию правительства крестное целование. На Дону были тогда настолько возмущены этим, что его вместе с атаманом Богданом Конисским за это даже хотели казнить*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. N39. Л.463.) И в дальнейшем, несмотря на все свои несомненные заслуги перед Войском, он, очевидно, неуютно чувствовал себя среди казаков, что заставило его покинуть Дон после получения в 1643 г. поместной дачи от правительства*. (Донские дела. Кн.4. Стб.705.)

Еще больше решительности и твердости потребовалось от войсковых атаманов во второй половине XVII в., когда на Дону стали усиливаться социальные противоречия. В условиях, когда голытьба и "наброд" становились все более многочисленны, а обстановка все более беспокойной, особенно при С.Разине и во время выступления раскольников в 1686-1688 гг. им приходилось использовать весь свой политический опыт, чтобы сохранить свою власть и руководящую роль старшин на Дону. С большим успехом выполняли свою трудную миссию знаменитые войсковые атаманы Корнила Яковлев (Корней Черкес) и в конце XVII в. - Фрол Минаев. Оба являлись типичными представителями того нового поколения донской старшинско-атаманской верхушки, которое иначе, чем поколение первой половины XVII в., смотрело на взаимоотношения между Москвой и Доном и на положение самого казачества. Едва ли меньшее внимание, чем военным походам, они теперь уже уделяли внутреннему обустройству казачества и казачьему быту, своему хозяйству. Это уже были типичные домовитые казаки, и ради закрепления своего положения они готовы были поступиться в пользу Москвы какой-то частью донской самостоятельности, чтобы получать более прочную поддержку правительства, а также награды и жалованье от него. Не случайно К.Яковлев, возглавляя борьбу донских старшин с разинцами в 1670-1671 гг., делал все возможное для восстановления отношений с Москвой, разорванных весной 1670 г. в связи с успехами С.Разина на Дону*. (Мининков Н.А. Московское правительство и донские казаки накануне и во время крестьянской войны под предводительством Степана Разина. - Известия СКНЦ ВШ. Серия общ. наук. 1978, N1. С.86-87.) Можно сказать, что он оказал влияние на решение очень болезненного для Войска вопроса о выдаче С.Разина вместе с братом в Москву, поскольку сам возглавил станицу, которая повезла их туда по требованию правительства. Немалое воздействие оказал он и на принятие войском Донским присяги в 1671 г., которую многие казаки не хотели принимать. Приняв присягу со своей станицей в Москве, он во многом предопределил ее принятие на Дону. За ним утвердилась стойкая репутация защитника московских интересов, нелестная в глазах голытьбы. В 1675 г. его на круге даже "бесчестили и бить хотели" за намерение выдать в Москву С.Буянку, а в 1677 г. заставили сложить полномочия войскового атамана. Тем не менее, до своей смерти в 1680 г. он еще успел побывать войсковым атаманом. Это было связано с наличием у него солидной опоры среди старшин и до-

мовитых казаков, которые его уважали.

Еще более верным "царевым слугой" был Ф.Минаев, известный сподвижник Петра I по Азовским походам 1695-1696 гг.

Следовательно, несмотря на то, что войсковые атаманы не обладали на Дону всей полнотой власти и зависели от круга, который всегда мог их переизбрать, они, как правило, умели проводить самостоятельную политическую линию, в той или иной форме защищая интересы казачества, и являлись яркими личностями в истории России XVII в.

На ранних этапах истории войска Донского - в конце XVI в., когда оно охватывало лишь низовых казаков, и во втором десятилетии XVII в., когда формировалось Войско, в которое входило все казачество, во главе его источники упоминали двух или более атаманов. В отписке посла Г.Нащокина о пребывании на Дону в мае-июне 1592 г. упоминались имена атаманов Семена Воейкова, Василия Жигулина, Ивана Носа, Ивана Федорова, Ивана Федорова Трубецких, Василия Кабана и Прокофия Трубчанина, с которым были "многие атаманы и казаки"*. (РГАДА. Ф.189. Кн.3. Л.92, 93.) Царская грамота низовым казакам от 31 июля 1594 г. была послана атаманам Никите Болдырю, Степану Ершову и Ивану Носу*. (Акты Лишина. Т.1. С.4.) В 1614 г. отписка с Дона в Москву была направлена от имени семи атаманов - знаменитых Смаги Степанова (Чертенского) и Епихи Радилова, а также от Дмитрия Кабанова, Семена Уколова, Дементия Ерофеева, Михаила Трубченинова*. (Донские дела. Кн.1. Стб.32.) Главным из них был Смага Чертенский, поскольку атаман Игнатий Бедрищев, посланный из Войска в Москву, заявил, что он приехал "от Смаги Чертенского с товарищи снизу доверху"*. (РГАДА. Ф.89. 1615. N4. Л.17.) В 1615 г. упоминались имена двух главных атаманов - Смаги Чертенского и Е.Радилова, в 1617-1618 гг. - Е.Радилова и И.Мартемьянова*. (Материалы для истории войска Донского. Грамоты. С.11, 23, 25; Донские дела. Кн.2. Стб.313.) С 1621 г. в источниках постоянно упоминается имя одного войскового атамана. Наличие же до 1621 г. в источниках двух или более атаманов С.И.Тхоржевский правомерно объяснял тем, что на начальной стадии формирования войска Донского сохранялись "остатки былой самостоятельности отдельных отрядов, станиц, которые вошли в тесный союз"*. (Тхоржевский С.И. Донское войско в первой половине XVII в. С.19.)

Срок пребывания на посту войскового атамана не ограничивался. После своего избрания бывший войсковой атаман формально становился рядовым казаком. Об этом говорил 28 марта 1642 г. участник Азовского осадного сидения атаман легкой станицы Абакум Сафонов, сообщавший о Н.Васильеве, что "он, Наум, был войсковым атаманом до азовской осады на Дону, а в Озовскую осаду был он в рядовых"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.313.) В этом был существенный признак войсковой демократии. Вместе с тем бывшие войсковые атаманы как знатные и заслуженные казаки продолжали пользоваться большим влиянием в Войске и являлись войсковыми старшинами. Иногда они получали почетные поручения возглавить зимовые и легкие станицы в Москву, как, например, тот же Н.Васильев, посланный в столицу сразу же после осадного сидения в конце сентября 1641 г., причем эта станица была особо почетной, поскольку атаман и казаки должны были приниматься как победители над полчищами турок. В 1625 г. бывший войсковой атаман И.Мартемьянов возглавлял морской поход донских казаков на Трапезунд и погиб в схватке с запорожцами после приступа к городу. Сообщая о гибели его в Москву, русские послы в Крыму Прончищев и Болдырев писали, что запорожцы "атамана де донсково лутчево убили"*. (РГАДА. Ф.123. 1625. N11. Л.11.) Особо отмечался в рассказе дворянина С.Протасова о неудачном походе на Азов в 1656 г. факт гибели бывшего войскового атамана П.Чесночихина, захваченного в плен турками и казненного ими*. (Донские дела. Кн.5. Стб.127.) Следовательно, возвращение

войскового атамана на положение рядового казака в случае его переизбрания было, очевидно, формальностью. В самом деле бывшие войсковые атаманы играли немалую роль в Войске.

Войсковые атаманы постоянно должны были находиться на Дону. В случае ухода их в дальний поход или в Москву во главе зимовой или легкой станицы на его место становился кто-либо из старшин. Впрочем, по-видимому, лицо, находившееся на посту войскового атамана, могло быть в походе вне войсковой столицы, но недалеко от нее. Так, летом 1622 г., перед Петровым днем, И.Мартемьянов, "первый атаман" в Войске после отъезда в Москву Е.Радилова, возглавил поход отряда, насчитывавшего более тысячи казаков, "для азовцев под Азов на Мертвый Донец" по вестям о походе на Русь азовцев, крымцев и ногаев*. (РГАДА. Ф.89. 1622. N1. Л.59-60.) Затем, по возвращении в Монастырский городок, Войско получило вести о движении к Азову каравана турецких судов. 7 июля Войско отправилось на море, чтобы перехватить этот караван. Поход вновь возглавил И.Мартемьянов. На этот раз он отправился на "морское устье", где "дожидались" турок. Атаман со своими казаками возвратился в Войско лишь 20 июля, причем как раз в те дни, 12 июля, в Монастырский прибыли царские послы И.Кондырев и Т.Бормосов. Наскоро собрав 20 июля круг для приема послов и жалованья, И.Мартемьянов уже на другой день, 21 июля, вновь отправился в поход "к Азову и на морское устье" и вернулся в Монастырский 26 июля*. (Там же. Л.89-97.)

Во время своего участия в междоусобной борьбе ногаев Урмаметева и Тинмаметева улусов Войско совершило в конце сентября 1636 г. поход на тинмаметевых мурз к урочищу Ачуй "от Азова в пяти днищах" Поход полутора тысяч казаков возглавили войсковой атаман И.Каторжный и М.Татарин*. (РГАДА. Ф.127. 1636. N1. Л.177-178.) Это был довольно далекий поход, поскольку урочище Ачуй находилось у Азовского моря вблизи Протоки и Кубани.

Поход войска Донского на Азов, начавшийся 21 апреля и закончившийся 18 июня 1637 г. взятием крепости, возглавил войсковой атаман М.Татарин, занявший место уехавшего в Москву И.Каторжного. В апреле 1671 г. поход войска Донского из Черкасского городка на разинский Кагальник проходил также под предводительством войскового атамана К.Яковлева*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.61.) Таким образом, отлучки войсковых атаманов из войсковых столиц иногда имели место, но были они непродолжительными и недалекими. В случае же длительных их отлучек, например, при поездках в Москву, избирался другой атаман.

Если в Войско возвращался прежний войсковой атаман, то отношения между ним и новым войсковым атаманом на первых порах не были четко отрегулированы. Иногда новый атаман сохранял свой пост. Так было в 1622 г., когда 12 июля вместе с послами И.Кондыревым и Т.Бормосовым в Войско прибыл Е.Радилов, выбранный при его отъезде в Москву на его место И.Мартемьянов оставался войсковым атаманом. 28 мая 1637 г., в разгар борьбы казаков за Азов, в Войско вернулся из Москвы прежний атаман И.Каторжный*. (РГАДА. Ф.89. 1637. N1. Л.302.) Однако войсковым атаманом по-прежнему оставался М.Татарин, находившийся в то время под Азовом, и был он во главе Войска вплоть до своего отъезда в Москву в марте 1638 г., когда его сменил Т.Яковлев (Лебяжья Шея).

В 40-х годах, после оставления Войском Азова, происходила частая смена войсковых атаманов. Постоянно сменяли друг друга И.Каторжный и П.Чесночихин, а с июня по октябрь 1646 г. войсковым атаманом был Осип Колуженин. Такую частую смену С.З.Щелкунов правомерно объяснял тем, что за каждым из атаманов стояла определенная "партия" казаков. За И.Каторжным стояли казаки-ветераны, помнившие походы под его предводительством на море, к берегам Крыма и Анатолии, сухопутные походы под Темрюк и на Мертвый Донец. Сто-

ронниками П.Чесночихина были более молодые казаки, помнившие, что именно при этом атамане Войско вновь утвердилось в 1644 г. в низовьях Дона, перейдя из Раздор в Черкасский городок. Были его сторонниками и те из новоприборных в 1646 г. людей, которых он привел на Дон*. (Щелкунов С.З. Донские атаманы первой половины XVII века. С.131-132.) Можно, очевидно, добавить, что в пользу О.Колуженина выступали участники Азовского осадного сидения 1641 г., помнившие его как атамана в Азове, возглавлявшего оборону города. Частая смена войсковых атаманов в те годы отражала происшедшую на Дону постепенную смену поколений. Старых казаков, живших в 20-е и 30-е годы и участвовавших в борьбе за Азов в 1637-1641 гг., оставалось уже немного. Казачество пополнялось новыми выходцами из Руси, лучше всего знавшими события последних лет и нового атамана П.Чесночихина.

Начиная с К.Яковлева стал складываться обычай, в соответствии с которым войсковой атаман по возвращении из Москвы или из похода сразу же занимал свой пост. Так произошло в 1671 г., когда К.Яковлев уезжал в Москву во главе станицы, отвозившей по требованию правительства С. и Ф.Разиных. Его место занимал старшина Логин Семенов. Вернувшись на Дон, К.Яковлев вновь занял высший войсковой пост. Сыграло решающую роль то обстоятельство, что в период борьбы с разинцами именно К.Яковлев был настоящим вождем той значительной части казачества, которая выступала против восставших, и завоевал у нее высокий авторитет. Поэтому не удивительно, что сразу после своего приезда К.Яковлев оказался во главе Войска.

К концу XVII в. такой обычай утвердился уже прочно. В 1686 г. войсковой атаман Ф.Минаев отбыл во главе зимовой станицы в Москву. Войсковым атаманом стал знатный старшина Самойло Лаврентьев. Это привело к резким политическим переменам на Дону, поскольку при С.Лаврентьеве верх взяли казаки-старообрядцы, противники Ф.Минаева и его промосковской ориентации. Ф.Минаев отсутствовал на Дону до конца июля 1687 г., так как весной он лишь на короткое время прибыл в Войско, а затем возглавил поход донских казаков на Крым совместно с русским войском под командованием князя В.В.Голицына. Как только он прибыл на Дон, он тут же занял пост войскового атамана* (Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. С.151-152.) без всякого сопротивления со стороны С.Лаврентьева или кого-либо из казаков-раскольников, осознававших, что войсковым атаманом Ф.Минаев становится в соответствии с донскими обычаями и с войсковым правом.

Возвращение войскового атамана на свой пост по приезде его на Дон свидетельствовало о возрастании авторитета и политической роли войсковых атаманов примерно с 60-х годов. В обстановке обострившихся социально-политических противоречий это содействовало определенной стабилизации и укреплению сложившихся на Дону порядков, и в то же время усилению позиций старшинско-атаманской верхушки.

Как высшее должностное лицо казачьего сообщества, войсковой атаман выполнял определенные функции.

Поскольку это сообщество носило боевой характер, войсковой атаман являлся прежде всего военным вождем донских казаков. Все важнейшие боевые акции войска Донского возглавлялись войсковыми атаманами, а каждый из этих атаманов был известен как храбрый и удачливый предводитель на суше и на море. Боевая слава играла значительную роль при избрании в атаманы войска Донского.

Войсковой атаман был гарантом соблюдения обычаев и традиций донского казачества и войскового права. В присутствии войсковых атаманов в войсковой столице вершили суд и расправу. Иногда они выступали в качестве обвинителей. Так, в 1614 г. посол И.Опухтин был свидетелем того, как один из двух войсковых атаманов, Е.Ради-

лов, "бранил" казака, приговоренного на круге к смертной казни, но прощенного по просьбе царского посла, за его "измену", когда он в пьяном виде заявил, что казакам "Ивашка...Зарутцкого не избыть, быть под его рукою"*.(РГАДА. Ф.89. 1614. N1. Л.66-69.) Тот же Е.Радилов в 1627 г. обвинял казаков, ходивших на воровство на Волгу или знавшихся с этими ворами, и проявил инициативу в их наказании и в запрете таких походов*.(РГАДА. Ф.127. 1627. N1. Л.236-238.)

Важной функцией войскового атамана было представительство. Он представлял войско Донское в отношениях его с московским правительством, с соседями-азовцами и с разными ордами, с калмыками и с братской Запорожской Сечью. На его имя приходили царские грамоты из Москвы, и от его имени посылались правительству войсковые отписки. Рассылались также от его имени войсковые грамоты по городкам. Так, в 1638 г. войсковая грамота с призывом идти на защиту Азова была послана от имени войскового атамана Т.Яковлева*.(Донские дела. Кн.1. Стб.809.) Войсковой атаман как бы олицетворял собой суверенитет войска Донского. Не случайно, что когда при Петре I с донским суверенитетом было покончено, войсковые атаманы стали утверждаться правительством начиная с 1718 г.*(Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С.226-227.)

Символом донского суверенитета был, очевидно, не только нынешний, но и любой бывший войсковой атаман. В этом состояла одна из главных причин того, почему требование правительства выдать в Москву бывшего войскового атамана С.Лаврентьева, обвинявшегося в расколе, встретило осенью 1687 - весной 1688 гг. такое упорное сопротивление многих казаков. Дело было не только в том, что большинство казаков составляли старообрядцы. Выдача в сентябре 1687 г. предводителя пришлых из Руси старообрядцев, Кузьмы Косого, произошла без особого сопротивления казаков. Уступая настоятельным требованиям правительства, казаки согласились зимой 1687 г. выдать раскольничьего попа Самойлу. Однако для того, чтобы добиться выдачи С.Лаврентьева, правительству и его сторонникам на Дону во главе с Ф.Минаевым пришлось затратить очень большие усилия, а, главное, арестовать находившихся в Москве во главе зимовой станицы фактического главу казаков-старообрядцев, друга С.Лаврентьева, К.Чурносова. Высылку в Москву бывшего войскового атамана многие казаки считали серьезным ударом по самостоятельности Дона и традиционным правам казачества*.(Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. С.159-160.)

На Войсковые круги войсковой атаман выносил вопросы, которые обсуждали казаки. Обычно круг внимательно выслушивал атамана, когда тот, снимая шапку, давал знак, что желает что-то сообщить. На Дону говорили по этому поводу: "Помолчи, честная станица, атаман трухменку гнет!"*(Картины былого Тихого Дона. Т.1. С.24.) (снимает шапку), и казаки слушали предложение или сообщение атамана. Будучи, таким образом, лицом, зависимым от круга, он пользовался уважением круга и всегда внимательно выслушивался.

Знаком атаманского достоинства служила насека - специальный посох, который вручался на круге лицу, избранному на пост атамана при соблюдении особой церемонии. Название "насека" связано, возможно, с тем, что на ее древке делались насечки ножом в зависимости от количества лет, проведенных тем или иным атаманом на своей должности, или же насечки делались на терновой палке еще во время ее роста, которые затем зарастали*.(Кательников Е. Были донской станицы. С.38.) Выражение "положить насеку" означало - оставить атаманство.

В качестве помощников войсковых атаманов избирались войсковые есаулы. Слово "есаул" заимствовано из татарского языка в XV в. и восходит к монгольскому слову, означавшему "начальник" или "урядник", где корень слова - "яс", "яса" - закон, порядок*.(Эти-

мологический словарь русского языка. Т.1. Вып.5. М., 1973. С.264.) В обычное время войсковые есаулы особой власти не имели. Их обязанностью был созыв казаков на круг. На Дону в XVI-XVII вв. дело это было настолько заурядным, что трудностей у есаула не вызывало. Память об этой обязанности есаула сохранилась в народе вплоть до XIX - начала XX в., когда словом "есаулец" называли того казака, которого станичный или хуторской атаман нанимали за плату для сбора казаков на собрание*. (Словарь русских донских говоров. Т.1. А-З. Ростов-на-Дону, 1975. С.147.)

Иногда, в случае отсутствия войскового атамана, роль войскового есаула возрастала, и на него ложилась значительная ответственность. Прежде всего, он должен был не допускать каких-либо действий, шедших вразрез с войсковыми интересами. В отсутствие атамана от него зависело немало. Так, когда 12 июля 1622 г. послы И.Кондырев и Т.Бормосов прибыли в Монастырский городок, а войсковой атаман И.Мартемьянов оказался в это время в походе на Азовское море, для послов представителем Войска был войсковой есаул, даже невзирая на то, что с ними прибыл из Москвы прежний войсковой атаман Е.Радилов. От есаула зависело разрешение послам отправить от себя станицу в Москву с вестью. Об этом прямо сказал казак Тихон Чулков, присланный к послам от находившегося в походе Войска. Поскольку Войско не желало, чтобы власти узнали о широкомасштабной войне с азовцами как раз в то время, когда прибыли послы и когда для дальнейшего следования послов в Азов нужен был мир, оно не хотело, чтобы послы направляли от себя станицу, и послам было сказано: "будет де без войскового ведома станицу к Москве пошлете, и войсковой де ясаул того не убережет, и ему де, ясаулу, от Войска быть в воде"*.(РГАДА. Ф.89. 1622. N1. Л.89.) Следовательно, за разрешением послать от себя станицу послы должны были обращаться к войсковому есаулу.

Должность войскового есаула считалась на Дону почетной. Не случайно войсковой дьяк Федор Порошин, посланный осенью 1641 г., после Азовского осадного сидения, в Москву в качестве есаула зимовой станицы при атамане Н.Васильеве, писал в войсковых отписках о себе как о войсковом есауле*. (Щелкунов С.З. Донские атаманы первой половины XVII века. С.142.)

На Дону всегда был один войсковой есаул, как и войсковой атаман. Об этом прямо говорили в Посольском приказе в январе 1632 г. казаки, прибывшие с повинной после убийства воеводы И.Карамышева: "как атаманы и казаки и все Войско весною на Монастырском острове живут все в съезде, и они Войском в те поры выберут есаула одново, и живет у них один войсковой есаул"*.(РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. N39. Л.235-236.) Войсковыми есаулами становились наиболее заслуженные казаки, но менее знатные, чем войсковые атаманы. Ранее они могли отличаться в походах и состоять на выборных должностях. Так, например, станичный атаман Анисим Зершик писал в своей челобитной от 26 января 1689 г., что его "за...многие...службишки и за радение войском Донским пожаловали...есаулишком войсковым"*.(Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. С.31.)

Видным лицом в Войске был войсковой дьяк. В дорожнике, опубликованном А.А.Зиминым, говорилось о дьяках во множественном числе, которые "бывают" вместе с атаманом и есаулом в городке Стыдное Имя*. (Зимин А.А. Русские географические справочники XVII в. С.229.) Поскольку войсковой дьяк был один, речь в дорожнике шла, очевидно, не только о нем, но и о войсковом подьячем, и, возможно, еще о каком-то казаке или казаках, служивших под началом войскового дьяка в войсковой канцелярии.

Какого-либо особого политического влияния войсковые дьяки не имели, и голос их на войсковых кругах не был слышен. Однако от них зависело немало, поскольку при их участии составлялись войс-

ковые отписки в Москву и другие документы, исходившие от Войска. Грамотность – главное требование, предъявлявшееся к войсковому дьяку и ко всем тем, кто служил в войсковой канцелярии. Из войсковых дьяков политическую роль, пожалуй, пытался играть лишь самый известный из них, Ф.Порошин. Во время пребывания Войска в Азове он был среди тех казаков, которые стояли за присылку в город царских ратных людей, чтобы удержать его. В составленной им войсковой отписке в Москву от 10 сентября 1640 г. содержался обращенный к царю призыв "принять" город "в вотчину...царевичу Олексею Михайловичю" и утверждалось, что казаки "не горододержьцы"*.(Донские дела. Кн.2. Стб.51.) Отписка была отправлена со станицей атамана Дементия Гаврилова. Очевидно, что на Дону было немало несогласных с мнением войскового дьяка о необходимости приглашения ратных людей, тех, кто верил в способность Войска своими силами отстаивать Азов. Поэтому Д.Гаврилов, очевидно, и сказал в Посольском приказе 2 сентября 1640 г., что "писал де мол так негоже и негораздо войсковой дьяк Федор Иванов" (Порошин – Н.М.)*.(Там же. Стб.63.) Когда после Азовского сидения стало ясно, что без помощи правительства город удержать не удастся, Войско и послало в Москву со станицей Н.Васильева войскового дьяка Ф.Порошина, умевшего отстаивать свою точку зрения и твердо убежденного в необходимости прихода в Азов правительственных войск. В Москве он написал "Поэтическую" повесть об обороне Азова в 1641 г., целью которой было воздействовать на власть и на земский собор, от которого зависело принятие решения об Азове. К весне 1642 г. правительство твердо решило не принимать Азов у Войска, а войсковой дьяк, продолжавший настаивать на принятии города, был сослан в Сибирь*, (Робинсон А.Н. Повести об азовском взятии и азовском сидении. – Воинские повести Древней Руси. С.227.) тем более, что имелся удобный повод, связанный с совершением Ф.Порошиным подлога.

Помимо Ф.Порошина, не известны какие-либо дьяки, пытавшиеся играть политическую роль. Но очевидно, однако, и то, что для пребывания на этой должности необходима была не только грамотность, но и определенный политический опыт, и знание сложившейся в донской войсковой канцелярии литературной традиции. Поэтому войсковые дьяки были люди немолодые, и пребывали они на этой должности довольно продолжительное время. Таким войсковым дьяком был Михаил Петров, о котором в 1650 г. московские станичники сказали, что "он на Дону человек знатный, и у государевых дел и у войсковых писем работает войсковым дьячим давно"*. (Донские дела. Кн.4. Стб.499–509.) Он же был войсковым дьяком и в 1657 г.* (Донские дела. Кн.5. Стб.212.)

Руководитель войсковой канцелярии не замыкался обычно в избе, готовя войсковые документы. Он жил полнокровной боевой жизнью вместе со всеми казаками. Так, в 1622 г. войсковой дьяк Тихон Чулков был на море под Азовом вместе с атаманом И.Мартемьяновым, а когда 12 июля в Монастырский городок прибыли послы И.Кондырев и Т.Бормосов, он от Войска был послан к ним и встретился с ними 19 июля, за день до приезда И.Мартемьянова*. (РГАДА. Ф.89. 1622. N1. Л.87–90.) Ф.Порошин был участником обороны Азова в 1641 г. В бою с азовцами в 1646 г. участвовал М.Петров. Он попал в плен, был продан в рабство и побывал в Крыму и в Константинополе. По его словам, в Азове узнали, что он не простой казак, но войсковой дьяк. Его пытали, требуя от него сведения о Войске, но он не выдал "войсковых дел". Ему удалось бежать, и через Персию он пробрался на Терек, а затем вернулся на Дон*. (Донские дела. Кн.4. Стб.501–504.)

Помощником дьяка был войсковой подьячий, возможно, не один. Сведения о войсковых подьячих сохранились от конца XVII в. По сообщению посланного на Дон в 1684 г. подьячего Посольского приказа

Ахматова, казаки в кругу "велели честь государеву грамоту войсковому подьячему". Другой подьячий Посольского приказа, Каменский, докладывал в том же 1684 г., как войсковой атаман Ф.Минаев, приняв царскую грамоту, велел в кругу читать ее войсковому подьячему*. (Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. С.31.) По-видимому, войсковые подьячие, помимо чтения в круге царских грамот и иных поступавших в Войско документов, писали документы от Войска, словом, занимались в войсковой канцелярии технической работой.

Близким к общевойсковому было устройство управления на местах, по отдельным городкам. Атаманы в городках ведут свое происхождение от атаманов отдельных казачьих отрядов XVI в., бродивших по Дикому Полю, а затем создававших в "крепких" местах на Дону и по запольным рекам поселения-городки. Так возникли 3-4 "города" атамана Сары Азмана, упомянутых под 1549 г. Знаменитый современник Сары Азмана, Миша Черкашенин, водивший донских казаков под Керчь и под Азов, также был сперва атаманом в "остроге" возле Перволоки, упомянутой под 1548 г. Имена атаманов в городках встречаются не часто, поскольку роль их в масштабах всего Войска была невелика. В своих городках они были прежде всего боевыми предводителями, возглавляя походы казаков или их оборону от противника. В 1641 г., когда турки осаждали Азов, атаман Черкасского городка Степан Иванов посылал в поход сто своих казаков под Азов за языками*. (Донские дела. Кн.2. Стб.228.) Два атамана - мигулинский Никифор Чернушкин и вешенский Иван Щепоткин - командовали 16 апреля 1682 г. казаками городков Донецкого, Мигулина, Тишанки, Решетова и Вешенского в сражении с восставшими казаками под предводительством атаманов Ильи Форонова и Ивана Длинного и разгромили их*. (Королев В.Н. Старые Вешки. С.58-59.) Иногда во главе казаков того или иного городка стояли местные есаулы, как, например, поход под Азов ста черкасских казаков за языками возглавил есаул Филипп Афанасьев*. (Донские дела. Кн.2. Стб.228.)

Другой функцией атамана в городках было представительство своего городка в Войске. В этом ему помогала небольшая канцелярия, существовавшая в каждом городке, где сидел грамотный казак, знакомый с традициями донского делового письма. Из этой канцелярии осуществлялась переписка городков с Войском и между городками, составлялись документы типа сохранившейся в Донских делах памяти казаков Черкасского, Маньчского и Бесергеновского городков казакам верховых городков от лета 1641 г. с призывом идти к Черкасскому городку для борьбы с осаждавшими Азов турками и татарами*. (Там же. Стб.249-252.)

Атаманы и есаулы избирались казаками отдельных отрядов, уходивших в морские или сухопутные походы, а также в зимовых и легких станицах. В первом случае атаманы назывались походными, во втором - станичными. В боевой обстановке власть атаманов значительно усиливалась, и в походах среди вольного казачества господствовала железная дисциплина.

Высшим органом власти был Войсковой круг, а войсковой атаман являлся представителем исполнительной власти. В совокупности это составляло основу войскового суверенитета. Еще одной его основой являлось войсковое право и судебная власть.

3. Войсковое право и судебная власть.

Важным свидетельством политической самостоятельности войска Донского и его обособленности от России было наличие на Дону в XVI-XVII вв. своего особого войскового права и собственного суда.

Донское казачество в своей основной массе генетически относилось к русскому народу, а Дон был тесно связан с Россией, однако общегосударственные правовые нормы в пределах войска Донского не действовали. Поэтому ни в судебных актах XVI в., принимавшихся при

Иване Грозном и Федоре Ивановиче, ни в Соборном Уложении 1649 г. о донских казаках речи нет. Донские казаки были вне государственной юрисдикции. Как указывал Г.Котошихин, если кто из донских казаков, "будучи на Москве или в полках кто что сворует, царского наказанья и казней не бывает, а чинят они меж собой сами же"*. (Котошихин Г. Указ. соч. С.135.) Русские послы никогда их не выкупали из турецкого и крымского плена. В Соборном Уложении выкупу пленных была посвящена глава 8, где предусматривался выкуп дворян и детей боярских, стрельцов, посадских людей, пашенных крестьян и боярских людей. Был предусмотрен и выкуп казаков - по 25 рублей за человека. Однако речь в статье 5 шла не о донских казаках, а о казаках, служивших в гарнизонах украинских городов*. (Русское законодательство X-XX веков. Т.3. М., 1985. С.98.) Напротив, по поводу донских казаков правительство не раз уверяло турецких и крымских дипломатов в том, что оно "за них не стоит". Следовательно, выкупать их из плена или брать их под свою юрисдикцию означало бы признать перед Турцией и Крымом свою заинтересованность в казачестве, и, следовательно, причастность к их нападениям на турецкие и крымские владения, что грозило испортить отношения с этими государствами. Идти на это в Москве опасались.

Отказ от осуществления судебной власти над казаками не означал, что власти полностью отказывались от того, чтобы самим наказывать их. Известно, что воеводы нередко вешали атаманов и казаков, ходивших для воровства на Волгу. Так, например, был казнен атаман Бритоус, участвовавший в 1581 г. в нападении на русского посла В.Перепелицына совместно со знаменитым сподвижником Ермака атаманом Иваном Кольцо*. (РГАДА. Ф.127. Кн.10. Л.258-258 об.) Наказывало правительство не только воровских казаков, но и лучших казаков, посылавшихся в зимовых и легких станицах. В 1625 г. оно сослало на Белоозеро атамана Алексея Старого и 5 казаков его станицы*. (Донские дела. Кн.1. Стб.246.) В 1630 г. были сосланы уже 70 казаков атамана Наума Васильева, причем еще дальше, в Холмогоры, а "рухлядь" станицы была опечатана и свезена в Посольский приказ*. (Там же. Стб.323-324.) В 1642 г. был сослан в Сибирь есаул зимовой станицы Федор Порошин, причем несмотря даже на то, что он являлся героем осадного сидения в Азове. С.З.Щелкунов утверждал, что правительство, узнав о совершенном Ф.Порошиным подлоге, когда он представлял в Москве Н.Васильева войсковым атаманом, а себя - войсковым есаулом, будто бы велело Войску самому наказывать его*. (Щелкунов С.З. Донские атаманы первой половины XVII века. С.142.) Едва ли это верно. Войско Донское ссылкой в Сибирь никогда никого не наказывало и наказывать не могло, и вообще не знало такого наказания как ссылка. Наказало Ф.Порошина само правительство.

Казнен в Москве был 6 июня 1671 г. и донской казак С.Разин.

Следовательно, донские казаки, не попадавшие в целом под юрисдикцию Российского государства, в отдельных случаях несли наказание от правительства, в том числе самое суровое - смертную казнь. Однако такие случаи были весьма редки и, можно сказать, исключительны.

В целом в Москве признавали войсковое право и и войсковой суд и не раз обращались в Войско с тем, чтобы оно использовало его - обычно в борьбе с казачьим воровством на Волге. В царской грамоте на Дон от 22 октября 1625 г. содержалось требование, чтобы казаки войска Донского тем казакам, "которые ходят на Волгу и на Яик" "чинили...наказанье по своему суду, как у вас на Дону повелось"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.252-253.) В грамоте от 4 июня 1659 г. правительство велело Войску казнить воровских казаков за ограбление на Волге у урочища Дубовый остров торговых людей*, (Донские дела. Кн.5. Стб.481-482.) что должно было происходить в соответствии с действовавшим запретом выходов на Волгу, не

раз подтверждавшимся на Дону и, следовательно, с войсковым правом.

В связи со сбором многих казаков в 1667 г. в Паншинском и Качалинском городках для похода на Волгу правительство послало 22 марта грамоту на Дон. В ней оно потребовало от Войска не допустить их выхода на Волгу, а тем, "которые учинятца непослушны", "учинить наказание по нашему великого государя указу и войсковому праву"*.(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.74.) Таким образом, в этой грамоте требование подкреплялось авторитетом указа государя, однако это не отменяло традиционную ссылку на войсковое право. И если правительство в чем-то и выражало недовольство Войском в связи с войсковым правом, так это именно в том, что войсковое право казаки не всегда использовали. Отразилось это и в тексте присяги, принятой Войском в августе 1671 г., где атаманы и казаки прямо обвинялись в том, что они над С.Разиным "никакова поиску не чинили, и от воровства ево не унимали"*.(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.147.) Предъявляя такие претензии, правительство имело в виду то, что войсковое право, предусматривавшее смертную казнь за выходы на Волгу, позволяло старшинам вести с восставшими казаками более решительную борьбу еще в самом начале движения, весной 1667 г., когда только лишь обнаружилось их намерение идти на Волгу. Применение войскового права позволило бы, по мысли правительства, пресечь движение в зародыше.

Для казачества войсковое право имело столь важное значение, что даже рубежи своей земли Войско иногда определяло выражением: "покуды казачьева присуду"*.(Донские дела. Кн.1. Стб.811.) И, поскольку в войсковой грамоте 1638 г., где было употреблено такое выражение, содержался призыв к приходу казаков из всех городков на защиту Азова, следовательно, "казачий присуд" охватывал все городки.

Возможно, что еще с конца XVI в. сложилась традиция, в соответствии с которой в главном городке Войска судили казаков. В опубликованном А.А.Зиминым дорожнике, отражавшем расселение донских казаков в 90-е годы XVI в., говорилось о низовом городке Стыдное Имя: "казачьи городки судимы все тут"*.(Донские дела. Кн.3. Стб.798.) В дальнейшем, когда войсковая столица перемещалась в другие городки (Монастырский, Азов, Раздоры, Черкасский), туда перемещался и войсковой суд. Нахождение в свое время в городке Стыдное Имя войскового суда нашло отражение даже в настоящем названии этого городка - Бодок, как назвал его в Москве в 1648 г. есаул Василий Микитин, и в еще более выразительном названии - Эпок, как назвал его в 1638 г. донской татарин Байда Юмашев, живший в нем с 1634 г.*(РГАДА. Ф.127. 1689. №1. Л.23.) Связь этого хлесткого слова, ставшего географическим названием, с войсковым судом и с наказанием провинившихся казаков, очевидно, вполне ясна.

Таким образом, территория войска Донского составляла казачий присуд, где действовали нормы войскового права. Оно распространялось на всех казаков. Вместе с тем войсковое право распространялось не только на казаков, но и на всех лиц, находившихся на Дону по разным делам и прибывавшим из России и из иных государств. Эти люди подлежали суду за предосудительные с точки зрения Войска поступки, причем в отдельных случаях их приговаривали к смертной казни и убивали.

Первый раз это произошло в 1630 г., когда был убит воевода И.Карамышев. К тому времени резко обострились отношения между казачеством и властями в связи с тем, что Войско, несмотря на запреты Москвы, продолжало вести боевые действия против Турции и Крыма. На Дону были очень недовольны ссылкой в Холмогоры станицы атамана Н.Васильева в наказание за непослушание казаков. Кроме

того, казаки опасались того, что правительство пошлет на них ратных людей. Поэтому к приезду И.Карамышева обстановка в Монастырском городке была накалена. Об убийстве воеводы на круге 18 сентября* (РГАДА. Ф.89. 1630. N5. Л.183.) подробно рассказал в Москве донской казак Семен Саблин. По его словам, как только из Москвы на Дон прибыл казак Ивашко Лагутин, которому удалось уйти и избежать отправки в ссылку со всей станицей Н.Васильева, он рассказывал казакам, что атамана и всю станицу "разослали по городом по тюрьмам", а "Иван де Карамышев напросился у государя идти на Дон сам...что ему на Дону донских казаков вешать и побивать". Это решило участь воеводы. Разгневанные и возбужденные казаки вызвали его на круг. Обвинив его в том, что он при чтении государевой грамоты "против государьского имени шапки не снял, стоял, закуся бороду", казаки зарубили его саблями, а "убив, вкинули в воду в реку Дон"*.(Там же. Л.113-115.)

Второй случай убийства Войском человека, не относившегося к донскому казачеству, имел место в Азове в конце 1637 г., когда был убит запорожский атаман Матьяш. Причиной его убийства, судя по рассказу в Посольском приказе атамана Михаила Татарина, был "бунт" Матьяша против Войска. Тело убитого "поленьем" атамана также "вкинули в Дон"*.(Донские дела. Кн.1. Стб.706-707.)

Третий случай подобного убийства произошел в 1670 г. Когда на круге 12 апреля должны были избрать легкую станицу для посылки в Москву, туда явился С.Разин и вызвал посланника Г.Евдокимова. Обвинив его в том, что он послан на Дон "лазутчиком", С.Разин "учал ево, Гарасима, бранить и бить и, бив до полусмерти, посадил в воду в Дон реку". Гибель Г.Евдокимова была вызвана активностью на круге сторонников С.Разина. Однако это убийство отличалось от убийств 1630 и 1637 гг. тем, что оно было произведено без согласия многих казаков и самого войскового атамана К.Яковлева, который после этого сказал С.Разину, "что он так учинил непригоже"*.(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.165.) Убийство Г.Евдокимова объяснялось тем, что к тому времени власть на Дону оказалась фактически в руках С.Разина и его сторонников.

Однажды, в 1637 г., имел место случай убийства казаками турецкого посланника Ф.Кантакузина и людей из его свиты. Произошло это 5 июня, во время осады Войском Азова, когда посол и его "люди" были вызваны на круг. Атаманы Иван Каторжный и Наум Васильев предъявили послу ряд обвинений. Был зачитан приговор, по которому "все Войско" постановило его и его посольство "казнить...смертью". По сообщению толмача А.Буколова, приговор тут же был приведен в исполнение. Ф.Кантакузина и "лутчих людей 30 человек" из его посольства тут же "побили" "саблями, топорами и рогадинами"*.(РГАДА. Ф.89. 1635. N2. Л.193-195.)

Не всегда, конечно, провинившихся людей, не относившихся к Войску, ждала на Дону смертная казнь. Случаи смертной казни были не часты. Чаще имели место другие, более мягкие наказания. Так, например, произошло в 1640 г. с неким армянином Мануилом, прибывшим в Азов по пути из Польши "в Перскую землю" в качестве, как выяснили казаки, посланника польского короля Владислава IV и имевшим "лист польского короля семь листов за глухими печатями". В Азове, по словам войсковой отписки от 12 июня 1641 г., "Манайлишко учал на кабаках пить и зерню играть, и ясырь с собою на постель покупать...и как...свое проворовал, и стал у наших казаков денги заимовать, а не платить". Учитывая его поведение в Азове, а также то, что он был "уроженец...Астрахани", Войско отослало его к Москве вместе с польской королевской грамотой со станицей атамана Анисима Никифорова*, (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N152. Л.5-6.) отправив его по существу под арестом.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что войско-

вое право распространялось не только на донских казаков, но и на всех лиц, находившихся на Дону, независимо от их подданства.

Высшим судебным органом на Дону был войсковой суд. В отличие от Запорожской Сечи, на Дону отсутствовал пост войскового судьи*. (Мищик Ю.А., Плохий С.М., Стороженко І.С. Як козаки воювали. Дніпропетровськ, 1991. С.90.) Проводило суд и выносило приговор все Войско в целом, а реально - от имени Войска те казаки, которые присутствовали на круге.

Судебная процедура на круге была упрощенной и скорой. Составными ее элементами были: доставка обвиняемого, которого вызвали в круг, предъявление ему обвинения, оглашение приговора, и немедленное, если это было возможно, исполнение его.

Не во всех, однако, случаях, все эти элементы имели место. Возможно, что даже не всегда успевали прочесть приговор. Так, из рассказа казака С.Саблина об убийстве воеводы И.Карамышева не видно, что ему был зачитан приговор. Возможно, что разгневанные казаки очень торопились убить воеводу, в котором видели они столь ненавистного для них боярина, выразившего к тому же желание, как думали на Дону, "вешать и побивать" казаков. Тем более ничего похожего на судебную процедуру не было при убийстве Г.Евдокимова. Более того, можно сказать, что оно было совершено вопреки воле Войска и являлось поэтому несомненным нарушением войскового права. Впрочем, для казаков, по-видимому, соблюдение своей даже весьма упрощенной процедуры войскового суда было не столь уж обязательным делом. Главным для них была не процедура, а итог суда, вернее, сам приговор и приведение его в исполнение. Поэтому, давая оценку войсковому суду, З.И.Щелкунов отмечал, что "вся его жестокость, весь внушаемый им ужас заключался в непосредственности, после произнесения приговора, исполнения наказания. Это - жестокость... всех вообще самосудов"*. (Щелкунов З.И. Преступления против "войска" по древнему казачьему праву. - СОВДСК. Вып.8. Новочеркасск, 1908. С.165.)

Жестокостью, однако, по мнению З.И.Щелкунова, отличался не только суд, но и войсковое право вообще, причем даже по меркам России XVI-XVII вв.* (Там же. С.164.)

На каких-либо писаных законах оно не основывалось. На Войсковых кругах "дела решались без каких-либо писаных законов, а по древним... казачьим обычаям"*. (Савельев Е.П. Войсковой круг на Дону. Исторический очерк. Новочеркасск, 1902. С.3.) Следовательно, войсковое право - это обычное право. В этом отношении войско Донское имело сходство с обществами и государствами, находившимися на начальной стадии развития цивилизации, например, с некоторыми народами Северного Кавказа*. (Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI - 30-е гг. XIX вв.). М., 1963. С.19.) Известно, что решения о наказании за некоторые преступления, например, о смертной казни за поход на Волгу*, (РГАДА. Ф.127. 1627. №1. Л.237-238.) принимались на Войсковых кругах. Однако эти решения не записывались и также считались за обычай.

Наиболее тяжелые с точки зрения Войска преступления наказывались смертной казнью. По словам Г.Котошихина, казнили на Дону "за воровство, или за иные дела, и не за крепкую службу"*. (Котошихин Г. Указ. соч. С.135.) А.И.Ригельман считал, что "смертью наказывается виновник за оскорбление общества, возмущение, злодейское убийство и междоусобное воровство"*. (Ригельман А.И. Указ. соч. С.26.) Под оскорблением общества он понимал "непристойные речи", о которых сохранились отдельные сведения. Посол И.Опухтин сообщал, как в 1615 г. по приговору Войскового круга был повешен казак, заявивший, что Войску "быть под...рукою" "Ивашка Зарутцко-го". Эти слова Войско признало за "измену"*. (РГАДА. Ф.89. 1614. №1. Л.66.) За "непристойные речи" казнили в 1672 г. казака Ивашку

Карамышева. Дело заключалось в том, что перед проведением Войскового круга вышел "казак...во всем Черкасском городке, чтоб все атаманы и казаки в курени для питья не ходили и не покупали, и дарового не пили для того, чтобы они к завтраку все были трезвы". Нарушителей должны были "по их войсковому зычаю до веку живота его бить и грабить". Предупреждены были и торговые люди и "их казачские чумаки", что за продажу вина казакам им "такое же разоренье будет". Несмотря на запрет, казак И.Карамышев явился на струг к торговому человеку и "просил вина в куплю". Тогда он заявил торговому человеку: "опасны де они, мужики (торговые люди - Н.М.) Корнила Яковлев и их лутчих людей, а их де братью, голутву, ни во что ставите, а они де, голутва, не зарекаютца их, мужиков, и опять трехнуть". Эти слова подслушал один казак и донес о них войсковому атаману. И.Карамышева "того же дни казнили - отсекли голову"*.(РГАДА. ф.111. 1672. N14. Л.108-122.) Казнь, несомненно, была вызвана тем, что от слов И.Карамышева явно повеяло духом Разинского восстания, и повторения на Дону чего-либо подобного войсковые власти и многие казаки очень опасались.

При всей своей несомненной жестокости наказания в войске Донском не всегда были неизбежны и неотвратимы. Об этом наглядно свидетельствует история казака Артемия Заики. Он пришел на Дон в 1648 г. с воеводой А.Лазаревым, служил "в солдатах" и остался на Дону. Жил он у казаков два года, "и з Дону де збежал в Азов, и в Азове бусурманился", и был он в этом городе три года. Затем он вернулся на Дон. В Войске ему не было наказания потому, что когда ему стало известно о намерении паши идти войною на казачьи городки, он ушел из Азова и предупредил об этом казаков. За это явная измена в прошлом была ему прощена. Такое прощение объяснялось тем, что Войско не желало, по-видимому, отрезать пути назад для тех казаков, которые когда-либо по каким бы то ни было причинам изменят и уйдут из Войска в Азов, или для тех, кто, возможно, был, кроме А.Заики, в Азове и "бусурманился", как и он. Сказался, по-видимому, и отходчивый характер казаков, простивших прошлую измену за столь важную услугу, оказанную после нее. А.Заика, однако, не оценил проявленной к нему милости, оставаясь в душе изменником. Через два года он опять бежал в Азов. И когда вторично он оказался в руках казаков, Войско также не стало его казнить, а послало его к Москве со станицей атамана Корнея Черкеса (К.Яковлева)*.(Донские дела. Кн.4. Стб.916-917.) Такая отсылка объяснялась, по-видимому, тем, что недавнего солдата, уже дважды изменявшего, в Войске не пожелали признавать за своего.

Помимо преступлений, указанных Г.Котошихиным и А.И.Ригельманом, смертной казнь карались на Дону кражи. Казаки были очень склонны к грабежу противника, причем боевая добыча считалась у них делом доблести и казацкой чести. Они вполне допускали грабежи русских и иностранных купцов на Волге и наказывали за это лишь по настоятельному требованию русских властей. Однако кражи в своей среде казаки совершенно не терпели. И когда Войску пришлось объяснять причину казни в 1646 г. трех-четырёх человек из числа прибывших на Дон вольных охочих людей, казаки отвечали: "у них на Дону кража не повелась: да не токмо де что новых, и старых де казаков казнили за воровство"*,(Донские дела. Кн.3. Стб.275-276.) а эти казненные люди были пойманы именно на кражах.

Существовало несколько способов приведения в исполнение смертных приговоров. Г.Котошихин отмечал, что "кого лучитца им (донским казакам - Н.М.) казнить за воровство, или за иные дела, и не за крепкую службу, и тех людей, посадя на площади, или на поле, из луков или ис пищалей розстреливают сами"*.(Котошихин Г. Указ. соч. С.135.) А.И.Ригельман относил к числу наиболее ранних форм смертной казни в Войске утопление приговоренных в Дону, когда на них "надевали мешки, которые наполняли песком и камнями,

и так бросали в воду"*.(Ригельман А.И. Указ. соч. С.26.) Этот способ казни был очень распространен. Во всяком случае, когда 4 октября 1670 г. Войско захотело отправить в Москву станицу во главе с атаманом Родионом Колужениным, сторонники С.Разина, не желавшие допустить сношения донских старшин с правительством, "закричали: ...разве де похотели в воду, которые поедут...". Всем стало понятно, о чем шла речь, и тем самым разинцы "отговорили" старшин от посылки станицы*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.2. Ч.2. С.57.)

По-видимому, казнь путем потопления в Дону носила у казаков в определенной степени характер какого-то мрачного ритуала. Не случайно в этой связи даже трупы воеводы И.Карамышева, убитого в 1630 г., и атамана запорожских черкас Матяша, убитого в 1637 г., казаки "вкинули в воду". Очевидно, такой ритуал не случаен для общества, в жизни которого река играла такую важную роль.

Войсковое право предусматривало, таким образом, весьма широкое применение смертной казни, и в этом отношении его можно считать жестоким. Вместе с тем оно предусматривало защиту от произвола. Так, еще А.И.Ригельман, говоря о смертной казни на Дону, отмечал, что "онные наказания только в главном городе их бывали"*.(Ригельман А.И. Указ. соч. С.26.) Эти сведения, приведенные строителем крепости св.Димитрия Ростовского, относятся к его времени, т.е. к середине - второй половине XVII в. Есть, однако, основания полагать, что такой порядок приведения смертного приговора имел место на Дону и в XVII в. Так, например, произошло в 1613 г. Русский посол С.Протасьев сообщал, что когда он ехал вниз по Дону, в городке Нижнем Курман Яре казак Семейка Еболда говорил ему и донскому атаману Гаврилу Стародубу "непристойные речи", будто бы "калужский жив", т.е. будто бы Лжедмитрий II не был убит 11 декабря 1610 г. татарами во время охоты под Калугой. Подобные речи многим на Дону казались весьма опасными, поскольку было известно о сочувствии некоторых казаков И.Заруцкому и Марине Мнишек с ее сыном. Поэтому С.Еболда был доставлен в Войско, где его "про то розспрашивали, и, сыскав ево воровства, приговорили посадить в воду"*.(РГАДА. Ф.89. 1613. №1. Л.162.) Характерно, таким образом, что следствие, когда обвиняемого "розспрашивали" и "сыскивали" "его воровство", суд над ним и приговор ему - все это имело место в Войске, а не в Нижнем Курмоярском городке, где от него слышали "непристойные речи". Подобный же случай имел место в январе 1660 г., когда Войско разрушило воровской городок Ригу. Захваченных в плен воровского атамана Ваську Прокофьева, есаула Петруньку и других казаков, всего десять человек, не казнили на месте, а привезли в Войско "для вершенья", "спрашивали в кругу о том их воровстве" "и...за такое их воровство повесили"*.(Донские дела. Кн.5. Стб.658.)

Еще одним способом предохранения от произвола признавалось на Дону право царского посла "отпрашивать" у Войскового круга от имени государя приговоренных к смертной казни. Такой случай произошел в 1615 г., когда посол И.Опухтин "отпросил" у круга казака, приговоренного к смертной казни за "непристойные речи". Характерно, что послу, как он сообщал в Москву, "многие де казаки...били челом, чтоб он...того молодца для царского величества измену у них отпросил, а он де виноват без хитрости, не умышляет, ему со пьяна"*.(РГАДА. Ф.89. 1614. №1. Л.66-67.) Не случайно, очевидно, и казаки признавали за послом это право, и правительство не препятствовало тому, чтобы послы пользовались им. Для казаков существование его означало некоторое смягчение суровости войскового права. Для правительства смысл был в том, что тем самым в глазах казачества укреплялся царский авторитет, вера в доброго государя и казачий монархизм.

И все-таки суровость войскового права имела немалый смысл

для донского казачества. Оно помогало сдерживать страсти этого свободного, крайне эмоционального и к тому же вооруженного общества. Во всяком случае, угроза суровой расправы являлась одной из причин того, что с 1617 г., когда "выбили ис круга" и "лаели" войскового атамана Смагу Чертенского*, (РГАДА. Ф.89. 1617. №1. Л.89.) и вплоть до появления С.Разина каких-либо смут и междоусобиц в Войске не наблюдалось. И даже в период пребывания Войска в Азове, когда между казаками шли довольно жаркие споры о том, стоит ли приглашать на помощь царских ратных людей с воеводой и удерживать Азов вообще*, (РГАДА. Ф.123. 1638. №1. Л.27.) до внутренних конфликтов и смут дело не доходило. И лишь начиная с 1670 г. и в послеразинское время, когда социальные противоречия на Дону стали очень заметны, войсковое право и даже угроза смертной казни перестали играть прежнюю сдерживающую роль. Поэтому не случайно старшины все чаще обращаются к более сдерживающему средству, к выдаче в Москву людей по требованию правительства. Идя на выполнение этих требований, войсковая верхушка надеялась сдерживать казаков уже не столько с помощью войскового права, сколько с помощью угрозы страшных московских застенков, и тем самым она поступалась одним из важнейших принципов донского суверенитета.

Цель жестоких наказаний, предусматривавшихся войсковым правом, определялась стереотипной для средневековой Руси и для средневекового правосознания вообще формулой: "дабы другим неповадно было". Правительство не раз, когда указывало Войску, чтобы оно наказывало ходивших на Волгу воровских казаков, требовало: "учинить им по своему войсковому праву смертную казнь, чтоб, на то смотря, иным неповадно было воровать"*.(Напр.: Донские дела. Кн.5. Стб.481.)

За различные другие менее тяжкие проступки казаков могли наказывать не только в Войске, но и в отдельных городках. Подвергавшиеся наказанию казаки назывались пенными, от слова "пеня". Им в течение того времени, пока действовало наказание, запрещалось появляться в Войске. Для казаков это было достаточно тяжелое наказание, так как они тем самым лишались возможности ходить с Войском в большие походы и вынуждены были прозябать в своих городках, участвуя лишь в ближних походах с казаками своего городка или занимаясь промыслами. Их, очевидно, было немало. Не случайно в войсковой грамоте 1638 г., посланной по городкам, содержался призыв, чтобы в Азов "ехали к Войску всякие люди, пенные и не пенные, а вина им отдана"*.(Донские дела. Кн.1. Стб.810.) Следовательно, пенных казаков было настолько много, что приезд их в Азов имел бы, по мнению Войска, немалое значение для укрепления обороны города. Кроме того, вызов пенных казаков к Войску означал, что "вина им отдана", т.е. их прощение.

Войсковое право регулировало, кроме того, имущественные взаимоотношения. Регулирование этих взаимоотношений было важно, поскольку многие казаки были зажиточны и обладали немалым имуществом. Знало войсковое право и известный на Руси правед. Так, в Азове в 1641 г. на правед был поставлен уже упоминавшийся армянин Мануил, занимавший у казаков деньги и не отдававший долга, причем на праведже его били и настолько сильно, что он, "не стерпя праведжу", отдал казакам королевский лист*.(РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. №152. Л.5, 11.) По-видимому, среди казаков имущественные разборки были не часты, и сведения о них в источниках отсутствуют, поскольку в отношениях между собой казаки отличались честностью и порядочностью.

Войсковое право составляли, кроме того, те правовые основы взаимоотношений между войском Донским и Российским государством, которые сложились в XVI-XVII вв. и которые составили основу своеобразного для той эпохи политического положения донского казачества.

Подведем итоги.

1. С конца XVI в. в источниках появляется упоминание о войске Донском как о единой военно-политической организации донского казачества. К тому времени она охватывала низовых казаков. Казачьи городки Верхнего Дона и запольных рек выше Раздоров были обособлены от Войска.

2. Во втором десятилетии XVII в. произошло объединение в войско Донское всего донского казачества. Такое объединение выражало интересы как донских казаков, так и русского правительства, которое всячески поддерживало объединительный процесс на Дону и по мере возможности пыталось его ускорить.

3. К началу 20-х годов власть Войска на Дону признавали все казаки, а также Москва, Запорожская Сечь и соседние государства, прежде всего Польша. Войско при этом решительно пресекало всякую попытку обособленного от себя существования той или иной группы казаков.

4. Существовавшее у донских казаков в XVI-XVII вв. демократическое устройство внутренней жизни соответствовало традициям русского средневекового общества и отвечало стремлению уходивших из Руси на Дон людей – выходцев из разных общественных слоев – к свободе, к избавлению от деспотизма и крепостничества.

5. Высший орган власти на Дону – Войсковой круг – представлял собой народное собрание по типу русского средневекового вечевого собрания, где право голоса имели все его участники-казаки. На Войсковых кругах имели право присутствовать все казаки войска Донского, но реально обычно присутствовали лишь жители главного войскового центра и близлежащих городков. Имели право находиться на круге и казаки-не донцы, а также посторонние лица.

6. Свои круги казаки собирали в отдельных городках и во время походов. Эти круги являлись высшими органами власти на местах и в походном войске.

7. Все должностные лица войска Донского – войсковые атаман, есаул, дьяк, а также зимовые и легкие станицы для отправки в Москву избирались на Войсковых кругах. На кругах в городках избирались местные атаманы и есаулы.

8. Высшее должностное лицо Войска – войсковой атаман – был прежде всего исполнителем воли Войскового круга. Вместе с тем, как правило, войсковые атаманы проявляли себя как твердые, решительные политики и имели большой авторитет среди казаков. Сама должность войскового атамана превращалась в символ донского суверенитета. Другие должностные лица Войска какой-либо самостоятельной политической роли не играли.

9. На Дону существовало собственное войсковое право, признававшееся правительством, в соответствии с которым Войско творило суд и расправу как над казаками, так и над всеми людьми, находившимися на Дону и нарушавшими войсковое право. Суд проводился на Войсковом круге, помимо которого никто не имел права вынесения смертных приговоров. Наличие собственного войскового права представляло собой важный принцип суверенитета Дона.

10. Расцвет демократии на Дону пришелся на первую половину XVII в. С середины XVII в., по мере роста населения и обострения социальных противоречий, демократические принципы внутреннего устройства войска Донского стали нарушаться, как, например, при С.Разине.

Глава 5.

Московское правительство и донское казачество в XVI-XVII вв.

1. Москва и Дон: общий характер взаимоотношений.

Поддержание между Россией и Доном самых тесных взаимоотношений в XVI-XVII вв. определялось потребностью как Российского государства, так и донского казачества. Для донских казаков особое значение имела экономическая и внешнеполитическая поддержка со стороны Москвы, а также возможность постоянно ездить на Русь для свиданий с родными, для торговли и для удовлетворения своих религиозных потребностей. Русское правительство, в свою очередь, также было заинтересовано в казаках, осознавая их важную роль в обороне южной окраины страны, в сдерживании агрессивных действий против России со стороны Турции и Крыма и в борьбе с этими государствами. Поэтому связи между Россией и Доном поддерживались постоянно, примерно с 70-х гг. XVI в., когда в 1570 г. и 1571 г. были отправлены две наиболее ранние из дошедших до нас царских грамот донским казакам. Прерывались они лишь на весьма короткое время, когда русское правительство, идя на разрыв этих связей, пыталось таким путем оказать воздействие на казаков, если не помогали какие-то иные меры воздействия. Но такие перерывы были не часты и являлись не правилом, а исключением в практике взаимоотношений между Россией и Доном. Более или менее продолжительный период запрета сношений имел место при Борисе Годунове, когда, по словам царской грамоты от 25 октября 1625 г., донских казаков не пропускали не только в Москву, но и в украинские города*. (Донские дела. Кн.1. Стб.248.) Затем отношения прервались в 1630-1632 гг., когда власти, исходявшие из соображений своей внешней политики, пытались заставить войско Донское прекратить морские походы на Турцию и Крым*. (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.217.) Наконец, правительство разорвало связи с Доном в середине 1670 г. сроком примерно на полгода, когда оно таким путем наказывало войско Донское за неприятие своевременных мер против С.Разина и пыталось побудить казаков к более решительным действиям против повстанческого атамана в дальнейшем*. (Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России... С.136-137, 171.)

Таким образом, отношения между московским правительством и войском Донским в XVI-XVII вв. отличалось постоянством. Основаны они были на определенных принципах, которым дается в литературе неоднозначная оценка.

Так, одни исследователи исходили из того, что в основе их лежал принцип взаимоотношений между государственной властью и ее подданными, которыми были донские казаки. Донская земля являлась, по их мнению, основной частью Российского государства, хотя и пользовавшейся широкими автономными правами и во многом отличавшаяся по своему положению от других русских земель. Политика правительства на Дону представляла собой, как они считали, часть внутренней политики Российского государства*. (Ригельман А.И. Указ. соч. С. 22; Картины былого Тихого Дона. Т.1. С.42, 61; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.130; История Дона с древнейших времен до падения крепостного права. Ростов-на-Дону, 1973. С.110, 119.)

Согласно другой точке зрения, отношения между Россией и Доном строились на принципах взаимоотношений двух независимых государств, имевших на международной арене одних и тех же противников. Это предопределило складывание между ними военно-политического союза, в котором Россия как более сильная сторона играла ведущую роль. Такой союз подкреплялся особой заинтересованностью казачества в экономической поддержке со стороны Москвы, а также, что очень важно - и наличием между Россией и Доном религиозного, а по мнению некоторых исследователей и этнического единства*. (Быкадоров И.Ф. Указ. соч. С.4, 19, 38, 95; Савельев Е.П. История

казачества. Ч.3. Новочеркасск, 1918. С.324; Чаев Н.С. Донское казачество. – Очерки истории СССР. XVII в. С.266; Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С.429; Казачий словарь-справочник. Т.1. Кливленд, 1966. С.198.)

Обе эти точки зрения, таким образом, взаимоисключают друг друга. Существует, однако, и промежуточная точка зрения. Впервые высказал ее С.Г.Сватиков в 1924 г. Он полагал, что с 1614 г. Дон вступил с Россией в регулярные отношения, будучи "государством и, одновременно, республикой". Но в результате этого добровольного вступления, по его словам, "международная правоспособность Дона подвергается некоторому, хотя и слабому ограничению", и возникли отношения "вассалитета". В них С.Г.Сватиков усматривал "формулу взаимоотношений Московского государства и Донской колонии ("Войска Донского")". (Сватиков С.Г. Россия и Дон. С.2, 15, 65.) Таким образом, по мнению С.Г.Сватикова, с 1614 г. независимость Дона как государства была не совсем полной, поскольку Дон был вассальным государством, а с 1671 г., после разгрома разинцев и приведении казачества к присяге, государственная независимость Дона была еще более ограничена. Дон стал входить в состав России на правах "государственной автономии", сохраняя свое республиканское устройство. Сходную точку зрения высказывал в 1961 г. А.П.Пронштейн. По его мнению, в XVIII в. Дон, "вассальная по отношению к Московскому государству "христианская казацка республика" превращается по существу в провинцию Российской империи...". (Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С.213.) Следовательно, как полагал А.П.Пронштейн, до XVIII в. войско Донское находилось на положении вассала московского царя. Признание наличия отношений сюзеренитета-вассалитета между Российским государством и Доном в XVII в. помогало конкретизировать мысль К.Маркса о существовании у казаков "христианской казацкой республики". (Архив К.Маркса и Ф.Энгельса. Т.8. М., 1946. С.154.) В советской литературе эта мысль безусловно и с полным основанием принималась. Но признание республики у казаков не могло не означать и признания особой государственности, поскольку республика – форма государственного устройства. При этом казацкие республики на Днепре, Дону, Тереке, Яике были связаны с тем государством и с тем государем, которому служили казаки: запорожцы – Польше и ее королю, а донцы и другие русские казаки – России и ее царю. Формой связи России и "христианской казацкой республики" на Дону и был сюзеренитет-вассалитет.

В своей книге, посвященной истории Дона в XVIII в., А.П.Пронштейн не давал специальной характеристики донскому вассалитету, поскольку это явление относилось к более раннему времени. Представляется, однако, что определение отношений между Россией и Доном в качестве отношений сюзеренитета-вассалитета требует разъяснения. Это не случайно, и прежде всего потому, что в XVI-XVII вв., на протяжении более полутора сотен лет характер взаимоотношений между Москвой и Доном постепенно менялся, что не осталось незамеченным исследователями. В литературе неоднократно отмечалось наличие тенденций к усилению власти русского правительства на Дону. При этом, по мнению П.Н.Краснова, такое усиление произошло после присылки на Дон царской грамоты от 31 августа 1584 г., где содержалось требование низовым казакам составить список атаманов с указанием их местонахождения и количества находившихся по их началом людей и отдать этот список послу Б.Благово*. (СГГ и Д. Т.2. С.86; Материалы по истории войска Донского. Грамоты. С.3.) С присылкой данной грамоты будто бы, по словам П.Н.Краснова, "кончилась первобытная вольная жизнь казаков. Не стало им свободы, не могли они больше по своей воле ходить "зипуна добывать", искать добычи. Из вольных людей они обращаются этой грамотой в войско царское, получающее за свою верную службу жалованье". По-видимому, П.Н.Краснов преувеличил значение этой грамо-

ты, которая на самом деле не вносила особых перемен в отношения между правительством и казаками. Ничего неизвестно и о составлении на Дону списка, который желало бы иметь правительство. Можно предположить, что он так и не был составлен, поскольку, по сложившейся у казаков традиции, на Дону, как говорил в Посольском приказе атаман Дементий Гаврилов 2 октября 1640 г., "прямого ведома и писем людям не живет"*.(Донские дела. Кн.2. Стб.64.) Следовательно, в 1640 г. казаки еще не знали ни одного случая, когда бы на Дону составляли подобные списки, что противоречило бы самому духу казачьей вольности. Впрочем, несколько ниже и сам П.Н.Краснов по существу признал, что перемены в жизни казачества произошли лишь при Михаиле Романове, когда "старые атаманы и казаки начинали понимать, что настал конец вольной, гулебной, охотничьей жизни"*.(Картины былого Тихого Дона. С.42, 61.)

Более обоснованной представляется точка зрения, согласно которой изменения в характере взаимоотношений между русским правительством и донским казачеством происходили, во-первых, с 1613-1615 гг., сразу после вступления Михаила Романова на престол, и, во-вторых, с 1671 г., после разгрома Разинского восстания. По мнению С.Г.Сватикова, до 1614 г. Дон был на положении полностью независимого государства*.(Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1988, №9. С.104; Савельев Е.П. История казачества. Ч.3. С.316; История Дона с древнейших времен до падения крепостного права. С.119.) Исследователи отмечали, что меры в отношении донских казаков, предпринимавшиеся в 1614-1615 гг., содействовали превращению казачества в служилое сословие Российского государства, и связь его с этим государством стала гораздо прочнее, чем была до того. Отмечалось также значительное усиление власти правительства на Дону после поражения казаков С.Разина и приведения войска Донского в 1671 г. к присяге, дававшей властям несравненно более широкие, чем ранее, возможности для воздействия на казаков*.(Казачий словарь-справочник. Т.1. С.202; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России... С.187.)

Характеристика взаимоотношений между Россией и Доном в качестве сюзеренитета-вассалитета требует пояснений еще и в силу того, что само это понятие в литературе нередко относят к явлениям неоднородным и разновременным. Этим понятием могут быть охарактеризованы явления в сфере частноправовых отношений - систему личной зависимости одного феодала от другого, нижестоящего на феодальной лестнице - от вышестоящего*.(Советская историческая энциклопедия. Т.2. М., 1962. Стб.1004.) Иногда этим понятием характеризуют отношения между государствами или, как правило, между государями, из которых один стоит во главе более сильной державы, а другой - феодального образования, более слабого и зависимого в той или иной степени от более сильного, причем оба государя нуждаются в прочной взаимной связи и в подобных отношениях. Кроме того, имеются различия в применении этого понятия по хронологическому принципу. Чаще всего оно встречается при характеристике отношений эпохи раннего средневековья или удельного времени, но иногда распространяется и на политические отношения позднего средневековья и еще более позднего времени, когда, например, вассальными в отношении Российской империи считались Кокандское и Хивинское ханства и Бухарский эмират.

Наконец, и применительно к средневековью понятие вассалитета используется для характеристики политических взаимоотношений как на Западе, так и на Востоке, имевших весьма существенные различия.

Все это предполагает необходимость уточнения самого понятия сюзеренитета-вассалитета, чтобы определить, в какой степени оно пригодно для определения сущности взаимоотношений между донским казачеством и московским правительством в XVI-XVII вв.

Сами отношения сюзеренитета-вассалитета зародились в раннее средневековье как отношения внутри сословия земледельцев. Они строились по принципу иерархической лестницы. Существовали они при следующих условиях: добровольный характер взаимоотношений двух сторон – сюзерена и вассала (принцип вольности), взаимная верность сеньора и вассала (принцип верности), включавший в себя как покровительство сеньора над вассалом, так и разнообразную службу вассала сеньору*, (См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С.153, 170, 229.) и, наконец, вознаграждение за службу. На стадии становления этих отношений вознаграждение за службу не было связано с возникновением поземельной зависимости. Так, у франков при Меровингах земля давалась королями за службу своим приближенным на правах аллода. Формой королевских пожалований за службу были, кроме того, судебно-административные привилегии, раздававшиеся королями графам и другим своим слугам и утвержденные в начале VII в. эдиктом короля Хлотаря II*. (Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции. Т.5. СПб., 1910. С.77-78.) Окончательно сюзеренитет-вассалитет оформился у франков в VIII в., когда в результате бенефициальной реформы Карла Мартелла в основу его легли отношения поземельной иерархии среди феодалов. Закрепился он тогда, когда бенефициарии добились превращения бенефиция из пожизненного жалования в наследственную, обусловленную службой поземельную собственность – феодал (лен). В странах Западной Европы переход от бенефициальных кленным отношениям стал происходить начиная со второй половины IX в. и ранее всего – во Франции.

На Руси сюзеренитет-вассалитет начал складываться в киевское время, когда при Владимире Святославиче стала формироваться новая территориальная структура государства, представлявшая собой комплекс племенных княжений и княжений-наместничеств*, (Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С.231.) где в качестве князей сидели братья и сыновья великого князя киевского. Терминология родства – "брат старейший", "брат младший", "отец", "сын" и т.д. постепенно стала отражать отношения сюзеренитета-вассалитета*, (Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в Древней Руси. – Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С.104-106; его же. Феодализм в удельной Руси. – Там же. С.427; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С.54, 57.) что нашло отражение в межкняжеских договорных грамотах удельного времени.

Средневековый сюзеренитет-вассалитет представлял собой единство таких заложенных в нем противоположных начал, как общность всего сословия землевладельцев и его разобщенность по корпоративному принципу в зависимости от положения на феодальной лестнице*, (Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С.172-172.) когда свои особые интересы имели монархия, знать и рыцарство; как зависимость младшего от старшего (и отчасти – старшего от младшего) – и основанная на принципе вольности самостоятельность. И, поскольку самостоятельность подкреплялась поземельной дачей, она стала приобретать признак суверенности, государственности, что ускорялось условиями натуральнохозяйственной замкнутости феодальных владений. Отношения сюзеренитета-вассалитета содействовали в конечном счете политическому дроблению государства и, зародившись в раннем средневековье, стали типичным явлением удельной эпохи.

В рамках отношений сюзеренитета-вассалитета вассалы пользовались большой свободой, а отношения их с сюзереном регулировались договором, приобретающим силу закона, или обычаем. Принятая на Западе клятва верности сеньору вассала включала не только обязательство вассала, но и взаимные и аналогичные обязательства сюзерена. При этом если возникал вопрос о виновности вассала в на-

рушении обязательств, он решался демократическим путем, при участии самих вассалов. Это, например, предусматривала Павийская конституция 1037 г. императора Конрада II, согласно которой рыцарь утрачивал бенефиций за неисполнение службы или за иные проступки в отношении своего сеньора лишь "приговором своих равных"*. (Если, например, он наставил рога сеньору. - Средневековье в его памятниках. М., 1913. С.56-60.) Выражением демократичности отношений сюзеренитета-вассалитета являлся добровольный характер службы вассала и право его отъезда со службы от одного сюзерена к другому. На Руси такое право было хорошо известно. В XIV в., когда феодальные центры вели борьбу между собой за главенство в стране, и в первой половине XV в., когда великий князь московский Василий Темный воевал со своими противниками, оно имело широкое хождение. И великие князья московские широко использовали его, стремясь с его помощью ослабить противников и привлечь к себе служивших у них людей*. (Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.2. С.108-110; Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч.1. М.-Л., 1948. С.54. 75.)

Как и в европейских странах средневековья, в странах Востока также сложилось жалование земель за службу и ленные отношения. Однако не все исследователи характеризовали такие отношения в качестве отношений сюзеренитета-вассалитета. Это понятие широко применялось при характеристике отношений на Востоке в советской литературе 30-50-х годов, когда представление о тождестве основных черт общественно-экономических формаций на Западе и на Востоке, в том числе феодализма в средневековье, получило преобладание*. (Козьмин Н.П. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М.-Иркутск, 1934. С.62.) По мнению Б.Я. Владимирцова, договор о службе нукеров своему господину в Монголии напоминал по церемониалу своего принятия западноевропейский оммаж*. (Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов (монгольский феодализм). М., 1934. С.88; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С.41.) Однако характеристика сложившихся на Востоке взаимоотношений в качестве отношений сюзеренитета-вассалитета в литературе более позднего времени не закрепились. Это не случайно. Восточная система взаимоотношений между господином и военными слугами существенно отличалась от европейского сюзеренитета-вассалитета тем, что если в западных странах обязательства сюзерена и вассала носили взаимный характер, то на востоке такой возможности нередко не было. В частности, в Монголии при Чингисхане обязательства носили односторонний характер, а господин становился вольным в жизни и смерти поступавших к нему на службу людей. Там прослеживается существование не европейского средневекового принципа рыцарской верности, а принципа повиновения носителю высшей власти*. (Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С.170.) Не случайно, посылая сыновей к Чингисхану на службу, некий Тергету Баян говорил повелителю: "Пусть они будут навсегда рабами твоими. Если они отстанут от твоих дверей, то вытяни у них из ног жилы и вырежь сердце и печень". Учитывая то, что Чингизиды всех людей, не связанных происхождением с Чингисханом, считали "харачу", или "черной костью"*, (Козьмин Н.П. Указ. соч. С.60, 62.) можно сказать, что в Монголии отношения между ханом и служившими ему людьми основывались не на европейском принципе вольности, а на принципе восточного рабства.

Подобный принцип был распространен в целом ряде стран Востока. В частности, на нем строились отношения между турецкими султанами и крымскими ханами с 1475 г., когда начиная с хана Хаджи Гирея Крым стал зависим от Османской империи. Ханы при этом стали рассматриваться в качестве султанских рабов. На престоле они оказывались с султанского соизволения. Султаны в случае недовольства могли учинить ханам выговоры в самой грубой форме. Так поступил,

например, в 1576 г. султан Мурад III по адресу хана Девлет Гирея за то, что из-за его непродуманных действий в отношении донских казаков, когда крымские татары убили сына атамана низовых казаков Михаила Черкашенина Данилку, казаки едва не взяли Азов*. (РГАДА. Ф.123. Кн.14. Л.265-265 об.) В 1637 г. за излишнюю самостоятельность и строптивость и по проискам ногайского князя Кантемира мурзы по приказу султана Мурада IV был убит хан Инайет Гирей. Убит был и калга Шагин Гирей, соправитель хана Магомед Гирея, вместе с ним выступивший в 1623-1629 гг. против султанского всевластия в Крыму*. (Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII столетия. СПб., 1884. С.509, 519-520.) В свою очередь, сами крымские ханы не имели большой власти над крымской знатью, гордившейся своим происхождением от Чингисхана и державшейся в отношении Гиреев очень независимо. Такой порядок не раз ставил ханов в весьма трудное положение. Так, в 1636 г. хан Инайет Гирей вынужден был даже ослушаться султана и не выполнить его приказ о посылке крымцев к Синопу на войну с Персией, потому что знать не желала участвовать в таком походе*. (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.247.) Не удивительно, что в 1623-1629 гг. хан Магмет Гирей и калга Шагин Гирей попытались поломать традиционный порядок в отношениях между Гиреями и знатью и установить традиционную для стран Востока рабскую зависимость от коронованного владыки*, (Там же. С.109, 111.) но не преуспели в этом.

Отношения сюзеренитета-вассалитета соответствовали удельной эпохе. По мере того, как в ряде стран Европы начиналось складывание и укрепление национальных государств и усиливалась королевская власть, отношения сюзеренитета-вассалитета отходили в прошлое. Средневековое европейское рыцарство изживало себя. Лишившись свободы выбора сюзерена, оно должно было служить теперь своему государю, который рассматривался уже не в качестве первого среди равных, как это было во времена раздробленности, но как монарх, чья власть принимала абсолютистские черты во Франции начиная с Людовика XI, в Англии - Генриха VII, в Испании - после объединения Кастилии и Арагона в 1479 г. при Изабелле Кастильской и Фердинанде Арагонском. В отдельные периоды, как, например, во Франции при Людовике XI, в Англии при Генрихе VIII, в Испании при Филиппе II монархия принимала отдельные черты деспотизма*. (Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. Т.3. М., 1987. С.182, 200; Т.4. М., 1898. С.575-576; Т.5. М., 1898. С.53, 107; Гордин Я. Меж рабством и свободой. - Дружба народов, 1992, N 10. С.22.) Однако на Западе деспотизм нигде прочно не закрепился, а значение рыцарской эпохи проявилось в том, что именно тогда во многом благодаря развитым отношениям сюзеренитета-вассалитета в европейских странах закладывались и утверждались принципы свободы и прав как отдельных сословий, так и всего общества перед лицом власти. Тем более этому содействовала устойчивость рыцарских традиций и идеалов. Не случайно в 1559 г. на рыцарском турнире по случаю свадьбы своей дочери Елизаветы с испанским королем Филиппом II лично участвовал французский король Генрих II. В поединке с графом Монтгомери он получил удар в голову деревянным обломком копья, которое неловкий граф во-время не успел бросить, и погиб от этого. После этого во Франции перестали проводить турниры, но сохранились дуэли. Усилившийся при кардинале Ришелье абсолютизм принял в 1626 г. эдикт о дуэлях, предусматривавший за них суровые наказания вплоть до смертной казни, лишения чести и дворянства*. (Ришелье. Его жизнь и политическая деятельность. Биографический очерк В.Л.Ранцова. СПб., 1893. С.46-48.) Однако и после этого дуэли продолжались, что свидетельствовало о высоком развитии чувства чести среди французского дворянства. Такое развитие и было прямым следствием рыцарской эпохи

с ее вассальными вольностями. Это обстоятельство прекрасно понимал и сам Ришелье, писавший: "отнимать живот у таких людей, которые всякой день только из одного воображения чести оной подвергаются, гораздо меньше им стоит, нежели отнять честь у них, а живот им оставить, которой в таком состоянии будет им непрестанною мукою"*. (Политическое завещание кардинала дюка Ришелье французскому королю. Ч. I. М., 1788. С.124.)

Впитавшее в себя идеалы средневекового рыцарства французское дворянство высоко ценило не только свою честь, но и свою свободу. Судя по многочисленным письмам, запискам и памфлетам времен Людовика XIV, дворянские публицисты предупреждали власть об опасности установления во Франции варварских порядков восточного деспотизма*. (Савин А.Н. Век Людовика XIV. М., 1930. С.14-15, 21, 26.)

И на Руси, точно так же, как и в европейских странах, по мере развертывания и завершения объединительного процесса в конце XV – первой половине XVI в. отношения сюзеренитета-вассалитета также изживались. Постепенная ликвидация уделов ускоряла этот процесс. Уже в договорных грамотах князей при Иване III исчезает упоминание о праве отъезда от одного князя к другому. Напротив, договорные грамоты предусматривали запрет на прием договаривающимися сторонами отъезжавших князей и бояр. На деле такой запрет служил интересам великого князя московского, поскольку отъехать от него легальным путем становилось невозможно. Однако фактически и эти договоры Иван III нарушал в свою пользу. Так, в договорной грамоте 1484-1485 гг. между Иваном III и великим князем тверским Михаилом Борисовичем обе стороны брали на себя обязательство не принимать друг у друга князей и бояр. Однако очень скоро, в 1485 г., Иван III принял отъехавших к нему из Твери князей Андрея Микулинского и Осипа Дорогобужского, а также тверских бояр, и ликвидировал независимость Тверского великого княжества*. (Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч. I. М.-Л., 1948. С.204-205.) Василий III решительно пресек попытки новгород-северского князя Василия Ивановича Шемячича наладить отношения в королю польским и великим князем литовским Сигизмундом I, а также с ханом Мухаммед Гиреем и в 1523 г., проявив вероломство, арестовал его в Москве и с помощью митрополита Даниила заточил его*, (Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С.254-255.) где тот умер в 1529 г. Этот шаг Василия III отражал его общее стремление к ликвидации удельно-княжеской системы. Уделы сохранялись и после Василия III, при Иване IV и Федоре Ивановиче, но степень их самостоятельности была очень незначительна. Фактически на положении служилых землевладельцев находились после присоединения Казани в 1552 г. цари и царевичи вассального по отношению к Москве Касимовского ханства, просуществовавшего формально до 1681 г.*. (Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. М., 1863. С.111.) Последним удельным княжеством было Углицкое, ликвидированное вскоре после гибели царевича Дмитрия Ивановича в 1591 г.*. (Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С.213.)

На Руси, в отличие от европейских стран, средневековый сюзеренитет-вассалитет не оставил благотворных последствий в виде закрепления общественной свободы и сословных прав, прежде всего прав высшего сословия, столь характерных для европейского дворянства. Это было результатом пребывания Руси под игмом монголо-татарских ханов, длившимся почти четверть тысячелетия и способствовавшим внедрению в русскую жизнь восточного принципа всеобщей несвободы и деспотической власти.

Важной особенностью истории России эпохи позднего средневековья и начала нового времени стало возрождение отношений сюзеренитета-вассалитета, получившего, таким образом, возможность и на русской почве сыграть ту историческую роль, которая ему предназ-

началась – роль охранителя и гаранта существования общества свободных людей.

Началось это примерно с середины XVI в. Предпосылкой являлись внешнеполитические успехи России на востоке, которые привели к присоединению в 50-х годах Казанского ханства, а затем и всего Поволжья. В результате Российское государство приблизилось к Башкирии в Приуралье и к Кабарде на Северном Кавказе. Феодальная верхушка у башкир и кабардинцев проявляла явную заинтересованность в сближении с Россией. В литературе распространена точка зрения о том, что и Башкирия, и Кабарда вошли в состав России в 1557 г.*. (Кумыков Т.Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957. С.18; Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960. С.84, 113.) М.Н.Тихомиров, однако, обоснованно подчеркивал, что "признание своего служебного положения по отношению к русскому царю со стороны того или иного феодала еще не является показателем того, что вся страна, в которой жил этот феодал, вошла в состав России"*.(Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С.518.) И в самом деле, в отличие от присоединенных силой оружия Казани и Астрахани, в Кабарде не было установлено обычного для всей страны, а тем более для ее окраинных территорий воеводского управления. То же самое было и в Башкирии вплоть до 1586 г., когда была основана Уфа и в новый город назначили воеводу. Следовательно, ни Кабарда в течение всего периода XVI-XVII вв., ни Башкирия до 1586 г. не управлялись царскими администраторами. Кроме того, кабардинские и башкирские феодалы не вносили податей в царскую казну. Лишь в конце XVI в. правительство, стремясь усилить зависимость башкирских феодалов, обложило ясаком тарханов и мурз*.(Там же. С.519.) И, наконец, сами кабардинские и башкирские феодалы считали себя не подданными русского царя, а его вольными слугами*.(Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С.516, 519.) Они считали, что их отношения с Россией строились на чисто добровольной основе*.(Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. – Исторические записки. Т.24. М., 1947. С.44.) И даже вопрос о сохранении связей с Россией кабардинцы решали самостоятельно. С этой целью в 1589 г. князь Янсох собрал в Кабарде совет, в котором участвовали "князи... со всеми мурзами и уздени и со всею землею"*.(Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII в. С.822.) В качестве же своей обязанности перед русским царем феодалы Кабарды и Башкирии рассматривали военную службу. Для России большое значение имела борьба кабардинцев с Крымом и Турцией, в которой русское правительство постоянно поддерживало кабардинских князей*.(Там же. С.829-834.) Отряды кабардинцев и башкир принимали участие в Ливонской войне. Кабардинцы участвовали во взятии городов Мильтен и Юрьев. Важное значение для охраны восточного российского рубежа имела борьба башкир с нападениями сибирского хана Кучума, в которой они участвовали вплоть до окончательного поражения хана в 1598 г.*.(Усманов А.Н. Указ. соч. С.168-169.)

Учитывая все эти обстоятельства, можно сказать, что Кабарда в XVI-XVII вв. и Башкирия до 1586 г. находились от русского царя в вассальной зависимости. При этом, вследствие различия местных условий Башкирия была в несколько большей зависимости от России, поскольку русские позиции на Северном Кавказе были слабее, чем в Приуралье. По-разному складывалась судьба Башкирии и Кабарды с конца XVI в. Так, зависимость Башкирии от России постепенно усиливалась, а башкирские феодалы превращались из вассалов в подданных русского царя. В немалой степени этому способствовало падение Сибирского ханства после похода Ермака и утрата Башкирией пограничного положения, которое она имела при Кучуме. После этого Башкирия оказалась в окружении русских владений с запада, севера и востока, и самостоятельность башкирских феодалов была ограничена.

Во второй половине XVII в. они пытались ослабить свою зависимость и дважды, в 1662 – 1664 и в 1681–1683 гг. поднимали восстания, стремясь при этом использовать поддержку калмыцких тайшей и татарских князей – Кучумовичей*. (Устюгов Н.В. Указ. соч. С.67.) Кабарда, в отличие от Башкирии, сохраняла в XVII в. свое пограничное положение и испытывала угрозу со стороны Крыма и Ирана. Часть феодалов Кабарды в таких условиях рассчитывала с помощью Турции установить свою власть над князьями, ориентировавшимися на Россию. Однако большинство князей стремилось сохранить и укрепить связи с Россией. Под влиянием князя С.Янглычева ряд кабардинских владетелей в 1613–1615 гг., в том числе старший князь М.Таусултапов, приняли присягу на верность России. В 1645 г. князь Большой и Малой Кабарды шертовали новому царю Алексею Михайловичу*. (История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С.335–336.) И вообще в 70-х годах XVI в. сложилась традиция утверждения русским правительством старшего князя – уалиипша над "черкасами"*. (Налоева Е.Д. Об особенностях кабардинского феодализма. – Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С.19..) Таким князем в 1615 г. был утвержден С.Янглычев, в 1625 г. – его старший сын Шолох Сунчалеевич, в 1661 г. – внук Каспулат Муцалович*. (История народов Северного Кавказа... С.338.) Это свидетельствовало о постепенном усилении зависимости Кабарды от России, которая, однако, еще не выходила за рамки вассалитета.

Примерно в одно и то же время с Башкирией и Кабардой на положении вассала русского царя оказалась Ногайская Орда. После завоевания Россией Казанского и Астраханского ханств князь Исмаил признал свою зависимость от Ивана Грозного, принес шерть и обязался соблюдать с ним мир и помогать в борьбе с его противниками. Правда, преемники Исмаила всячески стремились восстановить свой полный суверенитет, однако в целом русское правительство сохраняло свое верховенство в качестве сюзерена над Ногайской Ордой. И все-таки крайняя слабость внутреннего единства Орды и постоянные перекочевки мурз на обширной территории от Нижней Волги до Перекопа предопределяли неустойчивость российско-ногайских отношений в XVI–XVII вв. и весьма относительную привязанность ногайских князей к своему московскому сюзерену*. (Кочекаев Б.-А.В. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Автореферат докт.дис. Ростов-на-Дону, 1988. С.18–20.)

Такую же, как у башкир и кабардинцев, вассальную зависимость от России признал в 1555 г. сибирский хан Едигер, рассчитывавший с ее помощью укрепить свои позиции в борьбе с Кучумом, стремившимся захватить сибирский престол. Вассальная зависимость Сибирского ханства от России продолжалась вплоть до 1563 г., когда Кучум с помощью хана Бухары захватил власть в Сибири*. (Скрынников Р.Г. Сибирская энциклопедия Ермака. С.109.)

В XVII в. на положение вассала русского царя встали калмыки. Ранее других это сделали в 1608–1609 гг. племена дербетов и торгутов. Однако на первых порах между ними и Россией прочных отношений не сложилось. Причиной было постоянное продвижение калмыков на запад из Западной Сибири. Вследствие этого у калмыков возникала борьба за земли с башкирами и ногаями. Положение изменилось с 1645 г., когда часть калмыцких феодалов направила в Москву посольство с просьбой о "принятии их под Российскую державу в послушание". Калмыки были приняты под высокую царскую руку в 1646 г., и тайша племени торгутов Дайчин и другие тайши получили право кочевать на широком пространстве от Астрахани до Уфы. Верховным правителем калмыков в Москве признали Дайчина. В отношениях с русским правительством он пользовался очень большой самостоятельностью и даже в грамоте, направленной в Москву в 1651 г., именовал себя "ево величество калмыцкий и татарский самодержавец и

многих людей государь и обладатель". Такое письмо и другие подобные письма были признаны русской стороной "не по пригожу написанными"*.(Кичиков М.Л. О социально-экономических и политических предпосылках поселения калмыков (части ойратов) в степи Приуралья и Нижнего Поволжья. - Социально-экономические и политические проблемы истории дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1976. С.8-10.) Однако они ярко свидетельствовали, сколь незначительна была власть правительства над калмыками. Несколько изменилось положение в 1655 г., когда правительство расширило территорию калмыцких перекочевков на Ногайской стороне Волги и по Ахтубе и привело калмыков к шерти, обзавя их выставить силы против Польши и Крыма.

В 1664 г. Россия признала Калмыцкое ханство и его правителя, сына Дайчина тайшу Мончака (Пунцука), наделив его символами государственной власти - серебряной с позолотой и яшмами булавой и белым с красной каймой царским знаменем*.(Эрдниев У.Э. Калмыки (конец XIX - начало XX в..). Историко-этнографические очерки. Элиста, 1970. С.28-29.) Таким образом, в Москве признали Калмыцкое ханство как самостоятельное государство, а тайшу Мончака - как его суверенного государя, находившегося в вассальной зависимости от русского царя. Это содействовало усилению власти Мончака над другими тайшами и более активному привлечению калмыков к участию в войнах, которые вела Россия. При этом на протяжении всего XVII в. Калмыцкое ханство пользовалось большой самостоятельностью в качестве вассала России. Ставший во главе ханства в 1669 г. тайша Аюка допускал такие действия, которые никак не могло бы одобрить царское правительство. В 1681 - 1683 гг. он подерживал башкирских повстанцев, а в 1690 г. принял из Тибета от далай-ламы, с которым имел сношения, ханский титул и ханскую печать, т.е. удостоился более высокого титула, чем титул тайши. Россия окончательно признала за ним этот титул лишь в 1711 г., учитывая активное участие калмыков в войнах с Турцией и Швецией*(Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С.142-143.) и заслуги Аюки в подавлении Булавинского восстания.

Не всегда, однако, царское правительство легко и охотно шло на установление с окраинными народами отношений сюзеренитета-вассалитета. Когда это было возможно, оно стремилось строить отношения на основе принципов подданства, при которых отсутствовали признаки какого-либо суверенитета и власть правительства над подданными оказывалась несравненно более сильной, чем над вассалом. Так произошло, например, после того, как в 1689 г. воевода Ф.Головин заключил договор с тайшой Эрхе и с другими монгольскими тайшами, готовыми переселиться в Южное Забайкалье и стать вассалами русского царя, выставляя свое войско в помощь русским войскам и получая право отправлять своих послов в Москву, Правительство не утвердило этот договор. Это заставило некоторых тайшей вернуться назад в Монголию, но некоторые не пожелали возвращаться и заключили с Россией другой договор, по которому приносили шерть на верность царю. Эта шерть предусматривала лишь односторонние обязательства тайшей по отношению к России и выражало подданство их царю.(Козьмин Н.П. Указ. соч. С.95.)

Очевидно, что русское правительство соглашалось на установление отношений сюзеренитета-вассалитета лишь в том случае, когда очень нуждалось в той или иной службе того или иного народа или было заинтересовано в нем ввиду того, что он занимал территорию, к утверждению на которой оно стремилось. Такой народ располагался на отдаленной окраине государства, где московское влияние было очень незначительно и не могло в ближайшем будущем возрасти. В этом случае в Москве готовы были довольствоваться лишь военной службой такого народа, дополняя службу шертью его феодальной верушки.

Таким образом, в XVI-XVII вв. в России имели место отношения сюзеренитета-вассалитета. При этом положение вассальных нехристианских народов по отношению к русскому правительству весьма напоминало положение русского казачества, в первую очередь донских казаков.

В самом деле, Дон в XVI-XVII вв. представлял собой такую же окраинную территорию для России, как Башкирия и Кабарда в XVI в., как Калмыцкое ханство в XVII в. Так же, как и вассальные народы, донские казаки пользовались поддержкой московской власти. И так же, как эти народы, донские казаки не находились под властью московского правительства, но до определенной степени были зависимы от него и должны были постоянно учитывать его волю.

Московская власть в XVI-XVII вв. была прямо заинтересована в службе донских казаков, а казаки, в свою очередь, в помощи со стороны России, в том, чтобы не было никаких препятствий для их поездок на Русь и для поездок русского населения на Дон. Взаимная заинтересованность предопределила в конечном счете установление между Москвой и Доном прочных взаимоотношений.

На первых порах, однако, в XVI - начале XVII вв. они были непостоянными и неурегулированными, а характер их - весьма неопределенным. Более того, в середине XVI в. они носили случайный характер. Отдельные казачьи отряды выполняли те или иные поручения правительства. Таким поручением были в 1549 г. действия против Крыма, о чем русское правительство сообщало ногаям с послом И.Федцовым*. (РГАДА. Ф.127. Кн.4. Л.39-39 об.) Донские казаки служили Ивану Грозному в 1552 г. при взятии Казани и в 1556 г. в ходе борьбы за Астрахань*. (Савельев Е.П. Средняя история казачества (Историческое исследование). Ч.2. Новочеркасск, 1916. С.220-225; Мининков Н.А. Донское казачество на заре своей истории. С.117-121.) Знаменитый донской атаман Миша Черкашенин в 1556 г., поддерживая действия русских воевод Д.Чулкова и Д.Ржевского против Крыма, "повоевал" крымские улусы вблизи Керчи*. (ПСРЛ. Т.13. С.318.)

В 1570 г. правительство сделало попытку установить с донскими казаками более тесные и регулярные взаимоотношения. М.Черкашенину и его казакам была направлена царская грамота - наиболее ранняя из дошедших до нас грамот донским казакам, в которой правительство поручало атаману проводить посла И.Новосильцова от Рыльска до Азова и обещало их жаловать за это*. (Акты Лишина. Т.1. С.1-2.) В 1571 г. на Дон была послана еще одна грамота, в которой правительство предлагало казакам оказывать под Азовом помощь посланному туда атаману Н.Мамину и его людям и также обещало их жаловать*. (Материалы по истории войска Донского. Грамоты. С.1.) Ни какой-либо постоянной службы, ни каких-либо следов зависимости казаков от правительства, что характерно для отношений сюзеренитета-вассалитета, судя по этим грамотам, еще не было. Имела место лишь определенная служба и жалованье за нее. Сами грамоты 1570-1571 гг. были очень краткими. Правительство по существу нанимало на службу совершенно независимые от него казачьи отряды и станицы, и после выполнения данной службы казаки сохраняли свое независимое положение.

Несколько более тесные взаимоотношения правительства и донского казачества, особенно низовых казаков, установились в 80-90-х годах XVI в. Началось это с присылки на Дон с послом Б.Благово грамоты от 31 августа 1584 г. Правительство желало, чтобы казаки выполнили уже не одну определенную службу, а несколько служебных поручений, рассчитанных на весьма длительный срок. Такой службой должно было стать сохранение мира с Азовом в течение всего срока пребывания посла в Турции. В этой грамоте впервые содержатся сведения о присылке донским казакам знамени из Москвы.

Также впервые, судя по дошедшим до нас источникам, с практи-

ке своих отношений с Доном правительство предложило низовым атаманам, проживавшим от Раздор до Азова, передать с послем Б.Благово список, в котором они должны были указать свои имена и количество находившихся при каждом атамане казаков. Этим атаманам и казакам правительство обещало жаловать*, (Материалы по истории войска Донского. Грамоты. С.2-4; СГГ и Д. Т.2. С.86.) что свидетельствовало о стремлении властей использовать польский опыт взаимоотношений с украинским казачеством и создать нечто подобное казачьему реестру, сформированному в Польше при короле Сигизмунде II Августе в 1572 г. Создание такого списка-реестра позволило бы русскому правительству поставить внесенных в него донских атаманов и казаков под свое управление по типу того, как это было в Польше в отношении реестровых казаков. Сведений о составлении подобного списка в источниках нет. По-видимому, несмотря на присылку низовым донским казакам знамени, отношения между ними и русскими властями и при новом царе Федоре Ивановиче носили прежний характер, и казаки получали жалованье за какую-то определенную службу. Судя по грамоте, посланной в следующем, 1585 г., такой службой должна была стать поддержка крымского царевича Саадат Гирея в его борьбе за крымский престол против хана Ислам Гирея I, которого поддерживала Турция. Правительство при этом требовало от казаков, чтобы они "слушали во всем" воеводу Г.Вердеревского*. (РГАДА. Ф.89. Кн.2. Л.344-345 об.) Но даже такое требование в общем не выходило за рамки сложившейся до того практики отношений властей и казаков. Под Казанью, во время походов на Крым в 50-х годах и в период Ливонской войны казачьи отряды не раз воевали под началом царских воевод. И в данном случае, в 1585 г., они должны были подчиняться Г.Вердеревскому лишь в оперативном отношении, но не более того. Так что и грамота не вносила коренных перемен в отношения между Москвой и казаками и не содержала ни признаков вассальных отношений, ни, тем более, подчиненности казачества в политическом плане московскому правительству.

Более заметные усилия в этом направлении делались в 90-х годах. В грамоте на Дон от 21 марта 1592 г. принципиально новым в отношении между казаками и правительством моментом было предложение казакам принять себе в головы сына боярского Петра Хрущова. При этом П.Хрущов должен был находиться на Дону "в Раздорех, в которых местах пригож", т.е. в главном городке низовых казаков. И если в 1585 г. Г.Вердеревский должен был руководить казаками при исполнении ими особой, весьма специфичной службы, связанной с поддержкой крымского царевича, то П.Хрущов предлагался в предводители по самому обычному для казаков делу - охране перевозов через Дон от ногаев Казыева улуса на случай их похода на русские украинцы*. (Материалы по истории войска Донского. Грамоты. С.5-6.) Казаки поняли, что принятие сына боярского поставило бы их под управление Москвы. Они решительно отказались принять П.Хрущова и 4 июня 1592 г., будучи на стану у посла Г.Нащокина, который привез им эту грамоту, заявили: "а голов у нас не бывало, служивали своими головами, и ныне деи ради государю служить своими головами, а не с Петром". И вообще, судя по сообщению Г.Нащокина о своем пребывании на Дону, казаки держались по отношению к нему подчеркнуто независимо. Г.Нащокин писал, что казаки "хотели... в воду посадить" атамана Вышату Васильева и, как заявили послу, именно за то, что "он... государю служит, а им недоброхотает". Тем самым послу по существу было сказано, что интересы казачества расходятся с интересами государя. Кроме того, казаки отказались выполнять требование правительства отдать "без окупу" в Азов пленного турецкого чеуша и горских князей, а также затеяли с послем перебранку, обвиняя его в том, что он выдал им царское жалованье не в полном объеме. К послу они приходили с оружием и говорили ему "с великим шумом"*. (РГАДА. Ф.89.. Кн.3. Л.91-98.)

Так решительно была отвергнута казаками попытка правительства изменить характер своих отношений с ними и полностью подчинить их себе. Подобная попытка не могла окончиться успехом, поскольку условий для такого подчинения еще не было. Позиции правительства на Дону были еще слишком слабы. Однако в Москве по-видимому не до конца учитывали это и в следующем, 1593 г., посчитали возможным оказать воздействие на казаков с помощью угрозы. В грамоте от 20 апреля 1593 г., отправленной на Дон с воеводой князем Г. Волконским, оно потребовало от казаков немедленно заключить мир с азовцами до возвращения из Турции в Азов посла Г. Нащокина и турецкого посла и в случае отказа предупредило о своем намерении послать на Дон "большую рать" и поставить "город на Раздорех". При этом оно уже не пыталось послать к казакам в головы своих дворян или воевод, как это было в 1592 г., когда был послан П. Хрушов, но велело, чтобы казаки "промышляли сопча за один" над крымцами и казыевцами с Г. Волконским и с детьми боярскими Г. Пановым и Н. Башиным*. (Материалы по истории войска Донского. Грамоты. С. 8-10.)

Низовые казаки ходили на ногаев Казыева улуса и действовали против азовцев, собиравшихся в поход на южные русские уезды. За это в 1594 г. им было послано жалованье с сыном боярским В. Биркиным. В грамоте от 31 июля 1594 г. правительство вновь потребовало от казаков соблюдать мир с азовцами со времени прибытия посла Д. Истленьева и отправки его в Азов до возвращения его из Турции*. (Акты Лишина. Т. 1. С. 4-5.) Но никаких угроз казакам в этой грамоте уже не было. Тем более, не высказывалось намерений прислать им своего голову. Очевидно, в 1594 г. в Москве уяснили для себя всю бесполезность попыток строить отношения с казаками при помощи угроз и добиваться прямого их подчинения. В 1592 - 1594 гг. донское казачество сохранило свою независимость.

В последние годы XVI в. и в начале XVII в. московские власти больше не предпринимали попыток изменить характер своих отношений с донским казачеством и утвердить свою власть на Дону. Мешало этому обострение внутреннего положения в стране и начавшаяся в царствование Бориса Годунова Смута. Для проведения активной политики в отношении казачества ни одно из русских правительств вплоть до избрания на престол Михаила Романова не имело ни сил, ни времени. Более того, при Борисе Годунове правительство сознательно стремилось к ослаблению связей между Россией и Доном, опасаясь того, что в сложной обстановке голодных первых лет XVII в. пребывание в русских городах и уездах людей из вольного казачьего сообщества могло бы привести к социальному взрыву. В результате сохранялось независимое положение донских казаков от России, имевшее место в XVI в. Этому содействовал и фактический отрыв казачества от Российского государства вследствие введенного при Борисе Годунове запрета на поездки донских казаков в украинные города и в Москву для торговли и для свидания с родственниками*. (Донские дела. Кн. 1. Стб. 248, 249; ПСРЛ. Т. 14. Ч. I. С. 61.)

Донские казаки однако не забывали о своих многообразных связях со страной - экономических, военно-политических, культурных, религиозных, родственных. Они в этой связи проявляли живой интерес к событиям в стране в начале XVII в. и принимали в них самое активное участие. На земском соборе 1613 г. их голос дал преимущество кандидатуре Михаила Романова во время выборов царя*. (Забелин И. Е. Минин и Пожарский. М., 1896. С. 229-300; Зимин А. А. Акты земского собора 1612-1613 гг. - Записки отдела рукописей ГВЛ. Вып. 19. М., 1957. С. 189.)

К концу Смуты и на Дону и в Москве стали осознавать ненормальность и искусственность политического отрыва казачества от России. И правительство Михаила Романова, и казаки стали проявлять свою волю и стремление к изменению такого положения.

Проявилось это уже в конце 1613 г., когда в Москву от низо-

вого Войска был послан атаман Игнатий Бедрищев с войсковой отпиской и с просьбой о присылке жалованья*.(РГАДА. Ф.89. 1615. №. Л.168.) В 1614 г. атаман возвратился на Дон. С ним правительство отправило казакам знамя. По мнению С.Г. Сватикова, это было "первое знамя, принятое Войском от царей Московских"*.(Сватиков С.Г. Россия и Дон. С.65.) Трудно сказать, насколько С.Г.Сватиков в данном случае прав. Впервые известие о посылке правительством знамени на Дон содержалось в грамоте от 31 августа 1584 г., посланной с Б.Благово. Однако более об этом знамени ничего не известно. Знамя же, присланное с И.Бедрищевым, выносили на круг, состоявшийся 15 июня 1614 г.* (РГАДА. Ф.89. 1614. №. Л.66.) Следовательно, Войско приняло его. Можно согласиться с С.Г.Сватиковым, что данное знамя "была своего рода инвеститура"*, (Сватиков С.Г. Россия и Дон. С.65.) призванная оформить отношения сюзеренитета-вассалитета, символом чего и служило царское знамя.

Присылка знамени низовым казакам являлась лишь первым шагом в установлении между Москвой и Доном отношений сюзеренитета-вассалитета. Дальнейшее их оформление имело место в последующих царских грамотах на Дон.

Особое значение в этой связи имела грамота, составленная в Москве в сентябре 1615 г. По этой грамоте казакам предоставлялась право "повольно" ездить в украинные города "со всякими товары", которые, как было сказано в ней, "вы доставаете своею службою", т.е. с военной добычей и свободно продавать их, а также видеться с родственниками. В грамоте, кроме того, сообщалось, что воеводам на местах были даны указания, чтобы они прибывавшим в их города казакам "насильства... не чинили, и сильно ни у кого ничего не имали", а также не брали бы пошлин с товаров, покупавшихся казаками*.(Материалы по истории войска Донского. Грамоты. С.24.) Тем самым предоставление донским казакам права получали реальное обеспечение. Все эти права, данные казакам в 1615 г., были подтверждены в царской грамоте на Дон от 30 декабря 1618 г.*(РГАДА. Ф.89. 1617. №. Л.291.)

Таким образом, донское казачество получило от правительства Михаила Романова важные для него права. В рамках складывавшихся отношений сюзеренитета-вассалитета между Россией и Доном предоставление этих прав представляло собой как бы те обязательства сюзерена перед вассалом, которые были распространены в период наивысшего развития сюзеренитета-вассалитета в удельные времена. К таким же обязательствам сюзерена-государя в отношении вассала-казачества следует отнести и обещание присылать жалованье, встречающееся не только в указанных грамотах 1615 и 1618 гг., но и по существу в каждой царской грамоте на Дон.

Что же касается другой стороны отношений сюзеренитета-вассалитета - службы вассала - то такая служба состояла в выполнении различных поручений правительства. К числу подобных поручений относились встречи, проводы и сопровождение русских и турецких послов, борьба с отрядами татар, ногаев и азовцев, ходивших в походы на южные русские уезды и возвращавшихся из таких походов, доставка сведений о противнике и походы против них по указанию из Москвы. Службой, во всяком случае, самими казаками, считалось поддержание мира с Азовом, когда это требовало правительство, поскольку такой мир, особенно длительный, был невыгоден казакам, так как они лишались тем самым важного источника существования. Об этом они прямо писали в отписке от 5 ноября 1613 г.: "а у нас... то и лучшей зипун был по вся дни под Азов да на море ходити, а ныне, государь, и перевозки не наши, коли со Азовом мирным быти", и просили прислать жалованье*.(РГАДА. Ф.89. 1613. №. Л.166, 167.) При существовавшем на Дону жизненном укладе в XVII в. вынужденный мир с Азовом был для казаков хуже войны, и, поскольку он вызывался интересами правительства, казаки приравнивали его к службе. Не-

сомненно, что службой считалась и борьба с казачьим воровством на Волге. В общем, к служебным обязанностям донских казаков в отношении своего сюзерена – московского государя относились в XVII в. все те их действия, которые соответствовали интересам Российского государства.

Наличие взаимной договоренности между Россией и донским казачеством – о службе казаков, с одной стороны, и о жалованье и льготах казакам со стороны правительства, с другой, покровительство России над Доном, наличие на Дону царского знамени как инвентитуры – все это составляло существенные признаки сюзеренитета-вассалитета, установившиеся между русским царем и донским казачеством во втором десятилетии XVII в. Вассалом выступало при этом войско Донское, сложившееся как объединение всего донского казачества после Смуты. В форме сюзеренитета-вассалитета выражались отношения между российской монархией и по-республикански устроенным войском Донским. Сюзеренитет-вассалитет позволял войску Донскому в одно и то же время и поддерживать самые тесные отношения с русским правительством, пользуясь его поддержкой, и иметь свободу, невиданную где-либо еще на русской земле, за исключением разве что казачьих сообществ на других реках – на Тереке и Яике.

Свободы донского казачества перед лицом своего сюзерена – московского государя – были настолько широки, что войско Донское как вассал даже не присягало царю. Получалась достаточно парадоксальная ситуация: сюзерен, которым был русский царь, зафиксировал свои обязательства перед вассалом в грамотах 1615 и 1618 гг., а обязательства вассала – войска Донского – не были зафиксированы ни в одном из документов. На первых порах такое положение не особенно волновало правительство царя Михаила Романова. Но когда в 20 – начале 30-х годов оно столкнулось с неповиновением Войска, грозившим нарушить мир с османской империей и с Крымом, которое оно всячески пыталось сохранить, когда казаки, вопреки его воли, повели крупномасштабную войну на Азовском и Черном море, оно попыталось в 1632 г. изменить в свою пользу сложившееся положение в своих отношениях с войском Донским и привести его к присяге. Такая присяга позволила бы поставить донской вассалитет в соответствие с теми отношениями, которые имела Россия со своими нехристианскими вассалами в XVI-XVII вв. – с башкирами, кабардинцами и калмыками.

Зная, однако, о вольнолюбии и независимости донского казачества, правительство отдавало себе отчет в том, что приведение войска Донского к присяге встретит трудности. Поэтому оно в качестве предварительной меры привело к крестному целованию находившихся в Москве атаманов Богдана Конисского и Тимофея Яковлева по прозвищу Лебяжья Шея, которые не посмели отказаться, учитывая, по-видимому, что совсем недавно, в 1630 г., правительство арестовало целую станицу Наума Васильева и сослало ее в Холмогоры. Но на Дону присяга двух атаманов не стала примером для Войска. Казаки во главе с атаманом Иваном Каторжным отказались от присяги и заявили, что два атамана в Москве присягу "затяжали своими молодыми разумы без нашего войскового приказу и без нашего совета"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. N39. Л.475.) "А с нами того крестного целованья не обновитца, чего искони веков не было"*, (Там же. Л.474.) – писало Войско в Москву.

С тех пор вплоть до 1671 г. правительство не пыталось привести войско Донское к крестному целованию. Однако отсутствие присяги имело для правительства еще одно крайне нежелательное последствие помимо того, что войско Донское вопреки его указаниям воевало на суше и на море с турками и крымскими татарами. Оно заключалось в том, что донские казаки считали своим правом неисполнение службы и уход с нее. Так, в 1614 г. донские казаки не

выступили против атамана И.Заруцкого, хотя правительство и доби- валось этого от них*. (Донские дела. Кн.1. Стб.62-80, 89-120, 126-166, 170-178.) В 1630 г. правительство велело Войску соеди- ниться с турецкими пашами Муртазой и Абазой и совместно с ними идти против поляков. Выполнять это повеление Войско категорически отказалось, заявив, что не желает быть в союзе с врагами христи- анства, что никогда до того они совместно с турками не ходили в походы и что слава и честь за подобную службу будет отнесена не к ним, а к туркам*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1989, №1. С.145.) Затем, во время Смоленской войны 1632-1634 гг., отряды донских казаков безнаказанно уходили из русской армии и образовали свой лагерь под Стародубом, а затем - под Рославлем, куда привлекали население соседних городов и деревень и ратных людей из армии боярина М.В.Шейна*. (Андреев И.Л. Движение балашов- цев. - Вопр. истории. 1977, №6. С.116-117.) Наконец, в 1655 г. старший брат С.Разина Иван увел из действующей русской армии во время начавшейся войны с Польшей из-под Киева отряд донских каза- ков, которым он командовал. На этот раз для донского атамана дело не обошлось без сурового наказания, и по приказу воеводы князя Ю.Долгорукова И.Разин был казнен*. (Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С.11.) И, наконец, в 1671 г. войско Донское не выполнило распоряжения правительства о походе на Астрахань, где после разгрома С.Разина на Дону еще сохраня- ли власть разинские атаманы Федор Шелудяк и Василий Ус.

Все эти случаи отказа донских казаков от службы или их ухода со службы соответствовали принципу вольности службы вассала и его права выбора сюзерена. Конечно, в практическом плане вопрос о вы- боре сюзерена для войска Донского не стоял. Ни одно из соседних государств, кроме Российского, не могло для донских казаков иг- рать роль сюзерена. Имеются, правда, сведения о том, что в 1668 г. С.Разин со своими казаками во время похода на Каспийское море и в Персию высказывал намерение "быть... в холопстве" у персидс- кого шаха, и чтобы шах "указал им в своей области место, где им жить"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.142.) По-видимому, разинцы не собирались на самом деле се- литься в персидских владениях и служить шаху и заявляли так лишь для того, чтобы несколько облегчить свое трудное положение во враждебной стране. Но в 1688-1689 гг., когда на Дону развернулись жестокие преследования казаков-раскольников, часть из них ушла на Астрахань во владения тарковского шамхала, а часть - на Кубань, где отдалась под покровительство крымского хана, причем с Кубани эти казаки уже с июня 1689 г. начали нападать на донские казачьи городки совместно с традиционными врагами казачества - азовцами и черкесами, а в 1690 г. - атаман ушедших на Кубань казаков Левка Маньцкий напал на крепости на Донце Тор и Маяцкую совместно с азовцами, черкесами и ногаями и взял пленных*. (РГАДА. Ф.111. 1692. №1. Л.1.) Наконец, в сентябре 1708 г., спасаясь от карате- лей лейб-гвардии майора князя В.Долгорукова и хана Аюки, казаки во главе с атаманом Игнатом Некрасовым ушли на Кубань под власть крымского хана*. (Короленко П.П. Некрасовские казаки. Исторический очерк. - Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып.2. Екатеринодар, 1900. С.16-18.) все это, однако, были исклю- чительные случаи, когда отдельные группы донских казаков вынужде- ны были, спасая свою жизнь, переходить под власть другого, причем мусульманского, государя. В обычных условиях донские казаки ни- когда не собирались менять сюзерена или переходить под чье-либо подданство. Важнейшая причина этому - религиозное единство с Рос- сией, чему на Дону придавали исключительно большое значение. Ка- ких-либо иных православных государей не было, а служить располо- женным поблизости мусульманским властителям или же, наподобие за- порожцев, польскому королю-католику донские казаки не могли. Поэ-

тому донское казачество в целом и не искало себе другого сюзерена. Но оно считало, что имело право вольности службы и право невыхода на службу или отъезда с нее, если эта служба его не устраивала. Правительство официально не признавало этого права, но вынуждено было мириться с ним, так как не имело возможности заставить Войско выполнять любую службу. Более жестко вести борьбу с самовольством донских казаков было готово правительство царя Алексея Михайловича в то время, когда в стране происходило усиление царской власти, что и выразилось в расправе князя Ю. Долгорукова над атаманом И. Разиным в 1655 г. В рамках отношений сюзеренитета-вассалитета между правительством и войском Донским весьма разными были поземельные отношения. Определялись они двумя разными обстоятельствами. С одной стороны, право казаков на Донскую землю было связано с вольной заимкой ими территории, где располагались городки войска Донского. Вольная заимка была явлением распространенным и признаваемым в средние века, и в условиях России с ее большой территорией и низкой плотностью населения встречалась достаточно часто. Вольная заимка состояла в том, что пришедшие на Дон в XVI в. выходцы из Руси заселили эту землю и считали ее своей, а казаки скоро превратились в местных, коренных жителей края. С другой стороны, сами казаки признавали Донскую землю вотчиной русского царя. Не случайно в своей отписке от 6 октября 1630 г. в Москву с объяснением причин убийства воеводы И. Карамышева казаки писали: "будем мы тебе, государю, и всей земле ненадобны, и мы тебе, государю, не супротивники: Дон реку от низу и до верху и реки запольные все тебе, государю, до самых украинных городов крымским и ногайским людем распространим, все очистим, с Дону реки и со всех запольных рек все, холопи твои, сойдем по твоему государеву указу, о том, государь, нам, холопам твоим, как укажешь"*.(РГАДА. Ф.89. 1630. №5. Л.98). Эти слова свидетельствовали о том, что войско Донское рассматривало свои отношения с московским государем как отношения феодального типа, т.е. как отношения между верховным землевладельцем, в качестве которого признавали они царя, и условным держателем земли, в роли которого выступало казачество. Тем самым оно признавало право государя на издание указа об уходе казаков с Дона, о чем и заявляло в своей отписке. Признание за государем такого права свидетельствовало о том, что и в Москве, и на Дону рассматривали Донскую землю как феода, который войско Донское держало на условии своей службы сюзерену-государю, будучи его вассалом. Отношения же между сюзереном и вассалом как раз предусматривали право сюзерена отнять у вассала его феода. Тем более, что и повод был для этого достаточно значительный – убийство царского представителя. По феодальным меркам такое действие вполне могло быть приравнено к бунту вассала против сеньора, за что сеньор вправе был лишиться вассала феода и порвать с ним отношения сюзеренитета-вассалитета.

Конечно, и на Дону, и в Москве представляли себе и нереальность стона казаков с Дона, и невыгоду этого для России. Не случайно сами казаки прямо подчеркивали это в своей отписке, когда указывали, что после их ухода с Дона все земли вплоть до украинских русских городов достанутся "крымским и ногайским людем". Однако в данном случае показательно не это, а признание казаками верховенства государя над Донской землей и своего права на нее как на условное держание, обусловленное службой. В XVII в., таким образом, существовала сама основа донского вассалитета в виде пожалования земель за службу. При этом вассалом выступало все войско Донское, а пожалованной считалась вся Донская земля.

Таким образом, феодальной дачей за вассальную службу для донских казаков в XVII в. являлась та самая земля, которую занимали и удерживали более ранние поколения казаков. В этом отношении вассалитет донского казачества напоминал вассалитет тех наро-

дов по отношению к русскому царю, которые жили на своей территории, и несколько отличался от вассалитета калмыков, получавших в виде феодальной дачи для своих кочевий некоторые территории, ранее ими не занимавшиеся.

Наконец, ряд факторов – отдаленность от Москвы, слабость позиций русских властей на Дону и в Приазовье, важность для них службы донских казаков, прочность положения войска Донского на своей земле – предопределили наличие таких принципов во взаимоотношениях Дона и России, которые не признавались правительством из-за того, что делали положение казачества слишком независимым. Это – право невыдачи людей "с реки" и право внешних сношений Войска.

Право невыдачи "с реки" мешало утверждению крепостничества во внутренних уездах России. Однако оно содействовало пополнению рядов донского казачества, которое несло значительные боевые потери, и поэтому при Михаиле Романове правительство не выдвигало требования выдачи ушедших на Дон людей. Только после принятия Соборного Уложения 1649 г., когда бегство на Дон приняло очень большие масштабы, правительство повело с этим правом серьезную борьбу и в 1671 г. добилось значительного успеха, заставив войско Донское пойти на его нарушение и выдать С.Разина вместе с братом Фролом.

Внешние сношения казаки вели прежде всего с соседями – азовцами, а также с мальми ногаями и с Крымом, а со второй половины XVII в. – с калмыками, с Запорожской Сечью, а через нее иногда и с Польшей. В начале 1640 г. Войско, однако, отказалось посылать своих послов к персидскому шаху в персидском послом Маратканом, прибывшим на Дон от шаха Сефи I в знак признательности Войску от Персии за борьбу с Турцией. Объясняя свой отказ, Войско в своей отписке в Москву от 18 апреля 1640 г. писало, что "мы... без твоего государева указу послати к козылбаскому шаху своих донских казаков не смеем"*.(Донские дела. Кн.2. Стб.22.) Полный запрет внешних сношений для Войска имел место в 1671 г., когда казачество было приведено к присяге. Разрешались лишь сношения с калмыками, да и то лишь ради того, "чтоб они, калмыки, по прежнему... царскому величеству служили"*, (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.149.) т.е. такие сношения, которые были в интересах правительства.

Вынужденная присяга 1671 г., по мнению С.Г.Сватикова, резко изменила положение войска Донского. Самостоятельность республики донских казаков была резко ограничена и вассалитет Дона сменился автономией в рамках России*.(Сватиков С.Г. Указ. соч. С.2.) В целом верное замечание С.Г.Сватикова о существенном ограничении самостоятельности войска Донского после 1671 г. и о прекращении отношений сюзеренитета-вассалитета между Москвой и Доном требует некоторого уточнения в том смысле, что казачество вело борьбу за сохранение старых отношений с Россией и после крестоцеловальных актов 1671 г., 1676 и 1682 гг. Для окончательной ликвидации вассалитета Дона и превращения казаков в подданных русского царя потребовались не только эти акты, но и подавление в 1686-1689 гг. донского раскола, и утверждение России непосредственно в Приазовье после взятия Азова Петром I и в 1696 г. и, главным образом, после разгрома Булавинского восстания 1707-1709 гг. Лишь после этого правительству удалось окончательно сломить самостоятельность войска Донского и полностью упразднить все остатки вассалитета Дона.

2. Политика московского правительства на Дону.

Со второй трети XVI в. казачество стало выступать в качестве значительной военной силы на больших пространствах Дикого Поля.

Его боевую активность почувствовали на себе государства - остатки Золотой Орды в Поволжье, Крым и Азов. Перед русским правительством встала проблема привлечения его на свою службу. Такая возможность у него была. Она определялась наличием у него и у казаков общего противника, заинтересованностью казаков в помощи со стороны Москвы, этнической и религиозной общностью между казачеством и Россией. Необходимость же этого для правительства была связана со стремлением его к активной политике на востоке и юге, к доведению до конца борьбы с остатками Золотой Орды и к противодействию турецко-крымской экспансии в северном направлении. Привлечение казаков на службу позволяло правительству более целенаправленно использовать в своих интересах боевую силу и активность казаков и предотвратить нежелательные с их стороны действия против тех ногайских князей и мурз, с которыми у русских властей установились мирные отношения, а также прямой казачий разбой.

Первые сведения о привлечении на службу донских казаков русским правительством относятся к 1549 г. Посылая посла И. Федцова к ногаям за Волгу, Иван IV призывал ногаев к борьбе с Крымом и указывал, что "...яз ныне для ваши дружбы велел казакам своим пугивльским и донским крымские улусы воевати и недружбу царю делати"*.(РГАДА. Ф.127. Кн.4. Л.86.) Об отношениях между этими казаками и московскими властями более ничего не известно. Однако в Турции, в Крыму и у ногаев действия казаков воспринимались не как самостоятельное явление, а в связи с политикой России. Поэтому в грамоте султана Сулеймана I Кануни ногайскому князю Исмаилу, в которой тот просил князя, чтобы он "пособил моему городу Озову" от казаков, о казаках, которые действуют против Азова и даже "Казань...ныне воют" он говорил именно как о казаках "царя Ивана"*.(РГАДА. Ф.127. Кн.4. Л.39-40 об.) Конечно, это было явным преувеличением. Далеко не все казаки, воевавшие в середине XVI в. с Азовом и другими противниками, состояли на службе у русского царя. Большинство казаков действовало совершенно самостоятельно. Тем не менее, известная доля правды в словах султанской грамоты несомненно имелась. На царской службе в 50-х годах состояли те атаманы и казаки, которые участвовали в походе на Казань Ивана IV в 1552 г. и в присоединении Астрахани в 1556 г., причем о своем участии в казанском походе войско Донское заявило в 1632 г. именно как о службе Ивану Грозному*.(РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. N139. Л.473-374.) О службе под Казанью говорилось и в народных песнях казаков*(Исторические песни XIII-XVI веков. М.-Л., 1960. С.505-507, 523-532.) Несомненно, что на царской службе был знаменитый атаман Миша Черкашенин во время своего морского похода к Керчи в 1557 г.*(ПСРЛ. Т.13. С.272.)

Более регулярный характер приняли отношения между русскими властями и донскими казаками с 70-х годов. Этому содействовал некий рост численности казачества на Дону, необходимость более активной его поддержки с целью сопротивления турецкой экспансии в сторону Поволжья, опасность которой показала русско-турецкая война 1569 г., и оживившиеся отношения с Османской империей после этой войны. В связи с оживлением этих отношений Москве потребовалась служба донских казаков для сопровождения русских и турецких послов.

Сведения о службе донских казаков, о жаловании их за службу и об отношениях между ними и русскими властями имеются в грамотах 1570, 1571 и 1575 гг. К 1570 г. относится первая дошедшая до нас царская грамота донским казакам. Написана она была 24 января и содержала обращение к "атаманом казатцким и казаком всем безоменым". Следовательно, в Москве еще неясно представляли себе положение на Дону и не знали, к каким атаманам следовало обращаться. В ней правительство требовало от казаков оказывать помощь своему послу И.Новосильцову, который посылался к султану Селиму, и обе-

шало их жаловать за эту службу. Судя по этой грамоте, из Рыльска к Азову посла должны были проводить казаки во главе с атаманом М.Черкашениным, которым за это давалось "государево жалованье: деньги, и сукно, и селитра, и свинец...". Правительство пыталось регулировать отношения между послом и казаками, и велело им, чтоб они "Ивана во всех наших делех слушались безо всякого ослушанья, тем бы есте нам послужили"*.(Акты Лишина. Т.І. С.1-2.) Грамота 1571 г. была послана на Дон с казачьими атаманами Н.Маминым и М.Яковлевым. Она предназначалась низовым казакам, так как московские власти направляли атаманов "для своего дела, под Азов". Атаманы должны были действовать от имени правительства, а казакам на Дону предписывалось, что если "о которых наших делех Микита Мамин вам учнет говорить, и вы б с ним о наших делех промышляли за один"*. (Материалы по истории войска Донского. Грамоты. С.1.)

Грамоты на Дон 1570 и 1571 гг. зафиксировали принципы, в соответствии с которыми оно стремилось строить свои отношения с казаками. Это, во-первых, жалованье за определенную службу, и, во-вторых, подчинение казаков по линии этой службы своим представителям - послу И.Новосильцову в 1570 г., атаманам Н.Мамину и М.Яковлеву в 1571 г. Но если первый принцип в дальнейшем утвердился, то обеспечить подчинение донских казаков своим представителям правительство не могло, поскольку не располагало для этого реальными возможностями. Казачество полностью сохраняло свою вольность и самостоятельность. Поэтому русские власти в сложной послеопричной обстановке опасались возможного влияния донской вольницы на население Москвы и стало ограничивать поездки казаков в столицу. В 1575 г. шацкому наместнику С.Приклонскому была направлена грамота с требованием, чтобы он "донских атаманов и казаков к нам на Москву не с великими вестьми не присылал", и разрешил проезд лишь тем, "у которых... будет про воинских людей вести подлинные", т.е. сообщения о действиях в Поле крымских татар, азовцев и ногаев. Власти явно не желали скопления в Москве донских казаков - вольного, беспокойного элемента, непривычного к гнетущему, деспотическому укладу русской жизни при Иване Грозном. В то же время С.Приклонскому разрешалось отпускать прибывших с Дона в Шацк казаков в Ряжск, Михайлов, Пронск и в другие южные города, "хто в какой город захочет"*. (РГАДА. Ф.170. N51. Л.1-2.)

Так правительство пыталось ослабить воздействие нежелательных для себя последствий установления тесных взаимоотношений с донскими казаками и поддержки казачества. Однако ограничения, коснувшиеся казаков, были незначительны и затрагивали лишь тех, кто стремился попасть в Москву. Несравненно более решительно и жестко действовали власти в отношении тех донских и волжских казаков, которые занимались разбоями и грабежами на Волге. И если до присоединения в России ханств и орд Поволжья в 1552-1556 гг. правительство еще могло мириться с подобными действиями казаков против татар и ногаев, то после этого присоединения оно стало стремиться покончить с ними. Это определялось, во-первых, заинтересованностью русских властей в безопасности волжского торгового пути, и, во-вторых, их желанием наладить и укрепить мир и сотрудничество с Ногайской ордой.

При недостаточности собственных сил на Волге правительство стремилось вести на первых порах борьбу с казачьим воровством силами самих казаков. В мае 1557 г. на Волгу был послан герой астраханского взятия атаман Ляпун Филимонов. Ему было поручено "беречь, чтоб казаки не воровали и на ногайские улусы не приходили". Тогда воровские казаки, обманом вызвав Л.Филимонова "с свои станы", убили его вместе с товарищами и открыли себе выход на Нижнюю Волгу. Там они напали на царские суда - "ушкулы", в которых в Астрахань везли "казну" и "запасы". Им удалось взять "казну" и "побить" находившихся в судах "людей", а затем отбиться от воево-

ды Е.Ржевского*. (ПСРЛ. Т.13. С.274.)

Казачи напрочь отрезали Астрахань от России. Поэтому против них были выдвинуты из Казани большие силы - дети боярские, стрельцы и казаки во главе с А.Ершовым, Б.Губиным и Д.Хохловым. Воровская вольница вынуждена была бежать с Волги. Некоторые воровские казаки были захвачены и казнены. Учитывая, что с Волги казаки могли уйти и скрыться на Дону, правительство послало против них на Дон "Данила Чулкова да Васку Хрущова, да с ними атаманов и казаков", а Д.Ржевскому велело идти от Азова вверх по Дону "искать их же"*. (Там же. С.283.) И если на Волге некоторых из воровских казаков удалось настичь, то о действиях против них на Дону в летописи сведений нет. Скорее всего, там они нашли убежище.

В дальнейшем правительство еще более усилило борьбу с казачьим воровством на Волге. Значение этой борьбы для него возросло в связи с началом Ливонской войны, поскольку Крым держался враждебно в отношении России и дружба с Ногайской ордой становилась очень важным внешнеполитическим фактором для Москвы. Для защиты Орды князя Исмаила и для "береженья перевозов" на Волге от крымцев и враждебных ногайских мурз правительство послало в 1558 г. казаков во главе с сыном боярским И.Выродковым. Однако казаки сами стали нападать на ногаев, и из-за них, жаловался князь Исмаил, "многие мои улусы" стали разбегаться*. (РГАДА. Ф.127. Кн.5. Л.99 об.) В ответ на постоянные жалобы Исмаила русским послами в Орду поручалось уверять ногаев в том, что московские власти не только не поощряли действия вольницы, но и преследовали казаков на Волге, причем послы И.Загряжский в 1562 г. и И.Безсонов в 1563 г. должны были даже говорить о вынужденном бегстве казаков с Волги "от государя нашего опалы"*. (Там же. Кн.6. Л.127, 145 об.) Но правительство не только говорило, но и действовало, причем весьма решительно. Еще в 1554 г. оно сообщало ногайскому мурзе Касаю о поимке "разбойников", которые "на Волге стали и гостей ваших грабили". "И мы, - сообщало далее правительство мурзе Касаю, - которых (казаков - Н.М.) изымали и тех велели казнить перед вашими послы. И ваши послы смерть их отпросили. И мы их велели посадить в тюрьму и выпустить их не велели, чтоб от них лиха не было"*. (Там же. Кн.4. Л.234.) Получалось так, что своя власть оказывалась для воровских казаков хуже ногаев. Впрочем, неожиданная на первый взгляд просьба ногайских послов не казнить казаков могла объясняться их опасением вызвать раздражение казачества в Поле, через которое им предстояло ехать из Москвы в Орду, или же дать вольнице предлог для нападения на улусы. В дальнейшем правительство стало стремиться к изгнанию казаков с Волги и в отношении тех казаков, которые выходили туда для разбоев, применяло репрессии.

Увеличение численности казачества на Дону в конце XVI в. в целом было выгодно российской стороне по внешнеполитическим соображениям. Поэтому в грамоте 1584 г. Москва признала вновь прибывших на Дон людей казаками и к "новым" казакам обращалась точно так же, как и к "старым"*. (СГГ и Д. Т.2. С.36.) Вместе с тем, правительство понимало, что рост рядов донского казачества шел главным образом за счет бегства населения из русских уездов. Признавая казаками новых на Дону людей, правительство в то же время должно было как-то оградить интересы помещиков, чьи люди бежали к донским казакам. Поэтому в Москве не сложилось четкого представления о том, как следует поступать в случае, если помещик - бывший владелец казака узнает о приезде этого казака в какой-либо южный город и потребует его выдачи. С такой нечеткостью столкнулся в Воронеже в 1594 г. сотник П.Фролов, набиравший донских и волжских казаков для службы в городе. Когда за двумя из этих казаков прибыли их бывшие помещики В.Судаков и Ш.Муромцев, сотник запросил дополнительных инструкций из Москвы: "О том, го-

сударь, мне, холопу твоему, как укажешь"*.

(Анпилогов Г.Н. Новые документы... С.403.) Следовательно, П.Фролов не знал, как в Москве отнесутся к требованию помещиков, и вопрос о выдаче помещикам их прежних людей, ставших казаками, решался в индивидуальном порядке. Зная об этом, помещики рассчитывали, что правительство пойдет им навстречу.

Рост рядов донского казачества и усиление его боевой активности в конце XVI в. выдвигали перед царскими властями задачу усиления своего влияния на Дону, чтобы не допустить нежелательно-го для себя ухудшения русско-турецких отношений. В 1592 г. они сделали попытку поставить над низовым Войском своего "голову", П.Хрущова, но эта попытка не удалась. Власти, очевидно, не совсем ясно представляли себе организацию казаков в конце XVI в. Они недооценивали степень организованности казаков на нижнем Дону, хотя и знали о существовании "близко Азова" казачьего центра и посылали туда грамоты. Казаки дорожили своей вольностью, и для московских ставленников на Дону места не нашлось. Силовое же воздействие на казаков исключалось, поскольку правительство не имело для этого возможностей. Правда, в грамоте от 20 апреля 1593 г. оно угрожало казакам за их нападения на Азов: "пошлем на вас Доном большую свою рать и поставить велим город на Раздорех"*, (Материалы для истории войска Донского. Грамоты. С.8-9.) однако на Дону не испугались этой угрозы, ясно осознавая трудность ее осуществления.

Не имея возможности поставить "город" на самом Дону у Раздор, правительство в 1600 г. заложило крепость вблизи земли донских казаков, на Северском Донце, под названием Царев-Борисов. Целью ее была оборона южного рубежа, и ставилась она там, откуда "на крымсково царя и на людей можно приходить". Пытаясь создать новую оборонительную линию по Донцу, власти надеялись, что им удастся привлечь на службу вблизи новой крепости донских казаков, которых царь Борис "пожаловал...Донцом и Осколом...и атаманы б и казаки по Донцу и по Осколу по своим юртом жить и угодыи всякими владеть безданно и безоброшно". При этом в Москве намеревались привести казаков "к крестному целованью", чтоб они не могли "измены никоторое не зделати". Но даже после принятия "крестного целованья" правительство опасалось казаков и запрещало воеводам пропускать их в город, разрешая принимать лишь "в избе за острогом"*.

(Багалея Д.И. Указ. соч. С.10-12.)

Опасения царских властей по поводу возможной нелояльности донских казаков были не лишены основания, что показали начальные годы Смуты, когда войско Донское с момента появления самозванца в Польше и особенно в период его похода на Москву в 1604-1605 гг. выступило против Бориса Годунова. К этому царю отношение казачества было не таким, как к его предшественникам на российском престоле. Дело было и в том, что в нем видели не настоящего государя, а боярина на троне, и в том, что политика его по отношению к донским казакам расценивалась ими как неблагоприятная. О том, что на Дону именно так оценивали эту политику и запомнили время царствования Бориса Годунова как неблагоприятное для себя, было хорошо известно. Поэтому уже при Михаиле Романове, в 1625 г., власти могли напоминать казакам, что "невольно было вам (при царе Борисе - Н.М.) не токмо к Москве проехать и в украинные города к родимцом своим притти, и купить и продать везде заказано, а сверх того во всех городех вас имали и в тюрьмы сажали..."*, (Донские дела. Кн.1. Стб.248-249.) и казаки понимали, о чем шла речь. И в самом деле, подобные меры, как и ограничение торговли, когда вводились "заповедные" для отправки на Дон товары, производили гораздо более сильное впечатление, чем даже мера обратного характера - организованная при Борисе Годунове ежегодная посылка царского жалованья на Дон*.

(Русские акты Копенгагенского гос. архива.)

- РИБ. Т.16. СПб., 1897. С.401.)

Хорошо зная о настроениях, господствовавших на Дону, Лжедмитрий I, еще находившийся в Польше, посылал казакам грамоты с призывом стать на его сторону. До вступления на престол самозванец привлекал и жаловал казаков, что обеспечило ему поддержку донцов, имевшую для него очень важное значение. Не без некоторого преувеличения С.Ф.Платонов даже отмечал, что "под обгорелыми стенами Кром решалась участь династии Годуновых" и "искусство Корелы спасло дело самозванца"*.(Платонов С.Ф. Указ. соч. С.203-204.) Конечно, победу самозванцу обеспечила прежде всего поддержка всего населения южных уездов, но в военно-тактическом плане умелые и успешные действия донских казаков под руководством атамана Андрея Корелы были очень важны для него.

Во время похода на Москву Лжедмитрий I всячески подчеркивал свое расположение к донским казакам. Когда к нему в Тулу явились в качестве делегатов от присягнувших ему москвичей князя И.Воротынский и А.Телятевский, он, в нарушение обычаев, прибывших одновременно с князьями донских казаков во главе с атаманом Смагой Чертенским, по словам летописца, "пусти...к руке прежде московских бояр". Тогда же "они воры казаки лаяху и позоряху бояр", а князя А.Телятевского "...мало не убиша до смерти"*.(ПСРЛ. Т.14. Ч.1. М., 1965. С.65.) Этот случай свидетельствовал о высоком положении донских казаков при "дворе" самозванца и о методах, с помощью которых он завоевывал их расположение до своего вступления на престол.

После завоевания Лжедмитрием I престола в его политике по отношению к донским казакам произошли некоторые изменения. Донские казаки составляли опору Лжедмитрия I во время его похода на Москву, но после победы они становились помехой на пути дальнейшего утверждения его власти, для чего ему необходима была поддержка прежде всего столичного дворянства. Самозванец попытался удалить казаков из Москвы. По сообщению И.Массы, в Москве "все казаки были щедро одарены и распущены"*.(Масса И. Указ. соч. С.114.) В начале его царствования некоторые казаки несли службу в Кремле, являясь его личной охраной. Постепенно Лжедмитрий I сменил личную охрану. При своем весьма неустойчивом положении в Москве он больше рассчитывал на иностранцев*.(Сказания современников о Дмитрии самозванце. Ч.3. СПб., 1837. С.88.)

Удаление донских казаков не означало, что самозванец стремился к столкновению с ними. Никаких враждебных действий по отношению к ним при Лжедмитрии I не допускалось, а атамана А.Корелу он рассчитывал привлечь в свое окружение, но тот спился в московских кабаках*.(Масса И. Указ. соч. С.114.) Казаки по-прежнему считали его своим царем и, по сообщению А.Палицына, ими жестоко преследовались "все умнии", те, кто "царя Дмитрия" "расстригою нарицает". Царь и его правительство, рассчитывая воевать с Турцией за Азов и готовя для этого запасы в Ельце*,(Сказания Авраамия Палицына. С.112, 114.) собирались привлечь к участию в ней донских казаков.

С 1606 г., после январского и мартовского заговоров, положение Лжедмитрия I на престоле стало еще более неустойчивым. В такой обстановке, получив известие о движении с терскими казаками к Москве самозванца "царевича Петра", правительство Лжедмитрия I послало навстречу им Т.Юрлова с грамотой, где было сказано, что царь "велел им итти к Москве на спех"*.(Восстание Болотникова. С.236.) С помощью казаков он рассчитывал укрепить свои позиции на престоле. Однако отряд не успел дойти до Москвы и, находясь выше Свяжска, получил известие об убийстве в Москве "Гришки Ростриги"*.(Там же. С.226.) Получив эту весть, казаки повернули вниз по Волге и пошли на Дон.

При Василии Шуйском отношения между Доном и Москвой напоминали те отношения, которые имели место при Борисе Годунове. В са-

мом царе Василии казаки видели боярина, севшего на престол вместо законного царя Дмитрия Ивановича. Правительство Василия Шуйского стремилось как-то наладить отношения с донскими казаками и по крайней мере дважды, в 1606 и 1608 гг., посылало жалованье на Дон*. (Донские дела. Кн.1. Стб.23; Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII в. С.140.) Но это не могло предотвратить участия донских казаков в движениях под предводительством "царевича Петра" и И.Болотникова в 1606-1607 гг., а затем - поддержки ими Лжедмитрия II в 1608-1610 гг. К казакам - участникам восстания И.Болотникова применялись репрессии. И.Масса сообщал о расправе над казаками, захваченными в плен в битве под Москвой 2 декабря 1606 г.* (Масса И. Указ. соч. С.163.) Но в то же время тех казаков, которые "здалися за крестным целованьем"*, (Корецкий В.И. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И.Болотникова. - Вопр. истории. 1971, N5. С.148.) "царь...Василей повеле их взяти к Москве и поставить по дворам, повеле им давати кормы и не веле их ничем тронутьи"*. (ПСРЛ. Т.14. Ч.1. С.73.) Милость по отношению к этим казакам была вызвана трудным положением властей в то время, как И.Болотников находился недалеко от столицы. Они испытывали такую нужду в людях, что даже сдавшиеся в битве под Москвой в Заборье казаки были зачислены на царскую службу и получили жалованье. Однако после битвы при Пчельне 3 мая 1607 г., закончившейся поражением царских воевод, эти казаки вновь перешли на сторону И.Болотникова и ушли к нему в Калугу*. (Корецкий В.И. Новое о крестьянском закрепощении... С.150.)

В Тушинском лагере Лжедмитрия II охотно принимали донских казаков, поддерживавших самозванца, но стремились взять их под свой контроль. Поэтому, по сообщению Нового летописца, Лжедмитрий II "велел повесити в Тушине по Московской дороге" казачьих самозванных "царевичей" Августа и Лаврентия, пришедших к нему с казаками из Астрахани. В то же время казаков он "пожаловал"*. (ПСРЛ. Т.14. Ч.1. С.89.) Наличие у казаков своих "царевичей" было опасно для Тушинского Вора и его русско-польского окружения не только возможностью появления соперника "царского корени", но и тем, что казаки сохраняли при таких условиях значительную степень независимости.

Распад Тушинского лагеря после бегства самозванца из Тушина в Калугу 29 декабря 1609 г. вызвал раскол среди казаков. Часть из них вовсе ушла "снова в Дикое Поле". 500 человек, по данным К.Буссова, отправились к Лжедмитрию II, но их "поляки из лагерь...затоптали конями или убили"*. (Буссов К. Указ. соч. С.183.) Большинство казаков Иван Заруцкий увел в польский лагерь под Смоленском, бросив самозванца, от которого он получил чин боярина и города Тотьму и Чаронду "в жалованье, в вотчины"*. (ААЭ. Т.2. СПб., 1836. N88.) Однако казаки не стали силой, выступавшей на польской стороне. Начиная с января 1610 г. донцы стали включаться в общерусское освободительное движение после того, как в Серпухове под началом атамана Беззубцева стоворились с жителями города и перебили поляков*. (РИБ. Т.1. СПб., 1872. Стб.163-164.)

Присоединение казаков к освободительному движению вызвало обеспокоенность поляков и части русских тушинцев, участвовавших в переговорах под Смоленском по поводу условий передачи русского престола королевичу Владиславу. В договоре, заключенном 4 (14) февраля 1614 г., о казаках было сказано в отдельной статье: "На Волге, на Дону, на Яике, и на Тереке казаков есть ли надобе, албо не надобе, намовитьсе о том будет речит господарь его милость з бояры и думными людьми"*. (Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. Примечания. Стб.48.) По мнению С.Ф.Платонова, договаривающиеся стороны ставили вопрос о необходимости существования казаков на Дону и на других реках. Такая постановка вопроса свидетельствовала, по его мнению, о "настроении" "людей,

писавших договор", недовольных казаками после их ухода в Калугу*. (Платонов С.Ф. Указ. соч. С.324.) Следовательно, ставился вопрос о самом существовании казачества на этих реках и перед правительством Владислава будто бы выдвигалась задача сведения казаков с этих рек. Однако едва ли поляки и тушинцы могли ставить вопрос таким образом. Скорее всего, в договоре отразилось стремление не избавиться от казаков, а изолировать их от политической жизни Русского государства.

После того, как в сентябре 1610 г. началась польская оккупация Москвы, а в Рязани стало создаваться ополчение во главе с П.Ляпуновым с целью освобождения столицы, руководители ополчения стали привлекать для совместной борьбы различные сословия и социальные слои, в том числе казаков*. (ААЭ. Т.2. N188. С.326-327.) Донские казаки участвовали в борьбе с поляками в составе ополчения в 1611 г., а их атаман И.Заруцкий был одним из его предводителей. В марте 1611 г. ополчение сделало неудачную попытку освобождения Москвы, после чего в нем развернулась борьба между казачеством и дворянством.

Привлечь значительную часть казачества к совместной борьбе за освобождение Москвы удалось Народному ополчению К.Минина и Д.М.Пожарского. После того, как казаки в значительной части своей не поддержали присягу, которую принесли их атаман И.Заруцкий "псковскому вору" Сидорке, К.Минин и Д.М.Пожарский писали казакам под Москву, что они "никакова развращения и опасения не имеют, а идут под Москву им на помощь, на очищение Московского государства"*, (ПСРЛ. Т.14. Ч.1. С.118.) подчеркивая тем самым, что ополчение не идет против казаков, а является их союзником в общей борьбе. Далее, казаки, участвовавшие в покушении на Д.М.Пожарского, были, по его приказу, отпущены*. (Там же. С.122.) В то же время Ополчение решительно выступило против тех казаков, которые мешали борьбе с захватчиками*. (Платонов С.Ф. Указ. соч. С.412-415, 419.) Результатом такой политики было активное участие казаков в освобождении Москвы в 1612 г. Это дало возможность представителям донского казачества участвовать в работе избирательного Земского собора 1613 г. Поддержка донскими казаками Михаила Романова объяснялась тем, что они хорошо знали об опале Бориса Годунова на Романовых, о службе Филарета Никитича Романова при обоих самозванцах и о родственной связи Романовых с прежней династией. Кроме того, они поняли бесперспективность поддержки своей прежней кандидатуры на престол - сына Лжедмитрия II и Марины Мнишек Ивана, которого на соборе никто не поддерживал. В результате донским казакам было обеспечено благожелательное отношение властей при Михаиле Романове.

Выразилось это в установлении порядка регулярной выплаты жалованья с 1613 г., в присылке в 1614 г. знамени* (Донские дела. Кн.1. Стб.69) и в предоставлении по грамоте от сентября 1615 г. права беспрепятственного прохода в южные города для торговли и свиданий с родственниками в обмен на требование, чтобы они "великому государю служили и прямили"*. (Материалы по истории войска Донского. Грамоты. С.24.) Москва, кроме того, поддержала усилия атаманов Нижнего Дона по объединению всего донского казачества в войско Донское и признала его в качестве служилого сословия государства.

Положение донских казаков стало несравненно более благоприятным, чем при "прежних государех царех московских", а особенно - "при царе Борисе", что подчеркивалось в грамоте на Дон от 25 октября 1625 г.* (Донские дела. Кн.1. Стб.248, 253.) Однако уже в 20-х годах в отношениях между правительством Михаила Романова и войском Донским возникли серьезные проблемы. Одна из них заключалась в том, что войско Донское вело войну против Турции и Крыма на море и на суше, осложняя отношения России с этими государства-

ми, в то время, как интересы внешней политики России требовали сохранения и упрочения мира на юге для подготовки к борьбе с Польшей за Смоленск. Другая состояла в том, что походы воровских казаков на Волгу продолжались, и войсковая верхушка не вела с казачьим воровством на Волге решительную борьбу.

Что касается походов на Волгу, то Москва сумела добиться принятия в 1627 г. по настоянию войскового атамана Епифана Радилова на Войсковом круге решения о смертной казни за такие действия. Такое решение обязывало войсковые власти более активно действовать русской администрации в борьбе с воровскими казаками, хотя, конечно, оно не могло стать гарантом прекращения походов на Волгу, поскольку в них была заинтересована не только воровская гольтьба из городков у Переволоки, постоянно ходившая туда, но и значительная часть казаков, не ходивших на Волгу, не называвшихся воровскими казаками, но тайно помогавших ворами и имевших свою долю от награбленного.

С большими трудностями столкнулось правительство в своих попытках добиться прекращения походов на турецкие и крымские владения, поскольку в ведении войны с Турцией и Крымом была заинтересована основная масса казачества, все войско Донское в целом. Учитывая, что борьба за прекращение этой войны вызовет недовольство на Дону, московские власти вели ее на первых порах весьма осторожно, не допуская каких-либо резкостей в отношении казачества. Так, в грамоте от 20 сентября 1622 г. на Дон войску Донскому был сделан выговор за нападения на Азов, Крым и турецкое побережье. Оно предупреждалось, что если "учинитца меж нас и турецкого и крымского ссора и война, и то все будет от вас, и вы б в том на себя нашего гнева не наводили и наши к себе милости не теряли"*.(Воссоединение Украины с Россией. Т.1. С.27.) О возможности каких-либо конкретных действий казаков в грамоте не упоминалось. Новая грамота на Дон была послана 10 марта 1623 г. В ней подтверждался запрет нападений на турецкие города и улусы малых ногаев и объяснялось, что мир с Турцией необходимо соблюдать для облегчения походов "турского царя Ахмет-салтановым людям" "на нашего недруга и разорителя...на польского Жигимонта короля и на его землю" и не давать повода хану и султану "послать войною" "своих людей на наши украины". Тон грамоты спокойный, без резких нападок на казаков, с обещанием "жаловати" их за службу*.(Донские дела. Кн.1. Стб.220, 221.) Стремясь не обострять отношений с Войском, правительство предписывало посылаемому на Дон князю Белосельскому действовать в отношении казаков осторожно, "государскую милость вычитывать им с радостью, чтоб их не ожесточить, выговаривая, покрывать гладостию, а многих речей с казаками не заводить, чтобы их не ожесточить"*.(Савельев А.М. Трехсотлетие Войска Донского. СПб., 1870. С.15.)

На требования русских властей Войско не реагировало и продолжало свои действия на суше и на море. Осенью 1625 г. в Москве пришли к выводу о необходимости принятия более крутых мер в отношении казаков. Правительство арестовало в Москве атамана донской зимовой станицы Алексея Старого и описало "рухлядь" станицы. Атаман и 4 казака из станицы были сосланы в Белоозеро. В грамоте от 25 октября 1625 г. на Дон сообщалось об аресте и ссылке атамана и казаков, строго выговаривалось Войску и напоминалось о временах "царя Бориса". Казаки предупреждались, что "за такие ваши грубости жаловать (вас - Н.М.) будет не за что", как и "пускать" в русские "городы"*.(Донские дела. Кн.1. Стб.246, 248, 253.) Тем самым содержалась угроза отмены льгот и привилегий, которые Москва предоставила Дону по грамоте от сентября 1615 г. Власти, однако, не только угрожали, но и действовали. Так, в 1625-1627 гг. не посылались на Дон царское жалованье. Чтобы затруднить поездки торговых людей на Дон, в 1625-1627 гг. в южных городах велось

расследование о поездках к казакам русских торговых людей*. (РГА-ДА. Ф.210. Столбцы Владимирского стола. N32. Л.252-336.) Воеводы этих городов стали чинить разные препятствия приезжавшим туда казакам, как это было до 1615 г., на что Войско указывало в своей отписке в Москву 1625 г.* (Донские дела. Кн.1. Стб.233.)

Меры русских властей ускорили принятие Войском решения о запрете походов на Волгу. Однако свою войну с турками и крымцами казаки продолжали. Тем не менее, в грамоте на Дон от 2 сентября 1627 г. правительство объявило, что, несмотря на неповиновение казаков, "наказанья вам ныне учинить не велели, ожидая от вас в ваших винах исправленья", а окончательно "управиться" с ними помышало "только...заступенье и милость" патриарха Филарета Никитича*. (Там же. Стб.274, 275.) Такая неожиданная "милость" объяснялась опасением властей потерять все свое влияние на Войско*. (Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII в. С.137.) 28 ноября 1628 г. на Белоозеро была послана грамота о возвращении в столицу атамана А.Старого и его казаков, а в начале 1629 г. они были отпущены на Дон*. (Донские дела. Кн.1. Стб.170.) В 1628 г. казаки получили царское жалованье*. (Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII в. С.142.) В итоге Москве не удалось добиться выполнения своих требований, поскольку позиции на Дону у нее в то время были недостаточно сильны.

Поскольку казаки не прекращали военных действий, а война с Польшей приближалась, правительство в 1629 г. вновь стало добиваться от казаков соблюдения мира, причем более жестко, чем до 1628 г. Очень резким был тон царских грамот 1629 г. В грамоте на Дон от 2 июля имела место не только угроза репрессий за продолжение действий против Турции и Крыма, но и содержалось предупреждение, что им за это от патриарха "быти в вечном запрещении"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.297.) Угроза "запрещения" патриарха, т.е. отлучения от церкви, была для донцов очень серьезной, учитывая их религиозность, осознание ими себя в качестве защитников православной христианской веры и авторитет среди них Филарета Никитича. А в грамоте от 6 октября казаки были даже названы "злодеи, враги креста Христова". Там утверждалось, что именно из-за их походов крымцы громили население южных окраин, и содержалось требование выдачи казаков - участников похода на Крым*, (Там же. Стб.312.) совершенно неслыханное во взаимоотношениях между Доном и Москвой. Эти грамоты, как и предыдущие, не смогли заставить Войско выполнять правительственное требование, но вызвали большую настороженность у казаков и стали прологом кризиса во взаимоотношениях между Москвой и Доном, наступившего в 1630 г.

Наступление этого кризиса было ускорено просьбой турецкой стороны оказать ей помощь войсками против Польши, высланной послом Ф.Кантакузиным в Москве*. (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.170-171.) В ответ на эту просьбу в июле 1630 г. на Дон была направлена грамота, в которой имелись очередные упреки за походы на море и угрозы в случае их продолжения и содержалось требование идти войною "на польского короля землю с турецкими пашами с Муртазою да с Абазою вместе"*. (РГАДА. Ф.89. 1630. N5. Л.94-95.) В то же время в Москве была арестована станица атамана Наума Васильева, и в ссылку, на этот раз в Холмогоры, было направлено уже не 5, а 70 казаков, а "рухлядь" станицы была описана и перевезена в Посольский приказ*. (Донские дела. Кн.1. Стб.323-324.)

Войско решительно отказалось выполнять такое требование, заявив, что "в бусурманскую землю турецким пашам на помощь на литовскую землю идти не хотим"*, (РГАДА. Ф.89. 1630. N5. Л.94-95.) но в то же время заявляло о своей готовности идти на войну с Польшей в составе русских войск*. (Там же. Л.80.) Тогда же казаки

убили царского посланника дворянина И.Карамышева, о котором говорили, будто бы он хотел донских казаков "побивать и вешать и животы их грабить"*. (Там же. Л.78.)

Такой поворот событий вызвал некоторое замешательство среди самих казаков. В рамках сложившихся отношений между Россией и Доном убийство И.Карамышева было своего рода бунтом вассала против сюзерена. Поэтому среди казаков ходили разговоры об уходе с Дона, о возможности посылки против них царских ратных людей, о необходимости призвать на помощь запорожцев*. (РГАДА. Ф.89. 1630. №5. Л.117-118.) Во всяком случае, на Дону не захотели еще более обострять отношения с властями. Казаки не только прекратили свои нападения, но даже не трогали тех татар, которые возвращались из набегов на Русь. Как сообщил 27 марта 1632 г. царицынский воевода князь Л.Волконский, возвращавшихся в январе из набегов азовцев "донские казаки бес государеву указу громить не смеют"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.338.)

Правительство, таким образом, добилось от Войска свертывания его боевой активности, но ничего не выиграло от этого. Нападения крымцев и азовцев на южные русские уезды не прекращались. Поэтому в 1632 г. в Москве было решено прекратить, наконец, опалу на Войско. На Дон послали царскую грамоту с призывом идти на войну с Польшей под Смоленск* (Там же. Стб.387, 389, 390.) и отправили царское жалованье*. (Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII в. С.142.) Казаки станицы Н.Васильева были прощены и отправлены в армию боярина М.Б.Шеина, формировавшуюся для войны с Польшей. Но наступательные операции против татар и турок еще не разрешались Войску. Ему предписывалось ограничиться обороной и нападениям на возвращавшихся из Руси азовцев и крымцев*. (Донские дела. Кн.1. Стб.365.)

Кризис во взаимоотношениях Москвы и Дона 20-х - начала 30-х годов выявил слабость позиций царских властей на Дону и необходимость затраты ими очень больших усилий для того, чтобы заставить казаков выполнять свои требования, а также настойчивость и упорство Войска в отстаивании своей позиции. Вместе с тем в Москве могли убедиться, что конфликт его с Войском не принес Российскому государству пользы. Вынужденное бездействие донских казаков облегчало нападения азовцев и крымцев на русский юг. Правительство убедилось как в необходимости укрепления южных границ, так и всаческой поддержки донского казачества. С 1632 г. политика его в отношении Дона изменилась. Была восстановлена регулярная выплата жалованья. Действия против противника, ходившего на южные русские уезды, правительство прямо поощряло. Что же касается нападений казаков, как, например, действий в 1634 г. под Керчью и против Азова, то оно осуждало за них казаков. В грамоте от мая 1635 г. оно требовало примириться с азовцами и даже "для нас, великого государя...оставить и на себе понести...тесноту и грубость" от азовцев*. (Лунин Б.В. Очерки истории Подонья-Приазовья. С.44.) Тон грамоты, однако, был совсем не такой, как в грамотах 20-х годов. Никаких угроз в грамоте не было. В феврале 1637 г. из Москвы была направлена грамота в южные города, где воеводам было велено свободно пропускать донских казаков и не брать с них лишних поборов за провозимую ими "рухлядь". В ней указывалось, что "мы донских атаманов и казаков пожаловали, тесноты и насильства им чинить не велели и велели их во всем оберегать"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.549-550.) Тем самым были сняты последние остатки опалы 1629-1631 гг.

Благожелательное отношение русских властей к войску Донскому являлось одним из важных факторов, содействовавших взятию им Азова в 1637 г.

Это был крупнейший успех войска Донского, и, по справедливому замечанию А.А.Новосельского, "первое впечатление от неожидан-

ного успеха казачьего предприятия у московского правительства отнюдь не могло быть радостным"*.(Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.257.) Дело было не только в том, что обострялись русско-турецкие отношения в то время, когда главной внешнеполитической задачей России оставалась борьба с Польшей за Смоленск. Дело было и в том, что донские казаки проявили в столь крупном деле очень большую самостоятельность и лишний раз подчеркнули, что не намерены считаться с внешнеполитическими интересами Москвы. Поэтому в грамоте на Дон от 20 сентября 1637 г., первой после азовского взятия, царские власти предъявили Войску ряд претензий. Они упрекали казаков за то, что станичные атаманы Иван Каторжный и Тимофей Яковлев "ничего не сказывали" в Москве о подготовке к походу на Азов, за то, что убили турецкого посла Ф.Кантакузина, и указывали на недопустимость таких акций, даже "если война меж государи бывает", за то, что не прислали привезенных Ф.Кантакузиным султанских грамот, и, главное, за то, что вообще самовольно предприняли столь ответственный шаг*.(Донские дела. Кн.1. Стб.569-672.) Выразив, однако, свое недовольство в этой грамоте, правительство в дальнейшем перестало предъявлять Войску какие-либо упреки. В Москве быстро осознали выгоду для себя от пребывания казаков в Азове. Появилась возможность значительно укрепить положение страны на юге в условиях, когда нападения на южные уезды стали значительно реже, чем до азовского взятия. При этом Российское государство оставалось в стороне от непосредственного столкновения с Османской империей, перекладывая на войско Донское всю тяжесть борьбы с ней. Поэтому в период пребывания войска Донского в Азове в 1637-1641 гг. правительство всячески поддерживало казаков, выплачивая им значительное жалованье и оказывая всякую иную помощь, кроме военной помощи. В Москве желали, чтобы казаки как можно дольше держали в своих руках Азов и стремились всячески ободрить донских атаманов, которые приезжали во главе зимовых и легких станиц.

Войско в своих отписках обычно подчеркивало свое намерение отстаивать Азов и служить государю, сообщало о своих нуждах, обычно - в хлебе и в боеприпасах и просило пропускать "без задержанья" торговых людей из южных городов. Постепенно Москва решила сделать уступки по такому принципиальному для себя вопросу, как пропуск людей на Дон. Стремясь укрепить позиции Войска перед лицом Турции и Крыма, она изменила свое отношение к тем людям, которые пытались вместе с донскими зимовыми и легкими станицами пройти на Дон. Обычно правительство требовало от воевод южных городов, через которые станицы возвращались на Дон, всех "лишних людей", не входивших в списки казаков станицы, "имать и роспрашивать: кто они и какие люди", а затем "до нашего указа" "их вкинуть в тюрьму". На первых порах после взятия казаками Азова такой порядок не менялся. Но в царской грамоте в Воронеж от 18 марта 1640 г. об отпуске на Дон станицы атамана И.Каторжного уже ничего не говорилось о "лишних людях", следовавших со станицами, и об их задержании*.(Донские дела. Кн.1. Стб.846.) И в последующих грамотах воронежскому и козловскому воеводам, направлявшимся в 1640-1641 гг., об аресте "лишних людей" также не упоминалось*.(Там же. Стб.993-994; там же. Кн.2. Стб.29-30.)

В этом власти видели один из способов увеличения сил донского казачества. Возможно, что примерно в это время атаману И.Каторжному был дан "изустный приказ" не выдавать беглых боярских людей, на который он ссылался в июне 1646 г.*(Донские дела. Кн.2. Стб.884.)

Нежелательным для правительства явлением было распространение среди части казаков неуверенности в своих силах и идеи пригласения в Азов царских ратных людей. Выразил ее в 1640 г. войсковой дьяк Федор Порошин, составивший отписку, которую привез в

Москву атаман Дементий Гаврилов. В отписке говорилось, что в случае нашествия турок на Азов "города держати" казакам "не в мочь, потому, что мы не горододержцы"*.(Донские дела. Кн.2. Стб.58.) По словам Д.Гаврилова, Ф.Порошин стоял за приглашение русских ратных людей с воеводой в Азов*.(Там же. Стб.63.) Русские власти не собирались этого делать, но желали, чтобы Войско не оставляло Азов. Поэтому боярину Ф.И.Шереметеву и думному дьяку Ф.Лихачеву, которые вели переговоры со станицей Д.Гаврилова, предписывалось: казаков "на то подводить, чтоб они службу свою к нам и раденье совершали и в Озове сидели"*.(Там же. Стб.59.) Впрочем, нежелание России непосредственно вмешиваться в войну между войском Донским и Османской империей за Азов соответствовало стремлению большинства казаков не допустить на Дон русские войска с воеводами и самим защищать город.

События 1641 г. развивались в наиболее благоприятном для правительства варианте. Без всякой помощи со стороны Москвы Войско в неравной героической борьбе отстояло Азов. Возможно, что тем самым казаки предотвратили начало ширококомасштабной турецко-крымской экспансии*, (Быкадоров И.Ф. Донское Войско в борьбе за выход в море. С.118.) на возможность которой указывает большое количество явившихся к Азову людей под командованием турецких пашей и крымского хана. Отстояв Азов своими силами в 1641 г., Войско, однако, в дальнейшем уже не могло самостоятельно его защищать вследствие понесенных потерь и больших разрушений крепости. Поэтому вскоре после снятия турками осады в Москву была направлена зимовая станица во главе с атаманом Н.Васильевым и есаулом Ф.Порошиным, которая привезла войсковую отписку с просьбой к царю "на то место" (где был Азов) "прислать своего государева воеводу с ратными людьми до Рождества Христова". Если же ратных людей не будет, то казаки предупреждали, что покинут "то место" "после Рождества Христова вскоре"*.(Донские дела. Кн.2. Стб.260-261.)

Русские власти оказались перед выбором. Было слишком заманчиво принять у Войска Азов и укрепить свое положение на Юге. Правда, для этого пришлось бы вступить в войну с Османской империей, успех в которой не был гарантирован, особенно при наличии угрозы со стороны Польши, войска которой стояли очень близко от Москвы. Кроме того, из-за войны с турками за Азов пришлось бы отложить до лучших времен борьбу с Польшей за Смоленск, сохраняя тем самым опасное положение на западной границе государства. Поэтому в Москве колебались. 2 декабря 1641 г. на Дон была послана царская грамота с благодарностью Войску за оборону Азова, с извещением о посылке жалованья и с призывом "по-прежнему крепко и неподвижно" "стоять" в Азове и с сообщением о приезде на Дон дворянина А.Желябужского и подьячего А.Башмакова для осмотра азовских укреплений*.(Там же. Стб.365-371.) В январе 1642 г. правительство официально признало заслуги войска Донского в борьбе за Азов, хотя до того официально таких заслуг не признавали. Была разослана грамота с указом "на Москве и в городех в соборных церквах и монастырех поминать" убитых при обороне Азова казаков. Следовательно, в Москве заявляли, что считают борьбу донских казаков за Азов государевой службой и "стоянием" "за православную христианскую веру"*.(ААЭ. Т.3. СПб., 1836. С.455.) Не исключено, что грамота рассылалась не только ради признания заслуг казаков, но и для обоснования возможного вступления в борьбу за Азов самого Российского государства.

Земский собор 1642 г. в целом высказался за принятие Азова у казаков. Однако огромные расходы на посылку в Азов ратных людей - 221 тыс. рублей*(РГАДА. Ф.89. 1641. №1. Л.13-14.) и большие разрушения крепости - такие, что, по докладу А.Желябужского и А.Башмакова, даже "чертеж" города было "начертить не мочно"*, (Донские дела. Кн.2. Стб.260, 264.) - заставили царские власти отказаться

от принятия Азова. В грамоте на Дон от 20 апреля казакам указывалось на невозможность продолжения обороны Азова*. (РГАДА. Ф.89. 1641. N12. Л.145.)

Учитывая, что на Дону некоторые казаки стояли за то, чтобы не отдавать Азов, в Москве опасались, что Войско не захочет покинуть город. Россия была заинтересована в том, чтобы не допустить разгрома ослабевшего войска Донского. Поэтому когда 30 апреля из столицы был послан на Дон дворянин М.Засецкий с царской грамотой, предписывавшей Войску уйти из Азова, ему был дан подробный "наказ". В нем определялось, что говорить, если "черкасы или какие иные вору, не хотячи крестьянского покою, для своего воровства и кровопролития" станут уговаривать казаков остаться в Азове*. (Донские дела. Кн.2. Стб.340-341, 350-351.) Был сослан в Сибирь сторонник продолжения борьбы за Азов Ф.Порошин. Однако опасения оказались напрасны, и Войско покинуло Азов. За это на Дон было послано большое царское жалованье*. (Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII в. С.143.)

После оставления Азова ослабевшее Войско попало в очень тяжелое положение. Турки поставили перед собой задачу "сбить" Войско с Нижнего Дона. В 1644 г. оно вынуждено было просить Москву прислать на Дон русских ратных людей*. (Донские дела. Кн.2. Стб.526, 530.) Правительство стало принимать меры по оказанию казакам значительной помощи. Увеличились размеры "донских отпусков", причем в 1643 и 1646 гг. жалованье было отправлено на Дон дважды, а в 1647 г. - трижды*. (Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII в. С.143-144.) С 1646 г. было разрешено "пропускать" на Дон "польских и литовских торговых людей с хлебными и со всякими запасы, с зельем и с свином"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.785, 866; до 1646 г. торговых людей из Польши на Дон не пропускали. - Воссоединение Украины с Россией. Т.1. С.402.) В том же 1646 г. правительство решило оказать казакам помощь людьми и организовало в южных уездах набор "вольных охочих людей" и отправку их на Дон. Однако прежде всего из-за недостатков в организации снабжения многие из этих людей бежали с Дона. Тем не менее, эта мера несколько облегчила положение казаков.

Оказывая казакам столь важную для них в то время помощь, российская сторона после Азовского сидения стала с большей настойчивостью пытаться изменить характер своих взаимоотношений с Войском в сторону усиления своей власти над ним. В 20-30-е годы в Москве были вынуждены терпеть широкую самостоятельность донских казаков, так как имели весьма ограниченные возможности для воздействия на них. Теперь, с ослаблением Войска и усилением его зависимости от правительственной помощи, Россия стала добиваться ограничения его самостоятельности. Способствовало этому также усиление позиций государства на его южных окраинах, а также укрепление царской власти в стране, происходившее примерно с середины XVII в.

Прежде всего, в Москве сделали попытку изменить процедуру приема на Дону царского посланника. По традиции, посланники обычно к казакам "в круг прихаживали" и принимались на Войсковом кругу. Посылая в 1646 г. на Дон с вольными охочими людьми дворянина Ж.Кондырева, правительство подчеркивало, что считает своего представителя более высокой стороной, чем Войсковой круг. Ж.Кондыреву, как указывалось в наказе, идти в круг "не пригоже, а то будет государеву имени не к чести". Он должен был "велети атаманом и казаком быть к себе в стан" и "стояти на том гораздо"*, (Донские дела. Кн.2. Стб.754-755.) требуя от казаков исполнить его повеление. Таким образом, московская власть стремилась, чтобы церемония приема посланника напоминала казакам об их зависимом положении. Подобные же наказания давались всем последующим

посланникам. Поскольку казаки постоянно отказывались идти на по-сольский стан, а посланники – на круг, а встречаться посланникам и казакам и передавать Войску жалованье было необходимо, посланники и казаки стали встречаться в нейтральном месте, у часовни.

Еще одним показателем стремления правительства усилить свою власть на Дону была попытка подчинить казаков царским воеводам при проведении военных операций против Крыма в 1646 г. – князю С.Пожарскому и Ж.Кондыреву*. (Там же. Стб.760, 1082; там же. Кн.3. Стб.38, 761.) Такая попытка делалась впервые со времени Смоленской войны 1632–1634 гг., а в борьбе с Крымом и ногаями – с конца XVI в. Однако казаки отказались подчиняться воеводам. Так, они отказывались взять Ж.Кондырева с собой в морской поход на Крым, ссылаясь на его непригодность "...нужи морских походов и пешие службы терпеть". С ним у них были разногласия по оперативным вопросам. Если Ж.Кондырев, в соответствии со своим наказом, настаивал на немедленном походе на Крым, то казаки заявляли, что "...прежи де надобно нам управитца с теми, которые на них приходили"*, (Донские дела. Кн.2. Стб.922.) т.е. с татарами, кочевавшими вблизи Азова, причем Ж.Кондырев так и не смог настоять на своем.

В целом в 1646 г. царским властям не удалось ни в какой мере ограничить самостоятельность войска Донского.

В 1648 г. в помощь казакам был направлен воевода А.Лазарев с солдатами под командованием иноземных офицеров. При этом наказ А.Лазареву во многом совпадал с наказом Ж.Кондыреву 1646 г., что свидетельствовало о большой настойчивости правительства в проведении своей политики на Дону. Однако и у него отношения с казаками не сложились, причем однажды казаки, по его словам, хотели его "убить в кругу до смерти...что Ивана-ж Каромышева"*. (Донские дела. Кн.4. Стб.251.) Москва вынуждена была отозвать этого неудачливого кандидата в донские воеводы, что также можно рассматривать как победу казаков. Едва ли, однако, правомерно утверждение, что, посылая на Дон солдат во главе с А.Лазаревым, российская сторона пыталась "оккупировать область Дона"*. (Пронштейн А.П. Земля Донская... С.263–267; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. С.179–191.) Представляется, что "оккупация" Дона в 1648 г. не являлась ее целью, хотя она в то же время и стремилась усилить свою власть над казачеством. "Оккупация" предполагала устранение казачьих органов управления от решения важнейших дел и передачу всей полноты власти московскому представителю. Именно так обстояло дело при разгроме Булавинского восстания в 1708–1709 гг.* (Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т.2. М.–Л., 1948. С.151; Степанов И.В. Крестьянская война... Т.1. С.298.) В 1648 же году ничего подобного не было, и тысячный отряд солдат не мог отнять власть у войска Донского и обеспечить ее передачу царскому воеводе А.Лазареву. К тому же правительство, не решив вопрос со Смоленском, вовсе не желало вступать в непосредственный контакт с Османской империей под Азовом и осложнять свои отношения с ней. Целью отправки А.Лазарева на Дон была помощь казакам.

С 1648 г., в связи с начавшейся на Украине освободительной войной под предводительством Богдана Хмельницкого, внимание России было приковано к положению на Украине, и у него несколько ослабел интерес к положению на Дону по сравнению с тем, как это было в 1646–1648 гг.

Так, после того, как в 1649 г. А.Лазарев был отозван с Дона, русские власти вплоть до 1660 г. не посылали туда своих ратных людей, тем более, что Войско и не просило их об этом*. (Рябов С.И. Донская земля в XVII веке. С.183.) Следовательно, они не могли делать попыток непосредственного подчинения Войска своим воеводам хотя бы и по ограниченным вопросам военно-оперативного характера,

как в 1646 и в 1648 гг. Тем не менее, это не означало, что правительство отказалось от попыток усилить свою власть на Дону. В посольских наказах из года в год повторялся запрет посланникам идти в казачий круг и вручать там жалованье. Свое намерение покончить с правом вольности службы донских казаков Москва наглядно продемонстрировала в 1655 г., когда за самовольное оставление действующей армии во время войны с Польшей под Киевом был казнен атаман одного из казачьих отрядов Иван Разин*. (Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным. - Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С.107.) В 1659 г. власти добились от Войска разорения воровского городка Риги и казни воровского атамана и некоторых воровских казаков*. (Донские дела. Кн.5. Стб.481, 544, 695.)

Когда в 1660 г. Турция приняла решение усилить азовский гарнизон на 5 тысяч человек, и когда турки и крымцы построили "на Дону на устье Колончи и Донца городки да башню", Войско попросило прислать на помощь ратных людей. В октябре 1660 г. в Черкасский городок прибыло 7 тысяч человек, во главе с воеводами С. и И.Хитрово, гораздо больше, чем в 1648 г. С такой значительной силой российская сторона получила возможность оказывать более существенное воздействие на войско Донское, чем тогда, когда на Дон посылался А.Лазарев. Однако правительство действовало достаточно дипломатично и не навязывало казакам этих воевод в начальники. Более того, когда Войско пожаловалось на И.Хитрово за то, что в марте 1661 г. он не оказал казакам необходимой помощи при осаде ими новой турецкой крепости на протоке Каланча, оно приняло сторону Войска, выразив воеводе недовольство и приказав ему вести дела совместно с атаманами*. (Донские дела. Кн.5. Стб.899-900, 904.) Надо полагать, что в Москве решили отойти от своей традиционной жесткой линии на подчинение казаков посылавшимся на Дон воеводам. Однако такое отступление было отступлением с позиции силы, которую ощущало в своих отношениях с войском Донским русское правительство. Оно решило теперь не раздражать казаков излишней требовательностью по не самым важным для себя вопросам военно-оперативного характера в ходе столкновений на Нижнем Дону, но добиваться своего по наиболее важным для себя вопросам.

К числу таких вопросов выдвинулся во второй половине XVII в. вопрос о приеме казаками беглых. В Москве стали быстро удовлетворять челобитные тех помещиков, люди которых бежали на Дон, о помощи в поисках беглых и в их возвращении. Эти помещики получали проезжие грамоты в места, лежавшие на пути к Дону, а местной администрации предписывалось оказывать им помощь*. (Донские дела. Кн.4. Стб.655-658; там же. Кн.5. Стб.443-452; РГАДА. Ф.111. 1669. N4. Л.74.) С 1666 г. появилось новое требование властей к войску Донскому - не препятствовать переписи беглых, поселившихся "по реке Хопру в ближних местех". Правительство настаивало, чтобы казаки беглых крестьян "в старые наши великого государя дворцовые села, где кто (жил - Н.М.) наперед сего, отдавать велели безо всякого послушанья. И впредь к вам в казацкие юрты...дворцовых сел беглых крестьян принимать и селитца не велеть"*. (РГАДА. Ф.111. 1666. N1. Л.45-46.) Пока это категорическое распоряжение относилось только к крестьянам из шацких дворцовых сел, но оно означало покушение на право приема казаками беглых, которое являлось реальностью, но не признавалось Москвой.

Свое намерение всерьез бороться с бегством на Дон правительство продемонстрировало и в 1669 г., когда удовлетворило челобитную елецких помещиков Бехтеевых об очной ставке со станичным казаком Романом Пуговченковым, в котором помещики узнали своего человека. Казаки были обеспокоены возможной выдачей своего станичника челобитчикам и в своей отписке напоминали, что "наперед сего о таких же беглых людех, которые служат на Дону лет пять и шесть

и бывали присланы в станицах к Москве, бивали челом великому государю на них всяких чинов люди, и тем людям донские казаки...не отдаываны"*.(Там же. 1669. №. Л.1-4.) По-видимому, Р.Пуговченков не был выдан, но Посольский приказ не раз напоминал казакам, чтобы новых людей они не направляли в станицы во избежание конфликтов с их прежними владельцами.

В 1666 г. Москва потребовала от Войска, чтобы оно возвратило беглых, ушедших на Дон с атаманом Василием Усом*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.61-73.) Но это требование не было выполнено*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.69-70.)

Пытаясь, таким образом, ввести новые начала в свои взаимоотношения с войском Донским, правительство стремилось к ликвидации таких традиций в этих взаимоотношениях, которые не устраивали его. К ним относились прежде всего порядок приема царских посланников на Дону, невыдача беглых, наказание участников походов на Волгу, которых Войско наказывало далеко не с такой строгостью, как хотели того в Москве. Даже взятых в 1659 г. в воровском городке Риге казаков, "дав...на поруки, ропустили по городком" и казнили лишь немногих, хотя в Москве требовали всем этим казакам "учинить...по своему войсковому праву смертную казнь"*. (Донские дела. Кн.5. Стб.481, 695.) Не устраивало власти и то, что Войско так и не приняло присяги на верность московскому царю. Но, несмотря на все это, между войском Донским и Российским государством поддерживались регулярные и в целом нормальные взаимоотношения.

Обострению их содействовало Разинское восстание.

Прежде всего, недовольство властей вызывало то, что донские старшины не воспретывали выходу казаков в поход на Каспийское море со С.Разиным*(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.74-76.) и вообще старались не сообщать о походах на Волгу, считая это внутренним делом казачества, хотя из Посольского приказа требовали: "что...у вас учинитца, и вы б нам...писали...наскоро"*. (Донские дела. Кн.5. Стб.725.) Вскоре после разгрома разинцев правительство обвиняло казаков в том, что они "никаких вестей к великому государю не писали, а станиц не присылали"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.147.) Недовольны были власти и тем, что на Дону не было никакого наказания казакам, которые ходили со С.Разиным на Волгу и Каспийское море. В Москве понимали, что это могло объясняться не только тем, что С.Разин располагал значительными силами, но и тем, что войсковая верхушка не была склонна вести борьбу с воровскими походами казаков так же жестко и решительно, как этого требовало правительство.

Тем не менее, даже в 1670 г. правительство сперва не думало идти на разрыв с донскими старшинами и считало возможным послать на Дон жалованье. Судя по царской грамоте от января 1670 г. на Дон, правительство запрашивало Войско о возможности безопасной его доставки и обещало прислать все, о чем просили казаки, "без умаленья"*. (Там же. Т.1. С.159.) И в начале марта в Москве еще не отказались от посылки жалованья на Дон и от расчетов на донских старшин в борьбе со С.Разиным. Ради этого оно посылало на Дон своего посланника Г.Евдокимова, причем он, по наказу, должен был идти на казачий круг*, (Там же. С.160.) а не требовать казаков к себе на стан. Уступая в принципиальном, но в данном случае - второстепенном вопросе по поводу процедуры приема царского посланника на Дону, правительство хотело показать старшинам свою особую заинтересованность в главном - в их активных действиях против разинцев. Вскоре в Посольском приказе убедились, что не совсем верно представляли себе ситуацию на Дону, считая старшин полными хозяевами положения и ставя ликвидацию Разинского движения в зависимость от их желания. Убийство разинцами Г.Евдокимова на круге

12 апреля показало, что старшины полностью утратили контроль за положением на Дону и не могли представить из себя серьезной силы, на которую в то время можно было опереться в борьбе со С.Разиным.

В ответ на это Москва организовала продовольственную блокаду Дона. В конце мая 1670 г. воеводам Белгорода, Воронежа, Усмани, Козлова, Чугуева и Коротояка были разосланы указы о запрещении торговли с казаками*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.2. Ч.2. С.162-164.) Эта мера была направлена не только против разинцев, но и против донских старшин, растерявших в глазах русских властей свой былой политический авторитет.

Правда, в июне 1670 г. правительство через воронежского воеводу Б.Бухвостова отправило грамоту на Дон, велев отдать ее "именно Корнилу Яковлеву или хто ныне на Дону войсковой атаман". Цель грамоты - показать старшинам, что в Москве готовы им оказывать поддержку, чтобы укрепить их позиции на Дону и главное - предотвратить постоянный приток казаков с Дона на Волгу к С.Разину*. (Там же. Т.1. С.192-194.) Но это не означало, что правительство восстанавливало свое прежнее расположение к донской верхушке, тем более, что связи Москвы со старшинами в Черкасском городке до зимы 1670-1671 гг. оказались по существу прерваны. К тому же в течение лета власти еще более усилили меры по продовольственной блокаде Дона. В середине июля были посланы грамоты воеводам 67 городов к югу от Москвы, где предписывалось задерживать всех людей, приходивших с Дона, и допрашивать их "з большим пристрастьем"*. (Там же. С.208-209.) Тем самым правительство, во-первых, стремилось не допустить повстанческой агитации в южных уездах и, во-вторых, не дать возможности казакам закупать там продовольствие. С организацией продовольственной блокады Дона было связано снятие коротоякского воеводы Ф.Виндомского, обвинявшегося в пропуске за взятки торговых людей в казачьи городки. Новый воевода М.Ознобишин должен был расследовать это дело, и, если обвинение подтвердится, прежнего воеводу должны были "на казле бить кнутом нещадно" и разжаловать в стрельцы*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.170-171.)

Обстановка как по всей стране, так и на Дону резко изменилась после поражения С.Разина под Симбирском. У старшин появилась возможность восстановить свою власть на Дону. Для этого им потребовалась более существенная поддержка Москвы. Для восстановления связей с ней, прерванных летом-осенью 1670 г., в ноябре в Москву была послана станица атамана Ивана Аверкиева за жалованьем. Но правительство решило показать старшинам свое крайнее недовольство ими. Станицу арестовали и сослали в Архангельск*. (Там же. Т.3. С.74-75, 126.)

Тогда, желая уладить отношения с царскими властями, старшины послали в Москву новую станицу во главе с атаманом Родионом Колуниным. Во время приема станицы, происходившего не как обычно в Посольском приказе, а в приказе Казанского дворца, ведавшего подавлением Разинского восстания, казакам было заявлено, что "нынешнее кровопролитие учинилось все вашим нерадением", т.е. неприятием со стороны Войска своевременных мер против С.Разина. Правительство пообещало "простить" казаков, но велело им "чинить промысел" над разинцами, "и поймав тех воров, Стеньку и Фролка, прислать к Москве, а иным бы пушчим заботчикам учинить указ по войсковому праву"*. (Там же. С.5-6.) Тем самым старшинам предписывалось самим нарушить право невыдачи с реки - один из важнейших принципов самостоятельности Дона. В сложившихся условиях старшины должны были выполнять это требование и после взятия разинского Кагальника 14 апреля 1671 г. станица во главе с войсковым атаманом Корнилой Яковлевым повезла в Москву С. и Ф.Разиных*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.59.)

Это означало большую победу властей не только над восставши-

ми, но и над донским казачеством в целом в борьбе за укрепление своей власти на Дону. Свидетельством победы царского правительства над донским казачеством должно было стать само участие казаков станицы К.Яковлева в церемонии привоза С.Разина в Москву, о чем сообщал свидетель – англичанин Т.Хебдон*. (Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С.130.)

Добившись выдачи С.Разина, правительство предприняло первые шаги по снятию с войска Донского опалы, наложенной в 1670 г. Через 2 дня после казни атамана, 8 июня, правительство разрешило вести торговлю по реке Дон*, (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.92, 93.) сняв, таким образом, продовольственную блокаду с земли донских казаков. В тот же день был восстановлен прежний порядок сношений донских казаков с Москвой – через Посольский приказ, а не через приказ Казанского дворца, как это было в период подавления Разинского восстания. Еще раньше, 20 мая, после получения известия о выезде в Москву станицы К.Яковлева со С.Разиным, была возвращена из ссылки станица И.Аверкиева*. (Там же. С.93.)

Казачьи станицы К.Яковлева были щедро награждены. Даже рядовые казаки получили по паре соболей. Сам К.Яковлев получил на приезде, помимо денег, сорок соболей и позолоченный ковш, а на отпуске, кроме тканей, пару соболей*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.107.) Тем самым царские власти стремились показать казакам, насколько высоко они ценят верную службу. Такое вознаграждение было связано не только с тем, что эта станица привезла С. и Ф.Разиных, но и со стремлением привести ее к присяге в Москве, чтобы облегчить принятие присяги на Дону всем Войском. Присяга станицы прошла гладко, так как в столичном городе казаки этой станицы не имели никакой возможности сопротивляться властям. В этом случае с ними могли поступить так же, как и совсем недавно со станицей И.Аверкиева. Едва ли казаки станицы К.Яковлева и желали сопротивляться после получения такого вознаграждения.

Ссылаясь на пример станицы К.Яковлева, было легче привести к присяге казаков на Дону. Для этого в Войско был послан полковник стольник Г.Косагов. На Дону присяга прошла труднее, чем в Москве, поскольку "казаки молотчие люди" отказывались целовать крест и говорили, что они "служить ради верно и без крестного целованья". Три круга пришлось собирать для того, чтобы склонить казаков к присяге. В конце концов "на третьем кругу приговорили... великому государю обещание учинить пред светлым Евангелием всем Войском, а если кто из них к тому обещанью не пойдет, и того по войсковому праву казнить смертью, а животы их грабить"*.(Там же. С.169-170.)

Принятие войском Донским присяги означало установление нового порядка во взаимоотношениях его с Россией. Степень его зависимости от Российского государства значительно возросла. Был сделан решающий шаг по пути превращения донских казаков из вассалов русского государя в его подданных, а Дона – из полунезависимой вассальной республики в составную часть государства, пользовавшуюся широкой автономией.

Подведем итоги.

1. Взаимоотношения между Российским государством и донскими казаками были установлены с середины XVI в. Они были необходимы для обеих сторон. России они обеспечивали укрепление ее позиций на южных рубежах и более успешное противостояние турецко-крымской экспансии. Казачеству они давали столь необходимую для него материальную поддержку со стороны Москвы, возможность установления экономических связей с Россией и беспрепятственных поездок в русские города и уезды, иногда – военную помощь.

2. Эти взаимоотношения не носили равноправного характера, поскольку одна из сторон – донское казачество – состояла на службе у другой – у русского правительства и получала от него жалование за эту службу, а также различные льготы и привилегии.

3. В XVI – начале XVII в. донские казаки были полностью самостоятельны. С начала царствования Михаила Романова между Россией и донским казачеством были установлены более тесные отношения, принявшие характер отношений сюзеренитета-вассалитета.

4. Признаками их являлись: добровольный их характер с обеих сторон, наличие взаимных обязательств и служба вассала – Войска – в обмен на помощь и поддержку сюзерена – русского царя. Особенностью донского вассалитета являлось то, что он сложился и существовал в XVII в., когда подобные отношения стали анахронизмом, а также в исключительной широте прав и свобод войска Донского как вассала, когда отсутствовала даже четкая фиксация вассальных обязательств со стороны Войска в виде типичной для подобных отношений вассальной присяги. В то же время обязательства сюзерена – российской стороны – были четко изложены в царских грамотах на Дон 1615 и 1618 гг. Историческое значение этих отношений состояло в том, что они представляли собой одну из важнейших гарантий существования на Дону сообщества свободных людей.

5. Цель правительственной политики на Дону состояла в привлечении казаков на службу и в направлении их действий в соответствии с внешнеполитическими интересами России, а также в стремлении не допустить со стороны казаков разбоев, грабежей и "воровства". Методы этой политики состояли в сочетании мер по поощрению казачества с мерами по оказанию давления на него. В полной мере добиваться достижения целей своей политики по отношению к донским казакам правительство не всегда могло из-за очень большой степени самостоятельности казачества. Поэтому оно постоянно стремилось ограничить эту самостоятельность и усилить свою власть на Дону.

6. До вступления на престол Михаила Романова отношения между Россией и донскими казаками не носили регулярного характера. С 1613–1615 гг., когда правительство признало донских казаков в качестве служилого сословия государства, они были поставлены на регулярную основу. Обострение отношений между русскими властями и войском Донским произошло в 20-е годы, когда казаки вопреки запрету Москвы, вели активные боевые действия против Турции и Крыма. С 30-х годов, в связи с активизацией внешней политики России на юге, позиция русского правительства в отношении донских казаков стала более лояльной. Это явилось одним из факторов, способствовавших взятию казаками Азова. В период пребывания войска Донского в Азове (1637–1641 гг.) Россия всячески поддерживала казаков, однако не послала им на помощь свои войска, опасаясь войны с Турцией. После оставления казаками Азова, когда ослабевшее Войско попало в тяжелое положение, Москва оказала ему серьезную помощь, в том числе помощь людьми и войсками, однако попыталась при этом изменить характер своих отношений с казаками в сторону ослабления их самостоятельности и усиления своей власти на Дону.

7. Правительство сумело этого добиться в результате разгрома Разинского восстания, когда оно заставило казаков выдать в Москву Степана и Фрола Разиных, создав, таким образом, прецедент для последующей ликвидации права убежища на Дону – одной из основ казачьей вольности, и привело войско Донское к присяге. Это означало начало перехода донских казаков от вольного вассалитета по отношению к русскому царю к подданству и политического слияния Дона с Российским государством.

Глава 6.

Донское казачество в войнах и народных движениях.

1. Боевое искусство донских казаков.

Различные народы, проживающие на Донской земле в древности и в средние века, часто воевали или же находились под постоянной угрозой войны. Донское казачество, сведения о котором в письменных источниках появляются с середины XVI в., восприняло традиции боевой жизни, складывавшиеся в крае в течение веков, и отличалось такой же воинственностью, как и население Донской земли более раннего времени.

Война представляла собой смысл жизни как казачества в целом, так и каждого донского казака в отдельности. Определялось это множеством факторов, и прежде всего - самим его расположением в регионе, за преобладание в котором в период позднего средневековья развертывалась борьба между двумя крупными державами Европы и Азии - Россией и Османской империей. Теснейшим образом связанное с Россией, казачество на Дону находилось на переднем крае этой борьбы. Для донских казаков главным противником в течение XVI-XVII вв. был турецкий Азов, овладеть которым казаки стремились постоянно и в 1637-1642 гг. держали его в своих руках. Другим важнейшим противником являлось Крымское ханство. С этими своими основными противниками, а также с вооруженными силами Османской империи, донские казаки вели военные действия как на суше, так и на Черном и Азовском море. Сложными были взаимоотношения донских казаков с ногаями. При этом с Мальми ногаями Казыева улуса, располагавшегося на правом берегу Кубани и находившимися в зависимости от Крыма, донские казаки вели постоянную борьбу. Что касается Больших ногаев, принявших российское подданство, то с ними донские казаки находились в мирных отношениях до тех пор, пока эти ногаи кочевали в местах, отведенных им для перекочевков правительством, и не делали попыток по каким-либо причинам перейти в подданство к крымскому хану. Во второй половине XVII в. в отдельных случаях имели место столкновения донских казаков с калмыками, ходившими войной на казачьи городки, однако, как правило, с калмыцкими тайшами войско Донское было в союзных отношениях. Кроме того, с конца XVI в. вплоть до середины XVII в. донские казаки время от времени подвергались нападению со стороны "воровских черкас", приходивших с Украины.

Военные действия донских казаков в XVI-XVII вв. представляли собой как оборону своих городков, так и организацию и проведение морских и сухопутных походов, различных по масштабам.

Казаки имели богатый опыт обороны своих поселений. Именно с обороной казачьей "остроги" в 1548 г. казаками атамана Михаила Черкашенина от азовцев* (Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С.294.) было связано первое упоминание в дошедших до нас источниках о поселениях донских казаков. На Дону сложился обычай, согласно которому в случае ухода казаков в поход в городках оставалась какая-то часть их жителей для отражения внезапного нападения противника. Правда, в отдельных случаях казаки отступали от этого обычая и не оставляли в городке людей для его обороны, предпочитая захват добычи в походе защите оставленного в городках имущества. Так произошло, например, в 1625 г., когда, по словам станичного атамана Алексея Старого, во время похода донцов на Черное море под Трапезунд "азовские люди...пожгли казачьих 5 городков безвестно, что людей в них не было"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.235.) В 1633 г. казаки Есаулова городка ушли в поход на казыевцев на речку Челбас в составе походного войска вместе с казаками других городков, и в Есаулове, по словам станичного атамана Нефедя Осипова, оставалось "всего 6 человек". 5 октября к городку подошли воровские запорожские черкасы и взяли его. Оставшиеся в нем казаки были перебиты, а "рухлядь" разграблена*. (РГАДА.

Ф.89. 1633. №5. Л.211-212, 215.) Однако такие случаи, когда казаки оставляли без защиты свои городки, были не столь уж часты. Даже летом 1638 г., когда на Дону ожидали прихода больших сил противника под Азов, многие казаки не хотели оставлять своих городков и идти на защиту новой войсковой столицы. Поэтому Войско направило по городкам специальную грамоту, в которой призывало казаков идти к Азову, оставляя "в городках небольших людей"*.(Донские дела. Кн.1. Стб.810.) Следовательно, оставление городка без защиты с "небольшими" людьми, допускалось лишь в исключительных случаях.

После оставления войском Донским Азова в 1642 г., а тем более во второй половине XVII в., казаки, по-видимому, уже вообще не оставляли своих городков без защиты. И если противнику удавалось занять и разгромить городок, то это достигалось путем преодоления упорного сопротивления местных казаков. Так происходило в 1643 г., когда турки, возвратившись в Азов, попытались выбить казаков с низовьев Дона и 2 апреля разорили городок Маньч, а через неделю выбили казаков с Монастырского острова и из Черкасского городка*.(Смирнов Н.А. Указ. соч. Т.2. С.85-88.) Тогда же был разорен известный с конца XVI в. городок Стыдное Имя, когда "азовские татаровя...с турскими людьми поимали в городке Эбке казачьих жен и детей"*.(РГАДА. Ф.127. 1644. №1. Л.173.) Так же было и в 1646 г., когда воровские черкасы взяли верховой городок Решетов*.(Донские дела. Кн.2. Стб.1109.) По мере того, как казачество на Дону становилось все более домовитым и зажиточным, оно все больше внимания уделяло обороне своих поселений.

Обычно для обороны в городке в случае ухода большей части его жителей оставалась треть казаков - "третчина" или близкая к ней часть, а иногда большинство казаков даже оставалось на месте. Так, например, когда в 1621 г. прибывшие от запорожского гетмана Бородавки посланники призывали донцов идти на помощь полякам и запорожцам против турок, в Войске им заявили, что "их тепере на Дону немного, только с семь тысяч судовых и конных,...а большое де их войско пошло на море", и на этом основании, по донесению посла С.Опухтина, "отказали запорожцам"*.(РГАДА. Ф.89. 1621. № 3. Л.10).Следовательно, в 1621 г. большая часть казаков ушла на море, а меньшая осталась на Дону и охраняла городки. Несколько иным было соотношение ушедших в поход и оставшихся на Дону казаков в 1647 и в 1653 гг. В 1647 г., по сообщению приехавшего из Войска дворянина П.Красникова, всего было "на Дону...в нижних и верхних городках старых казаков и вольных людей с 5000 или с 6000 человек или больше". В июле, по его словам, на Черное море вышло 38 стругов, в каждый из которых "садилось по 60 или по 70 человек, и больше". Следовательно, на море пошло не менее двух с половиной тысяч казаков, а большая часть казаков оставалась на месте, возможно, отлучаясь недалеко от своих городков. П.Красников указывал при этом, что поход на море не был общевоинским предприятием: "пошли де на море рядовые казаки, а старшины де атаманы никто не пошел для того, что им по государеву указу с турскими людьми задиратца не велено*.(Донские дела. Кн.3. Стб.423.) Еще одной, не менее важной причиной того, что в поход на Черное море вышло менее половины казаков и он не превратился в общевоинское мероприятие, являлось опасение Войска за Черкасский городок и другие городки, поскольку ожидался приход противника. Опасение оказалось не напрасным. После ухода казаков на море дважды, 19 и 28 июля, азовский Мустафа бей с азовцами, крымцами, ногаями и горскими черкесами приступал к Черкасскому городку и оба раза был отбит казаками*.(Донские дела. Кн.3. Стб.769-770.) В 1653 г., по словам станичного атамана Семена Заварзина, летом на Черное море из Войска ходило на 19 стругах 1300 казаков, а в Черкасском городке оставалось "тысечи с полторы" человек*.(Донские

дела. Кн.4. Стб.698.) Столь значительные силы были оставлены в войсковой столице не случайно. После того, как в 1649-1650 гг. последовали угрозы войску Донскому со стороны Б.Хмельницкого, недовольного нападениями донских казаков на владения своего союзника, крымского хана Ислам Гирея III*, (Касименко О.К. Російсько-українські взаємовідносини 1648 - початку 1651 р. Київ, 1955. С.331.) в Черкасске постоянно ожидали возможного прихода запорожцев вместе с крымскими татарами и стремились всегда быть готовыми к этому.

Городки возводились казаками с расчетом на оборону от более многочисленного противника. Прежде всего, при выборе места для городка использовались природные особенности края - извилистый характер течения Дона и его притоков и наличие густых пойменных лесов. Казаки обычно поселялись в местах, называвшихся "крепкими". На островах стояли главные городки войска Донского - Монастырский, существовавший до 1643 г., и Черкасский, а также, судя по картам из атласа вице-адмирала К.Крюйса, и некоторые другие городки по реке Дон*. (Крюйс К. Новая чертежная книга, содержащая великую реку Дон, или Танаис... Амстердам, 1703- 1704. Л.6-15.) Конечно, в этом атласе отражена обстановка самых последних лет XVII в., поскольку К.Крюйс бывал на Дону во время Азовских походов, а также в 1699 г., когда Петр I вновь побывал на Дону. Она могла быть несколько иной по сравнению с периодом до 1672 г., поскольку не исключался перенос городка с места на место вследствие изменений в течении реки, нередко менявшей русло. Но несомненно то, что на картах атласа, отличавшегося высокой топографической точностью, отражена традиционная тяга казаков к поселению на речных островах, что обеспечивало им более высокую безопасность.

Не рассчитывая только на природные укрепления, казаки с помощью доступных им средств пытались усилить обороноспособность городков. В качестве оборонительного укрепления вокруг городков ставились плетни. В 1625 г., как рассказывал станичный атаман А.Старово, казаки, восстановив 5 разрушенных азовцами городков, около поставленных вновь изб "плетень хотят...плеть по прежнему"*.(Донские дела. Кн.1. Стб.235.) Во второй половине XVII в. казаки стали более серьезно укреплять свои городки. Турецкий путешественник Эвлия Челеби, проехавший в январе 1667 г. вниз по Дону от Переволоки до Азова, видел многие казачьи городки. Судя по приведенным им данным, городки представляли собой сильные, обычно - деревянные крепости*.(Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып.2. М., 1979. С.179-192.) Эвлия Челеби при этом явно преувеличивал численность проживавших в них казаков*(Королев В.Н. Донские казачьи городки у Эвлия Челеби. - Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1992. С.100-101.) и вообще преувеличение. Оно необходимо было ему, чтобы как-то объяснить турецкому читателю причины потери турками Азова в 1637 г. и неудачи султанского войска под стенами этого города в 1641 г. Тем не менее, в словах турецкого путешественника есть определенная доля истины. Усиление турецкого натиска на Нижнем Дону заставило казаков укрепить свои городки. Так, войсковая столица, Черкасский городок, выдержала зимой 1645 г. жестокую осаду со стороны крымских татар, ногаев и горских черкесов. После этого казаки укрепили городок деревянно-земляной стеной*.(Астапенко М.П. Останется вечным монументом. Историко-краеведческие очерки. Ростов-на-Дону, 1984. С.7-8.) Зимой 1649-1650 гг. казаки вновь укрепили Черкасский городок, когда, по сообщению валуйского вожа Н.Зарубина, там был сделан "земляной новой городок и башни поставили деревянные. А около земляного городка зделали ров в ширину 3-х сажен, а в глубину пол 2 сажени; и ныне в тот ров из Дона вода обошла кру-

гом*; (Донские дела. Кн.4. Стб.496) кроме того, как писало Войско в своей челобитной осенью 1650 г., "поделаны подкопы около города с трех сторон, на стороне по шти подкопов". Делалось это в связи с полученными в Черкасском городке сведениями от языков и от выходцев из крымского полона донских казаков и русских служилых людей "про подъем крымскова царя и з запорожскими черкасы" на донцов уже "нынешнею зимою"*. (РГАДА. Ф.89. 1650. N1. Л.103.)

Укреплению обороны Черкасского городка и, возможно, некоторых других низовых городков способствовал вывоз войском Донским в 1642 г. пушек из Азова, когда казаки покидали эту крепость. Эти пушки, по крайней мере, значительная их часть, находятся ныне в Старочеркасском музее-заповеднике. О количестве пушек, вывезенных казаками из Азова, точных сведений нет. Сами казаки говорили, что у них в Азове было "наготовлено 400 пушек"*. (Воинские повести Древней Руси. С.108.) По данным Н.Йорга, на стенах Азова в 1641 г. во время осадного сидения было "130 пушек малого калибра". (Jorga N. Cit.op. В.4. Gotha, 1911. S.11.) В 1658 г. Войску потребовалось укрепить Черкасский городок, и оно направило челобитную в Москву о присылке новых пушек. Правительство распорядилось прислать пушки для Черкасского городка, и казаки получили 6 орудий*. (Донские дела. Кн.5. Стб.324, 325.)

Для предупреждения о противнике в городках организовывалась караульная служба. О таком карауле речь шла в войсковой отписке от 25 апреля 1635 г. Этот "короул взяли" кафинские турки и азовцы и после этого они "влезли" на Монастырский остров*. (РГАДА. Ф.127. 1635. N2. Л.48.) О карауле на речке Махине, располагавшемся несколько ниже Черкасского городка, рассказывал в Москве 26 августа 1669 г. станичный атаман Яков Веневитинов (известный в дальнейшем как соратник С.Разина Я.Гаврилов). На этот караул приходило "азовцев человек с полтораста для языков". Караул сумел предупредить об этом приходе атаманов и казаков, и они вместе с калмыками отбили противника*. (РГАДА. Ф.111. 1669. N9. Л.3.)

Забываясь об укреплении безопасности войсковой столицы, казаки установили в качестве нормы своего права обычай, согласно которому противник, захваченный на острове, где располагался главный городок войска Донского, подлежал смертной казни. Именно так казаки поступили с тридцатью одним человеком из числа кафинцев и азовцев, приходивших на Монастырский остров 24 апреля 1635 г. Как писали казаки в своей отписке, тех людей, "приветчи к Войску...всех порубили без остатка, потому что тем людям спуску не бывает, и на окуп не даваем, которых на острове поймаем"*. (РГАДА. Ф.127. 1635. N2. Л.48.)

На протяжении XVI-XVII вв. донским казакам не раз приходилось оборонять свои поселения. Случаи, когда противнику удавалось взять тот или иной городок, если в нем оставались казаки, были не стол уж часты и объяснялись значительным численным преимуществом противника. Кроме того, потеря войском Донским в 1643 г. таких важных для него низовых городков, как Стыдное Имя, Монастырский, Черкасский и Маныч была связана с крайне тяжелым положением казачества после борьбы за Азов в 1637-1641 гг. и с решимостью турецких властей сбить казаков с низовьев Дона после возвращения турок в Азов. Казакам удавалось, как правило, защитить даже небольшие верховые городки.

Особенно прославилось войско Донское благодаря своей героической обороне Азова - Азовскому осадному сидению с 24 июня по 26 сентября 1641 г. Оборона этой далеко не первоклассной крепости велась казаками при крайне неблагоприятном соотношении сил. В соответствии с турецкой раздаточной ведомостью на жалованье, османское войско насчитывало 240 тысяч человек*. (Смирнов Н.А. Указ. соч. Т.2. С.66; ясно, что это - общая численность вооруженных сил противника с начала до конца осады; непосредственное участие в

боях за город принимали далеко не все из них. По мнению А.А.Новосельского, всего в осаде участвовало 70-80 тысяч человек, однако А.А.Новосельский не ссылался на турецкую раздаточную ведомость на жалованье. - См.: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.286.) Защитников Азова было, согласно "Поэтической" повести об осадном сидении, 5307 человек*. (Воинские повести Древней Руси. С.80.) Несравненно более благоприятным для обороняющейся стороны было соотношение сил в 1638 г., когда турки вели борьбу с Ираном за Багдад, 35 тысяч осажденных против 100 тысяч турок*. (Астапенко М.П. ...Подвиг дивный... Ростов-на-Дону, 1991. С.70.) Тем не менее, османская армия взяла Багдад. Гораздо меньший перевес, чем турки над казаками под Азовом в 1641 г., имел весной 1631 г. над защитниками Магдебурга во время Тридцатилетней войны полководец Католической лиги граф И.Тилли. Имея 26 тысяч человек против примерно 6 тысяч защитников города, он взял Магдебург*, (Разин Е. История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914-1918 гг. М., 1940. С.304.) подвергнув его страшному разрушению и перебив около 30 тысяч жителей. Примером неудачной осады может служить стояние русского войска под командованием боярина М.Б.Шейна под Смоленском с января по сентябрь 1633 г. Польский воевода С.Воеводский готов был уже сдать город, но получил помощь от короля Владислава IV, после чего русские войска были оттеснены. Русские не имели под Смоленском такого преимущества над осажденными, как турки на казаками в 1641 г. Смоленский гарнизон имел 1200-1500 человек и, кроме того, на помощь гарнизону в город прорвалось 300 казаков и 600 поляков*. (Очерки истории СССР. XVII в. С.470-471.) В то же время армия М.Б.Шейна насчитывала с начала войны в 1632 г. 32 тысячи человек*, (Ключевский В.О. Указ. соч. Т.3. С.264.) и, следовательно, под Смоленском была уже значительно меньше. Можно, таким образом, считать, что казаки отстояли Азов при неблагоприятном для них соотношении сил.

За время осадного сидения казаки проявили не только характерную для них боевую доблесть, но и высокое военное искусство. Это проявилось, прежде всего, в том, что, несмотря на по существу непрерывную, круглосуточную борьбу, навязанную противником, когда осада шла не только "93 дня", но и "93 ночи"*, (Воинские повести Древней Руси. С.79.) действия казаков отличались исключительной организованностью. Прежде всего, по сообщению атамана Романа Родионова, с 24 июня, как только к Азову подошли крымцы, казаки сумели укрепить каменные стены, очевидно, в некоторых местах, и для этого "учали рубить тарасы и засыпать хрещем и землю"*. (РГАДА. Ф.127. 1641. №1. Л.35.) Затем казакам удалось, как рассказывал побывавший в Черкасском городке астраханский стрелец И.Ильин, подвести подкопы под насыпанный турками земляной вал, на который они должны были поставить свою тяжелую артиллерию. В эти подкопы казаки, "поставя зелье, валы подорвали и многих турецких и крымских людей...побили"*. (Там же. Л.99.) И вообще в искусстве подкопной войны, в котором также соревновались обе стороны, казаки доказали свое превосходство над противником. Несмотря на ограниченность своих сил, они, по-видимому, полностью господствовали под землей. Под возведенным турками валом они "дворы себе потайны великие поделали" и из них подвели 28 подкопов. О значении этих подкопов сами казаки так говорили в "Поэтической" повести об осадном сидении: "...теми мы подкопами себе учинили прямую избаву великую: выходили мы ночью порою на их пехоту яныченскую, побивали мы их тем множество. Теми своими ночными вылазками на их пехоту турецкую положили мы великой страх и урон большой учинили в людех им"*. (Воинские повести Древней Руси. С.74.) Турецкая сторона сделала 17 подкопов, однако все они были неудачны*, (Там же. С.74-75.) несмотря на наличие среди осаждавших таких специалис-

тов, как "многие немецкие люди - городеомцы, приступныя и подкопныя мудрыя вымышленики: славные многих государств измышленики: гишпане, из Винеи великия, из Стеколныя (Стокгольма - Н.М.) и из Францыи"*.(Там же. С.60.) При этом один из подкопов, который турки подводили под азовскую стену, "подвести не угадали и провели мимо городовые стены к Дону"*.(РГАДА. Ф.127. 1641. N1. Л.99.) Еще одним выражением высокого боевого мастерства казаков при обороне крепости являлось широкое использование ими ночного боя. Они осознавали, что в этом их значительное преимущество перед противником, в чем убеждал их боевой опыт и, в частности, успешные ночные действия запорожцев против турок во время Хотинской войны 1621 г. Мусульмане, как знали казаки, были не сильны в ночных боях. В соответствии со своим религиозным обычаем, они очень плотно ужинали, поскольку днем у них был лишь легкий прием пищи, после чего крепко спали*.(Алекберли М.А. Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI - первой половине XVII веков. Саратов, 1961. С.196-197.) Превосходство боевого искусства казаков над турецким боевым искусством проявлялось также и в умении их выжить и сохранить высокую обороноспособность даже тогда, когда турки возвели новую насыпь "в вышину многим выше Азова града", и "почали с той горы ис снаряду бить по Азову гряда безпрестани день и нош...16 день и ношей 16", разрушив стены, башни, церковь Иоанна Предтечи и "полаты все до единыя до подошву самую"*.(Воинские повести Древней Руси. С.74.) В такой обстановке казаки зарылись под землю. Как отмечал участник осады Азова Эвлия Челеби, турки пытались достать казаков с помощью своих подкопов, но все их подкопы отыскивались казаками, которые "за ночь забрасывали вырытую из подкопов землю обратно". "В искусстве делать подкопы они проявили гораздо большее умение, чем земляные мыши", - признавал Эвлия*.(Эвлия Челеби. Указ. соч. С.31-32.) Вместе с тем казаки показали не только свое преимущество в подземной войне, но и, как это было в начале осады, проявили свое умение действовать под водой. Так, Эвлия упоминал о том, что после того, как турки перекрыли подступы к Азову, казаки отказались от присылки подкреплений на судах. Однако каждую ночь по 500-600 казаков, "раздевшись и погрузившись в воды реки Дон", плыли, "дыша с помощью взятой в рот камышинки"*.(Эвлия Челеби. Указ. соч. С.32.) Такой способ переправы знали еще славяне, ходившие на Византию*.(Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века. М., 1960. С.81.) Вполне возможно, что Эвлия допустил известное преувеличение. Едва ли помощь Азову со стороны казаков из других городов оказывалась в столь крупных масштабах. Следует учитывать, что и сами близкие к Азову низовые городки от Черкасского до Раздор подвергались в период Азовского сидения серьезной опасности и должны были сохранять боеспособность. Однако некоторую роль в поддержке Азова такое пополнение рядов его защитников, о котором писал Эвлия, все-таки сыграло. Если исходить из данных о численности казаков в Азове на 24 июня, содержащихся в войсковой отписке в Астрахань от 5 июля, то в городе было 3 тысячи человек*(РГАДА. Ф.127. 1641. N1. Л.34-35.) (эти данные, будучи официальными данными войска Донского, по-видимому, несколько более точны, чем те сведения, которые привел в Москве донской станичный атаман Беляй Лукьянов, выехавший из Азова 25 июня и говоривший о наличии в городе 5-6 тысяч казаков)*.(Донские дела. Кн.2. Стб.219.) Всего же Азов защищало 5307 казаков. Следовательно, за последние несколько дней июня в осажденный город скрытно, плывя под водой, проникло более тысячи казаков.

Искусство ведения оборонительного боя, которым в совершенстве владели казаки, позволяло им применять разнообразную и гибкую тактику и умело, в зависимости от обстановки, переходить от наступательных к оборонительным действиям с использованием разнооб-

разных подручных средств, как имевшихся у себя, так и взятых у противника. Так происходило, к примеру, осенью 1636 г. во время похода войска Донского на улусы ногайских мурз Тинмамметевых под Ачуев. Как только противник собрал большие силы, казаки, возглавлявшиеся войсковым атаманом Иваном Каторжным, и их союзники ногаи Урмамметевых улусов перешли от наступления к обороне. Они засели "в тележьих городках". Противник приступал к ним "жестокими приступы семь ден", но неудачно. Казаки убили трех тинмамметевых мурз и пришедшего к ним на помощь казыевского князя. Это заставило тинмамметевых мурз заключить с казаками мир, после чего казаки ушли на Дон*. (РГАДА. Ф.127. 1636. №1. Л.178-179.) В данном случае казаки успешно применили известный у некоторых народов Европы, в том числе у украинских казаков, табор, или вагенбург*. (Разин Е. Указ. соч. С.318.) Для построения своего "тележного городка" казаки использовали обозные телеги, возможно, ставившиеся треугольником*. (Мищик Ю.А., Плохий С.М., Стороженко І.С. Указ. соч. С.118-120, 127.) Еще один случай, когда казаки ярко продемонстрировали свое искусство перехода к оборонительному бою, на этот раз - во время морского похода, - имел место в 1653 г., когда на Черное море ходили казаки под предводительством атаманов Федора Будного (Волошенина) и Ивана Богатого. Казаки громили крымские улусы от Судака до Балыжны, а затем, на Анатолийской стороне, в турецких деревнях взяли ясырь 500-600 человек. Затем, как рассказывал участник похода атаман Семен Заварзин, после боя с турками погромили посад у города Триполь и взяли там две большие пушки и одну полковую. После этого казакам пришлось обороняться от превосходящих турецких сил. При обороне они использовали захваченные турецкие пушки и, как утверждал С.Заварзин, отбились благодаря тому, что у них были эти орудия. Будучи высококлассными артиллеристами, казаки сумели оценить достоинство пушек и полковую пушку увезли с собой, а большие пушки из-за их тяжести вынуждены были оставить*. (Донские дела. Кн.4. Стб.698-699.)

Умелые и успешные действия донских казаков при обороне своих городков и при ведении наступательных действий в значительной мере определялись тем, что казаки первостепенное внимание уделяли разведке. Это не случайно, поскольку лишь доскональное знание обстановки позволяло им успешно противостоять более многочисленному и весьма сильному противнику. Сбор казаками разведывательных данных осуществлялся разными путями. Большое значение имело наблюдение казаков за окружающей обстановкой. Этим наблюдением занимался каждый казак, особенно если они оказывались за пределами своих городков - донские гулебщики и камышники, рыболовы, а также проезжавшие с Дона в Москву и обратно станичники из зимовых и легких станиц, и, кроме того, казаки, выезжавшие на Русь на богомолье и для торговли и возвращавшиеся назад. Предметом их пристального внимания было передвижение по степи противника, как его отрядов, с которыми они непосредственно виделись или сталкивались, так и след от прошедших ранее по степи отрядов - сакма. По сакме казаки определяли с большой степенью точности численность всадников противника и время, когда прошел неприятель. Обо всем, что они наблюдали в степи, казаки сообщали не только в Войске или в своих городках, но и воеводам в русских городах, а также в Москве. В Посольском приказе при расспросе атаманов и казаков зимовых и легких станиц в обязательном порядке интересовались тем, что они видели и что выяснили в пути.

Другим важным источником получения разведывательных данных являлись для казаков расспросные речи полонянников, выходивших на Дон из Азова, Темрюка, из крымских городов и улусов и из других мест, разных чинов русских людей и самих донских казаков, по каким-то причинам оказавшихся в плену, а также полонянников, освобожденных казаками. Среди них могли быть не только русские люди

и донские казаки, но и запорожские черкасы и другие подданные польского короля. Сведения, которые давали казакам эти люди, отличались от сведений, получаемых казаками путем наблюдения тем, что они позволяли получить представление о положении в Азове и других турецких и крымских городах, о состоянии противника и его намерениях. Иногда сообщения выходцев из плена давали казакам очень ценные сведения. Так, например, осенью 1637 г. войско Донское знало, что "приходу...войною морем и степью под Азов ниоткуда сее осени и зимою не будет" именно благодаря тому, что об этом сообщали "выходцы" - донские казаки-татары, побывавшие в Крыму и у ногаев*. (РГАДА. Ф.127. 1637. №1. Л.126-127.) Это сообщение позволило войску Донскому в более спокойной обстановке проводить зиму и готовить город к обороне. Не случайно подобным сообщениям Войско придавало очень серьезное значение. Когда осенью 1638 г. "полоняники русские люди и татаровя", выходившие в Азов из Крыма и от ногаев, предупреждали о подготовке в Крыму большого похода на Азов, во главе которого должен был стать "крымской царь и царевич", Войско очень оперативно отреагировало на это предупреждение и отправило в Москву станицу атамана Тимофея Лебязьей Шеи, которая должна была просить правительство прислать на помощь казакам ратных людей*. (Там же. 1638. №1. Л.15-16.) И если бы правительство отказало Войску в этой помощи, оно намеревалось обратиться к калмыкам и послать к ним атамана Михаила Татарина. Сообщение, правда, не подтвердилось, и в 1639 г. крымский хан не напал на Азов. Но это несколько не подорвало доверия казаков к сообщениям выходцев из плена. На Дону учитывали, что в 1638 г. нелегко было предусмотреть, как сложится ситуация на следующий год, и что к борьбе за возвращение Азова еще не будет готов султан Мурад IV, лишь завершавший в том году войну с Ираном и урегулировавший отношения с Венецией, а без турецкой помощи хан Бехадыр Гирей не мог представлять серьезной угрозы Азову. Поэтому на Дону по-прежнему очень внимательно относились к тому, что сообщали выходцы. Так, например, в 1650 г. сообщения выходцев стали важной причиной принятия казаками решения об укреплении Черкасского городка.

Большое значение в качестве источника разведывательной информации для казаков имели показания пленных - языков. Взятие языков составляло цель многих предприятий, которые предпринимались казаками и на суше, и на море. В такие походы посылались обычно сравнительно немного казаков и обычно на недалекое расстояние и на короткое время. Языками часто оказывались пленные, взятые под Азовом. Иногда походы за языками совершались и на более далекие расстояния - на Молочные Воды* (Донские дела. Кн.3. Стб.673; кн.5. Стб.155.) и Тонкие Воды* (Донские дела. Кн.4. Стб.14-15.) и на Самару*, (Донские дела. Кн.5. Стб.487-488.) а также еще дальше, под Перекоп*. (Там же. Стб.28, 882.) Морские походы за языками совершались, как правило, в пределах акватории Азовского моря вплоть до Темрюка*. (Донские дела. Кн.2. Стб.24; кн.5. Стб.490.) Однако в конце лета или осенью 1639 г., когда в Азове стремились выяснить, насколько способна Турция организовать на следующее лето поход на новую войсковую столицу, Войско послало морскую экспедицию "подале", к Царьграду, "для языков и подлинных вестей"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.935.) Но подобный случай является исключением. Взятых языков доставляли в Войско. В некоторых случаях не всех языков приводили в Войско. Отдельных из них по тем или иным причинам убивали - или потому, что пленных оказывалось слишком много*, (Донские дела. Кн.3. Стб.368.) или потому, что язык был ранен и доставка его была связана с серьезными затруднениями для казаков*. (Донские дела. Кн.5. Стб.868-869.) Походы за языками организовывало не только Войско, но и, по мере надобности, казаки отдельных городков. Со слов валуйчан Т.Бобырева и

Ф.Лазарева известно, что весной 1641 г. казаки Манычского городка посылали в степь за языками "донских казаков резвых людей человек с 50", которые взяли крымского татарина*. (Донские дела. Кн.2. Стб.163.) Добытые у языков сведения после похода на Крым в конце весны 1638 г. показали войску Донскому, что возможен морской поход под Темрюк, к которому на Дону готовились заранее и для которого у казаков "суды на воде стоят совсем готовы"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.759.) В 1653 г. казаки получили сведения от крымских языков о недавнем поражении турок на Средиземном море в войне с Венецией*, (Донские дела. Кн.4. Стб.660.) что показало войску Донскому необходимость продолжения активных действий против Турции и Крыма. В марте 1660 г. крымские языки подтвердили дошедшие до Войска сведения о сборах крымского хана в поход на украинные города*. (Донские дела. Кн.5. Стб.670-671.) Эти сведения заставили казаков предпринять попытку выйти на море в июле того же года, которая, однако, не удалась.

Известен был казакам и более сложный способ разведки - разведка в сочетании с наступательным боем. Крупный поход на море, предпринятый в июне 1638 г. во главе с атаманом Алексеем Долгим, когда на море вышло 75 стругов с 70-80 казаками в каждом стругу, был направлен "под Кафу и в иные места для промыслу"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.780, 801.) Но помимо "промыслу", казаки направлялись и для разведки*, (Астапенко М.П. ...Подвиг дивный... С.52.) какими силами на море обладал противник и в какой степени эти силы могли для казаков закрыть выход в Черное море и непосредственно угрожать Азову. Обстоятельства сложились так, что казаки не только не смогли взять добычу под Кафой, но даже выйти в море, но они выполнили свою разведывательную задачу. Казаки установили, что в "тирле" (Керченский пролив) проходили 40 каторг в Азовское море. Вступить с ними в бой казакам помешала "на море погода", и они вернулись в Азов*. (Донские дела. Кн.1. Стб.801.) Разведку боем представлял собой и поход, начатый казаками 11 апреля 1641 г. под командованием атамана Т.Лебяжьей Шеи. Поход должен был дать Войску информацию о продвижении к Азову турецких сил*. (Королев В.Н. Азовское сидение: действия турецкого и донского казачьего флотов. С.138.) Казаки завязали сражение с крымскими татарами и захватили языков, а также освободили пленных. С языками и пленными Т.Лебяжья Шея вернулся в Азов на семи стругах, а с пятью стругами на Черное море к городу Ризе пошли казаки во главе с атаманом Миской Тараном (Черкашениным)*. (Донские дела. Кн.2. Стб.251.) После возвращения казаков на семи стругах в Азов Войско получило необходимые для него сведения.

Наиболее активной формой боевых действий донских казаков являлись действия наступательного характера. К ним относились самые разнообразные походы на противника. В течение каждого года казаки организовывали и проводили походы, которые различались между собой по своим целям, по способам осуществления, по отношению к этому походу войсковых властей и московского правительства, по масштабам, по составу его участников и, наконец, по итогам.

Целями походов донских казаков являлись получение разведывательных данных, захват добычи, разгром турецких и крымских городов и сел как мера, связанная с нападениями турок и крымцев на русские украинные города и уезды, действия против ногаев с целью заставить их поступать в соответствии с интересами русского правительства, удары по морским силам Турции и, наконец, захват Азова, владеть которым казаки всегда стремились. По методам осуществления походы бывали морские и сухопутные, "конною" или "плавною" "ратью", "конным" или "морским" войском. Походы могли представлять собой общеевойсковое мероприятие или же мероприятие более узкой группы казаков - отдельных городков или выходцев из разных городков, объединенных каким-то общим стремлением. По-разному от-

носились к тем или иным походам московские власти. Некоторые действия казаков совершались по инициативе правительства, когда в Москве требовали присылки с Дона "вестей" или же посылали войску Донскому повеление действовать против противника. В войнах России XVI-XVII вв. принимали участие донские казаки, действуя в составе русских войск. Так было начиная с войны Ивана Грозного против Казани. Однако в XVI-XVII вв. русское правительство, как правило, стремилось сохранять мирные отношения с Турцией и Крымом, которые являлись для донских казаков главным противником, и обычно не только не поощряло казачьей активности против этих государств, но, напротив, призывало донцов к сдержанности и требовало "не задиаться" с Азовом и Крымом. Поэтому немало походов, в том числе и поход 1637 г., который привел к взятию Азова, были совершены без санкции правительства, по существу, вопреки его воле и его политической линии. Особенно распространены были такие походы в 20-х годах XVII в., когда они отличались особенно большими масштабами и когда войско Донское, учитывая слабость позиций правительства на Дону, не склонно было руководствоваться внешнеполитическими интересами московских властей. Но не всегда Войско открыто решалось игнорировать волю правительства. Поэтому отдельные походы совершались без специального решения на этот счет Войска. Так, по словам царицынца А.Васильева, весной 1622 г., до Троицы, с Дона на море вышло с полторы тысячи донских казаков и с триста запорожских черкас. Поход был совершен без согласия Войска, осознававшего, что правительство было бы очень недовольно организацией такого похода. Поэтому, как выяснил А.Васильев, "атаманы де и казаки...на море ходили...самовольством, без ведома старых атаманов и казаков, ...самовольством и украдом, без их отпуску", причем слышал об этом "от начального де их донского атамана, от Исая Мартемьянова"*. (РГАДА. Ф.89. 1622. №1. Л.72-73.) Таким же был поход и летом 1647 г., когда на море пошли лишь рядовые казаки, а старшины и атаманы не решились нарушить государева указа о запрете ведения военных действий против турок*. (Донские дела. Кн.3. Стб.423.) Было, наконец, немало походов, которые правительство признавало воровскими, а Войско, по настоянию Москвы, преследовало время от времени его участников. Это были выходы на Волгу и действия казаков на Каспийском море. По своим масштабам походы также значительно различались между собой. В них могло участвовать от нескольких десятков до тысячи с лишним человек, причем во многих морских предприятиях совместно с донскими казаками участвовали запорожцы, а в воровских походах на Волгу - яицкие казаки. В сообщениях источников о сухопутных походах часто упоминаются, наряду с "донскими казаками", и "донские татары" - тоже казаки.

Донские казаки были в постоянной готовности выступить в поход. Для сухопутного похода у казаков в Войске и во всех городках были конские табуны. Поэтому сбережение конского поголовья имело для казаков особо важное значение, а конский отгон относился к числу тягчайших преступлений. В 1593 г. в низовом Войске "хотели в воду посадить" некоего казака Гришку за то, что, как выяснилось, его посылали к Войску черкасы с Донца "проведывать лошадей" для их отгона*. (РГАДА. Ф.89. 1593. №1. Л.167.) Сами донские казаки активно занимались конским отгоном у азовцев и у других своих соседей-противников.

Более существенного оснащения требовала организация морских походов. Прежде всего, для этого нужны были боевые суда - струги, которые изготовлялись на Дону самими казаками. Наличие в Войске таких судов само по себе вызывало у казаков стремление как можно скорее пустить их в дело. Это стремление казаков было одной из причин их разведывательного конского похода "под Крым...для языков". Казаки желали выяснить, можно ли им "итти и приступать по Темрюк" весной-летом 1638 г., для чего у них "суды на воде стоят

совсем готовые"*.(Донские дела. Кн.1. Стб.759.)

В зависимости от международной и военно-стратегической обстановки от ставившихся перед казаками - участниками морских походов боевых задач на море выходило разное количество стругов и участвовало в походах неодинаковое число казаков. Крупные походы предпринимались для борьбы с большими силами турок на море, для активных действий на побережье Крыма и Турции, для захвата ясыря и всякой добычи. Наиболее крупным морским предприятием войска Донского в доразинское время был выход в Азовское море на Николин день 9 мая 1638 г. казаков в 74 или 75 стругах под предводительством атамана Алексея Долгого. В каждом струге, по сообщению свидетеля, атамана Дениса Парфеньева, было по 70-80 казаков*.(Донские дела. Кн.1. Стб.770, 780.) Следовательно, в море вышло не менее 5 с половиной тысяч человек. Конечно, Азово-Черноморский бассейн видел еще большее количество казачьих судов. Так, по разным сведениям, в 1624 г. на Черное море выходило от 80 до 130 запорожских челнов под началом Олефира Голуба. В 1626 г., по данным польско-турецкой переписки, на Черном море действовало несколько сот чаек запорожских казаков*.(Мыцык Ю.А. Новые данные о черноморских походах запорожского казачества против Османской империи и Крымского ханства в конце XVI - первой половине XVII в. (на материалах архивохранилищ ПНР). - Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. С.134, 135.) Однако Запорожская Сечь превосходила войско Донское по численности казачества. Для войска Донского выход на море такого количества стругов и казаков было беспрецедентным. Но в 1638 г. это было не удивительно. Следует учитывать и то, что Войско после взятия Азова располагало значительными силами и, несомненно, то, что казаки стремились как можно скорее воспользоваться выгодами обладания свободным выходом в море. Поэтому на море и ушло такое большое количество казаков. Но оказалось так, что выход в море таких значительных сил еще не гарантировал успех. Казаки даже не смогли выйти в Черное море, поскольку "гирло" - Керченский пролив - было перекрыто турецкими каторгами. Они хотели вступить с ними в бой, но помешала "на море погода", и морское походное войско вернулось в Азов*.(Донские дела. Кн.1. Стб.801.) Когда вскоре, тем же летом, Войско вновь выслало на море боевую экспедицию, силы ее были менее значительны - всего 40 стругов и 2000 казаков*,(Там же. Стб.830.) по другим данным - не более 30 стругов и 1600 казаков*,(РГАДА. Ф.123. 1638. №1. Л.31.) а по словам казаков в Азове - 1703 человека*.(РГАДА. Ф.127. 1639. №1. Л.16.) Этот поход окончился еще хуже, чем предыдущий, и казаки потерпели поражение в Адахунском лимане*.(Королев В.Н. Морские кампании донских казаков 1637- 1641 гг. - Известия СКНЦ ВШ. Серия общ.наук. 1986, №1. С.45-46.) Неудачи морских походов 1638 г. объяснялись тем, что после потери Азова правительство султана Мурада IV направило против донских казаков в Черное море большие силы. Но большинство походов на Черное море, в которых обычно принимало участие от тысячи до двух тысяч казаков и снаряжалось до 50 стругов, завершались успешно.

Такой успех обеспечивался умелым сочетанием внезапного массированного удара по тому или иному турецкому или крымскому городу и его окрестностям с большой маневренностью и подвижностью казачьего флота. Несомненно, что немаловажным фактором, определявшим успехи казаков на морях, являлось начавшееся общее ослабление Османской империи, затронувшее ее военно-морские силы. Осведомленные современники - польский великий посол в Турции князь К.Збражский, посол Франции граф де Сези, посол Англии Т.Роу - очень невысоко оценивали турецкий флот в 20-30-х годах, и особенно - на Черном море и отмечали низкое качество вооружения флота, плохое его обеспечение и, главное, отсутствие хороших моряков,

когда, по словам К.Збразжского, "во флоте полно всякого отребья". Не удивительно, по его мнению, что такие "воины...едва не умирают (от страха), когда должны идти против казаков, которых полно на Черном море". Кроме того, он считал, что все "приморские крепости плохо укреплены"*.(Османская империя в первой четверти XVII века. Сб.док. и материалов. Сост. М.Х.Ибрагимбейли и Н.С.Рашба. М., 1984. С.157-158, 183-184.) Не удивительно, что при таком положении единственным преимуществом Турции на море перед казаками оказывалось большое количество судов и множество моряков. Заметным проявлением турецкого боевого искусства против казаков были лишь действия летом 1638 г. в Адахунском лимане видного флотоводца Пияле-аги, нанесшего поражение казакам, да и то при наличии значительного численного преимущества над ними.

Даже значительное численное преимущество не гарантировало турецкому флоту победу над казаками. Об этом наглядно свидетельствовал рассказ в Азове холопа азовского бея Мустафы паши полоняника ряшанина С.Иванова от 25 июля 1616 г., говорившего русским послам П.Мансурову и С.Самсонову, что три турецких военачальника - его господин, а также кафинский Мегмет паша и паша Измира, имевшие 1000 человек на 10 каторгах увидели вблизи Керчи два корабля на якорях, где находилось будто бы 500 донских казаков. Турецкие военачальники попытались захватить казаков в плен и, рассчитывая на свое преимущество, не велели стрелять по казачьим судам. Когда каторги приблизились к их судам, казаки открыли огонь "из всего наряду". Многие турки, в том числе азовский и кафинский паша, были убиты, а 4 каторги вместе с измирским пашой захвачены в плен. 6 каторг "отошли прочь"*. (РГАДА. Ф.89. 1615. N4. Л.217.) Так закончился бой 10 турецких каторг против двух казачьих судов. Вызывают, однако, сомнения приведенные С.Ивановым сведения о 500 казаках на двух судах. Два самых крупных казачьих струга вмещали не более 160- 180 казаков. Лишь немногим более вмещали две турецкие каторги. Но казаки едва ли использовали их. Галерам-каторгам они предпочитали свои струги, которые имели преимущество в скорости и маневре и не требовали такого большого числа гребцов. Поэтому, вероятнее всего, полную победу над тысячью турок на десяти каторгах одержало менее двухсот казаков. Победа была одержана благодаря мужеству казаков, не растерявшихся перед нашествием такой армады, и их воинским мастерством, особо проявившимся в умении использовать свою судовую артиллерию. Сказалась и самонадеянность пашей, посчитавших, что столь большое преимущество их в силах само по себе обеспечит им легкую победу.

Каждое лето казаки держали в напряжении все побережье Крыма и Турции, нанося удары в разных местах и не давая возможности противнику сконцентрировать силы для ответного удара. Во время похода 1621 г. донцы совместно с запорожцами, нигде подолгу не задерживаясь, взяли город Трапезунд и "на царегородской...стороне...многие места повоевали"*. (Там же. 1621. N1. Л.27-28.) При этом среди азовских татар ходили даже слухи о том, что казаки "на Белом море воевали многие места", а затем "перешли на Черное море"*, (Там же. Л.31-32.) т.е. были в Босфоре и в Мраморном море. Трудно сказать, в самом ли деле выходили казаки за пределы Черного моря, поскольку сообщивший об этом язык - азовский татарин не был в то время в Царьграде и не мог точно знать обстоятельств этого казачьего похода. Характерно, однако, то, что в Азове вполне допускали такую возможность. В 1627 г. донские казаки совместно с черкасами "ходили к Царьграду" и взяли "многие города" и "пожгли" "села и деревни"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.274.) В 1630 г. донцы также совместно с запорожцами действовали против крымского побережья, а затем на побережье Анатолии "повоевали" село Инебала возле Синопа*. (РГАДА. Ф.123. 1630. N1. Л.263.) По существу по всему Черному морю действовали в 1653 г. донские казаки под

предводительством атаманов Федора Будного Волошенина и Ивана Богатого. Сперва они нападали на крымские деревни от Судака до Балакны, затем они собирались атаковать Трапезунд, но этому помешала погода, их туда "морем не пропустило". Казаки опустошили тогда окрестности Трапезунда, а затем погромили посад близлежащего города Триполь. На обратном пути выдержали бой у Керчи, где стояли 4 дня, набирая пресную воду, и вернулись на Дон*. (Донские дела. Кн.4. Стб.698-699.)

Уже с XVI в. казаки выработали своеобразную тактику ведения боя с турецкими судами, в которой преимуществу турок в численности команды, в величине судна-галеры, в наличии у нее железной обивки и в способности протаранить острым железным носом судно противника казаки умело противопоставляли свое преимущество в скорости и в маневре, в способности вести абордажный бой. Казаки использовали также низкую осадку своих стругов, вследствие чего они могли раньше заметить противника, чем противник - их*. (Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М., 1978. С.91; Мицик Ю.А., Плохий С.М., Стороженко I.C. Указ. соч. С.136-137.) Французский инженер Г.Боплан подробно описал подготовку к атаке и непосредственно саму атаку запорожцами турецкой галеры. Таким же образом действовали на море и донские казаки, имевшие такие же, как у запорожцев, суда и часто выходившие в море совместно с ними. Описание Г.Боплана приводилось в литературе неоднократно, поэтому нет необходимости целиком повторять его и достаточно обратить внимание на отдельные, наиболее существенные моменты из его описания, позволяющие выделить характерные черты казацкой тактики морского боя. Так, казаки стремились к тому, чтобы противник как можно позже узнал о них. Поэтому они старались оказаться таким образом, чтобы солнце было у них за спиной и чтобы лучи заходящего солнца мешали противнику видеть казачьи суда. Сама атака, отмечал Г.Боплан, начиналась в полночь. При сближении струга с каторгой половина казаков гребла, а половина стояла наготове к абордажу и взбиралась на неприятельское судно. Несомненно, что темнота очень помогала казакам. Она способствовала усилению впечатления от быстроты и внезапности их нападения, мешала разобраться в обстановке туркам и понять, что их больше, чем казаков. Для проведения такой атаки казакам нужна была смелость, умение владеть разными видами оружия, мореходный навык и высокая индивидуальная боевая подготовка.

Носителями высокой культуры казачьего мореплавания, знатоками морских приборов и карт были казаки - кормщики и боевые предводители - атаманы*. (Королев В.Н. Технология донского казачьего мореплавания на Азовском и Черном морях в XVII в. (мореходные инструменты и карты). - Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988. С.115.) Такие люди возглавляли не только боевые походы, санкционированные войском Донским, но и походы, предпринимавшиеся казаками самостоятельно, независимо от Войска. Были они и в Каспийском походе С.Разина 1667-1669 гг. Разинцы проявили в этом походе характерное для казаков искусство ведения морских боев и одерживали победы над шахским флотом. Наиболее значительной из них была победа у Свиного острова, где казакам противостоял флот под командованием Мамед хана астаринского, имевшего значительно больше сил, чем казаки. Но разинцы проявили полное превосходство в боевой тактике. Они сумели выманить персов в открытое море и, убедив их в своей слабости, заставили Мамед хана принять ошибочное решение сцепить суда своей флотилии цепями, чтобы поймать струги казаков в сеть. Этой ошибкой тут же воспользовались казаки и обрушили огонь на флагманский корабль персов, взорвав его. Флагманский корабль пошел ко дну, потянув за собой связанные цепью другие суда. Пойдя на абордаж, казаки довершили разгром персидского флота*. (Степанов

И.В. Крестьянская война в России в 1670-1671 гг. Т.1. С.353-354.)

Большое значение в победах казаков, морских и сухопутных, имело умение вести бой с превосходящими силами противника. Такое умение наглядно показал донской казак Гаврило Григорьев со своими товарищами на Каспийском море в 1641 г. Казак Манычского городка Г.Григорьев ходил с яицкими казаками "воровать на море под кизылбашские города" и после того, как их струг разбила на море буря, он с товарищами попал в плен и был продан в рабство туркменами в город Куклян. С четырьмя товарищами он бежал в персидский город Астрабад, а оттуда - "к бусному пристанищу". Ночью впятером казаки "перерезали" 45 человек "караульщиков" "гилянцев и трухменцов", стоявших "на стороже" "у бус и у сандалов", захватили "санда" и "побежали" на нем в Астрахань вдоль туркменского берега. Через 8 с лишним недель Г.Григорьев и 4 казака - донской казак Андрей Иванов и запорожцы Павлик, Лаврик Иванов и Василий Семенов прибыли в Астрахань уже на другом судне - на захваченном у туркмен полубусье, причем одного туркмена взяли в плен*. (РГАДА. А.127. 1642. №1. Л.36-41.) Совершенно очевидно, что впятером выиграть бой у стоявшего на страже караула из 45 человек могли только очень подготовленные в боевом отношении люди, в совершенстве владевшие тактикой внезапного нападения и ночного боя, присущей казакам.

Боевое искусство донского казачества, как и всего казачества России и Украины, сложилось в своеобразных условиях, когда казакам противостоял гораздо более многочисленный противник. Благодаря отличному владению оружием, в том числе артиллерией, наличию мореходных навыков, высокому уровню индивидуальной боевой подготовки, применению приемов военной хитрости, строгой дисциплине в боевой обстановке и развитому чувству патриотизма казаки закрепились в крае, полном военных опасностей, и одержали много славных побед. Поэтому сравнительно немногочисленное сообщество донских казаков сыграло в XVI-XVII вв. столь значительную роль в военной истории России и в развернувшихся в то время в стране народных движениях.

2. Донское казачество в войнах в XVI в.

Наиболее ранние упоминания о донских казаках в письменных источниках, относящихся к середине XVI в., связаны с участием их в войнах.

На первых порах основным противником казачества были ногаи Поволжья. Постепенно все более важную роль в жизни казаков начали играть столкновения с турецким Азовом и с крымскими татарами.

Борьба с ногаями, развернутая казаками в 30-40-х годах XVI в., являлась продолжением той борьбы, которую вело население русского приграничья, обращенного к Дикому полю. Примерно с середины 30-х годов, когда в нее стали активно включаться казаки, она приняла с русской стороны более решительный и в целом наступательный характер, о чем свидетельствовали участвовавшие жалобы ногайских князей на русскую степную вольницу. С 1549 г. одним из важных центров боевых действий против ногаев стали, судя по жалобе князя Юсуфа, 3-4 "города" на Дону, которые возглавлял "нехто Сары Азман"*. (РГАДА. Ф.127. Кн.3. Л.125 об.)

Наиболее ранее известие о столкновении донских казаков с крымскими татарами и азовцами относится к 1548 г. В тот год, 8 августа, Михаил Черкашенин, ставший впоследствии наиболее известным из донских атаманов-военачальников, и тулянин Истома Извольский разбили у своей "остроги" на Переволоке отряд татар и азовцев под началом "крымского князя Аманака до черкасского казака Елбузлука", отняв у них 7 пушек. Тем самым казаки утвердились на

Переволоке и не позволили крымскому князю Аманаку пройти "посольством" в Астрахань, куда его должны были провести эти татары и азовцы*. (Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С.294.) Защита остроги в 1548 г. была первым известным нам делом, в котором участвовал М.Черкашенин.

Борьба донских казаков с Азовом, вокруг которой фактически сформировалось и окрепло к концу XVI в. низовое войско Донское, прослеживается со второй трети XVI в. К этому времени относится грамота султана Сулеймана I Кануни крымскому хану Сахиб Гирею I, царствовавшему в 1532-1551 гг. Из грамоты известно, что "неверные русы (донские казаки - Н.М.) осаждали крепость (Азов - Н.М.). Они совершают сильные нападения и убивают и захватывают в большом количестве пленных мусульман... доставляют много тревог и проявляют большую жестокость". Нападения "неверных русов" - казаков - новое явление в жизни Азова. Не случайно сообщения о таких нападениях названы в султанской грамоте "эти новости". Сулейман I требовал от Сахиб Гирея I оказать помощь Азову и сообщал о своем приказе "бею Кафы идти со всей поспешностью к Азову"*. (Le Khanat de Krimée... Р.131-133.) Оказать помощь Азову против казаков султан, кроме того, просил в 1551 г. в специальной своей грамоте ногайского князя Исмаила. По словам этой грамоты, "казаки с Азова оброк емлют и воды из Дона пить не дают (азовцам - Н.М.)*. (РГАДА. Ф.127. Кн.4. Л.39 об.) Следовательно, в середине XVI в. донские казаки своими активными действиями поставили Азов в столь трудное положение, что Сулейман Великолепный вынужден был изыскивать силы для защиты этого форпоста на северо-востоке османских владений.

Нападая на Азов, донские казаки выходили в Азовское море. Наиболее ранние сведения о морской войне казаков относятся к 1552 г. В грамоте, написанной в этом году, султан Сулейман I сообщил крымскому хану Девлет Гирею I и кафинскому паше о нападениях казаков в море на азовских рыбаков. Султан требовал от хана и паши организовать постоянное пребывание боевых судов в Азовском море с марта по ноябрь, а к "проливу Великого Дона" (вероятно, к Керченскому проливу) послать янычар и крымских татар*. (Королев В.Н. Морские походы донских казаков в середине XVI в. С.81.) Султан, таким образом допускал возможность плавания казаков не только вблизи Азова, но и по всей акватории моря вплоть до Керчи.

Упоминание в источниках об этих действиях свидетельствует о том, что уже к середине XVI в. донское казачество играло заметную роль в системе международных отношений на обширном пространстве от Азовского моря до Поволжья, предпринимая довольно масштабные сухопутные и морские операции. Еще более заметна эта роль в тех действиях казаков, которые они осуществляли совместно с русскими войсками или же координировали их с русскими воеводами. В 1550 г. донские казаки участвовали в отражении похода ногаев на Рязань*, (ПСРЛ. Т.13. С.161.) а в 1557 г. вместе с воеводой Юрием Булгаковым разбили "на голову на Айдаре" татар, которые "шли на украйну"*. (Там же. С.275.)

Значительны были силы казаков во время войны за взятие Казани, которую вел Иван Грозный. Летописи, описывающие взятие Казани, содержат немало сведений о действиях казаков, среди которых были выходцы с Дона. В 1551 г. казаки перекрыли по приказу русского командования "перевозы" к Казани "по Каме и по Волге и по Вятке реке, что воинские люди ис Казани и в Казань не ездили". Казаки настолько прочно перекрыли речные перевозки, что "горные люди" - чуваша, признавшие в 1551 г. власть московского царя, даже "били челом, шtbody их велели перевести, понеже бо невъзможно было и все лето переехати з Горние на Луговую сторону" (с правого берега на левый берег Волги). В ответ на это челобитье последовало специальное распоряжение Ивана IV "тем казакам, кои по тем перевозом стояли", "перевозити" "горных людей"*. (Там же.

С.164-165.)

В 1552 г. казаки атаманов Федора Павлова и Северги совместно "с вятчаны" под командованием Бахтеяра Зюзина "побили на голову" крымских татар, приходивших на помощь казанцам"*. (Там же. С.166.) Эта победа способствовала значительному усилению русских позиций в Казани. Она заставила казанцев бить челом Ивану IV о присылке на казанский престол давнишнего московского ставленника Шигалея и признать свою зависимость от Москвы.

Весной 1552 г., когда произошла "измена" казанцев, когда Шигалей был изгнан и восстала Горная сторона, русское правительство, как и в 1551 г., для борьбы с казанцами привлекало казаков. На Горную сторону был направлен отряд атамана Алексея Кобызева. Оказалось, однако, так, что власти в Москве не оценили масштабов развернувшегося движения. "Горные люди" уже "сложились с Казанью и приходили к Связьскому городу". Силами, имевшимися у одного атамана, справиться с восстанием не удалось; "горные люди" у них "убили 70 человек и пищали поимали". Примерно в это же время казаки потерпели еще одно поражение. Воевода князь Михаил Глинский, стоявший на Каме, послал "на корм" на Свягу "в судех" казаков атамана Северги. На казаков напали "казанские люди". Они "побили" 30 человек и "пищали поимали". Самого Севергу "в Казань жива привели да в Казани убили"*. (ПСРЛ. Т.13. С.179.) Положение усугублялось тем, что в апреле на Горной стороне началась "цынга и язва". От этих болезней "многие померли и ныне мрут и болны лежат дети боярские, стрелцы и казаки"*. (Там же. С.178.)

Решающие сражения за Казань развернулись в конце лета - начале осени 1552 г., и в них самое активное участие принимали казаки. Как вспоминал князь А.М.Курбский, 20 августа казаки получили приказ стать с полком правой руки за рекой Казанкой, причём из 12000 человек, составлявших полк, казаков было 6000*. (Курбский А.М. Указ. соч. С.134.) А.М. Курбский не выделял среди этих казаков какие-то особые группы, в том числе донских казаков. Но среди этой казацкой вольницы, явившейся под Казань, имелись и выходцы "с Танаиса и с Куалы",* (Курбский А.М. Указ. соч. С.173-174.) о которых князь говорил в том же своем сочинении. По распоряжению воеводы князя М.И.Воротынского, 26 августа казаки должны были идти к городу "наперед" вместе со стрельцами и "туры...покатити в уреченое место". Затем, в ночь с 26 на 27 августа, М.И.Воротынский приказал "стрельцам и казакам против города закопаться во рвы". 29 августа казаки вместе со стрельцами укрепились на берегу Казанки и вступили в перестрелку с казанцами, отвечая на выстрелы "из города" выстрелами "из пищалей и...из луков"*. (ПСРЛ. Т.13. С.206-208.)

6 сентября казаки участвовали во взятии Арска на ближних подступах к Казани и "воевали" "арскую сторону"*. (Там же. С.210-211.)

Казаки активно воевали не только за присоединение Казани, но и вели борьбу за закрепление "подрайской земли" под властью русского царя. Когда в 1553 г. на Луговой стороне вспыхнуло восстание и были перебиты сборщики ясака, против восставших направили "Васку Елизарова, а с ним казаков, да Ивана Ершова с стрельцы". Очевидно, атаман и стрелецкий голова не сумели согласовать движение своих отрядов и "порознились разными дорогами". Поэтому "арьские и луговые люди...их побили на голову". Потери стрельцов и казаков были очень тяжелы. Погибло 350 стрельцов и 450 казаков. Затем вместе с воеводой А.Адашевым казаки участвовали в подавлении этого восстания*. (Там же. С.231.)

В источниках названы очень немногие казачьи атаманы, воевавшие за Казань. Возможно, что одним из атаманов, не упомянутых в летописях, был Сусар Федоров. Конечно, нельзя с точностью сказать, что этот атаман, о котором донские казаки говорили через 80

лет после казанских событий, в 1632 г., не был легендарной личностью. Есть, однако, основания и для признания его в качестве реально существовавшего лица. На это может указывать то обстоятельство, что донские казаки называли его имя, когда правительство Михаила Романова потребовало от войска Донского принять крестное целование. Отказываясь присягать под тем предлогом, что "старые атаманы и казаки им, государям, неизменно служивали не за крестным целованьем", донцы приводили пример атамана Сусара Федорова, с которым "отоманы казаки яму, государю, под Казанью служили не за крестным целованьем"*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. №39. Л.473.) Прямой отказ от присяги был очень ответственным шагом. Предпринимая его, Войско могло обосновывать свои действия только опираясь на реально существовавший прецедент и называть имя реально существовавшего атамана, о котором помнили в Польском приказе.

После победы над Казанью правительство Ивана Грозного начало борьбу за присоединение Астрахани и овладение всем Поволжьем. В летописях встречаются сведения о действиях казаков на Нижней Волге. Правда, как и в сообщениях о казанских событиях, летописи не выделяли особо донских казаков. Однако нижеволжское ханство находилось очень близко к Дону, а особенно - к Переволоке, и для донских казаков борьба с астраханскими татарами имела большое значение.

В 1554 г., после взятия Казани и подавления восстания на Луговой стороне, против Астрахани двинулось русское войско князя Ю.И. Шемякина-Пронского. В авангарде шли дети боярские, а также атаманы и казаки. Выше Черного острова русский авангард разбил астраханцев. 2 июля русские вошли в Астрахань. Казаки действовали лихо и решительно. У бежавшего хана Ямгурчя "угонил атаман Федка Павлов ушкул з девками царевыми, да и набаты царева и пищали в нем были многие, и все поимали и людии побили"*. (ПСРЛ. Т.29. С.229.) После этого Астраханское ханство формально сохраняло независимость, но по существу оказалось в полном подчинении России. Ханом на положении вассала Ивана IV стал ставленник дружественного России ногайского князя Исмаила Дербыш-Али*. (См.: Очерки истории СССР. Конец XV - начало XVII в. С.366.)

В 1555 г. казаки принимали участие в защите Астрахани от нападения враждебных ногайских мурз, крымцев и янычар. При отражении этого нападения "казаки...побили многих ис пушек и ис пищалей и прогнали их"*. (ПСРЛ. Т.29. С.232.)

В феврале 1556 г. в Москве узнали об "измене" Дербыш-Али. В Астрахань спешно были направлены русские силы. "Подем на ртах" (на лыжах - Н.М.) по снегу двинулись "на Волгу для Астороханьского дела 500 человек казаков атамана Ляпунка Филимонова и иных атаманов с товарищи"*. (ПСРЛ. Т.13. С.266.) За казаками шла русская "рать". Казаки Л.Филимонова одержали полную победу в столкновении с татарами. Был захвачен большой полон и в нем - крымские "языки", сообщившие о присылке к Астрахани из Крыма семисот татар и трехсот янычар с пищалами и пушками для помощи Дербыш-Али*. (Там же. С.273.) Успешные действия казаков высоко оценил прибывший вслед за ними в Астрахань воевода И.Черемисинов, сообщивший в Москву, что "Ляпун отоман с товарищи и поймал многие улусы, княгини и девкы, жонки и робята, а людей побил многих; потому астороханьцы выбежали из города"*. (Там же. С.274.)

Борьба с Астраханью велась одновременно с наступлением на Крым. Узнав о готовившемся нападении Девлет Гирея на русскую окраину, царское правительство выслало к Перекопу большую разведывательную экспедицию во главе с Данилом Чулковым и Иваном Мальцовым. Перед ним ставилась задача "языков добывати" и "проведывати про крымские ж вести"*. (ПСРЛ. Т.13. С.269.) Вместе с русскими воеводами действовали донские казаки атамана М.Черкашенина. Они

вышли "Мижсом-рекою в море" и прошли "морем под Керечь" "за Ширинских князей улусом". Там М.Черкашенин "повоевал и отошел здорово" и прислал в Москву "дву языков"*. (Там же. С.272.) Масштабы похода М.Черкашенина более значительны, чем выходы казаков в море в 1552 г. и их нападения на азовских рыбаков. Суда М.Черкашенина пересекли все море, а казаки громили крымские берега у Керчи. Характерно, что казаки, стремясь обойти Азов, использовали для выхода в море реку Миус.

Успешно действовали казаки М.Черкашенин и в 1559 г. Уже на суше, на Северском Донце, они разбили крымских татар, которые "хотели ити под казанские места войною", и прислали в Москву языков*. (Там же. С.318.) В 1560 г. донские казаки провели совместно с ногайскими мурзами поход на Крым и "повоевали" крымские улусы у Перекопа, а также у Белгорода, Очакова, на Южном Буге и Интуле, и держали крымцев "в осаде во всю зиму"*. (Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн.2. Т.8. Примечание 564.)

С началом Ливонской войны отряды донских казаков принимали участие в боевых действиях в составе русских войск. В 1559 г. они нападали на "многие места немецкие", а затем взяли крепость Смелытину. Во главе казаков стоял атаман Петруша Пронец*. (Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. С.316.)

В 1569 г. через территорию Донской земли от Азова до Переволоки прошло турецко-крымское войско на пути к Астрахани. До Волги оно прошло беспрепятственно, хотя и турки, и гребцы-христиане ожидали возможного нападения казаков. Не добившись взятия Астрахани, турецкие войска в том же 1569 г. отступили к Азову. В двух милях от Азова казаки, по донесению польского посла А.Тарановского, нанесли туркам сильный удар*. (Kronica Marcina Bielski ego. S.574; Донесение А.Тарановского. - Записки Одесского общества истории и древностей. Т.8. Одесса, 1872. С.480-481.) Возможно, что именно казаки в ночь на 20 сентября 1569 г. "зажгли зелье" в Азове, "и от того де у города стену вырвало, и дворы деи в городе и люди многие погорели, и наряд, и запас, и люди погорели". Турки утверждали, что зелье "зажгли...русские люди"*, (РГАДА. Ф.123. Кн.13. Л.258.) но не уточняли, кто именно - или русские пленные, или казаки, приехавшие торговать в город. Можно предположить, что поджог - дело рук не пленников, живших взаперти, а казаков, имевших в городе известную свободу передвижения и хорошо знавших подрывное дело*. (Маркедонов С. Морские походы донских казаков в XVI в. - Станичник. Газета от 12 марта 1993 г.)

События второй трети XVI в. свидетельствовали о том, что донское казачество активно заявляло о себе на международной арене. С 70-х годов, по мере того, как ряды казачества возрастали в связи с усилением притока населения из Руси, заметно возросли его боевые возможности и увеличилась военная активность.

Особенно чувствительным это оказалось для Азова. После того, как крымские татары захватили в плен сына атамана М.Черкашенина Данилку и казнили его, казаки совершили в 1576 г. крупное нападение на этот соседний город. По словам грамоты султана Мурада III хану Девлет Гирею I, казаки во время этого нападения "Азов съездом взяли" и пленили "лутчих людей" 20 человек, и среди них - султанского шурина Усеина. Город подвергся со стороны казаков нападению невиданной ранее силы. Не случайно султан был очень разгневан на хана за то, что тот дал повод казакам для их акции и "меж казаков и Азова кровь великую учинил", поставив такую важную для Османской империи крепость в столь трудное положение. "А мне деи твой Крымской крт не стоит одного азовского человека"*, (РГАДА. Ф.123. Кн.14. Л.265-265 об.) - с досадой писал он в Крым. Вместе с тем в 1576 г. едва ли имело место взятие казаками всего города. Речь шла, скорее всего, о взятии азовского пригорода Топракалова*. (Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих посе-

лений... С.169.) Потеря турками всего Азова несомненно нашла бы более широкое отражение в источниках. Упоминание же о взятии Азова казаками было связано с крайним недовольством султана действиями хана и стремлением как можно сильнее выразить свое недовольство.

Возросшую мощь донского казачества правительство Ивана Грозного широко использовало в конце Ливонской войны. В 1577 г. донские атаманы и казаки были в составе русских войск в Пскове и должны были отправиться в Ливонию*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1988, №5. С.154.) Когда в 1581 г. польский король Стефан Баторий рассчитывал завершить войну победой и готовился к походу на Псков, отряды донских казаков успешно действовали против польских войск под Могилевым на Днепре. Судя по письмам пана Стравинского королю, 27 июня донские казаки во главе со своим "воеводой" - атаманом Василием Яновым, а также "Ермак Тимофеевич, атаман казацкий с татарами и стрельцами с Дона и московских 1000 на конях" опустошали в составе русских войск окрестности Могилева, а затем, переправившись через Днепр, серьезно угрожали королевским замкам в Радомле и Мстиславле"*. (Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию: Осада Пскова и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Заполянского мира (1581-1582 гг.). СПб., 1867. С.252-254, 766.) В связи с упоминанием в письме атамана Ермака Тимофеевича, который еще в конце июля 1581 г. находился вблизи Могилева, у некоторых исследователей, последним из которых был Р.Г.Скрынников, возникали в этой связи вполне понятные сомнения в том, что он мог за два месяца перейти с Днепра, где шли бои и где общая обстановка накануне похода Стефана Батория на Псков становилась все более угрожающей, и оказаться во владениях Строгановых на Каме, откуда уже 1 сентября 1581 г. начать поход против Сибирского ханства. По мнению Р.Г.Скрынникова, поход Ермака в Сибирь начался ровно на год позже*, (Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С.139.) 1 сентября 1582 г.

С обороной Пскова в 1581 г. были связаны последние боевые подвиги М.Черкашенина, который, по данным Пискаревского летописца, был участником этой обороны и погиб в городе, причем псковичи считали, что "заговоры были от него ядром многие"*. (Повесть о приходе Стефана Батория под град Псков. М.-Л., 1952. С.111.) М.Черкашенина долго помнили на Дону, и в 1632 г., когда Войско отказывалось от принятия присяги, казаки в своей отписке в Москву приводили в качестве примера этого знаменитого атамана, который верно служил царю Ивану Грозному, в том числе и при осаде Пскова, без присяги*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. №39. Л.473.)

После Ливонской войны боевые усилия донского казачества были направлены на борьбу с Турцией и Крымом. Этому содействовало более прочное закрепление его в низовьях Дона после того, как в начале 90-х годов возникли там несколько новых городков - "блиско Азова, на Маночи, да в Черкасском"*. (РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.239 об.) В 1585 г. русскому послу в Турцию Б.Благово в ходе переговоров было сказано, что "донские казаки пришед блиско Керчи черкас многих поимали, а иных побии до смерти... И то добро ли так донские казаки делают, что преж сего николи не бывало, что столь далеко от Дону приходя к турского городам так воровали?"*. (Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.45.) Конечно, турецкая сторона была не права в том отношении, что ранее не было случаев, когда казаки выходили под Керчь. В тех местах бывал еще М.Черкашенин. Но турки были правы в том, что выходы казаков "столь далеко от Дону" уже давно не предпринимались и, кроме того, не принимали таких масштабов. Не случайно, как сообщал Б.Благово, когда он находился со своим посольством в кафе, на посоль-

ский двор явились "черкасские князья со многими черкасы с великим шумом, а говорили..., что донские казаки поймали меж турецкого городов, меж Керчи Балысарая, на море черкас многих рыбных ловцов...". (РГАДА. Ф.89. Кн.2. Л.327-327 об.) Впрочем, сам Б.Благово, ссылаясь на мнение самих казаков, объяснял казачьи походы тем, что незадолго до выходов их на море "азовские люди Досмагметь с товарищи задор учинили, казаков поймали, а иных побили"*.(Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.46.)

Зачинщика "задоров" между донскими казаками и азовцами назвать едва ли представляется возможным. Каждая из сторон всегда обвиняла другую и утверждала, что меры ее носят ответный характер. Но, кто бы ни был зачинщиком столкновений, они стали принимать характер ежегодной перманентной войны, прерывавшейся лишь на короткое время путем установления неустойчивого перемирия, когда это необходимо было для пропуска с Дона в Азов или обратно русских и турецких послов или в период пребывания русского правительства в Турции. Затем, после расторжения перемирия, война возобновлялась вновь. При этом противники не ограничивались только лишь взаимными нападениями, но переносили свою активность далеко за пределы окрестностей Азова и низовых донских городков. Так, донские казаки превратили далекие выходы в море в постоянный промысел, а азовцы столь же постоянно участвовали совместно с крымскими татарами, ногаями и горскими черкесами в нападениях на южные русские уезды.

Борьбы донских казаков и азовцев и пребывание казаков на море способствовало ухудшению отношений России с Османской империей и Крымским ханством. Не случайно поэтому русская дипломатия всячески стремилась отмежеваться от казаков и от их предприятий в ходе своих переговоров с турецкой и крымской стороной. Эти походы замедляли обмен посольствами между Россией и Турцией, поскольку послы не могли проехать с Дона в Азов, пока казаки находились на море. Так произошло в 1592 г., когда во время пребывания на Дону весной посла Г.Нащокина и в ходе переговоров с азовцами о мире, из-под Темрюка к устью Дона вернулись казаки, во главе которых стояли "терский атаман Микита Болдырь да Иванка Нос с товарищи". Азовский паша Али-бей попытался преградить казакам вход в Дон и уничтожить их суда. Казаки вошли в одно из гирл Дона и спрятались в камышах, а ночью напали на турок, разбили их и взяли у них "2 ушкула", а также "княжеский ушкул" и "княжево знамя". Сам Али-бей едва не был убит, а атаман Н.Болдырь, не желая мешать мирным переговорам и передаче послов, ушел в Миусский лиман*.(Быкадоров И.Ф. Донское войско... С.36-37.) Помимо этих казаков, на море весной 1592 г. было еще триста человек под предводительством по крайней мере трех атаманов - Н.Болдыря, И.Носа и В.Жегулина. Особенно чувствителен для противника оказался поход к Темрюку, в котором казаки "многих черкасских князей и черкас поймали, и окупы на них поклали великие, а иные окупились, а иные у них в полуно"*.(РГАДА. Ф.89. 1593. N1. Л.114.) Об этом говорил послу Г.Нащокину великий визирь Синап паша во время переговоров 18 апреля 1593 г. в Стамбуле. Упоминание об этих пленных было не случайно, если учитывать знатность плененных казаками черкасских князей, а также то, что захвачен был также турецкий "чеуш" - посланник к горским черкесам, которого сам Г.Нащокин видел вместе с князьями во время своего пребывания на Дону и безуспешно от имени правительства просил отдать его с другими пленными в Азов*.(РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.92-94.)

Война между казаками и азовцами продолжалась и после 1592 г., поскольку в грамотах на Дон 1593 и 1594 гг. правительство настойчиво добивалось от казаков прекращения нападений на азовцев на время пребывания русских послов в Турции*.(Материалы по истории войска Донского. Грамоты. С.8-10.) Особенно решительно дейс-

твовали казаки против Азова в 1593 г, когда они осадили город, а затем ворвались в крепость. Азов спасся от казаков лишь при помощи казыевцев во главе с Кан мурзой*. (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.41.)

Усиление боевой активности донских казаков в конце XVI в., отражало общее усиление позиций России на юге. Оно закладывало традиции борьбы казачества с Турцией и Крымом на море и на суше, которые продолжило и развило в XVII в. новое поколение казаков.

3. Донское казачество и русская Смута начала XVII в.

Бурные, невиданные прежде по своему размаху и остроте события в России начала XVII в. получили у современников лаконичное и исключительно емкое определение - Смута, или Смутное время. Смута - это прежде всего разрушение привычного порядка во взаимоотношениях между обществом и его сословиями и государством, привычных взглядов на саму монархическую власть как на власть, данную свыше и не зависимую от суетных людских устремлений; это - ожесточенная социально-политическая борьба в стране, вылившаяся в первую в ее истории гражданскую войну и осложненная иноземным вмешательством. По мере расширения масштабов этого вмешательства в России поднялось освободительное движение, постепенно отодвинувшее на второй план социально-политическую борьбу, и также, как и эта борьба, принявшее общенародный характер. Оно спасло существование самой русской государственности. Но народ, обеспечивший победу над иноземными захватчиками и освободивший Россию, не сумел преодолеть таких основ этой государственности, как деспотический характер монархической власти и всеобщая несвобода.

Идея общественного обновления, связанная с освобождением от деспотизма, рабства и крепостничества, являлась главенствующей идеей в стране на начальном этапе Смуты, примерно до 1609 г. По мере того, как активизировалось иностранное вмешательство, а грабежи и бесчинства становились в центральных и северных уездах России обыденным явлением, в общественном сознании возобладала идея национального освобождения и восстановления попорченного порядка. Эти идеи овладели в тот период сознанием разных сословий. Они были близки проживавшему на Дону вольному казачеству и содействовали втягиванию его в развертывавшуюся в стране борьбу, делали казачество активным ее участником.

Такое неравнодушное отношение донских казаков к событиям в России того времени определялось прежде всего их тесными связями с метрополией, связями экономическими, языковыми, культурными, религиозными, общностью политических интересов и, в конечном счете, принадлежностью к единой цивилизации и единством исторических судеб.

Предпосылки активного участия донского казачества в русской Смуте определялось в значительной степени также возрастанием его численности и боевой мощи в последней четверти XVI в. Большое значение имели, кроме того, особенности общественного сознания, сложившегося в казачьей среде, в котором вольнолюбие и осознание исключительной самоценности свободы сочетались с монархизмом - явлением, типичным для общественного сознания всех сословий средневековой России. Поэтому пресечение династии и избрание на престол в 1598 г. Бориса Годунова, в котором казаки видели обыкновенного боярина, в сочетании с распространенными на Дону, как и по всей России, слухами о чудесном спасении царевича Дмитрия Ивановича в Угличе в 1591 г., вызвало брожение умов среди атаманов и казаков. Идея восстановления на прародительском престоле законного государя постепенно овладевала ими и толкала их на оказание самой активной помощи Лжедмитрию I с самого начала его выступления в 1604 г.

Вступление казачества в гражданскую войну в России было, кроме того, ускорено неблагоприятной в целом политикой в отношении к Дону правительства Бориса Годунова, тогда как время Ивана Грозного сохранилось в его памяти как период весьма благоприятного отношения к ним властей. Отсюда – прочность и популярность среди донцов в течение всего периода Смуты лозунга "царя Дмитрия" – как законного наследника Ивана Грозного и в то же время как "доброе царя", который будет постоянно "жаловать" казаков, беречь их вольности и предоставлять им различные права и льготы.

Смута в России привела к тому, что внимание донского казачества было переключено с борьбы со своими традиционными противниками – с Крымом и Турцией – к событиям в России. Активное продвижение донских казачьих отрядов в русские города и уезды отмечено с 1604-1605 гг., когда Лжедмитрий I шел на Москву. До того донские казаки вели прежнюю войну со своими противниками, и крымский посол Ян-Ахмед Чилибей сообщал в Москву в сентябре 1604 г. о разорении казаками татарских улусов и деревень вблизи Корсуни. При этом он жаловался на русского посла в Крыму князя Ф.Борятинского, отказавшегося ехать к донцам или посылать к ним своего "товарища" или служилых татар и отговаривавшегося обычным утверждением, что казаки – "воры" и государевых повелений не слушают*. (РГАДА. Ф.123. 1604. №2. Л.23-24.)

Вместе с тем голод 1601-1603 гг. в России, принявший исключительно большие масштабы и ставший страшным бедствием для страны, содействовал резкому усилению общественной нестабильности. Выражением этого стали разбои в западных и юго-западных уездах и крупное восстание под предводительством Хлопка в 1603 г. Своеобразным откликом донских казаков на эти события стало усиление разбоев на Волге. По словам И.Массы, хорошо знакомого с положением в стране, действия казаков по существу приостановили волжское судоходство*. (Масса И. Указ. соч. С.74.) На Волге казаки действовали настолько решительно и безбоязненно, что в 1604 г. напали даже на возвращавшегося из Астрахани в Москву царского родственника стольника Семена Годунова, который вел там переговоры с ногаями, и разгромили охрану*. (Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн.3. Т.11. С.63.)

Наиболее существенным выражением глубокого недовольства донских казаков правительством Бориса Годунова стал тот отклик, который получили на Дону грамоты Лжедмитрия I с призывом поддержать его. В Польшу к "царевичу" стали направляться казачьи отряды. Во главе наиболее крупного из них стоял атаман Андрей Корела. В октябре 1604 г., когда самозванец перешел русскую границу, заметную часть его войска составляли донские казаки.

21 января 1605 г. царское войско нанесло самозванцу сокрушительное поражение при Добрыничах. Положение его стало крайне тяжелым. Однако прибывшие с Дона казаки и развернувшееся на Северной земле массовое народное движение не позволили годуновским воводам закрепить свой успех. И пока правительственная армия пыталась организовать преследование самозванца, заставив отступить его сперва к Рыльску, а затем к Путивлю, небольшой отряд казаков занял город Кромы, имевший важное стратегическое значение на пути из Северной Украины в Тулу и Москву*. (По мнению Р.Г.Скрынникова, атаман А.Корела с казаками занял Кромы до битвы при Добрыничах. – Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С.207.) По данным И.Массы и К.Буссова, в этот период в этом городе засело 1-2 тысячи казаков*. (Буссов К. Указ. соч. С.202-204; Масса И. Указ. соч. С.93.) В течение шести недель царские войска, насчитывавшие 30 тысяч человек, безуспешно пытались выбить казаков из Кром. За это время самозванец в Путивле сумел восстановить свои силы, а царская армия разлагалась и слабела. Тем самым умелые и успешные действия в

Кромах донских казаков во главе с А.Корелой во многом определили общий успех Лжедмитрия I в борьбе за престол.

После вступления в Москву самозванец щедро награждал казаков – участников его похода в 1604–1605 гг., отмечая тем самым, что он высоко ценит их заслуги, а популярного на Дону атамана А.Корелу, возглавлявшего героическую оборону Кром, пытался привлечь в свое окружение*. (Масса И. Указ. соч. С.114.) Однако в дальнейшем герой-атаман не проявил себя как военный и политический деятель, что могло объясняться его беспробудным пьянством в московских кабаках. Казаки считали Лжедмитрия I своим царем. По словам А.Палицына, ими жестоко преследовались "все умнии", те, кто "царя Дмитрия" "расстригою нарицает"*. (Сказание А.Палицына. С.112.) Не случайно, что весной 1606 г., когда Лжедмитрий I почувствовал шаткость своего положения после заговоров в январе и марте*, (Платонов С.Ф. Указ. соч. С.217–223.) он обратился за поддержкой к казакам. Как только ранней весной 1606 г. на Тереке началось движение казаков, выдвинувших из своей среды собственного "царевича" – Петра, и четырехтысячный казачий отряд* (Сухоруков В.Д. Историческое описание... – Дон. 1988, №8. С.130.) вместе с "царевичем" двинулся вверх по Волге, правительство выслало навстречу казачьему отряду дьяка Третьяка Юрлова с грамотой, где было сказано, что царь "велел им итти к Москве на спех"*. (Восстание И.Болотникова. С.226.)

Не вызывает сомнения, что основное ядро отряда состояло из терских казаков, и сам "царевич Петр" был выдвинут на Тереке. Между тем, по сообщению князя И.Катьрева-Ростовского, "царевич Петр" объявился на Дону. Это сообщение не находит подтверждения в других источниках. Однако само указание на Дон и на то, что "царевичу" "прилетеша человека казацкого того сонма"*, (Там же. С.120.) свидетельствуют о весьма заметной роли донских казаков, которую они играли в движении "царевича Петра" с самого его начала, причем о тесных связях этого самозванца с донцами сообщал голландский путешественник Э.Геркман*. (Сказание Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб., 1874. С.304.)

Казачий отряд не успел дойти до Москвы. 17 мая 1606 г. в ходе восстания москвичей, возмущенных бесчинствами польских панов, которые прибыли на свадьбу Лжедмитрия I и Марины Мнишек, расстрига был убит. У власти в Москве оказалась княжеско-боярская группировка, выдвинувшая на престол знатнейшего из своей среды – князя Василия Ивановича Шуйского. Политические перемены в Москве ускорили начало нового подъема гражданской войны в стране. Поводом послужило само свержение "царя Дмитрия Ивановича", еще не успевшего потерять популярность среди населения юга страны, особенно казачества. Жители южных городов и уездов отказывались "целовать крест" новому царю и выдвинули требование передачи власти "царю Дмитрию", в гибель которого не хотели верить.

Летом 1606 г. в Путивле началось крупное антиправительственное движение под лозунгом "царя Дмитрия", во главе которого стояли путивльский воевода князь Г.П.Шаховской и И.Болотников, бывший холоп боярина Телятевского.

Донские казаки откликнулись на призыв из Путивля присоединиться к борьбе против правительства Василия Шуйского. С Дона пришло в Путивль несколько тысяч человек*. (Буссов К. Указ. соч. С.163.) По данным Бельской летописи, первоначально войско И.Болотникова состояло из "северских людей" и донских казаков, с которыми предводитель восстания "учал северские города заходить и приводить к крестному целованью к воровству"*. (Корецкий В.И. Новое о крестьянском закрепощении... С.147–148.) Казаки приняли участие почти во всех битвах с царскими войсками, в осаде Москвы, в калужском и тульском "сидениях"*. (ААЭ. Т.2. СПб., 1836. №59, 60, 74, 81; Восстание Болотникова. С.222–226; Масса И. Указ. соч.

С.163; Буссов К. Указ. соч. С.156, 157, 164-165; ПСЛР. Т.14. Ч.1. С.73; Тихомиров М.Н. К истории восстания Болотникова. - Исторический архив. 1956. N2.) Патриарх Гермоген, говоря о войске восставших, указывал, что "... лутшие их промышленники, терские, и яицкие, волские, донские и путивльские и рыльские атаманы и казаки"*.(ААЭ. Т.2. N74.)

Московские события 17 мая 1606 г. застали казаков "царевича Петра" на Волге по пути к столице. Известие о том, что "на Москве Гришку Растригу убили", пришло к казакам, когда они были "выше Свяязского городка десять верст"*.(Восстание Болотникова. С.226.) Сознавая, что Василий Шуйский готовил "царевичу Петру" совсем иную встречу, чем Лжедмитрий I, терский отряд повернул вниз по Волге и отправился на Дон. Там он находился в течение лета-осени 1606 г.

Затем, пройдя большой путь по Донской земле - от Иловли вниз до Монастырского городка, а после - вверх по Дону и Северскому Донцу до Царева-Борисова*, (Восстание Болотникова. С.226.) отряд пополнился донскими казаками*, (Там же. С.104, 123.) и в декабре 1606 г. по призыву князя Григория Шаховского прибыл в Путивль*. (Шепелев И.С. Донское и волжско-терское казачество... С.33-35.) Приход терских и донских казаков в Путивль значительно увеличил силы восставших на главном направлении боевых действий против войск Василия Шуйского.

В феврале 1607 г. отряд "царевича Петра" пришел из Путивля в Тулу. Благодаря этому стратегическое положение восставших во главе с И.С.Болотниковым в районе Калуги-Тулы, отброшенных туда после поражения под Москвой 2 декабря 1606 г., значительно улучшилось. Во многом благодаря приходу казаков повстанцам удалось одержать зимой 1607 г. победу над Вeneвым, а поражение у реки Вырки 23 февраля компенсировать победой у Пчельни 3 мая. Все битвы зимой и весной 1607 г. носили упорный характер, а участвовавшие в них казаки были в первых рядах восставших. В результате победы у Пчельни войско И.Болотникова смогло, наконец, выйти из Калуги и соединиться в Туле с казаками "царевича Петра". В Туле объединенное войско И.Болотникова и "царевича Петра" представляло грозную опасность для властей. Поэтому первым мероприятием правительства Василия Шуйского стала подготовка к походу на Тулу. 21 мая 1607 г. во главе 100-тысячного войска царь выступил в поход на Тулу.

Значительную роль сыграли казаки в битве у небольшой речки Восмы под Каширой 6-7 июня 1607 г. Они находились в составе войска И.Болотникова. Заняв выгодные позиции, они стали обстреливать царские войска. Однако противнику удалось разбить основные силы восставших и после этого обрушиться на казаков. Большая часть казаков погибла в бою, а захваченные в плен были казнены*. (Смирнов И.И. Крестьянская война 1606-1607 гг. - Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Указ. соч. С.78.)

В результате поражения на реке Восме повстанцы вынуждены были отойти к Туле. 12-15 июня они потерпели еще одно поражение от царских войск у речки Вороньей и были окружены в Туле. После трехмесячного штурма, а затем - постройки царскими войсками плотины на реке Упе и затопления города восставшие сдались 10 октября 1607 г. Восстание И.Болотникова было подавлено.

В конце 1607 - начале 1608 гг. в Северной земле начался новый подъем массового движения под прежним лозунгом поддержки "царя Димитрия", а реальным носителем этого имени являлся польский ставленник Лжедмитрий II. Донские казаки приняли активное участие в этом движении. Находясь в Тушинском лагере, донские казаки были участниками ряда сражений с войсками царя Василия Шуйского. Как сообщали польские авторы - участники тех событий, казачьи отряды под предводительством атамана И.Заруцкого в сражении под Москвой

действовали на фланге тушинского войска*. (РИБ. Т.1. С.135-136.) Во время сражений донские казаки показывали свои обычные воинские качества. Не случайно поэтому в конце 1608 г. суздальский воевода Федор Плещеев, сторонник Лжедмитрия II, просил прислать ему на помощь донских казаков, когда возникла угроза Суздалю со стороны костромичей и галичан, поддерживавших царя*. (ААЭ. Т.2. N351.) Сам Лжедмитрий II также стремился укрепить тушинский лагерь донскими казаками*. (Там же. N154.) Весной 1609 г. отряды донских казаков сражались с царскими войсками под Ярославлем, выдержали 10-дневную осаду в Кинешме, но и сами при этом несли значительные потери*. (ААЭ. Т.2. N171, 239.) Из отписки галичан в Москву на имя царя Василия Шуйского от 15 марта 1609 г. известно, что казаки совместно с литовскими людьми под командованием пана Лисовского участвовали в разгроме Галича*. (Там же. С.205.)

Противник высоко оценивал боевые качества донских казаков, проявлявшиеся ими в ходе боевых действий в центральных уездах России в 1608-1609 гг. В 1609 г. лазутчик советовал воеводе М.Б.Шейну "перееднать" на свою сторону донцов; "... и коли б вы перееднали казаков донских, - писал он царскому воеводе, - а поляков нечего их и бить вам. Еще ж бы Зарутцкого коли б перееднали гетмана у донских казаков, то бы ваше полепшело"*. (Там же. С.202-203.)

Находясь в Тушинском лагере, донские казаки отличались не только в боях с царскими войсками, но и в грабежах населения. О грабежах казаков в его поместьях во Владимирском, Ярославском и Углицком уездах писал гетману Сапеге касимовский "царь" Ураз-Магмет. Судя по его письму, страдало от казаков прежде всего сельское население поместий. Казаки, писал Ураз-Магмет, "...приеждя, крестьянишек грабят, бьют и мучят, и даней правят, и кормов конских и людских правят же"*. (Там же. С.196.) Казацкие грабежи стали одной из важных причин постепенного перехода населения центральных уездов к борьбе с тушинцами, к превращению народного движения, развернувшегося в годы Смуты, в движение в первую очередь освободительное. Грабежи со стороны казаков не могли остановить даже те воеводы, которые держали сторону Лжедмитрия II, а для русского населения приход казачьего отряда означал бегство не меньшее, чем приход поляков. Ярославский воевода князь Барятинский в отписке самозванцу от 15 февраля 1609 г. доносил, что "... и поляки, и литва, и казаки в Ярославле и в Ярославском уезде насилство чинят великое, людей грабят и побивают, а меня ни в чем не слушают"*. (ААЭ. Т.2. С.179.) Так постепенно казачьими отрядами были перенесены в Замосковский край нравы и обычаи Дикого Поля с их постоянной войной и грабежом, причем объектом грабежа для казаков были не "бусурманы", а русские люди, жители городов и уездов к северу от Москвы.

В Тушинском лагере назревал кризис. Вторжение в Россию Сигизмунда III летом 1609 г. и начало польской осады Смоленска привело к расколу единства тушинцев, а успехи князя М.В.Скопина-Шуйского и неудачная осада Троице-Сергиева монастыря войсками Лжедмитрия II ухудшили их стратегическое положение. Рост противоречий в Тушино привел в конечном счете к бегству самозванца в Калугу 29 декабря 1609 г. (6 января 1610 г.)*. (РИБ. Т.1. С.163, 179.) Распад Тушинского лагеря был вполне закономерен. Его составляли слишком разнородные силы. Здесь были и дворяне, и бояре вроде Ф.Н.Романова, недовольные правительством Василия Шуйского, а также представители низших слоев населения - крестьян и холопов. Широко были представлены и различные группировки казачества, причем значительная часть казаков проявляла большую склонность к грабежам и была близка к деклассированным элементам*. (Сказания современников о Дмитрии самозванце. Ч.2. С.30.) На деле при этом вся власть в Тушино была сосредоточена в руках польских военных

предводителей, стремившихся к захвату богатств и русских земель. И если первоначально принадлежность к Тушинскому лагерю и поддержка Лжедмитрия II в какой-то мере означали оппозицию крепостническому режиму, то постепенно, в связи с усилением в Тушино польского влияния, стала заметна антинародная и антинациональная направленность этого лагеря. После ухода Лжедмитрия II из Тушина в Калугу казацкие отряды стали покидать лагерь, а часть атаманов и некоторые из казаков сделали попытку перейти на сторону польского короля Сигизмунда III, войска которого осаждали Смоленск. Таким образом, с распадом Тушинского лагеря завершился период, когда казачество выступало в качестве единой, монолитной силы.

Изменение и усложнение общей обстановки в стране, когда на первый план стали выдвигаться задачи освободительной борьбы и после того, как проявилась тесная связь и сотрудничество в Тушино между казаками и польскими отрядами в течение не менее двух лет и когда в глазах населения внутренних уездов России казаки нередко выступали такими же грабителями, как и польские отряды, среди казачества начался раскол.

Так, к королю под Смоленск вместе с атаманом И.Заруцким ушла значительная часть казаков. По сообщению К.Буссова, 500 казаков отправились было в Калугу к Лжедмитрию II, но их "поляки из лагеря ... затоптали конями и убили"*.(Буссов К. Указ. соч. С.183.) С этого времени "многие казаки" решили вовсе прекратить свое участие в гражданской войне в России, не видя более в ней смысла, и "ушли снова в Дикое Поле"*.(Там же.) Таким образом, далеко не все казаки пошли вслед за атаманом И.Заруцким под Смоленск.

Новый раскол в рядах казаков начался после того, как атаман И.Заруцкий вместе с другими "русскими тушинцами" принял "со своими военными"*(РИБ. Т.1. С.525.) - с казачьими атаманами из его ближайшего окружения - участие в переговорах с польской стороной по поводу условий передачи русского престола сыну Сигизмунда III - королевичу Владиславу. Сами по себе эти переговоры и стремление русской стороны пригласить королевича при условии ограничения его власти в духе крестоцеловальной записи царя Василия Шуйского 1606 г. не были чужды интересам России. Они могли бы способствовать установлению в стране столь необходимого ей внутреннего мира после долгих лет гражданской войны, выводу польских войск, а также создать политические предпосылки для установления режима, исключавшего возрождение деспотического самодержавия. Однако для массы казачества наибольшее значение приобретало то обстоятельство, что речь шла о возможности передачи русского престола царевичу-католику и представителю иноземного государства. Казачеству как силе глубоко патриотической, сложившейся в условиях борьбы с внешними врагами России, подобная идея не могла не быть чуждой. Большинство казаков не поддерживало своих атаманов, принявших участие в переговорах с польской стороной.

Это стало проявляться с середины января 1610 г., когда донские казаки под начальством атамана Беззубцова, стоявшие в Серпухове и входившие в состав польского полка Млоцкого, не желая идти на соединение с королевскими войсками, сговорились с жителями города и перебили поляков. Сообщение "Истории ложного Дмитрия" о переговорах донских казаков с жителями Серпухова о совместном выступлении против поляков показывает, что донские казаки включились в общерусскую борьбу за освобождение страны. В феврале 1610 г., по данным "Дневника" похода Сигизмунда III в Россию, "несколько тысяч донцов взбунтовались" против И.Заруцкого и хотели уйти в Калугу. "Казаки начали брать верх на Заруцким", и только помощь гетмана Рожинского спасла атамана*.(РИБ. Т.1. С.542-543.)

Стремление большинства казаков уйти в Калугу к Лжедмитрию II после того, как атаман И.Заруцкий стал участвовать в переговорах с польской стороной по поводу приглашения Владислава было, оче-

видно, вызвано тем, что "царик" в Калуге представлял силу, противостоящую и полякам, и боярскому правительству царя Василия Шуйского. Поэтому и в Москве, и в польском лагере усматривали со стороны казаков серьезную опасность... После поражения царской армии под Клушином в июне 1610 г. и свержения Василия Шуйского 17 июля того же года московское правительство "седмочисленных бояр" и польские власти вели совместную борьбу с казацкими отрядами и с крестьянами. Для этого из Москвы и из-под Смоленска посылались вооруженные отряды: в Замосковский край - во главе с князем Куракиным, в Рязанскую землю - Сапега и Струсь*. (ААЭ. Т.2. N176.)

Калужский лагерь Лжедмитрия II, где собралось много казаков, не смог, однако, стать центром борьбы за независимость страны, поскольку составляли этот лагерь слишком разнородные силы*. (Шепелев И.С. Место и характер движения И.М.Заруцкого в период Крестьянской войны и польско-шведской интервенции (1605- 1614 гг.). С.60.) Отражением глубоких противоречий в калужском лагере явилось убийство татарскими феодалами Лжедмитрия II 11 декабря 1610 г. Убийство самозванца вызвало недовольство донских казаков, по-прежнему считавшего его своим царем. Когда был убит Лжедмитрий II, в Калуге "поднялось великое смятение, и донцы всех оставшихся татар перебили"*. (РИБ. Т.1. С.711.)

Вскоре после убийства Лжедмитрия II у Марины Мнишек родился сын Иван, которого казаки называли "царевичем и крестышом...честно"*. (ПСРЛ. Т.14. Ч.1. С.105.) Тем самым казачество не признавало ни новые московские власти, ни хозяйничавших в столице захватчиков. Во главе казаков вновь стал атаман И.Заруцкий, который в сентябре 1610 г. снова перешел к самозванцу и находился при нем до самой его смерти*. (Записки гетмана Жолкевского о московской войне. С.117.) Казаки стали бороться за возведение на престол сына Марины Мнишек.

Общественную борьбу за освобождение столицы и всей страны попытались возглавить в 1611 г. рязанские дворяне во главе с Прокопием Ляпуновым. Под его руководством в Рязани стало создаваться ополчение. Донские казаки приняли в нем участие, а их атаман И.Заруцкий стал одним из его вождей наряду с П.Ляпуновым и князем Д.Т.Трубецким. В марте 1611 г. ополчение сделало попытку освободить Москву, однако сил для этого не хватило. Город при этом был сожжен, а князь Д.М.Пожарский, командовавший ополчением, был ранен в бою. После неудачи в Москве в ополчении усилились противоречия между двумя его составными частями - дворянской и казачьей. Дворянское руководство ополчения во главе с П.Ляпуновым поспешило прежде всего обеспечить защиту интересов помещиков, что нашло отражение в приговоре 30 июня 1611 г., принятом дворянскими руководителями. Этот приговор полностью отстранял от всякой власти на местах казацких атаманов, отдавая ее в руки дворян*. (Забелин И.Е. Минин и Пожарский. С.275-276.)

Между казаками и дворянами в ополчении произошел открытый конфликт. Дворяне утопили под Никольским Угрешским монастырем 28 казаков*. (ПСРЛ. Т.14. Ч.1. С.113.) Стремясь усилить конфликт внутри ополчения, польские власти в Москве во главе с воеводой Гонсевским составили от имени П.Ляпунова подложную грамоту, в которой тот якобы призывал к убийству казаков. Возмущенные казаки собрали 22 июля 1611 г. круг, пригласили на него П.Ляпунова и убили его*. (Marchocki. Cit.op. S.123.) Немалую роль в убийстве дворянского предводителя сыграл и атаман И.Заруцкий.

После убийства П.Ляпунова ополчение распалось. Дворяне покинули ополчение, а власть перешла к атаману И.Заруцкому, стремившемуся использовать движение казачества для упрочения положения казацкой верхушки. Под Москвой образовалось правительство "казацких таборов", выражавшее интересы казацких атаманов, положение которых имело известное сходство с положением мелкопоместного

дворянства*. (Долинин Н.П. Подмосковные полки (казацкие таборы) в национально-освободительном движении 1611-1612 гг. Харьков, 1958. С.67.) Но возглавить всенародную борьбу за освобождение страны подмосковное правительство не могло. Стремление атамана И.Заруцкого передать престол сыну М.Мнишек отталкивало от него дворян, называвших сына Марины "воренком". Опасалась появления на престоле казацкого царя и определенная часть народа, хорошо знавшая о казачьих грабежах в центральных уездах России. Такое опасение отразилось, к примеру, в отписке пермичей казанцам от 18 сентября 1611 г.: "А буде казаки учнут выбирати на Московское государство государя по своему изволенью одни, не сослався со всею землею, и нам бы того государя на государство не хотети"*. (ААЭ. Т.2. С.399.) Имелись также противоречия среди казачества между атаманами и массой рядовых казаков. Эти противоречия ослабляли казацкое правительство под Москвой, а признание его главами - И.Заруцким и князем Д.Т.Трубецким в 1612 г. псковского "вора Сидорки" "царем Димитрием" окончательно раскололо единство в подмосковном лагере*. (Долинин Н.П. Указ. соч. С.98.)

Непросто складывались отношения находившихся в таборах казаков с Народным ополчением, сформированным осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде под предводительством К.Минина и Д.М.Пожарского. Умелая и настойчивая политика руководителей Ополчения, направленная на привлечение казаков, дала свои результаты к концу весны - началу лета 1612 г., когда отдельные казачьи отряды во главе со своими атаманами стали присоединяться к Ополчению. Атаману И.Заруцкому не удалось столкнуть казачество с силами русского освободительного движения. Под Угличем казаки атаманов Б.Попова, Ф.Берескина, О.Кухтина и М.Чекушникова не поддержали казаков - сторонников И.Заруцкого, которые "выехали" на бой с войсками Ополчения, возглавлявшимися князем Д.М.Черкасским. В дальнейшем эти атаманы со своими казаками присоединились к ополчению*. (ПСРЛ. Т.14. Ч.1. С.120.) Уже к июню 1612 г. в составе Народного ополчения в Ярославле было более 17 казачьих отрядов со своими атаманами*. (СГГ и Д. Т.2. N281. В грамоте атаманы 17 отрядов названы поименно. Об остальных сказано: "и иные".) Всего численность всех казачьих отрядов в Ярославле, по данным П.Г.Любомирова, составила 3000 человек*. (Любомиров П.Г. Указ. соч. С.116-117.)

В такой обстановке среди казачества назревал новый раскол. Чувствуя, как крепнут позиции Ополчения и как теряет авторитет правительство казачьих "таборов" под Москвой, И.Заруцкий решился на новый авантюристический шаг и повел тайные переговоры с гетманом Ходкевичем*. (Соловьев С.М. Указ. соч. Т.4. М., 1960. С.676-677.) Однако большинство казаков, стоявших под Москвой, не одобряло подобных переговоров. В такой обстановке 12 июля 1612 г. И.Заруцкий бежал из-под Москвы на юг*. (ПСРЛ. Т.14. Ч.1. С.123.) Ему удалось увести с собой некоторую часть казаков. Однако более половины казаков продолжали участвовать в борьбе с поляками, засевшими в Москве*. (Там же.) Но даже несмотря на это между Ополчением и казаками сохранялся элемент недоверия, мешавший более тесному их сближению и основанному на том, что в Ополчении видное место принадлежало дворянству, с которым у казаков были столкновения еще в рязанском ополчении 1611 г. Точно также и в Ополчении не были склонны полностью доверять казакам, учитывая их непостоянство, помня об их связях с самозванцами и о склонности к грабежам и бесчинствам в центральных уездах России, в том числе и совместно с польскими отрядами.

Такое взаимное недоверие проявилось во время сражения с войсками гетмана Ходкевича под Москвой 22-24 августа 1612 г.* (Бибиков Г.Н. Вои русского народного ополчения с польскими интервентами 22-24 августа 1612 г. под Москвой. - Исторические записки. Т.32. М., 1950. С.117.) Когда 24 августа поляки усилили свой на-

тиск, казаки отступили в свои таборы. И только после того, как к казакам был послан келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, обещавший им заплатить из богатой монастырской казны, они вновь вернулись на помощь Ополчению и приняли участие в атаке, возглавленной самим К.Мининым*. (Сказание А.Палицына. С.225, 327.) Этот удар имел решающее значение в ходе всей битвы под Москвой. Гетман Ходкевич был отброшен и не сумел оказать помощь польскому гарнизону в Кремле*. (М.Н.Тихомиров говорил даже о решающем ударе казаков под Москвой. - Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России в XVII в. М., 1969. С.428.)

22-26 октября 1612 г. казаки совместно с войсками Ополчения участвовали в сражении с поляками, засевшими в Кремле. Большое значение имела, по данным Пискаревского летописца, атака казаками Китай-города 22 октября, в результате которой Китай-город уже в этот день был взят русским войском*. (Материалы по истории СССР. Т.2. М., 1955. С.139-140.)

Активное участие казачества в борьбе с поляками в Москве в 1612 г. предопределило их значительную политическую роль в 1613 г., когда на Земском соборе решался такой жизненно важный для страны вопрос, как избрание государя на престол. На Земском соборе наряду со служилыми сословиями государства, участвовавшими в борьбе с захватчиками*, (Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв. М., 1978. С.197-199.) были представлены и донские казаки, и это был единственный в истории России Земский собор, на котором были представители Дона*. (Там же. С.388, 390.) Прямое указание на участие в Земском соборе 1613 г. донских казаков позволяет сделать вывод о том, что в рядах казаков, отличившихся в битвах за Москву, находилось немало донцов, представители которых попали на Земский собор.

После освобождения Москвы и избрания на престол Михаила Романова стало заметно усиление тяги значительной части казачества к возвращению из русских уездов на Дон. Дальнейшее нахождение в русских городах и уездах с изгнанием захватчиков теряло для нее смысл. На Дону оно стремилось к привычной вольной жизни с ее боевыми походами, тем более, что правительство Михаила Романова прямо заявило о своем расположении к донским казакам и о своей готовности жаловать их за службу.

В то же время отдельные казачьи отряды оставались в центральных и северных уездах и все больше и больше превращались в разбойничьи шайки, грабившие местное население*. (Бернадский В.Н. Конец Заруцкого. С.105.) При этом казацкие шайки отличались особой жестокостью в отношении прежде всего сельских жителей. В 1615 г., к примеру, судя по жалобе крестьянина Белозерского уезда Кемских сел С.Жаравина, казаки, явившись в деревню, "отца де ево и ево мучили, огнем жгли, а у отца де ево руки и ноги обсекли, замучили до смерти, и животы де отца ево, лошади и коровы и денги все пограбили, и хлеб лошадьми стравили"*. (РГАДА. Ф.1107. Оп.1. N119. Л.25.) Нередки были случаи совместных действий воровских "литовских людей" и воровских черкас. Особенно активны были такие действия летом-осенью 1618 г., в "королевичев приход" под Москву незадолго до подписания Деулинского мира с Польшей. От казаков и черкас возникла даже угроза Кириллову Белозерскому монастырю. Во всяком случае, когда 3 декабря 1618 г. они захватили монастырского дворового человека Е.Романовского и служку З.Кафтырева на Вологодской дороге, их с пыткой расспрашивали "про Кириллов монастырь, про городовую крепость, и про наряд, и про людей"*. (Там же. Л.71.) По данным белозерского воеводы К.Спешнева, черкасы и литовские люди и казаки "хотят в сход сходитца под Вологдою и к Вологде приступать, и под иные государевы города приходиться", в частности, "Поморские города и уезды воевать"*. (Там же. Л.58-59.) Едва ли, конечно, такие разбойничьи отряды были бы способны ре-

ально выполнить большие задачи, такие, как взятие городов. Так, даже довольно крупный отряд атаманов Степана Кругового, Якова Шиша, Федора Бороды и Первуши Жарика, насчитывавший 350 казаков и 500 поляков и черкас, не смог овладеть городом Тотьмой и был отбит от него служильми людьми с большими потерями*. (РГАДА. Ф.1107. Оп.1. N119. Л.86.) Однако для населения эти разбойники представляли значительную опасность, и борьба с казачьими разбоями на севере страны имела для правительства Михаила Романова очень важное значение как условие стабилизации общей обстановки в стране и преодоления последствий Смуты.

Более значительную опасность для правительства представляло, по-видимому, движение казаков во главе с атаманом И.Заруцким на юг, начавшееся летом 1612 г. Это было несравненно более значительная и сплоченная сила, нежели разбойные казацкие отряды в северных уездах - по мнению С.М.Соловьева, почти половина всего войска, стоявшего под Москвой, в таборах*. (Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.4. М., 1989. С.656.) Кроме того, она ушла в южные уезды, где долгое время было неспокойно и где существовала социальная база различных общественно-политических движений Смутного времени. Определенную поддержку в Рязанской земле получил в конце 1612 г. и И.Заруцкий. Ему не удалось, правда, овладеть крупнейшими городами - Переяславлем Рязанским и Шацком, но города Михайлов, Пронск, Ряжск, Данков и Епифань "своровали, и призвали Заруцкого на Михайлов"*. (Станиславский А.Л. Челобитная Вельяминовых - источник по истории России начала XVII в. - Сов.архивы. 1983, N2. С.38.)

В апреле 1613 г., в связи с общим ухудшением для его отряда политической обстановки в центре страны, последовавшим в результате победы Ополчения и избрания на престол Михаила Романова, И.Заруцкому пришлось оставить Рязанскую землю и отходить дальше на юг. Однако в украинских городах ему закрепиться не удалось. Потерпев поражение в битве под Воронежем с царскими войсками, возглавлявшимися князем И.Одоевским, он через северную часть Донской земли отступил в Нижнее Поволжье. В сентябре 1613 г. И.Заруцкий и Марина Мнишек прибыли со своим отрядом в Астрахань. К тому времени с ним было уже немного казаков, примерно 200 человек донцов, уральцев и терцев*. (Савельев Е.П. История казачества. С.315.) Однако даже при незначительности имевшихся у него сил он при общем расстройстве воеводской администрации в Нижнем Поволжье в последний период Смуты не только мог удерживаться в Астрахани в течение нескольких месяцев, но и вызвать опасение воевод других городов. Так, самарский воевода князь Д.Пожарский весьма опасался того, что весной 1614 г. к Самаре могут явиться ногаи князя Иштерека "с астороханскими ворами" И.Заруцкого, а "острожек" к осаде не был готов*. (АИ. Т.3. СПб., 1841. С.421, 423.) Тревожное сообщение поступило из Нижнего Новгорода о стремлении воровских казаков идти весной 1614 г.. из Пошехонья вниз по Волге к И.Заруцкому*. (Там же. С.422.) Тем не менее, атаман не получил решающей поддержки со стороны Дона, хотя отдельные казаки в верхних городках готовы были перейти на его сторону. По сообщению посла С.Протасьева, ехавшего осенью 1613 г. вниз по Дону к Азову, "на Хопре казаки воруют, прямят Маринке и сыну ее"*. (РГАДА. Ф.89. 1613. N1. Л.161.) Со стороны И.Заруцкого была попытка поднять на свою сторону даже низовое Войско, для чего туда посылались "с воровскими грамотами" астраханские жители Кара и Гришка Стародубец, но их агитация не имела успеха, а в Войске "того Кару и Гришку позорили...и мало не побили их до смерти"*. (Там же. Л.161-162.)

Вместе с тем донские казаки не выступили против И.Заруцкого, хотя правительство и добивалось этого от них в своих грамотах, направленных на Дон в марте 1614 г.* (Донские дела. Кн.1. Стб.62-80, 89-120, 126-166, 170-178.) В массе своей донское казачество к

1614 г. потеряло интерес к продолжению политической борьбы в России и, добившись утверждения на престоле устраивавшего их государя - Михаила Романова - и благожелательного отношения нового русского правительства, стремилось сосредоточиться на борьбе с внешним врагом. Это и означало прекращение участия донских казаков в Смуте в России с весны 1614 г. Те же из донцов, которые находились в разбойничавших на Севере казачьих отрядах, по существу потеряли связь с Доном.

Отсутствие широкой поддержки со стороны донских казаков ускорило конец И.Заруцкого и Марины Мнишек. В самой Астрахани положение его становилось все более неустойчивым. И как только к городу подошли терские служилые люди во главе со стрелецким головой В.Хохловым, И.Заруцкий 12 мая бежал на Яик, где его настигли стрелецкие головы Пальчиков и Онучин. Они заставили яицких казаков выдать И.Заруцкого, Марину и ее сына. Атаман был посажен на кол, трехлетний ребенок был повешен, а Марина умерла в тюрьме.

Гибель И.Заруцкого означала ликвидацию одного из последних крупных очагов Смуты. Социально-политическая опасность от казачества уже не грозила русским властям. Вплоть до 60-х годов XVII в. главное внимание донских казаков было приковано к борьбе с внешним противником.

4. Донские казаки в войнах в XVII в. (1614-1670 гг.).

Пока в первые годы XVII в. донские казаки принимали активное участие в развернувшейся в России гражданской войне, запорожские черкасы продолжали вести боевые действия на Черном море против Турции. Ими были достигнуты крупные успехи. В 1604 г. ими была взята крепость Варна на Румелийской стороне, и известие об этой победе получило широкую известность в странах Европы. В 1609 г. казацкие части появились у Измаила, Килии и Белгорода. В 1614 г. флот под командованием Петра Конашевича-Сагайдачного из 40 чаек напал на Трапезунд, а затем взял Синоп и спалил стоявший в гавани турецкий флот. Однако на обратном пути у Кинбурнской косы запорожцы понесли урон. Через год, в 1615 г., П.Сагайдачный с 4000 казаков на 80 чайках атаковал Константинополь. Затем под Очаковым на казаков напал турецкий флот, но в ночном бою запорожцы затопили его*. (Мищик Ю.А., Плохий С.М., Стороженко I.C. Указ. соч. С.190-192.)

Донцы в годы Смуты также не прекращали боевых действий. У них в то время "на окупу" сидел азовский бей Мустафа*. (Быкадоров И.Ф. Донское войско... С.44-45.) Однако масштабы боевых действий донских казаков не могли идти в сравнение с масштабами действий запорожцев.

Завершение гражданской войны в России позволило донскому казачеству вести более активные боевые действия на суше и на море против Турции и Крыма.

Чем ближе дело шло к концу Смуты, чем более надоедала основной массе казаков "эта диковинная война" во внутренних уездах России, тем сильнее тянуло ее к своему казацкому делу - к организации и проведению морских и сухопутных походов против своих традиционных противников. Об этом казаки высказывались в своей отписке в Москву от 5 ноября 1613 г.: "...у нас, холопей твоих, той лучшей зипун был по вся дни, под Азов, да на море ходили, а ныне, государь, и перевозки не наши, коли с Азовом мирными быти"*. (РГА-ДА. Ф.89. 1613. №1. Л.166.) Нападения азовцев на казачьи городки усиливали эти стремления казаков. Даже в условиях перемирия азовцы нападали на казаков, о чем казаки сообщали в отписке от 28 сентября 1614 г.: "нынешняго году лошадей у нас взяли с тысячу, и казаков с тридцать, и коров со сто, а обидят нас заодно с крымцы и с ногайцы, и мы, холопи твои государевы, не смеем своего изъяну

отомстить"*.(Там же. 1614. N1. Л.62.) В этих словах казаки выражали недовольство правительственным запретом нападать на азовцев. Кроме того, активность донских казаков вызывалась нападениями крымцев и ногаев. Свидетелем такого нападения на одно из главных поселений донских казаков - "Смагин юрт" - был дворянин И.Опухтин, привозивший жалованье донским казакам. По его сообщению, противник, нападая на казаков, пытался применить хитрость, разделившись на две группы - одна, состоявшая из 130 человек, во главе с Караклит-богатырем, "подкралась камышом" к городку, а 300 человек стояли в засаде. Предполагалось, что донские казаки должны были пойти за нападавшими, посчитав, что их цель - отбить взятый ранее казаками полон, а после этого засада должна была ударить "на курени казацьи". Казаки разгадали этот план и сами, чтобы перекрывать противнику путь для отхода, "посылали в судех перенять у них дорогу на Усть Оксяя". Бой был выигран, и казаки "побили" 130 татар, взяв у них много лошадей*.(Там же. Л.72.)

Первый после Смуты большой поход на море донские казаки готовили совместно с запорожцами весной 1616 г. По данным азовцев, "на морской пристани на Миусе стояло 17 донских и 40 запорожских стругов"*.(РГАДА. Ф.89. 1615. N4. Л.25-26.) Вскоре на Миус пришло еще 8 донских стругов. С этими силами казаки вышли в Черное море. 10 июля послы П.Мансуров и С.Самсонов узнали в Кафе, что казаки взяли города Трапезунд и Синоп и захватили большой полон. На обратном пути они разбили турецкий флот в Керченском проливе и захватили 4 каторги*.(Там же. Л.222.) И.Ф.Быкадоров относил этот поход к 1617 г.*(Быкадоров И.Ф. Донское войско... С.53.) Однако полоняник рьянин С.Иванов, холоп убитого в этом бою Мустафы паши, рассказывал об этом бое послам "в 124-м, июля в 25 день", т.е. в 1616 г.*(РГАДА. Ф.89. 1613. N1. Л.166.) Об активности донских казаков на Черном море в 1616 г. сообщал и Эвлия, указывавший, что они подожгли город Ак-Четар, пытаясь овладеть городом Амасией и взяли Синоп темной ночью*.(Смирнов Н.А. Указ. соч. Т.2. С.7.)

Весной следующего, 1617 г., по данным воеводы города Варны Ибрагим паши, на Черном море вновь объявились струги запорожцев и донцов. 22 августа того же года послы П.Мансуров и С.Самсонов узнали о нападении 150 запорожских и 50 донских стругов на побережье Румелии и взятии городов Месемврии и Бакира*.(РГАДА. Ф.89. 1615. N4. Л.231.) Успешно действовала на море и другая большая группа донских казаков из 700 человек. Ей удалось разгромить 7 каторг. Об этом стало известно султану Ахмеду I, выславшему против казаков двух пашей с семью каторгами. И этого противника казакам удалось разбить. Одного из пашей и 9 турок они привезли на Дон и потребовали за них 30400 золотых выкупа*.(РГАДА. Ф.89. 1616. N1. Л.130-131.)

Действия на море донских казаков показали туркам, насколько серьезная опасность для них исходила с Дона. Чтобы ослабить ее, в июле 1618 г. кафинский Магмет паша и азовский бей Асан за две неполные недели запрудили Мертвый Донец, а затем стали ставить башню на берегу Дона выше Азова у протоки Каланча*.(Там же. 1615. N4. Л.261.) Тем самым выход в море с Дона через Мертвый Донец стал невозможен, а путь по главному руслу оказался под контролем сидевших в башне турок. Не желая подвергать послов П.Мансурова и С.Самсонова, которых турки держали во время проведения ими работ в Азове, какой бы то ни было опасности, казаки не мешали туркам проводить эти работы*.(Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1988, N9. С.108.)

Таким образом, через несколько лет после завершения Смуты донские казаки развернули крупномасштабные действия на Черном море, завершавшиеся нередко взятием турецких городов. По своему размаху, однако, походы донских казаков на море не были такими значительными, как походы запорожцев, и, тем более, не могли их

превосходить, как полагал Н.А.Смирнов*. (Смирнов Н.А. Указ. соч. Т.2. С.8.) В самом деле, Запорожская Сечь имела в то время больше сил, чем войско Донское, и снаряжала большее количество судов. Кроме того, если запорожцы в начале XVII в. не прекращали морских походов, то донские казаки были отвлечены от большой войны на море активным участием в гражданской войне в России. Поэтому во втором десятилетии XVII в. войско Донское по существу возобновляло свою боевую деятельность на море после некоторого перерыва.

Характерной чертой боевой деятельности войска Донского после Смуты стала тесная связь донцов с запорожцами. Укреплялись те основы боевого братства двух казачьих войск, которые были заложены еще в XVI в. В 1617 г. на Дон прибыли две тысячи запорожцев во главе с атаманом Сидором Ермаковым для борьбы с ногаями князя Иштерека совместно с донскими казаками, которые должны были в соответствии с царским указом выступить против улусов этого князя*. (РГАДА. Ф.89. 1616. №1. Л.115.) Боевое братство донских и запорожских казаков вновь проявилось в 1621 г., когда Украина и Польша оказались под угрозой большого турецко-крымского вторжения после поражения польских войск от турок при Цецоре в 1620 г.* (Алекберли М.А. Указ. соч. С.171-172.) С известием о необходимости срочного прихода донских казаков на помощь запорожцы послали в 1621 г. атамана Соколку. Каждому из пришедших на помощь донцов польский король Сигизмунд III обещал по 30 рублей жалованья. Формально войско Донское отказало запорожцам, сославшись на то, что на Дону казаков в настоящее время мало и что "большое де их войско пошло на море"* (РГАДА. Ф.89. 1621. №3. Л.10.) Причиной отказа, возможно, было нежелание оставлять Дон без защиты и опасение того, что получение жалованья от польского короля вызвало бы недовольство со стороны Москвы, как и вообще связями с поляками и запорожцами, только что вторгавшимися в Россию. Отказ, однако, не был полным. Атаману Соколке на Дону заявили, что "как (донские казаки - Н.М.) придут с моря, и они за ними ж пойдут", и отпустили запорожцев с "великою честью"* (Там же. Л.10-11.)

Свое обещание войско Донское сдержало и послало казаков под крепость Хотин на помощь полякам и запорожцам. По-видимому, о количестве донских казаков под Хотинем в 1621 г. лучше всего было известно самим донцам. В отписке царицынского воеводы Л.Волконского от 27 марта 1632 г. приводятся их слова: "преж де сего нас, донских казаков, ходило к литовскому королю на помощь семьсот человек, как де был бой у литовского короля с турским"* (Донские дела. Кн.1. Стб.340.) Эта цифра соответствует приведенным Х.М.Ибрагимбейли и Н.С.Рашбой сведениям о том, что в сражении у Хотина 7 сентября 700 донских казаков помогли полякам-лисовчикам отбить атаку турок* (Османская империя в первой четверти XVII века. С.43.)

Польские военачальники высоко оценивали роль донских казаков в военных действиях. По мнению гетмана С.Любомирского, "турки больше всего боялись посполитого рушения и донских казаков". Коронный гетман Я.Ходкевич считал, что приход донских казаков в целом содействовал заключению выгодного для Речи Посполитой мира. По просьбе королевича Владислава донцы оставались под Хотинем до 16 октября, прикрывая отход польских сил к Каменцу* (Там же. С.44)

Боевое содружество донских и запорожских казаков проявилось в 1621 г. не только под стенами Хотина, но и на Черном море, во время похода под город Ризу, где были 1400 донцов под предводительством атамана Василия Шалыгина и 400 запорожцев во главе в атаманами Сулимой, Яцком и Шилом*. (Воссоединение Украины с Россией. Т.1. С.24.) Этот поход, однако, не был успешным. Город взять не удалось. На обратном пути буря разбила несколько казачьих стругов, а затем казаков нагнали турки на 27 каторгах и разбили

их, взяв в плен до 800 человек*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1988, N10. С.128.)

Весной 1622 г. перед Николиным днем (9 мая) начался новый крупный поход казаков на море. По словам свидетеля, царицынского стрельца А.Васильева, в поход вышло с полторы тысячи донских казаков и триста запорожцев-черкас. Атаманом в этом походе был запорожец Шило. Среди азовских татар об этом походе даже ходили слухи, что казаки выходили на Белое (Мраморное) море, где "воевали многие места", а затем перешли на Черное море. Такой слух возник не случайно, поскольку казаки были довольно близко от Царьграда, всего за "полднища" от города "воевали" "деревню жидовскую". Сами участники похода, пришедшие на Дон 8 августа на 20 стругах, не говорили, однако, о своем выходе на Белое море. Поначалу казаки действовали в походе успешно и вблизи Трапезунда "посады выжгли" и взяли много пленных*. (Донские дела. Кн.1. Стб.219.) На Дону среди казаков, судя по словам атамана Клецкого городка Торового Иванова, говорившего об этом походе русским послам И.Кондыреву и Т.Бормосову 2 июля, еще до возвращения казаков с моря в Войско, ходили слухи о взятии донцами и запорожцами Трапезунда. Однако в дальнейшем они потерпели поражение на море и, потеряв более 400 человек, вернулись на Дон*. (РГАДА. Ф.89. 1622. N1. Л.26-28, 30-31, 72, 97, 115-116, 122.)

Новое обострение отношений между донскими казаками и их азовскими соседями произошло вскоре после 27 мая, когда в Азов пришло две тысячи крымцев под началом Бей мурзы. На Дону еще не была забыта жестокость азовцев, когда они в мае 1616 г. у пленного атамана Матвея Лисишника "ременья из хрепта...резали", а 26 его казаков "повесили на корабле"*. (Там же. 1615. N4. Л.33.) На этот раз казаки были поражены вероломством противника. Пригласив казаков на Окупной Яр для размена пленных, крымцы и азовцы грубейшим образом нарушили церемонию их передачи из рук в руки и, напав на казаков, "многих побили и живых поймали"*. (РГАДА. Ф.89. 1622. N1. Л.16-17.) В ответ на это казаки вышли на азовцев во главе с Бектемиром агой, возвращавшихся из Руси, и у перевоза через Мертвый Донец разгромили их и освободили 105 человек русских пленных*. (Там же.) Затем перед Петровым днем (29 июня) в Войске узнали о сборах азовцев, крымцев и ногаев к походу на Русь. Тысяча казаков во главе с атаманом Исаем Мартемьяновым вышли к перевозу через Мертвый Донец, и когда, "человек с тысячу и больши" азовцев, крымцев и ногаев стали "перевозитца" через Донец, казаки их разбили и "побили" при этом более 100 человек*. (Там же. Л.58-61.) Затем, 7 июля, атаман И.Мартемьянов с казаками вышел на "морское устье" и стал дожидаться турецких судовых караванов, чтобы не пропустить их к Азову. Дождавшись, они разгромили турок и взяли корабль и 2 комяги с богатой добычей, после чего 26 июля вернулись на Дон*. (Там же. Л.82-97.)

Активные действия войска Донского на море в 1621-1622 гг. вызвали недовольство Москвы, стремившейся к поддержанию мирных отношений с Турцией и Крымом. В грамоте от 10 марта 1623 г. русское правительство потребовало прекратить эти походы. Поэтому в 1623 г. войсковые власти во главе с атаманом Исаем Мартемьяновым и Епифаном Радиловым всячески пытались показать послам И.Кондыреву и Н.Филимонову, что они "ныне в войску в нижних городках казачьих от дурна (казачков - Н.М.) унимают", т.е. не позволяют казакам выходить на море. У послов сложилось впечатление, что "государево де дело портит во всем Тихон Чулков", а не атаманы, но "только ево добрые мало слушают, а держатца ево воры", и часть из них пошла на море - "все молодые люди глупые, и атаман с ними пошел такой же, да с ними черкасы запорожские"*. (РГАДА. Ф.89. 1623. N2. Л.126-127.) Следовательно, морской поход 1623 г. не был делом всего Войска, а организовала его группа "молодых" казаков. Эти

казаки 20 июля подошли к Керчи, а затем пошли на Кафу*. (Там же. Л.112-113.) Не известно, как происходил этот поход, но 20 сентября они вернулись на Дон, захватив вблизи устья Дона турецкую комягу*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1988, N10. С.132.)

Само Войско недолго оставалось в стороне от активных действий на море. Уже в 1624 г. донские казаки на 150 длинных парусных барках появились под Константинополем и громили окрестности турецкой столицы на европейском берегу Босфора, вызвав панику в городе*. (Смирнов Н.А. Указ. соч. Т.2. С.18.) Кроме того, они взяли Трапезунд*, (Быкадоров И.Ф. Указ. соч. С.64-65.) а в Крыму - город Старый Крым*. (Донские дела. Кн.1. Стб.248.) Нападение на Крым, совершенное донскими казаками, шло вразрез с политикой Запорожской Сечи, заключившей в том же 1624 г. договор с новым ханом Магмет Гиреем и калгой Шагин Гиреем, специально ездившим ради этого в Сечь. Такой договор укреплял позиции запорожцев перед лицом Польши, стремившейся к усилению своей власти на Украине. Кроме того, он в определенной мере развязывал руки запорожцам в отношении Турции, поскольку Магмет Гирей и Шагин Гирей были по существу противниками Османской империи, причем калга открыто ориентировался на такого врага Турции, как иранский шах Аббас I. Русское правительство также не считало для себя выгодными действия донских казаков против Крыма в то время, так как Магмет Гирей держался в отношении Москвы более лояльно, чем его предшественники, и не допускавшего в течение всего своего царствования в 1623-1628 гг. крупных нападений на русские окраины*. (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.113-114, 122.) Однако при проведении боевых акций на Дону обычно руководствовались своими собственными интересами и своим пониманием международной обстановки и не склонны были входить в положение не только московского правительства, заинтересованного в мире с Крымом, но даже своих братьев и союзников - запорожцев.

Исключительный случай во взаимоотношениях между донцами и запорожцами имел место весной 1625 г. 24 мая между ними произошел бой на море вблизи Трапезунда, в ходе которого убили "лутчево" донского атамана И.Мартемьянова. Служилый татарин Т.Бавкеев, приехавший из Крыма в Москву с отписками от послов Прончищева и Болдырева, рассказывал, что донцы и запорожцы, приступая к Трапезунду, "город взяли", но не полностью, так как турки "в малом городе отсиделись", нанеся казакам значительные потери. Казаки вынуждены были отойти от города. Запорожцы обвинили донских казаков в том, что те "поспешили прийти под город преже их". Между ними начался бой, после которого казаки "розошлись" 25 мая*. (РГАДА. Ф.123. 1625. N11. Л.11.)

Гибель этого выдающегося боевого предводителя была тяжелой потерей для войска Донского. Однако она в конечном счете не повлияла на характер взаимоотношений войска Донского и Запорожской Сечи, сутью которых оставалось боевое братство. Не случайно в том же 1625 г., когда на Украине поднялось восстание под предводительством М.Жмайла, запорожцы "из Дону...казаков к себе на помощь призывали"*. (Воссоединение Украины с Россией. Т.1. С.55.)

К 1625 г. относится серьезная попытка взятия Азова. Она была сделана в ответ на нападения азовцев, которые сожгли 5 казачьих городков, когда "людей в них не было". Сперва казаки взяли приступом башню на Каланче. Затем 4500 казаков ходили на Азов и взяли наугольную башню. Однако "в те деи поры башня завалилась и им помешала, а атамана их Епиху Радилова ранили". Это позволило азовцам "отбить" казаков от города*. (Донские дела. Кн.1. Стб.235-236.)

Активные и решительные действия войска Донского против Турции в 1623-1625 гг. затрудняли ее положение в условиях начавшейся

с 1623 г. войны с Ираном и потери Ирака, а также происходивших в стране восстаний. В 1625 г., по словам вышедшего из турецкого плена крестьянина Троице-Сергиева монастыря Б. Лукьянова, турецкие власти вынуждены были снять часть войск из-под Багдада и направить их к городам Трапезунд, Синоп и Самсун, куда приходили донские и запорожские казаки. Русское правительство, однако, было заинтересовано в сохранении мира на юге и выражало глубокое недовольство действиями казаков, арестовав в Москве станичного атамана Алексея Старого и 5 казаков его станицы. Но даже такая мера не остановила казаков*. (РГАДА. Ф.127. 1626. N1. Л.340-341.)

Продолжая вести боевые действия против Турции, донские казаки и запорожские черкасы весной 1626 г. ходили под Азов. Две тысячи донцов и запорожцев пожгли около города огороды и разломали некоторые башни на крепости. У них был бой с азовцами, после чего казаки отошли в свои городки*. (Там же. 1627. N1. Л.67.) В том же году донские казаки и черкасы на восьми челнах по 50 человек в каждом взяли Трапезунд и громили близлежащие селения. Об этом рассказывал запорожский полковник Алексей Шафран, который был в этом походе*. (Воссоединение Украины с Россией. Т.1. С.70.) В 1627 г. донские казаки нападали на Крым, затем ходили под Константинополь и "многие города взяли и села и деревни пожгли"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.274.)

В 1628 г. небольшой отряд донских казаков вместе с запорожцами участвовал в военных действиях в Крыму на стороне Магмет Гирея под Бахчисараем против нового хана Джанибек Гирея, поддержавшего Турцией*. (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.129.)

Еще одно крупное нападение на Крым совершили донские казаки в 1629 г. Весной, на пятой неделе после Пасхи, когда хан Джанибек Гирей ушел за Перекоп на войну с прежним ханом Магмет Гиреем и калгой Шагин Гиреем, казаки пришли в городу Карасу-Базар. Они это "лучшее место... выжгли и высекли людей", а также освободили большой литовский и русский полон и "корысти многие поимали"*. (РГАДА. Ф.123. 1630. N1. Л.66; Донские дела. Кн.1. Стб.310; РГАДА. Ф.89. 1628. N2. Л.256; В.Д.Сухоруков ошибочно относил этот поход к 1628 г. - Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1988, N12. С.139.) Разгром города Карасу-Базара, стоявшего не на побережье, а в глубине полуострова, свидетельствовал о том, что донские казаки очень уверенно чувствовали себя в Крыму. Но, нападая на Крым, донские казаки, в отличие от запорожцев, не имели союзных отношений с бывшим ханом и калгой и не собирались оказывать им помощь. Как только Магмет Гирей потерпел поражение и был убит самими запорожцами по обвинению в измене*, (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.136-137.) а бывший калга Шагин Гирей бежал на Ногайскую сторону Дона, его у речки Елузы (Эльбузд - Н.М.) нагнали донские казаки, вступили с ним в бой и захватили его родственника царевича Хансевара, которого отправили в Москву в качестве языка. Самому Шагин Гирею удалось бежать*. (РГАДА. Ф.89. 1628. N2. Л.226-228.)

Летом 1629 г. донцы вместе с запорожцами ходили к побережью Румелии и громили турецкие корабли и каторги. В конце июля, "от Петрова дни и Павлове", на казаков было послано 15 каторг, на каждой из которых находилось по 300 янычар. У греческого монастыря вблизи Сизебола (Созополя - Н.М.) они обнаружили 6 казачьих стругов. Янычары отбили у казаков струги и "поимали" 150 человек, а другая половина черкас и казаков отошла с боем и села в осаде в монастыре. Турки 8 дней безуспешно "приступали" к монастырю. На помощь осажденным подоспели в конце концов запорожцы на 80 стругах и погнали янычар, а взятых ими в плен казаков-донцов и черкас "отбили". Вслед за казаками турки послали 14 каторг, которые "на море меж городов Варны и Инварны" встретились "с ыными черкасы",

которые были на восьми стругах, и их "всех поймали и побили"*.(РГАДА. Ф.123. 1630. №1. Л.92-94.) Осенью 1629 г. донские казаки "ходили на Балыклейские места (под Балаклаву - Н.М.) войною"*.(РГАДА. Ф.123. 1630. №1. Л.66, 126.)

В апреле следующего, 1630 г., полторы тысячи донских и запорожских казаков напали на Керчь, но неудачно и были отбиты, потеряв "человек до ста". Казаки отошли в море, а затем через неделю "воевали...крымские юрты...во все лето". Кроме того, они грабили греческие села в Крыму и "повоевали" турецкое село Инебала. Туркам удалось захватить возле этого места 8 казачьих стругов и взять в плен 300 казаков, которых они посадили на каторги*.(РГАДА. Ф.123. 1630. №1. Л.260-264.)

В целом в течение 20-х годов XVII в. войско Донское представляло собой значительную боевую силу, оказывавшую большое военное давление на Османскую империю и Крымское ханство. Довольно обычным явлением стало за эти годы взятие казаками турецких и крымских городов. Особенно страдал от казаков Трапезунд и его окрестности. Этот город они брали в 1624 г. и в 1626 г. Дважды - в 1625 и в 1626 гг. - войско Донское едва не взяло Азов, обозначив тем самым взятие этого города в качестве одной из своих главных целей.

Действия войска Донского на суше и на море против Турции и Крыма заставили московское правительство, заинтересованное в поддержании мира на своих южных границах, принять меры против казаков. В 1630 г. оно арестовало в Москве и выслало всю станицу атамана Наума Васильева. Недовольство правительства вынудило в конечном счете казаков ослабить свою боевую активность. Поэтому уже в 1631 г., когда запорожцы на 150 стругах ходили на Трапезунд, с ними было всего 40 донцов*.(Там же. 1631. №1. Л.191-192.) Не отличались донцы активностью и в 1632 г., когда упоминалось лишь об единичном случае похода донских казаков вместе с запорожцами к Синопу под предводительством донского атамана Павлина*.(Воссоединение Украины с Россией. Т.1. С.131.)

Осенью 1632 г. правительство прислало на Дон грамоту с призывом казакам идти к Смоленску в связи с начавшейся войной с Польшей*.(Донские дела. Кн.1. Стб.349-350.) Казаки с Дона и Яика принимали участие в боевых действиях. В составе русских войск донские и яицкие казаки ходили на штурм Смоленска 26 мая 1633 г.*(РГАДА. Ф.210. Столбцы Новгородского стола. №30.) Казаки атамана Ивана Теслева, по словам воеводы Л.Бунакова, "служили под Рославлем, с литовскими людьми бились"*.(Там же. Столбцы Приказного стола. №76. Л.84-85.) За заслуги 90 донских и яицких казаков во главе с атаманом И.Теслевым были направлены командованием в Москву и допущены там "царские очи видеть"*.(Там же. Л.28.) Однако казаки проявили себя не только в боях с польскими войсками, но и в развернувшемся во время войны народном движении. К казакам уходили из русского войска наспех прибранные из числа посадских людей, крестьян и холопов "вольные охочие люди". К декабрю 1633 г. у казачьего атамана Анисима Чертопруда собралось до 3 тысяч человек, а к июню 1634 г. у атаманов было уже 8 тысяч. Часть из них ушла на Дон*.(Очерки истории СССР. XVII век. С.473.)

События 1633 г. показали русскому правительству, что его стремление добиться прекращения нападений на море и на суше на турок и крымцев со стороны донских казаков не дало ему столь необходимого для него в условиях войны с Польшей мира на юге. В апреле-июне крымские татары по подговору польской дипломатии совершили крупное нападение на южные русские окраины и дошли даже до Московского уезда*.(Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.218-221.) Этот удар со стороны Крыма явился одной из важнейших причин неудачи России в Смоленской войне. В Москве пришли к выводу о том, что настойчивые попытки удер-

жать донских казаков от ведения активных боевых действий против Турции и Крыма не обеспечивают необходимого для России мира и спокойствия на ее южных рубежах. С 1633 г. правительство уже не стало так настойчиво требовать от казаков не вести военные действия против Турции и Крыма. Поэтому в 1633 г. войско Донское вновь развернуло войну со своими противниками.

В феврале 1633 г., узнав о сборах азовцев, крымцев и ногаев Казыева улуса на реке Быстрой к походу на русские уезды, казаки вышли против них. 25 февраля они разбили противника, захватив 70 пленных*. (Донские дела. Кн.1. Стб.351-352, 354.) Весной, в Великий пост, казаки разбили Малых ногаев улуса Келмаметь-мурзы на реке Ее, захватив 700 пленных*. (Там же. Стб.397.) Вскоре после этого под Азовом, между Доном и Каланчой, казаки напали на казыевцев и взяли до 200 пленных и много скота*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1989, N1. С.148.) Летом 1633 г. русское правительство организовало большой поход на Малых ногаев, причиной которого было их активное участие в походе крымских татар на южные русские уезды. В июле-августе русские служилые люди под предводительством воевод князя В.Туренина и князя П.Волконского громили ногайские улусы между Азовом и Кубанью и дошли почти до Черного моря*. (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.219.) Донские казаки во главе с атаманом Иваном Каторжным оказали помощь русским войскам и 27 августа на реке Челбас разгромили те "погромленные" уже воеводами ногайские улусы, которые "бежали к Азову"*. (РГАДА. Ф.89. 1633. N5. Л.211.) Впрочем, по мнению правительства, казаки погромили не враждебных казыевцев, а союзных ногаев мурзы Янмаметева. Кроме того, правительство было недовольно слишком поздним приходом казаков на помощь воеводам*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1989, N1. С.155.)

В 1634-1635 гг. происходили крупные передвижения орды Больших ногаев. Под нажимом калмыков она стала уходить со своих старых кочевий из-под Астрахани на Крымскую сторону Дона. Вместе с ней за Дон пошла и Малая ногайская Орда. К 1635-1636 гг. обе ногайские орды соединились с крымскими татарами недалеко от Перекопа. В результате такого соединения усилилась опасность вторжений крымцев и ногаев в южные русские уезды.

Войско Донское по поручению правительства пыталось предотвратить уход ногаев за Дон. В августе 1634 г. к ногайским мурзам ездили казаки и предлагали им оставаться под Астраханью, а тех мурз, которые "изменили, ..., от Асторахани откочевали", уговорить вернуться. Еще ранее, 30 июля, в верховьях реки Кундрючьей казаки разбили возвращавшихся из Руси ногаев и освободили 94 человека русского полона. 6 сентября на реке Быстрой они побили азовцев и ногаев, собиравшихся идти на русские уезды. 26 сентября Войско разгромило на реке Чубуре более двух тысяч дворов Большого и Малого ногая, а на обратном пути на реке Кагальник казаки целый день вели бой с ногаями и азовцами, вышедшими "всем городом на пересед с пушками"*. (РГАДА. Ф.127. 1635. N2. Л.43-44.)

Сосредоточив в 1634 г. большие силы на борьбе с ногаями, войско Донское уделяло также внимание действиям против Азова. Вместе с запорожцами донские казаки ходили приступом к городу "и многую шкоту Азову починили"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.452.) Расспросы станичных атаманов Богдана Конинского и Наума Васильева дают основание предполагать, что в 1634 г. казаки дважды приходили к Азову. Один раз это было во второй половине августа, "после успения Пресвятыя Богородицы". Помня о том, что еще совсем недавно правительство выражало недовольство походами казаков на Азов, Б.Конинский заявил, что к городу приступали лишь "воры донские казаки, утаясь от Войска, человек со сто", так как "в Войске была заповедь - с озовцы задираться не велено, а только бы они пришли

на Дон, и их бы де донские атаманы всех побили"*.(Воссоединение Украины с Россией. Т.1. С.143.) Второй приход донцов и запорожцев под Азов был, по сведениям, приведенным Н.Васильевым, в октябре, и в нем участвовало само Войско. Н.Васильев рассказывал, что казаки "городовую стену саженей з двенадцать выбили из снаряду, а иные черкасы были в городе"*(РГАДА. Ф.127. 1635. N2. Л.60-61.) Это нападение казаков представляло собой серьезную попытку взятия города.

Военные действия донских казаков в 1635 г. начались с успешной обороны Казачьего острова от нападений со стороны азовцев и кафинских ратных людей, которые произошли 30 марта и 24 апреля*(Там же. Л.47-48.) 20 апреля донские казаки на 34 стругах во главе с атаманом Алексеем Ломом и запорожцы на 30 стругах под командованием полковника Сулимы вышли в море, где к ним присоединилось еще 30 стругов черкас. Непогода помешала казакам развернуть военные действия и даже разгромить турецкие кояги, которые ушли в Азов*(Там же. Л.64-65.) После этого донские казаки вместе с запорожцами совершили вновь крупный выход в море и осенью вернулись "ис под турецких городов з большою добычею". На обратном пути в Азовском море казаков застала сильная буря, и 5 запорожских стругов "занесло морскою волною в реку Мижс", где их побили крымцы*(Там же. 1637. N1. Л.38-39.)

Предотвратить переход ногаев на Крымскую сторону Дона и уход их под Перекоп войску Донскому не удалось. Однако если для южных русских уездов такое передвижение ногаев создавало определенную угрозу, то для войска Донского оно создавало более благоприятные возможности для борьбы с Азовом, способствуя ослаблению обороны города, оставляя его с более слабым, чем ранее, прикрытием. К началу 1637 г. выяснилось, что положение Азова стало довольно опасным. Еще более опасным оно стало в результате действий крымского хана Инайет Гирея, открыто выступившего против султана Мурада IV, когда хан сперва под нажимом крымской знати отказался выставлять войско для похода на кизылбашского шаха, а в апреле захватил Кафу и убил кафинского пашу и других турецких чиновников*(Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.247-248.) Положение Азова ухудшилось также в связи с отвлечением Турции на войну с Ираном, на подавление восстаний в самой стране и на борьбу с угрозой освободительного движения в Трансильвании.

Ослабление Азова ощущалось казаками еще за несколько лет до взятия ими города. Воронежец В.Стрюков, побывавший на Дону весной 1635 г., слышал, что "всем Войском говорят на Дону, есть ли де бы государь велел нам Озов взять, крестьянские деи бы крови и порабощенье унялось, и Крым де был весь под государевою рукою, а ногаи де были с нами в миру, а хотя бы де людей к нам призывите украинных городов тысячи з две для славы, и де б Азов взяли давно". Чувствовалось это ослабление и в самом Азове. В.Стрюков отмечал, что "из Азову многие люди на Дон переезжают татаровя и з женами для тесноты, а опасаютца иманья Озову"*(РГАДА. Ф.127. 1635. N2. Л.67.) Поэтому взятие войском Донским Азова в 1637 г. не представляло собой неожиданности ни для казаков, ни для турок, ни для крымских татар и ногаев. Несколько неожиданным был успех этого предприятия донских казаков, очевидно, для московского правительства, поскольку в Москве успели привыкнуть к тому, что войско Донское после 1630 г. старалось не допускать действий, способных вызвать недовольство русских властей.

Решение о взятии Азова Войско приняло на круге 9 апреля в Монастырском городке*(Воинские повести Древней Руси. С.49.) После этого были посланы войсковые грамоты "в верховые городки и по всем речкам...и велели всем быть в зборе в Нижний городок, и которые были от Войска в запрещение и в винах, и тем вины отдава-

ли"*.(РГАДА. Ф.89. 1635. N2. Л.188.)

Под предводительством атамана Михаила Татаринова войско Донское начало 21 апреля осаду Азова. Походное войско собралось за очень короткое время, менее чем за две недели.

Вместе с донскими казаками в поход вышла тысяча запорожцев*.(Воинские повести Древней Руси. С.49; РГАДА. Ф.89. N2. Л.188.)

По сведениям "Исторической" повести о взятии казаками Азова в 1637 г., походное войско состояло из четырех полков во главе с полковниками и есаулами. Вокруг стен крепости был вырыт ров и подведены плетеные туры, в которые насыпалась земля. Эти туры были поставлены от городских стен на расстояние брошенного рукой камня. Начались упорные бои, которые шли "день и ночь"*. (Воинские повести Древней Руси. С.51.)

Через неделю, 28 апреля, на Дон приехал с государевым жалованьем посол С.Чириков. С ним прибыл атаман И.Каторжный и "бударсто больших" с атаманами и казаками*.(Там же. С.52; у Б.В.Лунина неверно указана дата прибытия - 22 мая. - Лунин Б.В. Азовская эпопея 1637-1641 годов. Ростов-на-Дону, 1988. С.30.) Прибывшая в составе жалованья пороховая казна была немедленно отправлена под Азов, так как имевшийся у них порох казаки "исхарчили"*. (Воинские повести Древней Руси. С.52.)

Во время осады в Монастырском городке находился со своей свитой турецкий посол Ф.Кантакузин, прибывший на Дон еще до начала осады, за две недели перед масленицей*.(РГАДА. Ф.89. 1635. N2. Л.184-185.) Выведав у Войска "приступную думу", Ф.Кантакузин пытался предупредить азовцев, чтобы они "посылали в Крым для людей, и в Томан, и в Керчь"*. (Воинские повести Древней Руси. С.52.) Следовательно, еще до начала осады посол пытался предупредить турецкие власти в соседних городах о грозящей Азову опасности. Делал он это и после начала осады. Толмач А.Буколов, приехавший из Царьграда вместе с Ф.Кантакузиным и живший в Монастырском "подле Томы", рассказывал, как двух человек, посланных от посла, казаки "имали...на протоке на Оксае в струшку". Казаки не поверили послу, говорившему, что он этих людей послал для рыбной ловли, поскольку они "рыбных сетей...у томиных людей...не нашли"*. (РГАДА. Ф.89. 1635. N2. Л.191.) За попытку предупредить турок о действиях казаков посол Ф.Кантакузин и люди из его посольства были казнены 5 июня по приговору Войскового круга*.(Там же. Л.192-195.)

Решающее значение для взятия города имел подкоп под азовскую стену, проведенный под руководством казака Ивана Арадова. Первый подкоп казаков был неудачен, и лишь второй был проведен под самую стену. 16 июня в 4 часа утра взрыв разрушил стену и казаки бросились в пролом. С другой стороны крепости донцы и запорожцы лезли на стену по лестнице. Целый день шла "сеча велия и самопальное стрельяние", после чего азовцы побежали в сторону реки Кагальник. Казаки нагнали их и "всех в степи...под меч подклониша"*. (Воинские повести Древней Руси. С.53-55.)

Азов был взят и Войско сделало его своим главным городом.

Османская империя потеряла важный опорный пункт в северо-восточной части своих владений, а войско Донское получило прямой выход в Азовское море и более благоприятные возможности для морских походов.

Очевидно, что некоторые из азовцев добились того, что казаки приняли у них капитуляцию и отпустили их. Во всяком случае, осенью 1637 г. казаки рассказывали в Азове о сопротивлении в башне двух турецких "голов" со своими людьми в течение трех недель, которых затем казаки "из Азова отпустили в турецкую землю"*. (РГАДА. Ф.127. 1637. N1. Л.127.)

Для ремонта стены казаки наняли мастеров-греков, которые ее "заделали"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.640.)

После взятия Азова казаки выходили в море, по данным Эвлии – на 150 чайках, и "жгли и опустошали города..."*. (Эвлия Челеби. Указ. соч. С.27.) О многих набегах казаков летом 1637 г. говорил, ссылаясь на голландские донесения, Н.Йорга*. (Королев В.Н. Морские кампании донских казаков. С.44.)

К осени 1637 г. казаки в Азове уяснили, что приход противника в ближайшее время им не угрожает. Вследствие этого в городе упала воинская дисциплина. Казаки, как сообщал побывавший в Азове астраханский татарин А.Тойтюшев, "живут просто и оплошливо и пьют безпрестани, и караулов де у них по городу и отъезжих застав ни на которую сторону нет..."*. (РГАДА. Ф.127. 1637. №1. Л.127-128.)

Война с Ираном отвлекала Османскую империю от борьбы за возвращение Азова. Вести эту борьбу должен был новый крымский хан Бехадыр Гирей, сменивший в 1637 г. казненного по приказу султана Мурада IV Инайет Гирея. 19 апреля 1638 г. к Азову прибыл присланный от хана Казымурат Улан ага и 400 крымских татар с грамотами, содержавшими требование покинуть Азов. Казаки решительно отказались сделать это*. (Донские дела. Кн.1. Стб.768-769.)

Весной 1638 г. Войско готовилось к выходу на море. Казаки дважды посылали "под Крым...для языков" конную разведку*. (Там же. Стб.759, 769-770, 779.) Успех азовского взятия позволял казакам думать о возможности "прибавить к себе город Темрюк, да и Табань, да и Керчь, да и, буде нам Бог даст, Кафу вашу". Об этом они прямо заявляли крымскому послу Казы-мурату*. (РГАДА. Ф.123. 1638. №1. Л.8.)

Задачей турецкого правительства стало удержание своих близких к Азову приморских городов и закрытие для казачьего флота Черного моря. Для этого турки выдвинули флот к Керченскому проливу. Поэтому когда на Николин день 9 мая морское походное войско под командованием атамана Алексея Долгого вышло на 74 (или 75) больших морских стругах "под Кафу и в иные места для промыслу", они "под гирлем (в Керченском проливе – Н.М.) видели 40 турецких каторг. Вступить в бой с каторгами казакам, по словам войсковой грамоты, помешала "на море погода", такая сильная, что "разбило погоду" 4 каторги*. (Донские дела. Кн.1. Стб.801.) Казаки вернулись в Азов, но при этом, по словам очевидца, воронежского станичного атамана Ф.Петрова, "атаманы и казаки про морское войско каютца, что с ними бок не зделали"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.808.)

Примерно 15 июля из Азова было отправлено на море новое походное войско*. (Там же. Стб.828, 830; дата рассчитана исходя из того, что станичный атаман О.Лосев, сообщивший о начале этого похода, прибыл в Москву 9 августа и ехал 16 дней, т.е. выехал из Азова 25 июля, а казаки вышли в море за 10 дней до его отъезда.) В источниках содержатся различные данные о силах этого войска. Так, станичный донской атаман Осип Лосев говорил о выходе на море двух тысяч казаков*; (Донские дела. Кн.1. Стб.830.) побывавший в Азове астраханский сын боярский И.Суслов сообщал со слов казаков об участии в походе 1703 человек*; (РГАДА. Ф.127. 1639. №1. Л.16.) переводчики Б.Безергенев и Л.Альмов сказали русским послам в Крыму Д.Астафьеву и О.Кузовлеву, что казаков было 1600 на 30 стругах*; (РГАДА. Ф.123. 1638. №1. Л.31.) крымский пристав Абдразак считал, что на 25 стругах вышло 1500 казаков*. (Там же. Л.27.)

О начале похода рассказывал в Москве атаман О.Лосев со слов вернувшихся в Азов из этого похода казаков, у которых "попортил-ся" струг. Эти казаки рассказывали, что у них "под Таманью у берегу" был бой с турками "весь день", после чего "к ночи" противники "разошлись врознь" – каторги ушли в море, а струги – вдоль берега к Азовскому морю. На другой день бой возобновился, но 50 казаков вынуждены были уйти на попорченном струге "назад в Азов"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.830-831.) Судя по этому рассказу,

казаки настойчиво стремились пробиться в Черное море, а турки - во что бы то ни стало не допустить этого.

Удержать казаков туркам не удалось. Астраханец И.Суслов слышал в Азове от казаков, что в этом морском бою "многих ратных турецких людей побили"*.(Донские дела. Кн.1. Стб.817.) Возможно, что поход к Кафе составлял одну из целей этой экспедиции и что казаки были вблизи Кафы*.(Там же. Стб.885; Лунин Б.В. Азовская эпопея... С.54; Королев В.Н. Морские кампании донских казаков. С.46.) В Азове казаки говорили И.Суслову, что на море поднялась большая волна и казаки, чтобы укрыться от бури, "поехали в Духонинский ильмень" (Адахунский лиман - Н.М.), и из лимана прошли в реку Кубань, впадающую в него*.(РГАДА. Ф.127. 1639. N1. Л.16-17.) По-иному причину ухода казаков в лиман объясняли в Крыму послан Д.Астафьеву и О.Кузовлеву переводчики Б.Безергенев и Л.Альмов. Казаки ушли "в морскую заливу" после сражения с турецким флотом под командованием Пияле-паши, насчитывавшем 40 каторг*.(Смирнов Н.А. Указ. соч. Т.2. С.58.) Опытный флотоводец Пияле-паша понял, что казаки оказались в трудном положении. Он дал о казаках "весть к царю"*.(РГАДА. Ф.123. 1638. N1. Л.31.) При этом, как сообщали в Азове И.Суслову, Пияле-паша до прибытия хана не решался вступить в прямое столкновение с казаками и, чтобы затянуть время и дожидаться крымцев, вел с казаками переговоры и даже затеял торговлю, когда "покупали казаки у турецких людей табак". Вступая в переговоры и торговлю, казаки также надеялись выбрать более благоприятный момент, чтобы вырваться из лимана, превратившегося в западню, так как Пияле-паша заблокировал выход из него каторгами*.(Там же.) Однако затяжка оказалась в пользу турок. Они сумели дождаться, когда к ним "безвесно" "степью" пришел "крымский царь с крымскими и с нагайскими ратными людьми и с черкасы"*.(РГАДА. Ф.127. 1639. N1. Л.17.) По данным "Особой повести об Азове", хан Бехадыр Гирей также вступил в переговоры с казаками. Как только казаки решили уходить из лимана, хан будто бы предложил им совместный поход на кизылбашского шаха. Он принес им шерть "по своей вере", "и войско ево окаянной шерти повериша"*.(История русской литературы. Т.2. Ч.2. М.-Л., 1948. С.262.) И пока хан вел переговоры, крымцы и турки продолжали укреплять выход из Адахунского лимана. Крымцы перегородили выход из лимана в Кубань "чегенем", а выход из лимана в море турки "засыпали камнем кучами"*.(РГАДА. Ф.127. 1639. N1. Л.17.) Казаки оказались запертыми в заливе, а перед ними стояли значительно превосходящие их силы турок Пияле-паши и хана Бехадыр Гирея. Кроме того, у выхода из залива в море стоял турецкий город Кизилташ, где тоже находились турецкие ратные люди.

В такой обстановке, судя по рассказу переводчиков в Крыму, запорожские черкасы, очевидно, выходявшие с донцами в этот поход, "видя, что им детца негде, убося, учали переметьватца к царю и к туркам"*.(РГАДА. Ф.123. 1638. N1. Л.32.)

Донские же казаки, как сообщали переводчики в Крыму и казаки в Азове, "покиня струги свои", попытались "степью врознь" пробиться и уйти на Дон. В условиях довольно плотного окружения казаки приняли единственно верное решение - пройти незамеченными небольшими группами "по лесом и по камышем", чем идти всем вместе и иметь неизбежное столкновение с превосходящими силами противника. Однако проскочить незамеченными казакам не удалось. Крымцы не упустили казаков. Большая их часть была перебита или захвачена в плен. В Азов пришло "только тридцать человек, да после того иные по человеку и по два"*.(РГАДА. Ф.127. 1639. N1. Л.27; ф.123. 1638. N1. Л.32.) По турецким данным, погибло 750 казаков*.(Королев В.Н. Адахунское сражение. С.31.)

Потери казаков были тяжелы, а поражение - серьезным. Много убитых было и у противника; сам Пияле-паша считал, что у него бы-

ло убито "400 человек, а иные де многие переранены"*.(РГАДА. Ф.123. 1638. N1. Л.30.) Казаки лишний раз смогли убедиться, насколько серьезно намерена Турция вести борьбу с их выходами на Черное море. В то же время сражение при Адахунском лимане отвлекло значительные силы турецкого флота от действий непосредственно против Азова*.(См.: Королев В.Н. Морские кампании донских казаков... С.46.)

Занятое осадой Багдада в войне с Ираном, турецкое правительство не могло собрать силы, необходимые для успешного наступления на Азов. В декабре 1638 г. Багдад был взят турками, что развязало султану Мураду IV руки для действий против донских казаков. Поход на Азов султан назначил на 1640 г.

Летом 1639 г. казаки на Дону и в Азове чувствовали себя достаточно уверенно. Астраханец сын боярский А.Еремеев слышал от донских казаков-татар, что "турский солтан ратных людей под Азов посылати не хочет", потому что "живали (атаманы и казаки - Н.М.) на Дону в плетяных городках, и тогда их взяти и из городков выпнати было не уметь, а ныне де взяли они Азов и в Азове укрепились, и турским де...ратным людям ничего над ними будет не иметь, только де...лишь ратных людей потеряют"*.(РГАДА. Ф.127. 1639. N1. Л.73.)

В мае в Азове узнали о появлении "на взморье у Дону" большого корабля. На нем оказалось 60 казаков - участников сражения при Адахунском лимане. Они попали в плен и были проданы на торговый корабль, прибывший в Тамань из Козлева. После того, как этот корабль загрузился товаром и вышел в море из Тамани в Темрюк, казаки-гребцы дождались, когда к полудню все турки - торговые и ратные люди на сопровождавших кораблю легких стругах "уснули". Казаки перебили на корабле торговых людей и подрезали снасти, привязывавшие к судну мелкие боевые струги. Затем они, "подняв паруса, побежали к Азову". Когда корабль прибыл в Азов, казаки "приговорили...взяти в Войско" это судно со всеми пушками и пищальми, а "живот, который в корабле, приговорили отдать тем казакам, которые на корабле прибежали". Об этом случае рассказывал в Астрахани ногайский татарин К.Бузулбаев, побывавший в Азове*.(РГАДА. Ф.127. 1639. N1. Л.91-93.)

Судя по турецким источникам, весной-летом 1639 г. на Черном море находились две казачьи флотилии - из 12 и 32 чаек, действовавшие у побережья Анатолии. Против казаков был направлен Пияле-паша, заходивший при преследовании казаков в Азовское море*.(Королев В.Н. Морские кампании донских казаков... С.47.)

Во второй половине лета и осенью казаки также совершили несколько выходов в море. До 31 августа 900 казаков ходили "на море под крымские деревни"; "в жожах" у них был один русский человек, вышедший из полона. До этого он и еще 130 человек русских людей "розных земель" были в гребцах на двух каторгах, посланных из Константинополя "поделывать украинной город...от литовские земли". Они перебили 70 турок и "прибежали в Азов". Вышедшие на море казаки освободили на море между Керчью и Темрюком еще 123 русских полоняника (по другим данным - 73)*.(Донские дела. Кн.1. Стб.935, 984-985.) Осенью казаки на девяти стругах ходили "для языков", но безуспешно, причем два струга "потопило волною"*.(Донские дела. Кн.1. Стб.961.)

Посылая казаков за языками, в Азове стремились выяснить, когда следовало ожидать прихода больших турецких сил. Казаки хорошо представляли себе трудности борьбы непосредственно с вооруженными силами Османской империи. поэтому некоторая часть казаков в Азове была настроена в пользу приглашения на помощь Войску в город русского воеводы с ратными людьми. Едисанский татарин В.Турдуабызов со своими товарищами, побывавший в конце 1637 г. в Есауловском городке, сообщал, что слышал от казаков, будто "ны-

нешние зимы незадолго до их з Дону поезду послали станицу...к Москве... , чтоб их государь пожаловал, велел в Азов прислати с Москвы воевод и ратных людей, а им де, казаком, в Азове бес при-быльных людей быть не уметь"*.(РГАДА. Ф.127. 1638. N1. Л.6-7.) В Крыму послы Д.Астафьев и О.Кузовлев узнали 25 июля 1638 г. от пристава Абдурзака, ссылавшегося на показания двух казаков-перебежчиков, что "у казаков де межи себя была брань за то, что иные де Азов хотят держать, а иные не хотят; посылали де...ко государю дважды, и нам де на Москве отказывают, что до Азова дела нет, и казаки де говорят: и нам де камня те не надобе, стены де нас не накормят, и суды де у них изготовлены, будто хотят покинуть (Азов - Н.М.)"*.(РГАДА. Ф.123. 1638. N1. Л.27.) Едва ли, однако, подобные настроения господствовали среди казаков в Азове. Большинство казаков считали возможным отстаивать город своими силами, сохраняя при этом полную самостоятельность. Настроения этой части казачества выразил в Москве весной 1638 г. атаман Михаил Татаринов*.(Донские дела. Кн.1. Стб.709.) И само правительство также не стремилось направлять свои вооруженные силы в Азов, не желая осложнять отношения с Турцией. К тому же в 1638-1640 гг. выявились положительные для России последствия пребывания казаков в Азове. Так, за эти два года не было крупных набегов крымских татар на Русь, а ногаи, ушедшие из-под Астрахани к Перекопу, стали возвращаться в русское подданство и переходить на прежние свои кочевья*.(Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.269, 284.) 22 апреля 1639 г. русские послы в Крыму И.Фустов и И.Ломакин сообщали, что в Азове казаки уже знали об отказе правительства посылать им в помощь ратных людей от возвращенного из Москвы атамана Тимофея Лебяжьей Шеи. Поэтому, по словам вышедшей из Азова полонянки, казаки "полон весь и всякие запасы вывезли на Дон, а сами в городе остались легким обычаем"*.(РГАДА. Ф.123. 1639. N1. Л.99.)

Приход турок к Азову ожидался в 1640 г. Желая поддержать казаков, противостоящих главному противнику Персии, шах Сефи I направил в Азов своего посланника Мараткан Шах Мамедова. 4 января 1640 г. посол подал казакам шахскую грамоту с выражением похвалы за борьбу с турками. Шах предложил свое жалованье казакам "за...службу". Казаки, опасаясь недовольства Москвы, отказались посылать своих людей в Персию за жалованьем*.(Донские дела. Кн.2. Стб.22.) Однако само предложение со стороны персидского правительства пожаловать казаков выражало признание большого международного значения борьбы войска Донского за Азов.

Смерть султана Мурада IV 1 марта 1640 г. и вступление на престол в Константинополе Ибрагима I помешали туркам начать поход к Азову. На Дону стало об этом известно весной 1640 г., после того, как Войско послало 20 апреля "под Крым и под Азов для языков" своих казаков*.(Донские дела. Кн.2. Стб.24.) Но, не сумев, в связи со смертью султана, организовать поход к Азову, турки, тем не менее, по-прежнему держали под контролем Керченский пролив. Когда в июне казаки на 23 стругах вышли на море под предводительством атамана Гунки Черкашенина (возможно, Дмитрия Тимофеевича Гуни, возглавлявшего в 1638 г. восстание на Украине), "в...гирле стояли 40 каторг турецких людей", которые "их на море не пропустили". Поэтому многого добиться в этом походе казакам не удалось, и они лишь захватили шесть татар, сообщивших о сборах хана у Перекопа "со многими людьми...на государевы украинные города"*.(Там же. Стб.45-46.) Другой поход*(И.Ф.Быкадоров отождествлял этот поход с походом Гунки Черкашенина. - Быкадоров И.Ф. Указ. соч. С.102. Это неверно, так как о походе Гунки Черкашенина рассказывали на Дону 18 июня. - Донские дела. Кн.2. Стб.44. Новый же поход начался 27 июля, т.е. через неделю после Ильина дня. - Донские дела. Кн.2. Стб.55.) донских казаков начался после Ильина

дня, когда вышло 1500 казаков на 37 стругах с шестью малыми пушками. На Черном море находились в то время превосходящие силы османского флота. Но флот сперва, по-видимому, не был сосредоточен в одном месте, поскольку казаки в течение трех недель "бились с каторгами" и "побили", по данным войсковой отписки от 9 октября 1640 г. - 5 каторг, а по словам станичного атамана Дементия Гаврилова - 10. Затем турки сосредоточили свои силы и казачьи струги "ис пушек испробили и прибили к берегу". Д.Гаврилов рассказывал, что казаки потеряли 30 человек убитыми и ранеными и 30 стругов. Удалось вывести в Азов пушки и взять "крымских языков". Многие казаки из этого похода "пришли...в Азов пеши", так как невозможно было всем разместиться на оставшихся стругах*. (Донские дела. Кн.2. Стб.49, 55.)

Таким образом, в 1640 г., несмотря на неготовность Турции к походу непосредственно на Азов, османский флот в целом сумел предотвратить широкомасштабные действия казаков на Черном море против анатолийского побережья. Менее защищено было побережье Крыма, где казакам удалось добыть "языков".

В Москве атаман Д.Гаврилов, выражая настроения Войска, заявил о готовности казаков защищать Азов и просил "по весне рано" прислать "денежные и хлебные запасы"*. (Там же. Стб.63.)

На 1641 г. Войско в Азове ожидало прихода больших турецких сил. Зима 1640-1641 гг., морозная и снежная, проходила в напряженном ожидании, в настойчивых попытках разведать намерения противника. Противник также пытался выяснить положение в Азове и узнать, какими силами располагало войско Донское. Казаки ходили между Рождеством и Крещением под Перекоп и взяли языков*, (Там же. Стб.120.) а хан Бехадыр Гирей с 14 тысячами крымцев и горских черкесов появился под Азовом. В плен попали те казаки, которые были "под городом, на усть Дону и на взморье на рыбной ловле". Пять дней вблизи Азова были "бои великие". Казакам удалось отбить хана и взять "языков"*. (Там же.)

С наступлением весны значение разведки для Войска еще более возросло. В апреле-мае из Азова посылались несколько морских и сухопутных экспедиций с целью взятия языков и выяснения обстановки. Наиболее крупной из них была экспедиция во главе с атаманом Т.Лебяжьей Шеей, вышедшая в апреле на 12 стругах. На Пасху, 25 апреля, у них произошел бой с крымцами. Казаки одержали победу, взяли языков и освободили пленных. Затем, по сообщению участника похода донского казака Юрия Марчкова, атаман Т.Яковлев на семи стругах вернулся в Азов, а пять стругов с 300 казаков во главе с атаманом Миской Тараном вышли в Черное море. Очевидно, что в Керченском проливе в конце апреля еще не было османского флота, поэтому небольшая донская флотилия из пяти стругов беспрепятственно прошла "гирло" и вскоре уже была под Ризой, где казаки взяли языков. На обратном пути в "гирле" уже стояли каторги, что заставило казаков идти к Очакову*. (Донские дела. Кн.2. Стб.155, 162, 251-252.) Это означало, что турецкий флот двинулся к Азову.

Взятые казаками языки утверждали, что под Азовом "каторг было больших беломорских 100, кораблей больших 80, мелкого морского 90 судов, 200 караблей больших с порохом и с ядры"*. (По мнению авторов комментариев к последнему изданию книги В.Д.Сухорукова "Историческое описание Земли войска Донского" В.Н.Королева и Н.С.Коршикова, турки имели под Азовом примерно 500 различных кораблей и судов. - Дон. 1989, N4. С.153.) "а пушек де стенобитных привезено было к городу 100 пушек, а ядра были весом в пол-2 пуда, и в пуд, и в 30 гривенок"*. (РГАДА. Ф.89. Кн.14. Л.89.) Для не очень крепких стен Азова, в которых "многие места деланы камень с землею"*, (Донские дела. Кн.2. Стб.64.) такая артиллерия представляла серьезную угрозу.

Общее командование турецкими силами осуществлял силистрийс-

ко-очаковский наместник Дели Хусейн-паша. На должности командующего флотом – капудан-паши – был Сиявуш-паша, а его заместителем – победитель при Адухане Пияле-паша*.(Сухоруков В.Д. Историческое описание... – Дон. 1989, №4. С.153.) Среди тех народов, которые были в турецко-крымском войске, пленные называли "воинских людей турския и крымския земля...и малой нагай со всеми мурзами и со всеми черными людьми, и волоские, и мутянские (из Валахии и Молдавии – Н.М.), и арапские, и французские, и черкеские, и лаские (лазы – Н.М.) земель многие воинские люди, и большого нагаю мурзы с черными людьми, которые откочевали от Асторохани"*.(РГАДА. Ф.89. Кн.14. Л.38 об.-39.) "Поэтическая" повесть об осадном сидении добавила к этому списку греков, сербов, можар (мадьяр – Н.М.), будан*, (Воинские повести Древней Руси. С.318.) ольшан*, (Там же.) арнаутов (молдаван – Н.М.), немцев*.(Там же. С.60.) Кроме того, астраханский стрелец новокрещен К.Федоров, побывавший летом 1641 г. под Азовом, слышал от крымских татар, что среди убитых участников осады было также "много...запорожских черкасов и хохлачей"*.(РГАДА. Ф.127. 1641. №1. Л.211.) В каких-либо иных источниках эти сведения, приведенные К.Федоровым, не подтверждаются.

Из примерно 240 тысяч человек, прибывших к Азову, в самой осаде непосредственное участие принимали не все. Так, татары и ногаи вообще не бывали на приступах. Лишь крымские стрельцы-сеймены, подчиненные самому хану Бехадыр Гирею, были брошены против Азова, но все при этом погибли, нарвавшись на казачий подкол*.(Там же. Л.210-211; РГАДА. Ф.123. 1642. №1. Л.19.) Крымцы, по их собственным словам, были "не городоимцы" и, как говорил крымский дипломат князь М.Сулешев, "хотя самое худое городишко поставь, и нам де ничего не сделать"*.(РГАДА. Ф.123. 1642. №1. Л.19.) Тем не менее, они оказывали большую помощь осаждавшим. Они достаточно надежно блокировали Азов со стороны степи и не давали оказывать осажденным какую-либо помощь. Кроме того, они реально угрожали казачьим городкам и прежде всего – ближайшему к Азову крупному Черкасскому городку. Поэтому во время осады Азова казакам приходилось уделять значительное внимание обороне своих городков. Так, в течение 10 дней, с 16 июля по 5 августа, казакам Черкасского городка приходилось отбиваться от татар. Казакам удалось отстоять городок, причем они убили 10 человек и взяли у противника лошадей*.(Донские дела. Кн.2. Стб.234.)

Силы противника были настолько значительны, что поначалу даже внушали казакам чувства удивления и некоторой растерянности. И если незадолго перед приходом противника казаки, по словам старичного атамана Белея Лукьянова, были твердо уверены, что "приступом они (турки – Н.М.) городка не возьмут"*,(Там же. Стб.219.) то 24 июня, когда силы противника развернулись у стен города, казаки в Азове подумали так, как это передано в "Поэтической" повести об азовском осадном сидении: "Ни в каких странах ратных таких людей не видали мы и не слыхано про такую рать от веку"*.(Воинские повести Древней Руси. С.62.) В Турции и в Крыму на первых порах были вполне уверены в успехе. Русские послы в Крыму А.Чубаров и И.Байбаков сообщали, что всего лишь через несколько дней после начала осады Азова, 30 июня, к ним на стан в Бахчисарае явился яшловский татарин, сообщивший о прибытии от крымского царя из-под Азова двух гонцов с вестью о взятии города и о намерении Бехадыр Гирея и турок идти далее на Казань. Лишь через неделю выяснилось, что слух был ложным и что в самом деле "Озова не взяли, только збили стены ис пушек по землю"*.(РГАДА. Ф.123. 1642. №1. Л.16.)

Первые дни осады, когда турки шли на решительный приступ города, подробно описаны в "Поэтической" повести. Уже после первого дня боев за крепость убитых турок было так много, что "оклали

труп мертвой турецкой вокруг города выше пояса"*.(Воинские повести Древней Руси. С.72.) Казаки, как сообщали в Астрахани ездившие к ногаям сын боярский И.Остриков и толмач О.Юдин со слов татар, после нескольких дней отчаянных турецких атак и обстрелов крепости покинули пригород Азова Топракалов "за безлюдством", т.е. после понесенных потерь*(РГАДА. Ф.127. 1641. N1. Л.117.)

Разрушительной стрельбе и бешеному натиску казаки противопоставили стойкость и умелое ведение подкопной войны, а также проведение вылазок*(Там же. Л.198.) Один из успешных подкопов был проведен как раз после того, как турки вошли в Топракалов. Астраханский стрелец новокрещен К.Петров рассказывал, что в подкоп под Топракалов казаки заложили "зелье", "и как де...пришли турецкие многие люди, и казаки, запала в подкопе зелье, и турецких людей тем подкопом побили тысячи с три и больше"*.(Там же. Л.260.)

Не добившись успеха и понеся большие потери, турки решили вступить с казаками в переговоры. В "Поэтической" повести и в других источниках, исходивших от войска Донского, нет никаких сведений об этих переговорах. Это не случайно. Глубоко осознавая значение своего подвига, казаки не желали бросить на него даже малейшую тень. Ф.Порошин, правда, сообщал о том, что турки "просят у нас пустова места азовского, а дают за нево выкупу на всяково молотца по 300 тарелей серебра чистово, да по 200 золотых червонных арапских", но, как он писал, казаки узнали об этом, когда "бусорманы догадались - к нам на стрелах почали ерлыки метать"*.(Воинские повести Древней Руси. С.77.) Сведения об этих переговорах имелись в турецких источниках, известных Г.З.Байеру, который использовал "Новое и обстоятельное известие об Оттоманской Порте". Согласно этим сведениям, в переговорах, проходивших в Азове, с турецко-крымской стороны участвовали Мегмед-ага от Пияле-паши и Курт-ага и Чехом-ага от хана Бехадыр Гирея. Турки предлагали казакам за уход из Азова 12000 червонных, а по выступлении из города еще 30000. Как сообщал Г.З.Байер, казаки "приняли оных Послов очень изрядно", но покинуть город отказались*(Байер Г.З. Указ. соч. С.90-91.) Русские источники - расспросные речи в Астрахани астраханских служилых людей и татар, находившихся в период осады Азова недалеко от города, а также отписка русских послов в Крыму А.Чубарова и И.Байбакова, где содержалось упоминание о переговорах со ссылкой на ходившие в Бахчисарае слухи - дают некоторые важные дополнительные сведения о переговорах казаков с турками. Так, астраханский конный стрелец И.Ильин и другие стрельцы говорили 30 августа в Астрахани, что они взяли возле Черкасского городка, куда они ездили для проведение вестей, ногайского тарина, и тот им рассказал, что в ходе начавшихся переговоров казаки согласились покинуть Азов и уйти в свои городки. Однако они требовали, чтобы им были отданы захваченные у них под Азовом струги. Турки же и крымцы настаивали, чтобы казаки уходили "степью пеши и без ружья"*,(РГАДА. Ф.127. 1641. N1. Л.99-100.) на что казаки согласиться не могли. По сообщению же астраханца сына боярского И.Острикова и толмача О.Юдина от 13 сентября, один из бывших под Азовом татар говорил им, что паши предлагали казакам уйти из города "без ружей, и без жен, и без детей", а казаки соглашались уйти только "з женами, и з детьми, и з животы". В противном же случае, заявлял посланный из Азова казак, Войско решило "Азова не отдавать и помереть всем заодно", а если "будет де им сидеть в Азове не в мочь, и они де...наставят в городе под стенами бочки з зельем, и те бочки запалят и городовые де стены взорвут, хотя де их, донских казаков, и побьет, а живы де им не дадутца"*.(РГАДА. Ф.127. 1641. N1. Л.117.) Менее определенные сведения о переговорах были у русских послов в Крыму, писавших, что казаки "у царя и у турецких людей просятца, вольно Азов отдают, и

турские де люди заупрямились, казаков выпускать не хотят, а начатца взяти их вскоре"*. (РГАДА. Ф.123. 1642. N1. Л.16.)

Все сообщения о переговорах представляют собой пересказ слухов или сообщений тех людей, которые в них не участвовали. Поэтому к сведениям о них необходим критический подход. Достоверным можно признать сам факт их ведения после первых тяжелых неудач турок. В самом деле, для казаков они были нужны в качестве передышки, для осаждавших – как способ, чтобы выиграть время, дожидаться подкреплений и начать новый натиск. Вместе с тем они велись довольно непродолжительное время и были весьма конфиденциальны, поскольку обе стороны едва ли были заинтересованы в широкой их огласке: казаки – для того, чтобы не упал высокий боевой дух войска Донского в Азове и за его стенами; и турки не могли желать, чтобы слух о них дошел до султана и правительства, которым нужна была решительная военная победа, а не переговоры с казаками и какие бы то ни было уступки им. Не случайно поэтому появились по поводу этих переговоров всякие слухи и домыслы. Так, едва ли отражали реальность ходившие в Крыму слухи о том, что их инициаторами выступали только казаки, а турки решительно их отклонили. Это не соответствовало традициям войска Донского, которое никогда первым не начинало переговоров о мире с турками и татарами, и, наоборот, всегда сами брали "для перемирья...и котлы, и сети, да соль" с азовцев*. (РГАДА. Ф.89. 1615. N4. Л.18.) Реальную почву под собой мог, пожалуй, иметь слух о стремлении турок получить Азов, но ни за что не отдавать казакам их струги и чтобы казаки уходили из города без оружия, поскольку они опасались вооруженных казаков и казачьего флота. Такие требования, однако, были совершенно неприемлемы для войска Донского, которое находилось в очень трудном положении, но не было побеждено и надеялось отсидеться в городе.

После непродолжительных переговоров паши повели новое наступление на город. Этому содействовала присылка по приказу султана "прибылых людей с зелейною казною", о чем сообщал астраханский конный стрелец новокрещен И.Иванов, посланный лазутчиком к турецко-татарскому войску. Он сообщал, что эти прибылые люди из своего наряда "стреляли по Азову семнатцать ден днем и ночью, и досталные три башни збили по зубцы, а городовую стену выбили до подошвы, а в редких местах оставалось стены збито по зубцы"*. (РГАДА. Ф.127. 1641. N1. Л.234, 238.) Судя по "Поэтической" повести, казаки хорошо запомнили метание в город "ядер огненных". Затем, после этого обстрела, начался непрерывный приступ, когда десяти-тысячные отряды янычар, сменяя друг друга, день и ночь шли на приступ. Это был самый тяжелый, критический момент обороны Азова; "оне бьются с переменою день и ночь, чтобы тою истомою одолеть нас"*, (Воинские повести Древней Руси. С.75.) – вспоминал о тех днях автор "Поэтической" повести Федор Порошин. В различных источниках отмечается, что прекратить эти атаки заставили турок большие потери, а особенно – вылазка казаков, когда "явно бусурманов побили...больши 6000"*. (Там же. С.77.) Кроме того, как писал Эвлия, возникла угроза янычарского бунта, с чем приходилось считаться турецкому командованию*. (Смирнов Н.А. Указ. соч. Т.2. С.70.)

С прекращением турецких атак положение казаков в Азове стало значительно легче. Турки, однако, продолжали стоять у стен города. Не добившись взятия Азова и потеряв множество людей, паши сделали попытку выкупить у казаков город или хотя бы место, на котором он стоял. Казаки, однако, отвергли сделку.

Уже во второй половине августа становилось ясно, что казакам удалось удержать Азов. Стал возможен даже выезд из города и въезд в него. Едисанский татарин М.Самаров, побывавший в то время со своими товарищами в городке Курман Яр, сообщал о присылке "в ка-

зачьи в верхние городки азовских казаков". В городках они говорили казакам, чтобы те "приезжали к ним в Азов для славы хотя небольшие люди", и по этому призыву "собралось донских казаков человек з двести и больши, и стругами Доном прошли ночью в Азов"*.(РГАДА. Ф.127. 1641. N1. Л.104.) Что же касается противника, то турки и крымцы оказались в тяжелом положении. Боевой дух противника был подорван бесплодными атаками и тяжелыми потерями. Кроме того, как сообщал терский служилый татарин А.Теребердеев, посылавшийся в Малый ногай для проведывания вестей и вернувшийся в Терский городок 11 сентября, под Азовом на "турских и крымских людей...пришла болезнь великая и голод". Об этом он слышал от ногаев*.(Там же. Л.197-198.) Начались раздоры между турецкими пашами и ханом Бехадыр Гиреем. Они "учались в большой ссоре и во брани" и писали друг на друга султану*.(РГАДА. Ф.123. 1642. N1. Л.45.)

26 сентября турецко-татарское войско ушло из-под Азова. Азовское сидение окончилось полной победой казаков, проявивших героизм и незаурядное воинское мастерство.

Войско Донское нанесло противнику огромные потери. Взятые казаками под Азовом пленные сообщали, что они достигали 70 тысяч человек*.(Донские дела. Кн.2. Стб.285.) Такую же цифру называл крымский татарин Каракуз, приехавший в Азов в январе 1642 г. для выкупа своих родственников*.(Там же. Стб.286.) Менее значительные цифры называли астраханские стрельцы. И.Иванов "слышел, что под Азовом побито и померло турских людей с 18000 человек", причем это было до присылки султаном "прибылых людей"*.(РГАДА. Ф.127. 1641. N1. Л.238.) Следовательно, эта цифра приведена без учета больших потерь, понесенных янычарами во время их непрерывных дневных и ночных атак. Во всяком случае, у всех, кто мог наблюдать отступление турецко-крымского войска от Азова, складывалось впечатление такое, что это войско постигла катастрофа. Астраханский стрелец новокрещен К.Федоров обратил внимание на то, что из 700 человек, прибывших к Азову на одной из каторг, "в живых остался лишь один человек раненой, а то все побиты". В устье реки Кушпрун в двух днищах от Азова он видел "пять каторг пустых без людей, лише в них только раненых и мертвых тридцать три человека, он де з дву человек платье себе снял"*.(Там же. Л.212.) Хан Бехадыр Гирей не смог пережить поражения и умер вскоре по возвращении в Бахчисарай*.(РГАДА. Ф.123. 1642. N1. Л.54.)

Войско Донское одержало блестящую победу, но после первой своей победы оказалось в очень тяжелом положении. Казакам в Азове было совершенно очевидно, что после всех своих потерь и разрушений азовской крепости отсидеться в Азове на следующий год было бы им невозможно. Поэтому сразу же после ухода турок из-под Азова в Москву была послана зимовая станица во главе с атаманом Наумом Васильевым. Есаул станицы Федор Порошин написал в Москве повесть об Азовском сидении, содержащую призыв к русскому царю принять Азов.

Принятие Азова означало бы перемену всего курса внешней политики, ориентированной в то время в первую очередь на борьбу с Польшей за возвращение Смоленска и других западных русских земель и на поддержание мира с Турцией и Крымом. в то же время правительство понимало, что возвращение турок в азов усиливало опасность для южных уездов России. Для решения вопроса о принятии у казаков Азова был созван Земский собор, работавший с 3 по 13 января 1642 г. Собор высказался за принятие Азова и за оказание помощи войску Донскому даже при том условии, что придется вести войну с Турцией*.(Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства... С.267.)

Правительство колебалось вплоть до возвращения из поездки на Дон 8 марта 1642 г. дворян А.Желябужского и А.Башмакова, послан-

ных туда еще 2 декабря 1641 г. для отправки войску Донскому царского жалованья и грамоты с похвалой за героическую оборону Азова, а также для выяснения состояния азовской крепости. А.Желябужский и А.Башмаков доложили об очень больших ее разрушениях.

Учитывая это обстоятельство, правительство приняло окончательное решение. 30 апреля оно направило Войску грамоту с указанием уйти из Азова*. (Донские дела. Кн.2. Стб.340.)

Само войско Донское весной 1642 г. стремилось выяснить намерения противника и посылало за языками несколько морских и сухопутных экспедиций. Одну из них, начавшуюся сразу после Пасхи, 10 апреля, и закончившуюся перед Николиным днем, 9 мая, возглавил атаман Осип Колуженин, стоявший во главе Войска в период осадного сидения в Азове. На 11 стругах казаки вышли в море и громили деревни у Керчи.

Это был последний выход в море войска Донского из Азова. 28 мая казаки приняли в городе царского посланника дворянина М.Засецкого и покинули город*. (Донские дела. Кн.2. Стб.326-329, 338-342.) Войско обосновалось на Махине острове, в старинном городке Стыдное Имя, а турки поставили в Азове большой 26-тысячный гарнизон*. (Смирнов Н.А. Указ. соч. Т.2. С.85; данные восходят к Эвлии, поэтому здесь не исключено известное преувеличение.) Выше Азова, у протоки Каланча, турки поставили две башни, а между ними протянули цепь. Кроме того, они начали строительство крепости Лютик на Мертвом Донце*. (Астапенко М.П. ...Подвиг дивный... С.104-105.)

Азовская эпопея войска Донского 1637-1641/1642 гг. наглядно свидетельствовала не только о героизме и высоком воинском мастерстве казачества, но и о том, что оно превратилось в крупную военно-политическую силу, способную активно участвовать в решении важных международных проблем Юго-Восточной Европы и прилегающих районов Азии. Силу донского казачества признавали не только враги - турки и крымцы, не только иранский шах Сефи I, предлагавший в 1640 г. войску Донскому свое жалованье, но и польский король Владислав IV, приславший казакам в 1641 г. свое приглашение принять вместе с ними участие в войне с султаном*. (РГАДА. Ф.127. 1642. N1. Л.96.) Для Османской империи временная потеря Азова представляла собой тревожный признак ослабления ее позиций в регионе. По существу обозначилась тенденция к превращению Азова из опорного пункта ее наступательной политики в северном и восточном направлении в одно из ее слабых мест, требующих больших усилий для его защиты.

Возвратив Азов, правительство султана Ибрагима I решительным наступлением на Дону пыталось переломить эту тенденцию и начать активную наступательную политику. 22 апреля 1643 г. турки внезапно напали на городок Маньч и разгромили его. Затем азовский бей Мустафа разгромил городки Черкасский и Монастырский. Кроме того, турки "поимали в городке Эбке (в Стыдном Имени - Н.М.) казачьих жен и детей"*. (РГАДА. Ф.127. 1644. N1. Л.173; Е.П.Савельев относил эти действия турок к 1644 г., что неверно. - Савельев Е.П. История казачества. С.338.) В начале июня состоялся большой поход турок во главе с прибывшим из Константинополя Режеп-агой, кафинским пашой Исламом и азовским беём Мустафой к Раздорам, где находились русские послы И.Милославский и Л.Лазаревский, направлявшиеся в Турцию. Они хотели, вопреки принятой церемонии передачи послов на традиционном разменном месте у Азова, взять их в Раздорах "за саблю". Успех этого предприятия означал бы для турок перенос вверх по Дону рубежа между их владениями и войском Донским и отторжение у казаков всего нижнего течения Дона. В упорном бою казаки отстояли Раздоры и передали послов "с великою честью под Азовом по-прежнему"*, (Донские дела. Кн.2. Стб.462-463.) сохранив тем самым старый рубеж с Турцией. Потерпев неудачу в Раздорах,

турки не оставляли своих намерений потеснить казаков с Дона. 4 мая 1644 г. они выжгли городок Голубые, а 6 октября - Кагальник*. (Там же. Стб.616.)

Натиск турок был силен. Однако казаки его выдержали, а в апреле 1644 г. они вновь заняли Черкасский городок, где утвердилось Войско. В мае 4500 казаков "степью коньми и Доном в судах с нарядом" приходили под Азов и в бою "убили азовского воеводы брата". После боя конные казаки возвратились в казачьи городки, а те, что были на стругах, вышли в море, где "взяли турецких три каторги с товарами"*. (РГАДА. Ф.127. 1644. №1. Л.8-9.) Возможно, что во главе судовой рати стоял атаман Иван Каторжный*. (Там же. Л.172-173.)

В конце 1644 г. казаки и азовцы нанесли друг другу чувствительные удары. Сперва в октябре запорожцы и присоединившиеся к ним донские казаки приступали к Азову, "городовые стены саженой з двенадцать из снаряду выбили, а иные черкасы были в городе"*. (Донские дела. Кн.2. Стб.742.) Через несколько дней, 4 ноября, под Черкасский городок приходили азовцы, черкесы и ногаи. Казаки разбили их и взяли 19 человек*. (Там же. Стб.617.)

Новый приход противника под Черкасский городок имел место 6 февраля 1645 г. Казакам удалось отбиться, но они и сами потеряли немало людей ранеными и пленными и у них, кроме того, отогнали табун коней*. (Там же. Стб.618-619.)

Первый крупный поход на море после своего ухода из Азова донские казаки организовали весной 1645 г. Они вышли 20 апреля на 34 стругах под командованием атамана Алексея Старого вместе с запорожцами, во главе которых был полковник Сулим и у которых было 20 стругов. Из-за разыгравшейся на море бури результаты похода были незначительны*. (Там же. Стб.745.)

Таким образом, в 1644-1645 гг. боевая активность донского казачества заметно оживилась по сравнению с первым временем после ухода войска Донского из Азова. Тем не менее, положение его было по-прежнему очень тяжелым. Русскому правительству нового царя Алексея Михайловича становилось ясно, что необходима более действенная поддержка с его стороны войска Донского, чем присылка в повышенном размере "донских отпусков", что имела место и ранее. В 1646 г. оно направило на Дон вольных охочих людей, набранных в южных уездах, и связало эту помощь казачеству с открытием военных действий против Крыма и казыевских ногайских улусов, откуда после ухода казаков из Азова вновь стали организовываться походы на Русь. 18 января 1646 г. правительство направило на Дон грамоту, в которой предписывалось Войску действовать совместно с русскими ратными людьми и с отрядами Больших ногаев и едисанских и юртовских татар, которые должны были идти на Дон под командованием князя С.Пожарского, а затем наступать на крымцев и казыевцев*. (Донские дела. Кн.2. Стб.1043-1048.)

Расхождение между правительством и войском Донским во взглядах на ведение войны состояло в том, что войско считало главным противником не Крым, а Азов, тогда как в Москве опасались испортить отношения с Турцией и запрещали казакам нападать на азовцев*. (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С.373, 380.)

Несмотря на запрет, казаки и прибывшие на Дон вольные охочие люди ходили в июне под командованием атамана Осипа Колуженина на 150 легких стругах под Азов и в 8 верстах от города разгромили две шедшие в Азов турецкие комяги с запасом и с товаром, захватив в плен 71 человек. Не имея возможности поднять столь нужный им хлебный запас в свои струги, они эту комягу "посекли"*. (Донские дела. Кн.3. Стб.70.)

В начале августа казаки совместно с русскими ратными людьми вели на реке Кагальник на Ногайской стороне Дона бои с крымцами, возглавлявшимися нурადыном Ният Гиреем, а также с отрядами азовс-

ких и темрюцких татар и янычар. 4 августа казаки "побили и поймали многих татар" и сбили "палатки царевичевы" (нурадына - Н.М.). Затем на помощь крымцам пришли азовцы и янычары. Противник получил численное преимущество, имея 8000 конных и 2000 янычарской пехоты против 6000 казаков и 1100 ратных людей князя С.Пожарского и князя С.Черкасского. Казакам и ратным людям пришлось отступить в Черкасский городок, уда они пришли 6 августа*. (Донские дела. Кн.3. Стб.253-255.) Это, однако, не означало, что противник одержал решительную победу. Нурадын Ният Гирей писал хану Ислам Гирею, что его войско в очень тяжелом положении, остались лишь "люди небольшие, и те погромлены и голодни", и просил помощи*. (РГАДА. Ф.123. 1646. №1. Л.7.)

Выполняя предписание правительства о нападении на Крым, дворянин Ж.Кондырев, направленный на Дон с вольными охочими людьми, вышел 24 августа в море вместе с донскими казаками на 37 стругах. Из-за морской бури флот не сумел решить свою боевую задачу и осуществить внезапную высадку в Крыму. Татары узнали о нахождении казаков на море и ждали их. Казачий флот вынужден был возвращаться на Дон. Он вернулся в Черкасский городок 4 октября, выдержав по пути два боя с азовцами, пытавшимися задержать казаков и вольных людей*. (Донские дела. Кн.3. Стб.265-267.)

Вернувшись из этого безрезультатного похода, казаки готовились к выходу на море на следующий день. В феврале 1647 г. в Крыму было известно о подготовке на Дону двухсот стругов*. (РГАДА. Ф.123. 1646. №1. Л.83.) Войско Донское вело тщательную подготовку и в течение ноября-декабря 1646 г. посылало казаков - конных и "в судех" - за языками*. (Донские дела. Кн.3. Стб.368, 576, 577, 586.)

В целом кампания 1646 г. против Крыма и Малого ногай, в которой активное участие приняли донские казаки, способствовала срыву нового большого похода крымцев на Русь. Кроме того, она оказала определенное воздействие и на Османскую империю, находившуюся в затруднительном положении из-за неудачной войны с Венецией. Опасаясь за Азов, турецкие власти стремились к поддержанию мира с Россией и всячески сдерживали хана Ислам Гирея.

Весной 1647 г. донские казаки вновь развернули активные действия на море. 11 апреля 1500 казаков вышло на 50 стругах под Темрюк и Арбаток, где взяли 30 языков*. (Там же. Стб.675.) Однако с лета 1647 г., когда турки прислали в Азов подкрепления, положение войска Донского стало более трудным. Так, полной неудачей закончился июньский поход на Крым на 33 стругах. Сперва у казаков бурей разбило 16 стругов. Затем, когда казаки возвращались в Черкасский городок, турки, крымцы, азовцы, ногаи и горские черкесы "переседом" на Мертвом Донце "поймали донских казаков и побили", а те, кто пришел в Черкасский городок, были переранены*. (Там же. Стб.769.) Из тех же 16 стругов, которые разбило бурей и выметало на черкасский берег, на Дон пришло лишь 2 человека*. (Там же. Стб.776.) Затем дважды, 19 и 28 июля, противник во главе с азовским беём Мустафой приходил к Черкасскому городку, но казакам удалось отбить его.

Оказавшись в трудном положении, Войско вновь стало просить государя прислать ему помощь ратными людьми. По указу царя от 3 февраля 1648 г. на Дон был послан дворянин А.Лазарев во главе тысячи солдат. 22 октября солдаты прибыли в Черкасский городок, где им было отведено место для постоя*. (Рябов С.И. Донская земля в XVII веке. С.183.)

Однако еще до прибытия А.Лазарева Войско совершило летом-осенью 1648 г. несколько разведывательных походов на море, в результате которых были взяты языки*. (Донские дела. Кн.4. Стб.14-16, 43.)

Помимо прибытия солдат А.Лазарева, укреплению положения

войска Донского содействовало заключение с калмыками тайши Дайчи-на договора о мире и о совместных действиях против ногаев*. (РГА-ДА. Ф.127. 1648. №1. Л.128-134.)

Весной 1649 г. казаки на 10 стругах предприняли поход к Кафе и в одном из селений вблизи города освободили 350 пленных, взятых татарами в Польше*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1989, №6. С.137.)

С конца 40-х годов, когда на Украине началось освободительное движение, положение войска Донского стало осложняться в связи с возникновением у него противоречий с украинским руководством во главе с Богданом Хмельницким. Некоторые из донских казаков принимали участие в освободительной войне на стороне армии Б.Хмельницкого*. (РГАДА. Ф.79. 1648. №1а. Л.251.) Были донцы даже в охране самого гетмана*. (Голобуцкий В.А. Дипломатическая история освободительной войны... С.189.) Однако официально в 1648 и в 1649 гг. войско Донское отказало в помощи посланцам гетмана, сославшись на то, что они, донцы, "без государева указа помочи дать не смеют"*. (Донские дела. Кн.4. Стб.278.) Главное же состояло в том, что Войско было решительным противником союза Б.Хмельницкого с ханом Ислам Гиреем.

К открытию военных действий против донских казаков украинскими руководителями настойчиво подталкивал их союзник хан Ислам Гирей. От азовского бея Мустафы на Дону узнали о намерении Б.Хмельницкого идти вместе с турками, крымцами и горскими черкесами на донские городки. Войско Донское послало в Запороги к Б.Хмельницкому своих посланцев, чтобы выяснить причину столь неожиданного решения украинской стороны, шедшего вразрез с отношениями боевого братства, сложившимися между Доном и Сечью. Б.Хмельницкий обвинил донцов в том, что они ему "на помочь против ляхов в Запороги не ходили" и заявил о сборах турок и крымцев для похода на Дон на Молочных Водах и о готовности запорожцев присоединиться к хану*. (Донские дела. Кн.4. Стб.442-443.) Чтобы проверить достоверность этого известия, в марте 1650 г. 150 донских казаков ходили к Молочным Водам и выяснили, что там "на степи везде кочуют татаровя"*. (Там же. Стб.497.) А 30 марта 1650 г. на Дон пришел "лист" от Б.Хмельницкого с угрозой, что если вы "будет пойдете, и мы будем промышлять за нелюбовь вашу, взяв Бога на помощь, нелюбовью отдавать"*. (Там же. Стб.521.)

Хан Ислам Гирей еще зимой требовал от Б.Хмельницкого предпринять решительные шаги против донских казаков. На первых порах украинские руководители отговаривались тем, "что гетман Вишенецкой войска еще не распустил, и он, Хмельницкой, от него опасается"*. (РГАДА. Ф.123. 1650. №6. Л.13-14.) Ради укрепления своего союза с Крымом весной 1650 г. они решили показать, что готовы к решительным мерам в отношении Дона. На Дону угрозы гетмана восприняли достаточно серьезно. 10 апреля казаки отправили в Москву отписку с просьбой о помощи на случай прихода черкас Б.Хмельницкого и татар*. (Донские дела. Кн.4. Стб.452-453.) Соответствующее соглашение о помощи было заключено и с калмыками.

В начале августа, как сообщал в Москве донской станичный атаман Андрей Евсевьев, 5-6 тысяч запорожцев, во главе которых стояли сын Б.Хмельницкого Тимофей и наказной атаман Дементий подошли к реке Миус и стали, дожидаясь "к себе крымских татар". Когда об этом узнали в Черкасском городке, то там "укрепились" и послали за помощью в верховые городки. После этого донские казаки послали к запорожцам своих "станичников" для переговоров. Запорожцы заявили донским казакам, что они вместе с крымскими татарами собирались идти не на них, а на горских черкесов. Вскоре, не дождавсь татар, запорожцы ушли по письму с Украины, где говорилось о том, что "у них, запорожских черкас, учала быть с поляками опять ссора". В целом встреча донских казаков с запорожцами на

Миусе носила дружеский характер, и донцы "для почести послали к гетману сыну да к атаману по осмине проса толченого, да сухарей пшеничных по осмине ж, да по две поставки вина, и гетманов де сын и атаман то приняли с честью"*.(РГАДА. Ф.89. 1650. N1. Л.6-15.) Тем не менее, осенью казаки узнали от крымского языка, что к зиме был возможен приход на Дон запорожцев и крымских татар. Готовясь к отражению противника, казаки сделали с трех сторон Черкасского городка "подкопы" по 6 с каждой стороны и просили русское правительство прислать порох для этих подкопов*.(Там же. Л.103.)

Зимой, однако, запорожцы так и не пришли на Дон. Весной 1651 г. казаки разорили предместья Азова*, (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1989, N1. С.138.) а через неделю после Пасхи, приходившейся на 30 марта, 900 казаков на 12 стругах вышли на море. На Анатолийской стороне они громили город Каменный Базар и взяли много пленных, которых частично распродали горским черкесам, а большей частью привезли на Дон и "разделили по себе", а затем продавали русским торговым людям*.(РГАДА. Ф.89. 1650. N1. Л.157-159.)

Походы донских казаков на море явились важной причиной свертывания в 1651-1660 гг. русско-турецких дипломатических отношений.

Новый крупный поход донских казаков на море начался в конце мая 1652 г. 1000 казаков на 15 стругах под предводительством атамана Ивана Богатого ходили на этот раз на Румелийскую сторону. Казаки вблизи Царьграда "многие села и деревни повоевали" и "здобычь взяли большую". На обратном пути они подверглись нападению турок, приходивших на 10 каторгах, но это нападение было отбито, и казаки пришли на Дон, привезя с собой полтора ясырей*.(Донские дела. Кн.4. Стб.541-542.) За 1653 г. известно по крайней мере два похода донских казаков на море. В майском походе под командованием атамана Федора Волошанина (Будного) и Ивана Богатого вышло 1300 казаков на 19 стругах. Сперва казаки были в Крыму между судаком и Балаклавой и взяли 50 пленных, причем крымцы так и не решились дать бой казакам. Затем казаки пересекли Черное море у Трапезунда, где взяли 500-600 пленных и взяли посад у города Триполь. На обратном пути они возле Керчи выдержали бой с крымцами и 18 августа вернулись на Дон*.(Там же. Стб.698-699; по данным атамана Тимофея Никитина, на 20 стругах вышло 1700 казаков. - Там же. Стб.663.)

Морское нападение на Крым летом 1654 г. на 30 стругах казаки предприняли, чтобы помешать походу хана Ислам Гирея против русско-украинского войска, которое вело военные действия против Польши. Казаки взяли много языков и освободили пленных. Этот поход, а также смерть хана Ислам Гирея, последовавшая 30 июня*, (Донские дела. Кн.4. Стб.877-878.) помешала крымцам открыть военные действия на Украине. В организации этого похода донских казаков крымские власти обвинили московское правительство*.(РГАДА. Ф.123. 1654. N11. Л.34-35.)

Еще более крупный морской поход провели донские казаки летом 1655 г., когда после Петрова дня (29 июня) на море вышло на 43 стругах три тысячи человек, среди них - 700 запорожцев во главе с атаманом Вергуном. Возглавлял поход атаман Павел Чесночихин. Сперва казаки взяли Тамань и освободили пленных - 130 русских и 95 украинцев. Затем они вышли в Черное море и взяли город Судачок (Судак) между Кафой и Балакной (Балаклавой). Успех похода в значительной мере был связан с тем, что главные силы крымских татар во главе с ханом Магмет Гиреем стояли у Перекопа, ожидая нападения калмыков. Значение этого похода оценил сам атаман Чесночихин, когда 10 декабря он заявил в Москве, что казаки помешали хану "итти по лету к поляком" и помогать им в войне против русско-украинского войска*.(Донские дела. Кн.5. Стб.23, 27, 28-29, 45-47,

53.)

Крупнейшей боевой операцией войска Донского в следующем, 1656 г., была попытка взятия Азова, осуществленная в июне под руководством атаманов Н.Васильева и П.Чесночихина. Вместе с запорожцами и с русскими торговыми людьми, прибывшими на Дон, казаков было "с 3000 и больше". Сообщавший об этом походе дворянин С.Протасьев, который возил на Дон жалованье, считал, что казаки допустили оплошность, в результате чего азовцы сделали вылазку, побили казаков "тысячи с полторы" и взяли в плен атамана П.Чесночихина, а с ним 900 казаков и торговых людей*. (Там же. Стб.127.) Поражение было настолько тяжельм, что В.Д.Сухоруков даже сомневался в верности рассказа о нем*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1989, №6. С.149.) Однако об этом поражении казаков и о захвате в плен П.Чесночихина хорошо знали в Крыму, а толмач русского посольства Т.Алтабаев сообщал о казни атамана в Азове и об отправке его головы в Крым, а затем в Царьград*. (Апанович О.М. Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії. Київ, 1961. С.116.) Кроме того, и сами казаки признавали в своей отписке от 2 ноября 1656 г. собственную оплошность, от которой у них "поишкодилось...под Азовом людей"*. (Донские дела. Кн.5. Стб.154.)

На 1657 г. в Крыму намечался крупный поход на Украину. Зная об этом, донские казаки вышли в конце мая на 30 стругах на море во главе с атаманом Корнеем Яковлевым Черкесом. Вблизи устья Альмы казаки погромили и выжгли деревни* (Там же. Стб.254-255.) и взяли 600 пленных, а также освободили 200 русских пленников. Это был сильный удар в тыл противнику в то время, когда крымцы нападали на южные русские уезды*. (Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.6. М., 1991. С.15.)

Два похода совершили донские казаки в конце 1657 г. совместно с запорожцами из Сечи. В первом походе казаки захватили 5 турецких кораблей, а во втором ходили под крепость Ислам-Кермень, однако перебежчик-запорожец сообщил крымцам о походе казаков, и им пришлось вернуться в Сечь*. (Апанович О.М. Указ. соч. С.117-118.)

Еще более важное для русского войска значение имел поход донских казаков на море в 1659 г. 6 июня под командованием того же Корнея Черкеса вышло 30 стругов. Сперва казаки громили улусы темрюцких и таманских черкес между Темрюком и Таманью и освободили 150 человек русского полона, а под Керчью, Кафой и Балаклавой они взяли 2000 ясырей. Затем, повоевав места вблизи Синопа и самого Константинополя, 1 августа казаки вернулись на Дон*. (Донские дела. Кн.5. Стб.490, 509, 561.) Удар казаков по Крыму позволял несколько ослабить опасность последствий неудачного Гадячского дела, когда 28 июня под Конотопом князь С.Пожарский и князь Л.Львов были разбиты казаками И.Выговского и крымскими татарами. После этого гетман и хан Магмет Гирей двинулись на Конотоп, погнавши войска князя А.Трубецкого к реке Сейм и заняли город Ромны. Затем хан пошел под Сумы и даже доходил до Ливен. Действия донских казаков в Крыму заставили хана уйти с Украины, оставив у гетмана лишь небольшие силы, что содействовало его падению и избранию на его место 13 сентября Юрия Хмельницкого.

В целом за 50-е годы войска Донское не только восстановило свою боевую мощь, отчасти - с помощью русского правительства, подорванную в неравной борьбе с Османской империей за Азов в 1637-1641 гг., не только сумело отбить все попытки турок выбить его с низовьев Дона, предпринимавшиеся в 40-е годы, но и стало совершать выходы на море, по своим масштабам напоминая морские походы 20-х годов. Оно вновь стало играть роль значительной анти-турецкой силы, отвлекая часть османского флота от действий на Средиземном море во время войны с Венецией и мешая крымцам вести

военные действия в русских землях. Современник - антиохийский патриарх Макарий, высоко оценивая международное значение той войны, которую вели донские казаки, подчеркивал, что "татары трепещут перед ними", и "так как татары наказание для христиан, живущих вокруг них, то Бог на них этих (казаков) в возмездие им (да увеличит Бог их силу над ними!). Также и турки на Черном море боятся казаков, ибо они весьма выносливы и храбры на войне - мы видели их - и не боятся смерти"*.(ЧМОИДР. 1898. Кн.3. Ч.3. С.153.)

Также высоко оценивали это значение и в Венеции. Венецианский посол, возможно, А.Вимини, прибывший в Москву в 1655 г., всячески склонял русское правительство направить против турок донских казаков. Из Москвы в Венецию и в другие итальянские государства было направлено ответное посольство И.Чемоданова и А.Посникова. Находясь в тяжелом положении в результате турецко-венецианской войны 1645-1669 гг., итальянцы пытались добиться от России помощи. В Пизе, а затем в Венеции перед русскими послами ставился вопрос об участии в действиях против турок донских казаков. Послы заявляли, что казаки часто совершают морские походы на турок*.(Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII-XVII вв. С.350-351.) Каких-либо конкретных обязательств по борьбе с Турцией русское правительство, занятое войной с Речью Посполитой, на себя перед венецианцами не взяло.

Привлекались донские казаки и для участия в военных действиях совместно с русской армией во время войны с Польшей в 1654-1667 гг. и Швецией в 1656-1658 гг. В 1655 г. донские казаки вместе с русскими воеводами ходили в поход к Вильно и были вблизи от этого города, сдавшегося русским войскам 31 июля*.(Донские дела. Кн.5. Стб.1013.) В 1657 г. донские казаки получили царское жалованье за службу в Лавуйском остроге, стоявшем на русско-шведской границе в Ижорской земле, и за поход в 1656 г. с воеводой П.Потемкиным. В этом походе они участвовали в осаде крепости Нотебург (Орешек) и во взятии крепости Ниеншанц (Канцы)*.(РГА-ДА. Ф.210. Столбцы Новгородского стола. N118. Л.48-50, 109-111; N261. Л.179-186.) В войне с Польшей участвовали также казаки воровского атамана Ивана Кондырева, грабившего еще в 1649-1650 гг. торговые суда на Каспийском море*.(Степанов И.В. Крестьянская война в России в 1670-1671 гг. Т.1. С.283.)

Продолжая вести борьбу с Крымом, весной 1660 г. войско Донское провело несколько морских и сухопутных походов с разведывательными целями для выяснения намерений крымского хана. Казакам удалось узнать, что хан Магмет Гирей готовит большой поход на Дон, а турецкие власти собираются усилить азовский гарнизон и ставить на Дону новую крепость. Войско решило опередить противника и начать собственный поход на Крым. Для этого на море вышло 30 стругов. Однако к Азову уже подходило 35 каторг, а по берегу стояли крымцы. Казакам пришлось возвращаться, но у протоки Каланча турки и крымцы пытались устроить казакам "пересед с пушками, и с мелким ружьем, и с лучным боем". Бой между возвращавшимися казаками и засадой длился целый день. В Войске узнали об этом и спешно выслали казакам помощь, в результате чего они вернулись в Черкасский городок "поздорову" со всеми стругами*.(Донские дела. Кн.5. Стб.734-735, 740.) Однако поход на Крым не состоялся.

В течение всего 1660 г. Войско просило правительство прислать на Дон ратных людей. За лето, пока казаки не имели помощи из Москвы, противник поставил две каменные башни у впадения в Дон Каланчи, и на Донце - "город каменной" с четырьмя башнями*.(Там же. Стб.766.) Помешать работам Войско не смогло.

В октябре на Дон прибыл воевода И.Хитрово с ратными людьми, а хан ушел на Крым. Получив помощь, казаки вместе с ратными людьми ходили под Азов и выжгли посад*.(Там же. Стб.761.)

Новые турецкие крепости должны были укрепить положение Азова

и затруднить для казаков выход в море. Совместно с воеводой И.Хитрово донские казаки под командованием атамана Корнилы Яковлева ходили 9 марта 1661 г. под новый городок у Донца. Казаки "приступали накрепко с лестницами" к городку, "и на стене были", но взять городок им не удалось. Причиной неудачи казаки считали то, что под городок "подкоп...вести...нелзе, потому что около его вода с трех стен, а стоит на низком месте". Кроме того, у них не было "большого пушечного и стенобитного наряду". Казаки потеряли убитыми 29 человек, а 82 человека было ранено, в том числе атаман Корнило Яковлев и есаул Иван Савельев*. (Донские дела. Кн.5. Стб.845, 848-849.) Большое недовольство казаки высказали в адрес воеводы И.Хитрово, который не помогал им во время приступа, отвлекая от городка своих ратных людей*. (Там же. Стб.897, 903.) После этого приступа, в апреле и в мае, казаки ходили за языками к реке Токмак и к Перекопу. От языков узнали важные сведения о подготовке крымцев "с ляхами и с Юрасом Хмельницким" идти на украинные русские города*. (Там же. Стб.868-869, 882, 883.)

Уход хана Магмет Гирея на помощь полякам дал возможность казакам совершить нападение на Калачинские башни. 2 августа они вместе с ратными людьми воеводы И.Хитрово поставили земляной вал и шанцы и стреляли по башням из пушек. Затем они приступили к башням, но не взяли их. Причины неудачи они опять же видели в невозможности вести подкоп из-за низкого расположения башен и пробили "большей пушечной галанской наряд"*. (РГАДА. Ф.89. 1661. N1. Л.3-4.)

В апреле 1662 г. крымцы во главе с князем Ширинским напали на Севский и Карачевский уезды и ходили к Путивлю, но были отбиты, причем князь Ширинский попал в плен. Стремясь ослабить опасность от Крыма для южных российских окраин, а также ограничить для хана возможность помогать польским войскам, русское правительство велело донским казакам начать поход на Крым. В апреле 1662 г. казаки и ратные люди воеводы И.Хитрово на 26 стругах пошли вниз к Дону. На Казачьем ерике примерно 200 человек крымцев и азовцев попытались помешать им, но были разбиты. Казаки и ратные люди раскопали ерик, засыпанный тупками в 1660 г., и вышли в море*. (РГАДА. Ф.89. 1661. N1. Л.201.) Летом казаки совершили новый поход в море. Они выжгли посад Керчи, а затем пересекли Черное море и разорвали крепости Трапезунда, после чего вернулись на Дон*. (Донские дела. Кн.5. Стб.958.)

Против Крыма казаки в 1662 г. не только предприняли крупный поход, но и действовали небольшими партиями. Как сообщали вышедшие из плена 11 казаков во главе с атаманом Владимиром Мещеряковым, в 1662 г. на двух стругах вышло на Крым 77 человек. Буря занесла их к Мингрелии и выбросила на берег "в Дадыанской земле". Казаков пригласил "дадыанской царь", приславший к ним митрополита и обещавший их отпустить на Русь. Однако он нарушил свое слово и 25 казаков "послал...в дарех к турецкому султану", а остальных "роздал бояром своим". Казаки бежали в Имеретию, и когда туда прибыл антиохийский патриарх Макарий, то царевич Баграт отпустил с ними казаков к Москве*. (РГАДА. Ф.111. 1666. N5. Л.2-3.)

Войско Донское не только само активно участвовало в борьбе с Крымом, но и многое делало для вовлечения в нее калмыков. В 1661-1662 гг. Войско посылало для переговоров с тайшами Дайчином, Мончаком и с другими калмыцкими властителями знатных казаков Будана и Степана Разина. О совместном походе калмыков и казаков-донцов и запорожцев к Перекопу рассказывал 8 марта 1663 г. в Царицыне калмыцкий батыр тайши Солом Сереня Б.-Ш.Тургенев. Донскими казаками в этом походе командовал С.Разин. В походе казаки и калмыки взяли большую добычу у Перекопа и разбили крымских татар у Молочных Вод*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.30-31.) От 18 декабря 1663 г. имеется еще одно из-

вестие о походе донских казаков и калмыков к Перекопу, который закончился столь же успешно. Активность казаков настолько тревожила крымские власти, что хан Магмет Гирей намеревался даже поставить новые крепости у устья Миуса и на Казачьем ерике, но так и не сумел этого сделать*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1989, №8. С.152-153.)

Совместный с калмыками поход на Азов казаки совершили в ноябре 1665 г. Во главе казаков стоял атаман Михаил Самаренин. Под стенами крепости казаки и калмыки разбили азовцев, но для осады города сил у казаков было недостаточно, всего 300 казаков и 80 калмыков, даже при том, что им помогал воевода И.Хитрово с ратными людьми*. (РГАДА. Ф.111. 1665. №4. Л.1-2.) В бою с казаками и калмыками был убит султанский зять Мустафа паша, командовавший азовцами*. (Там же. 1666. №1. Л.8.) Этот поход заставил азовские власти обнести предместья города каменной стеной*. (Сухоруков В.Д. Историческое описание... - Дон. 1989, №8. С.147.)

В ответ на этот поход в начале 1666 г. азовцы приходили к Черкасскому городку, но были отбиты, а после Пасхи казаки под командованием атамана Родиона Осипова вышли на 20 стругах на крымские улусы*. (РГАДА. Ф.111. 1666. №3. Л.5.)

В 1667 г. завершилась война России с Польшей. Большое значение в ходе этой войны имели морские операции донских казаков против Крыма. Они заставляли крымцев проявлять определенную сдержанность в проведении военных действий против русских войск на Украине, в нападениях на южные российские уезды, оглядываться на свои тылы, которым все время угрожали донские казаки. Даже укрепив в 1660 г. устье Дона, крымцы и турки так и не сумели предотвратить выходы казаков в море.

После заключения Андрусовского перемирия с Польшей в 1667 г. важнейшими противниками России становились Османская империя и Крымское ханство, стремившиеся укрепить свои позиции на Украине и поставить в зависимость от султана Запорожскую Сечь. Выражением более активной и решительной турецкой политики в отношении России являлось требование к русскому правительству, чтобы оно добивалось от донских казаков полного прекращения выходов в море. Оно заявляло об этом в 1666 г. русскому послу В.Тяпкину. Находясь в Крыму на обратном пути из Константинополя, он послал уведомление на Дон о необходимости прекратить эти выходы, сделав это под воздействием крымского хана Адиль Гирея*. (Смирнов Н.А. Указ. соч. Т.2. С.113-115.) Но Войско заявило о том, что на Дон уже была послана из Москвы грамота о походе на Крым "для языков" и о посылке "под Крым" своих казаков*. (РГАДА. Ф.123. 1667. №1. Л.13.) В 1668 г. побывавший на Дону жилец Г.Евдокимов сообщал о своем разговоре с казаками, когда у него были видные старшины Михаил Самаренин и Фрол Минаев, "а с ними казаков старцев и нарочитых людей человек с 30". Они высказывали желание, чтобы государь прислал на Дон ратных людей с 3 тысячи человек с пищалами и дал бы 10000 рублей, "чем бы довольствоваться им голутву и призвать калмыков", и они бы взяли Азов, "потому что в Азове малолюдье"*. (РГАДА. Ф.111. 1668. №3. Л.14.) Однако правительство не прислало ратных людей, и в 1669 г. казаки и азовцы совершили несколько взаимных нападений*. (Там же. 1669. №9. Л.3, 7-8.) Весной 1670 г., как говорили в Бахчисарае подьячему Г.Михайлову, донские казаки вышли в море на 25 стругах и их ожидали у Козлева*. (Там же. №1. Л.5.) Однако в дальнейшем в связи с Разинским восстанием 1670-1671 гг. донские казаки не вели боевых действий против Крыма и Турции и в своей значительной части пошли под знаменем С.Разина.

5. Донское казачество в Разинском восстании (1667-1671 гг.).

Восстание под предводительством Степана Тимофеевича Разина -

крупнейшее из народных движений в России "бунташного" XVII в. В период своего наивысшего подъема в 1670-1671 гг. оно вылилось в настоящую крестьянскую войну.

Крестьянская война – своеобразная форма гражданской войны* (Соловьев В.М. Актуальные вопросы изучения истории народных движений (Полемические заметки о крестьянских войнах в России). – История СССР. 1991, №3. С.142.) со всеми характерными для такой войны признаками: охватом всей или значительной части территории государства, вступлением в борьбу всех слоев населения (классов, сословий), схваткой за власть и наличием противостоявших друг другу армий. Как гражданская война, крестьянская война отличалась особым ожесточением, "беспоощадностью" и носила братоубийственный характер. Взаимные массовые истребления, уничтожение "под корень" целых родов составляли типичный ее признак. Как и любая гражданская война, крестьянская война является трагедией для страны и ее народа.

Вместе с тем крестьянская война – специфическая форма гражданской войны. Специфика ее – крестьянская, что означает, во-первых, участие в борьбе крестьянства как одной из основных движущих сил и, во-вторых, выдвигание в ходе выступления крестьянских требований, выражение в них крестьянских чаяний. В условиях России XVII-XVIII вв. важнейшим стремлением крестьянства была ликвидация крепостного права, а вольная жизнь казаков, не знавших ни рабства, ни крепостничества, служила идеалом для них, а в ходе крестьянских войн и образцом общественного устройства. И, поскольку тяжесть крепостничества ощущало на себе не только крестьянство, но и весь народ России в целом, и поскольку крестьянство в стране в ту эпоху представляло собой значительное большинство населения, крестьянские войны принимали характер общенародных движений.

Очагом Разинского восстания стала Донская земля. Донское казачество сыграло роль организатора борьбы, а казачьи отряды составляли ядро повстанческих сил. Само Разинское движение, напоминавшее первоначально обычный поход казаков за зипунами на Волгу и Каспийское море, превратилось в общенародное выступление за волю, против несвободы.

Возможность такого перерастания определялась близостью, существовавшей между казачеством и народом внутренней России. Страдания угнетенного народа были близки и понятны основной массе казачества даже при том несомненном условии, что положение донских казаков в государстве было глубоко специфичным. И, указывая на такую специфичность, Н.И.Павленко подчеркивал, что казаки "в ходе вооруженной борьбы народа с угнетателями", в которой они активно участвовали, тем не менее, "пеклись не о крестьянских, а о своих интересах"* (Павленко Н.И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах. – Социально-экономическое развитие России. С.63, 66.) И в самом деле, казакам было что защищать и имелаась необходимость в такой защите. Казаки стремились сохранить свои вольности и все права, которыми они к тому времени реально располагали, в том числе такие основные для них, как ничем не ограниченное внутреннее самоуправление, внешние сношения, прием беглых, и не допустить какого-либо ограничения их правительством, которое при царе Алексее Михайловиче делало определенные шаги, направленные на усиление своих позиций на Дону. Вместе с тем защита этих прав была важна не только для самого казачества. В условиях, когда вольный Дон составлял отдушину для закрепощенного народа, когда простые люди, по словам современника, "Доном от всяческих бед освобождаются"*, (Котошихин Г. Указ. соч. С.135.) борьба за сословные интересы казачества означала также борьбу за вольность в интересах народа. Следовательно, движение донских казаков в защиту своих вольностей имело не только узкосословное значение для

самого казачества, но и широкое общенародное значение.

Едва ли есть основания и для категорического утверждения, что казачество "не пеклось" о "крестьянских интересах". В самом деле, казачество встало на защиту прежде всего своих вольностей. Но и крестьянские общенародные антикрепостнические чаяния были также далеко не чужды казакам. Связано это было с происхождением значительной части казачества на Дону. Как уже отмечалось, в XVII в. оно продолжало находиться в стадии формирования. Многие казаки были казаками в первом поколении и были связаны происхождением с низшими слоями населения Московской Руси. Указания на это содержат как нарративные, так и документальные источники. Так, в "Поэтической" повести об Азовском сидении 1641 г. ее автор Федор Порошин так передавал высказывание казаков о своем происхождении: "отбегаем мы ис того государства Московского из работы вечныя, ис холопства невольнаго, от бояр и от дворян государевых..."* (Воинские повести Древней Руси. С.68.) О крестьянском происхождении многих казаков говорил и Г.Котошихин*. (Котошихин Г. Указ. соч. С.135.) Холопское происхождение казаков постоянно подчеркивали в XVI-XVII вв. московские дипломаты в ходе переговоров с турецкой и крымской стороной.

С крепостнической действительностью России казаки были связаны не только своим прошлым, но и настоящим. Еще правительство Михаила Романова предоставило донцам право "повольно" видаться с "родимцами" в русских городах и уездах. Судьба родственников-крепостных не могла не волновать казаков. Казаки или уводили их на Дон нелегальным путем или, по-видимому, в редких случаях добывались их легального отпуска. Действовавшие в стране правовые нормы исключали, однако, такую возможность для крепостных. С подобным случаем столкнулся в 1687 г. казак Иван Афанасьев, просивший разрешение вывезти на Дон дочь Прасковью, которая "живет на Новом Сколе (Осколе - Н.М.) и шатаетца меж двор". Последовала резолюция, разъяснявшая, что разрешение может быть получено лишь в том случае, если "та ево дочь подлинно вольная и ни у кого и ничем не укреплена"* (РГАДА. Ф.111. 1687. N13. Л.189-189 об.) Произошло это в послеразинское время, однако и накануне Разинского восстания в отношении крепостных родственников донских казаков существовали те же нормы, основанные на Соборном уложении.

На самих донских казаков крепостное право их прежних владельцев уже не распространялось. Правительство не раз разъясняло это, но все-таки требовало от атаманов и казаков, чтобы они "таких новоприходцов новых казаков к Москве не присылали для ссоры"* (Донские дела. Кн.1. Стб.586.) на тот случай, если нового казака узнает его прежний господин и потребует его выдачи. Вместе с тем нельзя сказать, что возвращение самого казака исключалось полностью. Так, в 1669 г. опасность выдачи нависла над казаком донской зимовой станицы Романом Пуговченковым, когда его прежний владелец елецкий помещик Е.Бехтеев потребовал его выдачи, а правительство удовлетворило требование помещика об очной ставке с казаком. Поэтому станичники с тревогой напоминали властям, что "...наперед сего о таких же беглых людех, которые служат на Дону...бивали челом...всяких чинов люди, и тем людям донские казаки не отдаываны"* (РГАДА. Ф.111. 1669. N5. Л.1, 4.) В отдельных случаях даже служба на Дону в казаках в течение нескольких лет не служила основанием для того, чтобы русские власти считали такого человека казаком. Так произошло в 1672 г. с Агейкой Феоктистовым, "который был на Дону в казаках и з Дону приехал на Воронеж для жены своей". Тем не менее, в документах, направленных от воронежского воеводы В.Бухвостова, он назван по своему прежнему состоянию - крестьянином Троицкого Борщева монастыря. Его выслали в Сибирь, очевидно, по подозрению в участии в Разинском восстании* (Крестьянская война под предводительством Степана Разина.

Т.4. С.111.)

Казаков не могли не беспокоить попытки правительства распространить на землю донских казаков нормы сыска и выдачи беглых, когда в 1666 г. последовал прямой запрет казакам предоставлять убежище крестьянам шацких дворцовых сел*.(РГАДА. Ф.111. 1666. N1. Л.45-46.)

Имелись, таким образом, серьезные основания для того, чтобы антикрепостнические настроения крестьянства, широких народных масс России были близки и понятны донским казакам. Едва ли поэтому правомерно принципиальное противопоставление применительно к той эпохе коренных интересов крестьянства, низших слоев населения внутренней России, связанных с ликвидацией крепостничества, и интересов донского казачества, которые также, хотя и в меньшей степени, затрагивались косвенно, а иногда и прямо, господствовавшими в стране крепостническими отношениями.

Превращение Донской земли в центр социальной напряженности в России, в базу крупнейшего в XVII в. народного движения происходило в третьей четверти этого столетия, после принятия в 1649 г. Соборного уложения и проведения его норм в жизнь. До того, в течение нескольких десятилетий после Смуты, на Дону в социальном отношении было довольно спокойно. Стабильным оставалось положение на Донской земле и в бурное время городских восстаний в России середины XVII в., хотя восстания происходили в некоторых ближних к Дону южных городах - в Воронеже, Курске, Козлове. При этом восстание в Воронеже в 1646 г. происходило в связи с набором на донскую службу в южных городах и уездах вольных охочих людей и с отказом находившихся в то время в Воронеже донских станичников во главе с атаманом Иваном Каторжным и Павлом Чесночихиным выдавать беглых*, (Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975. С.114-115.) а в Козлове имелась Донская слобода, где в составе гарнизона несли службу казаки с Дона и с Яика*.(РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N134.) Однако основная часть донских казаков, находившихся в то время на Дону, никакого отношения к городским восстаниям не имела. Главное внимание в 20-40-е годы донские казаки уделяли войне с турками, крымцами и другими внешними врагами и получали от этой войны достаточно стабильное и удовлетворительное материальное обеспечение, дополнявшееся или личным участием в грабежах на Волге, или связью с ходившими на Волгу воровскими казаками.

Предпосылкой перемен на Дону стал рост казачьего населения, имевший место в 50-х и 60-х годах. Если в 1646 г. правительству приходилось принимать меры по увеличению численности донских казаков за счет вольных охочих людей, направленных на Дон вместе с Ж.Кондревым, то уже в дальнейшем подобных мер правительство не применяло. За счет беглых к началу 60-х годов число казаков достигло 20 тысяч человек, о чем сообщал Г.Котошихин*.(Котошихин Г. Указ. соч. С.135.) Усиление бегства на Дон, где сохранялся принцип невыдачи людей с реки, был связан со складыванием во внутренних уездах довольно эффективной системы сыска беглых*.(Маньков А.Г. Развитие крепостного права... С.125-127, 169-170.) Поэтому рост численности населения на Дону продолжался и в 60-е годы. Особенно много беглых оказывалось на севере Донской земли. Стольник И.Акинфов сообщал о большом количестве беглых тамбовских крестьян, которые "живут и селятца по речке Хопру около казачьих городков в ближних местех", а донские казаки "тех беглецов переписывать не дадут"*. (РГАДА. Ф.111. 1666. N1. Л.32.)

Усиление бегства привело к обострению социальной напряженности на Дону в отношениях между казаками старыми и домовитыми и новопришлой голытьбой. В 60-х годах для войсковой верхушки и "нароচিতых" казаков возникла целая проблема взаимоотношений с этими новыми на Дону людьми. Один из путей ее разрешения старшины Миха-

ил Самаренин и Фрол Минаев видели в получении от правительства "денег с 10000 рублей, чем бы довольствоваться им голутву", о чем они говорили 5 октября 1667 г. посланнику Г.Евдокимову в Черкасском городке*. (Там же. 1668. N3. Л.14.) Но такая мера не могла быть регулярной и едва ли могла бы быть даже временной в условиях напряженного финансового положения, отражением чего был недавний медный бунт в Москве 1662 г.

На Дону "ныне наброду и вольницы много. И унимать де...их нельзя, потому что де им всем, старшинам, от голутбы ныне стало тесно", - говорил в 1683 г. войсковой атаман Фрол Минаев "в тайне" посланнику правительства О.Бешенцеву. Но сходным было положение и за 15-20 лет до этого, в то время, "как де призывали вора и изменника Стеньку Разина"*. (РГАДА. Ф.111. 1683. N36. Л.36.) Но если активность и энергию численно возросшего в 20-е и 30-е годы казачества поглощало участие в морских и сухопутных походах против внешних врагов, а особенно - борьба с Азовом, закончившаяся его взятием в 1637 г., то в середине 60-х годов ситуация была несколько иной. Чтобы ослабить опасность, исходившую от казаков, турки и крымцы не раз после 1642 г. укрепляли выход из Дона в море, принимали меры по усилению азовского гарнизона, а в 1665 г. поставили у Азова дополнительные каменные укрепления. "Весно тебе, великому государю, давно на море не ходим, морской ход у нас...отнят, и добычи нам...ниоткуда нет"*, (Там же. 1666. N6. Л.7.) - так не без некоторого преувеличения оценивало ситуацию Войско в отписке, полученной в Москве 10 декабря 1666 г.

Скопление голытьбы в верховых городках привело в 1666 г. к походу на сторону Москвы крупного отряда донских казаков во главе с атаманом Василием Усом. Целью похода было стремление казаков поступить на службу и направиться на войну с Польшей, чтобы получить царское жалованье*. (Чистякова Е.В. Крестьянское движение в Подмосковье... С.129; Степанов И.В. Социально-политическая обстановка на Дону накануне Крестьянской войны под предводительством С.Т.Разина. - Уч. записки ЛГУ. Серия исторических наук. N270. Вып.32. 1959. С.55.) Подобные действия казаков не являлись чем-то необычным. В том же году два отряда донских казаков во главе с атаманами Иваном Аверкиевым и Алексеем Наумовым также предложили гетману И.Брюховецкому принять их на службу. Однако казаки не были приняты и их разоружили русские войска*. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. N579. Л.88-97.) Предлагая свою службу, казаки еще не знали о начавшихся между Россией и Польшей мирных переговорах в деревне Андрусово в апреле 1666 г. и полагали, что правительство нуждается в их помощи.

10 июня 500 донских казаков во главе с атаманом В.Усом и есаулом Василием Хорошим подошли к Воронежу и явились к воеводе В.Уварову и просили его пропустить их к Москве. Воевода отпустил станицу из 6 казаков с атаманом Евдокимом Екимовым, которая прибыла в Москву 22 июня. Станичники получили жалованье "по рублю человеку", а казакам В.Уса было указано "итить с Воронежа на Дон"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.35.)

Одновременно правительство приняло решение выдать жалованье казакам В.Уса - "на корм денег по полтине человеку, да на Воронеже суды, в чем...ехать на Дон, да хлебных запасов, муки ржаные и сухарей, по полуосьмине человеку"*. (Там же. С.41.) Следовательно, правительство явно не желало, чтобы казаки шли от Воронежа в сторону Москвы и стремилось как можно скорее возвратить их на Дон. В условиях обострения социальной напряженности в стране и усиления бегства крестьян от своих владельцев правительство опасалось появления в центральных уездах крупного отряда донских казаков, способного еще больше взбудоражить население.

Правительство, однако, запоздало. Грамота о возвращении ка-

заков на Дон была послана в Воронеж из Москвы только 26 июня*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.39.) Казаки В.Уса не стали дожидаться возвращения из Москвы своих станичников и "с неделю спустя" после их ухода из Воронежа, т.е. еще до того, как Е.Екимов со станицей прибыл в Москву, двинулись в центральные уезды России. Возле самой Тулы на реке Упе они встретили возвращавшуюся из Москвы станицу Е.Екимова. Узнав, что им было указано возвращаться на Дон, казаки стали лагерем "в степи на Упе реке по ту сторону Тулы" и направили в Москву делегацию во главе с В.Усом "бити челом...о...государеве жалованье"*. (Там же. С.38.)

В Москву В.Ус прибыл 9 июля. Там он заявил, что в отряде "опричь донских казаков...иных никаких прибылых людей никого не было"*. (Там же.) В самом деле казаки принимали в свои отряды беглых и "подговаривали" крестьян к уходу к ним. Немало крестьян ушло к казакам из Тульского и Скопинского уездов. Тульские помещики жаловались на разорение со стороны казаков, которые "в деревнях животину отымают и насилования чинят"*. (Там же. С.36.) От казаков В.Уса семьи помещиков спешили укрыться в Туле*. (Там же. С.37.) Отдельные исследователи, однако, исключали саму возможность грабежа крестьян со стороны казаков*. (Там же. С.263 (комментарий Е.А.Швецовой к док. N10).) Между тем, едва ли есть основания для этого. Грабежи русского населения со стороны казаков не раз имели место в прошлом. Особенно распространены они были в период Смуты. В период Смоленской войны, в марте 1634 г., о грабежах казаками "по слободам стрельцов, и пушкарей, и затинщиков, и посопных слобод крестьян, и всяких жилецких и уездных людей"* (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. N76. Л.171-173.) сообщали брянские воеводы. Возможно поэтому, что случаи грабежей в деревнях, на которые указывали тульские помещики, вполне могли быть в действительности со стороны голытьбы из отрядов В.Уса, причем даже несмотря на вполне понятное желание атаманов и есаулов не допускать этого.

Имеется, однако, и свидетельство о том, что казаки "съестные имали, а грабежом ничево иного не брали", о чем сообщал ротмистр К.Корсак*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.49.) Солдат М.Лукин также "ни от кого не слыхал" о казачьих грабежах*. (Там же. С.56.) Во всяком случае, в отличие от Смутного времени, сколько-нибудь значительных грабежей крестьянского населения со стороны казаков В.Уса не было. Напротив, имелись случаи, когда казаки совместно с местными крестьянами грабили помещиков, как, например, казак Игнашка Жариков по прозвищу Заворуй, явившись в имения своего бывшего господина князя И.Голицына, расположенные в Дециловском уезде, увел вместе с крестьянами - своими односельчанами с господского двора "10 лошадей, коней и мерин", и "оне ж побили...скотины, 10 свиной, 20 баранов" и "вотчину...разоряют"*. (Там же. С.46.)

Правительство потребовало от казаков немедленного возвращения на Дон. Казаки при этом должны были вернуть всех бежавших к ним людей. За уходом казаков на Дон должен был наблюдать воевода князь Ю.Барятинский, "чтобы какова дурна не учинилось". Если же казаки "с того места...вскоре не пойдут" и не выдадут беглых, воевода должен был вызвать дворян из ближайших городов и "промысл чинить боем" над отрядом В.Уса. Для обеспечения ухода казаков правительство оставило в Москве 9 казаков-заложников во главе с есаулом Иваном Семеновым*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.40.)

В такой обстановке казаки вынуждены были уйти на Дон. С ними ушло некоторое количество беглых людей. Надежды казаков, таким образом, не сбылись, что содействовало обострению обстановки в крае. Еще более она обострилась в связи с голодом на Дону весной 1667 г., о котором сообщал царицынский воевода А.Унковский*. (Там

же. С.73.) Поэтому на Дону в феврале-марте 1667 г. стали появляться разбойничьи казачьи отряды*. (Степанов И.В. Крестьянская война в России 1670-1671 гг. Т.1. С.312.)

Весной 1667 г. вблизи Переволоки у городков Паншина и Качалина стал собираться крупный отряд казачьей голытьбы и "наброду", собиравшийся на Волгу. Со слов казаков А.Унковскому стало известно, что их там собралось "с 2000 человек"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.73.) В действительности, как выяснили царицынские служилые люди, посылавшиеся в Паншин городок и к самим этим казакам, первоначально в лагере было 600-800 казаков и туда прибывали все новые люди*. (Там же. С.87, 88.) Возглавлял их знатный казак Степан Разин.

Воевода А.Унковский в мае направил своих людей в лагерь разинских казаков в Паншин городок с предложением разойтись. С.Разин велел передать воеводе, "чтоб он царицынских служилых людей за ними (казаками - Н.М.) не посылал, а пошлет де за ними служилых людей, и тех потеряет напрасно и город (Царицын - Н.М.) они де велят зажечь"*. (АИ. Т.4. СПб., 1842. N202.) Никаких мер в отношении разинцев не принимали и войсковые власти, хотя на Дону была получена грамота из Москвы с требованием их "от воровства унять"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.74.) Очевидно, что войсковая верхушка просто опасалась принимать против них какие-либо шаги, боясь выступления на стороне С.Разина всей голытьбы. Кроме того, она была не против того, чтобы голытьба ушла с Дона, тем более, что, судя по сведениям, полученным А.Унковским от своих людей в Паншине городке, были случаи, когда казаки, шедшие к С.Разину, "многие казачьи городки розоряют и проезжих торговых людей и казаков грабят и побивают до смерти". Такие случаи были не часты, но, во всяком случае, на Дону были от голытьбы "в большом опасенье"*. (Там же. С.87.) Несомненно еще и то, что часть домовитых казаков ссужала голытьбу и надеялась поживиться за счет богатой добычи.

Поход С.Разина начался 13 мая. Через реки Иловля и камышинка казаки вышли на Волгу*. (Соловьев В.М. Степан Разин и его время. М., 1990. С.36.) Выше Царицына они напали на торговые суда, принадлежавшие гостю В.Шорину, другим купцам, а также патриарху Иоасафу. Казаки расправлялись с начальными людьми и приказчиками и принимали к себе с этих судов ярых людей - 60 человек гостя В.Шорина и 100 - с патриарших судов. Они, кроме того, "росковали" ссыльных колодников и приняли их к себе. В этих действиях казаков проявились мотивы социального характера. В то же время были заметны и чисто грабительские, зипунные мотивы, типичные для походов казаков на Волгу. Так, например, работник с симбирского насада Ф.Шеленок рассказывал, что казаки "дву человек целовальников симбирских, которые с недовозным государевым саратовским хлебом посланы, били и мучили, жгли огнем из денег", желая получить от них деньги*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.137.)

25 мая С.Разин подошел к Царицыну. У воеводы было "малолюдство большое" и не имелось сил для борьбы с разинцами. Поэтому он выполнил требование С.Разина о снабжении отряда необходимыми в походе наковальной, мехами и другими кузнечными снастями и выдачи Льва Плещеева, родственника убитого в Москве в 1648 г. Леонтия Плещеева*. (Там же.) Не задерживаясь в Царицыне, разинцы двинулись далее вниз по Волге. Через протоку Бузан казаки попытались обойти Астрахань, но путь им преградил сильный отряд стрельцов во главе с воеводой Черног Яра С.Беклемишевым. Стрельцы, имевшие пушки и пищали, перекрыли всю протоку. Казаки применили военную хитрость и, подплывая к ним, закричали, что хотят вступить с ними в переговоры. Стрельцы дали им высадиться на берег, после чего были стремительно атакованы ими. Не выдержав нападения, стрельцы побе-

жали, а часть из них присоединилась к казакам*. (Там же. С.81, 137.)

После этого казаки вышли в Каспийское море. Астраханский воевода князь И.Хилков выслал против них полуполковника И.Ружинского со стрельцами и с солдатами, а также стрелецкого голову В.Северова*. (Там же. С.79, 82, 83, 137.) Однако настичь С.Разина им не удалось, и казаки подошли к Яицкому городку. Это была сильная крепость, имевшая каменные стены, пушки и сильный гарнизон. Но в городке имелось немало сторонников С.Разина. Один из них, донской казак Федька Сукнин, ходивший ранее с воровскими казаками на Волгу и проживавший во время этих событий в Яицком городке, бывал в лагере разинцев еще у Паншина городка и призывал С.Разина взять Яицкий городок, "и, выходя из того городка, на море и на Волге воровать"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.87.) Поэтому атаман хорошо знал, что в городке было немало его сторонников.

Для взятия городка казаки вновь применили военную хитрость. С.Разин укрыл казаков своего отряда и явился с 40 казаками к крепостным воротам. Он стал просить стрелецкого главу И.Яцына допустить его в город с этими казаками, чтобы помолиться. Голова, видя, что казаков мало, велел открыть ворота. Казаки вошли в крепость и, достав спрятанное оружие, перебили охрану у ворот. На помощь С.Разину подоспели из укрытия другие казаки. Городок был взят, а многие стрельцы перешли на сторону разинцев*. (Там же. С.138.)

Зиму разинцы провели в Яицком городке. В феврале 1668 г. из Астрахани к городку прибыл воевода Я.Безобразов с трехтысячным войском. Он потребовал уйти из Яицкого городка на Дон. Казаки совершили вылазку и разбили войско этого воеводы*. (Там же. С.139.)

В конце октября 1667 г. в Яицкий городок прибыла от войска Донского станица во главе с атаманом Леонтием Терентьевым с царской грамотой. В ней казакам С.Разина предлагалось, "чтоб они от воровства отстали, а шли б к ним на Дон". Кроме грамоты, "для уговору" к С.Разину была послана войсковая отписка. Разинцы собрали круг и, выслушав грамоту и отписку, С.Разин заявил станичникам, что "как к нему впредь государева грамота придет, и он де великому государю вину свою принесет"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.138.) Таким образом, атаман не объявлял открыто о своем непослушании, но и не собирался отказываться от начатого дела.

Успехи С.Разина вызвали у донской гольтыбы стремление присоединиться к нему. А.Унковский сообщал, что 25 июня ему говорили царицынские стрельцы о сборах на Дону атамана Микишки Волоцкого с 40 казаками к разинцам. 6 июля ему рассказывал казак - житель Царицына о готовности идти "на воровство со Стенькою ж Разиным" атамана Ивашки Серебрякова и 250 казаков из разных городков*. (Там же. С.91, 95.) Когда С.Разин был в Яицком городке, на соединение с ним вышло с Дона несколько отрядов гольтыбы, в том числе 600 человек с атаманом Сережкой Кривым, 100 человек с Алешкой Пропокиным и, кроме того, ожидался приход двух тысяч казаков с атаманом Алешкой Каторжным. 400 конных казаков, готовых присоединиться к С.Разину, стояло на Куме, и еще 500 человек шло туда с Дона. Кроме казаков, на Волге появились "русские люди и черкасы, человек с 500 и больше"*. (Там же. С.111, 133, 141.) Всего к апрелю 1668 г. у С.Разина было, по данным астраханского воеводы князя И.Прозоровского, "гулящих и всяких работных людей" человек с 300*, (Там же. С.139.) или же примерно 15% его отряда не были выходцами с Дона*. (Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков и донское казачество. С.113.) Возможно, что доля в отряде людей, не связанных с Доном, была несколько большей, если учитывать присоединение к разинским казакам стрель-

цов.

После зимовки в Яицком городке казаки С.Разина 23 марта вышли в Каспийское море. Они подошли к Тереку, а затем к устью Куры, где соединились с несколькими казачьими отрядами, которые шли к Разину.

В июле 1668 г. казаки С.Разина подошли к побережью провинции Гилян. Вблизи города Решт произошло сражение с крупными силами, посланными шахом Сулейманом для защиты побережья. Сражение было тяжелым для казаков. Шамхал тарковский Чобан даже писал в Астрахань 9 августа о задержании казаков в Реште и об изъятии у них оружия и стругов*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.123.) Слухи об успехах персов, дошедшие до шамхала, явно их преувеличивали, но несомненно то, что казакам пришлось вступить в переговоры. В разгар переговоров к шаху прибыл посланник русского царя полковник Пальмар с грамотой от царя. В ней сообщалось о выходе на море большого числа воровских казаков и предлагалось, чтобы персы "побивали бы их везде и смертью уморяли без пощады"*. (Там же. С.105.) После этого шахское правительство прервало переговоры с казаками, начатые в Испании после сражения у Решта*, (Там же. С.142.) и по приказу шаха казаков перекочевали, а одного "затравили собаками"*. (Там же. С.250.)

Важнейшей причиной вступления разинцев в переговоры с персидскими властями была необходимость для них получить безопасное место для зимовки*. (Степанов И.В. Крестьянская война в России 1670-1671 гг. Т.1. С.349-350.) Срыв переговоров вынудил казаков искать такое место самим. Они разорили город Фарабат*, (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.144.) где находился потешный двор шаха, и выбрали для зимовки место вблизи этого города на полуострове Миян-Кале, отделявшим от моря Астрабадский залив, где стали укрепленным городком*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.147.) Условия зимовки были тяжелы, и немало казаков заболело и умерло*. (Там же. С.144.) Весной 1669 г. разинцы ушли с полуострова Миян-Кале, где им угрожал персидский флот, и двинулись к туркменскому побережью. К тому времени с помощью полковника Пальмара в Персии было построено много боевых судов. Казаки выдержали бои "в Трухменской земле", где погиб "товарыщ...Стеньки Разина Сергушка Кривой"*. (Там же.) и попытались затем стать лагерем на острове Свином возле Баку. Здесь казаки подверглись нападению большого персидского флота под командованием астаринского Мамед хана и одержали над ним блестящую победу, использовав ошибку персов, которые сцепили свои суда цепями. Они пустили ко дну флагманский корабль персов, после чего их флот был полностью уничтожен.

После этого положение казаков по-прежнему оставалось трудным и даже опасным. Следовало ожидать подхода новых более крупных сил противника. Казаки понесли значительные потери в боях и от болезни. Поэтому С.Разин направился к Астрахани.

Слухи об успехах С.Разина распространялись в Поволжье и расходились по всей России. На Дону это привело к брожению среди казаков, результатом чего стало избрание войсковым атаманом Михаила Самаренина вместо Корнилы Яковлева. Причиной переизбрания был будто бы "гнев" государя на К.Яковлева от того, что "у них, казаков, непостоянство стало большое"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.120.)

В города Поволжья правительство направило дополнительные военные силы и требовало от воевод не пропускать разинцев. Поэтому когда в августе струги С.Разина приблизились к Астрахани, воевода И.Прозоровский направил против казаков 4 тысячи стрельцов во главе с князем С.Львовым*. (Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С.199, 350-351.) Казаки не имели сил для боя и ушли в море. Тогда С.Львов послал вдогонку казакам своего посланника с "милостивой"

грамотой. Правительство, по сведениям голландца Л.Фабрициуса, находившегося вместе с С.Львовым, готово было "простить" С.Разина, если он "утихомирится и вернется на Дон"*. (Фабрициус Л. Записки (русский перевод). – Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С.48.)

В ходе переговоров с воеводами С.Разин проявил себя умелым дипломатом. Ему удалось добиться того, что воевода И.Прозоровский обязался с почетом принять С.Разина и его казаков в Астрахани и пропустить их на Дон. Казаки, в свою очередь, обязывались отдать захваченные ими в боях пушки и имущество персидского купца, ограбленного на обратном пути, а также сдать пленных служилых людей*. (Степанов И.В. Крестьянская война в России 1670-1671 гг. Т.1. С.358-360.) На самом деле разинцы даже уклонились от сдачи легких пушек, пленных и рухляди, добытой в Персии.

В начале сентября разинцы покинули Астрахань и пошли на Дон. По пути они приняли в свои ряды беглых крестьян, бурлаков и стрельцов*. (Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России... С.110-111.) В ноябре 1669 г. казаки С.Разина возвратились на Дон.

Так закончился Волжско-Каспийский поход С.Разина. Для дальнейшего развития восстания он имел большое значение. Сложилось ядро повстанческого войска С.Разина. Атаман и его казаки приобрели широкую известность в стране, особенно в Поволжье, и завоевали сочувствие народа, что в дальнейшем, в 1670 г., помогло им в походе по волжским городам. Одной из важных причин успеха казаков В.М.Соловьев считал сочувствие и поддержку "угнетенных масс Персии"*. (Соловьев В.М. Степан Разин и его время. С.42.) И в самом деле, определенное сочувствие имело место, а иногда к ним переходили "для воровства иноземцы, скудные многие люди"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.143-144.) Однако все-таки, очевидно, следует иметь в виду, что отношение местного населения Прикаспия к казакам определялось в первую очередь не сочувствием к ним, а страхом перед ними. Дагестанцам, азербайджанцам, персам, туркменам казаки были хорошо известны не как освободители, а как грабители. И казаки С.Разина шли на Каспий именно за зипунами, а вовсе не с целью принести волю местному угнетенному населению, и поэтому цели похода разинцев 1667-1669 гг. отличались от целей похода их в 1670 г. на Русь вверх по Волге. В источниках содержатся указания на грабежи со стороны казаков С.Разина, которым подвергались не только купцы или потешный двор шаха, но и широкие слои населения. Так, разинцы "разорили меж Дербени и Шемахи деревню Мордову, людей и животину поимали", и затем "под шаховым городом Бакою разорили деревню и взяли ясырь мужска и женска полу со 100 с 50 человек да с 7000 баранов". Слухи среди "кизылбаш", которые ходили в Дербенте и о которых сообщал астраханец И.Исаков, будто казаки "Фарабат и Астрабат города вырубали и выжгли", в результате чего пострадали, конечно, не только знать и богачи, были вовсе не случайны*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.141, 143.) Едва ли следует в этой связи подчеркивать социальную направленность действий С.Разина во владениях шаха в отношениях с местным населением. Казаки С.Разина не боролись с его угнетателями, а делали обычное казацкое дело – воевали, захватывали зипун и ясырь, освобождали русских пленных. Не борьба разинцев с угнетателями народа вызывала переход "многих иноземцев" в персидских владениях к казакам, а притягательность казацкого образа жизни для социальных низов из разных стран и глубоко укоренившиеся у казаков традиции приема в свои ряды людей независимо от этнической и религиозной принадлежности.

Некоторые особенности этого похода – масштабы, участие в нем, помимо донских казаков, представителей других слоев населе-

ния России, наличие социальной направленности в действиях на Волге, когда разинцы побивали начальных людей, освобождали колодников и принимали к себе ярых, открыто выступали против воевод на местах, а также большое значение этого похода для дальнейшего развития Разинского восстания - давали исследователям основание рассматривать Волжско-Каспийский поход как начальный этап крестьянской войны*. (Лебедев В.И. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. 1667-1671 гг. М., 1955; Маньков А.Г. Крестьянская война 1667-1671 гг. С.94-175; Сахаров А.Н. Степан Разин - предводитель Крестьянской войны. - Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. С.148; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России... С.125; Соловьев В.М. Степан Разин и его время. С.48.) Все эти особенности похода и в самом деле имели место, а поход на Волгу и Каспийское море подготовил поход вверх по Волге в 1670 г. Однако признание событий 1667-1669 гг. в качестве первого этапа крестьянской войны под предводительством С.Разина затрудняется тем обстоятельством, что крестьянские войны в России и в других странах не происходили за пределами территории государства, что исключало возможность непосредственного участия в движении крестьянских масс. Несомненны и отличия между походом 1667-1669 гг. - по словам Е.И.Заозерской, это - "период "лихого козачования" "за зипунами" - и походом 1670 г., который был "идейно более осмысленный, вызванный классовыми противоречиями"* (Заозерская Е.И. Восстание Степана Разина (общий обзор). - Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. С.170.) и уже без сомнения относился к крестьянской войне. Вероятно, что поход С.Разина 1667-1669 гг. следует квалифицировать не как начало крестьянской войны, но как важнейший подготовительный этап на пути к ней.

Зиму 1669-1670 гг. разинцы провели на острове вблизи Кагальницкого городка*. (Тимошенко А.А. О местонахождении городка Степана Разина. - Советская археология. 1961, №3. С.303; Витков З.А. Кагальницкий казачий городок. - Из истории Дона. С.28.) Это место позволяло им держать под наблюдением сообщение между Черкасским городком и верховыми городками, Царицыным, Воронежем и Москвой, а самим беспрепятственно сношаться с Украиной, ногаями и калмыками. Тем самым уже зимой С.Разин заявил о своем намерении противопоставить свою власть и свою вооруженную силу войску Донскому. Это явилось результатом роста противоречий внутри казачества - между старшинами и домовитой его частью и гольтьбой, которые, правда, отодвигались долгое время на второй план противоречиями между всем казачеством, стремившимся к сохранению и упрочению своих вольностей, и московским правительством, стремившимся усилить свою власть на Дону. С возвращением разинцев из похода в 1669 г. противоречия внутри казачества стали постепенно принимать все более важное значение. Уже в ноябре 1669 г. в Черкасском городке прошел слух о намерении С.Разина "их, атаманов и казаков лутчих людей побить". Черкасские казаки воспринимали этот слух достаточно серьезно и просили приехавшего в войсковую столицу кречетника Д.Григорова сообщить в Москву о нависшей над ними опасности*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.132.) Чтобы разведать замыслы С.Разина, Войско направило к нему видного старшину Фрола Минаева. С.Разин "ему, Фролу, всякие поносные слова говорил, и хотел его посадить в воду, и отпустил к Войску в Черкасский городок". Старшины, однако, не потеряли надежды уладить надвигающийся конфликт мирным путем и послали в Кагальник Родиона Колуженина. Тот говорил С.Разину, чтобы он "служил великому государю, а воровства никаково не заводил". Но и Р.Колуженин ничего не добился от атамана*. (Там же. Т.2. Ч.2. М., 1959. С.98.)

Зимой 1670 г. произошло первое открытое столкновение С.Рази-

на со старшинами. Неожиданно для войсковых властей он в сопровождении многочисленного отряда казаков прибыл в Черкасский городок. Там он самовольно созвал круг, на котором "к атаману Корнилу Яковлеву с ножом метался", а после круга "учинил атаманом и казаком всякое разорение в Черкасском"*.(Там же. Возможно, что Р.Колуженин, рассказывая об этом, допускал некоторое преувеличение, поскольку пытался представить поведение старшин перед правительством в самом выгодном свете. Но сам факт резкого обострения отношений между С.Разиным и донскими старшинами несомненен.) Правда, отстранить атаманов и старшин от власти С.Разин еще не пытался. Для этого у него, очевидно, еще не было сил. К тому же значительная часть его войска оставалась в Кагальнике. Но все действия казаков С.Разина свидетельствовали о расколе казачества на Дону и об "открытой войне С.Разина с Черкасском"*, (Сахаров А.Н. Степан Разин - предводитель Крестьянской войны. С.154.) начавшейся с зимы 1669-1670 гг.

Встревоженные старшины попытались заручиться поддержкой правительства и в декабре 1669 г. направили в Москву станицу атамана Ивана Аверкиева. Атаман всячески подчеркивал непричастность донских старшин к действиям С.Разина и даже вопреки известным правительству фактам*(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.74-76; там же. Т.3. С.5.) указывал, что старшины стремились помешать уходу разинцев на Волгу в 1667 г.*(Там же. Т.1. С.131.) Учитывая такую явную ложь атамана и выражая недовольство поведением старшин, срывающих фактически проведение мероприятий по борьбе с походами гольтьбы на Волгу, власти задержали станицу И.Аверкиева, а позже - отправили в ссылку в Холмогоры*.(Там же. Т.3. С.74-75, 93, 126.)

Вместе с тем правительство, несмотря на все свое серьезное недовольство войском Донским, не собиралось разрывать со старшинами, видя в них единственную силу, на которую оно могло опираться в борьбе с разинцами. В начале марта 1670 г. в Москве собирались послать на Дон царское жалованье*.(Там же. Т.1. С.161.) В марте оно направило к казакам своего посланника Г.Евдокимова, чтобы разведать обстановку и укрепить отношения с войсковой верхушкой. 10 апреля он прибыл в Черкасский городок. 11 апреля туда же прибыл со своими казаками С.Разин. На круге 12 апреля С.Разин обвинил Г.Евдокимова в том, что он "приехал де к ним лазутчиком", а затем со своими казаками "посадил в воду в Дон реку". К.Яковлеву тогда же С.Разин заявил: "ты де владеи своим войском, а я де владею своим войском"*.(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.165.) Это означало не только раскол казачества на сторонников и противников С.Разина, но и поражение старшин, потерявших власть на Дону. Восстание на Дону победило, и создались тем самым предпосылки для распространения его на соседние южные уезды государства, на превращение казачьего выступления в крестьянскую войну. При этом, однако, С.Разин не был избран войсковым атаманом и власть его противоречила нормам войскового права. Войсковым атаманом оставался К.Яковлев, а из Черкасского городка продолжали рассылаться войсковые грамоты по городкам, где говорилось о борьбе с татарами и азовцами*.(Там же. Т.2. Ч.1. М., 1957. С.17.)

После победы на Дону направление дальнейших действий для основной массы восставшего казачества не было достаточно ясно. Большинство голосов круг в Черкасском городке, состоявшийся после 12 апреля, отверг поход "на Русь" и принял решение "итить на Волгу"*.(Там же. Т.1. С.162.) Объясняться такое решение могло успехом Волжско-Каспийского похода 1667-1669 гг. и опасением гольтьбы, хорошо знавшей положение на южной окраине России, вступить в столкновение с крупными военными силами, стоявшими на Белгородской черте*(Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж,

1969.) В конце апреля в Паншине городке состоялся новый круг. С.Разин заявил на этом круге о походе на Волгу и на Русь против государевых неприятелей и изменников, "чтоб им из Московского государства вывести изменников бояр и думных людей и в городех воевод и приказных людей", а также "черным людям дать свободу"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.235.) Это заявление соответствовало настроениям разинцев. Не взятие зипунов, а борьба с угнетателями всего народа России определилась в качестве главной цели их дальнейших действий.

В ответ на успехи С.Разина правительство организовало продовольственную блокаду Дона и разослало указы воеводам южных городов о запрещении торговли с казаками*. (Там же. С.162-164.) Не было послано на Дон и царское жалованье. Усилены были, кроме того, гарнизоны южных городов*. (Там же. С.165-166, 171, 172.)

Все эти меры не смогли, однако, предотвратить успехов С.Разина. В течение лета в руках разинцев оказалось все Нижнее Поволжье. В конце мая они взяли Царицын, в начале июня – благодаря переходу городского гарнизона на сторону восставших – Черный Яр. 21-22 июня после упорного боя был взят крупнейший город южной части государства – Астрахань. Затем войско С.Разина без особого сопротивления двинулось вверх по Волге. 15 августа С.Разина "встретили с хлебом" саратовцы. В конце августа сдалась Самара*. (Там же. С.177, 246-247, 254-255; там же. Т.2. Ч.1. С.46, 64.) Открывался путь к Симбирску. Для правительства события принимали крайне опасный оборот, поскольку движение начинало охватывать уезды Центра России с развитым крепостническим землевладением и многочисленным крестьянским населением.

По мере продвижения разинцев вверх по Волге расширялась социальная база движения за счет включения в него населения Поволжья. По мере приближения к Симбирску все большую роль в движении начинало играть крестьянство. Вместе с тем донское казачество продолжало оставаться одной из ведущих движущих сил восстания. Командование главными силами и ядро разинского войска состояло из казаков*. (Сахаров А.Н. Степан Разин – предводитель Крестьянской войны. С.158-159, 164.) Во главе повстанческих сил в ряде городов также стояли казаки: в Царицыне – Прон Шумливый и Семен Паншинский, в Астрахани – Василий Ус, в Саратове – Григорий Савельев*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.220, 257; там же. Т.2. Ч.1. С.424-425.)

Стремясь расширить масштабы движения, С.Разин и его атаманы направляли отряды донских казаков в места, где происходили крестьянские выступления. Осенью 1670 г. эти отряды действовали на значительном расстоянии от главных сил восставших – под Тамбовом, Шацком, Пензой, Алатырем, Арзамасом, на Симбирской черте*. (Лебедев В.И. Крестьянская война... С.101.)

Еще в то время, когда С.Разин проходил через Саратов, к Пензе вышел отряд восставших во главе с донскими атаманами Григорием Савельевым и Василием Федоровым. Под Пензой атаманом был избран В.Федоров*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.2. Ч.1. С.425.) 31 августа отряд В.Федорова соединился с отрядом донского атамана Михаила Харитонов. Жители Пензы "здались без бою"*. (Там же. С.183, 425.) В сентябре-октябре восстания происходили в Пензенском уезде и на Симбирской засечной черте, после овладения Керенском казаки перешли в Шацкий уезд*, (Там же. С.123, 145.) а затем – в Козловский уезд*. (Там же. С.234.) Гарнизону Челнавского острожка, расположенного между Козловом и Тамбовом, атаман М.Харитонов направил грамоту с требованием присоединиться к восстанию, всячески преувеличивая при этом и свои силы, и общие успехи С.Разина*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.2. Ч.1. С.242.) Острожек взять не удалось, однако в Тамбовском уезде поднялись многие крестьяне. При этом,

как доносил в Москву воевода Г.Ромодановский, "розных сел волосные крестьяне и крестьянские дети называютца для прелести донскими казаками и атаманами"*. (Там же. С.318.) Это было свидетельством глубоко социального характера движения донских казаков в 1670 г., тесной связи между казачьим и крестьянским движением и авторитета казаков в крестьянской среде.

С ноября 1670 г., после поражения С.Разина под Симбирском, положение в Тамбовском уезде для восставших стало осложняться. Правительство сосредоточило в уезде значительные силы и к началу февраля 1671 г. подавило восстание.

Другой казачий атаман, Максим Осипов, был послан С.Разиным от Симбирска и действовал сперва в Чувашии, а затем пошел к Нижнему Новгороду. Под предводительством М.Осипова восставшие заняли город Курмыш и торгово-промышленное село Лысково, а затем - Маркарьев Желтоводский монастырь и село Мурашкино. Когда М.Осипов получил известие об осаде воеводой князем Ю.Барятинским войска С.Разина, он поспешил на помощь к повстанческому предводителю*. (Там же. С.151, 527.)

Севернее и северо-западнее Симбирска действовали и другие отряды донских казаков, а возглавляло их немало других донских атаманов*. (Там же. С.106-108, 152, 224.) Руководитель же повстанцев в Заволжье, на реках Унжа и Ветлуга, Илья Иванов (Долгополов, Пономарев), принадлежавший, возможно, "к церковному притчу"*, (Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С.165.) по сообщению воеводы князя Ю.Долгорукого, "называетца де донским казаком"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.2. Ч.1. С.285.) С Ветлуги И.Иванов пытался распространить восстание на Тотемский уезд, но не смог этого сделать. Он был пойман вблизи Тотьмы и повешен 12 декабря*. (Там же. С.399-400, 408, 409-410.)

Вне связи с движением войска С.Разина, но в соответствии с замыслами повстанческого атамана, стремившегося к распространению восстания за пределы Донской земли, осуществлялся поход казаков вверх по Дону во главе с атаманом Фролом Разиным*. (Там же. С.165.) Важной причиной этого похода была также необходимость устранить причины для недовольства многих казаков, оставшихся на Дону, С.Разиным в связи с тем, что, по словам казаков, которые слышали в городках Черкасском и Каргалах воронежцы посадские люди К. и М.Константиновы, как "он, вор Стенька, заворовал, и от его де Стенькина воровства на Дону у казаков запасам стало скудно"*. (Там же. Т.1. С.215.) Оставшиеся на Дону казаки одобрили намерение повстанцев прорвать правительственную блокаду и пополняли ряды войска Ф.Разина. В Черкасском городке казаки говорили: "мы пойдем вверх рекою Доном к Коротояку и к Воронежу для запасов, чтоб де им на Дону з голоду не помереть"*. (Там же. Т.2. Ч.2. С.11.)

На первых порах казаки достигли значительных успехов. Небольшой их отряд во главе с атаманами Федором Шадрой, Федором Колчевым и есаулом Федором Агеевым, состоявший всего из 25-50 человек*, (Там же. С.35, 38, 48.) занял города Острогожск и Ольшанск, расположенные на Белгородской черте. Успех казаков объяснялся их агитацией среди жителей этих городов. К ним проникали прелестные письма казаков с призывами "вольных людей прибирать и в Руси выводить начальных людей"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.2. Ч.1. С.20, 40.) По словам атамана Ф.Колчева, к казакам присоединилось "острогожских черкас и русских ста с 4"*. (Там же. С.28.) Сказался и переход на сторону восставших острогожского полковника Ивана Дзиньковского, еще весной 1670 г. имевшего сношения со С.Разиным, когда он ему "судами втай многие подарки и запасы и вино и мед посылывал"*. (Буганов В.И. Прокламации С.Т.Разина и его сподвижников - памятник идеоло-

гической борьбы в годы второй крестьянской войны в России. - Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. С.294.)

Успех был однако непрочным. Уже 10 сентября, на следующий день после восстания, оно было подавлено. Атаман Ф.Колчев, есаул Ф.Агеев, многие рядовые участники восстания, а также полковник И.Дзиньковский были казнены.

Между тем, в конце сентября к Коротояку подошел трехтысячный отряд казаков атамана Ф.Разина. 27 сентября он завязал бой за город, взятие которого открывало путь на Воронеж. Однако уже через час после начала сражения на помощь воеводе М.Ознобишину подошел белгородский воевода князь Г.Ромодановский и казаки были разбиты*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.2. Ч.2. С.50-51, 68-69.)

Таким образом, в Подонье восставшие казаки не достигли таких заметных успехов, каких достиг С.Разин на Волге. Это объяснялось как трудностью прорыва такой мощной укрепленной линии, как Белгородская черта, а также тем, что служилые люди по прибору, составлявшие наиболее значительную часть населения южной окраины, в целом не поддержали казаков. Сказалось то, что государство предоставляло этим людям определенные льготы, связанные с возможностями для занятий торговлей и промыслами*, (Александров В.А. Стрелецкое население южных городов России в XVII в. - Новое о прошлом нашей страны. С.235-250.) а также срочная выплата им в июне 1670 г. дополнительного рублевого жалованья*. (Загоровский В.П. Белгородская черта. С.245.)

Некоторые успехи достигли казаки-повстанцы под командованием атамана Леско Черкашенина на Изюмской черте в верховьях Северского Донца. 1 октября они взяли города Маяцкий и Царев-Борисов*, (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.2. Ч.2. С.57, 62, 75.) а затем, получив подкрепление, двинулись "в бударах" далее по Донцу. 13 октября они заняли Чугуев, а 16 - Балаклею, Змиев и Мерефу*. (Там же. С.73, 74.) На Донце казаков активно поддержали работные люди - черкасы с государевых солеварен на Торских соляных озерах*. (Там же. С.68.) Создалась угроза прорыва Изюмской черты и захвата Харькова, куда была направлена прелестная грамота с призывом присоединиться к восстанию. Учитывая, что большинство горожан составляло военно-служилое население, казаки стремились подчеркнуть в своем письме законность своего предприятия, представить его обычной царской службой. В грамоте мотивы защиты "царя", "царевичев" и "стояния за дом пресвятыя Богородицы" сочетались с защитой "всей черни", а общим врагом "царя" и "всей черни" выставлены изменники-бояре*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.2. Ч.2. С.74-75.) Это был умелый агитационный прием, делавший грамоту опасной для харьковских властей. К середине октября казаки Л.Черкашенина достигли наибольших успехов при поддержке местного населения. Так, для восстания в городе Богодухове хватило появления всего лишь пяти казаков*. (Там же. С.78.) Правительство двинуло против восставших крупные карательные силы во главе со стольником полковником Г.Косаговым, в том числе полки нового строя - копейный и рейтарский М.Гопта и Г.Кондратьева*. (Там же. С.130.) К концу 1670 г. с восстанием на Донце было покончено.

В то время, как донские казачьи отряды развертывали боевые действия в различных частях страны, главные силы С.Разина подошли 4 сентября к Симбирску. Это была сильнейшая крепость в среднем Поволжье, а воевода князь И.Б.Милославский сумел хорошо подготовиться к обороне. 31 августа, раньше С.Разина, к городу подошел воевода князь Ю.Н.Барятинский*, (Там же. Т.2. Ч.1. С.43.) а основные правительственные силы во главе с князем П.С.Урусовым, шедшие из Казани, не могли из-за восстаний на их пути пробиться к Сим-

бирску. 6 сентября С.Разин начал штурм города. Он нанес поражение князю Ю.Барятинскому, заставив его отойти к Тетюшам с потерей лошадей, судов и обоза*. (Там же. С.57.) Однако симбирский воевода И.Милославский сумел избежать разгрома и засел в Кремле*. (Там же. С.68.) В течение сентября восставшие 4 раза безуспешно штурмовали симбирский Кремль. На помощь И.Милославскому 1 октября вновь подошел Ю.Барятинский. С.Разин решил напасть на войска Ю.Барятинского, стоявшие на реке Свияге в двух верстах от города. Донская конница смяла конницу противника, но артиллерия и ружейный огонь пехоты нанесли разинцам очень большие потери*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.2. Ч.1. С.138, 225-226.) Сам С.Разин сражался в первых рядах и был "рублен саблею, и застрелен ис пицали в ногу". Атамана едва не захватил в плен алатырский дворянин Семен Степанов, но казаки отстояли своего предводителя*. (Там же. С.138.)

К исходу 1 октября разинцы оказались между войсками Ю.Барятинского и сидевшими в Кремле войсками И.Милославского. Но и в таком положении 3 октября разинцы организовали последний штурм Кремля. Силы, однако, были не равны. К тому же воевода Ю.Барятинский послал в обход разинцам полковника А.Чубарова*. (Там же. С.139.) Атаманы поняли, что нависла угроза потери стругов. С.Разина в бессознательном состоянии перенесли на струг, а в ночь на 4 октября отправили вниз по Волге*. (Сахаров А.Н. Степан Разин (Хроника XVII века). М., 1973. С.276-277.) 4 октября восставшие потерпели полное поражение под Симбирском.

Поражение С.Разина резко изменило характер событий крестьянской войны. Правительство взяло в свои руки инициативу и повсеместно перешло в наступление. Ухудшилось и положение разинцев на Дону, где старшины попытались восстановить положение, существовавшее до 12 апреля 1670 г. В ноябре 1670 г., пока С.Разин был на излечении после ранения в Царицыне, старшины внезапно напали на Кагальник. Некоторых "товарыщей ево, Стенькиных старшин", нападавшие захватили и "по своему войсковому праву в Когольнику ж указ им учинили"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.2. Ч.2. С.96, 99-100.) Однако восстановить свою власть на Дону старшинам не удалось. Сразу же после нападения на Кагальник С.Разин послал к Черкасскому городку сильный отряд казаков во главе с атаманом Яковом Гавриловым (Веневитиновым). Ни у старшин, ни у Я.Гаврилова не было сил для достижения победы, и обе стороны "боялись друг друга"*, (Там же. С.99.) пока во второй половине ноября в Черкасский городок не прибыл С.Разин с отрядом казаков "со 100 человек и больши"*. (Там же.) и не овладел положением.

В первый день встреча С.Разина со старшинами носила подчеркнуто мирный характер. Широко распространялись слухи о том, что повстанческий атаман пил со старшинами и одарил их: К.Яковлева - рысьей шубой, а Р.Колуженина - серебряным котлом. Дошли они и до Азова, и азовский Сулейман паша сообщал о них жильцу П.Быкову, ездившему в Азов с царской грамотой*. (Там же. Т.3. С.124-125.) На другой день, когда С.Разин увидел, что старшины все еще боятся его, поведение его резко изменилось. Как сообщал Р.Колуженин, он стал "говорить войску всякие розвратные слова", т.е. призывал казаков стать на его сторону. Определенное воздействие на казаков эти слова оказали. Некоторые из них "хотели убить ночью" старшин. Убит был казак Василий Шепелев, который ездил в Москву и привез грамоту*. (Там же. Т.2. Ч.2. С.99.)

После этого С.Разин пробыл в Черкасском недолго и уехал в Кагальник, считая, что власть его на Дону полностью восстановилась. В войсковой столице он оставил Я.Гаврилова, поставив перед ним задачу убить старшин и "стать в войску первым атаманом... до ево Стенькина приходу"*. (Крестьянская война под предводительством

Степана Разина. Т.2. Ч.2. С.100.) Это свидетельствовало, что С.Разин борьбе за власть на Дону стал уделять больше внимания, чем в апреле 1670 г., и стремился взять в свои руки не только фактическую, но и формальную власть в Войске, что позволяло бы ему оказывать более значительное влияние на казаков. Однако планы С.Разина не осуществились. Попытка Я.Гаврилова убить старшин окончилась неудачей. А накануне Николина дня осеннего сами старшины убили Я.Гаврилова и его сторонников*. (Там же.) Это явилось серьезным поражением разинцев на Дону.

С сообщением о событиях в Черкасском городке в конце 1670 г. и о своих успехах в борьбе с разинцами Войско направило в Москву станицу атамана Р.Колуженина. Правительство убедилось, что старшины вновь стали представлять из себя серьезную силу в борьбе с восставшими. Оно приняло станицу, но не в Посольском приказе, где обычно принимались донские станицы, а в приказе Казанского дворца, ведавшего подавлением восстания. Обещая казакам "милость", власти потребовали от них в дальнейшем вести борьбу с разинцами, а также "прислать к Москве" С.Разина и его брата Фрола*. (Там же. Т.3. С.5-6.)

Сам С.Разин попытался собрать силы для продолжения борьбы. В начале 1671 г., после Крещения (6 января) С.Разин с тремя тысячами казаков явился к Черкасскому и неделю стоял у его стен. Войти в городок С.Разину однако не удалось, несмотря на то, что у него было 30 пушек. Со стен Черкасского городка "по ево воровскому собранью стреляли ис пушек"*, (Там же. С.27, 33-34.) и черкасская артиллерия была несомненно сильнее разинской.

Приход разинцев напугал войсковую верхушку. Этим объяснялось направление в Москву челобитной, где говорилось о нехватке у Войска сил для борьбы с восставшими*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.27.) Фактически такая челобитная означала, как это и поняли царские власти, просьбу о присылке на Дон ратных людей с воеводой для борьбы со С.Разиным.

Опасения старшин оказались, однако, преувеличенными. К весне у них оказалось значительно больше сил, чем у разинцев. Дон к тому времени перестал уже играть роль социальной базы восстания. 9 апреля 1671 г. старшины "всем войском" во главе с К.Яковлевым начали поход на разинский Кагальник. 14 апреля городок был взят и сожжен, а С.Разин был взят в плен*. (Там же. С.59, 61.) Ф.Разина в Кагальнике в то время не было. Сам Ф.Разин говорил в приказе Тайных дел 8 июня, через 2 дня после казни С.Разина, что предводитель восстания собирался послать его в Царицын*. (Там же. С.94.) В большинстве источников сообщается о том, что Ф.Разина старшины поймали на Дону*, (Там же. С.59, 61, 97, 112-114, 127, 158.) вероятно, тогда, когда он ехал вверх по Дону в сторону Переволоки к Царицыну.

Победители доставили С. и Ф.Разиных в Черкасский городок, где "заковали в кандалы и отдали беречь за крепкую сторожу", а 24 апреля большая станица из 76 казаков во главе с атаманом К.Яковлевым повезла их к Москве*. (Там же. С.59.) В составе станицы находился также атаман М.Самаренин*. (Там же. С.99.) Столь представительный состав станицы должен был, по замыслу атаманов и старшин, продемонстрировать полную лояльность войска Донского и готовность его до конца вести борьбу с восставшими.

В ответ правительство тут же открыло торговлю с Доном по Северскому Донцу, столь необходимую для казаков Нижнего Дона, наиболее лояльных в отношении правительства. В то же время еще сохранялся запрет на торговлю по Дону, поскольку "в верхних городках донские казаки от воровства и измены не обратились"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.65.) Еще одну уступку старшинам правительство сделало 20 мая, удовлетворив челобитную атамана М.Самаренина об освобождении станицы И.Аверки-

ева*. (Там же. С.74-75.)

2 июня С. и Ф.Разины были доставлены в Москву*. (Там же. С.97, 114.) Увидеть атамана вышло "великое множество москвичей". (Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С.114; Рейтенфельс Я. Сказание светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905. С.119.) При въезде в город станицу сопровождал солдатский отряд из 600 человек. Перед телегой, в которой везли Разина, ехал сам К.Яковлев со знаменем*. (Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С.130.) Превратив акт доставки С.Разина в Москву в "торжественную публичную церемонию", правительство пыталось продемонстрировать как населению, так и иностранным наблюдателям несокрушимую мощь русского самодержавия*. (Там же. С.128.) К этому верному замечанию А.Г.Манькова можно добавить, что, проводя эту церемонию, власти не забывали и о донских казаках. Участие в ней станицы К.Яковлева должно было показать разрыв казачества со своим бунтарским прошлым и переход его на сторону властей.

Со 2 по 6 июня в приказе Тайных дел шли допросы С. и Ф.Разинных. Их вели бояре на основе десяти вопросов, составленных царем*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.80-81.) Характер вопросов показывал, что следствие интересовало, была ли у С.Разина связь с теми представителями феодальных и церковных кругов, в которых власти видели своих противников, прежде всего - с бывшим патриархом Никоном и сполунезависимым кабардинским князем К.М.Черкасским. Немалый интерес вызывал и вопрос о возможной измене в царских войсках, в частности, о том, кто сообщал восставшим о передвижении войск князя Ю.Долгорукова. Кроме того, царя интересовали некоторые малосущественные детали ("На Синбир жену видел ли") и подробности анекдотического характера (о шубе, которую астраханский воевода князь И.Прозоровский вымогал у С.Разина в 1669 г.). Ни существенные подробности хода восстания, ни причины участия в нем донских казаков и других слоев населения страны и столь длительных и крупных успехов повстанцев, очевидно, не интересовали Алексея Михайловича. Все это не могло не снижать ценности следственной работы бояр по делу С.Разина. На допросах и пытках С.Разин удивил многих современников исключительно мужественным поведением*. (Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С.117, 130; Рейтенфельс Я. Указ. соч. С.119.) Его допрос мало что дал следствию. Причиной своего выступления С.Разин указал убийство брата Ивана князем Ю.Долгоруком в 1655 г.* (Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С.107, 114.) Следственное дело С.Разина не сохранилось.

6 июня в Москве на Красной площади при большом стечении народа С.Т.Разин был казнен. Память о нем как о герое народ пронес через века, о чем свидетельствует богатейший фольклор разинского цикла*. (Шептаев Л.С. Песенный разинский цикл и исторические песни XVII века. - Ученые зап. Ленинградского пед. ин-та им. А.И.Герцена. Т.321. Л., 1967. С.3-24; он же. Ранние предания и легенды о Разине. - Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965. С.78-98; Тумилевич Ф.В. Донской эпос о Разине. - Литература Советского Дона. Ростов-на-Дону, 1969. С.284-322.) Исключительно сложная, глубоко противоречивая личность повстанческого атамана и народного вождя не может оцениваться однозначно*. (Соловьев В.М. Актуальные вопросы изучения народных движений. М.143.)

Актом, закреплявшим победу правительства, являлась присяга на верность государю, к которой было приведено войско Донское. Для этого на Дон прибыл 24 августа стольник полковник Г.Косагов. Присяга давала возможность правительству значительно усилить свои позиции на Дону и власть над войском Донским.

Последним оплотом крестьянской войны оставалась Астрахань,

где она продолжалась до ноября 1671 г. Руководство восстанием в городе осуществляли в значительной мере донские казаки во главе с атаманами Федором Шелудяком и Василием Усом. Они немало делали для распространения восстания на прилегающие к городу территории - на Терек, в район калмыцких кочевий и на подвластные Крымскому ханству земли*. (Чистякова Е.В. Василий Ус - сподвижник Степана Разина. М., 1963. С.51-52.) После поражения С.Разина под Симбирском астраханские повстанческие руководители выслали на помощь ему в Царицын отряд из 50 казаков*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.2. Ч.1. С.394.)

Тем не менее, общее ухудшение обстановки для восставших произошло и в Астрахани. 2 ноября кочевавшие вблизи города татары доставили митрополиту астраханскому и терскому Иосифу царскую грамоту, где говорилось, что "государь милостив и изменников ждет обращения". Митрополит переслал грамоту есаулу восставших Андрею Лебедеву и пытался его "уговаривать...ко истине". Но "уговорить" восставших не удалось. Тогда на другой день Иосиф решил прочесть грамоту астраханцам и казакам. Но слушать грамоту пришло немного людей. Зато оказалось много казаков - сторонников В.Уса. Они отобрали грамоту у митрополита и заявили ему: "Знал бы ты свою келью, что де тебе до нас дело", и даже, несмотря на его сан, пригрозили ему "роскатом", "водой" и "заточеньем"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.214.) Затем, 4 ноября, казаки взяли приближенного митрополита - ключаря Ф.Негодяева, били его палками и обвинили в сочинении грамоты митрополита*. (Там же.)

В конце апреля 1671 г., когда С.Разин был взят старшинами в Кагальнике, митрополит Иосиф вновь выступил против казаков-повстанцев. Когда было получено известие о приходе к татарам под Астрахань новой царской грамоты, обращенной к астраханцам, он стал уговаривать горожан послать за грамотой. Казаки доставили ее митрополиту, и он стал читать ее в казачьем кругу. В ней содержалось требование астраханцам "воров донских перехватить и посадить в тюрьму". Но астраханцы заявили: "Ково де нам хватать и сажать в тюрьму, мы де все воры", а казаки грозили митрополиту "роскатом"*. (Там же. С.215-216.) Через несколько дней, 11 мая, казаки вызвали митрополита на круг, обвинили его в том, что по его письму "Терек и Дон отложились от нас" и убили Иосифа, сбросив его с раската*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.218.) До того, 1 мая, казаки убили на круге ключаря Ф.Негодяева*. (Там же. С.216.) Кровавые злодеяния помогли более тесно сплотиться донским и астраханским сторонникам С.Разина. Они приняли крестоцеловальную запись, в которой поклялись "стоять против бояр и изменников и умирать...друг за друга...им, казакам, всем заодно, донским и астраханским"*. (Там же. С.220, 245-250.)

Незадолго до майских событий из Астрахани вверх по Волге вышло большое повстанческое войско во главе с донским атаманом Ф.Шелудяком и жителем Самары Иваном Константиновым. 29 мая оно подошло к Симбирску, показав тем самым, что успехи правительственных войск в борьбе с разинцами были еще не прочны. Взять город, однако, повстанцам не удалось, и воевода П.В.Шереметев выдержал в ночь с 9 на 10 июня их отчаянный приступ и нанес им поражение. Часть восставших стала расходиться "по домам своим" в города Нижнего Поволжья и на Яик. Атаманы во главе с Ф.Шелудяком сумели вступить в переговоры с воеводой. Они принесли повинную царю, а П.Шереметев, не чувствуя за собой достаточно сил, согласился на то, что восставшие получали возможность беспрепятственно уходить вниз по Волге. В Москве были недовольны этими переговорами, и воевода П.Шереметев вместе с похвалой за победу получил выговор за их ведение*. (Там же. С.108-109.)

Повстанцы ушли в Астрахань, где во время их похода от тяже-

лого кожного заболевания умер атаман В.Ус*. (Чистякова Е.В. Василий Ус – сподвижник Степана Разина. С.69.) Атаманом в Астрахани стал Ф.Шелудяк.

К концу августа к Астрахани подошло большое войско князя И.Милославского. Для подкрепления своих сил воевода потребовал от войска Донского прислать казаков. Однако Войско не дало помощь воеводе, сославшись на то, что "пришли воинския многие люди тотарове крымцы, да с ними ж калмыки Дуарова улусу и Дорошонка с черкасы"*.(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.3. С.160.)

Атаман Ф.Шелудяк вынужден был начать переговоры с воеводой, в ходе которых добивался, чтобы при вступлении в город правительственные войска не преследовали восставших, а для себя просил "государской милостивой указ учинить тайно"*. (Там же. С.157.) 27 ноября царские войска вступили в Астрахань, и пока воеводой был князь И.Милославский, участники восстания не преследовались. Но когда в июле 1672 г. астраханским воеводой стал вместо князя И.Милославского князь Я.Н.Одоевский, в городе началась расправа с разинцами, о которой даже недоброжелатель повстанцев Л.Фабрициус писал со страхом и отвращением*. (Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С.68-69.)

Так завершилось крупнейшее народное движение в России XVII в. – крестьянская война под предводительством С.Разина. Донские казаки сыграли в нем выдающуюся роль. На протяжении 1667-1671 гг. они выступали в качестве организаторов борьбы и передовых борцов восставшего народа. Донское казачество дало восстанию предводителя и многих атаманов. В то же время именно оно в значительной мере предопределило его разбойный характер. Помноженный на социальную ненависть народных масс России к помещикам и разного рода начальным людям, он приводил к массовому кровопролитию и истреблению людей как с той, так и с другой стороны. Однако для народа казаки-разинцы являлись прежде всего заступниками и борцами за справедливость. Поэтому народ навека сохранил память о разинцах и Разинском восстании, а в самом С.Разине видел своего героя.

Подведем итоги.

1. Война представляла собой главное дело и смысл жизни всего донского казачества в целом, каждого из донских казаков в отдельности. Высокое и глубоко своеобразное воинское искусство донских казаков вырабатывалось в условиях борьбы с противником, имевшим значительно больше сил, прежде всего – Османской империей и Крымским ханством. Оно включало в себя действия на суше и на море как наступательного, так и оборонительного характера, а также умелое ведение разведки. Очень сильны были казаки в применении приемов военной хитрости, в использовании особенностей местности. Кроме того, сила казаков заключалась в том, что они могли применять современные для того времени средства ведения войны – артиллерию, подкопную войну, отчасти – фортификацию при укреплении своих городков. Каждый казак мастерски владел своим личным оружием и с успехом мог выступать в роли и конника, и моряка. Все это предопределило боевые успехи войска Донского и заметную международную роль этого весьма малочисленного сообщества.

2. Первые сведения об участии донских казаков в войнах относятся к середине XVI в. От этого времени имеются сведения о начале их борьбы с Азовом и о выходах их на Азовское море, об участии их во взятии Казани и Астрахани, в войнах России с Крымским ханством в 50-е годы. В последние два десятилетия XVI в. в связи с заметным ростом рядов донского казачества наблюдалось значительное усиление его боевой активности.

3. В событиях Смутного времени в России начала XVII в. донс-

кие казаки принимали самое активное участие. Оно определялось их тесными связями с Россией и с русским народом, и неприятием ими господствовавшего в стране деспотизма и крепостнической системы, их тягой к вольности. Присущий казачеству монархизм предопределил то, что свои надежды они возлагали на истинного царя - Дмитрия Ивановича и поддерживали самозванцев - Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, и И.Болотникова. По мере того, как начиная с 1609-1610 гг. главенствующей идеей общественного движения становилось национальное освобождение, значительная часть казачества включалась в освободительную борьбу с польскими захватчиками, что предопределило их важную роль в избрании на престол Михаила Романова на Земском соборе 1613 г. В то же время в конце Смуты часть казаков принимала участие в разбоях и грабежах в северных уездах России.

4. Военные действия, которые велись донскими казаками в период между Смутным временем и Разинским восстанием, отличались значительными масштабами и имели важное международное значение. Вместе с запорожцами донцы держали в постоянном напряжении Турцию и Крым. Особенно большое международное значение имело взятие войском Донским Азова в 1637 г. и его героическая оборона в 1641 г. В целом борьба донского казачества укрепляла положение Российского государства на его южных рубежах.

5. Для Разинского движения, которое началось в 1667 г. как казачий поход за зипунами и переросло в соответствии с характером своих действий в антиправительственное казачье восстание, а в 1670-1671 гг. - в крестьянскую войну, донское казачество являлось его организатором и передовым борцом, а Дон - социальной базой. Благодаря участию казачества движение приобрело общероссийский размах. В ходе этого восстания казачество защищало как свои права и вольности, так и свободу для всего народа России. Поэтому в казаках-разинцах народ видел своих освободителей, а в самом С.Разине - своего героя.

Глава 7.

Народ и его культура.

1. Черты характера, взгляды на мир и особенности мышления донских казаков.

Донские казаки - народонаселение Донской земли - представляли собой своеобразное сообщество XVI-XVII вв., имевшее сходство с братской Запорожской Сечью, но отличавшееся от других разнородных соседей. Глубокое своеобразие донского казачества выражалось в самом способе его существования, связанном почти исключительно с ведением войны и с занятием промыслами. Свообразие заключалось и в его международном положении, обрекавшем его на постоянное противостояние с сильнейшим противником. Состояло это своеобразие также в том, что казачество являлось сообществом свободных людей, находившимся в окружении целого мира крепостничества, рабства и деспотизма, который господствовал и в Российском государстве, и в Крымском ханстве, и в Османской империи, и на Украине, до освободительной войны под руководством Б.Хмельницкого целиком находившейся под властью Польши. И, наконец, своеобразным был этнический состав донского казачества, отличавшийся как этнической пестротой, так и преобладанием русского элемента.

Все это предопределило складывание определенных типичных для донского казачества черт личности и характера, особенностей мировоззрения и восприятия окружающего мира.

Одной из наиболее заметных черт личности и характера донского казака являлся ярко выраженный патриотизм. Это чувство включало в себя любовь к своему отечеству - России и к своему народу,

что сочеталось с любовью к "малой родине" – Донской земле. Такая любовь, в свою очередь, порождала чувство ненависти к внешнему врагу, с которым казаки постоянно воевали. Подобное сочетание двух противоположных начал вполне соответствовало средневековому мышлению с его биполярным подходом к окружающему миру, с его четким представлением о том, что "по одну сторону был Бог, по другую – Дьявол", и с господствовавшим во всем средневековом христианском мире представлением, что мусульмане – "отверженные враги Господа"*.(Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С.136, 150.)

Казаки одинаково ощущали свою принадлежность и к России, и к Дону, и к русскому народу, и к своему войсковому братству. Иногда у них прорывается определенная настороженность по отношению к Москве, что отразилось в отдельных источниках, описывавших, например, события на Дону 1630 г., когда казаки отказались идти на войну с поляками совместно с турецкими войсками, убили царского посланника И.Карамышева, а затем опасались ответных мер правительства. Тем не менее, в источниках, исходивших от войска Донского, никогда не проявлялось стремление противопоставить казачество – русскому народу, а Дон – России. Напротив, несмотря на сравнительную оторванность Донской земли от России, на то, что между самыми верховыми казачьими городками по Дону, Хопру и Медведице и русскими поселениями в южных уездах лежало незаселенное пространство Дикого Поля, казачество в полной мере ощущало себя частью общерусского единства. В "Исторической" повести о взятии Азова в 1637 г. "волное казачество великое Донское войско" причисляло себя к "Московския области"*, (Воинские повести Древней Руси. С.48.) т.е. Дон казаки относили к русским землям. "А государство Московское многолюдно, велико и пространно, сияет светло посреди, паче всех иных государств и орд бусорманских, персидцких и еллинских, аки в небе солнце"*, (Там же. С.68.) – так отзывались казаки о Московском государстве в своем ответе туркам, приведенным в "Поэтической" повести об Азовском осадном сидении 1641 г. В этом отзыве проявилась любовь казаков к своей стране и гордость за нее, которую они выдержали перед врагом.

С патриотизмом донских казаков был связан их глубокий и искренний монархизм. В личности монарха для казаков персонифицировалось само государство, царь выступал в качестве гаранта его единства и силы. Не случайно поэтому в донском фольклоре такое большое место занимает образ "царя Ивана Васильевича". В одной из донских казачьих песен об Иване Грозном говорилось о том, что сам царь, которого окружали "князья, ... боярушки неразумные", ставил себе в заслугу: "Уж как мне-то можно хвастаться: Из Царьграда взял порфиру я, Взял Казань и славный Астрахань, Вывел я туман из морюшка, Вывел злую я изменушку"*.(Исторические песни XIII-XVI веков. С.435.) Следовательно, и сами казаки считали заслугой царя укрепление государственной власти внутри страны и повышение ее международного статуса, чему, по их мнению, способствовала взятая им якобы "порфира" "из Царьграда", сокрушение остатков Золотой Орды – Казанского и Астраханского ханств, а также борьба с "изменной" внутри страны, с ненавистными всему народу, в том числе и казакам, боярами. Само жительство на казачьих реках (донцы – на Дону, терцы – на Тереке) казачья историческая традиция связывала, судя по данным фольклора, с волей этого царя*.(Там же. С.479, 480, 482.) Монархизм казаков выразился и в фактическом непризнании тех царей, которые им казались не настоящими, и, следовательно, незаконными – Бориса Годунова и Василия Шуйского. Не признавая этих царей, казаки поддерживали Лжедмитрия I, а затем – Лжедмитрия II, видя в них законных наследников и сыновей Ивана Грозного. В Смутное время казаки выдвинули из своей среды много самозванцев-царевичей, начиная с Петра, пришедшего на помощь И.Бо-

лотникову в 1607 г. Вслед за этим самозванцем, объявившим себя сыном царя Федора, в 1608 г. появилось так много самозванных казацких царевичей, что это вызвало недовольство и опасение даже Тушинского вора*.(Платонов С.Ф. Указ. соч. С.251.) Конечно, далеко не все вожди казачества и рядовые казаки верили в царское происхождение своих царевичей, но несомненно и то, что те, кто выдвигал этих самозванцев в качестве средства в своей политической игре, успешно эксплуатировали монархические и патриотические чувства казаков. После того, как в 1613 г. при участии донских казаков царем был избран Михаил Романов, на Дону выражали по этому поводу большую радость и в отписках 1613-1614 гг. даже называли нового государя "второй Израиль"*(РГАДА. Ф.89. 1613. №1. Л.165, 169.) Глубокие монархические чувства отличали и казаков-разинцев. На круге в Паншине городке в апреле 1670 г. они заявили, что "мы де готовы за дом Пресвятыя Богородицы и за великого государя умереть и головы свои положить и служить"*(Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.153.)

По представлениям казаков, настоящий царь - обязательно "добрый", готовый всегда жаловать донцов за их службу. Но за непослушанье он мог быть на них "зело кручиноват", например, за самовольное взятие Азова*(Воинские повести Древней Руси. С.68.) Таким представлен царь Михаил Федорович в "Поэтической" повести об Азовском осадном сидении.

Патриотизм и монархизм донских казаков дополнялся их религиозностью. В массе своей казаки не были глубокими знатоками христианской догматики и Священного Писания. Однако религиозность их была несравненно более глубокой, чем у населения городов и уездов внутренней России. В то время, как в XVII в. среди русского посадского и крестьянского населения распространялась в устной и письменной форме сатира на служителей церкви и даже пародия на самую церковную службу в таком произведении, как "Служба кабаку", на Дону отношение к церкви было совершенно иным. Это вовсе не значит, что казаки не ведали о пороках русского духовенства, в том числе и о таком типичном, как пьянство. Характеризуя в 1652 г. одного из черкасских попов, отца Максима, Войско особо подчеркивало, что "он духовен, и смирен, и не упоец"*(Донские дела. Кн.4. Стб.701.) Следовательно, на Дону хорошо знали и других священников, которые обладали совершенно другими качествами. Знали и таких священников, которым не чужд был грех стяжания. Так, например, поп Григорий посылал весной 1630 г. в морской поход на Крым вместе с казаками живших у него белгородцев Ваську Иванова и Федьку Семенова "для добычи"*(РГАДА. Ф.123. 1630. №1. Л.261.) Но если на Руси отношение к религии и церкви во многом объяснялось личными качествами священников, то на Дону это обстоятельство не играло сколько-нибудь существенной роли. Оно определялось тем, что донские казаки по своему положению постоянно выступали в роли защитников православного народа и православной христианской веры "от турецких и крымских бусурман". Религиозные мотивы прослеживаются по разным источникам, вышедшим от казаков - их войсковым отпискам, челобитным отдельных казаков, литературным произведениям, посвященным азовским событиям 1637-1641 гг. Сохранилось немало казачьих челобитных с просьбой разрешить проезд на богомолье в Москву или в различные русские монастыри. Из числа знатных донцов на богомолье в Соловецкий монастырь ходили в 1648 г. бывший войсковой атаман Осип Колуженин*(Донские дела. Кн.4. Стб.8-12.) и будущий - Корнило Яковлев*(Там же. Кн.3. Стб.865-867.) В 1649 г. туда же ходил Иван Разин*(Там же. Кн.4. Стб.168, 170-171.) В 1650 г. "обещался...помолиться в Соловецком монастыре преподобным отцем Изосиму и Саватее, соловецким чудотворцом" престарелый Тимофей Разя, однако не успел этого сделать и умер в 1652 г. После его смерти выполнить этот обет пошел в том же году его сын Сте-

пан*. (Донские дела. Кн.4. Стб.551.) Крепость религиозного чувства у казаков и невозможность его полного удовлетворения на Дону сделали такие поездки распространенным явлением.

Вместе с тем казачество немало делало для укрепления позиций церкви на самом Дону. Уже в конце XVI в. на Дону сложился своеобразный религиозный центр в Монастырском (Нижнем) городке, где имелась часовня и пребывало много священнослужителей - "попов по 10и больши и дьяконы"*. (Зимин А.А. Русские географические справочники XVII в. С.229.) В 1637 г. часовня в Монастырском городке оставалась главным войсковым святилищем. Не случайно именно там происходил общевоинской молебен накануне похода на Азов*. (Воинские повести Древней Руси. С.50.) В период пребывания в Азове Войско при всей затруднительности своего положения не забывало о нуждах азовских церквей Иоанна Предтечи и Николы Чудотворца. В 1638 г. атаман Михаил Татаринов во время своего пребывания в Москве просил прислать для церкви Иоанна Предтечи богослужебные книги. Из Москвы было послано 17 книг*. (Донские дела. Кн.1. Стб.723, 755.) В 1641 г. казаки просили прислать в Азов колокольного мастера для отливки стопудового колокола для этой церкви*. (Там же. Кн.2. Стб.128.) И даже перед самой осадой Азова Войско сообщало, что хотело бы получить для обеих азовских церквей "миро, и масло, и запасных даров, да два пролога, да два златоуста, да о правиле святых отец семи соборов, ...минеи месячных печатных"*. (Там же. Стб.190.)

В 1644 г. войсковой столицей стал Черкасский городок. Возможно, что еще у черкас - основателей этого городка имелась часовня*. (Сухоруков В.Д. Краткое историческое известие о бывшем на Дону городе Черкаске. - Богатый колодезь. С.106-107.) Однако это не могло удовлетворить Войско. После того, как в 1649 г. Дон постигло "поветрие тяжкое" - эпидемия чумы, казаки поклялись построить храм. Саму эпидемию они связывали с гневом Божиим за невыполнение ими обета, данного еще во время осадного сидения в Азове в 1641 г., согласно которому в случае успеха они должны были построить в Черкасском городке церковь во имя Воскресения Христова. На строительство храма правительство пожаловало Войску в 1650 г. 100 рублей, а также книги, ризы и церковную утварь*. (Черницына В., Коршиков Н. Краса Донского края. Из истории строительства и реставрации Воскресенского войскового собора. - Богатый колодезь. С.118-119.) В 1652 г. соборная Воскресенская церковь была построена. Едва ли можно при этом согласиться с утверждением, что она была построена "под нажимом московского правительства, стремившегося с помощью церкви смирить буйное донское казачество"*. (Астапенко М. Останется вечно монументом. С.38.) Инициатива ее строительства исходила от самих казаков.

Во время пожара 1670 г. Воскресенская церковь сгорела. Отстроена она была в дереве в 1671 г. В одном из ее приделов некоторое время тяжелой цепью был прикован С.Разин. Цепь сохранилась до настоящего времени. Среди икон и книг, имевшихся в этой церкви еще в 1917 г., были и относившиеся к XVI-XVII вв.: образ Иоанна Богослова 1545 г., евангелие 1621 г. и другие*. (Лаврский Н. Черкасск и его старина. М., 1917. С.27.)

В других городках церквей, по-видимому, в XVII в. не было. Прямое указание на существование церкви в одном из городков - в Иловлинском - относится к 1696 г. Указали на ее существование певчие дьяки, проехавшие в тот год от Воронежа вниз по Дону до Азова*. (Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова. Сост. Н.Второв и К.Александров-Дольник. Кн.1. Воронеж, 1851. С.48.) На существование церквей по другим городкам дьяки не указали. Имелись по городкам лишь часовни, где служили приезжие попы. Так было в Романовском городке, где, как сообщал в 1688 г., во время следствия по делу донских

раскольников казак Меркушка Васильев, "церкви Божии и священника нет, одна толко часовня"*.(ДАИ. Т.12. С.166.)

Имели донские казаки и свои монастыри. Наиболее ранним был Никольский Чернеев монастырь на реке Цне вблизи Шацка, основанный донскими казаками в 1573 г.* (Карасев А.В., Попов Х.И. Краткое историческое и статистическое описание войска Донского. - Донские казаки в походе и дома. С.4.) После Смуты, в 1621 г., Войско просило правительство разрешить строение "пустыни Воронежского уезду Живоначальные Троицы Борщевского монастыря". Правительство удовлетворило челобитную и, кроме того, пожаловало монастырю Богатый затон, озера и разные угодья, а в дальнейшем подтверждало эти пожалования в 1640 и в 1654 гг.* (Донские дела. Кн.4. Стб.813-816, 822-829, 837-839.) Еще один монастырь появился у донских казаков в 1652 г. уже на самой Донской земле, где был основан Усть-Медведицкий монастырь. В 1655 г. по благословению патриарха Никона была открыта церковь. Осветить ее удалось лишь в 1670 г.* (Кириллов А.А. Часовни, церкви и монастыри от начала их появления до конца XIX в. - СОВДСК. Вып.6. Новочеркасск, 1906. С.5.) Монастырь был небольшим. К концу XVII в., по данным певчих дьяков, в нем имелось "братии 15 человек"*.(Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии... С.48.)

При нехватке на Дону священников и почти полном отсутствии церковью казачество отличалось крепостью в вере и консерватизмом. Не случайно поэтому нововведения в церковной сфере, связанные с реформой патриарха Никона, прививались на Дону с большим трудом. Даже к концу 80-х годов, уже после того, как новшества, введенные по церковной реформе, внедрялись в русскую жизнь уже примерно 30 лет; "на Дону де", - как говорил на допросе в 1688 г. старообрядец поп Самойло, - "все, что ни есть, крест имеют по древнему приложению..."*(ДАИ. Т.12. С.141.) Такая приверженность старой вере имела в своей основе постоянную, передававшуюся у казаков из поколения в поколение готовность к защите своей веры от внешних врагов - "бусурман". Она легко превращалась в готовность дать отпор попыткам духовного насилия и со стороны самой реформированной, в значительной мере оказавшейся церкви и стоявшего за ее спиной государства. Потребовалась кровопролитная братоубийственная война между казаками в 1688-1689 гг., чтобы позиции реформированной церкви на Дону более или менее укрепились, хотя и после нее значительная часть казаков оставалась приверженной старой вере, что проявилось в Булавинском восстании*.(Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. С.102.)

Твердость донских казаков в вере и глубокое осознание ими своего положения защитников православного христианства не исключали распространение на Дону разного рода языческих в своей основе суеверий. Такое сочетание в сознании людей христианских и языческих начал не являлось какой-то особенностью Дона, а было характерно для средневековья, в том числе и для позднего*.(Ле Гофф Ж. Указ. соч. С.126.) Суеверие было широко распространено в разных слоях русского общества. Известно, что москвичи связывали пожар Москвы 1547 г. с чародейством бабки Ивана Грозного Анны Глинской*.(Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. М., 1973. С.32-33.) Верил волхвам и колдунам и сам Иван Грозный и в конце жизни выслушивал их предсказания по поводу дня своей смерти*.(Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С.238-239.) То же самое было и в XVII в., когда распространение на Руси "игр и кощун бесовских" серьезно беспокоило русскую православную церковь*.(Очерки русской культуры XVII века. Ч.2. М., 1979. С.295.) Поэтому вера донских казаков в волшебство и колдовство не представляла для XVI-XVII вв. ничего необычного, если к тому же иметь в виду их боевую жизнь и зависимость от того, что называется "счастье боевое". Не случайно одну из причин своих неудач в начале осады Азова в 1637

г. казаки видели в том, что толмач турецкого посла Ф.Кантакузина "охреян" Осанко "своим волшебством великому Донскому войску чинил пакость великую". Чтобы прекратить эту "пакость", его казнили вместе с послом и со всем турецким посольством*. (Воинские повести Древней Руси. С.52.) Среди воинов-казаков распространена была вера в то, что с помощью волшебных чар можно уберечься от пули, пушечного ядра и холодного оружия. На Дону и на Волге, к примеру, ходило поверье, будто бы такие чары охраняли С.Разина. Когда в 1667 г. он проходил вниз по Волге мимо Царицына, то со стен города "пушка де ни одна не выстелила, запалом весь порох выхотил"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.136-137.) Среди казаков ходили разного рода наговоры "от пули", "от боя", "от набега" и т.д., пользовавшиеся известностью еще в начале XX в. Для них было характерно причудливое сочетание старого и нового, и "образ врагов" современных - "австрийских" - упоминался наравне с "образом врагов" из далекого прошлого - "крымских", "супостата татарского, и литовского, ... и калмыцкого". В этих наговорах упоминались Иисус Христос и христианские святые, однако основа их - языческая. В них выделялись такие языческие образы, как "бел-горюч камень Алтор", "колдун", "колдуница" и т.д.* (Шолохов М.А. Тихий Дон. Кн.1-2. С.216.) Сохранялись на Дону и некоторые обычаи, уходявшие своими корнями в языческую старину, например, венчание "около вербы", что будто бы велел донским казакам С.Разин*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.197, 207.)

Любовь казаков к Дону и Донской земле, не менее сильная, чем к России и к ее государю, нашла свое яркое выражение в словах казаков из "Поэтической" повести об азовском осадном сидении 1641 г., когда они прощались друг с другом перед последним боем: "Прости нас, государь наш тихий Дон Иванович, уже нам по тебе, атаману нашему з грозным войском не ездить, дикова зверя в чистом поле не стреливать, в Тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать"*. (Воинские повести Древней Руси. С.77.) Впрочем, иногда казаки заявляли о своей готовности покинуть Дон. Разговоры об этом ходили среди казаков в 1626 г. После опалы царя на войско Донское и ссылки казаков станицы атамана Алексея Старого на Белоозеро за самовольные морские походы на Крым и Турцию казаки заявляли, что "покиня Дон весь, пойдут з Дону в турецкого царя землю и учнут жить на турецкого царя на запольной реке"*. (РГАДА. Ф.127. 1626. N1. Л.337.) Так было и в 1630 г., когда после убийства И.Карамышева распространился на Дону слух о намерении правительства послать на казачьи городки ратных людей*. (РГАДА. Ф.89. 1630. N5. Л.79, 94-95, 98.) Следующий раз о возможности своего ухода с Дона казаки во главе с атаманом Иваном Каторжным заявляли в 1643 г., когда турки пытались после возвращения в Азов сбить войско Донское с Нижнего Дона и казачество переживало очень тяжелые времена. У атамана и его "советников" был тогда "меж себя" разговор об уходе на Яик, чтоб Яицкий "городок...срыть и жить на Яике и ходить на море"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.702.) Едва ли однако эти намерения можно принимать всерьез. Скорее всего, казаки стремились вовсе не к уходу из своих донских юртов, а лишь к тому, чтобы обратить внимание правительства на свое тяжелое положение, на неправильные шаги властей в отношении войска Донского и на необходимость оказания ему помощи со стороны Москвы.

В 1668 г., во время пребывания в Персии разинцы высказали просьбу, чтоб им шах велел дать "место на реке Ленкуре, где им жить"*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.142.) Просьба эта определялась не стремлением уйти с Дона и поселиться во владениях шаха, а являлась попыткой облегчения своего трудного положения, в котором казаки С.Разина оказались во время этого похода.

Оборотной стороной казачьего патриотизма было чувство ненависти к противнику, развитое столь же сильно, как и патриотизм. Оно прослеживается во многих источниках. В сочетании с ожесточенностью борьбы оно порождало жестокость, которая была взаимной. Она являлась нормой поведения с обеих сторон с самого зарождения борьбы между казаками и ногаями, крымцами, азовцами и составила историческую традицию, глубокие корни которой – в ожесточенной борьбе между европейским христианским, в т.ч. и русским, миром и миром восточным – арабским, тюркским, монгольским, доисламским и исламским, развернувшейся с раннего средневековья. На "большую жестокость" "неверных русов" – донских казаков в отношении азовцев указывалось еще в грамоте султана Сулеймана I Кануни хану Сахиб Гирею I*, (Le Khanat de Krimee... P.131-133.) относящейся ко времени до 1552 г. Жестоко поступили казаки низового Войска в 1592 г. с пленными знатными турками и горскими князьями, когда не получили требуемого за них выкупа. Одного из пленных они казнили, а других били плетью на глазах азовских посланников. Русскому послу Г.Нащокину они объясняли свои действия тем, что турки, в свою очередь, пленных казаков сажали на каторги*. (РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.92 об., 113, 114 об.) Поражены были казаки жестокостью турок в отношении пленного атамана Матвея Лисишника в 1616 г., у которого, прежде чем убить, вырезали ремни из спины*. (Там же. 1615. N4. Л.33.) Зная о такой жестокости противника по отношению к себе, казаки не останавливались перед убийством многих десятков и даже сотен пленных, особенно если было известно, что они ходили в поход на Русь за полонем. Так было, судя по войсковой отписке, в 1634-1635 гг., когда казаки перебили множество ногаев, крымцев и азовцев*. (РГАДА. Ф.127. 1635. N2. Л.44, 45, 48.) Хорошо зная, что турки и крымцы относятся к ним не просто как к военнопленным, но как к разбойникам, казаки в плену старались по возможности скрыть свою принадлежность к казачеству. Так поступили в 1649 г. донские казаки Ивашка Иванов и Андрюшка Сидоров, взятые в плен в 1646 г. На размене пленных, как они объясняли, они "не смели" "сказатца донскими казаки, и их бы де на розмену не привели, а продали б на каторгу"*. (Донские дела. Кн.4. Стб.229.)

При всем своем русском патриотизме и приверженности православной христианской вере у большинства казачества, русского по происхождению, не возникало никакой вражды со своими собратьями – меньшинством казаков – выходцев из тех народов, с которыми войско Донское постоянно воевало. На Дону не было столь жесткого требования к казакам, чтобы они обязательно исповедовали православие, как это было в Запорожской Сечи. Казаки-татары, которых всегда было немало в Войске, продолжали исповедовать ислам, о чем свидетельствовали имена многих из них. Никаких ограничений в правах эти казаки-мусульмане не испытывали и очень часто их включали в состав зимовых и легких станиц, ездивших в Москву, что представляло собой почетную войсковую службу. Традиции совместной жизни и общей боевой службы на Дону связывали казаков славянского и тюркского происхождения еще со времен атаманов раннего времени – Михаила Черкашенина и Сары Азмана, и были органически присущи казачеству. Поэтому, как говорил в Посольском приказе в 1705 г. атаман Савва Кочет, "между ними распри и никакого посмеханья друг над другом нет"*, (РГАДА. Ф.111. 1705. N13а. Л.14.) хотя этническая пестрота проявлялась даже в одежде казаков. Такая взаимная терпимость представляла собой существенную историко-культурную особенность донского казачьего сообщества. Она выделяла его на фоне тех европейских средневековых сообществ, где момент этнической розни играл весьма заметную роль, и определяло известное сходство с положением на некоторых других окраинных территориях России, например, в Сибири в XVII в., где русские переселенцы, начиная с землепроходцев-казаков, в целом мирно уживались с ко-

ренными народами, несмотря на отдельные случаи кровавых конфликтов*. (Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М., 1990. С.54-61.)

При всей этнической пестроте донского казачества и простоте вступления в XVI-XVII вв. в его ряды у казаков были крайне редки случаи измены. Казачья среда порождала не изменников, но доблестных защитников отечества. На Дону бытовало мнение, что по сравнению с донцами запорожцы не отличались постоянством и верностью, а иногда бывали склонны и к измене. Об этом прямо говорил в Посольском приказе 1 декабря 1657 г. донской атаман Михаил Лукьянов: "А в Запорожье де живут черкасы люди непостоянные и худые: как увидят неприятельский приход, и они де многие изменяют и передаютца из Запорожья в Очаков, а з Дону в Азов". Далее М.Лукьянов сообщал, что черкасский атаман Берниченко, перешедший в Азов, не раз ходил со своими черкасами и с азовцами под Валуйку и под другие государевы города*. (Донские дела. Кн.5. Стб.254.) В целом слова атамана едва ли можно признать справедливыми. В течение многих десятилетий донцы и запорожцы вели совместную борьбу с общим противником, и между двумя казачьими войсками сложились отношения братской боевой дружбы. Вместе с тем атаман, как и многие донцы, знал и такие факты, которые давали ему известное основание для подобной характеристики. На Дону хорошо помнили, что Сечь не раз выступала в союзе с крымцами начиная с 1624 г., когда оформила такой союз с ханом Магмет Гиреем и калгой Шагин Гиреем. Затем союз сложился у гетмана Б.Хмельницкого с ханом Ислам Гиреем. Для донских казаков подобный союз с традиционными врагами казачества и Российского государства был невозможен. Помнили в Войске и рассказы вышедших на Дон участников неудачного для казаков сражения при Адахунском лимане 1638 г., где после того, как обозначилось преимущество турок и крымцев, некоторые запорожские черкасы "учали переметыватца" к противнику*. (РГАДА. Ф.123. 1638. N1. Л.31.) Наконец, в 1657 г. донские казаки узнали о намерениях нового гетмана И.Выговского "воевать государевы города" вместе с крымцами*. (Апанович О.М. Запорізька Сич... С.124-125.) Все это, возможно, и послужило М.Лукьянову основанием для подобной характеристики. В конце XVII в., после разгрома движения донских старообрядцев, из рядов войска Донского вышла группа казаков-раскольников во главе с атаманом Левкой Маноцким, которая стала в 1689-1690 гг. совместно с азовцами и горскими черкесами совершать нападения на отдельные казачьи городки и на город Тор. Казаки расценивали это как измену и объясняли ее в своих песнях тем, что сам Л.Маноцкий - "прирожонная тума, из тум-то тума"*. (Исторические песни XVII века. С.103-104.) Таким наивным путем на Дону пытались объяснить причины его измены, являвшейся неслыханным для казака делом.

Исключительно высоко ценили на Дону войсковое братство. Об этом наглядно свидетельствовали рассказы голландских авторов Я.Стрейса и Л.Фабрициуса о княжне, находившейся у С.Разина и принесенной им в жертву реке*. (Буганов В.И. С.Т.Разин. - История СССР. 1971, N2. С.71.) Предпринимая этот жестокий шаг, атаман стремился показать своим сообщникам-казакам отсутствие у него привязанностей вне войскового товарищества и готовность его идти на все ради своих товарищей.

Верность донских казаков России и своему государю, их боевую доблесть и военное искусство высоко оценивал противник. Ногайский татарин Тугай Аталык, ездивший в 1641 г. под Азов, слышал от турок и крымцев "про донских казаков про азовских сиделцов, что они прямые государю слуги, умели Азов взять, умели ево и отсидеть, всякой бы де слуга своему государю так служил"*. (РГАДА. Ф.127. 1641. N1. Л.222.)

Типичным качеством донских казаков было их свободолюбие.

Вольность являлась главным побудительным мотивом русского продвижения на Дон. Это отразила старинная донская войсковая печать допетровского времени, где изображен "Елень поражен стрелой"*.(Ригельман А.И. Указ. соч. С.204.) Очевидно потому, что она очень ясно выражала тягу казаков к вольности, Петр I в 1704 г. отменил эту печать и ввел новую, с изображением голого казака верхом на бочке с вином*.(Астапенко М. Останется вечно монументом. С.81, 99.) Стремление казачества к защите вольности – своей, войсковой, от угрозы наступления на нее правительства, и общенародной – от наступавшего деспотизма и крепостничества – проявилось в Разинском восстании, в котором донские казаки сыграли выдающуюся роль. Не случайно любимыми героями донского фольклора стали Ермак и С.Разин – атаманы, вся деятельность которых определялась неудержимой тягой к воле – или же на новых землях в Сибирском царстве, или же по всей Руси с установлением вольных казачьих порядков. Известно немало случаев бегства донцов из Крыма и Турции и возвращения их на Дон. Дух свободы, господствовавший среди казачества, резко выделял его во всей России.

Все казаки в России и на Украине рассматривали свои сообщества как рыцарские, а себя в качестве рыцарей. По-видимому, начало распространению такого воззрения положили запорожцы, более, чем другие казаки, знакомые с западной культурой и через Польшу, и путем личного знакомства, когда запорожцы в составе французской армии в 1645-1646 гг. вели успешную осаду Дюнкерка, занятого испанским гарнизоном*.(Мицик Ю.А., Плохий С.М., Стороженко I.С. Указ. соч. С.222.) О донских и запорожских казаках как о рыцарях упоминалось в украинских народных песнях*.(Плисецкий М.М. Взаимосвязи фольклора донского и запорожского казачества. – Советская этнография. 1954, №3. С.23.) Рыцарской назвал жизнь донских казаков в XVII в. выдающийся донской историк В.Д.Сухоруков. Для XVI-XVII вв. рыцарство уже являлось анахронизмом, что ярко выразил на примере Дон-Кихота М.Сервантес. Однако в казачьей жизни того времени находили свое воплощение многие стороны средневекового рыцарства. Прежде всего, это – верная и бескорыстная служба своему сюзерену-государю и своей стране, что резко отличалось от наемной службы, известной казакам по распространенности ее у своих неприятелей – турок, а также в Польше и отчасти в XVII в. – в России. Другой сходной с рыцарством чертой донского казачества являлась их вольность – либо в форме их полной независимости от России до начала царствования Михаила Романова, либо в форме вассалитета, установленного в первые годы пребывания на престоле этого царя. Характерная для рыцарства вольность вассальной службы резко выделяла донских казаков на фоне подневольного положения и подневольной службы всех остальных служилых сословий Московского государства. Такое сочетание верности службы и ее вольности делало положение казачества близким к положению средневекового рыцарства. Близость состояла и в том, что казаки правомерно считали себя защитниками христианства подобно европейскому рыцарству, ходившему в крестовые походы и сражавшемуся с мусульманами – маврами и сарацинами.

Сходство имели и некоторые морально-нравственные и ценностные ориентиры рыцарства и казачества. Одинаково ценилась боевая доблесть, презиралась трусость. Мотивами чести и славы во многом определялось поведение как рыцарей*,(Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987. С.82.) так и казаков. Так, в памятнике испанского героического эпоса "Песнь о моем Сиде", созданном в XII в. и отражавшем события конца XI в., двоюродный брат Сиды Альвар Фаньез Минайя, советуя Сиду напасть на занятую маврами крепость Кастежон, обосновывал полезность этого дела, в частности, тем, что "об этом налете заговорит вся Испания"*, (Хрестоматия по западноевропейской литературе. Литература

средних веков (IX-XV вв.). М., 1938. С.404.) т.е. мотивом рыцарской славы. Особенно опасались рыцари бесчестья. В "Песне о Роланде" франкские рыцари, узнав о скоплении больших сил мавров в Ронсельванском ущелье, превышающих их собственные силы, решили принять бой, так как "бегущему - позор!", а сам Роланд, обосновывая недопустимость отступления, говорил, что иначе "в краю родном постигнет нас позор" и не желал, "чтоб за меня был посрамлен мой род"*. (Там же. С.181.) На Дону также расценивали славу в качестве важнейшего побудительного мотива. В войсковой грамоте с призывом к казакам идти на защиту Азова, направленной в июне 1638 г., говорилось, что это необходимо для того, чтобы не потерять "своей отоманской и молодецкой славы", а с потерей Азова "свою казачью славу потеряем"*. (Донские дела. Кн.1. Стб.810.) Дороже всего была для донцов, как указывалось в "Поэтической" повести об азовском осадном сидении, "слава вечная во всему свету"*. (Воинские повести Древней Руси. С.78.) Стяжание славы у рыцарства и казачества сочеталось со щедростью, считавшейся одной из основных феодальных добродетелей. Разорение для рыцаря было предпочтительнее скупости*. (Оссовская М. Указ. соч. С.84.) В "Поучении" Владимира Мономаха, представлявшем собой настоящий кодекс русских рыцарей - воинов, дружинников и князей, князь учил сыновей щедро кормить и поить бедняков, так как эти люди "прославляют человека по всем землям, любу добрым, любу злым"*. (Повесть временных лет. Т.1. С.158.) Здесь, следовательно, мотивы щедрости и славы тесно увязаны между собой. Мотив нестяжания богатства проявляется и в "Поэтической" повести. Когда турки стали просить казаков "дать отобрать побитой труп", лежавший под стенами Азова и предлагали за это большие деньги, казаки "не взяли у них ни серебра, ни злата", и заявили туркам: "Не дорого нам ваше серебро и злато, дорога тем слава вечная!"*. (Воинские повести Древней Руси. С.72.) Тем самым казаки чисто по-рыцарски отдали явное предпочтение славе по сравнению с богатством. В XVII в., когда буржуазная эпоха шла на смену эпохе средневекового рыцарства, когда в сравнительно отсталой России быстро складывались колоссальные купеческие состояния, когда начинался процесс первоначального накопления капиталов, когда погоня за деньгами, как это отражено в некоторых сатирических повестях, становилась характерной чертой русской жизни, ценностные установки донского казачества явно соответствовали временам рыцарства. По-рыцарски казаки в спокойной обстановке были склонны к разгулу, как, например, это было в Азове осенью 1637 г., когда казакам стало известно, что турок вблизи города в ближайшее время не будет*. (РГАДА. Ф.127. 1637. №1. Л.127-128.) Сходство между средневековым рыцарством и казачеством состояло также и в том, что и в средневековой Западной Европе, и на Дону в XVII в. у рыцарей и у казаков была распространена семейная жизнь, и в том, что "в культурах, где", по словам М.Оссовской, "человек прокладывает себе путь мечом, женщины обычно ценятся не слишком высоко"*. (Оссовская М. Указ. соч. С.92.) В то же время на Дону не было ничего подобного рыцарскому культу "прекрасной дамы". Отчасти это могло объясняться русскими средневековыми традициями женского затворничества и теремного времяпровождения, отчасти тем, что у многих казаков жены были ясырками. В то же время жены казаков выступали нередко как боевые подруги, что ярко проявилось, например, во время осадного сидения в Азове в 1641 г.* (Воинские повести Древней Руси. С.100.) и чего не отмечалось в рыцарские времена средневековья.

Существенными особенностями отличались не только характер и личные качества, но и мировоззрение донских казаков. Основу его составлял средневековый провиденциализм с существенными элементами рационализма, что было в целом характерно для эпохи перехода от средневековья к новому времени.

Отражением провиденциалистского начала в мышлении казачества являлась весьма распространенная в войсковых отписках в Москву словесная формула, употреблявшаяся в случаях, когда речь шла о боевых успехах казаков. Перед описанием этих успехов в отписках обычно писали: "милостию Божиею, а твоим государским счастьем...". Отчасти это был обычный словесный оборот, но отчасти он выражал веру казаков в то, что Божья помощь им и в самом деле сопутствовала. "Поэтическая" повесть также выделяла эту помощь как одну из важнейших причин победы над вражескими полчищами. "Сослана на них (турок - Н.М.) победа была с небеси", - отмечалось в повести. Точно также и причиной взятия казаками Азова в 1637 г., как подчеркивалось в повести, было то, что "услыша Бог моление... и плач" христиан, которых турки продавали в Азове, "разлучиша мужей и законных жен, сыны и дщери разлучаху от отцов и матерей", и "предал...город сей" "в руке" войска Донского. На стороне казаков сражались ангелы. Турки будто не видели "мужа храбра и младова во одежде ратной со единым мечем голым на бою ходяще, множество бурсурман побиваше"; "пластают" турок "два младыя мужика в белых ризах с мечами голыми". Ободряла защитников Азова и сама Богородица. А как только турецко-крымское войско стало уходить из-под Азова, ему грозили обнаженными мечами "два страшные юноши"* (Воинские повести Древней Руси. С.78-80.) - святые Борис и Глеб, покровительствовавшие русским воинам. Точно также объясняли казаки и причины своего тяжелого поражения в 1656 г. под Азовом, когда там погиб знатный атаман Павел Чесночихин: "судьбами Божиими поишкыдилось у нас под Азовом людей...".* (Донские дела. Кн.5. Стб.154.)

Вместе с тем казаки-воины прекрасно понимали, что военные победы или неудачи во многом зависят не только от потусторонних сил, но и от самих людей. Поэтому в источниках, исходивших от войска Донского, подробно сообщалось о ходе боев, о героизме, который проявляли казаки. Представление о большой роли в историческом действе самого человека, наделенного разумом, чувствами и личными качествами, сложившееся в XVII в. у донских казаков, в целом соответствовало основному направлению в развитии исторического мышления в период позднего средневековья, когда стал усиливаться интерес к человеку, когда начало формироваться понятие о нем как о творце истории* (Шапиро А.Л. Указ. соч. С.104.) и наметился переход от средневекового провиденциализма к рационализму нового времени.

Проявлением рационалистического мышления явилось повышенное внимание к деятельности отдельных выдающихся личностей. В "Сказочной" повести об азовских событиях 1637-1641 гг. подробно рассказывается о подвигах есаула Ивана Зыбина. Однако его нельзя признать историческим лицом. Скорее всего, это - обобщенный образ казака-героя. Для источников, вышедших от казачества, характерно то, что атаманам и иным предводителям в общем уделялось не столь уж значительное внимание. По ним трудно даже представить себе, каким образом атаман Михаил Татаринов лично руководил осадой Азова в 1637 г., а атаман Осип Колуженин - обороной города в 1641 г. В общем, вожди-атаманы сливались в единое целое с массой рядового казачества. Исключение составляли, пожалуй, лишь казачьи песни о Ермаке и С.Разине. Однако и них эти популярные атаманы - прежде всего художественные образы, выражавшие определенные чаяния казаков, в первую очередь - их вольнолюбие. Столь незначительное внимание к предводителям в целом не типично для сформировавшегося рационалистического понимания истории и общественной жизни с его осознанием особо значительной роли выдающихся личностей. Однако оно вполне типично для мышления и мировоззрения казачества с глубоко присущими ему уравнительными и демократическими традициями, не поощрявшими выделения кого-либо из рыцарского казачьего товарищества.

Оценивая свою историческую и геополитическую роль, донское казачество считало себя защитником православной христианской веры, русского государя, родной страны и своего народа от самого опасного с казачьей точки зрения внешнего врага - "турских и крымских бусурман". Борьба, которую вело войско Донское с Турцией и Крымом, в целом соответствовала интересам московского правительства и, как правило, прямо или косвенно поощрялась им. Однако на свою борьбу с этими государствами на Дону смотрели иначе, чем в Москве. Русские власти, исходя из общих соображений своей внешней политики, считали возможным и допустимым далеко не всякое боевое предприятие казаков против своих противников, но только такое, которое соответствовало их интересам. Однако казаки, как правило, действовали против них гораздо более активно, чем это отвечало интересам московской дипломатии. Характер этих действий определялся тем, что взгляд казаков на борьбу с Турцией и Крымом и на свое место в ней соответствовал не правительственному, а народному воззрению. Народ России и Украины, терпевший так много от этого врага, считал полезным и оправданным любое боевое предприятие против него.

Главным для себя и для всей России противником войско Донское считало Азов. Овладение этим городом составляло заветную мечту донского казачества. Оно позволяло ему занять более выгодные позиции в борьбе с Турцией и Крымом и получить свободный доступ в Азовское море. В 1637 г. оно осуществило свою мечту и, находясь в Азове, высказывало намерение овладеть другими соседними турецкими крепостями - Темрюком, Таманью, Керчью и даже Кафой*. (РГАДА. Ф.123. 1638. №1. Л.8.) Об этом намерении казаков известно было достаточно широко. Во всяком случае, на Руси ходили слухи о договоренности между государем и польским королем по поводу захвата донскими и запорожскими казаками турецких городов. При этом Азов и Темрюк должны были достаться донцам, а Тамань и Керчь - запорожцам*. (РГАДА. Ф.127. 1637. №1. Л.133.) В 1642 г. Войско вынуждено было оставить Азов, но при этом продолжало думать о вторичном его занятии вплоть до Азовских походов Петра I.

Вполне реально и трезво смотрели донские казаки на свое положение в Российском государстве. Они хорошо знали о глубоком уважении к ним среди народа. Связано это было и с тем, что в русских городах и уездах имели представление о самоотверженной борьбе казаков с турками и крымцами, и с тем, что, приезжая на Русь, казаки нередко спасали людей от крепостной неволи и уводили их на Дон. Атаман Ермак и С.Разин были любимыми героями не только донского, но и общерусского фольклора. В то же время казаки осознавали негативное отношение к себе со стороны господствующих верхов России. Это и имел в виду автор "Поэтической" повести об Азовском сидении Федор Порошин, когда приводил следующие слова из ответа казаков туркам, пришедшим к Азову: "И мы про то сами без вас, собак, ведаем, какие мы в Московском государстве на Руси люди дорогие, ни х чему мы там не надобны, очередь свою мы за собою сами ведаем... А нас на Руси не почитают и за пса смердящего"*.(Воинские повести Древней Руси. С.68.) Слова эти выражали глубокую горечь и досаду казаков за столь несправедливое к себе отношение, существовавшее несмотря на всю их самоотверженность и на все значение для России их борьбы с внешним врагом. Осознание такой несправедливости являлось одной из причин, подтолкнувших казаков к выступлению под предводительством С.Разина.

Таковы были люди этого немногочисленного сообщества XVI-XVII вв. Типичные для своего времени - бурного, жестокого и героического, они в то же время отличались такими особенностями характера, которые позволили им сделаться тем, чем они были в русской истории, внести в нее вклад, несопоставимо более значительный по сравнению со своей массовостью и прославить звание донского каза-

ка по всей Руси и в соседних странах Европы и Азии.

2. Культура донского казачества.

Своеобразные условия жизни на Дону в XVI-XVII вв., особенности характера и мировоззрения донских казаков предопределили возникновение оригинальной культуры донского казачества.

Эта культура являлась частью русской культуры, что было связано с наличием в казачьих рядах устойчивого русского большинства. Вместе с тем донские казаки составляли ту часть русского народа, которая была наиболее открытой для тесного общения с соседними народами ближневосточной исламской, по преимуществу турецкой культуры. Общению с этими народами содействовало географическое соседство с ними, а также разные формы невоенных контактов - частые сходки с целью ведения мирных переговоров, выкупа друг у друга пленных, торговли. Кроме того, в XVI-XVII вв. само сообщество донских казаков еще не носило замкнутого характера. Несшие постоянные потери в боях, казаки охотно принимали в свои ряды представителей соседних народов, и донские татары всегда были заметной частью донского казачества. Отсюда возникали условия для взаимопроникновения культур, для складывания в культуре донского казачества, русской в своей основе, турецкой струи.

Одним из наиболее важных каналов ее проникновения являлся язык. В русском языке донских казаков приживалось немало турецких слов.

Прежде всего это относится к самому слову "казак". По поводу его происхождения существуют разные точки зрения. Исследователи говорят о монгольском*, (См.: Коков Дж. К использованию топонима "черкасы" и слова "казак". - Уч. записки Каб.-Балк. гос. ун-та. Серия филологическая. Нальчик, 1965. С.4-5.) адыго-абхазском*, (См.: Байер Г.З. Указ. соч. С.79; Марр Н. Кавказский культурный мир и Армения. - Журнал мин. нар. просвещения. Новая серия. Ч.7. 1915. Июнь. С.286.) турецком*, (См.: Бутков П. О имени казак. - Вестник Европы. 1822, N21. С.193; Благова Г.Ф. Исторические взаимоотношения слова "казак" и "казах". - Этнонимы. М., 1970. С.144; Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI - начало XX вв.). Историко-этнографические очерки. М., 1974. С.21.) или же индоевропейском* (Заседателева Л.Б. Терские казаки. С.23-24) его происхождении. Слово это проникло на Дон для непосредственного обозначения донских казаков еще со второй трети XVI в. двумя путями - как со стороны Руси, так и со стороны татар из Азова, ходивших по донской степи. На Руси под словом "казак" понимался вольный человек и в то же время бродяга, скиталец*, (Благова Г.Ф. Указ. соч. С.144; Заседателева Л.Б. Терские казаки. С.21.) изгой. Известно слово было еще в киевские времена, когда былины одного из своих любимых героев, Илью Муромца, называли "старый казак". В XVI в. под словом "казак" известны разные люди: служилые мещерские татары, некоторые из русских служилых людей, а также татары из отрядов, находившихся под Азовом. Это название закрепилось и за донскими казаками, в отрядах которых было немало азовских казаков.

Помимо слова "казак" в речи донцов прижилось немало оригинальных слов, перешедших из турецких языков и неупотребляемых или мало употребляемых в русских городах и уездах: есаул, каторга, ясырь (слова, часто употребляемые в войсковых отписках, где сообщалось о морских походах донских казаков); аманат (заложник; об обмене атаманами с азовцами при заключении с ними перемирия Войско не раз сообщало в Москву); кубелек, кобелек (старинное праздничное платье донских казачек, от турецкого слова "кобелек", "кебелек" - мотылек, бабочка, так как широкие рукава напоминали крылья; упомянуто у А.И.Ригельмана, но существовало и до XVII

в.); кичка (головной убор казачек с двумя или четырьмя рожками, также упомянут у А.И.Ригельмана; согласно А.И.Ригельману, казачки носили "высокие кички с сороками"; упоминание о том, что на Дону "бабы в сороках ходят", относится к 1688 г.)*;(Ригельман А.И. Указ. соч. С.196-197; ДАИ. Т.12. С.182-183.) чулан (сени в доме, коридор без окон; известно, что Ивашко Сапожник, проходивший в 1688 г. по делу о донских раскольниках, "сидел в чулане, шил сапоги" в одном из домов в Черкасском городке)*(ДАИ. Т.12. С.158.) и т.д.

Достаточно широко, особенно среди женщин, употреблялось и тюркское наречие. По мнению составителей "Казачьего словаря-справочника", на Нижнем Дону "женщины сохранили до наших дней остатки наречия азовских казаков"*. (Казачий словарь-справочник. Т.2. Сан-Ансельмо, 1968. С.42.) Здесь допущено несомненное преувеличение, связанное со стремлением авторов и составителей словаря показать нерусские корни донского казачества. Тем не менее, в языке донцов попадаются оригинальные тюркские слова, встречавшиеся в речи казаков еще в XVI-XVII вв.

Помимо языка, влияние на казаков их тюркских соседей проявлялось и в одежде, поскольку среди казаков было принято одеваться "по-татарски". И вообще разнообразие одежды донских казаков отражало не только этническую пестроту, но и взаимовлияние различных культур, в частности, помимо русской и тюркской культур, культуры горцев Кавказа, а с конца XVII в. - калмыков.

Казачья культура русского происхождения воспринимала, кроме того, у татар культуру ведения скотоводческого степного хозяйства, усваивали приемы степной войны и, по крайней мере, несколько не уступали в знании и умении применить их ни крымцам, ни азовцам, ни ногаям.

Проявилось также несомненное влияние близкой украинской культуры, проводником которой выступали запорожцы. В частности, фольклор донских и запорожских казаков знает немало близких образов и сюжетов. Это - образы Днепра Славутича и Дона Ивановича, помутившихся от гибели своих сынов-казачков и разные варианты песен об убитом казаке.

Таким образом, самобытность культуры донского казачества заключалась в значительной мере в том, что в ней переплетались элементы культур тех этносов, которые составили казачье сообщество на Дону, при наличии русской основы этой культуры, что отражало преобладание в войске Донском русских по происхождению казаков.

В том, что касается русской основы культуры донских казаков, то исследователи обращали внимание на наличие определенного ее сходства с одним из областных, весьма своеобразных вариантов общерусской культуры - с культурой Северо-Запада Руси*. (Савельев Е.П. Средняя история казачества (Историческое исследование). Ч.2. Новочеркасск, 1916. С.266-291; Королев В.Н. К вопросу о славяно-русском населении на Дону в XIII-XVI веках. - Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С.124-125.) Несмотря на сравнительную географическую удаленность Новгорода и Пскова от Дона, для такого сходства существовали определенные предпосылки. К ним относилось сходство во внутреннем политическом устройстве - свободы и республиканский строй, господствовавшие как в средневековых республиках Северо-Запада Руси, так и на Дону, большая роль военного начала в жизни и пограничных с занятой немцами Прибалтикой землях Пскова и Новгорода, и на Дону, расположенном на рубеже с турецко-крымскими владениями, известная общность черт характера населения Северо-Запада Руси и донцов - отвага, свободолюбие, буйный нрав и т.д.

Черты такого сходства проявлялись и в некоторых особенностях

языка. Так, для речи казаков Верхнего Дона, как и для речи новгородцев, характерны чередования шипящих. В речи употребляется, к примеру, двойное ш вместо щ или сч (шштобы, ишшо, пешшинка, пишша и т.д.), ж вместо жд (Рожество, одежда, надежа и т.д.), х вместо к (хрешшенье и т.д.). Отдельные слова широко употреблялись и донцами, и новгородцами: атаман, стан, ватага, ильмень.

На общность некоторых обычаев у новгородцев и у донских казаков обратил внимание Е.П.Савельев. Значительное сходство заключалось в легкости заключения брака и расторжения его. И у тех, и у других существовал, в частности, обычай венчания "вкруг ракитова куста" или вербы. Кроме того, и в Новгороде, и на Дону осужденных нередко сажали на цепь. Известно, что на Дону после пленения в Кагальницком городке до отправки в Москву сидел на цепи С.Разин. В 1687 г., в период выступления донских раскольников, казаки посадили на цепь в Черкасском городке проповедника раскола Кузьму Косого и раскольничьего попа Самойлу*. (ДАИ. Т.12. С.140, 164, 183.) Проявлением новгородского влияния Е.П.Савельев считал также восьмигранную в плане форму донских церквей XVIII-XIX вв., построенных в соответствии с новгородскими традициями более раннего времени.

Есть, однако, основания предполагать, что Е.П.Савельев допускал известное преувеличение степени воздействия новгородской культуры на культуру донского казачества. Так, говоры донских казаков при наличии черт сходства с северо-западными русскими говорами по фонетике и словарному составу относятся к группе южновеликорусских говоров*. (Хмелевская Т.А. Русские говоры Дона и их место в системе южновеликорусского наречия. Автореф. докт. дис. М., 1970.) В письменных источниках XVII в., вышедших от донских казаков, не проявлялось столь характерного для Северо-Запада чередования шипящих и звуков ц и с. Такое чередование отмечено лишь в случае: цепь (цепь). В говорах Северо-Запада такое чередование встречается постоянно: мець (меч), Църнигов (Чернигов), в руке (в руке), в явлоце (в яблоке), черньчю (чернецу), на реце (на реке)*, (История русской литературы. Т.2. Ч.1. М.-Л., 1945. С.120, 122, 131, 142.) шизым орлом (сизым орлом) и т.д.

Что касается восьмигранной формы донских церквей, то Н.Лаврский видел в этом проявление не новгородского, а украинского влияния. Такой план был характерен для украинского барокко, а украинские церкви XVI-XVII вв. послужили прототипом для более поздних донских церквей. В стиле украинского барокко был выстроен в начале XVIII в. каменный войсковой Воскресенский собор*, (Лаврский Н. Указ. соч. С.14, 23.) сменивший деревянный собор Воскресенья Христова, построенный в Черкасском городке в 1652 г. и горевший в 1670 и в 1687 гг.

По мнению Е.П.Савельева, почитание на Дону Николая угодника также было связано с Новгородом и Псковом, где культ этого святого имел широкое распространение. Между тем, культ Николая угодника - не какой-нибудь местный, а общерусский культ. Это бросалось в глаза иностранцам. Так, Д.Флетчер отмечал, что русские "почитают главным своим заступником" святого Николая*, (Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С.128.) а у К.Буссова даже сложилось впечатление, что русские считают своим Богом не Иисуса Христа, а Николая*, (Буссов К. Указ. соч. С.117, 122, 132, 133, 145.) следовательно, почитание на Дону Николая угодника имело общерусские корни. Помимо Николая, среди казаков было распространено почитание святых соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия. Об этом свидетельствовали многочисленные челобитные казаков XVII в. с просьбой о пропуске на богомолье в Соловецкий монастырь. Возможно, что казаки-воины верили в способность соловецких святых исцелить боевые раны*. (Степанов И.В. Крестьянская война в России 1670-1671 гг. Т.1. С.315.) Распространен был

на Дону общерусский культ Пресвятой Богородицы.

Одним из основных элементов культуры донского казачества как воинского сообщества являлось его военное искусство. Воинская жизнь и воинский быт казачества наложили отпечаток на его материальную и духовную культуру. Интересами ведения оборонительной и наступательной войны определялось возникновение таких оригинальных достижений материальной культуры, как казачьи поселения-городки и струговой флот.

Воинским духом проникнута вся литература донского казачества – как устное народное творчество, так и письменная литература.

Формами устного народного творчества донских казаков были как старинные былины, так и новые – песни. Для одних исследователей сам факт распространения былин на Дону – свидетельство прямой связи между культурой новгородцев и культурой донских казаков*. (Савельев Е.П. Средняя история казачества. С.286-287.) Другие исследователи, однако, указывали на то, что былины о героях новгородского фольклора – Василии Буслаеве и купце Садко – были представлены на Дону не столь уж широко. Главные герои былин, записанных на Дону – известные русские богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, а характерные для былин киевского цикла упоминания о Киеве и князе Владимире довольно редки*. (Астахова В.М. Вопросы изучения донской былины. – Народная устная поэзия Дона. Ростов-на-Дону, 1963. С.52-55.) Всего на Дону, по подсчетам Я.П.Лепилина, записано около 100 вариантов былин*. (Листопадов А. Донские былины. Ростов-на-Дону, 1945. С.4.) По своему содержанию, по особенностям исполнения былины донских казаков, как и казаков с Терека и Южного Урала, отличаются от былин, записанных в других регионах. Так, донские былины значительно короче северорусских. Если, по наблюдениям Г.П.Сердюченко, текст северорусских былин состоит из 500-600 стихов, то донских – не более 150*. (Листопадов А. Донские былины. С.5.) Большая часть былин на Дону посвящена Добрыне, тогда как на русском Севере самый любимый герой былин – богатырь Илья. И, наконец, главной особенностью донских былин является близость их к донской казачьей песне. Определялась она прежде всего содержанием своих былин. Так, любимый герой донских былин в некоторых из них назван Дончаком. И вообще известные былинные герой-богатыри весьма напоминают самих казаков. Например, былина, посвященная выезду Ильи Муромца "во чисто поле" и его прощанию с матерью и отцом* (Там же. С.11.) очень похожа на типичное для казачьей жизни прощание уходившего на войну казака с родителями, причем такое прощание могло происходить и в XVII в., когда у казаков уже была распространена семейная жизнь. В другой былине Илья Муромец – Кузютушка просит отца научить его "из ружья стрелять"*. (Там же. С.15-16.) Против разбойников он держит "тугой сагайдак", который также был на вооружении у казаков, причем знатнейший атаман в Сечи Петр Конашевич даже имел прозвище Сагайдачный. Былина об Илье и "целовальничках" воспроизводила характерную для XVII в. сцену прихода прибывшего на Русь казака "в царев кабак"*. (Там же. С.17-18.) В былине, рассказывавшей о возвращении Добрыни с казачованья, сообщалось об обмене его с Алешей Поповичем своими медными крестами*. (Там же. С.24.) Обычай обмена крестами, означавший установление побратимства, был известен на Дону. В былинах донских казаков нашли отражение некоторые географические объекты и имена исторических деятелей, связанные с казачеством той эпохи – Туречина, Цареград, Крымская земелюшка, "в Шахове", "у Ляхове", Маринка (Мнишек), Васильюшка Долгорукий (лейб-гвардии майор князь В.Долгорукий, подавивший в 1708 г. Булавинское восстание)*. (Листопадов А. Донские былины. С.27, 33-37, 56, 58, 63, 71.)

Характерная черта донских былин – совмещение реалий казачьей жизни XVI-XVII вв. и более позднего времени с фольклорными тради-

циями русского народа, уходившими своими корнями в далекий киевский период его истории. В этом выразалась прямая преемственность между русской культурой средневековья и культурой донских казаков, выросшей и развивавшейся на ее почве.

Еще одна важная особенность донских былин – их глубокое сходство с донскими казачьими песнями. Проявилось оно в самой манере их исполнения. Если северные русские былины, как обратил внимание А.М.Листопадов, исполняются речетативом и полуречетативом на один голос, то на Дону было распространено их хоровое исполнение, так же, как и исполнение песен*. (Там же. С.5.) Проявлялось оно и в историко-героической направленности многих донских песен. Сами казаки также считали былины песнями, но "стародавними", "староотеческими", "прадедовскими"*, (Там же. С.4.) в отличие от тех исторических песен, которые были посвящены участию казаков в исторических событиях с XVI в.

Вместе с тем в отличие от былины песня посвящена художественной разработке конкретного исторического сюжета*. (Дмитриева С.И. Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX – начала XX в. М., 1975. С.16-17.) Наиболее ранний из исторических сюжетов казачьих песен связан с участием казаков во взятии Казани. Сюжет этих песен искусственный, поскольку взятие Казани приписывается в них только казакам, а предводительство над ними – Ермаку. По наблюдению В.Н.Путилова, создание их относится к концу XVI в., после того, как стало известно о Ермаке, и до Смутного времени начала XVII в., заслонившего собою события XVI в.* (Исторические песни XIII-XVI веков. С.683.) К созданию этих песен явно не имели отношения казаки – участники войны с Казанью, поскольку каких-либо подробностей этой войны в песнях нет. В них лишь говорится о разрешении, данном Иваном Грозным Ермаку на взятие Казани, о призыве Ермака к казакам идти к Казани и о царской награде Ермаку и казакам – пожаловании им реки Дон "со всеми реками"*, (Там же. С.530-531.) "...сы проточинами, сы соляными... сы озерушками"*. (Листопадов А.М. Донские исторические песни. Ростов-на-Дону, 1946. С.15.) Песни о взятии Казани Ермаком свидетельствовали о том, что на Дону знали об участии казаков в борьбе за Казань при Иване Грозном и о популярности имени Ермака, которому приписывались даже не совершенные им подвиги. О самом походе Ермака в Сибирь на Дону знали, судя по казачьим песням, не столь уж много. Так, в песне "Как на славных на степях было саратовских" говорилось о приезде атамана с повинной к царю за свои разбои, когда он гулял "по синю морю по Хвальнскому" и о принесении им царю вместе "с буйной головой" – "царства Сибирского"*. (Исторические песни XVII века. С.533.) В то же время донской фольклор ничего не знает об атамане – сподвижнике Ермака Иване Кольцо, приехавшим в 1582-1583 гг. в Москву с известием о завоевании казаками Сибирского ханства и ранее уже приговоренного русским правительством за совершавшийся им разбой к смертной казни*. (Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн.3. Т.9. С.224, 233-235.) Образ Ермака стал одним из главных в донском фольклоре, причем атаман затмил всех своих боевых товарищей по походу в Сибирь, о которых не упоминалось в донских казачьих песнях.

Донскими по происхождению являются песни об убийстве казаками дворянина Ивана Карамышева, которое произошло в 1630 г. Песни были записаны в разных губерниях России*. (Исторические песни XVII века. С.100-102.) Следовательно, весть об этом происшествии широко разошлась по стране. В песнях приводятся некоторые реальные детали, известные по письменным источникам – о том, что И.Карамышев не снял шапку при чтении государева указа, и что его сперва зарубили саблями, а затем бросили в Дон. Убийство И.Карамышева надолго запечатлелось в памяти казаков, поскольку само по себе оно представляло собой событие необычайное, так как ранее на Дону

никогда не убивали царских посланников. Запомнилось оно еще и потому, что оно отразило решимость казаков идти даже на такое убийство ради защиты своей свободы. Этот случай полностью соответствовал тем представлениям, которые сложились у народа о казаках как о людях, готовых и способных постоять за свою свободу. Поэтому песни об убийстве на Дону И.Карамышева распространились по стране.

Распространен был на Дону сюжет о взятии казаками Азова. В этих песнях упомянуты некоторые реальные детали – молебен перед походом на Азов, а также обсуждение "стариками" того, как "Азов-город взять"*. (Там же. С.104, 108.) В то же время в них ничего не говорилось о предводителе этого похода – атамане Михаиле Татарине. Несколько песен записано в XIX – начале XX в. у уральских казаков. Они свидетельствуют о знакомстве казаков с тяжелым поражением в Адахунском лимане в 1638 г.*, (Там же. С.112-113.) о чем на Яике узнали от донцов и сложили песню. В ней говорилось об "оплошности" казаков под Азовом, о битве в течение трех суток и о пленении атамана без упоминания непосредственно об Адахуне.

Разинская тема – одна из центральных в донском фольклоре, как и в фольклоре всего русского народа. В песнях о С.Разине и его казаках отражены некоторые реальные события 1667-1671 гг. – таких, как круги в разинском войске, походы на Каспийское море и вверх по Волге, заключение и казнь С.Разина. Так же, как и песни о Ермаке, песни о С.Разине проникнуты духом вольности. И если в песнях о Ермаке отражалось стремление казаков к признанию за ними права вольной жизни на Дону со стороны правительства России и обоснованием этого права пожалованием им "реки Дон" Иваном Грозным*, (Горелов А.А. Донские песни о Ермаке. – Народная устная поэзия Дона. С.84-87.) то в песнях о С.Разине, появившихся в конце XVII в., когда шло решительное наступление правительства на права и вольности донских казаков, проявилось глубокое уважение к памяти повстанческого атамана как борца за эти вольности. Не случайно поэтому, как говорилось в одной из песен, после казни С.Разина "на Дону-то нездорово делалось, помутился у нас славной Тихай Дон сы вершины вниз до синя морюшка"*. (Листопадов А.М. Донские исторические песни. С.52.) В казачьих песнях разинского цикла имеются некоторые историко-географические неточности – такие, как плавание С.Разина по "морю турецкому", "тихому Дунаю", "гуляние" казаков "во городе Казани", где "выбирали атамана они Разина Степана", прибытие его "к матушке Неве-реке" и т.д.* (Там же. С.24, 30, 37.) Очевидно, что это – позднейшие наслоения. Они отражали некоторые реалии казачьей службы в XVIII в., такие, как служба в Петербурге у берегов Невы, участие в войнах с Османской империей вблизи Дуная, события в Казанской губернии во времена Е.Пугачева. Сказались такие фольклорные традиции донского казачества и русского народа, для которых характерно частое упоминание образов Дунай-реки и города Казани, а также неполное знание новыми поколениями казаков конкретных фактов, связанных с Разинским восстанием. Однако при всех фактических неточностях песни о С.Разине сохранили свободолюбивый дух разинского времени, который казаки пронесли через многие годы, несмотря на все попытки правительства и войсковых властей заставить казаков забыть о предводителе донской вольности.

Помимо исторических, на Дону были распространены песни иных жанров. Собиратель песен И.И.Кравченко подразделял их в 1938 г. на походные, лирические, любовные, хороводные, плясовые и детские*. (Поздеев А.В. Собрание и публикация донских казачьих песен. – Народная устная поэзия Дона. С.169.) Кроме того, боевая обстановка и распространение семейной жизни способствовали возникновению такого жанра, как плач по убитому. Исследователи-фольклористы и музыковеды относят песни этого жанра к числу самых старин-

ных*. (Шептаев Л.С. Донские песни разинского цикла. - Народная устная поэзия Дона. С.98-99.)

Влияние донского казачьего фольклора на устное творчество всего русского народа, жителей городов и уездов России было несомненным. Не случайно поэтому на русском Севере и в Поволжье были написаны песни, сюжеты которых заимствовались от донских казаков - такие, как песни об убийстве И.Карамышева и о взятии Азова.

Наряду с устным народным творчеством на Дону в XVII в. сложилась собственная письменная и литературная традиция.

Одной из важнейших основ ее являлось распространение среди донского казачества грамотности и книжной образованности. В этом отношении определенный пример донцам могли подавать их боевые братья - запорожцы. Они имели более предпочтительные условия для распространения грамотности и книжного знания. Дело состояло в том, что украинский народ, находившийся под гнетом Речи Посполитой, испытывал глубокую внутреннюю потребность в сохранении своей культурной самобытности. Отсюда - широкое распространение на Украине образования, чему способствовали братские школы при церквях и монастырях. Именно на Украине было открыто в 1632 г. первое высшее учебное заведение в восточнославянских землях - Киево-Могилянская академия, первым "опекуном" которой стал митрополит киевский и галицкий П.Могила*. (Мицик Ю.А., Плохий С.М., Стороженко І.С. Указ. соч. С.239.) Значительное внимание распространению образования на Украине уделял знаменитый предводитель казачества гетман П.Конашевич-Сагайдачный*. (Грушевский М. История украинского казачества. Т.2. Киев, 1914, С.221-222.) Глубоко знавший психологию запорожского казачества XVII в. Н.В.Гоголь особо выделял то обстоятельство, что его любимый герой полковник Тарас Бульба при всей своей грубоватости, которой он даже несколько бравировал, добивался того, чтобы его сыновья получили образование в бурсе. Конечно, Украина XVII в. была центром восточнославянской образованности, и именно через нее проникало в то время в Московскую Русь как православное - греческое и южнославянское, так и западное культурное влияние, и в этом отношении запорожцы находились в более благоприятных условиях, чем донские казаки. На Дону и во второй половине XVII в. грамотность не играла роли даже при занятии места войскового атамана. Так, занявший это место в 1686 г. Самойло Лаврентьев проявил себя как храбрый и умелый боевой предводитель, но был при этом, по словам самих казаков, "человек... простой, грамоте не умеет"*. (РГАДА. Ф.111. 1687. №13. Л.77.) Тем не менее, грамотные казаки на Дону были отнюдь не редки. Они обязательно встречались в каждом казачьем городке, поскольку между Войском и городками существовала переписка.

Знание Священного Писания составляло в то время важный показатель образованности. Казаки не являлись глубокими знатоками божества. Однако знания их оказались все-таки достаточными для того, чтобы в словах прибывшего летом 1687 г. в Черкасский городок с Медведицы проповедника Кузьмы Косого усмотреть ересь, не соответствовавшую христианскому вероучению*. (ДАИ. Т.12. С.140.) О знакомстве казачества с Библией свидетельствует их устное народное творчество, в котором присутствует образ "Вавилон-города", подвергавшегося нападению былинного "Змея Тугаринова" - Тугарина Змеевича русских былин*. (Листопадов А. Донские былины. С.44.) Жители Вавилона называются в песне "вавилонщички". Это слово было известно в казачьей среде, и его употреблял в варианте "вавилошки" в 1919 г. герой "Тихого Дона" дед Гришка Коршунов*. (Шолохов М.А. Тихий Дон. Кн.2. С.225.) Еще одним следом книжного просвещения в казачьей среде является образ Александра Македонского в народной песне*. (Листопадов А. Донские былины. С.67.) Песни о великом полководце древности ходили на Руси еще с киевских времен. Появление этого образа в устном творчестве казачества - результат

знакомства казаков с популярной в то время в средневековой России переводной литературой. И если этот известный по переводной литературе образ знали в широких кругах казачества, то, тем более, знали его войсковые дьяки, грамотные и книжные люди, в частности, создатель повести о взятии Азова в 1637 г. В повести "Александра, царя Макидонского" автор упомянул в связи с тем, что перед походом атаманы и казаки у него и у "прочих храбрых воин" "и крепость и храбрость и мужество взяли"*.(Воинские повести Древней Руси. С.50.)

Повести донских казаков о событиях 1637-1642 гг., связанных с взятием войском Донским Азова в 1637 г., с пребыванием его в этом городе и с его героической обороной 1641 г. - Азовским осадным сидением - выдающееся явление русской литературы XVII в. Оно относится к такому распространенному жанру всей русской средневековой литературы, как воинские повести. Исследователь этих повестей А.С.Орлов назвал эти повести: "Историческая" - о взятии Азова в 1637 г., "Поэтическая" - об осадном сидении в 1641 г., "Сказочная", объединявшая оба этих события*. (Орлов А.С. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906; его же. Сказочная повесть об Азове. 7135 года. Исследование и текст. Варшава, 1906.) Выделяются, кроме того, повести "Особая" и "Документальная".

"Историческая" повесть написана по горячим следам событий грамотным осведомленным казаком, вероятно, войсковым подьячим или войсковым дьяком*. (История русской литературы. Т.2. Ч.2. С.258.) В "Особой" повести рассказывается о чудесах, совершавшихся накануне и во время осады Азова от икон из азовских церквей, что могло войску отстоять Азов, а также после рассказа о чудесах - рассказы о событиях, случившихся ранее, в 1637-1638 гг. - о морском походе казаков на Крым в 1637 г., о поражении в Адахунском лимане 1638 г., о разбитии большого турецкого корабля и бегстве казаков из полона в 1638 г. и о приходе под Азов крымского царя 1 августа 1638 г. и о переговорах его с казаками 8 сентября. В "Документальной" повести сухо и сжато повествовалось об Азовском осадном сидении. Ярко и эмоционально об этом событии рассказывалось в "Поэтической" повести об Азовском осадном сидении. Создана она была войсковым дьяком и есаулом донской зимовой станицы Федором Порошиным в Москве в конце 1641 г. Рассказывая о героизме казаков, автор стремился побудить Земский собор, созванный для решения вопроса об Азове, поддержать войско Донское и принять город под высокую руку московского государя. "Сказочная" повесть была написана через несколько десятилетий после азовских событий, в 70-80-х годах, когда эти события стали обрастать легендами*(Воинские повести Древней Руси. С.228-229.) и когда в послеразинское время, в обстановке нарастания внутренних противоречий на Дону, казаки вспоминали о своем героическом прошлом.

Повести казаков об азовских событиях носят отпечаток образованности донского писателя-книжника XVII в. Ему известна история захвата Царьграда турками "при царе Костятине"* (Там же. С.47.) в 1453 г. - при Константине XI Палеологе, погибшим при обороне своей столицы. Ф.Порошин был знаком с историей Троянской войны и силы турок сравнивал с силами, которые привел к Трое "царь греческий"*.(Там же. С.62.) Знал историю Троянской войны и автор "Сказочной" повести. Описанное им взятие Азова с помощью военной хитрости, когда казаки проникли в город под видом купцов из "Астраханского государства" и спрятали в телегах своих вооруженных товарищей очень напоминает историю с троянским конем*. (История русской литературы. Т.2. Ч.1. С.179, 297.) Знакома ему была по-видимому и содержащаяся в Никоновской летописи повесть Нестора-Искандера о падении Константинополя с ее идеей возрождения христианства во втором Риме* (Алпатов М.А. Русская историческая

мысль и Западная Европа. XII-XVII вв. С.186-187.) и, следовательно, теория "Москва - третий Рим". На это могут указывать приведенные им слова из ответа казаков туркам: "Хочетца нам також взяти Царьград, то государство было христианское"*.(Воинские повести Древней Руси. С.67.)

Песни содержат такой типичный элемент русских воинских повестей, как речи. В "Исторической" повести это - речь атамана Михаила Ивановича Татарина, в "Поэтической" - речь турок и ответная речь казаков. Типичны для русской воинской литературы содержащиеся в азовских повестях батальные сцены, написанные с глубоким знанием событий и военного дела. Столь же типичен для казачьих повестей и образный язык, характерный для русской воинской литературы. Писатели-казаки умело использовали такие литературные приемы, как эпитеты и гиперболы, а также сочетали народную и книжную речь с введением некоторых оборотов донского канцелярского письма*.(Робинсон А.Н. Повести об азовском взятии и осадном сидении. - Воинские повести Древней Руси. С.217.) В этом выразились традиции, характерные не только для русской литературы, но и для документов, исходивших от войска Донского - войсковых отписок в Москву и войсковых грамот, рассылавшихся по казачьим городкам. Образность языка была типичной чертой таких документов. Так, для многих войсковых отписок было характерно такое выражение: "служим мы не с поместий и с вотчин, с воды да с травы". В отписке от 5 ноября 1613 г. казаки так намекнули правительству на недостаточность присланного им жалованья: при дележе его каждому казаку доставалось "запасу по зерну, да по пульке свинцу, да по веревку сукна"*.(РГАДА. Ф.89. 1613. №1. Л.166.) Четко и ясно и в то же время ярко и образно обосновали казаки свой отказ выполнять указания правительства о соединении с турецкими войсками для совместного похода против польского короля в отписке от 7 октября 1630 г. Они писали, что "наша истинная православная крестьянская вера турчанам неприятна, давно они хотят нашу крестьянскую веру попрасть и разорить, а свою проклятую бусурманскую веру утвердить, и нас, холопей твоих, православных крестьян в свою проклятую и богоненавистную в бусурманскую веру ласкательством и мучительством привести". В качестве другой причины отказа казаки указывали то, что "при которых бывших царех московских атаманы и казаки турским Мурат салтанам не служивали и через турецкую землю не хаживали"*.(РГАДА. Ф.89. 1630. №5. Л.95.) Столь же яркий пример образности языка дает отписка от 3 декабря 1637 г. с обоснованием причин взятия Азова: "И мы, государь, холопи твои, видев в Руской земле разорение от них, бусурманов, святым Божиим церквам, и поношение нашей православной истинной крестьянской вере, и, помня свой смертный час, чтоб веру крестьянскую и за тебя, государя (титул), и за единокровных братью свою хотя померети, а их поганных бусурманов под меч подклонить, и Азов город взяти"*.(Донские дела. Кн.1. Стб.637.)

Таким образом, донские писатели - авторы азовских повестей, в том числе единственный известный из них, Ф.Порошин, опирались в своем литературном творчестве на свои познания в Священном Писании, в истории античности и средневековья, на знание русской литературной традиции и традиции донского делового письма - словом, стояли на уровне культурных русских людей XVII в.

Яркость и образность языка азовских повестей восходила к народной речи, которой изъяснялись казаки. О географическом положении Азова в "Исторической" повести говорилось так: город "стояние себе имея в морских отоцех вскрай Синяго моря, на усть столповая реки Дону Ивановича волново казачества"*.(Воинские повести Древней Руси. С.47.) Яркое сопоставление, основанное на казачьей бытовой лексике, связанной с плаванием по рекам, автор "Исторической" повести вложил в уста толмачу турецкого посольства охреану

Осанке: "Тепере де перед нами казаков ис под Азова побитых возят какками, а станут де возить и бударами"*.(Воинские повести Древней Руси. С.52.) Чтобы передать масштабы и значимость события, авторы азовских повестей использовали гиперболы. Так, в "Исторической" повести говорилось, что от стрельбы казаков по Азову "бысть аки туча грозная всходила"*.(Там же.) Передавая общее впечатление казаков от прихода турецкого войска в 1641 г., Ф.Порошин отмечал: "Дивен и страшен приход их под Азов город! Никак того уже нельзя страшнее быти"*.(Там же. С.71.) Живость и образность языка сочеталась в повестях с канцеляризмами, присущими деловой переписке XVII в., в том числе и войсковым отпискам. Отпечаток канцелярского стиля носит перечисление в "Поэтической" повести "людей всяких земель и вер", пришедших под Азов в 1641 г., где каждый из 13 народов был обозначен цифрой под номером*.(Там же. С.60.)

Образность языка и склонность к гиперболам, которую проявляли писатели-казаки, нисколько не снижала достоверности приводимых ими фактов, прежде всего - батальных эпизодов. При этом "Поэтическая" повесть является важнейшим источником по истории Азовского сидения, а "Особая" повесть дает представление о содержании переговоров у Адахунского лимана летом 1638 г. между казаками и ханом Бехадыр Гиреем, о чем неизвестно из других источников.

Повести донских казаков и другие исходившие от них документы дают представление не только о литературной начитанности и исторической образованности, но и о географическом кругозоре донцов. Совершая походы на суше и на море, казаки имели чертежи-карты разных мест. Карта - "чертеж реки Дону и притокам, как впали в Черное море, к Черкасскому, и Азову, и иным крымским городам и Черному морю" - была изъята в 1688 г. у атамана донской зимовой станицы Кирея Чурносова, арестованного в Москве за раскол. Чертеж был "его Киреевой руки"*.(ДАИ. Т.12. С.171; чертеж К.Чурносова не сохранился.) Следовательно, на Дону к концу XVII в. уже существовала собственная картография. Казаки хорошо знали географию Донской земли и соседних степей вплоть до Перекопа и Очакова, Кубани и Терека, Яика и Средней Волги, а также побережье морей - Азовского, Черного и Каспийского. Русскую землю они знали вплоть до Соловецких островов, а также до западных рубежей, когда они бывали на войне с Польшей в 1632-1634 гг. и в 1654-1667 гг. и со Швецией в 1656-1658 гг. Известны им были земли Османской империи от Константинополя до Кавказа, где они бывали в качестве пленных и откуда бежали в сторону враждебной туркам Персии, а также османские владения в Египте и в других арабских странах. Хорошо знали на Дону европейские страны Средиземноморья, воевавшие с Османской империей - Венецию и Испанию, а также Францию. Поэтому Войско со знанием дела могло сообщать в Москву получаемые ими от языков сведения о поражениях турок "на Белом море" в сражении с "фрянскими людьми" - с Венецией, как это было в войсковой отписке от 23 августа 1653 г.*(Донские дела. Кн.4. Стб.660.) На Кавказе казаки знали о Мегрелии (Дадьянском царстве) и Имеретии*.(РГАДА. Ф.111. 1666. N5. Л.2-3.) В Персии казаки бывали не только на Каспийском побережье во время воровских походов, но и в глубинных частях страны, когда уходили из турецкого плена через Ереван, Шемаху и Дербент*.(РГАДА. Ф.127. 1642. N1. Л.214.) Как и везде на Руси, на Дону знали про Индию*, (Воинские повести Древней Руси. С.65.) хотя известий о пребывании их в этой далекой стране не имеется.

При наличии постоянных связей с окружающим миром важным составным элементом культуры донского казачества являлось знание языков. Для казаков не составляло никакого труда общение с соседним тюркским миром. Имелись, несомненно, знатоки польского языка, особенно среди казаков украинского происхождения. Примерно с середины XVII в. появились казаки, знавшие калмыцкий язык. Знал его

по-видимому С.Разин, которого Войско посылало в начале 1661 г. для переговоров с калмыцкими тайшами*. (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т.1. С.27.) Частые общения с греками были возможны с помощью казаков, знавших греческий язык. Некоторые из казаков, ходивших на Каспийское море, понимали по-персидски.

Боевая жизнь донских казаков вызывала необходимость развития на Дону медицины. В войсковой столице – Черкасском городке в 1653 г. был профессиональный врач. Им был иноземец Лука Климовский, присланный по-видимому из Москвы. Он просил отпустить своего сына Тимофея "на Дон к Вуйску для ево ремесново дела лекарства"*.(Донские дела. Кн.4. Стб.586-587.) Однако профессиональных врачей было на Дону очень мало и вовсе не было по городкам. Поэтому занимались лечением друг друга сами казаки. Для лечения применялись прежде всего средства народной медицины. Впервые сведения о лекарствах на Дону появились в 1683 г., когда правительство пожаловало войскового атамана Фрола Минаева "для ево болезни на лекарства эликсир пропизетатису десять золотников безденежно из Аптекарского приказа"*.(РГАДА. Ф.111. 1683. N5. Л.4.)

В целом культура донского казачества в XVI-XVII вв. выступала как своеобразная составная часть русской культуры. Некоторые отрасли культуры, такие, как зодчество (особенно каменное) и живопись не получили на Дону развития, а такой отрасли, как книгопечатание, и вовсе не было, что объяснялось особо трудными условиями жизни края. По уровню своего культурного развития донские казаки были не ниже своих современников – жителей русских городов и уездов. При этом они обладали несравненно более широким историческим, политическим и географическим кругозором, что было связано с положением их как свободных людей и их военно-политической ролью в окружающем мире. В этой связи сообщество донских казаков может рассматриваться как типичный носитель культуры эпохи позднего средневековья.

Подведем итоги.

1. Черты личности и характера донских казаков XVI-XVII вв. определялись как принадлежностью основной массы казачества к русскому народу, так и особыми условиями жизни в крае. Типичные черты характера донских казаков – патриотизм, монархизм, православная религиозность при склонности к дохристианским по происхождению суевериям, ненависть к врагу при полной терпимости в своей среде к людям нерусской этнической и нехристианской религиозной принадлежности, глубокая преданность войсковому братству, любовь к свободе и демократичность. Свои сообщества донцы, как и другие казаки в России и на Украине, рассматривали как рыцарские.

2. В основе мировоззрения донских казаков лежал средневековый провиденциализм, сочетавшийся с заметно выраженными чертами рационализма нового времени. Это соответствовало уровню своей эпохи. Свою историческую роль донское казачество видело в том, чтобы быть защитником православной христианской веры, Российского государства и его государя и народа от "бусурман" – турок и крымцев.

3. Культура донского казачества – составная часть общерусской культуры, на которую оказывали известное влияние соседние тюркские народы. Наличие определенных связей прослеживается между культурой донских казаков и средневековой культурой Северо-Запада Руси. Вся культура донского казачества проникнута воинским духом, нашедшим свое яркое проявление в его фольклоре, в письменной литературной традиции и в развитии разнообразных знаний. В целом по своему уровню культура донских казаков была культурой эпохи позднего средневековья.

Заключение.

Донское казачество представляло собой новое явление в жизни русского средневекового общества в период становления государственной независимости и политического единства страны в XVI в.

В своей основной массе донские казаки – выходцы из русских земель. Движение проживавшего на Руси населения на Дон выражало ответ различных слоев общества на те социально-политические процессы, которыми сопровождалась централизация страны – на самодержавный деспотизм и складывание системы всеобщей несвободы, на усиление феодальной эксплуатации и на происходившее в конце XV-XVII вв. юридическое оформление крепостного права. В специфических условиях России с ее огромными равнинными пространствами и малой плотностью населения бегство на окраины и за пределы государства становилось распространенной формой социально-политического протеста. Кроме того, движение к Дону отражало тягу русского народа к южным лесостепям и степям, издавна являвшимся средой обитания славянства. Тяга русских людей к плодородным черноземам юга, с которой было связано продвижение на Дон, была естественной для народа, отброшенного в XIII в., после Батыева нашествия, из своей лесостепной среды в более суровые условия междуречья Оки и Волги. В XVI-XVII вв. казаки еще не положили начало земледельческому освоению Дона. Однако они использовали возможность для занятия в крае различными промыслами, как хозяйственными, так и военными.

Формирование казачества на Дону началось в XVI в. С конца XV в. происходило продвижение на Дон населения из Руси для сезонных промыслов. Во второй трети XVI в. казачество утвердилось на Дону и сделалось весьма значительной силой, заявив о себе громкими боевыми делами. В конце XVI в. происходило дальнейшее укрепление позиций донского казачества, рост его рядов и превращение в силу, готовую принять активное участие в гражданской войне, назревавшей в России. В годы русской Смуты начала XVII в. часть казаков ушла с Дона и включилась в происходившую в стране борьбу. Постепенное возвращение казачьих отрядов на Дон и пополнение казачества новыми людьми из Руси имело место в конце Смуты, во втором десятилетии XVII в. Имея в 20-е годы численность, примерно равную 20 тысячам человек, войско Донское представляло внушительную силу и в 1637 г. сумело взять Азов. Жесткое противостояние с Османской империей в период пребывания Войска в Азове привело к значительному его ослаблению. Попытка русского правительства пополнить численность Войска за счет направления на Дон вольных охочих людей из южных городов и уездов в целом не удалась. Значительное пополнение рядов казачества имело место уже в третьей четверти XVII в. в связи с усилением бегства на Дон населения из Руси после принятия в 1649 г. Соборного уложения и полного закрепощения крестьян. Всего к началу 60-х годов на Дону насчитывалось примерно 20 тысяч казаков и примерно 100 поселений – городков по Дону, Хопру, Медведице и Северскому Донцу.

В рядах донского казачества преобладали выходцы из низов русского общества и из мелких служилых людей. Среди атаманов в XVI в. было немало дворян. В этническом отношении при преобладании казаков русского и украинского происхождения заметны были донские татары. Обычным явлением стала на Дону в XVII в. семейная жизнь.

Источниками существования донского казачества являлись в своеобразных условиях Донской земли XVI-XVII вв. промыслы, царское жалованье, скотоводство и торговля. Роль промыслов играли в первую очередь боевые походы (военные промыслы), дававшие казакам "рухлядь" и "ясырь". Эту добычу давали как обычные походы против

традиционных противников – турок, крымцев, ногаев, так и походы на Волгу, участники которых признавались правительством ворами и преследовались им. Царское жалование, регулярная выплата которого окончательно установилась с царствования Михаила Романова, играло роль инструмента правительственной политики на Дону. В основной своей массе казачество отличалось зажиточностью и достатком. Доля голытьбы была невелика, но заметно возросла с середины XVII в., когда на Дон усилился приток беглых. Это вело к росту социальной напряженности и создавало предпосылки выступления казаков под предводительством В.Уса, а затем – С.Разина.

В целом отношения между казаками на Дону определялись наличием общих интересов, единством и сплоченностью перед лицом как общего врага, так и русских властей. Это предопределило тенденцию к слиянию всего казачества в единое войско Донское, что произошло с конца XVI в. и завершилось вскоре после Смуты при поддержке русского правительства. Особенностью внутренней жизни на Дону являлось сочетание военного и демократического устройства. Демократия на Дону соответствовала традициям русского средневековья, знавшего вечевые собрания, и отвечала стремлению людей, уходивших из Руси на Дон, к свободе. Высший орган власти на Дону – Войсковой круг – представлял собой народное собрание, где имели право присутствовать все казаки войска Донского, а также казаки – не донцы и посторонние люди. На этих кругах избирались войсковые атаманы и все должностные лица войска Донского. Войсковой атаман рассматривался как выразитель воли всего Войска и зависел от круга. Вместе с тем, войсковые атаманы, такие, как Е.Радилов, И.Мартеньянов, И.Каторжный, П.Чесночихин, К.Яковлев были не просто выразителями воли народа, но являлись твердыми, решительными политиками и умелыми военачальниками и пользовались авторитетом среди казаков. Демократический характер носило управление в отдельных городках. В походах казаками также руководили выборные атаманы, полковники и есаулы и собирались круги. Однако в боевой обстановке атаманы получали неограниченную власть. Войсковой круг являлся на Дону, кроме того, высшим судебным органом. Судили на круге в соответствии с нормами войскового права, сложившегося у казаков и признававшегося русскими властями. Суду по этому праву подлежали не только казаки, но и все лица, находившиеся на Дону и нарушавшие его. Наказания были более суровы, чем в России.

Расцвет демократии на Дону пришелся на первую половину XVII в. С середины XVII в., по мере роста населения и нарастания противоречий среди казачества между зажиточной и голутвенной его частью демократические принципы внутреннего устройства Войска все чаще нарушались. К таким нарушениям прибегал и С.Разин в борьбе со своими противниками на Дону.

Своеобразием отличались отношения Дона с Россией. Будучи неразрывно связанным с государством, являясь одной из окраинных его земель, казачий Дон имел существенные признаки суверенитета. К ним относилось наличие особой выборной по-республикански устроенной власти на его территории, особого войскового права и суда, значительной самостоятельности в проведении своих военных предприятий. До вступления на престол Михаила Романова Дон был полностью самостоятелен. Со второго десятилетия XVII в. донцы признали московского государя в качестве своего сюзерена, и отношения их с Россией вплоть до 1671 г. стали строиться на принципах сюзеренитета-вассалитета. Для XVII в. подобные отношения были уже анахронизмом, поскольку они составляли характерную черту удельной эпохи. Однако в России они имели место в XVI-XVII вв. как основа взаимоотношений русского правительства с некоторыми окраинными народами и их феодальными образованиями: ногаями, башкирами, кабардинцами, калмыками. Войско Донское как вассал выполняло разные служебные поручения правительства, а в качестве платы за службу

получало со стороны сюзерена регулярное жалованье, а также имело ряд прав и льгот. Подобные отношения были выгодны для Войска, поскольку обеспечивали ему поддержку со стороны Москвы и в известной степени гарантировали права и свободы казачества. При этом его права и свободы были даже шире, чем у других вассалов московского государя. Так, Войско до 1671 г. не было приведено к присяге и пользовалось правом приема беглых и правом внешних сношений, хотя русские власти официально их не признавали.

Определяя свою политику в отношении донских казаков, в Москве исходили прежде всего из того, что их служба и их борьба с Турцией и Крымом имели большое значение для России, однако их боевая активность далеко не всегда соответствовала интересам русского правительства. Кроме того, часть казаков и вовсе допускала антиправительственные действия, например, грабежи на Волге. Поэтому русское правительство, проводя свою политику на Дону, стремилось добиться от казаков выполнения своих требований и недопущения каких-либо нежелательных для него действий и сочетало при этом меры по поощрению казачества, прежде всего - его верхушки, с жесткой требовательностью по отношению к нему, а иногда - с наказанием за неповиновение. Особенно настойчиво правительство стало давить на Войско с 40-х годов, когда оно ослабло после героической борьбы за Азов 1637-1641 гг. Однако усилить свою власть на Дону оно сумело лишь после подавления Разинского восстания, заставив казаков выдать в Москву С.Разина и его брата Фрола и приведя казаков к присяге. Суверенитет Дона был значительно ограничен.

Главным делом донского казачества была война. После Смуты оно было признано русским правительством в качестве особого военного сословия. Правительство учитывало высокие боевые качества казаков, наличие у них своеобразного военного искусства и умение их вести войну на суше и на море. Благодаря наличию у них такого искусства они сумели стать серьезной военно-политической силой в большом регионе от Волги до Перекопа и в Азовском и Черном морях. Своими боевыми действиями они наносили чувствительные удары Турции и Крыму, облегчая тем самым положение России и занимая видное место в антиосманской борьбе европейских стран.

Активное участие приняли донские казаки в событиях Смутного времени в начале XVII в. и в Разинском восстании. В последнем они выступали в качестве его организаторов и передовых борцов, а Дон являлся его главной социальной базой. Тяга к вольности, неприятие деспотизма и крепостничества составляли важнейший мотив участия казаков в борьбе, что определяло общенародное значение их действий. Также общенародное значение имела защита казаками своих вольностей, поскольку это была борьба за сохранение за Донской землей положение главного очага свободы для задавленного гнетом и деспотизмом населения России, где "от всяких бед освобождаются". Поэтому народ, хорошо зная о кровавых жертвах "Разинщины", тем не менее, сохранил в своем фольклоре благодарную память о С.Разине и его казаках, Участие в народных движениях, и прежде всего в Разинском, было делом казачьей гольтыбы, которую в период обострения обстановки поддержала основная масса казачества. Донская казачья верхушка, более, чем какая-либо другая часть казачества связанная с царскими властями, в целом поддержала правительство и на заключительном этапе Разинского восстания приняла участие в его подавлении на Дону.

Располагаясь на отдаленной окраине России, вблизи от сильного и опасного противника, не имея возможности рассчитывать на непосредственную военную помощь и в то же время избавленные от непосредственного вмешательства в свою жизнь царских воевод, казаки на Дону составляли своеобразное сообщество эпохи позднего средневековья, вынужденное вести постоянную борьбу за выживание, жившее в значительной мере за счет войны, но в то же время пользовавшееся

ся всеми благами свободы и не знавшее деспотизма. Такие условия способствовали формированию весьма своеобразного характера людей, типичными чертами которого были любовь к родной земле и ненависть к врагу, глубокие чувства религиозности и монархизма, стремление к воле и демократичность, преданность войсковому братству. Эти люди видели в себе рыцарей и обладали некоторыми рыцарскими чертами характера, типичными для вольных военных слуг - вассалов своего сюзерена-государя и нетипичными для русских служилых людей, закрепощенных службой государству.

Сообщество донских казаков - народ Дона - было носителем своеобразной культуры, одного из местных вариантов русской культуры эпохи позднего средневековья. Вся культура донских казаков была проникнута воинским духом и духом свободы, нашедшим свое проявление в фольклоре, в письменной литературной традиции, прежде всего - в азовских повестях, в развитии разнообразных знаний и навыков.

С разгромом Разинского восстания завершился первый большой этап в истории донского казачества, длившийся почти полтора века. За это время небольшие разрозненные казачьи отряды, бродившие по Дикому Полю, организовались в грозное войско Донское, наводившее страх на противника, укреплявшее положение России на ее южных рубежах. Это был героический период в его истории, вершинами которого являлись борьба за Азов в 1637-1641 гг. и выступление в защиту вольности под знаменами С.Разина. Одержав победу над восставшими, правительство усилило свою власть над донским казачеством и создало предпосылки для полного его подчинения и ликвидации донской свободы, что произошло при Петре I после разгрома другого крупного народного выступления, поднятого казачеством - Булавинского восстания.

Приложения

1. Городки донских казаков.

Общее представление о степени заселенности Донской земли в XVI-XVII вв. донскими казаками дают перечни (списки) этих городков и географические карты с нанесенными на них казачьими городками.

Как показал В.Н.Королев, наиболее ранний по времени своего составления список был переписан в середине XVII в. в составленном в то время дорожнике, опубликованном А.А.Зиминьим. Этот список относится к 1593 г.

Другой список, переписанный также в середине XVII в., был составлен, как показал П.П.Сахаров, в 1594 г.

Первыми картами с нанесенными на них казачьими городками были составлены голландцами Г.Герритсом и И.Массой. До нас дошли карты Г.Герритса 1614 г. и И.Массы 1633 г. На них отражены городки, существовавшие при Борисе Годунове.

Сведения о казачьих городках по Дону и Хопру третьей четверти XVII в. содержит не публиковавшаяся до сих пор роспись 1674 г. городков, подвергшихся нападению калмыков тайши Аюки в 1673-1674 гг. Эта роспись свидетельствует и о значительном развитии на Дону скотоводства к тому времени.

Перечень городков из дорожника середины XVII в., опубликованного А.А.Зиминьим.

Название городка	Число проживавших казаков	Сторона реки Дон, где располагался городок: Нагайская (Н) или Крымская (К)	Верст до предыдущего городка
------------------	---------------------------	--	------------------------------

Мигулино	5 "без баб"	Н.	60 верст до Богучара, 620 верст до Воронежа
Голицын	10 "без баб"	Н.	20
Решетов	-	-	20
Вещий	5 "без баб"	Н.	40
Хопер	40	К.	40
Медведица	100	Н.	40
Роспопин	20	Н.	20
Клецкий	30	Н.	20
Кремьянной	100	Н.	30
Сиротин	50	Н.	30
Стрелчей	30	Н.	25
Панщина	20	Н.	40
Голубые	70	К.	40
Пять Изб	50	К.	30
Чир	100	К.	60
Ясаулово	-	-	-
Курман Яр	50	К.	40
Другой Курман Яр	50	К.	50
Терновые	100	К.	40
Кумшаков	50	К.	40
Каргала Верхние	50	Н.	30
Другой Каргала	100	Н.	40
Михалево	30	Н.	30
Галальник	30	Н.	20
Бабей Верхние	30	К.	55
Раздоры			
Нижние Раздоры	100	К.	55
Бесергенево	50	К.	60
Манок	"много"	К.	40
Черкаской	"много"	К.	20
Монастырской Яр	"в том съезжаются казаки со всех го- родков, часовня тут, попов по 10 и больши и дьяконы. А съехався, живут до Петрова дни, потом разъезжаются по городком".		
Стыдное Имя	"Казацьи городки судимы все тут, и атаман, и есаул, и дьяки тут быва- ют".		5; от него до Азова 50 верст Доном и 12 - сте- пью.

Перечень городков из списка, исследованного П.П.Сахаровым. Мигулин, Решетов, Векши, Хопер. А по Хопру 4 городка. Медведица. А по Медведице 3 городка. Роспопин, Клетцкой, Кременные, Сиротин, Стрельчей, Иловла, Паншин, Голубые, Пять Изб, Чир, Ясаулов, Курманов Яр, Другой Курманов Яр, Каргалы, Другие Каргалы, Терновые, Кушман, Коголник, Раздоры Верхние, Бабы, Семикоры, Раздоры Нижние, Бесергенев, Маночь, Черкаской, Нижней, Самый Нижней последней от Азова в 20 верстах.

Казацьи городки по картам Г.Герритса и И.Массы (на картах русские названия городков написаны латинскими буквами). Гнилой, Песковатка, Мигулин, Решетов, Вешки, Хопер, Медведица, Роспопин, Клецкой, Кременные, Сиротин, Стрельной, Паншин, Голубые, Пять Изб, Есаулов, Курман Яр, Без названия, Курман Яр, Терновые, Цымла, Крымчак (Кумшак), Верхние (Каргалы), Каргалы, Михалев, Нижний Михалев, Кагальник, Бабей, Семикаракор, Раздоры, Бесергенев, Ма-

ныч, Черкасской, Атаманский.

Роспись, привезенная в Москву станичным атаманом Алексеем Наумовым 13 мая 1674 г. "Роспись, что в казачьих городках от низу до верху по Дону и по Хопру калмыков от Аюкины люди по городкам казаков порезали и сколка коней и всякого рогатого скоту коров и быков отогнали и х ко (торым город)кам приступали и казаков побивали (...и) в полон побрали, а городки пожгли в про(шлом во 181-м году) и в нынешнем во 182-м году в розных месяцах и (числах).

Приезжали к нам к Войску ево Аюкины люди, а шли в Крым, и, поехав от Войска, в Оксае зарезали дву человек (копканщиков) и с копканы, и зверь всякой, лисицы м поречные поимали.

В Роздорском городке козака зарезали, и под гарадок воровским ударам били весной приходя, осми человек казаков до смерти убили, да те ж поры десяти (казаков) убили, да тритцать две лошади отогнали.

В Семикаракорском горадке четырнатцать коней да двоя коров отогнали.

В Бабском горадке козака зарезали. Двоя лошадей (да) два быка отогнали.

В Когалницком горадке козака зарезали, да пятьдесят лошадей, и на покосе ружье все, косы и седлы отбили.

В Троилинском горадке тритцать лошадей с лошедью отогнали.

В Мехолеве горадке осмь человек козаков колмыки ж зарезали, пятерых коней до десяти коров отогнали.

В Нижних Коргалах пятьдесят лошадей да полтараста коров отогнали, да дватцетера копканы в займище сняли они-ж, колмыки.

В Быстряном горадке дву казаков зарезали, да десять лошадей, да дватцать каров отогнали. Л.4/

Л.5. К Беляевскому горадку колмыки приступали и семьдесят лошадей отогнали две лошади.

К Пристони горадку колмыки приступали и трех человек (казаков) зарезали, а коней взяли пятьдесят, да сто кар(ов.)

А что, государь, те ево Аюкины улусныя лю(ди...) дву гадов верховым казачьим горадком шкоту чинили и покавки пустошили, и мы (холопи твои), тебе, великому государю, и не писали. Л.5/

Л.6. В Верхних Коргалах на горадок били колмыки ударам, девеноста лошадей да сто каров отогнали.

В Романовском горадке десяти человек козаков зарезали, да шездесят лошадей, да девеноста скотину коров отогнали, да пятеры копканы сняли.

В Кумшатцком горадке шти козаков зарезали, да сто коней, да сто коров отогнали.

В Цымлянском горадке трех козаков зарезали, да сто лошадей, да двесте семнатцать коров отогнали, да семеры копканы сняли.

В Тернавском горадке дву козаков зарезали, сорок коней да девеноста каров отогнали.

В Курмоярском горадке дватцать шесть лошадей да дватцать семь коров отогнали, да шестеры копканы сняли.

В Нагавкинском горадке трех человек козаков зарезали, да шездесят коней, да сто коров отогнали.

В Зимовейкине городке козака застрелили, да двенатцать коней, да дватцать каров отогнали, да трое копкан(ы) сняли.

На Курмоярской горадок ударом били, козака зарезали, сорок осмь лошадей до шестнатцать каров отогнали.

Въ Есауловском горадке козака зарезали, а бабу живьем взяли, да коней дватцать семь лошадей да шездсот коров отогнали.

На Кобылкин горадок колмыки ударам били-ж, козака зарезали, а парня живьем взяли, да коней дватцать пять лошадей, да сто коров отогнали.

Горадка Нижнего Чиру колмыки на горадок ударом били и д(ву)

козаков убили, а коней сорок пять лошадей д(а двес)те дватцать каров отогнали.

Верхнева Чиру горадка козака убили, да т(ритцать ко)ров взяли, да коня.

В Пятиизбянском горадке зарезоли колмыки шесть человек козаков, да коней сто тритцать, да полтора ста каров, да после того небалшея время спустя они-ж, колмыки, зарезоли четырех человек козаков в том жа горадке, да восемьдесят четыре лошади, да чetyр-яста пять каров отогнали.

В Голубинском горадке колмыки козаков зарезали дватцать два человека козаков, да коней пятьсот чetyр-я лошади, а коров шесть-сот, да скотину отогнали, да они-ж ильм взяли.

В Паншинском горадке колмыки зарезали пяти человек козаков, да коней двесте лошадей, да коров триста пятнатцать каров отагна-ли, да сто копканов сняли. Л.6/

Л.7. В Кочалинском горадке колмыки на горадок ударом били и девяти человек козаков зарезоли, а десятую бабу в полону взяли, а коней триста с лошедью, да коровы ис-пот телки восемьдесят.

На Иловлинский горадок колмыки били многожды не по адно вре-мя, и зарезоли пяти человек козаков, а коней сорок три лошади, да пятнатцать каров отагна-ли, и в клетях запас и всякой козачей жи-вот поимали.

В Сиротинском горадке колмыки десять человек козаков зарезо-ли, да двестя коней, да триста рогатова.

В Григорьевском горадке колмыки двестя десять лошадей, да триста коров отогнали.

В Кременьном горадке восемь человек казаков зарезоли, да двесте коней, да триста каров отогнали.

В Клетцком горадке колмыки козаков восемь человек зарезоли, да полтора ста коней, да триста каров отогнали.

В Распопинском горадке зарезоли колмыки трех человек коза-ков, да коней взято девяноста три лошади, да коров сто семьдесят, скотину отгнали.

На Усть-Медведицкой станицы порезали колмыки (...) шесть че-ловек козаков, да коней семьдесят чет(ьре лоше)ди, да рогатова скоту пятьсот две коровы. Л.7/

Л.8. К Тишанскому горадку мурза Батыр с улусными людьми приступал, и козаков чetyр-ех человек убили, семьдесят коней, сто каров отогнали.

К Буратцкому горадку колмыки приступали, тритцать коней да десять коров отогнали.

К Провоторавскому горадку колмыки приступали, и на (...) убили чetyр-я человек козаков, пятьдесят ло(шадей отогна)ли да сто каров.

В Луковкине горадке козака зарезоли, сто коров (отогна)ли.

В Тепикинском горадке колмыки взятем взяли, а скоту всякого и коров отогнали с триста, а козаки атвозам оташли, и (за)пас и бо-рошень весь побрали.

В Безплемянном горадке колмыки отогнали пятьдесят лошадей, да козака зарезоли.

В Одининском горадке зарезоли колмыки казака.

В Котовом горадке козака зарезоли, дватцать без лошади, да без дву дватцать каров отогнали.

Косоркинскому горадку колмыки приступали и козака убили, да десятера коней, и женского полу в палон побрали.

В Добром горадке зарезоли колмыки семи человек козаков, де-сять коней и дватцать каров отогнали.

К Григорьевскому горадку колмыки приступали и вошелника уби-ли, а с ним взяли тро-я коней да воску, десять каров отогнали.

А в прошлом, во 181-м году, калмыки Батырь с людьми своими Бубьнов городок взятем взяли и казаков всех побивали, а жон и

детей в полон побрали, а живот весь, коней и коров, поимали, двести каров, сто коней, а городок сожгли.

К Федосеевскому городку колмыки приступали, и козаков трех человек живьем взяли, а четвертова козака зарезали, да коней сто, да полтора ста коров отогнали.

К Урюпину городку колмыки приступали и четырех козаков убили, а коней отогнали восемьдесят пять, а коров восемьдесят пять же.

Да в прошлом, во 181-м году, они-ж, колмыки, Левонтьевской городок розарили и козаков всех порубили, а жон и детей в полон поимали, а животы и статки все, коней и коров поимали, городок от их розаренья впусте. Л.8/

Л.9. На Усть-Хоперской станицы порезоли колмыки пятнадцать (ка)заков, да коней триста пятнадцать, лошадей дев(яноста -?) да рогатова скоту коров отогнали.

В Вешкинской станицы казака зарезоли, а коней тритцать лошадей, а рогатова скоту сто тритцать каров отогнали.

В Решетовском городке девяти человек козаков колмыки зарезоли, а коней семнатцать лошедей да коров пятьдесят семь скотин отогнали.

В Мигулинском городке осми человек козаков зарезоли, а коней девяноста шесть лошадей.

А по Хопру снизу до Пристани в коих городках колмыки шкоту чинили.

В Кумыльском городке колмыки зарезоли четьря человек козаков, а коней семьдесят лошедей, а рогатова скоту сто пятьдесят каров отогнали.

В Бедомлевския станицы зарезоли колмыки пяти человек козаков, а скоту коней дватцать пять лошедей, да дватцать пять каров отогнали.

В Зотовской станице козака зарезали, в девку в полон взяли, а коней сто десять, да сто коров отогнали.

В Серебряновском городке взяли колмыки в полон дву человек казаков да дватцати человек зарезоли, а борошня с ними взяли, сорок поречных, да сто лисиц, десять копканов, дватцать два самопала, да два котла путных, да дватцать топаров, да дватцать два лопата*. (В документе вместо лопата - полата.)

Г Бубнаву городку колмыки приступали, а взяли три лошеди да две каровы.

К Остроухову городку колмыки приступали, и трех человек козаков зарезоли, да десять лошедей, да пятьдесят каров отогнали.

В Акишевском городке дву человек козаков зарезали, а трех человек живьем взяли, да пятьдесят лошедей, да сто каров отогнали.

В Безлуковском городке колмыки живьем взяли десять человек казаков в полон, пятьдесят лошедей да пять (десять коров) отогнали."

РГАДА. Ф.111. 1674. N15. Л.4-9.

Примечание.

В Войсковой канцелярии или в Посольском приказе были перепутаны листы росписи. Роспись по хоперским городкам должна следовать за росписью городков по Дону. Это значит, что лист 8 должен следовать за листом 9, а лист 5 - за листом 8.

2. Воровские походы донских казаков на Волгу и меры войска Донского по борьбе с ними.

В 1627 г. под влиянием правительства войско Донское на Войсковом круге приняло решение о запрете казачьих походов за зипунами на Волгу. Подробности, связанные с принятием этого решения, сообщили в Астрахани астраханские стрельцы М.Иванов и А.Семенов и юртовский татарин Е.Акимбетов, побывавшие на круге. Их расспрос-

ные речи содержатся в отписке астраханских воевод, полученной в Москве 5 сентября 1627 г. Опубликована лишь заключительная часть отписки, где говорилось о самом принятии Войском этого решения. Между тем, интерес представляет и начальная, не опубликованная часть отписки, где раскрывались мотивы его принятия. Кроме того, в отписке приведено подробное изложение отписки войска Донского в Астрахань. Поскольку войсковых отписок местным воеводам, в отличие от войсковых отписок в Москву, сохранилось немного, изложение такой отписки представляет интерес как пример того, как составлялись подобные отписки и по каким вопросам войсковые власти считали возможным давать информацию местной русской администрации. Расспросные речи стрельцов и татарина, приведенные после изложения войсковой отписки, содержат свидетельство о том, как проводился Войсковой круг и какими методами войсковой атаман Е.Радилов добивался запрета походов на Волгу.

1627, сентября 5. Отписка астраханских воевод в Москву.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси холопи твои Юшко Буйносов-Ростовский, Сенька Волынской, Степанко Караулов, Гришка Нечаев челом бьет. В нынешнем, государь, во 135-м году июня в 6 день. Писали из Астрахани твой государев боярин и воевода Петр Петрович Головин с товарищи на Дон в нижние и в верхние юрты к атаманом и х казаком к Епихе Радилову с товарищи, что учинился под вашею царского величества рукою в вековом холопстве казыевской Касай князь Исламов з братьею и з детьми и с племянники и со всеми улусными своими людьми. И писали в Астрахань к ним, боярину и воеводам к Петру Петровичю Головину с товарищи ис Казыева улуса Касай князь, что пришли под Азов морем на катаргех турские многие люди, а для чего в каторгех морем под Азов турские многие люди пришли и куды походу их чають, Л.233 / Л.234 про то он не ведает. И атаманы б и казаки тебе, великому государю (титул) послужили, велели з Дону проведать под Азовом подлинно, пришли ль морем в каторгех под Азов турские люди, и будет пришли, и многие ль люди, и для чего пришли, и куда походу их чають, да и крымских бы вестей им проведать же подлинно. И июля, государь, в 19 день астраханские стрельцы Савина приказу Лошакова Мишка Иванов, да Иванова приказу Шапилова Агейко Семенов, да юртовской тотарин Евгастейка Акимбетов, которых посылали на Дон боярин и воевода Петр Петрович Головин с товарищи к нам, холопям твоим, в Астрахань приехали, а с ними, государь, з Дону атаман Епиха Радилов с товарищи к боярину и воеводам к Петру Петровичю Головину с товарищи писал: ведомо де, государь, им на Дону, что приходили морем под Азов шесть катарг, а привезли в Азов от турского салтана пашу да ратным азовским людем жалованье, а хто имянем паша, тово в их грамоте не Л.234 / Л.235 написано. И поворотились де, государь, те каторги назад к Царю городу вскоре. И они де, государь, атаман Епиха Радилов с товарищи после той весте ходили на твоих государевых непослушников в Казыев улус, которые под вашего царского величества высокою рукою в холопстве быть не хотят, и Казыев улус погромили, языков в улусе поимали. А в роспросе, государь, те языки им сказывали, что крымской Магмет Гирей царь и калга Шан Гирей царевич ныне в Крыме со всеми крымскими ратными людьми, а прошались де, государь, у них на твои государевы украины воевать четыре мурзы Мансыровы дети, а с ними де, государь, ратных людей четыре тысячи. И крымской де Магмет Гирей царь и калга Шан Гирей царевич тем мурзам на твои государевы украины войною итти не велели, да иных де, государь, ис Крыму воинских людей на твои государевы украины воевать отпускать не велят же, потому что с вами, великий государь (титул) крымской Магмет Гирей царь и калга Шан Гирей царевич в миру. Да слышали де, госу-

дарь, они, что крымской Магмет Гирей царь и калга Шан Гирей царевич хотят итти войною Л.235 / Л.236 в Литовскую землю. А стрельцы, государь, которые приехали з Дону, Мишка и Агейко и татарин Евгастейка в роспросе сказали: как де, государь, они на Дон приехали на Яр, на урочище на Монастырское, и на том де, государь, Яру донские казаки атаман Епиха Радилов с товарищи были в съезде. И атаман де Епиха Радилов велел в кругу при всех казаках отписку у них принял и велел вычесть вслух всем, а как де, государь, они, Мишка с товарищи, на Дону были, и при них де донских казаков пошло на море в осми стругах человек с триста для добычи под крымскими и азовскими людьми. А как де, государь, на Дону ведомо учинилось, что воры казаки на Волге приходили на завозенной корован, и атаман де Епиха Радилов с товарищи послали в верхние городки к атаманом, с которыми в городках те казаки, что ныне воруят на Волге, атаман Л.236 / Л.237 Данилко с товарищи, зимовали, а велели тех атаманов и казаков давать на поруки, что им стоять в Войске на Яру на урочище Монастырском. А иных атаманов и казаков верхних городков, которые зимовали с теми казаками, что ныне воруят, и их ссужали зельем и свинцом, а объявились тут же на урочище Монастырском в съезде, и их де, государь, атаман Епиха Радилов с товарищи били ослопьем и грабили при них. А торговых де, государь, людей, которые с теми ж ворами зимовали и торговали с ними, у казаков покупали ясырь, а казакам продавали зелье и свинец, и тех де, государь, торговых людей донские казаки били и грабили. И о том учинили заказ крепкой, Л.237 / Л.238 чтоб отнюдь никто з Дону на Волгу для воровства не ходили, а только де, государь, хто з Дону на Волгу пойдет, а после объявитца на Дону, и тому быть кажену смертью. А казаки ж де, государь, шестьдесят человек, ездили под Казыев улус для конского отгону. И в те де, государь, поры из Азова ехал в Казыев улус казыевского Касая князя внук Бий Арыслан мурза Канмаметев, а с ними де, государь, было тритцать три человека татар, и донские де, государь, казаки на переез- Л.238 / Л.239 де того мурзу погромили и десять человек татар убили, а десять человек ушли, а Бий Арыслан мурзу да с ним тритцать человек татар взяли в языцех и привезли на Дон. И ныне де, государь, тот мурза и тотаровя у казаков на Дону. Да послал де, государь, было ис Крьюму Шан Гирей царевич в Казыев улус х Касаю князю з грамотою тотарина, и того де тотарина казаки взяли и послали з Дону к тебе к государю к Москве.

(РГАДА. ф.127. 1627. N1. Л.233-238, 233 об.).

На обороте: Государю царю (т.) 136-го сентября в 5 день с астороханцем с Микулою Юдиным.

Примечание.

Начиная со слов: "И атаман де Епиха Радилов с товарищи послали в верхние городки..." (Л.236) и до конца отписки была опубликована В.Д.Сухоруковым в примечаниях к "Историческому описанию земли войска Донского". - См.: Дон. 1988, N11. С.159.

3. Донские казаки и русское правительство.

Грамота 1575 г. Ивана Грозного в Шацк наместнику С.Г.Приклонскому приводится впервые. Она содержит сведения о службе донских казаков во второй половине XVI в. и об отношении к ним центральных и местных властей. Начало грамоты отсутствует.

1575. Царская грамота в Шацк наместнику С.Г.Приклонскому о донских атаманах и казаках. Начало и конец утрачены.

... скал не мотчал. А у которых наших грамот или у казаков приписи будут не разрядных дьяков, и ты б с т(еми) нашими грамоты и с на(шими...ата)манов и казаков на (Шацк) не пропускать (...) ата-

маны и к(азаки у)чнут в Шатцкой приходити (...) с атаманы или с казаки въедут полоняники, и с какие будут про воинских людей вести, и ты б их, о вестях розспрося накрепко, да о том бы еси всем подлинно, к нам писал с полоняники, а атаманом бы еси (...) велел быти в Шацком (по нашему великому государя) указу. А которые отоманы и к(а)заки похотят в Пронеске к головам к Д(авы)ду Фустову, а на Михайлов к Репъчюку Климентьеву, а в Ряской к Григорью Андрееву Павлову*, (В грамоте: Андреева Павлова.) и ты б тех атаманов и казаков отпускал в те города, кто в который город захочет. А об них к нам писал. А самих атаманов и казаков к нам на Москву не с великими вестями не присылал, тем бы еси в подводах убытка в прогонех Л.1 / Л.2 не чинил. А у к(о)торых казаков будут про воинских людей вести подлинные, скорее (...) будет их нелзе, и ты*, (В грамоте: мы.) роспрося про вести, к нам писал подлинно, да ис тех казаков, выбрав лутчего одного человека или дву(х) к нам прислал. А не с великими вестями казаков бы еси к нам не присылал, тем бы еси нашей казне в прогонех убытка не чинил. А учнешь* (В грамоте: учнем.) донских атаманов и казаков вперед присылати к нам на Москву во многих подводах, а не с великими делы, и те прогоны велети нам* (В грамоте слово "нам" написано дважды.) имати вдво(е), да тебе же быти от нас в великой опале. Писано на Москве лета 7083 апреля в (...день).

(РГАДА. ф.170. N51. Л.1-2).

Осенью 1630 г. отношения между войском Донским и русским правительством резко обострились. Способствовало этому убийство в Войске царского посланника воеводы И.Карамышева 18 сентября 1630 г. Рассказ о событиях на Дону, связанных с этим убийством, содержится в отписках русских послов А.Совина и М.Алфимова, в расспросных речах донского казака Семена Саблина и других лиц, побывавших в то время у донских казаков. Из документов, относящихся к убийству И.Карамышева, была опубликована лишь отписка войска Донского от 6 октября 1630 г., в которой Войско приносило повинную царю и высказывало свой взгляд на происшедшее. Другие документы не публиковались. Между тем, они также представляют существенный интерес. В них приводятся сведения о положении на Дону в 1630 г., о степени серьезности конфликта между правительством и Войском и об опасениях казаков по поводу того, что правительство пошлет на них ратных людей. Они, кроме того, свидетельствуют о весьма незначительной власти правительства на Дону и о готовности казаков отстаивать свои вольности.

1630, августа 22. Отписка с Дона послов А.Совина и М.Алфимова.

Государю царю (титул) холопи твои Ондрюшка Совин и Михалко Олфимов челом бьют. В нынешнем, государь, во 138-м году августа в 14 день пригребли мы, холопи твои, х казачью городку на Медведицу. И ис того, государь, городка вышло на берег казаков в саадацех и с пищалми человек с тритцать. И мы, холопи твои, велели их призвать к себе и спросить о вестях. И оне, государь, нам сказали, что они итти к нам боятца, потому что погреб де с Москвы на низ в Войско казак, а ушел он де с Москвы в те поры, как на Москве учали имать донских казаков, а имени ему не сказали. И едучи* (В отписке: будучи.) де Доном сверху по всем городком, и в нижних юртех атаманом и казаком сказывал, что товарищев ево на Москве все переимали и переграбили и розослали по городом, а на Дон де послан с Москвы воевода, а с ним ратных людей семнатцать городов, и государевы де послы и турской посол отпущены с ними ж. А велено де им, едучи Доном сверху и до нижних казачьих юртов городки все разорить и их, атаманов и казаков, побивать и вешать. И

они де от тово во всех городкех живут с опасеньем, и сумнение де в них от тово многое, а иные де, убоясь тово, из верховых городков розбежались по заполным речкам и по лесом. И мы, холопи твои, тем казаком призвав к себе, говорили, что тово не бывало, сказал им тот беглый казак то на смуту, и они бы смутным речем не верили. Отпущены мы от вас, великого государя (титул) и от отца твоего государева от великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии к турецкому Мурат салтану в послех, да с нами отпущен турецкой посол, который был на Москве у тебя, государя, а проводить нас до их нижних казачьих юртов велено воеводе Ивану Карамышеву и ратными людьми по прежнему обычаю, как утвоих государевых и турецких послов провожали наперед сево, а никакова дурна над ними делать не велено, и они б на то не сумневались и от городка з городка с вестью о том меж себя посылали, чтоб жили по прежнему. Да и в те же, государь, поры сказал нам, холопям твоим, донской казак Мишка Иванов сын Татарин, приехал де он от того ж дни с ними с станицею от казаков Л.72 / Л.73 из нижних юртов, а присылали де из Войска атаманы и казаки по вестям того ж беглово казака степью в верховых городкех проведать прямых вестей, и нас и турецко посла и воеводу с ратными людьми, осмотра и пропустя, велели им быть скорее назад степью ж. И мы, холопи твои, им говорили, и в нижние юрты к атаманом и х казаком с ними призывали тож, да и о том чтоб в Войске о нас сказали, а смутным речам не верили...

(РГАДА. Ф.89. 1630. №5. Л.72-73).

Примечание.

Далее в отписке речь идет о том, что М.Татарин видел сакмы и "черных людей" - человек 30 у речки Кременной у Чира и 400 запорожских черкас - у речки Лиски выше Чира, а также о том, как по совету ехавшего с ним турецкого посла Ф.Кантакузина послы А.Совин и М.Алфимов направили 21 августа в Войско впереди себя толмача А.Ракова и воронежского беломестного атамана В.Кувакина с шестью казаками и стрельцами, чтобы предупредить о своем приезде и чтобы в Войске их приняли "по прежнему обычаю". (Л.73-74).

1630, сентября 24. Расспросные речи в Посольском приказе жильца Тимофея Владычкина, отправленного вслед послам с дополнительными подарками для константинопольского патриарха и догнавшего послов 21 августа выше Курманова Яра.

...как де он ехал Доном...и на Дону де донские казаки из городков выходили к нему на берег в саадакех и с самопалы. И он де, Тимофей, казаков спрашивал, для чего они из городков выходят к нему на берег в саадакех и с са- Л.77 / Л.78 мопалы. И казаки де ему сказывали: прибежали де к ним на Дон лва человека донских казаков, один казак ис тех казаков, которые з Дону приезжали к Москве собою, и сказывавали те казаки на Дону донским казакам, сто донских казаков, которые приехали к Москве в провожатых з государевы послы, с Семеном Яковлевым да з дьяком с Петром Овдокимовым и с турецким послом с Томою с Москвы разослали по городом, а на Дон де на донских казаков послал государь воеводу Ивана Карамышева, а с ним ратных людей ис семнатцати городов, а Иван де Карамышев на Дон напросился сам, что ему донских казаков на Дону побивать и вешать и животы грабить. Да Тимофей де сказывал: слышал де он на Дону от донских казаков в разговорех, положил де государь на них, Л.78 / Л.79 на донских казаков свою государеву опалу за то, что они, казаки, ходят на море войною под турецкого городы и хочет де государь их, донских казаков, з Дону согнать, и они де, донские казаки, Дон государю очистят и бес крови, и у них де, у казаков, будет иной Дон. Да сказывал де ему, Тимофею, в Паншине казак, боярина князь Ивана Ивановича Шуйского человек Ивашка Романов, что

донские казаки послали от себя казаков запорожских черкас, а приказали к ним, чтоб де они с ними, донскими казаки, сослався, поговорить о донском деле, а боятца де донские казаки на себя приходу государевых ратных людей войною. И живут де донские казаки у себя в городках з боязнью душею да телом, а животы свои все похоронили по замищем в земле, а из нижних де городков казаки разослали в верхние во все городки для вестей казаков, какие люди на Дон к ним будут, да степью де для тех же вестей послали з Дону до воронежских вотчин станицу. Л.79 / Л.80 Да казаки ж де говорили: государь велел им, донским казаком, итти на помощь турецкому, и им де, казаком, турецкому на помощь не хаживать, бусурманом де они помогать не будут. А будет де государь велит им итти на свою государеву службу с своими рускими ратными людьми, и они де итти готовы. Да казаки ж де говорят: положил де ссору и государя на гнев воздвигнул турецкой посол Тома. Прежде сего того не бывало, что казаков с Москвы по городом разослали, от соры турецкого посла. И как де турецкой посол будет в нижних городках, и казаки де хотят его убить, а как де его убьем, так де и ссоры не будет. А с азовцы де они миритца не хотят, а говорят, что азовцы отогнали у них лошадей и всякую животину, и атамана Ивана Косово убили, а на государевы де украины войною ходят безпрестано ежелет и государеву землю вохют, Л.80 / Л.81 а будет де государевы послы с азовцы миритца похотят, и они де, казаки, за то не стоят, только де им, казаком, с азовцы не мириватца. И велели де казаки изо всех городков сходитца в сход на Яр, а для чего в сход* (В документе: в ход) велели сходитца, то де он, Тимофей, не слышал. Да он же, Тимофей, слышал, что по лету донские казаки ходили на море и воевали турецкого город, а сколько де их на море ходило и которой город повоевали, то де он не ведает. А побили де на море казаков 130 человек, а они де привезли с собою отгромаго русского полону 240 человек. Да говорили де ему, Тимофею, донские казаки, видят де они к себе государскую немилость, прежде сего государевы послы, как еживали Доном, и они де к их казачьим городком приставали, и с ними советовались, а ныне де государевы послы едут Доном, к ним к городком не приставают, и с ними ни о чем не советуют.

(РГАДА. Ф.89. 1630. N5. Л.77-81).

Примечания.

Краткое изложение расспросных речей Т.Владычина см.: Смирнов Н.А. Указ. соч. Т.2. С.27-28.

Поход на море, о котором слышал от казаков Т.Владычин, был один из тех походов, который совершили донцы в 1630 г. О значительной боевой активности казаков весной и летом 1630 г. сообщали в своей отписке в Москву от 6 октября 1630 г. русские послы в Крым Л.Кологривов и А.Дуров. По их сведениям, "донские казаки с черкасы во все лето" "воевали...крымские улусы", "турскова салтана греческие села и деревни, которые живут блиско Крыму, село Аскерень, село Арпаты и иные села и деревни, а имали у них войною животы их и животину, а в полон де...гречен казаки не имали", а также "повоевали турецкого салтана село Инебала...блиско города Синяпы", причем там турки взяли в плен 300 казаков на 8 стругах, а пленных казаков по указу султана посадили на каторги (РГАДА. Ф.123. 1630. N1. Л.261-264). Не случайно в 1630 г. главнокомандующий османским флотом Дели Хусейн-паша выдвинул проект перевода донских казаков на службу не только царю, но и султану, о котором рассказывал Ф.Кантакузин в ходе своих переговоров с патриархом Филаретом Никитичем: "Да турецкой де посол говорил великому государю святейшему патриарху...спрашивал де ево капитан Хасан паша, для чево царское величество не велит донских казаков побить или з Дону их збить, чтоб от тех донских казаков меж Мурат салтанова величества и царского величества ссоры и нелюбви не было? И яз де

капитану Хасан паше сказал, что царскому величеству на донских казаков ратных людей послать не мочно, потому что на Дону места крепкие Л.102 / Л.103 и лесные, и как на них послать ратных людей, и они разбегутца врознь или пойдут к недругу, и учинить над ними никакова наказанья не мочно. И капитан де Хасан паша о том думал много и говорил, чтоб казакам донским давать жалованье обоем государем – Муратову б салтанову величеству давать от себя, чтоб от тех казаков войны не было...А будет де царское величество тем донским казаком своего государева жалованья давать не изволят, ино де казаком донским яз учну давать Мурат султаново жалованья из Мурат сал- Л.103 / Л.104 тановы казны, будет на то царсково величества изволение. И перевесты бы их з Дону всех на Белое море на житье. А около де Белово моря Мурат салтанову величеству многие недруги, и они б на тех недругов ходили и под ними добывались. И ныне б, дав им жалованье, послать их войною на польского короля вместе с сердаром".

(РГАДА. Ф.89. 1630. N1. Л.102-104).

1630, ноября 12. Расспросные речи в Посольском приказе донского казака Семена Саблина.

...прибежал на Дон с Москвы донской казак Ивашко Лагутин, а ушел тот казак Ивашко з дороги Л.113 / Л.114 у пристава...как их, донских казаков, с Москвы послали по городом, а сказал де донским казаком, что атамана Наума и казаков его станицы...разослали по городом по тюрьмам, а Иван де Карамышев напросился у государя итти на Дон сам, ...что ему на Дону донских казаков вешать и побивать. И донские де казаки велели государевым послом и Ивану Карамышеву итти к себе в круг, и государевы де послы х казакам в круг пришли, а Иван Карамышев х казаком в круг не пошел. И казаки де учили говорить, что наперед де сего, как они, казаки, в кругу у себя слушали государевы грамоты, и Иван де Карамышев против государьского имени шапки не снял, стоял, закуся бороду, а ныне де он в круг не идет. И пошли де казаки Л.114 / Л.115 к Ивану Карамышеву на стан, и они де ево на стану привели к себе в круг и говорили ему в кругу, что он, Иван, напросился у государя итти на Дон сам для того, что ему на Дону донских казаков вешать и побивать, а как де наперед сего они, казаки, в кругу у себя слушали государевы грамоты, и он, Иван, против государьского имени шапки не снял, стоял, закуся бороду, а казак Ивашко Лагутин...Ивану Карамышеву учал говорить...как он, Иван, донских казаков на Москве поил у себя вином и говорил, что государь посылает его на Дон донских казаков побивать. И Иван де Карамышев, казаком на четыре стороны поклонясь, молил им, что он виноват, и казак де Ивашко Тюлень учал его сечь саблею, а потом иные казаки учили его сечь саблями, и, убив его, вкинули в воду, в реку Дон.

(РГАДА. Ф.89. 1630. N5. Л.113-115).

Примечания.

Казак Ивашко Лагутин, о котором рассказывал С.Саблин, был в составе станицы атамана Н.Васильева. Вместе со всей станицей его в 1630 г. должны были сослать в Холмогоры, но он бежал из-под ареста.

Убийство И.Карамышева произошло на Войсковом круге 18 сентября. Эту дату называл в Воронеже воеводе С.Львову С.Саблин, присутствовавший на этом круге и выехавший с Дона в Москву 14 октября (РГАДА. Ф.89. 1630. N5. Л.103). У Е.П.Савельева ошибочно указано, что убийство произошло на круге 27 августа (См.: Савельев Е.П. История казачества. Ч.3. Новочеркасск, 1918. С.322).

Грамота на Дон от 30 мая 1666 г. приводится впервые. Этот источник свидетельствовал об усилении борьбы правительства с обы-

чаем "не выдавать с реки" после принятия Соборного уложения 1649 г. В этой грамоте правительство впервые потребовало от Войска не принимать беглых и дать возможность переписать беглых из дворцовых сел, поселившихся по Хопру.

1666, мая 30. Царская грамота войску Донскому с требованием предоставить посланному из Тамбова писцу возможность переписать беглых из дворцовых сел, поселившихся близ казачьих городков по рекам Хопру и Вороне и с запрещением принимать впредь беглых в казачьи городки.

От царя и великого князя Алексея Михайловича (титул) на Дон в нижние и верхние юрты ат(аманом) и казаком Михаилу Самаренину и всему войску Донскому. В нынешнем, во 174-м году, указали (мы), великий государь, ис Тамбова стольнику и в(оеводе) Ивану Акинфому послать на Хопер* (в документе - Пехор) и (на Во)рону реки и около ваших казачьих юр(тов) во все места, в которых местах селятца (а на)ших великого государя Шацких дворцовых сел беглые (крестьяне), и живут и строятца на житье (... стрелецкого) или казачья голову. И апреля в (... день) писал к нам, великому государю, ис (Тамбова) стольник и воевода Иван Акинфов : ко(торые) наши великого государя дворцовые беглые кресть(яне...) и селятца по реке Хопру около к(азачьих юр)тов в ближних местех (...) и те(х...) переписывать он, Иван, без (наших великого) государя грамоты не смеет, пото(му что в тех) местех живут ваши донские (казаки, и переписывать их ему, Ивану, не да(дут. ... И как) к вам ся наша великого государя грамота придет, а ис Тамбова столь(ник и воевода) Иван Акинфов для тех на(ших) Шацких дворцовых сел б(еглецов), которые, бегая, живут и в(нов)ь селятца по Хопру и по Вороне около ва(ших) Л.45 / Л.46 юртов, с сею нашею великого государя грамот(ою) пришлет; и вы б тому человеку на реках на Хопр(е) и на Вороне наших великого государя Шацки(х) дворцовых сел беглых крестьян, которы(е) живут и селятца около ваших казацки(х) юртов, переписать и в старые их наш(и вели)кого государя дворцовые села, где хто (жил) наперед сего, отдавать велели со в(семи животы) безо всякого послушанья. И впредь к (себе в каза)цкие свои юрты, которые у вас, (...) таких же наших великого государя дв(орцовых) сел беглых крестьян принимать и сели(тца...) не велеть. Писан на Москве лета 7174, мая в 30 день.

Такова (...) грамота ис Посольского приказу в Розряд на Дон послана из Розряду. Пошлет ее х казаком стольник и (воевода Иван) Акинфов.

(РГАДА. Ф.111. 1666. N1. Л.45-46).

4. Боевые действия донских казаков.

Рассказ об Адахунском сражении лета 1638 г. - одной из крупнейших операций донского флота на Черном море, окончившейся неудачно для казаков, содержится в расспросных речах астраханца сына боярского И.Суслова, не публиковавшихся ранее. Источник осведомленности И.Суслова - сообщения пришедших в Азов участников этого сражения. Приведенные им сведения свидетельствуют о том, что зайти казачьи суда в Адахунский лиман заставила непогода, и о том, что турки, стремясь разбить казаков наверняка и заперев выход из лимана, поджидали себе на помощь крымского хана. Судя по рассказу И.Суслова, некоторые казаки сумели после поражения уйти в Азов. Кроме того, в этом рассказе имеются сведения о положении в Азове в ноябре 1638 г., когда там побывал И.Суслов.

1638, декабря 6. Расспросные речи астраханца сына боярского И.Суслова в Астрахани.

147-го декабря в 6 день...Иван Суслов сказал: как де он, Иван, с стрельцы и с татары приехали к донским атаманом и к ясаулом и к казаком в Азов, и жил он, Иван, в Азове пять ден... и... слышел в розговорех от казаков: до его де приезду ездили из Азова донские казаки восьмь человек для конского отгону под нагайские улусы, и съехали де они Л.14 / Л.15 нагайские улусы за Крымом по речке Самаре и Днепру близко запороских черкас... и отогнали де они у нагайских людей лошадей с шестьдесят... А которые де полоняники руские люди и татаровя выходят в Азов ис Крыму и из нагайских улусов, и... сказывают, что на весну крымской царь и царевичь с крымскими и с нагайскими и с казыевскими ратными людьми и с черкасы хотят быть под Азов войною, а указал де им под Азов итти турецкой солтан, да и морем де и на каторгах и в мельких судах и в сандалах на весну турецкие ратные люди по указу турецкого солтана под Азов будут многие... И по тем де вестям донские атаманы и казаки послали из Азова до его Иванова в Азов приезду к государю к Москве в станице казачья атамана Тимофея Лебязью Шею бити челом государю, чтоб их государь пожаловал, велел им прислать в Азов на помочь ратных людей, и тех станичников ждут казаки к себе в Азов вскоре. А в Азове де ныне казаков и запороских черкас по смете всего с шестьсот человек или мало больши, да по реке Миузе в юртах живут Л.15 / Л.16 для зимнего времени запороских черкас з двесте человек, а до зимы они жили в Азове, а на весну те запороские черкасы будут в Азове же. Да сказывал де ему, Ивану, в Азове атаман Михайло Татаринов, что у них, донских атаманов и у всего Войска придумано, только де их, казаков, государь не пожалует, ратных людей к ним в Азов на помочь прислать не укажет, и они де, дождав своих станичников с Москвы, хотят из Азова послать ево, Михайлу Татаринова, в калмыцкие улусы за Яик х калмыцким тайшам для ратных людей и с калмыцкими ратными людьми хотят итти войною под нагайские улусы и под Крым. А будет де государь пожалует, укажет к ним в Азов ратных людей на помочь прислать, и они де х калмыком посылать не хотят...и ни о чем де у донских казаков с калмыки до сих мест ссылки не бывало. Да слышал де он от казаков в Азове, что ходило летом в стругах на море казаков тысяча семьсот три человека, и с теми де казаки съехались на море против устья Духонинского ильменя на катаргах и в сандалах турецкие ратные многие люди, и учинили с ними бой. И на бою де казаки многих ратных турецких людей побили, а после де бою учинилась на море большая волна, и от той де волны казаки в стругах Л.16 / Л.17 своих поехали в Духонской ильмень и хотели с того ильменя проехать в Кубань реку. А турецкие де ратные люди на катаргах стали у того ильменя на устье от моря и з донскими казаки договорились и поставили мир, и меж себя учинили торг, покупали казаки у турецких людей табак, и после де торгу вскоре к тому Духонинскому ильменю к устью, которое устье от ильменя вышло в Кубань реку, безвесно пришел степью крымский царь с крымскими и с нагайскими ратными людьми и с черкасы, и Духонинского ильменя устье, что в Кубань вышло, для казачья проезду перегородил чегенем, а другое устье, что вышло из моря, турецкие ратные люди, которые были на катаргах, засыпали камнем кучами, казаков теснили. И казаки де, покиня струги свои, с того Духонинского ильменя пошли было к Азову степью врознь, и их де, казаков, на степи крымский царь с крымскими и с нагайскими ратными людьми и с черкасы учал сходить и побивал, а иных живых поимал, а пришло де тех казаков с разгрому в Азов только тритцать человек, да после того иные по человеку и по два в Азов прибрадили, а всего сколько человек тех казаков в Азове собралось, того он подлинно не ведает. И тому де ныне полтретьи недели отпустили его из Азова атаманы и казаки Л.17 / Л.18 в Астарахань с отпискою, и он де из Азова ехал по Дону вверх на

казацъи городки на Черкаской, да на Маныч, да на Кугольник, и в тех городках он был, а по скольку в тех городках казаков живут, того он не ведает, потому что в тех городках был он не по многу... Да сказывал де ему, Ивану, в городке Маныче донской казак Черкаского городка Пронка, побежали де от них ис Черкаского городка две жонки татарки, и они де ис Черкаского городка за теми жонками гоняли степью и нашли де на степи конскую сакму, а пришла та сакма от Темрюков к реке Салу и, объехав де тое сакму, воротились они назад к себе в городок, а по смете де по той сакме было конных людей с семьсот человек, а чают они, что Л.18 / Л.19 темрюцкие черкасы, и приходу их чают по Дону на казацъи городки...

(РГАДА. Ф.127. 1639. N1. Л.14-19).

Примечание.

Если И.Суслов выехал с Дона за две с половиной недели до 6 декабря и был в Азове 5 дней, то, следовательно, он находился там примерно с 13 по 18 ноября 1638 г.

Одна из важнейших причин боевых успехов войска Донского - высокий уровень боевой подготовки отдельного казака. Об этом наглядно свидетельствует рассказ в Астрахани казака Гаврилы Григорьеве, вышедшего из полона из Туркменской земли. Документ не опубликовался.

1641, мая 26. Расспросные речи пленника донского казака Гаврилы Григорьева.

149-го мая в 26 день...пленник Микитин человек Наумова Гаврилко Григорьев сказал: тому де ныне лет с шесть был он, Гаврилко, под Смоленском и Микитою Наумовым, а ис-под Смоленска де збежал з донскими казаками на Дон, и жил на Дону в казацъе в Маначинском городке. И, собрався з донскими казаки, из Маначинского городка пошли на Яик. И на нагайской де степи о урочище речки Мелике взяли их калмыцкие люди, и в калмыцких улусах жил он, Гаврилко, месяца з два, и ис калмыцких улусов побежал на Яик. А с Яика ездил он, Гаврилко, с яицкими казаки воровать на море под кизылбашские городы. И на море против Куклянского кряжу погодою струг у них разбило, и их, Гаврилка с товарищи, на том кряжу поймали куклянские и трухменские люди, и роспродали в Куклян, и жили они, Гаврилко с товарищи, в Трухмени месяцев с шесть. И ис Трухмени он, Гаврилко с товарищи, четыре человека, бежали в Кизылбашскую землю в город Старабат. И тому де ныне пятой месяц он, Гаврилко с товарищи, восемь их человек, побежали ис Тарабата к бусному пристанищу, и у пристанища де было у бус и у сандалов гиланцов и трухменцов настороже сорок пять человек. И они де, Гаврилко с товарищи, ночью тех караульщиков перерезали и, взяв у них сандал, побежали морем в Астарахань, да с собою де взяли о той пристани малово трухменца, Л.36 / Л.37 и побежали де они на том сандале морем подле трухменского берегу сутки, и на другие де сутки приехал к ним трухменец сам-друг в лотке с сыном своим прошати пшена, чая того, что они трухменцы ж. И они де, Гаврилко с товарищи, того трухменца с сыном взяли с собою, и тот де трухменец довел их пристанью до полубусья со пшеном и с нефтью, и на той де полубусе было трухменцов восемь человек. И они де, Гаврилко с товарищи, взяли с собою ис тое полубусья к себе в сандал пшена и муки пшенишной в запас и побежали де было в Астарахань, и их де на море застала стужа большая, и они де, Гаврилко с товарищи, на том сандале воротились назад к тому ж полубусью, и ис того де полубусья трухменцы пшено и нефть вывозили на берег. И они де, Гаврилко с товарищи, взяв тое полубусье с собою, да из них одного человека трухменца, побежали в Астара- Л.37 / Л.38 хань, и бежали подле берега морем недель с восемь и больши, и наехали на берегу

трухменцов рыболовов шти человек, и те де трухменцы учинили с ним, Гаврилком с товарищи, бой, убили они тех трухменцов трех человек, да одного человека взяли в полон, а два де человека утекли у них в степь. И они де, Гаврилко с товарищи, на том полубусье прибежали в Астарахань.

(РГАДА. Ф.127. 1642. N1. Л.36-38.)

Перечень военных действий, в которых участвовали донские казаки.

1548 - казаки с остроги у Переволоки разбили отряд татар во главе с "азовским казаком" Елбузлуком, шедшим из Крыма в Астрахань. Во главе казаков - атаманы Михаил Черкашенин и Истома Извольский.

1549 (и ранее) - действия казаков Сары Азмана против ногаев князя Юсуфа.

1550 - донские казаки участвовали в отражении похода ногаев на Рязань.

1532-1551 - действия казаков против Азова.

1552 (и ранее) - выходы казаков на Азовское море и нападения на турецкие суда и на азовских рыбаков.

1551-1552 - действия донских казаков против Казани, один из атаманов, возможно, Сусар Федоров.

1553 - возможно, участие донских казаков в подавлении восстания против России вблизи Казани, на Луговой стороне.

1554-1556 - участие донских казаков в присоединении Астрахани; один из атаманов - Ляпун Филимонов.

1556 - поход на Керчь; выход в Азовское море Миусским Лиманом; атаман М.Черкашенин.

1557 - вместе с воеводой Ю.Булгаковым донские казаки разбили татар на Айдаре, когда они шли на русскую окраину.

1559 - казаки М.Черкашенина разбили крымских татар на Северском Донце и прислали к Москве языков.

1559 - донцы атамана Петруши Пронца взяли крепость Смелытину в Ливонии.

1560 - морской поход донских казаков на Крым.

1560 - поход донских казаков совместно с ногайскими мурзами к Перекопу, Белгороду, Очакову; казаки были в походе в течение всей зимы.

1561 - поход донцов и запорожцев во главе с князем Д.Вишневецким к Кафе по морю.

1565 - донские казаки предупредили воевод русских городов о переходе через Северский Донец крымского хана, что позволило не пропустить крымцев дальше Болхова.

1569 - превосходящие силы крымцев разгромили на Северском Донце городок атамана Ивана Мотякина, который защищало 40 казаков.

1569 - нападение казаков на турок в двух милях от Азова, когда турки возвращались из неудачного похода к Астрахани (сообщил польский посол А.Тарановский).

1571 - донские казаки предупредили русских воевод о подготовке хана Девлет Гирея к нападению на русские земли.

1575 - взятие запорожцами и донцами Гезлева, Кафы, Трапезунда, Синопа, действия их под Константинополем (указал С.Маркедонов - см.: Маркедонов С. Морские походы донских казаков. Газ. "Станичник" от 12 марта 1993 г.).

1576 - нападение донцов во главе с М.Черкашениным на Азов; возможно, взятие крепости Топракалов; пленение 20 знатных турок во главе с султанским шурином Усеином.

1577 - донские казаки в Пскове в составе русских войск должны были отправиться в Ливонию.

1581 - донские казаки атамана Василия Янова опустошали окрестности Могилева и действовали против польских войск за Днепром.

1581 - атаман М.Черкашенин участвовал в обороне Пскова от войск короля Стефана Батория и погиб там.

1585 - поход морем под Керчь, взятие в плен "черкас многих" (горских).

1592 - поход к Темрюку донцов во главе с терским атаманом Никитой Болдырем и атаманом Иваном Носом, разгром ими азовского паши Али-бея в гирле Дона по возвращении, когда он пытался переродить казакам вход в Дон, взятие двух турецких "ушкулов" и знамени.

1592 - поход весной на море атамана Василия Жигулина и 300 казаков.

1593 - попытка взятия казаками Азова.

1601 - погром донскими казаками татарских улусов около Керчи.

1604 - разорение ими татарских улусов в Крыму около Корсуни.

1605 - оборона казаками крепости Кромы - 1,5 тыс. казаков атамана Андрея Корелы против 30 тыс. царских войск.

1607 - участие донских казаков в сражениях на стороне Ивана Болотникова при Веневе, на речке Вырке, у Пчельни, у речки Восмы.

1608-1609 - участие донских казаков в сражениях с царскими войсками на стороне Лжедмитрия II (под Москвой, Ярославлем, выдержали 10-дневную осаду Кинешмы, участвовали в разгроме Галича вместе с людьми пана Лисовского).

1612 - участие казаков в боях под Москвой (помощь Ополчению К.Минина и Д.М.Пожарского в бою 22-24 августа с поляками гетмана Ходкевича, в боях 22-26 октября за Кремль).

1613 (апрель) - поражение казаков атамана И.Заруцкого под Воронежем от воеводы князя И.Одоевского.

1614 - казаки отбили атаку азовцев на Монастырский городок, возглавлявшуюся Караклиш-богатырем, "побили" 130 татар, взяли много лошадей.

1615 - взаимные стычки казаков с азовцами.

1616 - поход на море донцов и запорожцев (25 донских и 40 запорожских стругов) от Миуса, взятие ими городов Трапезунда и Синопа, победа на обратном пути над турецким флотом в Керченском проливе и взятие четырех каторг.

1617 - 150 запорожских и 50 донских стругов вышли в Черное море; казаки взяли города Месемврия и Бакир в Румелии.

1617 - 700 донцов на Черном море разгромили 7 турецких каторг, а затем - еще 7, взяв в плен пашу.

1621 - 700 донских казаков ходило на помощь запорожцам и полякам под Хотин во время польско-турецкой войны (возможно и больше).

1621 - 1400 донцов атамана Василия Шалыгина и 400 запорожцев во главе с атаманами Сулимой, Яцком и Шилом ходили под Ризу, но город не взяли, казаков нагнали турки на 27 каторгах и разбили их, взяв в плен до 800 казаков.

1622 - поход 1500 донцов и 300 запорожцев на Черное море, атаман - запорожец Шило, воевали вблизи Царьграда и Трапезунда; по поводу этого похода ходил слух, что казаки были в Мраморном (Белом) море.

1622 - разгром у Мертвого Донца казаками азовцев, возвращавшихся из похода на Русь, освобождение 105 русских пленных; повторный разгром (перед 29 июня) там же другой группы азовцев, возвращавшихся из Руси, казаками атамана Исая Мартемьянова, "побили" более 100 человек.

1622 - казаки атамана И.Мартемьянова разбили на "морском устье" караван турецких судов, взяли корабли и 2 косяги и 26 июля вернулись на Дон.

1623 - казаки "молодые люди" ходили под Керчь и Кафу, захватив на обратном пути вблизи устья Дона турецкую каторгу.

1624 - донцы на 150 стругах ходили под Царьград и громили окрестности города на европейском берегу Босфора и взяли Трапезунд.

1624 - донцы взяли город Старый Крым.

1625 - поход донцов на Трапезунд, неудачный приступ к городу; запорожцы обвинили донцов в неудаче, между ними на море произошло сражение, в ходе которого был убит донской атаман И.Мартыанов (24-25 мая).

1625 - взятие казаками турецкой башни на Каланче и попытка взятия Азова.

1625 - 1300 казаков ходили "на море".

1626 - нападение весной казаков на Азов, сожжение огородов и разрушение некоторых крепостных стен.

1626 - поход донцов под Козлев.

1626 - донцы и запорожцы на 8 челнах (по 50 казаков в каждом) взяли Трапезунд.

1627 - поход донских казаков на Крым и под Константинополь.

1628 - небольшая группа донцов приняла участие в междоусобице в Крыму на стороне Магмет Гирея (вместе с запорожцами).

1629 - донские казаки вместе с запорожцами выжгли город Карасу в Крыму.

1629 - поход донцов и запорожцев к побережью Румелии, бой с янычарами (15 каторг по 300 янычар) у Сизебола, сидение в осаде в течение 8 дней в греческом монастыре.

1629 - поход осенью донских казаков под Балаклаву.

1630 - неудачное нападение донцов и запорожцев на Керчь.

1630 - действие в течение всего лета в Крыму; 300 казаков на стругах попали в плен.

1631 - 40 донцов ходило с запорожцами (150 стругов) на Трапезунд.

1632 - поход донцов и запорожцев к Синопу под предводительством донского атамана Павлина.

1633 - участие донских казаков в Смоленской войне - в штурме Смоленска 26 мая 1633 г., под Рославлем (атаман Иван Теслев).

1633 - 25 февраля донцы разбили крымцев, азовцев и казыевцев на реке Быстрой, захватив 70 пленных.

1633 - 27 августа донские казаки во главе с атаманом И.Каторжным разбили у реки Челбас ногаев.

1634 - вместе с запорожцами донские казаки приходили дважды к Азову.

1635 - оборона Казачьего острова 30 марта и 24 апреля от азовцев.

1635 - два выхода на море донцов и запорожцев, вернулись с большой добычей.

1636 - донские казаки ходили против ногайских мурз тинмаметевых вместе с мурзами урмаметевыми под Темрюк, а затем выдержали оборонительный бой с превосходящими силами ногаев, во главе казаков - атаман И.Каторжный.

1636 - бой с крымцами и ногаями под Азовом.

1637 - 21 апреля - начало осады войском Донским Азова, 18 июня - взятие Азова.

1637 - ряд выходов донских казаков на море, в т.ч. один - крупный, на 150 судах.

1638 - два выхода донских казаков в конную разведку "под Крым" (весной), в т.ч. к Молочным Водам.

1638 - 74(75) больших морских стругов под командованием атамана Алексея Долгого вышло 9 мая в море, но, встретив в Керченском проливе 40 каторг, вернулись в Азов, не вступив с ними в бой из-за непогоды.

1638 - поражение донских казаков в Адахунском сражении (вторая половина июля).

1638 - под городок Терновые приходили татары, их разгромили казаки, пришедшие из Азова (июнь).

1638 - 22 июля под Азов приходило 300 крымцев, которых побили казаки вместе с астраханскими служилыми людьми.

1639 - весной-летом на Черном море действовали две казачьи флотилии у побережья Анатолии, из 12 и 32 чаек.

1639 - во второй половине лета 900 казаков ходило на Крым; они освободили между Керчью и Темрюком русских пленников.

1639 - выходы осенью на море за языками.

1640 - весной казаки ходили к Темрюку и на Крым за языками.

1640 - до 18 июня - казаки на 23 стругах под предводительством атамана Гунки Черкашенина видели в керченском проливе 40 каторг, взяли 6 языков-татар.

1640 - после Ильина дня на Черное море вышло 1500 казаков на 37 стругах с 6 пушками, приняли бой с турецким флотом, "побили" 5-10 каторг и потеряли 30 стругов и 30 человек убитыми и ранеными.

1640 - июль - 500 конных казаков ходило "под Крым" для языков.

1640 - примерно в середине сентября казаки напали на 3 мурз, вышедших на русские окраины.

1641 - 3 января казаки вышли к Перекопу за языками (вместе с запорожцами и с союзными ногаями Азамат мурзы), взяли языков.

1641 - между Рождеством и Крещением приходил к Азову крымский хан с 14 тысячами татар и горских черкесов, бои шли 5 дней, казаки взяли языков.

1641 - 7 апреля Войско посылало конных казаков за языками "под Крым".

1641 - апрель-май - посылка Войском казаков на стругах в Крым, взяли языков и освободили пленных (12 стругов). После этого 4 струга (атаман Тимофей Яковлев) вернулись в Азов, а остальные (атаман Миска Таран) вышли в Черное море и ходили под Ризу, где взяли языков, но на Дон не вернулись и были разбиты турками в устье Днепра.

1641 - в начале мая Войско из Азова посылало 50 конных казаков за языками, в бою на реке Тузлов взяли 10 крымцев.

1641 - 25 июня - 26 сентября - Азовское осадное сидение.

1641 - 26 июля - 5 августа - 500 татар приходили под Черкасский городок, казаки отбились и убили 10 человек.

1642 - 27 марта казаки вышли на Крым стругами, взяли языки.

1642 - весной казаки во главе с атаманом О. Колужениным ходили морем под Керчь и взяли языков (на 11 стругах).

1643 - разгром турками городков Маньча, Черкасского, Монастырского, Стыдного имени, поход турок под Раздоры, но казаки отстояли Раздоры.

1643 - за неделю до Петрова дня казаки разбили татар у устья Хопра и отбили пленных.

1644 - 18 января казаки побили на Монастырском острове янычар и взяли 5 языков.

1644 - зимой-весной конные казаки взяли под Азовом языков.

1644 - донцы и запорожцы в октябре приступали к Азову.

1644 - 4 ноября бой под Черкасским городком с азовцами, черкесами и ногаями, казаки побили их и взяли 19 языков.

1645 - в апреле на море вышло 34 струга во главе с атаманом Алексеем Старовым и 20 стругов запорожских казаков во главе с запорожским полковником Сулимом, ходили под Керчь.

1646 - в апреле-мае казаки проводили конную разведку на Крымской и Ногайской стороне Дона.

1646 - в июне казаки и вольные охочие люди ходили под коман-

дованием атамана О. Колуженина под Азов на 150 легких стругах и разгромили 2 кояги, захватив в плен 71 человек.

1646 - в конце июня - начале июля казаки участвовали в походе с русскими ратными людьми к рекам Чубур и Ея на ногаев.

1646 - 6 июля казаки пришли на помощь стоявшим под Черкасским городком русским ратным людям князя М. Черкасского, на которых напали крымцы и азовцы, и отбили их вместе с русскими ратными людьми.

1646 - 4 августа 6000 донцов и 1100 ратных людей князя С. Пожарского и князя М. Черкасского приняли бой с превосходящими силами янычар, азовцев и темрюцких татар на реке Кагальник (левый берег Дона) и 6 августа отступили к Черкасскому городку.

1646 - 26 августа - 4 октября - безрезультатный поход донского флота на Крым вместе с дворянином Ж. Кондыревым.

1646 - ноябрь-декабрь - выходы казаков на разведку (на судах и конных) под Азов, к Молочным Водам и к Перекопу.

1647 - 1-10 мая казаки ходили на Молочные Воды за языками.

1647 - весной 1500 казаков на 50 стругах ходили под Темрюк и Арбаток, взяли 300 пленных.

1647 - июнь - неудачный поход на Крым на 33 стругах, сперва 16 стругов разбило бурей, затем азовцы и крымцы на Мертвом Донце напали на возвращавшихся казаков и многих перебили. На Дон пришло лишь 2 человека.

1647 - 19 и 28 июля - приступы азовцев к Черкасскому городку.

1647 - летом - морской поход казаков на Крым, взяты 3 языка.

1648 - лето-осень - выходы за языками казаков - конных к Тонким Водам 20 июля; морем - в 20 стругах по 30 человек.

1648 - на Покров казаки на 16 стругах по 30 человек ходили под Темрюк, взяли ясырь.

1648 - около 1000 казаков ходило под Азов за языками.

1649 - казаки на 10 стругах ходили к Кафе, освободили 350 пленных, взятых татарами в Польше.

1650 - в марте 150 казаков ходило на Молочные Воды за языками.

1651 - весной казаки разорили предместья Азова.

1651 - в начале апреля 900 казаков на 12 стругах вышли на море и громили на Анатолийской стороне город Каменный Базар.

1652 - в конце мая 1000 казаков на 15 стругах во главе с атаманом Иваном Богатым ходили к Царьграду на Румелийскую сторону, отбили нападение 10 каторг и вернулись на Дон с пленными.

1652 - октябрь - поход на лодках к Тонким Водам казаков за языками.

1653 - в мае 1300 казаков под командованием атаманов Федора Волошенина и И. Богатого вышли на 19 стругах и напали на крымское побережье между Судаком и Балаклавой, а затем громили деревни у Трапезунда и взяли посад у города Триполь.

1653 - после этого похода 350 казаков во главе с атаманом Семеном Свегуном взяли в Азовском море 2 корабля, 2 кояги и 2 ушкула, шедшие в Азов.

1653 - 9 ноября конные казаки ходили на Крымскую сторону Дона и взяли 2 языка.

1654 - летом казаки совершили морской поход на Крым на 30 стругах, чтобы не допустить похода хана Ислам Гирея против русско-украинского войска.

1655 - летом на 43 стругах вышло 3000 казаков во главе с атаманом П. Чесночихиным, в т.ч. 700 запорожцев во главе с атаманом Вергуном, взяли города Тамань и Судак.

1655 - в июле - начале августа казаки ходили под Перекоп за языками.

1655 - участие донских казаков в походе русских войск на Вильно.

1656 - февраль - бой с азовцами под Черкасским городком.

1656 - июнь - донцы вместе с запорожцами и торговыми людьми, всего 3000 человек, ходили под Азов во главе с атаманами Н.Васильевым и П.Чесночихиным, на вылазке азовцы побили с полторы тысячи казаков, взят в плен и убит в Азове П.Чесночихин.

1656 - в сентябре и октябре казаки ходили к Молочным Водам за языками.

1656-1657 - участие донских казаков в походах против Швеции (осада крепости Нотебург, взятие крепости Ниеншанц и другие действия).

1657 - казаки на 30-33 стругах во главе с атаманом Корнеем Яковлевым Черкесом выжгли 10 деревень под Козлевым, взяли 600 пленных и освободили 200 русских полоняников.

1657 - два похода в конце года совместно с запорожцами, в одном захватили 5 турецких судов, в другом ходили к крепости Ислам-Кермень.

1658 - 2 апреля казаки захватили в плен крымского и калмыцкого посланца и языков.

1658 - июнь - казаки взяли двух ногайских языков.

1658-1659 - поход донцов на реку Самару за языками.

1659 - 6 июня в поход ушло 30 стругов под предводительством К.Яковлева, ходили на Крым, затем - под Синоп и Царьград, 16 августа казаки вернулись на Дон.

1659 - 21 августа - 29 сентября - поход казаков морем на Крым.

1660 - морские и сухопутные походы на Крым за языками в марте-апреле.

1660 - 6 июля Войско посылало под Азов казаков за языками.

1660 - 23 июля казаки вышли на море на 30 стругах, но, встретив каторги, вернулись.

1660 - после 29 сентября казаки ходили под Азов и выжгли посад.

1660 - ноябрь - казаки участвовали в отражении нападения азовцев и крымцев на городок, где стояли русские ратные люди.

1661 - 9 марта казаки с ратными людьми (во главе с воеводой И.Хитрово) ходили приступом на городок крымского хана у Мертвого Донца, но неудачно; убито - 29, ранено - 82 казака, в т.ч. атаман К.Яковлев.

1661 - 2 апреля - казаки ходили на урочище Токмак, взяли крымских языков, 15 мая - взяли языков у Перекопа.

1661 - в июне казаки ходили на Азов за языками, взяли заставу.

1661 - летом - казаки ходили на море с ратными людьми, взяли корабль, шедший из Кафы в Царьград.

1662 - апрель - казаки и ратные люди воеводы И.Хитрово на 26 стругах вышли вниз по Дону, раскопали Казачий Ерик, засыпанный турками, и вышли в море. Они отбили атаку крымцев и азовцев, пытавшихся помешать вести раскопки на Ерике.

1662 - летом казаки вышли в море, выжгли посад Керчи, разорили окрестности Трапезунда и вернулись на Дон.

1662 - на двух стругах в поход на Крым вышло 77 казаков, которых бурей выбросило к берегу Мингрелии.

1663 - до марта - донские казаки и запорожцы - 500 человек во главе с атаманами С.Разиным и запорожцем Сары Малжиком и калмыки разбили крымцев у Молочных Вод.

1663 - еще один за этот год успешный поход донских казаков и калмыков против крымцев к Перекопу.

1665 - в ноябре - поход донских казаков (300 человек) и калмыков (80 человек) к Азову вместе с ратными людьми воеводы И.Хвостова, бой их с азовцами, гибель в бою султанского зятя Мустафы паши.

1666 - в начале года азовцы были отбиты от Черкасского городка.

1666 - после Пасхи казаки на 20 стругах под командованием атамана Родиона Осипова вышли в Крым.

1667-1669 - поход казаков С.Разина на Волгу и на Каспийское море, в т.ч.:

1667 - победа над стрельцами воеводы С.Беклемишева и выход в Каспийское море и взятие Яицкого городка;

1669 - победа над Иранским флотом Мамед-хана астаринского.

1669 - взаимные нападения казаков и азовцев.

1670 - весной казаки вышли в море на 25 стругах.

1670 - поход С.Разина и его казаков вверх по Волге (до поражения под Симбирском).

1671 - апрель - поход донских старшин во главе с войсковым атаманом К.Яковлевым на разинский Кагальник, взятие в плен С.Разина.

Словарь.

Анатолия (Анатолийская сторона) - Восточная сторона, Азиатская часть Турции.

Аршин - мера длины; равен 4 четвертям, 16 вершкам, 29 дюймам, 71,12 см.

Атлас - сорт гладкой и блестящей ткани.

Белое море - Средиземное море (в т.ч. Мраморное море).

Борошень - хлеб, хлебный продукт.

Буса - одномачтовое морское судно с неглубокой осадкой для плавания по Каспийскому морю.

Вагенбург - обоз, поставленный четырехугольником для обороны; назывался еще "табор" или "тележный городок".

Ведро - мера жидких тел; равно 10-12 кружкам, примерно равно 12 литрам воды.

Великое переселение народов - условное название массовых вторжений на территорию Римской империи в IV-VII вв. различных племен - гуннов, сарматов, германцев, славян.

Верста - мера длины; верста путевая равна 500 сажням или 1080 метрам; верста межевая вдвое больше.

Воевода - в России XVI-XVII вв. - военачальник и администратор, ведавший военным и гражданским управлением в городе и уезде.

Гривенка - мера веса; большая гривенка равна двум малым гривенкам, равна 409,512 граммам (фунту).

Десятина - см.: Четь.

Днище - день пути; пешего - примерно 20-25 км, конного - 50-75 км.

Запас - так казаки называли доставлявшуюся на Дон муку или сухари.

Зершик - игрок в азартную игру, называвшуюся "зернь".

Зинбиль (зимбиль) - округлый кулек, мягкая корзина из рогозы или чакана; в них привозили товары из Персии.

Зипун (жупан) - кафтан из грубого толстого сукна, обычно без ворота.

Ираноязычные народы - народы иранской языковой группы, входящие в состав индоевропейской языковой семьи: персы, пуштуны (афганцы), таджики, осетины, курды и др.; существовавшие в древности и исчезнувшие народы этой группы - скифы, савроматы-сарматы, аланы.

Калга - второе лицо в Крыму, царевич - наследник престола, ближайший родственник хана.

Камка - шелковая узорчатая ткань.

Кармазин - тонкое ярко-алое сукно.

Каторга (галера) - многовесельное боевое судно у турок, на

котором гребцами были пленники-рабы.

Кружка - мера жидких тел; равна 10 чаркам или примерно 1 литру.

Крымская сторона - правый берег Дона.

Куклянский кряж - на Красноводском полуострове Каспийского моря.

Куфтерь - суконная ткань.

Ленные отношения - то же, что "феодалные отношения".

Лундыш - суконная ткань.

Набат - большой барабан.

Ногайская сторона - левый берег Дона.

Нурадын - третье лицо в Крыму, царевич - наследник престола, ближайший родственник хана.

Ослопы - палки, жерди, дубье.

Осьмина - мера веса; равна половине четверти (см.: Четь).

Охреян - отступник от православия.

Переволока - место сближения Волги с Доном.

Пищаль - тяжелое ружье или пушка.

Поречная - выдра, норка.

Приказы - органы центрального управления в России с XVI до начала XVII в.; в книге упомянуты приказы: Казанского дворца - ведал управлением Поволжьем с 60-х годов XVI в. до 1709 г., в 1670-1671 гг. через этот приказ правительство руководило подавлением Разинского восстания; Посольский - ведал сношениями с иностранными государствами и с некоторыми окраинными территориями России, существовал с 1549 по 1720 г.; Разрядный (Разряд) - ведал вопросами обороны, учетом и управлением служилыми людьми, назначением воевод, существовал с 1555 по 1711 г.

Пуд - мера веса; равен 40 большим гривенкам, или фунтам, равен 16,38 кг.

Рославское (рославльское) сукно - сорт дешевого сукна.

Румелия (Румелийская сторона) - от слова "Рим" - европейская часть Турции.

Старабат (Астрабад) - ныне город Горган в Иране, вблизи юго-восточного побережья Каспийского моря.

Тафта - тонкая глянцевиная шелковая или хлопчатобумажная ткань.

Тезики - персидские купцы.

Тюрки (тюркоязычные народы) - народы тюркской языковой группы алтайской языковой семьи. Из этих народов в книге упомянуты: татары, ногаи, турки, азербайджанцы; в средние века к тюркским народам относились, кроме того, хазары, печенег, половцы.

Уезд - административно-территориальная единица в России; в XVI в. управлялась наместниками, с XVII в. - воеводами.

Улус - родоплеменное объединение у тюркских и монгольских народов.

Учуг - частокол, тын поперек реки для непропуска и улова рыбы (особенно красной).

Ушкул (ушкуй) - большая плоскодонная ладья с парусом и веслами.

Чарка - мера жидких тел; примерно равна 100 г.

Чегень - бревна, лес (слово распространено в астраханском говоре).

Четь (четверть) - мера емкости сыпучих тел; равна 2 осьминам, 4 полуосьминам, 8 четверикам; на рубеже XVI-XVII вв. была равна 4 пудам, с 1624 г. - 6 пудам, с 1679 г. - 8 пудам.

Четь (четверть) - мера площади; равна половине десятины; по данным "Книги сошного письма 7137 (1629) года" казенная десятина была равна прямоугольнику размером 80 на 30 сажень, итого 2400 квадратных сажень; на частновладельческих землях употреблялась десятина размерами 80 на 40 сажень, итого 3200 квадратных сажень.

ней; реже употреблялась "круглая" десятина - 55 на 55 сажень, итого 3025 квадратных сажень; сажень равнялся 216 см; десятина была счетной единицей, чаще употреблялась четь (четверть); название меры площади связано с названием меры сыпучих тел, поскольку на эту площадь высевалась четь (четверть) зерновых культур.

Чилибуха - рвотный орех, небольшое дерево тропических лесов, дает орехи; применяется в качестве тонизирующего средства.

Юрт - казачье поселение со всеми землями и их населением; у турецких и у некоторых других народов - селение или целая область.

Ярыжный - пьяница, шатун, мошенник, беспутный.

Список сокращений.

ААЭ - Акты Археографической экспедиции.

АИ - Акты исторические.

АМГ - Акты Московского государства.

ГБЛ - Государственная Библиотека СССР им. В.И.Ленина.

ГИМ - Государственный исторический музей.

ДАИ - Дополнения к Актам историческим.

ДОВ - Донские областные ведомости (газета).

ИА - Исторический архив.

И.З. - Исторические записки.

Известия СКНЦ ВШ - Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы.

Л. - Ленинград.

ЛГПИ - Ленинградский гос. пед. институт им. А.И.Герцена.

ЛГУ - Ленинградский госуниверситет.

М. - Москва.

ПСРЛ - Полное собрание русских летописей.

РГАДА - Российский гос. архив древних актов (в Москве).

РИБ - Русская историческая библиотека.

Сб. РИО - Сборник Русского исторического общества.

СТГ и Д - Собрание государственных грамот и договоров.

СОВДСК - Сборник Области войска Донского статистического комитета.

СПб. - Санкт-Петербург.

ЦГАВМФ - Центральный гос. архив Военно-Морского Флота (в С.-Петербурге).

ЧМОИДР - Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

Карта N1. Городки донских казаков в конце XVI в.

Карта N2. Городки донских казаков во второй половине XVII в.

Карта N3. Побережье Османской империи и Крымского ханства, подвергавшееся нападениям со стороны донских казаков в XVI-XVII вв.

Пояснения к карте N2. Названия казачьих городков, обозначенных на карте под номерами.

1. Стыдное имя.

2. Черкасский.

3. Маньч.

4. Багай (Бугай).

5. Бесергенов.

6. Раздоры.

7. Семикаракоры.

8. Бабий.

9. Кагальник.

10. Троилин.

10а. Михалев.

11. Романовский.
12. Кумшак.
13. Цымла.
14. Терновые.
15. Курман Яр Нижний.
16. Курман Яр.
17. Зимовейко.
18. Есаулов.
19. Кобылий.
20. Нижний Чир.
21. Верхний Чир.
22. Пять Изб.
23. Голубые.
24. Паншин.
25. Качалин.
26. Иловля.
27. Сиротин.
28. Григорьевской Старый.
29. Кременной.
30. Клецкой.
31. Расопин.
32. Усть-Медведица.
33. Усть-Хопер.
34. Вешки.
35. Решетов.
36. Мигулин.
- 36а. Казанка.
37. Донецкий.
38. Букановский.
39. Остроуховский.
40. Кумьылга.
41. Слащов (Едолевский).
42. Зотовский.
43. Арженовский.
44. Бузулуцкий.
45. Акишевский.
46. Тишанский.
47. Бурацкий.
48. Правоторовский.
49. Луковкин.
50. Тепикин.
51. Бесплемянной.
52. Урюпин.
53. Котов.
54. Добрый.
55. Григорьевский.
56. Бубнов.
57. Пристань.
58. Глазунов.
59. Скуриха.
60. Кепной.
61. Арчедак.
62. Кобылей.
63. Карповской.
64. Етеры.
65. Раздоры.
66. Орлов.
67. Заполянский.
68. Каменский.
69. Гундоров.
70. Митякин.

71. Луганский.
72. Теплинский.
73. Айдарский.
74. Боровский.
75. Краснянский.
76. Сухарев.

На карте обозначены не все городки. Пропущены следующие существовавшие во второй половине XVII в. городки:

между номерами: 5-6 - Мелехов. 7-8 - Кочетов. 8-9 - Ведерников. 10а-11 - Нижней Каргала, Быстрянский, Каргала Верхней. 15-16 - Нагайкин (Нагавкин). 27-28 - Григорьевской Новой. 29-30 - Перекопской. 35-36 - Тишанской. 41-42 - Федосеевской. 51-52 - Левонтьевской. 56-57 - Беляев. Выше 67-го по реке Медведице: Малодель, Березовский, Черногай, Неврюевский, Бурлуцкий. 73-74 - Трехизбянский. Сведения о городках по реке Бузулук относятся к концу XVII в. Это (снизу вверх) городки: Алексеевский, Осинов, Ямнов, Карповский, Мартыновский, Дурной, Ярыгин, Черновский, Березовский, Филоновский, Дарьинский, Милсяпин, Высоцкий, Островский, Казарин. К Черкасскому городку относились в 1672 г. лежавшие ниже него по Дону городки Дурной и Скородум. К концу XVII в. Черкасский состоял из следующих станиц: Черкасской, Средней, Прибылой, Павловской, Дурновской, Скородумовской, Верхней, Средней и Нижней Рыковских, Тютеревой (татарское селение, где проживали донские казаки-татары) и загородного казачьего селения. Городок Стыдное Имя последний раз упоминался под 1648 г. под названием Бодок. Возможно, существовало небольшое казачье поселение у впадения в Дон Аксая (упомянуто в 1674 г.).